

МОСКВА КРЕМЛЬ ВЛАСТЬ

РУДОЛЬФ ПИХОУ
МОСКВА. КРЕМЛЬ
ВЛАСТЬ

ВЕ ИСТОРИИ ОДНОЙ СТРАНЫ
ОССИЯ НА ИЗЛОМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ДВЕ ИСТОРИИ
ОДНОЙ СТРАНЫ
РОССИЯ
НА ИЗЛОМЕ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

ПЗ6

Серия «Новейшая история. Особый взгляд»
основана в 2006 году

Подписано в печать 25.09.06. Формат 84x108¹/₃₂.

Усл. печ. л. 29,4. Тираж 4000 экз. Заказ № 5384.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г

Пихоя, Р.Г.

ПЗ6 Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005 / Рудольф Пихоя. — М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. — 554, [6] с. — (Новейшая история. Особый взгляд).

ISBN 5-17-041086-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-15660-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9648-0110-2 (ООО ИД «Русь»-«Олимп»)

Рудольф Пихоя — в 1990—1995 гг. руководитель Государственной архивной службы России, Главный государственный архивист; с 1997 г. — заведующий кафедрой истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Его книга — первое в отечественной исторической науке исследование власти в СССР в период 1985—2005 гг., когда произошел кризис и гибель сверхдержавы, когда складывалась новая Россия, ее политический и социально-экономический строй. В книге впервые исследована роль групповых противоречий внутри правящей элиты в СССР и их влияние на политическое развитие страны. Особый интерес для читателя представляют проведенный автором анализ причин распада СССР, а также проблемы развития России в 1992—2005 гг. — прежде всего, проблемы острейшего конституционного кризиса и борьбы между советской и президентской моделями будущей власти, которая привела к кровавым столкновениям в октябре 1993 г.

Книга подготовлена на основе архивных материалов, документов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, Министерства иностранных дел, Верховного Совета РФ, других документальных источников, отражающих деятельность высших органов власти. Абсолютное большинство документов впервые введены автором в научный оборот.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

ISBN 5-17-041086-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-15660-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9648-0110-2 (ООО ИД «Русь»-«Олимп»)

© ООО ИД «Русь»-«Олимп», 2006

© Оформление. ООО «Издательство Астрель», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

История первая ЗАКАТ ИМПЕРИИ

Очерк 1. Ускорение... куда? (1985—1987) 13

Горбачев — ход наверх. — Экономика, или Как жила страна и люди. — Поездка в Ленинград. — «Ускорение» — как первый этап перестройки (1985—1986 гг.). — Борьба с пьянством и бюджетом. — Продолжение репрессий. — Разрыв традиций. — Команда Горбачева. — Новая расстановка сил в Кремле. — Шеварднадзе — генерал МВД — министр иностранных дел СССР. — Ельцин. — Первый секретарь МГК КПСС. — «Люди говорили о том, что линия партии на перестройку поддерживается, решения принимаются правильные, но до низу не всегда они доходят». — XXVII съезд КПСС. — Чернобыльская трагедия. — Куда идем? Дискуссия на Политбюро. — На пути к самострелу номенклатуры. — Точка поворота, или Начало конца.

Очерк 2. От управляемой демократизации
до неуправляемой демократии (1987—1989) 79

Первый звонок. — Страна непредсказуемого прошлого, или Какой социализм у нас был. — Манифест Нины Андреевой. — Аэропорт назначения — Красная площадь. — Приходы и расходы. — Где быть демонстрациям. — Письмо Ельцина Горбачеву. — Скандал на пленуме. — Национальные дела. — Нагорный Карабах. — «...вплоть до отделения». — Накануне XIX Всесоюзной партийной конференции. — Как нам реорганизовать Советскую власть? — Кризис системы управления. — Ускорение политических реформ. — Выборы народных депутатов СССР. — Первый съезд народных депутатов СССР. — Обострение экономического кризиса в стране.

Очерк 3. Российский фактор 152

Российские выборы. — Расстановка политических сил в первой половине 1990 г. — Политбюро ЦК КПСС подводило итоги выборов. — Как вводили должность Президента СССР. — Учреждение компартии

РСФСР. — Подготовка к российскому съезду народных депутатов. — Политическая борьба на I съезде народных депутатов РСФСР. Выборы Председателя Верховного Совета РСФСР. — Поиски путей согласия. — Декларация о государственном суверенитете России.

Очерк 4 Чей суверенитет сувереннее. Война законов 194

Формирование правительства, подотчетного съезду и Верховному Совету РСФСР. — Судьба программы «500 дней» и экономическая политика законодательной власти РСФСР в 1990 — начале 1991 г. — Программа «500 дней» От надежды до разочарования. — Осенние маневры, или Десантники на картошке. — Конфликт Верховных Советов России и СССР. — На путях создания экономического суверенитета.

Очерк 5. Горбачев: поиски путей сохранения СССР 239

Новые изменения команды Горбачева. Курс — на укрепление позиций Президента СССР. — Признаки надвигавшегося дефолта. Проблемы «фирм друзей». — Партийная приватизация. — Войска на улицах. Вильнюс. — Подготовка референдума о сохранении СССР. — Восстание заместителей. — Как не приняли новую Конституцию России. — Дорога в Ново-Огарево. — Выборы Президента России.

Очерк 6. Путч. Самоликвидация органов власти СССР 293

Обострение кризиса в союзном руководстве. Борьба вокруг проекта Союзного договора. — Репетиция. — Последний пленум. — Августовский путч. Подготовка. — Место действия — Форос. — Место действия — Кремль. — В Белом доме и вокруг него. — Грачев и Лебедь: искусство самозащиты. — Право против путча. — Баррикады. — 20 августа. — ЦК КПСС и путч. — Подготовка к штурму Белого дома и ее провал. — Трагедия в тоннеле Калининского проспекта. — Облом. — Снова Форос. — Власть после путча. — Крах КПСС. — Смертельная рана Союзу ССР. — Чечня: пролог трагедии. — Начало воссоздания государственности России. — От Ново-Огаревского процесса до Беловежской Пуши.

Очерк 7. Почему распался Советский Союз? 372

Что такое Советская власть? — Советский федерализм и новая историческая общность — советский человек. — Общепризнанная собственность. — КПСС как ядро политической системы. — Нарастание кризиса, или Попытки реформировать нерепформируемое. «Развитой социализм» и кризис веры. — Экономический кризис. — «Новое мышление» как невозможность проводить прежнюю внешнюю политику. — Политический «самострел», или Реформа политической системы. — «Вся власть Советам», а не КПСС. — Беловежская Пуца: начало или конец распада Советского Союза

История вторая
РОССИЯ В ПОИСКАХ СЕБЯ

Очерк 1. На путях рыночной экономики	395
<i>Отпуск цен. — «О свободе торговли». — Реформы и заводы.</i>	
Очерк 2. Президент и Советская власть: кто кого? Политико- конституционный кризис 1992—1993 гг.	407
<i>«Дело КПСС». Президент и Верховный Совет: по пути конфликта. — VII съезд: первая схватка. — Второе действие. Несостоявшийся импичмент. — Как принять Конституцию. — Третье действие. — Утечка. — Указ 1400. — Последний съезд Советов. — Опасное затишье. — Оружие в Белом доме и «третья сила». — Кровь. — «Реформы сверху». — Выборы в Федеральное собрание. — Новая Конституция России.</i>	
Очерк 3. Усталая Россия (1994—1999)	484
<i>Политика для политиков. — Экономика и жизнь. — Приватизация. — Выборы. Новые люди во власти. — 1998 год на качелях экономики. — Дефолт. — Операция «наследник».</i>	
Очерк 4. Газуем по вертикали	510
<i>Строительство вертикали. — «Равноудаленные олигархи». — Полный газ! — Общество и власть.</i>	
Заключение	528

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы, граждане России, родившиеся в СССР, стали свидетелями и участниками драматических событий, изменивших нашу Родину. Поменялись государственные границы и формы собственности, организация власти и условия торговли, словом, все — от флагов и гербов на общественно значимых объектах до автомобилей на улицах.

Невозможное стало возможным. Слова сатирика — «завтра, по делам, в Париж» — уже не вызывают веселого оживления в зале, профсоюзы не устанавливают очереди на приобретение холодильников и легковушек, но стали печально привычными сообщения об очередном террористическом акте, обстреле и взрыве...

Обычное стало недостижимым. Бесплатное высшее образование и хлеб по 18 копеек, плата за жилплощадь, равная цене нескольких обедов в рабочей столовке, и вызов «скорой» без оглядки на наличие страхового полиса.

Жизнь просто стала другой.

А страна — Россия — осталась. И мы остались. Старые, и не очень, граждане, прежде — советские, ныне — российские.

Что, как и почему произошло со страной?

Позволю представить вам, уважаемый читатель, свои размышления, свое стремление найти ответы на эти вопросы. Меньше всего я претендую на понимание всего, что случилось в истории последних двадцати лет — от начала перестройки, от попыток насаждения «управляемой демократизации» до перехода к «неуправляемой демократии». В этой книге изложено мнение свидетеля и участника событий, профессионального историка, пытающегося применить методы исторической науки к анализу событий, которые еще и не перешли в раздел истории, процессов, отнюдь не завер-

шившихся и существующих в своем неоднозначном и противоречивом развитии.

Историки, да простят меня собратья по профессиональному цеху, сродни патологоанатомам — чаще всего им приходится исследовать жизнь их объекта тогда, когда она завершилась, исход очевиден в своей бесспорности, и можно уже изучать, почему все закончилось именно так. Слава богу, объект настоящего изучения жив и здоров, растет и болеет, набирается сил и растрчивает возможности. Он нормален. Поэтому он существует во всей своей противоречивой реальности. Это бесконечно осложняет работу историка и радует как гражданина.

Три предварительных замечания, которые, полагаю, необходимы.

Первое. Почему книга называется именно так — «Две истории одной страны». Потому что это история двух государств — Союза Советских Социалистических Республик времени его заката и Российской Федерации — нового этапа истории отечественной государственности. Не следует обольщаться идеями правопреемственности России и СССР. То, что годится (да и то не всегда) в качестве формулы международного права, мало соответствует социально-экономическим и политическим реалиям этих двух государств. «Союз нерушимый республик свободных», которые «сплотила» и, как выяснилось, не «навек» Великая Русь, перестал существовать, чтобы дать жизнь пятнадцати странам, выросшим в его недрах. Одним из этих государств стала Российская Федерация.

Советский Союз и Российскую Федерацию отличают разные социальные организации, формы собственности, условия жизни и быта их граждан. Их объединяют взаимное прошлое, культура, традиции, наконец — мы с вами, жившими и живущими в стране, поменявшей вектор своего развития.

Итак — две истории одной страны. Отсюда название.

Второе. Это история государства, история по преимуществу политическая. Политика связана с экономикой сложными отношениями, и простое объяснение, что она, политика, есть «концентрированное выражение экономики», не всегда срабатывает. Именно политические соображения нередко меняют ход экономических процессов, — напомним хотя бы разрушительные следствия «антиалкогольной кампании» для государственного бюджета или продолжающиеся волны приватизации. Это вовсе не умаляет того факта, что «по одежке протягивать ножки» приходится не только

людям, но и стране, и колебания цен на нефть способны породить политические следствия, на первый взгляд далекие от биржевых сводок.

Политическая история — это то, что ближе всего и, как кажется, понятнее для современников. Поэтому сейчас перед вами — политическая история.

Третье. Запланированным результатом революции всегда было расширение доступа к документам власти, которая уходит в историческое прошлое. Не стала исключением Россия начала 90-х гг. XX в. Благодаря этому мы можем детально и документально исследовать кризис власти СССР. Но с другой стороны, в 90-гг. XX в. и в начале века XXI положение меняется: круг источников «родом из власти» сократился. Можно сетовать, но это — нормально для восстанавливающейся государственности. Поэтому стало меньше документов, отражающих личные, субъективные подходы представителей власти, но больше — экономической статистики, данных социологических исследований.

История первая
ЗАКАТ ИМПЕРИИ

Очерк I

УСКОРЕНИЕ... КУДА?

1985—1987

Горбачев — ход наверх. — Экономика, или Как жила страна и люди. — Поездка в Ленинград. — «Ускорение» — как первый этап перестройки (1985—1986 гг.). — Борьба с пьянством и бюджетом. — Продолжение репрессий. — Разрыв традиций. — Команда Горбачева. — Новая расстановка сил в Кремле. — Шеварднадзе — генерал МВД — министр иностранных дел СССР. — Ельцин. — Первый секретарь МГК КПСС. — «Люди говорили о том, что линия партии на перестройку поддерживается, решения принимаются правильные, но до низу не всегда они доходят». — XXVII съезд КПСС. — Чернобыльская трагедия. — Куда идем? Дискуссия на Политбюро. — На пути к самострелу номенклатуры. — Точка поворота, или Начало конца.

Горбачев — ход наверх. 10 марта 1985 г. в 19 часов 20 минут умер Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко. Смерть тяжелобольного человека была ожидаемой. Уже вечером того же дня, почти ночью, собрались члены Политбюро. Это не было официальным заседанием. Официальное было назначено на 14 часов следующего дня. Поздним вечером 10 марта происходило более важное и поэтому более тайное собрание: решали, кому стать Генеральным секретарем, по партийному жаргону — «подрабатывали кандидатуру».

Некоторые важные подробности вечернего заседания описал в своих мемуарах М. С. Горбачев. Он рассказал, что до начала заседания состоялась его встреча «с глазу на глаз» с А. А. Громыко, на которой, по словам Горбачева, они договорились, «что... сейчас должны взаимодействовать»¹.

Горбачев проговорился. За этими словами скрывалась тщательно подготовленная и осуществленная операция, целью которой

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. I. М., 1995. С. 264.

было дать Горбачеву высший пост в иерархии власти СССР. Ключевая роль в ней отводилась министру иностранных дел, члену Политбюро Андрею Андреевичу Громыко. Именно Громыко был лидером поредевшего строя стариков в Политбюро. Прежде он весьма осторожно, если не сказать — настороженно, относился к секретарю ЦК из Ставрополя. Однако в 1984 — начале 1985 гг. были предприняты усилия по установлению связей между двумя лидерами. Контакты устанавливались по линии Министерства иностранных дел, Комитета государственной безопасности и людей, близких и Горбачеву, и Громыко. «Мосты» между ними наводили сын Громыко, Анатолий, работавший директором Института Африки АН СССР, тогдашний директор Института востоковедения АН СССР Е. М. Примаков и недавний посол в Канаде, ставший директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. Н. Яковлев. За двумя последними стоял заместитель председателя КГБ В. Крючков. Пожалуй, это был единственный случай в истории советской Академии наук, когда трем директорам институтов пришлось непосредственно повлиять на политическое развитие страны. В дальнейшем контакты осуществлялись напрямую через А. Н. Яковлева и Анатолия Громыко.

Именно в ходе этих предварительных переговоров сложились взаимные обязательства: Громыко поддержит Горбачева в качестве кандидата в Генеральные секретари; Горбачев после победы предложит Громыко пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР — формально — высший государственный пост в стране, пост руководителя законодательной власти в СССР. Эту должность, как правило, занимали Генеральные секретари¹.

На вечернем совещании Политбюро, в день смерти Черненко, первый секретарь Московского горкома, семидесятилетний В. В. Гришин, которого московская молва прочила в Генеральные секретари, неожиданно для окружающих предложил назначить председателем комиссии по организации похорон Черненко Горбачева. По советской политической традиции это означало, что именно Горбачев будет назван следующим Генеральным секретарем. Этот шаг Гришина навстречу Горбачеву означал, что борьбы вокруг выборов Генерального секретаря не будет.

¹ Краткие упоминания об этих переговорах, впрочем, без указаний на их существо, содержатся в мемуарах Горбачева. См.: *Горбачев М. С. Жизнь и реформы*. Кн. 1. С. 266—267. Более подробные сведения сообщил А. Н. Яковлев. Выражаем благодарность за помощь в понимании этого важного эпизода отечественной истории.

Распространявшиеся и тиражировавшиеся позже в исторических исследованиях многочисленные слухи о якобы острой борьбе в Политбюро, о голосовании, разделившем его членов едва ли не на два противостоявших лагеря, — это дань публицистике и беллетристике, не соответствовавшей реально сложившейся обстановке в стране и в высшем политическом руководстве¹. Впрочем, повод для таких слухов дал Е. К. Лигачев, который, выступая на XIX партийной конференции летом 1988 г., утверждал, что «надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность». Реальная опасность в трактовке Лигачева — это сохранение геронтократии в Политбюро, реальная угроза избрания Генеральным секретарем руководителя московской партийной организации В. В. Гришина.

С Лигачевым решительно полемизирует Н. И. Рыжков. «А я и сейчас абсолютно убежден: никаких других решений и быть не могло, никакой реальной опасности не существовало! — писал он в своих мемуарах. — ...Победа Горбачева не была спонтанной. Нет, это была четко подготовленная акция, которая имела две мощные опоры. Во-первых, уже весьма значительное влияние новых партийных кадров в краях и областях. Достаточно сказать, что начиная с 1983 года в течение нескольких лет было заменено около 90% секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик. И это была здравомыслящая часть брежневской «гвардии». Во-вторых, вера в ожидаемые экономические реформы, понимание необходимости перехода к современному хозяйственному мышлению...»²

Н. И. Рыжков отмечает, что значительный объем подготовительной работы, начавшейся за несколько лет до официального назначения Горбачева на пост первого человека партии, проделал именно Лигачев в качестве руководителя Отдела оргпартрabоты ЦК. Он работал с партийным аппаратом, с секретарями обкомов. У Горбачева, в их глазах, были несомненные достоинства: он был свой — плоть от плоти номенклатуры, начинавший свою работу «на комсомоле», прошедший по многим ступенькам аппарата — от местного комсомола до горкома и обкома партии, а затем и до Секретариата ЦК КПСС и Политбюро. В Москве Горбачев тоже не был новичком. С 1983 г. он занимал 2—3 места в партийном руко-

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 265.

² В качестве примера см.: Геллер М. История России. Седьмой секретарь. М., 1996. Кн. 3. С. 11—18.

водстве страны, что позволяло ему влиять на расстановку кадров, создавать свою «команду» в руководстве страны, и, наконец, все это, вместе взятое, сочеталось с его возрастом: 54 года для члена Политбюро — просто юношеский возраст! Ко всему прочему это давало надежду на определенную стабильность в будущем, надежду на то, что начинавшаяся «эра Горбачева» будет долгой и его выдвиженцы прочно войдут в политическую элиту страны.

Эти настроения был вынужден учитывать и партийный аппарат. Вспоминая об обстоятельствах выборов Горбачева на пост Генерального секретаря, В. Болдин, тогда помощник Горбачева, — пишет: «А в это время в зале пленумов собираются члены ЦК... Настроение у большинства членов ЦК однозначное — невозможно больше избирать престарелых лидеров. В партийных организациях это не поймут, а придет время — и спросят. Нельзя избирать генсеков-однодневок, которые не в силах работать, — нужны твердые, решительные руководители»¹.

Накануне пленума состоялось заседание Политбюро. Сохранилась так называемая рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС² от 11 марта 1985 г., зафиксировавшая подробности официального выдвижения М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК партии.

Если заглянуть в «тайная тайных» — «рабочую запись», можно узнать, как происходило назначение Горбачева.

Заседание началось с информации министра здравоохранения Чазова о медицинском заключении о смерти Черненко. Следом за ним выступил Горбачев, который вел это заседание Политбюро: «Болезнь у него (Черненко. — *Р. П.*) действительно была тяжелая.

¹ Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 88.

² Рабочие записи заседаний Политбюро ЦК КПСС — выработанный в Общем отделе ЦК КПСС способ фиксировать содержание заседаний Политбюро. Велись с 1966 г. Отличались от стенографических записей тем, что первоначально их вел заведующий Общим отделом ЦК КПСС, позже — сотрудники аппарата Общего отдела. В них фиксировались важнейшие выступления и договоренности, достигнутые на заседаниях Политбюро или во время важных встреч членов и кандидатов в члены Политбюро, когда решались политические проблемы. К 1980-м гг. рабочие записи все более приобретали характер стенографических записей, заверенных подписью заведующего Общим отделом ЦК КПСС. Относились к числу документов высшей секретности. Официально считалось, что велись в единственном экземпляре.

Мы сами это видели. Врачи, конечно, старались помочь больному, но болезнь была настолько тяжелой, что терапевтические меры, предпринимавшиеся врачами, не привели к положительному результату. Очень тяжело сознавать, что среди нас нет Константина Устиновича. Но жизнь идет, ничего не поделаешь. Мы собрались сегодня для того, чтобы решить вопросы, связанные с похоронами Константина Устиновича, с кадровыми делами и созывом внеочередного Пленума ЦК КПСС...

С учетом того, что на заседании присутствуют все члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, все секретари ЦК КПСС, за исключением т. Щербицкого, который сейчас находится в пути, нам необходимо прежде всего решить вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Прошу товарищей высказаться по этому вопросу»¹.

Сразу же за Горбачевым начал говорить Громыко. Его выступление было неожиданным для Лигачева, в чем он сам и признавался в своих мемуарах. Его, судя по этому замечанию, просто не допустили к секретным переговорам между «командами» Громыко и Горбачева. Вместе с тем выступление министра иностранных дел и старожила Политбюро стало ключевым для всего хода обсуждения. Прочитируем далее «рабочую запись» заседания Политбюро.

«Громыко. Конечно, все мы очень удручены уходом из жизни Константина Устиновича Черненко. Но какие бы чувства нас ни охватывали, мы должны смотреть в будущее и ни на йоту нас не должен покидать исторический оптимизм, вера в правоту нашей теории и практики.

Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор. Все мы Михаила Сергеевича хорошо знаем. Семь лет мы работаем с ним вместе. Я помню, как Л. И. Брежнев интересовался моим мнением и мнением других товарищей, когда речь шла о переводе М. С. Горбачева на работу в Москву. Я не сомневаюсь, что все мы тогда правильно поддержали это предложение.

Какие черты прежде всего бросаются в глаза, когда оцениваешь кандидатуру Михаила Сергеевича?

¹ На заседании не было и другого члена Политбюро — первого секретаря ЦК компартии Казахстана Кунаева, прибывшего в Москву позже, уже непосредственно на пленум ЦК. — Там же. С. 74—75.

Первое — это его неукротимая творческая энергия, стремление сделать больше и сделать лучше.

Второе. Это отношение к людям. Ведь чем выше стоит человек, тем большую роль играет его умение налаживать отношения с людьми, отношения принципиальные и требовательные. Я никогда не слышал о том, что у Михаила Сергеевича превалируют взгляды личного свойства. Нет, у него всегда на первом плане интересы партии, интересы общества, интересы народа.

Третье. М. С. Горбачев обладает большим опытом партийной работы. Это опыт работы в крае, а также в центре. Он работал секретарем ЦК, был кандидатом в члены Политбюро и, наконец, членом Политбюро. Он вел заседания Секретариата, а затем Политбюро в отсутствие Константина Устиновича. Для такой работы надо иметь не только знания, но и выдержку, партийность. Это очень ценное качество...

Я не претендую на то, что я упомянул о всех качествах Михаила Сергеевича. Но думаю, что мы, не колеблясь, можем сказать, что не ошибемся, если изберем его Генеральным секретарем ЦК КПСС. Хочу еще раз подчеркнуть, что он обладает большими знаниями, значительным опытом, но этот опыт должен быть помножен и на наш опыт. И мы обещаем оказывать новому Генеральному секретарю ЦК КПСС всевозможное содействие и помощь. На это содействие и помощь Вы, Михаил Сергеевич, можете полностью рассчитывать».

Выступление Громыко однозначно определило ход обсуждения. Громыко — ветеран в партийном руководстве, к мнению которого был вынужден прислушиваться в недавнем прошлом сам Брежнев, он был и несомненным лидером среди старожиллов в Политбюро. Его поддержка означала, что они поддержали выдвижение Горбачева на высший пост в партии, что между ними и Горбачевым предварительно был достигнут компромисс.

Подтверждением этому может служить последовавшая далее речь В. В. Гришина, считавшегося основным соперником Горбачеву. Гришин поддержал предложение Громыко и тем самым «подвел черту» под спором за власть, признав безоговорочную победу Горбачева.

Дальше началось соревнование в комплиментах. Г. А. Алиев напоминал об «огромном опыте», накопленном Горбачевым в Ставрополе и Москве, что Михаил Сергеевич «вырос в большого политического деятеля, деятеля крупного масштаба. Он хорошо знает экономику и внутреннюю политику, проявляет осведомленность

во многих областях хозяйственной и социальной жизни... Михаил Сергеевич — прост, скромн, доступен».

Г. В. Романов, в прошлом — первый секретарь Ленинградского обкома, переведенный в 1983 г. в Москву на пост секретаря ЦК КПСС, указывал, что Горбачев «очень быстро разобрался во многих сложнейших вопросах научно-технического прогресса. Причем не только разобрался, но и начал нащупывать пути решения многих проблем, связанных с внедрением научно-технических достижений в производство».

Председатель Совмина РСФСР В. И. Воротников постарался придать обсуждению «человеческое измерение»: «Почему в приемной М. С. Горбачева всегда полно людей? — задавал он вопрос. — Да потому, что он умеет их выслушать и хочет им помочь. В то же время это не добренький руководитель. Он умеет и спросить с человека, умеет потребовать. А это, как вы сами понимаете, для нашей огромной страны весьма важное качество».

Ветеран идеологической войны секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев отмечал высокую теоретическую подготовку Горбачева, его идейную выдержанность. «Я лично убедился, — говорил Пономарев, — что он глубоко владеет марксистско-ленинской теорией, умеет разбираться в самых сложных программных вопросах... За последние три года мы потеряли трех генеральных секретарей: Леонида Ильича Брежнева, Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко. Но сила нашей партии в том, что мы идем вперед, что мы сплочены, что никакие потери не могут поколебать единства коммунистов нашей страны».

Председатель КГБ СССР Чебриков многозначительно заметил, что перед своим выступлением он посоветовался со своими товарищами по работе, и чекисты полностью поддерживают выдвижение М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря.

Первый секретарь ЦК компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе привычно произнес панегирик в адрес нового Генерального секретаря, расхвалив его не хуже, чем хвалил в недавнем прошлом Л. И. Брежнева.

Министр культуры П. Н. Демичев обратил внимание на то, что «Михаила Сергеевича Горбачева хорошо знают в нашей стране. Его неплохо знают и за границей. О том, что он умеет работать за рубежом, убедительно показали его поездки в Англию, Канаду, в Народную Республику Болгарию. ...Это обаятельный человек. Ведь не секрет, что после смерти Ю. В. Андропова он занимался всеми вопросами Центрального Комитета, но особенно много сделал в

области развития нашего агропромышленного комплекса. Без преувеличения можно сказать, что к нему потянулись наши ученые, творческая интеллигенция, писатели...»

Поддержку Горбачеву оказали и «новые люди» в политическом руководстве. Лигачев обращал внимание на то, что «Михаил Сергеевич Горбачев, несомненно, обладает всеми чертами крупного политического деятеля. Причем у него в запасе еще очень много интеллектуальных и физических сил»; Рыжков обещал: «мы, Михаил Сергеевич, будем всегда Вашими верными помощниками».

В заключительном слове Горбачев благодарил за единство в Политбюро, указывал, что «мы переживаем очень сложное переломное время. Нашей экономике нужен большой динамизм. Этот динамизм нужен нашей демократии, развитию нашей внешней политики». Вместе с тем он заявил, что *«нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, видеть наше светлое будущее* (выделено мной. — Р. П.)»¹.

Ход обсуждения свидетельствовал, что компромисс был достигнут. Пленуму ЦК КПСС оставалось только поддержать решение Политбюро, что и было сделано.

Экономика, или Как жила страна и люди. «Нам не нужно менять политику...» Слова Горбачева невольно заставляют вспомнить понятие: оговорка по Фрейду. Жизнь в начале 1980-х гг. стала тяжелее. Это было очевидно абсолютному большинству граждан страны. Товарное наполнение рубля с каждым годом снижалось, масса свободных денег увеличивалась. Если в начале 1970-х гг. «дефицитными» товарами были в основном предметы длительного пользования, импортные товары, то на рубеже 1970—1980-х гг. дефицит затронул практически всю сферу товаров и услуг. Неотъемлемой частью повседневной жизни в годы «застоя» были постоянные очереди. Необеспеченность денежной массы товарами вела к росту цен и появлению теневой экономики.

С другой стороны, уравнительный характер заработной платы подрывал материальные стимулы к труду, к повышению квалифи-

¹ «Нам не нужно менять политику...» — заявил М. С. Горбачев при выдвижении его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Публ. А. Чернева // Источник. 1991. № 0. С. 34—75.

кации и образования. Если в 1950-е гг. квалифицированный рабочий получал в 3—4 раза больше неквалифицированного, то к середине 1980-х гг. разница практически нивелировалась. Зарплата начинающего инженера была ниже зарплаты рабочего. *Сложный и квалифицированный труд постепенно терял свой престиж.* Система организации труда в целом оказалась в глубоком кризисе, который требовал серьезных системных изменений.

В магазинах пропадали товары. Их не покупали, а «доставали». Товары стали «дефицитом». Доставали обувь и торты, рубашки и книги, автомобили и стиральный порошок, телевизоры, лекарства и бритвенные лезвия — все это создавало унылый фон обыденной жизни. О том, как искали мебель или гараж для автомобиля, снимали фильмы, где комедийный фон лишь подчеркивал беду человеческого неустройства.

Если «достать» товары — трудно, то при первой возможности их закупают впрок¹. Дефицит страшен для экономики и повседневной жизни людей тем, что он запускает механизмы стихийного самообеспечения, ажиотажного спроса. Люди расхватывали, сметая с полок, то, что «выбрасывали» в магазинах: стиральный порошок и зубную пасту, обувь и туалетную бумагу, колбасу и консервы. Колбасные электрички шли из Москвы в Рязань, Тулу, Калинин... Дефицит в распределительной экономике — это как огонь на лесном складе. Зная, что товар может надолго исчезнуть, покупатели стремились запастись им впрок, на будущее. Плановая система распределения товаров не могла справиться с этим экономическим бедствием.

Кризисные явления системы распределения порождали альтернативные пути обеспечения населения.

Какие? Во-первых, доведение планового распределения до его логического конца — до введения карточной системы. В городах и областях страны по инициативе местных властей были введены талоны на покупку мяса, масла. Три-четыре раза в год — накануне праздников — жителям гарантировалась возможность приобретения по одному килограмму мяса на человека, «красному килограмму», как невесело шутили в конце 1970-х гг.

Второй вариант — это подсобные хозяйства, которые создавались при промышленных предприятиях. Подсобные хозяйства родом из военного времени — именно тогда заводы должны

¹ Обычная шутка того времени — в магазинах ничего нет, а все домашние холодильники — полные.

были заниматься самоснабжением, находить возможности пополнить скудный военный паек. И вновь подсобные хозяйства должны были снабжать работников своей фабрики или завода овощами, свининой, яйцами, зеленью. Эти сельскохозяйственные предприятия считались цехом завода, расходы на их содержание ложились на бюджет предприятий, повышали себестоимость продукции. Тем не менее при важности подсобных хозяйств для рабочих и служащих определенного предприятия они не могли повлиять на обеспечение продуктами питания всех граждан страны.

Наконец — самоснабжение. Все города и городки обстраивались «садовыми товариществами», с крошечными участками, по 4—6 соток, земли, где умудрялись выращивать немного картошки и овощей, огурцы и помидоры, клубнику и смородину, которые заготавливали впрок, на год вперед в соленом, вареном и любом ином пригодном для хранения виде. Но и тут было непросто. Власть тщательно следила, чтобы эти участки земли с домиками, не дай бог, не стали источниками «извлечения нетрудовых доходов». Дачное строительство было «притчей во языцех». Материалы для строительства просто так купить было нельзя. А если их добывали, то тщательно, многими годами сохраняли все счета, все документы, по которым покупали кирпич и цемент, бревна и доски, чтобы отбиться от возможных и почти неизбежных вопросов бесчисленных проверяющих — «Где взял?».

А как же государство?

Кризис сельского хозяйства, опередивший общий экономический кризис в стране, вынудил политическое руководство страны закупать продовольствие за рубежом. Для этой цели расходовались запасы золота и валютные ресурсы страны (см. табл. 1).

Табл. 1. Сведения об использовании золотого запаса страны на закупку продовольствия (в тоннах)

Годы	Общее количество	Экспорт	В т. ч. на закупку продовольствия
1976	1001,4	362,8	362,8
1977	774,4	390,0	390,0
1978	498,0	412,0	Данных нет
1979	510,0	168,0	158,0
1980	502,0	156,0	156,0
1981	452,0	286,0	Данных нет
1982	576,0	30,0	30,0

В разные годы приобретали зерна от 6,8% в 1974 г. до 41,4% в 1981 г. от общего количества хлеба, производимого в стране. В 1971—1975 гг. на закупки зерна и продовольствия было затрачено 1251,8 тонн золота. Хлеб закупали, по большей части, в США и Канаде. Это было в основном фуражное зерно, шедшее на откорм скота, в особенности в крупных сельскохозяйственных комплексах.

М. С. Горбачев, в бытность секретарем ЦК, отвечавшим за сельское хозяйство, предложил «рецепт» оздоровления аграрной сферы под именем «Продовольственной программы», принятой в 1982 г. Суть ее состояла в «комплексном» использовании всего арсенала административно-бюрократических мер для создания «продовольственного изобилия» в стране к 1990 г. Подразумевалось, что обеспечить существенный прорыв можно будет через установление производственных связей между производителями сельскохозяйственной продукции — колхозами и совхозами — и инфраструктурой — предприятиями пищевой промышленности, торговыми, строительными и транспортными организациями.

Все производство продуктов предлагалось замкнуть в единый государственный агропромышленный комплекс — АПК или Агрпропром. На региональном уровне в АПК объединялись все предприятия, связанные с производством сельскохозяйственной продукции и ее переработкой, с производством удобрений, сельхозтехники и пр. Создавались соответствующие структуры агропромышленных объединений (АПО). Госагрпропром СССР вобрал функции 5 союзных министерств, новая «аграрная бюрократия» распоряжалась небывалыми финансовыми ресурсами. Однако чудес не произошло. По данным Госкомстата, бюрократические изменения отнюдь не привели к рывку в развитии сельского хозяйства.

Статистика свидетельствует о диспропорциях в развитии экономики (см. табл. 2).

Табл. 2. Динамика отдельных социально-экономических показателей в 1966—1985 гг. (стоимостные показатели в сопоставимых ценах; в среднем за год; в процентах)

	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1985
Промышленное производство	108,3	107,3	104,1	103,3
Продукция сельского хозяйства	103,7	101,7	101,0	101,0
Продукция растениеводства	103,9	100,1	100,7	100,4

Нетрудно увидеть, что темпы роста промышленности хотя и замедлялись, но были несомненно выше, чем в сельском хозяйстве, где можно говорить скорее о зastoе, чем о росте. Но и в промышленности становилось неладно. Росли объемы незавершенного строительства. Инвестиции в промышленность вязли в неэффективном хозяйственном механизме. Памятниками бесхозяйственности стали строившийся и так и не построенный Чебоксарский завод тяжелых тракторов, проект «поворота северных рек», приведшие к многомиллиардным расходам.

Где и был рост — так это в развитии топливного, нефтегазового комплекса (см. табл. 3).

Табл. 3. Добыча нефти, включая газовый конденсат, по регионам Российской Федерации (тысяч тонн)

	1970	1975	1980
Российская Федерация	284 753	411 325	546 729

Нефть и газ становились важнейшим источником доходов для казны, ресурсом власти в возможности осуществления своей активной политики, развития промышленности, строительства кораблей океанского флота и укрепления ракетно-ядерного потенциала страны, поддержания науки, субвенций — финансовых вливаний в бюджеты союзных республик, сохранения социальных программ в области образования, здравоохранения, о которых с тоской многие сограждане вспоминают сейчас. Нефть превращалась в «палочку-выручалочку» власти. Возможность получить валюту с относительно небольшими затратами стала великолепным прибавлением к прежним источникам пополнения казны посредством сбора налогов с оборота, внешней торговли... Если быть последовательным в моих рассуждениях об источниках властных ресурсов, то нефть как источник доходов сменила русского мужика, который веками обеспечивал власть солдатами, бессчетными работными людьми, строившими города, дороги, заводы — от казенной промышленности XVIII в. до «гигантов индустрии» 1930-х гг.

Казалось, что удача шла в руки власти. В 1972 г. цена сырой нефти составляла около 3 долларов за баррель, а к концу 1974 г. она повысилась в 4 раза — до 12 долларов из-за военных действий на Ближнем Востоке. События в Иране и Ираке вызвали новый

ниток роста цен на нефть в 1979 и 1980 гг. Они взлетели до 32 долларов за баррель к 1982 г. (Другое дело, что цена на нефть могла и летать столь же неожиданно, как и падать, но о неприятностях в будущем думать не хочется...)

Эти новые возможности достались предшественнику Горбачева — Ю. В. Андропову, которому следует отдать справедливый долг признания того, что большая часть произошедшего в нашей стране в драматичной второй половине 1980-х гг. была отрепетирована в короткий период его правления.

Кратковременность андроповского правления превратила эти 15 месяцев в удобный объект идеализации. Черненкоовские месяцы управления страной стали дополнительным основанием для того, чтобы с грустью вспоминать об энергичных действиях Андропова. От Горбачева ждали продолжения курса Андропова. Он знал это и постарался оправдать ожидания.

Подведя итоги правлению Андропова, можно констатировать, что от него осталось противоречивое наследство:

— во-первых, его деятельность по «наведению порядка», без сомнения, встретила поддержку значительной части населения, уставшей от безответственности последних лет брежневского правления. То, что объектом критики и преследований становились люди из высших эшелонов власти, подогревало вековечный архетип российского общественного сознания о том, что «царь хорош, да бояре плохие» и что нашелся глава страны, который стал наказывать этих «плохих бояр»;

— во-вторых, «меры по наведению порядка», совпавшие с инициированной властью кампанией в прессе по разоблачению людей, объявленных взяточниками, преступниками, породили качественно новый феномен общественной жизни: *сама высшая власть устами государственных средств массовой информации объявила о сращении преступности и государственного аппарата, спровоцировала и до известной степени легитимизировала недоверие к власти. «Наведение порядка» нечаянно обернулось дискредитацией власти, что, конечно, никак не входило в планы Андропова и его окружения;*

— в-третьих, более долговременными последствиями, повлиявшими на судьбы самого Советского Союза, основы государства, стало так называемое «узбекское дело» в многочисленных своих республиканских интерпретациях — таджикском, эстонском, казахском. Удар по местным элитам, отказ от прежнего принципа — политическая лояльность местных властей в обмен на признание определенной независимости их деятельности, если она не про-

тиворечила целостности страны, — привел к раздражению, недовольству республиканских элит, сплотившихся против грубого вмешательства Москвы. Вскоре, когда Москва уже не имела возможности вкладывать дополнительные средства в бюджет республик, когда река союзного финансирования республик стала пересыхать, то сложились предпосылки прежде абсолютно лояльных местных властей к бегству из СССР.

Короткий срок правления К. У. Черненко представлял собой сочетание несочетаемого — попытки сохранять некоторые направления деятельности, начатые Андроповым, в быстро восстанавливавшейся атмосфере последних брежневских лет.

В прессе снова замелькали портреты старых вождей, награды, рапорты о свершениях...

И всем было ясно, что долго это не продлится.

Поездка в Ленинград. Первым крупным политическим актом Горбачева, отмеченным и высоко оцененным в стране, стала его поездка в Ленинград. Люди, которые жили в Советском Союзе, знали: Генеральные секретари в Ленинград старались не ездить — это тот город, который считался традиционно неудобным, в нем при высоком образовательном уровне его граждан всегда гнездилась своя, особая точка зрения на московские дела. Поездка Горбачева в Ленинград 15—17 мая 1985 г. стала политической сенсацией для страны. Впервые со времен Хрущева руководитель КПСС стремился встретиться с людьми на улице; причиняя много хлопот охране, останавливал кортеж правительственных машин, выходил к людям, отвечал на их вопросы, пытался объяснить, что и зачем делается в стране. Это уже потом, через пару лет, увидят, что он не отвечал, а поучал, что говорил он «мимо вопросов».

Но он вышел к людям! Удивляло и радовало и то, что он говорил. После недавней кампании в прессе, осуждавшей «частнособственнические инстинкты», он заявлял, что сейчас возникает вопрос: имеют ли право люди иметь какое-то подсобное хозяйство, при этом находятся теоретики, которые заявляют, что подсобное хозяйство — это капитализм. Да какой же это капитализм, говорил он с горечью, это нормальное желание человека заниматься своим делом.

Такие слова переворачивали прежние представления народа о Генеральных секретарях. Перед людьми был нормальный, адекватно оценивающий ситуацию человек, высказывавший южнорусским говорком дельные вещи, к тому же «своими словами».

Выступая перед партийным активом Ленинграда 17 мая 1985 г., он призывал своих слушателей — всем надо перестраиваться, «...самый трудный этап — психологической перестройки... предстоит большая перестройка умов... кто не настроен перестраиваться... должен уйти с дороги, не мешать...».

Люди обратили внимание на то, что эта речь транслировалась по телевидению, но не была опубликована в газетах, что в решении бюро Ленинградского обкома КПСС, принятом по итогам визита Горбачева, слово «перестройка» упоминалось только один раз, в связи с производством товаров широкого потребления¹.

И это тоже было симптоматично — свидетельствовало, что партийный аппарат не поддерживает идей своего лидера, а это — дополнительный важный фактор доверия народа лично Горбачеву. Общество давало новому Генеральному секретарю такой кредит доверия, которого, пожалуй, не было ни у кого из его предшественников.

Трудно было найти лучший фон для Горбачева, чем его предшественники. После того как двадцать лет разглядывали 70—80-летних стариков с экранов телевизоров, он казался человеком относительно молодым, представлявшим иное поколение — то поколение, к которому принадлежала большая часть страны. Это человек, который умел говорить без бумажки. Это было чудом, так как партийные лидеры его уровня, казалось, начисто утрачивали способность сказать несколько предложений «на людях», не заглядывая в записи. Уже то, что в нем видели нормального, живого, непосредственного человека, рождало огромные симпатии к Горбачеву.

Это принятие и доверие лично Горбачеву обратной своей стороной имело возраставшее недоверие к аппарату власти, к тем, кто, по словам Генерального секретаря ЦК КПСС, «не настроен перестраиваться...».

«Ускорение» — как первый этап перестройки (1985—1986 гг.). Из альтернативы, которая была понятна и доступна гражданам страны — либо Генеральные секретари — разваливающиеся, маразмирующие старики и связанная с ними всеобщая безответственность, либо требовательный, энергичный борец за дисциплину, «твердая рука», — большинство выбирали второе. Одним нрави-

¹ Оников Л. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996. С. 93—94.

лась дисциплина и порядок, который наводили молодцы из КГБ, другим — еженедельные сообщения «В Политбюро ЦК КПСС», начавшие появляться с конца 1982 г., третьим — появившаяся дешёвая водка, названная ее благодарными почитателями «андроповкой».

На апрельском Пленуме ЦК КПСС, первом крупном партийном мероприятии, подготовленном «командой Горбачева», Генеральный секретарь ЦК КПСС сформулировал концепцию хозяйственного механизма, включавшую форсирование научно-технического прогресса, реконструкцию отечественного машиностроения, производство новых машин и оборудования, применение высоких технологий. Наряду с этим выдвигалась идея децентрализации управления экономикой, расширения прав предприятий, внедрения хозяйственного расчета повышения ответственности и заинтересованности трудовых коллективов¹. Была провозглашена установка на ускорение социально-экономического развития общества.

«Ускорение» стало своеобразной «визитной карточкой» первых двух лет деятельности нового Генерального секретаря, на смену которой позже придет перестройка и «гласность». Как отмечает Н. И. Рыжков, разработка этой экономической программы «ускорения» была начата уже в 1983 г., как и сам термин «ускорение» родился в связи с рассмотрением в ЦК предложений Госплана СССР о перспективах развития экономики СССР до 2000 г. На XII пятилетку планировалось увеличить темпы роста национального дохода до 20—22%, промышленной продукции — до 21—24%, сельского хозяйства — вдвое. Всерьез ставилась задача догнать в 2000 г. Соединенные Штаты по уровню промышленного производства².

Экономическая концепция Горбачева на начальном этапе его деятельности была сформулирована им в докладе, произнесенном на Всесоюзном совещании по проблемам научно-технического прогресса, состоявшемся 11—12 июня 1985 г. В нем Горбачев говорил о своей приверженности делу Ленина, верности социалистическим идеалам, отмечал успехи в развитии страны, наметившиеся с 1983 г. — со времени Андропова. Генеральный секретарь провозгласил концепцию хозяйственного механизма, включавшую форсирование научно-технического прогресса, реконструкцию

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 280.

² Воротников В. И. А было это так...: Из дневника Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 66—67.

отечественного машиностроения, производство новых машин и оборудования, применение высоких технологий. Наряду с этим выдвигалась идея децентрализации управления экономикой, расширения прав предприятий, внедрения хозяйственного расчета, повышения ответственности и заинтересованности трудовых коллективов¹. «Задачи подъема советского машиностроения — это магистральное направление нашего развития, и его надо твердо выдерживать сейчас и в будущем», — заявил М. С. Горбачев на этом совещании². Предстояло вдвое увеличить капиталовложения в машиностроение.

Эта идея не нова: она была сформулирована еще в 1979 г. в известном «докладе Кириллина» (заместителя Председателя Совмина СССР) о перспективах развития советской экономики, где содержалась суровая оценка состояния народного хозяйства и был предложен ряд рецептов по выходу из кризиса. Ускоренное развитие машиностроения объявлялось в нем основной структурной политики в развитии материального производства. Тогда, при Брежнев, этот доклад пришелся «не ко двору». Сейчас, при Горбачеве, отдельные положения этого доклада были использованы при разработке экономической политики. Заметим, что машиностроение было той частью промышленности, которое в большой степени было связано с нуждами обороны.

Концепция ускорения приобретала в ряде случаев малообоснованный, пожалуй, даже авантюристический характер. Так, выступая 8 апреля 1986 г. в Тольятти, Горбачев призвал: «ВАЗ должен стать законодателем мод в мировом автомобилестроении»³, что невольно заставляло вспомнить хрущевские планы «догнать и перегнать Америку».

Преимственность экономической политики Андропова и Горбачева на начальном этапе его деятельности — до 1987 г. — была весьма ощутима и в методах ее осуществления. Андропов рассматривал использование административных мер как способ ускорения развития экономики. Эту тенденцию «подхватила» и команда Горбачева. Своеобразие применения ее состояло в распространении на гражданские секторы экономики методов управления, которые использовались в военно-промышленном комплексе СССР.

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 280.

² Там же. С. 6.

³ Маркова Р. История НТЦ в датах и фотокадрах // Волжский автостроитель. 04.09.03.

Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков вспоминает в своих мемуарах, что за образец органа управления в правительстве была взята Государственная комиссия по военно-промышленному комплексу, в которой были объединены все министерства и ведомства этого профиля. По образу и подобию Военно-промышленной комиссии появились специальные органы в структуре Совета Министров — Бюро Совета Министров по машиностроению, затем — по топливно-энергетическому комплексу, химическому, социальному развитию, агропромышленному комплексу¹.

Ярким примером попыток применения военно-административных методов управления экономикой стало введение системы государственной приемки продукции на промышленных предприятиях. Государственная приемка продукции в Советском Союзе всегда существовала в военной промышленности. Военную продукцию принимали офицеры, контролировавшие ее качество. Это были сохранившиеся еще с дореволюционных времен квазирыночные отношения. Армия выбирала себе поставщиков, офицеры получали свое жалованье от Министерства обороны, они были независимы от администрации промышленных предприятий, поэтому могли строго следить за качеством военного снаряжения, оружия или оборудования.

Теперь эти методы, оправданные для военных как заказчиков, распространили на всю промышленность. Для этого потребовалось создать по всей стране огромную систему государственной приемки. Мера эта носила чисто административный характер. Вместо потребителя, покупателя качество продукции должен был контролировать чиновник. Страх перед госприемкой вскоре был успешно преодолен, в ход пошли, по деликатному выражению экономиста-теоретика окружения Горбачева, неделовые отношения, а попросту взяточничество².

Борьба с пьянством и бюджетом. Первоначально как вполне традиционная воспринималась и другая тема — о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Ее поднимали многократно при Брежнев, на время ужесточали наказания за употребление алкоголя, ограничивали время продажи спиртного. Борьба с пьянством, суровые наказания за употребление спиртного на работе стали частью

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1994. С. 115—116.

² Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 39.

кампании Андропова по наведению порядка и усилению дисциплины. Напомним, что именно при Андропове в центральной прессе прошла серия очень острых статей, призывавших принять самые решительные меры против пьянства. Поэтому неудивительно, что «новая метла» — Горбачев — тоже взялась решать этот вечный русский вопрос. Заметим, что в это время в стране существовало довольно заметное общественное движение, осуждавшее пьянство. Наследники Андропова пошли дальше его. Уже в первые дни своей деятельности Генсеком Горбачев отметил у себя в рабочем дневнике: «27 марта 1985 г. 1. Качество. 2. Бой пьянству. 3. Малообеспеченная часть населения...»¹

4—6 апреля 1985 г. состоялось заседание Политбюро, где обсуждался вопрос «О борьбе с пьянством и алкоголизмом». Горбачев настаивал на усилении борьбы с пьянством, указывал на социальные, биологические, генетические последствия пьянства. Зампредседателя Госплана, приглашенный на совещание, пытался доказать, что ограничение продажи спиртного нанесет удар по бюджету, что негде взять 5 млрд. «водочных» рублей, чем вызвал гневное возражение Горбачева — в коммунизм на водке хочешь въехать!²

По поручению Генсека работала комиссия Е. К. Лигачева и председателя КПК М. С. Соломенцева. Оба эти человека были известны своим личным неприятием пьянства. Про Лигачева — первого секретаря Томского обкома — еще в начале 1980-х гг. рассказывали, что в своей «борьбе за здоровый образ жизни» он не без успеха пытался превратить Томск в «зону трезвости».

В начале мая 1985 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, фактически провозгласившее курс на введение «сухого закона» в стране. Хотя в документе и было написано, что следует увеличить производство виноградных сухих вин, пива, но на практике многократно, на порядки, сокращалось число магазинов, торговавших спиртным, закрывались пивные, ликвидировалось производство стеклянной посуды для алкогольных напитков, дело дошло до истребления виноградников в тех немногих районах СССР, где они были. Против принятия этого решения возражали Н. А. Тихонов, Н. И. Рыжков, понимавшие, какую пробоину в бюджете принесет этот запрет на торговлю спиртным, Г. А. Алиев, сам в качестве первого секретаря ЦК Азербайджана

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 276.

² Там же. С. 39.

много сделавший для расширения виноградарства и виноделия в республике. Однако курс на принятие простых и убедительных решений был столь соблазнителен, а цель казалась столь благородной, что все эти «меркантильные» возражения были полностью отмечены. Начиналась Кампания! В ажиотаже ее осуществления едва не запретили и кефир, подозревая и его, как продукт брожения, в том, что это — алкогольный напиток!

Все это было бы смешно, если бы не было вредно и опасно.

Последствия были подсчитаны позже. Площадь виноградников в 1985—1988 гг. сократилась на четверть (см. табл. 4).

*Табл. 4. Площадь виноградных насаждений
(в хозяйствах всех категорий; тысяч гектаров)*

	1970	1975	1980	1985	1990
Площадь виноградных насаждений	164	175	199	177	147

Виноградники в России не восстановлены и до сих пор.

Был нанесен катастрофический удар по бюджету. С рынка был устранен товар, который в стране, страдавшей постоянным дефицитом всего, все-таки производился¹. Эксперименты в борьбе с «водочными деньгами» способствовали формированию долговременных негативных экономических факторов — раскручиванию инфляции в стране, нарастанию товарного дефицита. Можно утверждать, что только реформы Е. Гайдара в начале 1992 г. приостановили их действие.

Количество магазинов, торгующих спиртным, например, в Астраханской области сократилось со 118 до 5, в Белгородской — со 160 до 15, в Ульяновской — со 176 до 26, в Ставропольском крае — с 521 до 49.

Сокращение продажи государственного алкоголя (а можно говорить и о прекращении продажи) привело к резкому расширению самогонварения. Пропали в магазинах сахар (хотя продажа его выросла с 1985 г. к 1988 г. на 18%, составив 9280 тыс. тонн), кондитерские изделия, дешевые конфеты, томатная паста. Часть этих продуктов «народные умельцы» успешно преобразовывали в самогон. По данным Госкомстата СССР, в 1987 г. на самогонварение расходовалось 1,4 млн. тонн сахара.

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 96—101.

Замечу, что антиалкогольная кампания с ее последствиями с новой силой запустила механизм дефицита, который доедал планово-распределительную экономику, порождая «барахолки» по всей стране и вызывая всеобщее раздражение и усталость населения.

Хуже, что стремительно стали раскупаться все спиртосодержащие жидкости технического назначения — от стеклоочистителей и одеколонов до клеев, расширилось потребление наркотиков. Все это привело к многочисленным случаям отравлений, в том числе и смертельным.

Не меньшими по негативному воздействию стали социально-психологические акции этой кампании. Невольно вспоминается русская пословица — «заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет». Пьянство достоинством никогда не было, и людьми в России, как, полагаем, и во всем мире, не одобрялось. Нормальная трудовая мораль осуждала пьянство на работе. Но употребление спиртного стало частью обыденной жизни, бытовой культуры, непременным атрибутом свадеб, похорон, больших праздников. Невозможность купить за свои деньги незапрещенную (!) водку, ситуация, когда все взрослое население страны оказывалось в положении обвиненных в пьянстве людей, ограниченных в своей дееспособности, ничего, кроме озлобления, не вызвали¹. Перед двумя-тремя магазинами на целый город или большой городской район выстраивались громадные очереди, и тысячи людей сочным, «теплым словом» поминали творца трезвенной кампании М. С. Горбачева и его сподвижников. Зато появилось раздолье для спекулянтов спиртным. В любое время дня и ночи можно было купить алкоголь у таксистов, переплатив вдвое.

¹ Это было и смешно, и унизительно, и оскорбительно. Так как водку продавали «не более 2 бутылок в одни руки», то на случай поминоков по покойному нужно было взять справку, подтверждающую этот печальный факт (справки выдавали в ЗАГСах, в милиции), и получить право купить 12 бутылок. За границей, в ряде посольств и консульств, обязательные встречи советских граждан по поводу Нового года проводили с газированной водой... Человека, замеченного в употреблении алкоголя в любом количестве на работе, дома (если это привлекло чье-то внимание), в купе поезда, могли немедленно снять с работы, исключить из партии, что закрывало возможность заниматься многими видами деятельности. Количество глупостей, по-другому и не назовешь, такого рода бесконечно...

кистана Кахраманов. От него потребовали показаний о связях с высшими чиновниками в Москве — в МВД СССР и ЦК КПСС. Следствие стремительно набирало темпы.

Были произведены аресты, затронувшие, по существу, всю партийно-государственную элиту республики. Обвинения были предъявлены первому секретарю ЦК компартии Узбекистана Усманходжаеву, первому секретарю Бухарского обкома партии А. Каримову, управляющему делами ЦК компартии Т. Умарову, министру внутренних дел Узбекистана Яхьяеву, председателю Президиума Верховного Совета Узбекистана А. Салимову и большому числу партийных и государственных чиновников. Поражали воображение результаты обысков в домах подозреваемых. Только у первого секретаря Бухарского обкома КПСС было обнаружено ценностей на сумму до 6 млн. рублей, в том числе 130 килограммов золотых изделий¹.

Однако следователи не ограничились Узбекистаном. Они настойчиво пытались выяснить связи «хлопкового», или «узбекского», дела, как его стали называть, с Москвой. Были предъявлены обвинения ряду крупных чиновников аппарата ЦК КПСС. Под подозрение попали второй секретарь ЦК компартии Молдавии В. Смирнов, прежде работавший заведующим сектором Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, заместитель заведующего этим отделом М. Могильниченко, заведующие секторами, инструкторы ЦК.

Уже к концу 1985 г. руководство Генеральной прокуратуры под явным воздействием аппарата ЦК попыталось свернуть расследование, обвинив следователей в грубых нарушениях ведения следствия (заметим, что основания для таких обвинений в адрес Гдяна и Иванова имелись, причем основания веские). Но «узбекское дело» возникало как дело политическое. Оно развивалось в полном соответствии с традициями советского права, насквозь пронизанного духом партийной целесообразности. Оно вполне допускало убежденность следователей, что «в настоящее время вопрос заключается не в том, доказано или нет взяточничество Усманходжаева, Осетрова (второго секретаря ЦК компартии Узбекистана. — Р. П.), Чурбанова, Смирнова и других руководителей, а в том, что лица, от которых зависит решение о привлечении их к уголовной ответственности, не желают разрешить явно назревшую пробле-

¹ ЦХСД. Ф. 89. Оп. 24. Д. 18.

му. Юридическая оценка их преступной деятельности однозначна: их вина установлена в полном объеме»¹.

Гдян с Ивановым, превратившиеся за два года своего расследования в фигуры политические, не преминули воспользоваться возможностью именно политическими средствами, которые стали им доступны: они обратились в марте 1986 г. с письмом к Горбачеву, настаивая на продолжении следствия и в Узбекистане, и в Москве. Ответ на письмо оказался положительным: следователи даже заслужили устную благодарность «за принципиальную постановку вопроса». В дальнейшем они еще не раз будут обращаться к Горбачеву для продолжения расследования. Юрист по образованию, Горбачев не видел нелепости в ситуации, когда *уголовное* по характеру обвинений расследование всецело оказалось зависимым от *политических* решений. Горбачев проявлял явную заинтересованность в получении сведений негативного характера о своих сподвижниках по высшему партийному руководству и использовал эти данные при кадровых перестановках².

Но все явственнее становилось, что разоблачение коррупции в советском обществе, встретившее поддержку широких слоев общества в России, превращается в политический фактор. Джинн из приоткрытой Андроповым бутылки вырвался. Уже сам Горбачев, как он позже написал в своих мемуарах, опасался, что в ходе расследований мог быть «раскопан» компрометирующий материал о его деятельности в Ставрополье³, что вынудило Горбачева освободить Федорчука от должности министра внутренних дел⁴. Эта

¹ Информационная записка следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Т. Х. Гдяна и Н. И. Иванова в ЦК КПСС от 11 ноября 1986 г. — ЦХСД. Ф. 89. Оп. 24. Д. 18. В своем роде это шедевр советского права — арест санкционирует не прокуратура, а «лица, от которых зависит» привлечение к уголовной ответственности, вину определяет не суд, а «однозначное» мнение следователя... Отметим очень важные обстоятельства для понимания духа следствия: «однозначно» обвиненный Гдяном и Ивановым Ю. Чурбанов в это время находился на свободе. Он был арестован только в январе 1987 г., а осужден — в 1988 г. См.: *Чурбанов Ю.* Расскажу все, как было... М., 1983.

² См.: *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. С. 316.

³ См.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 251; *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. С. 330.

⁴ Воротников сообщает в своих мемуарах о заседании Политбюро 23 января 1986 г., на котором было принято решение об увольнении Федорчука. Горбачев сам рассказывал Воротникову, что Федорчук занимался сбором материалов, компрометирующих Генерального секретаря. — См.: *Воротников В. И.* А было это так... С. 85.

опасность была реальна и безлична: советская система хозяйствования была криминальна «по определению». Криминальность отнюдь не характеризовала личности хозяйственников. Это была неотъемлемая черта способа хозяйствования в условиях тотального «распределения фондов» как способа обеспечения деятельности, когда не экономические возможности, не успешность хозяйствования, а мнение чиновника в министерстве или в партийном органе — от райкома до ЦК — определяло, поступят ли на предприятия станки, металл, комплектующие, будут ли выделены деньги на расширение производства, возможно ли нанять дополнительных рабочих, можно ли построить завод или стадион и многое другое.

Практически на каждого хозяйственника, крупного администратора, партийного деятеля можно было найти сведения, достаточные для возбуждения уголовного дела. Это в СССР знали все. Но едва ли не впервые с начала 1960-х гг. эта угроза стала реальной для той части номенклатуры, которая использовала противоречия в экономической системе как способ для личного обогащения. Информация, имевшая огромный общественный интерес, вырывалась из-под контроля. На XIX партийной конференции главный редактор «Огонька» — тогда самого популярного советского журнала — публично обвинил ряд высших партийных чиновников в коррупции. С этих пор и до последних дней СССР Гдлян и Иванов были «незаконно рожденными» шумными детьми гласности по-андроповски.

Был у «хлопкового», «узбекского дела» и подобных им дел в других союзных республиках — в Азербайджане, Казахстане — и другой аспект, полностью проигнорированный в 1983—1987 гг., но ставший политической реальностью в 1988—1991 гг. Московские власти многие десятилетия мирились с тем, что часть средств союзного бюджета распределялась среди местных национальных элит. Со времени Андропова Москва нарушила эту практику. Негласное соглашение было разорвано. Более того, участники сделки из союзных республик были подвергнуты свирепым наказаниям и унижениям. Ответ местных элит не замедлил себя ждать: уже в конце 1986 г. впервые пришлось столкнуться с беспрецедентными по силе национальными волнениями, не прекращавшимися до последних дней существования СССР и по политической инерции пережившими СССР.

Разрыв традиций. Обращая внимание на несомненную преемственность андроповского правления и первых лет правления Горбачева, необходимо указать и на те отличия, которые явственно

отделяли время после апреля 1985 г. от предшествующего периода. Прежде всего изменились общественные настроения в стране. «Мы ждем перемен» — так называлась самая известная песня самого знаменитого тогда рок-певца в СССР Виктора Цоя. Страна ждала перемен. Ожидание перемен создавало общий оптимистический фон. Новый лидер вызывал доверие. Даже очевидно непопулярные меры, вроде антиалкогольной кампании, или хвастливые обещания — достигнуть мирового уровня автостроения и превзойти его — вызывали в эти годы скорее понимание ситуации, скрашенное иронией, чем злость и раздражение. Продемонстрированная готовность сражаться с коррупцией делала большинство населения союзниками Горбачева.

Огромный общественный резонанс получила небольшая статья, опубликованная в «Правде» в 1986 г., журналистки Т. Самолис, в которой она, цитируя многочисленные письма читателей, указала на «вязкий партийно-административный слой», средних чиновников как главное препятствие проведения преобразований в стране¹. То, что эта статья появилась в «Правде», всегда считавшейся рупором Генерального секретаря, рождало утверждение, что таково и мнение Горбачева.

В недрах высшего партийного руководства проявилось осознанное стремление «менять систему». Неформальным лидером этого направления стал А. Н. Яковлев, назначенный в июле 1985 г. заведующим Отделом пропаганды ЦК. Уже в конце 1985 г. он направил на имя Горбачева обширную записку, поражающую масштабами намечавшихся перемен. Среди них — предложение о создании на базе КПСС двухпартийной системы, введение поста Президента СССР, широкие выборы, осуществление широких демократических преобразований в стране и экономической реформы². Это ни в коем случае не было мнением Политбюро. Эти вопросы никогда во всем объеме и не выносились на его заседания и не обсуждались на них, как и на других коллегиальных органах партии. Да и сам Горбачев, как показали последовавшие события, отнюдь не разделял всю концепцию Яковлева (страдавшую, заметим, утопичностью, некоей «лабораторностью», оторванностью от конкретно-исторических, экономических и национальных особенностей страны). Вместе с тем Горбачев принял и разделил отдельные положения предложений Яковлева, среди

¹ См.: Самолис Т. Очищение // Правда. 1986. 13 февраля.

² См.: Яковлев А. Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 205—212.

них — мысль о необходимости и плодотворности наличия оппозиции в стране.

В 1986 г., встречаясь с представителями прессы, Горбачев изложил свое понимание взаимоотношений с оппозицией: «...многие из наших консервативных проявлений, ошибок и просчетов, вызывающих застой мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции, альтернативы мнений, оценок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразной оппозицией могла бы стать наша пресса»¹.

Здесь мы подходим к главному, что отличало Горбачева от Андропова: Горбачев принимал идею оппозиции, считал ее неизбежной и, будучи уверен в своих силах, не боялся ее. Так произошел разрыв советской политической традиции.

Команда Горбачева. Изменения в составе руководства начались практически сразу же после утверждения Горбачева на посту Генсека. Уже на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС по предложению Горбачева в состав Политбюро вошел Е. К. Лигачев. Сразу же после избрания Горбачев предложил Лигачеву вести пленум. Это означало, что Лигачев стал вторым человеком в партии². Членами Политбюро стали заведующий Экономическим отделом ЦК Н. И. Рыжков и председатель КГБ В. М. Чебриков, секретарем ЦК, отвечавшим за сельское хозяйство, — В. П. Никонов. В кандидаты в члены Политбюро были избраны министр обороны СССР маршал С. Л. Соколов. Было достигнуто численное превосходство над «стариками» — Тихоновым, Кунаевым, Щербицким, Романовым и Гришиным³. Обратим внимание также на сохранение позиций «силовых» ведомств в составе Политбюро. Там оказались руководители КГБ и Министерства обороны.

Произошли большие изменения в составе аппарата ЦК. Заведующим Общим отделом ЦК стал А. И. Лукьянов, заведующим Отделом организационно-партийной работы стал земляк Горбачева Г. П. Разумовский, заведующим Оборонным отделом — бывший секретарь Ленинградского обкома Л. Зайков.

В 1985 г. сформировался интеллектуальный «штаб» Горбачева. В него вошли заведующий Отделом пропаганды ЦК, в недавнем прошлом — посол в Канаде, а затем директор академического ин-

¹ Власть и оппозиция. М., 1995. С. 284.

² См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 279.

³ Там же. С. 42.

ститута А. Н. Яковлев, руководитель Секретариата Горбачева и опытный журналист В. И. Болдин, философ и журналист Биккенин, заведующий Отделом науки ЦК экономист В. А. Медведев. Часто в его работе принимали участие заведующий Общим отделом ЦК юрист А. И. Лукьянов, помощники Горбачева философ И. Т. Фролов, давно работавший в ЦК юрист и политолог Г. Х. Шахназаров, специалист по международным отношениям А. С. Черняев. Практически постоянно в обсуждениях участвовала жена Горбачева — Раиса Максимовна, защитившая в свое время кандидатскую диссертацию под названием «Появление новых черт в повседневной жизни колхозников».

Эта группа подготавливала тексты выступлений Горбачева, участвовала в разработке важнейших документов, концепции перестройки. К работе часто привлекались известные экономисты Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, С. С. Шаталин, Н. Я. Петраков, другие сотрудники академических ведомственных научных учреждений, специалисты из Министерства иностранных дел, Совета Министров СССР, КГБ, военные¹. Работали обычно на загородных дачах — резиденциях — в Волынском, Ново-Огареве, Завидове.

Новая расстановка сил в Кремле. Ключевым моментом в кадровых изменениях Горбачева стало заседание Политбюро ЦК КПСС 29 июня 1985 г. Там произошло распределение обязанностей и перестановка в высшем эшелоне партии и государства.

Прежде всего была определена судьба официально второго поста в государстве — поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР, остававшегося вакантным после смерти Черненко. Горбачев уступил важный пост, который поочередно занимали Генеральные секретари Брежнев, Андропов и Черненко, — должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Превышавшая договоренность реализовывалась. Он предложил назначить на эту почетную должность А. А. Громыко.

«В этих условиях, — говорил Горбачев на заседании, — видимо, целесообразно, чтобы Генеральный секретарь ЦК КПСС сосредоточился на вопросах партийного руководства обществом... уделяя больше внимания тем участкам нашего развития, где сегодня решается судьба страны... В связи с этим вношу предложение рекомендовать для избрания председателем Президиума

¹ См.: Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 101.

Верховного Совета СССР товарища Громыко А. А. Андрей Андреевич один из старейших членов партии, имеет большой политический опыт, известен как в нашей стране, так и в мире. ... Все это отвечает нынешней ситуации, интересам наиболее рациональной расстановки сил с учетом нынешних задач. Как вы на это смотрите, товарищи?»

Товарищи в Политбюро смотрели на это положительно. Ветеран партийного руководства, Громыко сохранял свой статус члена Политбюро, но в связи с новым назначением освобождал пост министра иностранных дел, который он занимал с 1957 г.

Но встал вопрос — кто станет министром иностранных дел?

Шеварднадзе — генерал МВД — министр иностранных дел СССР.

У Горбачева предложение на этот пост уже было подготовлено. Прочитируем текст рабочей записки заседания Политбюро. «Нам не найти второго А. А. Громыко с его опытом, знаниями проблем внешней политики, — говорил Горбачев. — Но ведь и сам Андрей Андреевич когда-то начинал свой путь в дипломатии не с таким опытом и знаниями, какие имеет сейчас. На Тегеранской конференции он, конечно, был не таким, как сейчас. Я беседовал с Андреем Андреевичем о том, кого выдвинуть на пост министра иностранных дел. Квалифицированных дипломатов у нас много. Опытный работник Корниенко. ... На партийной и на дипломатической работе был Червоненко. В поле зрения — Добрынин. И все-таки мысли у нас пошли в другом направлении. На пост министра нужна крупная фигура, человек из нашего с вами состава, которого мы хорошо знаем и в котором мы уверены».

В разговор вмешался Громыко: «Воспитана целая когорта дипломатов».

Горбачев перебил ветерана дипломатии. «В результате мы остановились на том, чтобы рекомендовать Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе, — заявил Горбачев. — Я говорил с ним. Он ответил мне, что всего мог ожидать, только не этого. Это сформировавшийся деятель, принципиальный, понимающий интересы партии. Эдуард Амвросиевич показал себя человеком закаленным, выдержанным, умеющим найти подходы к решению проблем. Нужно иметь в виду и такой важный момент: страна у нас многонациональная, и необходимо, чтобы это находило отражение и в составе центральных органов партии. Убежден, товарищи, что это правильное решение. Как вы к этому относитесь?»

Фигура и впрямь неожиданная. Э. А. Шеварднадзе не имел не только ученых званий и степеней, которыми был отягощен Громыко, но и сколько-нибудь систематического образования вообще. В его официальной биографии сообщалось, что Э. А. Шеварднадзе родился в 1928 г. в селе Мамати Ланчхутского района Грузинской ССР. С 18 лет был на комсомольской работе, дослужился до поста первого секретаря ЦК комсомола Грузии. В партию вступил двадцати лет, закончил партшколу при ЦК компартии Грузии и, уже будучи секретарем ЦК комсомола Грузии, закончил Кутаисский педагогический институт. После непродолжительного периода работы в партийных органах Шеварднадзе работал в Министерстве внутренних дел (тогда оно называлось Министерством охраны общественного порядка) Грузии, стремительно шагнув сразу на высшую ступеньку министерства — год пробыв первым заместителем министра, он с 1965 по 1978 г. был министром этого ведомства. В 1972 г. он пересел в кресло первого секретаря Тбилисского горкома партии, в том же году стал первым секретарем ЦК компартии Грузии¹, сменив на этом посту В. Мжаванадзе, обвиненного в коррупции. Не без основания высказывалось утверждение, что Шеварднадзе был человеком, близким Андропову².

Отметим, что уже в 1976 г. Шеварднадзе стал кандидатом в члены Политбюро, кстати, это произошло одновременно с назначением секретарем ЦК самого Горбачева. Никакого опыта ведения *международных дел*, никакой подготовки в этом отношении партийный чиновник и недавний руководитель Министерства *внутренних дел* не имел. Зато была известна его способность говорить начальству то, что оно хотело слышать, сделавшая Шеварднадзе одиозным даже в брежневские времена.

Для искушенных членов Политбюро стало ясно — Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев намерен *лично* руководить внешней политикой страны. Ему не нужен был на этом посту упрямый Громыко, а карьерные дипломаты, связанные традициями и условностями МИДа, должны только выполнять указания Генерального секретаря. Горбачев располагал к этому времени небольшим, но удачным опытом внешнеполитической деятельности, Шеварднадзе отводилась роль послушного, безотказного ис-

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 132.

² См.: Саловьев В., Клепикова Е. Юрий Андропов. Тайный ход в Кремль. СПб., 1995. С. 116—122.

полнителя его воли. Это меняло ситуацию. Громыко, еще недавно пытавшийся напомнить, что в МИДе немало опытных дипломатов, круто сменил свою позицию.

Снова процитируем рабочую запись:

«Громыко. Предлагаю поддержать. Тов. Шеварднадзе — член руководящего центра. Это важно для министра иностранных дел.

Горбачев. С МИДом нужно обращаться так, как он этого заслуживает. (?!)

Громыко. Ленин говорил, что МИД — это отдел ЦК.

Пономарев. Международная обстановка требует сильного руководителя.

Горбачев. Убежден, что, выдвинув на пост министра иностранных дел т. Шеварднадзе, поступим правильно.

Лигачев. Поддерживаем.

Горбачев. И в силу его личных качеств, и ввиду его рекомендации министром иностранных дел целесообразно перевести т. Шеварднадзе из кандидатов в члены Политбюро...

Шеварднадзе. Благодарю товарищей за доверие. То, что вопросами МИД занимается Политбюро, главное для министра».

Тогда же было принято решение об освобождении от должности члена Политбюро и секретаря ЦК Г. В. Романова. Романова рассматривали как потенциального соперника Горбачева. Однако все эти вопросы остались за пределами «рабочей записи». Формально Романова отправили на пенсию по его заявлению «по состоянию здоровья». На место Романова, курировавшего в качестве секретаря ЦК КПСС оборонные отрасли промышленности, был рекомендован Л. Н. Зайков.

Ельцин. Следующее назначение неожиданно вызвало дискуссию. Горбачев представил Б. Н. Ельцина на пост секретаря ЦК по строительству. Аргументируя это предложение, Горбачев указывал на огромные объемы незавершенного строительства, на то, что «...замораживаются капиталовложения. За решение этой проблемы мы взяли, принят ряд известных вам крупных постановлений. Укрепили этот участок, взяв сюда в Москву заведующим отделом строительства т. Ельцина, работавшего первым секретарем Свердловского обкома партии и имеющего хороший опыт в области строительства. Может быть, посмотреть его секретарем ЦК КПСС, которая, оставаясь заведующим отделом, на уровне секретаря ЦК КПСС занимался бы вопросами строительства?»

Заместитель Председателя Верховного Совета СССР В. А. Кузнецов вручает орден Ленина первому секретарю Свердловского обкома КПСС Б. Н. Ельцину¹.

Атмосферу согласия вдруг нарушил Н. А. Тихонов.

«Тихонов. А как он себя покажет в новой роли?

Горбачев. Вопрос понятный. Но у товарища Ельцина есть хороший опыт: он работал прорабом, главным инженером, начальником строительного треста, был главным инженером, а затем начальником Свердловского домостроительного комбината. Затем работал в Свердловском обкоме партии. Так что он знает эту отрасль и имеет опыт партийной работы.

Тихонов. Но я как-то его не чувствую.

Лигачев. Тов. Ельцин активно взялся за дело, был в ряде министерств, к нему потянулись люди.

Долгих. Тов. Ельцин правильно строит отношения с министрами. У него хорошая связь с обкомами партии. Поближе познакомившись с ним, я не обнаружил у него слабых мест.

Горбачев. В области строительства очень многое нужно сделать. Требуется энергичный человек.

Тихонов. Строительство — наше самое слабое место.

Соломенцев. Нужно рекомендовать т. Ельцина секретарем ЦК. Он будет расти. Данные для этого у него есть: образование, инженерная практика в области строительства. В общем, это человек с перспективой.

Горбачев. Я специально поднял этот вопрос для того, чтобы обменяться мнениями. Хотел проверить себя и узнать мнение товарищей. Тогда как будем поступать? Будем рекомендовать т. Ельцина на Пленуме избрать секретарем ЦК?

Члены Политбюро. Да, нужно оформить это решением Политбюро».²

Критика Тихоновым Ельцина на этом заседании, скорее всего, стала фактором «за» Ельцина. Сложные, конфликтные отношения Тихонова с Горбачевым были хорошо известны членам Политбюро. Он был наиболее последовательным противником усиления позиций Горбачева. То, что он критиковал Ельцина, свидетельствовало, что Тихонов расценивал бывшего секретаря Свердловского обкома как сторонника Горбачева.

¹ РГА КФД. 1-102988.

² АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1985. 29 июня. Л. 1—9.

Следом за назначением Ельцина решался вопрос о выборах секретарем ЦК и заведующим Отделом оборонной промышленности первого секретаря Ленинградского обкома партии Л. Н. Зайкова. На его место должен был быть назначен Ю. Ф. Соловьев, работавший в это время министром промышленного строительства СССР. Тихонов раскритиковал и это назначение, что опять-таки не помешало Зайкову.

Политическое время Тихонова кончалось. 26 сентября 1985 г. на Политбюро было принято решение о его отставке «по состоянию здоровья». Его пост — пост Председателя Совета Министров СССР — занял Рыжков.

Так в начале апреля 1985 г. в ЦК оказался первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б. Н. Ельцин. 3 апреля 1985 г. ему звонил секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро Долгих и предложил переходить на работу в ЦК на должность заведующего Отделом строительства ЦК. Ельцин отказался. Фактический руководитель одной из самых мощных в промышленном отношении областей СССР, превосходящей по своему потенциалу целые республики Союза, он не считал это предложение заслуживающим внимания¹. Сыграло свою роль и то, что двое его предшественников на посту секретаря Свердловского обкома — А. П. Кириленко и Я. П. Рябов «уходили» в Москву на более высокое назначение: первый — в 1962 г. — первым заместителем председателя Бюро ЦК по РСФСР, второй — в 1976 г. — секретарем ЦК КПСС. Однако разговор не закончился. На следующий день в Свердловск позвонил Е. К. Лигачев и потребовал, чтобы Ельцин подчинился партийной дисциплине и переехал в Москву на работу в ЦК². Ельцин подчинился.

Биография будущего первого Президента России не укладывалась в традиционные партийные каноны. Она отличается от большинства биографий других партийных деятелей тем, что в ней отсутствовал практически неизбежный для партийного аппаратчика период работы в молодости «на комсомоле», который, как правило, становился стартовой площадкой для партийной карьеры. Так было в биографии Андропова, Лигачева, самого Горбачева.

Ельцин родился 1 февраля 1931 г. в зажиточной крестьянской семье на Урале. 1931 г. стал временем «сплошной коллективизации» и «раскулачивания». Родители и родственники, опасаясь реп-

¹ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. Ростов-на-Дону, 1991. С. 57.

² Там же. С. 57—58.

рессий, были вынуждены бежать и попытались скрыться в тысяче километров от своей родины — в Казани, «на стройке социализма» — строительстве авиационного завода. Такие уходы от раскулачивания и насильственной высылки были обычными для уральского крестьянства начала 30-х гг.

Отец Ельцина — Николай Игнатьевич — на этой стройке стал бригадиром, в его бригаде работал брат Андриан. Мужики-плотники (в бригаде было 6 человек), большей частью тоже беглые, держались дружно, работали хорошо, но в своем кругу не скрывали своего недовольства. Они жаловались, что кормили на стройке плохо и дорого, что их заставляли подписываться на заем, что с них собирали деньги «на помощь австрийским рабочим», часто вспоминали старую хорошую жизнь. Но затеряться на стройке они не смогли. В конце концов об их разговорах стало известно сотрудникам ОГПУ, которые арестовали их и возбудили дело под характерным названием — «Односельчане».

На допросах Николай Ельцин себя виновным не признал и отказался подтвердить, что в бригаде были антисоветские разговоры. Это не помешало передать дела на Н. Ельцина, А. Ельцина, И. Соколова, В. Вахрушева, П. Гаврилова и И. Гаврилова, обвиненных по самой страшной статье — 58-10 УК РСФСР, на рассмотрение Особой тройки для разбирательства во внесудебном порядке. Ничтожность обвинения (пожалуй, самым опасным в нем было их «кулацкое происхождение») и то, что процесс был в 1934 г., когда еще практиковалось осуждение на сравнительно небольшие сроки, привело к тому, что всем обвиняемым повезло — их осудили на три года исправительно-трудового лагеря; пять лет получил один И. Соколов, которому припомнили, что он в 1930 г. на собраниях выступал против хлебозаготовок и на одном из собраний «пытался организовать нападение на актив села». Н. И. Ельцин получил три года. Его сыну Борису было тогда 3 года. Так Ельцины оказались на другой «стройке социализма» — громадном Безрезниковском калийном комбинате на Северном Урале.

Полагаем, что эти биографические подробности повлияли на судьбу Бориса Ельцина. Для него, человека из семьи раскулаченных и осужденных, в конце 40-х гг. был закрыт путь на престижные специальности, в частности в судостроительный институт, куда он мечтал поступить¹. Впрочем, вряд ли это когда-либо обсуждалось вслух. Хорошо учившийся в школе, Ельцин пошел по стопам

¹ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. С. 22.

отца-строителя, избрав себе строительный факультет Уральского политехнического института в Свердловске. Там не проводились тщательные проверки «анкетных данных», включавшие выяснения сведений обо всех близких и дальних родственниках. В институте Ельцин много и успешно занимался спортом, став превосходным волейболистом. Однако он не стал, как нередко бывало, комсомольским функционером, хотя уже в институте ярко проявились его качества лидера.

После окончания политехнического института в 1955 г. Ельцин начал свою карьеру строителя. Он последовательно прошел все профессиональные ее ступеньки — мастер, прораб, старший прораб, главный инженер, начальник строительного управления, затем — главный инженер и начальник Свердловского домостроительного комбината, одного из лучших в стране. Эту лестницу он одолел сравнительно быстро — за тринадцать лет.

В партию Ельцин вступил после XX съезда, тогда, когда сведения о репрессированном отце уже не представлялись важными, тем более что и вступал он туда отчасти «по должности», как крупный хозяйственник, и его профессиональный опыт строителя был несравненно важнее подробностей биографии родителей. В партию Ельцин вступил тридцатилетним, когда его дальнейшая профессиональная карьера была уже невозможной без наличия партийного билета. В 37 лет в биографии строителя Ельцина произошел крутой поворот — он был назначен заведующим отделом строительства Свердловского обкома партии. Ельцин стал секретарем, а с 1976 г. — первым секретарем Свердловского обкома.

Конец 1970-х гг. был тяжелым временем в провинциальной России. В это время резко ухудшилось снабжение населения самыми необходимыми продуктами питания. Для Свердловской области положение усугублялось тем, что область, занимавшая третье место в стране по объему промышленного производства, уступавшая по этому показателю только Москве и Ленинградской области, практически не имела своего сельского хозяйства. 87% населения области жило в городах. Непосредственно в сельском хозяйстве было занято около 3% населения. Первому секретарю пришлось решать свою «продовольственную программу». Основным методом стало создание подсобных хозяйств при промышленных предприятиях (благо что существовали кое-какие традиции, восходившие еще к временам войны). Директивными, командными методами обком партии требовал создавать теплицы, сви-

нофермы, птицефабрики. В области строились огромные животноводческие комплексы. И последствия дали о себе знать. К началу 1980-х гг. продовольственное снабжение в Свердловске стало заметно лучше, чем в других регионах страны. Это было замечено и оценено жителями области.

Небывалым явлением для своего времени стали постоянные встречи первого секретаря Свердловской области с различными группами населения. Напомню: это был конец 1970-х — начало 1980-х гг., времена косноязычного Л. И. Брежнева, когда никакой гласности в стране не существовало. А в это время Ельцин встречался с рабочими заводов, с творческой интеллигенцией, студентами города. Не осталось незамеченным и то, что он «не бил поклоны», не расточал комплименты Брежневу на XXVI съезде КПСС.

Следствием его деятельности в области стала искренняя поддержка секретаря обкома со стороны многих жителей города и области. Сведения, что его «забирают в Москву», радости не вызвали. Свердловск был прочным тылом Ельцина. В Москве этой поддержки и тыла не было.

Первый секретарь МГК КПСС. В конце декабря к отставным Романову и Тихонову присоединился член Политбюро, первый секретарь Московского горкома партии Гришин. Молва упорно приписывала ему связь с «торговой мафией» Москвы¹, с попыткой самому стать Генеральным секретарем. Несомненно другое: он стал олицетворением преемственности между старым, брежневским и новым, горбачевским руководством. Той самой преемственности, от которой Горбачев тщательно отмежевывался.

Горбачев загодя готовил отставку Гришина. Как вспоминает Воротников, 13 декабря Горбачев ему жаловался, что в ЦК поступает много писем с жалобами на Гришина, на партийных собраниях, в коллективах идут разговоры, осуждающие Гришина за барство, показуху, за его увлечение лозунгами вместо дела. Горбачев сообщил, что он уже разговаривал о необходимости заменить Гришина с другими членами Политбюро².

23 декабря в кабинете у Горбачева состоялось заседание Политбюро, на котором присутствовали только члены Политбюро,

¹ Эти обвинения остались недоказанными. См.: *Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему.* С. 71.

² *Воротников В. И.* А было это так... С. 80.

секретарь ЦК Разумовский, отвечавший за партийные кадры, и Ельцин. Горбачев сообщил, что у него состоялся тяжелый разговор с Гришиным, и тот был вынужден написать письмо, в котором он просит о переводе на пенсию и назначении в группу советников при Президиуме Верховного Совета СССР.

Горбачев продолжил: «Если у товарищей нет возражений, то в работе пленума Московского горкома КПСС (формально освободить от должности первого секретаря Московского горкома мог только пленум этого горкома. — *Р. П.*) можно было бы принять участие мне. Теперь о кандидатуре на пост первого секретаря Московского горкома КПСС. Речь идет о столичной партийной организации. Поэтому целесообразно рекомендовать на этот пост человека из ЦК КПСС, с опытом работы в крупной партийной организации, знающего вопросы экономики, науки и культуры. Есть предложение рекомендовать т. Ельцина Б. Н. ...Я беседовал с т. Ельциным. Он понимает место и значение московской партийной организации, трудность и сложность работы на посту первого секретаря... Столица есть столица. Это и административный и экономический, и научный и культурный центр».

Будущий помощник Горбачева А. С. Черняев записал в своем дневнике 23 января: «Сегодня день ликования всей Москвы: сняли, наконец, Гришина, заменили Ельциным»¹.

«Люди говорили о том, что линия партии на перестройку поддерживается, решения принимаются правильные, но до низу не всегда они доходят»², — говорил в сентябре 1986 г. на Политбюро Горбачев, рассказывая своим соратникам об итогах поездки в Краснодарский и Ставропольский края. Главным официальным же событием 1986 г. для страны должен был стать XXVII съезд КПСС. Но жизнь жила не по партийным прописям. Для всего мира и для страны 1986 г. стал годом Чернобыля. Плюс к этому страна была потрясена трагической и нелепой гибелью сотен людей на комфортабельном теплоходе «Нахимов» в шести милях от новороссийского берега на Черном море. Но это был еще и год «встречи в верхах» в Рейкьявике президента США Р. Рейгана и Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 63.

² АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1986. 25 сентября.

Политический год начался 24 января 1986 г. Московской городской партийной конференцией и выступлением на ней Ельцина. Черняев в своем дневнике пишет: «Доклад по симптоматичности, по отражению глубины и масштабов перемен можно поставить вровень с XX съездом КПСС. То есть это уже по духу, по слову, по подходам действительно новые нормы жизни и деятельности. У киосков, где продавалась «Московская правда» (газета с текстом доклада Ельцина. — *Р. П.*), выстраивались огромные очереди»¹.

Ельцин в качестве первого секретаря горкома партии Москвы столкнулся с бесчисленным количеством проблем этого гигантского города. Многие из них были для него неожиданными. За 18 лет управления городом Гришин добился того, что в московские дела никто не вмешивался. Официально у Москвы не было проблем. Лозунгом Гришина было: «Превратим Москву в образцовый коммунистический город». И это было правдой, если говорить о жизни нескольких процентов москвичей, относившихся к «номенклатуре» — не только к официально узаконенному списку партийных и государственных чиновников, чье назначение на должность в обязательном порядке согласовывалось в партийных органах, но и связанной с ними не слишком заметными, но прочными связями небольшой частью работников искусства и науки, милиции и торговли. У них были хорошие, по советским меркам, квартиры, медицинское обслуживание, обеспечение торговым «дефицитом».

Но была и многомиллионная Москва, отделенная от другой, «элитной» Москвы постами милиции и консьержками в подъездах, «персональными» служебными автомобилями и «залами официальных делегаций», как именовали советскую разновидность ВИП-залов на вокзалах и аэропортах. Была та Москва, в которой каждый четвертый житель официально стоял в очереди на получение жилья, а сотни тысяч рабочих-«лимитчиков», нанятых на самую непрестижную работу в столицу, по десять — пятнадцать лет дожидались самого права считаться москвичами и получить пресловутую «прописку». Для этой, другой Москвы были плохие поликлиники и больницы, очереди в магазинах, нечищенные улицы, коммунальные квартиры и «хрущевки», или «хрущобы», как их прозвали, с кухнями на 3,5 метра.

Ельцин начал делать в Москве то, что он делал раньше в Свердловске. Но Москва — не Свердловск. Нигде в стране не суще-

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 63—64.

ствовало столь ярко выраженных противоречий между двумя слоями общества — «номенклатурой» и всеми остальными жителями. Действия Ельцина — демонстративные посещения магазинов, поездки городским транспортом, суровые наказания за несделанную или плохо сделанную работу, признание серьезных проблем, стоявших перед Москвой, откровенные ответы на прямые вопросы и впервые публично сделанные им признания, что ему угрожают люди из московской мафии¹, — превращали Ельцина в этакого Робин Гуда. Но одновременно с этим он воспринимался как «человек команды Горбачева». То, что Ельцину удалось сместить за несколько месяцев «гришинскую команду», считалось опять-таки продолжением кадровой политики Горбачева. Полагаем, и сам Ельцин не скоро заметил, как он стал самостоятельной политической фигурой.

XXVII съезд КПСС. 25 февраля 1986 г. открылся XXVII съезд КПСС. Он начался в тот же день, когда начинал свою работу XX съезд. Съезда ждали, ждали программы Горбачева. Доклад, с которым он выступил на съезде, в целом оправдывал эти ожидания. Он открывался непривычным для таких документов признанием проблем и недостатков в деятельности партии: «В течение ряда лет, и не только в силу объективных факторов, но и по причине прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма — все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества стали проступать застойные явления. Ситуация требовала перемен, но в центральных органах (! — *Р. П.*), да и на местах, стала брать верх своеобразная психология: как бы улучшить дела, ничего не меняя. Но так не бывает, товарищи. ...Нельзя уклоняться от решения назревших проблем. Подобная позиция слишком дорого обходится стране, государству, партии. И давайте скажем об этом в полный голос!»²

Доклад был посвящен вопросам совершенствования социализма в СССР. Текст этого документа не был лишен внутренних противоречий, создавал временами впечатление «лоскутного одеяла», в котором старые, традиционно коммунистическо-фундаментали-

¹ Подробнее см.: *Ельцин Б. Н.* Исповедь на заданную тему. С. 70—83.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 4.

стские оценки сочетались с попытками осмыслить мир по-новому. Эти противоречия с особой ясностью проявились между разделами «Современный мир: основные тенденции и противоречия» и «Основные цели и направления внешнеполитической стратегии партии».

Часть доклада — «Современный мир: основные тенденции и противоречия» — была пропитана традиционными подходами и утверждениями, вроде того, что «мировой социализм — мощное международное образование, он опирается на высокоразвитую экономику, солидную научную базу, надежный военно-политический потенциал»¹. Оценка же капитализма граничила с пропагандистской примитивностью: «Капитализм 80-х годов, капитализм века электроники и информатики, компьютеров и роботов выбрасывает на улицы новые миллионы людей, в том числе молодых и образованных. Богатство и власть все более концентрируются в руках немногих...»² Перечисляя бесчисленное количество противоречий в недрах капитализма, авторы доклада признавали, что «нынешний этап общего кризиса не несет с собой абсолютного застоя капитализма, не исключает возможности роста его экономики»³.

В разделе доклада «Основные цели и направления внешнеполитической стратегии партии» настойчиво проводилась мысль об отказе от военной конфронтации, о единстве мира, о глобальной ответственности. «Выиграть гонку вооружений, как и саму ядерную войну, уже нельзя», — утверждалось там. Мысль, не лишенная красоты, вполне пригодная для философов, рассуждающих на международных посиделках, но, к сожалению, абсолютно утопичная. Она прикрывала (или скрывала, последнее — едва ли не вернее) тот факт, что Советский Союз *проигрывал* гонку вооружений, которую *выигрывали* США и его союзники.

Но вместо признания этого факта, имевшего свою цену и в экономике, и в политике, вместо учета этого неприятного, но реального обстоятельства появился фантом повлиять на мир путем обращения «не только по традиционным дипломатическим каналам, но непосредственно к мировому общественному мнению, к народам»⁴. По сути, это было сохранением и продолжением все

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 63.

той же провиденциалистской коммунистической пропаганды как способа управлять миром, другое дело, что эти идеи были облечены в форму социалистической по смыслу концепции «нового мышления» и «общечеловеческих ценностей».

Отметим и другое — в докладе отсутствовали сколько-нибудь ясно сформулированные представления о собственных национальных, государственных интересах СССР во внешней политике (единственное исключение, кстати, очень неудачное — это утверждение об интересах СССР в Афганистане, оправдывавшее советское военное присутствие там¹).

В области внутренней политики провозглашалось, что «ускорение социально-экономического развития страны — стратегический курс»².

Новым стал объявленный Горбачевым союз с прессой. «Принципиальным для нас, — заявил он на съезде, — является вопрос о расширении гласности. ... Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении. ... Иной раз, когда речь идет о гласности, приходится слышать призывы поосторожнее говорить о наших недостатках и упущениях, о трудностях, неизбежных в любой живой работе. Ответ тут может быть только один, ленинский: коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда. ... Поэтому нам надо сделать гласность безотказно действующей системой»³.

Сразу же после съезда кандидатами в члены Политбюро стали Ельцин, секретарь Ленинградского обкома партии Ю. Ф. Соловьев и первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Н. Н. Слюньков. Секретарями ЦК КПСС стали А. П. Бирюкова, многие годы проработавшая в руководстве советских государственных профсоюзов, А. Ф. Добрынин, многолетний посол СССР в Вашингтоне, В. А. Медведев, назначенный еще и заведующим Отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, Г. П. Разумовский, сохранивший пост заведующего Отделом организационно-партийной работы, А. Н. Яковлев, ставший секретарем ЦК КПСС по вопросам идеологии.

13 марта 1986 г. на заседании Политбюро было закреплено новое распределение обязанностей в высшем партийном руководстве. Горбачев подчинил себе вопросы организации работы Полит-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 69.

² Там же. С. 21—53.

³ Там же. С. 60.

бюро, основные вопросы внутренней и внешней политики, расстановку кадров, общие вопросы экономики, оборону и госбезопасность, внешнюю торговлю, а также ряд Отделов ЦК — организационно-партийный, общий, экономический, административных органов, международный, по связям с компартиями социалистических стран, по работе с заграничными кадрами, управление делами. Горбачев шел гораздо дальше Андропова — тот оставлял за собой только организацию работы Политбюро, «основные вопросы внешней и внутренней политики», оборону и внешнюю торговлю, перепоручив многие вопросы своему «второму секретарю» Черненко.

«Второму секретарю» Лигачеву, в отличие от Черненко, досталось меньше — право организации работы Секретариата ЦК КПСС, идеологической работы партии, вопросы науки и культуры, руководство агропромышленным комплексом. Он должен был осуществлять контроль за Отделами пропаганды, науки и учебных заведений, культуры, сельского хозяйства.

Лигачев, человек крутой и самолюбивый, привыкший командовать, сразу же оказывался в двусмысленном положении: идеологией одновременно занимались два секретаря ЦК — Зимянин и Яковлев, причем последний входил в ближайшее окружение Горбачева, и мнение Лигачева для него не было важным. То же самое происходило со сферой науки и культуры, прежде возглавлявшейся Медведевым, тоже человеком из ближайшего окружения Горбачева. А сфера агропромышленного производства и вообще относилась к прежним многолетним занятиям секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству Горбачева.

Подобное распределение обязанностей означало только одно — Горбачев не хотел иметь около себя сильного «второго секретаря» и потенциального соперника.

Решением Политбюро вопросы развития машиностроения, оборонной и химической промышленности, строительства были закреплены за секретарем ЦК Зайковым; тяжелая промышленность, энергетика, транспорт и связь — за Долгих; легкая промышленность и торговля — за секретарем ЦК Бирюковой, Добрынин руководил работой Международного отдела ЦК; Зимянин отвечал за вопросы науки, образования и здравоохранения; Медведев — за связи с социалистическими странами; секретарь ЦК Никонов — за сельское хозяйство; Разумовский — за работу с партийными кадрами; Яковлев — за идеологическую работу в

партии, внешнеполитическую пропаганду, развитие культуры и искусства¹.

В распределении обязанностей обращает на себя внимание очевидное дублирование функций. Это не ошибка, а скорее принцип кадровой политики Горбачева, предпочитавшего создавать конкурирующие между собой структуры в управлении. Сам по себе этот принцип, однако, предполагал наличие сильного лидера во главе всей вертикали управления...

Тогда, на этом же заседании Политбюро, Горбачев затронул два других важных вопроса. Во-первых, он отстаивал право на существование негосударственного сектора экономики. «У нас по-прежнему сохраняется боязнь перед индивидуальной трудовой деятельностью, страхи по поводу личного хозяйства, — заявлял Горбачев. — Не подорвем мы этим колхозы! Видите ли, социализм под угрозой окажется! ...Надо включить нестандартные подходы. Где-то прорвется частник. Ну и что? Что, у нас уже ничего не осталось от ленинской мудрости, чтобы с этим справиться?»

Второе соображение, сильно беспокоившее Горбачева, — это вынужденное признание распределения *ответственности* между центром и регионами. «На местах у всех пусть голова болит. И чтоб не валили все на советскую власть. И чтоб не было так, что Москва виновата, если в магазинах такого-то города ничего нет...»² Отметим здесь, что в стороне от рассмотрения остался вопрос о предоставлении регионам *прав...*

Помощник Горбачева по международным вопросам А. С. Черняев заметил: сразу же после XXVII съезда «Горбачев ни одного крупного внутреннего дела не оставлял без увязки с внешней политикой», сделав ставку на прямой диалог с лидерами США как способ кардинально изменить международную обстановку³.

Первая встреча глав государств состоялась в Женеве 21—22 ноября 1985 г. и прошла очень успешно, ознаменовалась установлением атмосферы взаимной приязни Р. Рейгана и Горбачева. Однако подготовка следующей встречи «на высшем уровне» шла с трудом, широковещательные заявления советского руководства о «новом мышлении» в сфере международных отношений остались, по мнению Москвы, практически незамеченными западной прессой.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1986. 13 марта.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 72.

³ Там же. С. 72—73, 78.

Происходил «откат» США от тех позиций, которые, по мнению Горбачева, были достигнуты в Женеве¹. Откровенно оскорбительный для СССР характер имело появление эскадры американских военных кораблей у берегов Крыма.

Для оказания давления на руководство США предполагалось вести пропагандистское наступление, обращаясь к общественному мнению Западной Европы и США. 3 апреля 1986 г. на Политбюро был специально рассмотрен вопрос «О политико-пропагандистских мероприятиях по противодействию антисоветской линии США».

В этих условиях Горбачев предложил членам Политбюро высказаться о перспективах советско-американских отношений. Начал обсуждение ветеран советской дипломатии Громыко. Он констатировал: «США заняли линию на обострение. Как вести дело? ... Что касается нас, то нам никогда не изменяли терпение и такт. Сколько было заявлений Генерального секретаря, в которых выражено стремление к урегулированию советско-американских отношений? Но ответ был негативным. Но мы оставляем мосты, продолжая сохранять силу договоренности о визите на высшем уровне... Надо главные идеи Женевы и дальше использовать.

Горбачев. Но американцы не выдерживают не только разрядки, но и оттепели.

Громыко. Не надо мельчить, но нужно и отпор давать. Такт тактом, а отпор нужно давать, но умело, не открывать огонь из всех батарей. По-моему, линия предлагается правильная...

Добрынин. ...Вопросы встречи на высшем уровне все время про себя надо иметь в виду. Не надо переходить к потасовке. Следовало бы расширить контакты с теми силами в США, которые находятся в оппозиции к администрации. Следует ли записывать пункт о советско-кубинских маневрах в Мексиканском заливе?

Лигачев. ...Встречу на высшем уровне не зачеркнешь и со счетов не сбросишь. Перед встречей в Женеве тоже были сложности. Но мы на нее пошли и выиграли, прорвались к международной общественности. Почему американцы так действуют? Видимо, потому, что хотят сорвать встречу. ...Думаю, что на встречу надо идти.

Соколов (министр обороны СССР. — *Р. П.*). Я понимаю дело так, что вопрос о целесообразности встречи не стоит. Она должна

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 22—24

состояться. Но американцы действуют нагло, поставив вопрос о сокращении численности нашего персонала в ООН и осуществив вторжение в наши территориальные воды в Черном море. Нам нужно действовать так, чтобы они почувствовали, что имеют дело с Советским Союзом. Мы не должны молчать...

Горбачев. ...Мы сегодня обсуждаем самый серьезный вопрос внешней политики. На съезде мы прямо сказали, что и мы зависим от них, и они зависимы от нас, что нужно равенство. Мы имеем сильную концепцию. С этой концепции внешней политики нам не нужно сбиваться. Выступив с ней, мы здорово выиграли в мировом общественном мнении и даже в американском обществе. Американскую администрацию беспокоит, что мы набираем очки, имеем выигрыш. Ей труднее проводить свои военные программы. И правое крыло взяло Рейгана за горло. Цель Вашингтона состоит в том, чтобы спровоцировать нас. Об этом свидетельствуют и их действия в отношении Ливии, в Черном море, в ООН...

Что касается наших пропагандистских мероприятий, то они должны быть нацелены на то, чтобы раскрыть нашу линию после Женевы. Нужно показать, что политика США строится на заблуждениях об экономической слабости Советского Союза, на стремлении внести разобщение в советское руководство. В нашей пропаганде следует использовать их болевые точки, разоблачать военно-промышленный комплекс, показывать, как они грабят мир, как обращаются со слаборазвитыми странами, используя их задолженность. ...У нас имеется хорошая почва для действенной пропаганды. Пусть они нервничают, совершают ошибки. А мы должны действовать спокойно... Поэтому следовало бы из документа убрать предложение о том, чтобы практиковать «демонстративные действия с обозначением ударов по морским целям США силами ракетноносных средств дальней авиации ВМФ СССР». Они этого только и ждут. Не надо маневры предпринимать в Мексиканском заливе. Это тоже было бы подарком для них...

Что же касается встречи на высшем уровне, то сейчас этот вопрос мы не решаем. Не надо суетиться ни в политике, ни в прессе».

Горбачев настойчиво добивался встречи с Рейганом. Для укрепления связей с ним было решено обратиться за помощью к премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер. 28 апреля в Лондон вылетел новый посол СССР в Англии Л. М. Замятин, опытный дипломат и недавний заведующий Отделом внешнеполити-

ческой информации, которому поручалось передать письменное послание и устное сообщение от Горбачева премьер-министру Великобритании¹.

Чернобыльская трагедия. Однако в эти дни случилось событие, надолго затмившее все новости, — Чернобыльская трагедия. В 1 час 23 минуты 50 секунд ночи 26 апреля 1986 г., в субботу, в 100 километрах от столицы Украины произошел взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции. Чернобыльская атомная электростанция, мощностью 4000 МВт, состояла из четырех энергоблоков, первый из которых был введен в эксплуатацию в 1978 г., последний — четвертый — в 1984-м.

Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков вспоминает: «Уже собирался уезжать рано утром на работу, когда притормозил меня резкий звонок «вертушки» (телефона правительственной связи. — *Р. П.*). Звонил министр энергетики Анатолий Иванович Майорец». Он сообщил, что на Чернобыльской атомной электростанции произошла авария, но подробностей не знал.

Через полчаса, уже в Кремле, Рыжкову доложили, что «на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции произошел мощный взрыв, после чего начался пожар.

Я уточнил, еще надеясь на лучшее:

— Где взрыв? В машинном отделении?

— Нет, — ответил Майорец, — в реакторе.

Взрыв в реакторе — это было страшно. Пожар в реакторе — еще страшнее. Ночной кодовый сигнал со станции гласил: «Один, два, три, четыре». Эти цифры означали все виды опасности: ядерную, радиационную, пожарную, взрывную. Последствия — ближайшие и отдаленные — предсказать было невозможно»².

Рыжков приказал министру энергетики Майорцу немедленно вылететь на Украину и разобраться в сложившейся ситуации. Срочно была собрана комиссия Совета Министров СССР во главе с председателем Бюро по топливно-энергетическому комплексу Б. Е. Щербиной. Около восьми часов вечера того же дня эта комиссия была в Чернобыле. Она сообщила предварительные сведения — на четвертом блоке было два взрыва, реактор и реакторный зал разрушены полностью, куски графитовых блоков раз-

¹ *Замятин Л. М.* Горби и Мэгги: Записки посла о двух известных политиках — Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. М., 1995. С. 25—27.

² *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. С. 163—164.

бросаны взрывом на сотни метров, над реактором на сотни метров поднимался столб белого дыма — горел графит, внутри реактора было видно малиновое свечение, несколько сотен человек получили лучевое поражение, двое уже погибли, радиационная обстановка очень сложная, необходима срочная помощь Министерства обороны, нужны химические войска¹, тяжелые вертолеты...

В ночь на 27 апреля было принято решение эвакуировать население города Припяти, построенного рядом со станцией. В воскресенье, в 14 часов, началась эвакуация, через три часа из Припяти были вывезены все 40 тыс. жителей².

Все это время советская пресса, радио, телевидение, и центральное, и местное, хранили полное молчание. На Украине, в Белоруссии, в южных областях России ничего известно не было.

28 апреля 1986 г., в понедельник, состоялось внеочередное заседание Политбюро³.

Вечером того же дня, в понедельник, появилось первое официальное сообщение об аварии на Чернобыльской АЭС, довольно короткое и не дающее никакого представления о том, что там в действительности произошло.

На следующий день, 29 апреля, Политбюро собралось вновь. Секретарь ЦК Долгих сообщил, что положение на Чернобыльской АЭС ухудшилось. Температура в реакторе возросла. Происходит выброс графита. Уровень радиации тоже вырос. Получили облучение и госпитализированы свыше ста человек. Ученые и специалисты предложили продолжить заброс (бомбардировку) реактора песком, бором и свинцом. Президент Академии наук СССР, создатель этого типа ядерных реакторов А. П. Александров предупредил о серьезной опасности, которая была связана с возможностью соприкосновения ядерной массы с водой. Выяснилось, что

¹ *Химические войска* — специальные войска в составе Советской Армии, обеспечивающие действия вооруженных сил в условиях радиационного, химического или биологического поражения. — Большой энциклопедический словарь. М., 1991. Т. 2. С. 595.

² *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. С. 165—167.

³ Председательствовал на заседании Горбачев М. С. Присутствовали Алиев Г. А., Воротников В. И., Громыко А. А., Лигачев Е. К., Рыжков Н. И., Соломенцев М. С., Чебриков В. М., Шеварднадзе Э. А., Демичев П. Н., Долгих В. И., Ельцин Б. Н., Соколов С. Л., Талызин Н. В., Бирюкова А. П., Добрынин А. Ф., Зимянин М. В., Медведев В. А., Никонов В. П., Разумовский Г. П., Яковлев А. Н., Капитонов И. В.

комиссия Совета Министров СССР во главе с Щербиной не может находиться в Чернобыле, так как ее участники уже получили большую дозу облучения.

На этом заседании было одобрено сообщение «В Совете Министров СССР» величиной в 19 строк. В нем говорилось, что «...авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ. Три остальные энергоблока остановлены, исправны и находятся в эксплуатационном резерве. При аварии погибли два человека. Приняты первоочередные меры по ликвидации аварии. В настоящее время радиационная обстановка на электростанции и прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь...» Этим, собственно, и заканчивалась информация для советского народа. Гражданам других стран мира Политбюро решило сказать больше: **«Уровень загрязненности несколько превышает допустимые нормы, однако не в такой степени, чтобы требовалось принятие специальных мер для защиты населения»** (выделено мной. — *Р. П.*)¹.

Это сообщение появилось тогда, когда ждали худшего, когда уже были выселены 40 тыс. жителей Припяти, когда было принято решение ввести 10-километровую зону выселения вокруг Чернобыля.

Зато хорошо отметили пролетарский праздник 1 Мая. В Киеве, Чернигове, Минске, Гомеле, Смоленске и Курске, в городах и районах состоялись многочасовые и многотысячные демонстрации, народные гуляния под лучами жаркого весеннего солнца. Отметим: руководство республик, областей имело вполне достаточную информацию для того, чтобы реально представить себе последствия радиационного поражения. Председатель Государственного комитета по метеорологии и контролю над окружающей средой СССР Ю. А. Израэль сообщил позже Верховному Совету СССР, что с первого дня аварии реальная радиационная обстановка ежедневно передавалась в Политбюро, в ЦК КПСС, в Советы Министров республик, в областные исполнительные комитеты. Информация была. Другое дело, что она оставалась секретной и недоступной для людей, ставших жертвами трагедии.

2—3 мая в Чернобыле были Рыжков и Лигачев. Ознакомившись с положением на месте, Рыжков принял решение эвакуиро-

¹ Волкогон Д. А. Семь вождей. М., 1995. Кн. 2. С. 354—355.

вать людей из 30-километровой зоны вокруг станции. Подлежали выселению жители 186 населенных пунктов¹.

Горбачев выступил с сообщением о Чернобыле по телевидению только 14 мая 1986 г.

Кстати, практически полное отсутствие информации о деятельности комиссии Рыжкова, проделавшей гигантскую работу по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, было, во-первых, большой ошибкой, позволим сказать — ошибкой политической, так как подрывалось доверие к власти, и, во-вторых, было просто несправедливо по отношению к людям, несшим на себе громадную ответственность, не боявшимся появиться в Чернобыле, там, где была реальная угроза радиационного поражения².

Самыми страшными проблемами становились медицинские, в том числе связанные с длительными последствиями радиационного поражения. Для сотен тысяч людей, живших в благодатнейших районах Украины, Белоруссии и России, вдруг возникла проблема «чистого» питания. Местный скот, молоко, овощи и фрукты, грибы и ягоды оказались опасными для здоровья.

Болели дети. Росло социальное напряжение, недоверие к власти.

3 июня 1986 г. состоялось очередное заседание Политбюро, на котором попытались выяснить причины Чернобыльской аварии. Докладывал заместитель председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина³.

«Позвольте доложить о главном, — заявил он. — Как известно, 26 апреля на энергоблоке № 4 Чернобыльской станции произошел паровой взрыв реактора. Разрушено здание установки. Из реактора была выброшена часть топлива в виде радиоактивных осколков и аэрозолей. Взрыву предшествовал неконтролируемый «разгон» реактора. Авария произошла в результате грубейших нарушений эксплуатационным персоналом технологического регламента и в связи с серьезными недостатками конструкции реактора...»

Итак, Щербина назвал две причины, которые, по мнению комиссии, привели к аварии. Первая — грубейшие ошибки персо-

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 172—172.

² Комиссией на месте, в Чернобыле, по очереди руководили Б. Е. Щербина, И. С. Силаев, Л. А. Воронин, Ю. Д. Маслюков, В. К. Гусев, Г. Г. Ведерников, Толстых, В. А. Масол, П. И. Мостовой. — См.: Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 173.

³ Здесь и дальше цит. по: АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1986. 3 июня.

нала и отсутствие технологической дисциплины. Вторая — недостатки самого реактора типа РБМК, разработанного еще в середине 1950-х гг. Создание этой техники было исключительной привилегией военно-промышленного комплекса.

Горбачев обвинил производителей и ученых-ядерщиков в том, что они передали в народное хозяйство недоработанный реактор. «Не получается ли так, — утверждал Горбачев, — что волюнтаризм отдельных лиц вовлекает страну в авантюру?

— Монополизм действительно очень велик», — подтвердил Щербина.

Горбачев допытывался: «Кто вносил предложение о дислокации АЭС около городов? Чьи это были рекомендации?»

Щербина оправдывался: «Кто конкретно принимал решение о строительстве в Чернобыле, я сейчас точно сказать не могу, но согласно установленному порядку выбор площадки рассматривается в Госплане и Госстрое, которые вносят предложение о строительстве АЭС».

Горбачев нажимал: «Вы должны это точно знать».

Читая этот диалог, трудно отделаться от ощущения неприличия происходившего. И Горбачев, и Щербина, и другие члены Политбюро прекрасно знали, *кто* принимал решения. Эти решения всегда принимались Политбюро ЦК КПСС, принимались по представлению центральных министерств, с согласия и одобрения партийных органов. Программу развития ядерной энергетики на Украине лоббировал первый секретарь ЦК компартии Украины, член Политбюро ЦК КПСС Щербицкий, участвовавший в этом заседании.

Правила партийного этикета, требовавшего признавать свою вину вследствие партийной целесообразности, взорвал старейший участник заседания, легендарный Ефим Павлович Славский, трижды Герой Социалистического Труда, человек, с первых дней участвовавший в советской ядерной программе, получивший свою первую Звезду Героя в 1949 г. за первую советскую атомную бомбу, почти тридцать лет руководивший Министерством среднего машиностроения (под этим названием скрывалось министерство, отвечавшее за разработку и создание ядерного оружия, ядерных реакторов и технологий). Он не собирался подыгрывать Горбачеву.

«Михаил Сергеевич, я потрясен Вашими оценками нас, коммунистов, работающих в Средмаше, будто мы не подконтрольны партии, — заявил Славский. — Что касается Чернобыля, то я утверждаю, что мы сделали рукотворный взрыв. Шашарин (замес-

титель министра энергетики и электрификации СССР. — *Р. П.*) здесь пел, как артист Большого театра. Но он не сказал, почему проводили на АЭС совершенно бессмысленный эксперимент. Кому он был нужен? Плюс к этому заблокировали систему аварийной защиты. Ядерный процесс идет в реакторе так же, как и в бомбе, но в реакторе он управляемый. В данном случае взрыв был паровым, но фактически он вызван ядерным процессом. Чудовищно, мы выбросили в атмосферу огромное количество осколков. Пожарники погибли по неграмотности. Уже после того, как пожар в четвертом блоке был потушен, их заставили стоять на всякий случай.

Сейчас получается, будто Средмаш волюнтаристски решал вопрос о том, какой реактор строить. Но мы решали этот вопрос не сами. История вопроса такова: первым нашим реактором был реактор типа РБМК. Их у нас десятки. Работают они хорошо. Их автор Доллежалъ (академик Н. А. Доллежалъ, главный конструктор первой в мире атомной электростанции. — *Р. П.*) — испытанный человек. Наш первый реактор работает 30 лет, и никаких событий не происходило. Такие же реакторы у нас стоят на подводных лодках. РБМК — долговечный хороший реактор. Но что же они сделали в Чернобыле? Спрашивается, кто управлял экспериментом? Районный инженер? Главный инженер, директор станции, представители Кулова (председателя Государственного комитета по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике. — *Р. П.*) — все спали. Экспериментом руководил районный инженер, который не имел на это никакого права. К тому же испытывалась никому не нужная программа...

К чудовищной катастрофе привела инициатива районного инженера — стержней должно быть 15, а было 5. Что касается системы защиты, то эти вопросы обсуждались на высоком научно-техническом уровне под руководством Александрова (А. А. Александров — президент Академии наук СССР, ученый-атомщик. — *Р. П.*). Если управлять реактором по закону, то все будет в порядке. ...Сейчас развелось много умников, которые в такой ситуации представляют, что они все знают и обо всем судят».

Горбачеву оставалось только перевести разговор с технических материй на близкие ему политические. «Но мы же живем в демократическом обществе, — ответил он Славскому, — и люди могут высказывать свое мнение».

Славский с горечью продолжил: «Я, Михаил Сергеевич, ваши речи читаю, согласен с ними. Нужно учитывать различные мне-

ния, но ведь у нас есть настоящие ученые, компетентные в этих вопросах...»

Академик Легасов, один из тех ученых, который был с первых дней Чернобыльской катастрофы там и много сделал для того, чтобы найти способы уменьшить ее радиационные последствия, признал, что «реактор РБМК по некоторым позициям не отвечает международным и отечественным требованиям. Нет системы защиты, системы дозиметрии, отсутствует внешний колпак...».

Окончание заседания Политбюро ознаменовалось массовым увольнением ряда министров и заместителей министров, связанных с обеспечением ядерной безопасности.

Чернобыль имел и другой накал — политический. «Управляемая гласность», примененная Политбюро при освещении этой трагедии, не просто скомпрометировала себя. Она, эта полуправда, становилась в точном юридическом смысле преступлением, так как замалчивание или несвоевременное информирование создавало опасность для здоровья и жизни сотен тысяч людей, преступлением, ответственность за которое несет политическое руководство СССР.

События в Чернобыле стали мощным стимулом экологических движений по всей стране. Эти движения принимали явно выраженную политическую окраску. На Украине и в Белоруссии, особенно пострадавших от катастрофы, появились общественные движения, обвинявшие центральные власти в «геноциде» по отношению к жителям этих республик. Эти настроения встретили поддержку среди части населения.

Куда идем? Дискуссия на Политбюро. Весна и лето 1986 г. были беспокойными, тревожными. Происходило черт знает что: цена на нефть рухнула с 30 с лишним долларов до менее чем 10 долларов за баррель, взорвался Чернобыльский реактор, немецкий самолет кружил над Кремлем, в нескольких милях от берега в Новороссийской бухте в борт роскошного теплохода «Нахимов» врезался грузовой корабль, за несколько минут утопивший пассажирское судно. Уже первые итоги расследования свидетельствовали, что команды обоих судов нарушили все возможные правила и наставления по судовождению. Произошло то же, что и в Чернобыле: отсутствие дисциплины, мало-мальской ответственности...

В действиях Горбачева стала проявляться суетливость. С одной стороны, он выступает как общественный лидер, пользующийся поддержкой активной части общества. В апреле 1986 г. в Тольятти

Горбачев провозглашает «перестройку всех сфер общественной жизни, перестройку в мысли, делах, работе». Поддержка Горбачева явственно проявилась во время Всесоюзного съезда кинематографистов, состоявшегося в мае 1986 г.

С другой — он пытается по-андроповски выступать в роли борца с коррупцией в высших эшелонах власти и в республиках, и в Москве. 15 мая на заседании Политбюро он сообщил о потоке жалоб из Казахстана о неправильных действиях тамошнего первого секретаря ЦК Д. Кунаева, который обвинялся в выдвижении на государственные посты своих родственников, в коррупции¹, спустя неделю он требовал усилить борьбу с коррупцией в Узбекистане, посмертно осудить действия Ш. Рашидова.

До середины 1986 г. сохранялась идея «ускорения социально-экономического развития страны»². Однако эта кампания начинает затухать. Исподволь, не очень явно, нарастали экономические проблемы. Бюджетный дефицит в СССР составлял в 1985 г. — 17 млрд. рублей, а в 1986 г. он вырос в 3 раза³. Осложнились финансовые проблемы страны. Эксперименты с бюджетом, начатые вместе с антиалкогольной кампанией, усугубленные падением доходов от нефти, привели к тому, что скрытым источником инвестиций в народное хозяйство становились повышение цен и рост эмиссии. 25% промышленных предприятий не выполняли планы, 13% — были убыточны, зато на предприятиях накапливались так называемые «сверхнормативные ценности», материалы, сырье, оборудование «про запас», сумма этих припасенных материалов составляла около 80 млрд. рублей по ценам 1986 г.⁴

В августе 1986 г. состоялась поездка Горбачева на Дальний Восток — во Владивосток, Хабаровск, Находку, Комсомольск-на-Амуре. Там Горбачеву пришлось столкнуться с тем, что перестройка до Дальнего Востока не дошла. «Чиновная знать, — писал Горбачев, — инстинктивно или сознательно игнорирует перестройку»⁵. Именно там, на Дальнем Востоке, Горбачев начал публично обвинять «среднее звено» управленческой системы страны в недостатках, в саботаже. Выступая перед членами Политбюро после своего возвращения с Дальнего Востока, Горбачев жаловался, что

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 101.

² Там же. С. 82.

³ Согрин В. Политическая история современной России. М., 1994. С. 21

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. I С. 305.

печать замалчивает недостатки, народ с тоской вспоминает об Андропове, что кадры партии должны перестраиваться. Люди готовы участвовать в перестройке, говорил он, но уже говорят, «не пойдет ли на спад» она. Стиль местных организаций не меняется, остается консервативным¹.

Горбачев подверг резкой критике союзные министерства, экономические службы правительства, партийный аппарат. По его мнению, в стране нет политической оппозиции со стороны противников перестройки, но есть консерватизм, косность. Вспоминая о заседании Политбюро 25 сентября 1986 г., Воротников отметил для себя, что именно тогда Горбачев провозгласил лозунг «бить по штабам»².

Нарастали противоречия и в составе Политбюро. Эти противоречия были всегда — спорили о том, как и что нужно было делать, было соперничество за влияние и власть, споры между теми членами Политбюро, которые возглавляли Совет Министров СССР или РСФСР, и их «партийными кураторами», бывали, наконец, сложные межличностные отношения. Однако политические споры были великой редкостью.

На заседании Политбюро 27 октября 1986 г., при обсуждении вопроса о письмах, которые получал ЦК КПСС, вспыхнула настоящая политическая дискуссия³.

Горбачев проинформировал членов Политбюро о том, что в письмах содержится резкая критика нехватки продовольствия, люди возмущались появлению коммерческих магазинов, где те же самые государственные товары продавались по повышенным ценам. Он сообщил, что на местах его обвиняют в создании собственного «культа личности». Раздражение у людей вызывало повышение цен на спиртные напитки и мясные продукты. «За 9 месяцев этого года в Центральный Комитет поступило 8 тысяч писем по вопросам торговли промышленными и продовольственными товарами, — сообщил Горбачев, — и 471 письмо по вопросам ценообразования, что больше, чем за весь прошлый год.

Немало сердитых писем, обращенных ко мне лично, — продолжил Генеральный секретарь. — Вот, например, письмо из Ленинграда. «Мне, и не только мне, не нравится то, как Вы ведете

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 108—109.

² Там же. С. 109.

³ Здесь и дальше цит. по: АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1986. 27 октября

внутреннюю политику. Слишком много слов! В каждом городе, куда Вы приезжаете, Вы говорите хорошие, правильные слова. Приятно слушать, но на деле-то ничего нет! Мы что, стали жить лучше, стали работать лучше? ...То же и с Указом о борьбе с нетрудовыми доходами. Сначала схватились хорошо. А сейчас? С кем боремся? С теми, кто своим трудом выращивает овощи и фрукты. Зачем? А до тех, с кем действительно нужно бороться, руки не доходят...»

Или вот письмо без подписи из Москвы. «Ваши утопические проекты по спасению России доведут нас до полного разочарования в политике партии. Посмотрите трезво, до чего дошла страна. Кругом процветают коррупция и спекуляция. Это приведет нашу Родину к полной отсталости и преклонению перед капиталистическим образом жизни. И говорите «ускорение», «интенсификация», но это лишь голые, ничем не обоснованные слова. Великая держава все больше становится похожей на Русь, разоренную Батыем...»

Выслушав это, слово взял Громыко. Его выступление по концептуальной выстроенности, детальной проработке заставляет предположить, что оно не было экспромтом.

«Прежде всего коснусь идеологической работы, которая должна в полной мере соответствовать нашим политическим и экономическим задачам, — говорил Громыко. — Здесь нельзя ни в коем случае даже на отдельных участках пускать дело на самотек. Ведь надо помнить, что в идеологических вопросах нет более высокого судьи, чем партия, Центральный Комитет, его Политбюро. Ясно, что милицейские методы здесь не годятся. Нужно действовать прежде всего силой убеждения и разъяснения. Но все же нельзя проходить мимо того, что у нас не перевелись люди, которые хотят, чтобы мы вернулись к переоценке прошлого, снова поставили бы под вопрос Сталина, индустриализацию, коллективизацию. Это просто недопустимо...»

Я согласен, что, видимо, жестковато поступили в свое время с Ахматовой, Цветаевой, Мандельштамом. Но нельзя же, как это делается теперь, превращать их в иконы. Ленин вообще умел работать с интеллигенцией, и нам надо у него учиться. Можно напомнить, как, например, мудро Ленин учил Горького, доказывая ему, что мы не можем быть добренькими. И мы, конечно, не можем быть добренькими. Тут сомневаться нечего...

Видимо, члены Политбюро недавно читали разосланный нам документ, в котором т Никонов предлагает реабилитировать рус-

ских буржуазных экономистов А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева, А. Н. Челинцева и Н. П. Макарова. Разве можно это делать? Это были махровые защитники кулачества, против которых выступал Ленин. Хотя они утверждали, что их идеи использовались при разработке нашего кооперативного плана. Мне самому, когда я преподавал политэкономии, приходилось разоблачать этих горе-теоретиков, выступавших главным образом под флагом защиты кулачества и свободного хуторского хозяйства. А теперь нам предлагают, видите ли, реабилитировать этих буржуазных лжеученых. Естественно, на это идти нельзя. И вообще в решении таких вопросов мы должны быть предельно осторожны и сдержанны. Надо уметь правильно оценивать прошлое».

Громыко открыто пошел против «нового мышления», проявившегося, в частности, в поддержке первых попыток прессы представить образ социализма, очищенного от сталинских репрессий и «искажений ленинизма». Очевидно и другое — в Политбюро подготавливалось решение о создании комиссии по продолжению реабилитации жертв политических репрессий, и Громыко был проинформирован об этом¹. Его выступление свидетельствовало, что он был против.

Горбачев оказался в сложном положении. Авторитет Громыко был велик, но уступить ему Генеральный секретарь не мог. «Вы сами видите, — говорил Горбачев, подводя итог обсуждению, — во что вылился этот наш очень доверительный и откровенный разговор. Речь пошла в целом о деятельности ЦК КПСС, Политбюро, о нашем курсе, о позициях по многим и многим актуальным вопросам. Главное состоит в том, чтобы у нас не было расхождений в оценке значения основной стратегии, которую мы предложили нашему народу, еще глубже стали понимать, что это не импровизация и не озарение. Это обдуманная, научно обоснованная позиция партии, ее стратегическая линия. Никакой убедительной альтернативы этому курсу мы не видели и не видим. ...Курс на перестройку затрагивает сами основы жизни общества, наиболее злободневные проблемы сегодняшнего и завтрашнего дня, глобальные вопросы внутренней и внешней политики».

Горбачев вновь и вновь возвращался к вопросу о необходимости «добиваться правильного, заботливого решения каждого вопроса, который связан с обслуживанием советского человека. ...Ведь

¹ Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 320—321.

в своей массе наш народ живет далеко не избалованно, весьма скромно. Да, мы решили главные вопросы социального положения человека. Дали ему право на труд, на образование, на жилище, на охрану здоровья (хотя здесь предстоит еще очень многое сделать), на обеспечение самого существенного — возможности жить в мире. Это то главное, что мы дали нашим людям. Но все же качество жизни населения нашей страны серьезно отстает. Новые задачи, задачи ускорения и перестройки еще больше обострили все эти вопросы, создали немало сложных проблем, требующих усиления идеологической работы».

Но соглашаться с Громыко Горбачев не был намерен. Процитируем дальше: «Правда, попадают у нас в этом деле закомплексованные личности, загнали экономику, капитальные вложения — об этом можно говорить. Провалили снабжение людей необходимыми товарами... а вот в идеологии такие деятели не допускают даже намека на новое слово, на какой-то сдвиг. Думаю, что с такими горе-теоретиками от марксизма нам еще придется столкнуться, и не раз. И тут главная забота — усиление влияния партии на всю сферу идеологии...» Горбачев бил Громыко за все: за то, что старый состав Политбюро, по его мнению, «загнал экономику», «провалил снабжение»; да еще и пытается быть «горе-теоретиками от марксизма» (явный намек на слова Громыко, что он преподавал политэкономия в молодости). Союз Горбачева и Громыко, приведший Горбачева к власти, развалился. Противоречия нарастали, и уже нельзя было их разрешить очередной отставкой и направлением на пенсию.

Не встречала поддержки навязываемая Горбачевым идея государственной приемки продукции. В конце ноября на Политбюро Воротников и Рыжков подвергли госприемку критике, оценив ее как бюрократическую, надуманную. В свою очередь, Горбачев продолжал решительно настаивать на ее введении.

4 декабря на Политбюро рассматривался вопрос, поставленный Советом Министров, о повышении цен в стране. Его поддержали Горбачев, Рыжков, Соломенцев, Никонов, Мураховский, Бирюкова. Яростно против выступили Лигачев, Воротников и Шеварднадзе. Они утверждали, что в тех условиях, когда 25 млн. жителей страны живут на месячные доходы ниже 50 рублей на человека, а 50 млн. — ниже 80 рублей, повышать цены нельзя. Споры приобрели столь резкий характер, что Горбачев был вынужден констатировать: имеются «серьезные политические разногласия в

Политбюро». Чтобы преодолеть углубление противоречий, он предложил снять вопрос Совета Министров с обсуждения — «и так оказались на грани раскола»¹.

Тактически это было безукоризненно. На Политбюро вопрос был закрыт. Правда, осталась нерешенной экономическая проблема — а надо ли было повышать цены?

Экономическая тема еще несколько раз рассматривалась на заседании Политбюро. 11 декабря Рыжков сообщил о подготовленном проекте закона о социалистическом предприятии. По этому закону на предприятиях вводилась выборность руководителя, декларировалось сочетание единоначалия и демократического управления, на предприятиях создавались советы трудовых коллективов.

На Политбюро возникли споры: что такое выборность в условиях производственного предприятия? какая роль отводится министерствам — утверждать решение коллектива или это решение является окончательным и министерства не могут его отменить? как соотносятся функции совета трудового коллектива и профсоюза? возможны ли самокупаемость и полный хозяйственный расчет на предприятиях, когда в стране действуют заниженные цены, когда все сырьевые отрасли находятся на дотации государства?

Многие из этих опасений позже оправдались. После принятия этого закона многодневные процедуры выборов руководителей промышленных предприятий, запланированное законом противостояние администрации советам трудовых коллективов стали одним из факторов дестабилизации ситуации в промышленности, способствовали углублению кризисных явлений.

25 декабря на Политбюро было принято другое важное решение — о порядке создания совместных предприятий с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления. Горбачев, выступая на Политбюро, отмечал, что решение о совместных предприятиях необходимо. Но условия должны предусматривать как наш интерес, так и интерес партнера. Продукция должна иметь экспортную направленность. Необходимо внимательно рассмотреть социальный аспект и подготовить общественное мнение.

Отмечу, что речь шла о принципиально важном деле — попытке скрестить социалистическое производство с производством капиталистическим. Понятно, что нужны были деньги, инвестиции,

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: С. 122—123.

своих уже не хватало. Однако **политические** следствия этого решения попросту игнорировались.

Однако первые полтора года, прошедшие после вступления Горбачева на высший пост в СССР, заставляли задумываться: почему не воплощаются в жизнь хорошие лозунги? В истории КПСС был готовый ответ на этот вопрос: дело в кадрах! «Осуществление нового политического курса во многом упиралось в необходимость кадровых перемен в центре и на местах, — объяснял сложившуюся ситуацию соратник Горбачева, один из идеологов его реформ В. А. Медведев. — Нужны были новые люди, не отягощенные старыми представлениями, формами и методами работы...»¹

За этой формулировкой, как будто списанной из учебников по партстроительству — была такая учебная (и даже научная!) дисциплина в партийных высших учебных заведениях, — скрывается драматическая проблема управления страной. **Ресурсы централизованного управления резко сузились.** Однако централизованная, пожалуй, самая централизованная в мире вертикаль управления — номенклатура сохранялась в ее неизменном виде. Кроме управленческого удобства в ней была скрыта пренеприятная деталь, присущая любой «вертикали власти».

В тени «вертикали власти» оказывалась и оказывается персональная ответственность (точнее — **безответственность**) исполнителей на местах и в центре. Ответственность за любую проблему — от протекающей крыши, отсутствия товаров в магазинах или разбитых дорог до содержания телевизионных программ или размеров пенсий — всеми возлагалась на высшее руководство, на тот институт власти и тех людей, портретами которых украшали демонстрации 1 мая и 7 ноября. Такое положение было более или менее терпимо для высшей власти, когда она могла запугать граждан террором или задобрить обещаниями лучшей жизни, более или менее подкрепленными материальными ресурсами.

А когда ни того, ни другого не осталось?

Тогда для сохранения власти в ее высших звеньях требовалось перераспределить ответственность, переложить ее на нижние звенья и сделать так, чтобы «разомкнуть» номенклатурную цепь, сделать нижние звенья формально независимыми от высших.

В этих условиях Политбюро совершило поворот в своей кадровой политике.

Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 42.

На пути к самострелу номенклатуры. Великие исторические изменения начинаются иногда вовсе не потому, что их запланировали мудрые вожди. В истории известно немало случаев, когда, казалось, события пустяковые, кажущиеся вполне рутинными и управляемыми, срывали лавину, сметавшую на своем пути все — и выстроенные предохранительные стены, и самих вождей, еще недавно убежденных в своем могуществе.

Местные власти работают плохо. Перекаладывают свою ответственность на Москву, компрометируют идеи перестройки и его — Михаила Сергеевича Горбачева. Этот вывод Горбачев вынес из своих многочисленных поездок по стране в 1986 г. Но как сменить их, этих начальников, как поменять номенклатуру? Если назначенный на должность человек соблюдает устав партии, не совершает преступлений, руководимое им учреждение не хуже иных, то формальных оснований убрать его с должности нет! Сталин находил успешные методы чистки номенклатуры, используя «большой терпор», но в конце XX в. этот способ был уже неприменим.

Тогда как?

Ответ попытались найти в традиционных методах партийного руководства кадрами. Осенью 1986 г. был запланирован специальный Пленум ЦК КПСС о кадровой политике партии. Но его не успели подготовить, перенесли на зиму. Пленум готовили тщательно. Его подготовкой руководил сам Горбачев, в созданный по его поручению «идейный штаб» вошли Лукьянов, Яковлев, Медведев, Разумовский, Болдин, Разумов, Биккенин. Обсуждался главный вопрос, который следовало объявить и узаконить решением будущего пленума, — как же сменять, чистить номенклатуру, или, переведя на партийный язык, определить «принципы проведения кадровой политики», какими методами ее осуществлять. Важно и то, что существенные изменения в курсе партийного руководства за прошедшие полтора года требовали подтверждения верности этому курсу, получившему название «перестройки» со стороны представителей партийного аппарата (отметим: пока — только отдельных представителей!). Поэтому неслучайно, что название пленума гласило: «О перестройке и кадровой политике партии».

Основным принципом кадровой политики всегда была верность новому лидеру. Методом же осуществления была всегдашняя возможность отставить неугодного партийного лидера, если его действия не отвечали установкам «сверху». Вертикальная система управления — сверху вниз — долгие годы действовала безотказно. В принципе она сохранялась и сейчас. Но впервые радикаль-

но изменились методы осуществления этой политики. Глубокая убежденность в том, что Горбачев сохраняет в своих руках все важнейшие рычаги власти, что новые методы управления номенклатурой только укрепят позиции Горбачева и его сторонников в руководстве КПСС, породила качественно новые методы кадрового обновления.

Главных нововведений было два. Первое состояло в том, что будущий пленум должен был утвердить возможность **прямых и альтернативных выборов** коммунистами «первого» руководителя — от секретаря первичной организации до секретарей обкомов и республиканских организаций. Теоретически выборы эти существовали всегда. На практике же руководителя любой организации, начиная с первичной, выбирали не прямым голосованием, а, в зависимости от масштаба партийной организации, на заседании партбюро, парткома, бюро обкома или на Политбюро, «согласовывая», а по существу — предreshая это избрание-назначение утверждением в вышестоящем партийном органе.

Второе новшество состояло в том, что процесс выборов попал в зону общественного контроля. Гласность получала политический смысл. Допущение открытой критики стало способом проверки кандидатов на партийные должности соответствии идеям перестройки.

По схеме все было сложено правильно. Но если бы правильные замыслы приводили к правильным результатам...

Обсуждение «кадровых вопросов» всегда было сопряжено с той особенностью, о которой пел в свое время Александр Галич: «А из зала кричат — давай подробности!» В данном случае речь идет о том, как дошли до жизни такой, кто из недавних вождей и в чем виноват.

19 января 1987 г. на заседании Политбюро, накануне открытия пленума по кадровой политике, вспыхнул спор по поводу формулировки доклада на будущем пленуме, что «ЦК КПСС, руководство страны прежде всего в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме понять необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе...»¹. Субъективные причины — какие? Кто были те субъекты в ЦК КПСС, которые были непонятливы и просмотрели необходимость перемен?

Вопросы эти были отнюдь не риторическими, и перевести их в философскую плоскость рассуждений не удавалось.

¹ *Медведев В. А.* В команде Горбачева. С. 45.

Начал задавать эти неудобные вопросы первый секретарь МГК, кандидат в члены Политбюро Ельцин. Он заявил, что в проекте доклада «слабо показана вина Политбюро прошлого состава»¹. По его мнению, в «застое» и торможении развития страны виноваты тогдашние члены Политбюро, и он предложил дать каждому из них персональную оценку². Напомним, что из того, «застойного», Политбюро в новом составе были и сам Горбачев, и Громыко, Щербицкий, Алиев, Соломенцев, Воротников, кандидатами в члены Политбюро тогда были Шеварднадзе, Долгих, Демичев, Чебриков. Ельцин считал, что в докладе завышена оценка перестройки, негативные явления еще сильны в жизни страны, да и последние, «послеапрельские» годы следовало бы оценить более критично. В ряде регионов страны, по его словам, мало что изменилось, да и в аппарате ЦК сохраняется прежний, «нажимной» стиль работы.

Такой перевод принципа «коллективной безответственности» к ответственности персональной, понятно, одобрения не вызвал, тем более что критические стрелы Ельцина попадали в самого Горбачева с его оценкой перестройки.

Последовал отпор. Э. А. Шеварднадзе не без ловкости попытался увести себя и своих коллег по Политбюро от ответственности, заявив, что «в Политбюро в те годы не было коллегиальности, решения принимались узкой группой, минуя Политбюро»³; в начавшемся обсуждении последовали советы «не ворошить прошлое». Сам Горбачев «высказался против того, чтобы в оценке прошлого сводить дело к оценке членов руководства и членов ЦК прежних составов. Для нас важны политические выводы и извлечение уроков на будущее», — заявил он. По мнению Горбачева, причина того, что перестройка идет медленно, — в ошибках кадровой политики управленческих структур⁴.

Спор в Политбюро неожиданно приобрел принципиальный характер. Если до последнего времени наибольшими радикалами там был сам Горбачев и его «интеллектуальный штаб» во главе с Яковлевым, то теперь в составе Политбюро оказался человек, который позволил себе критиковать их подходы, опираясь на реальности, настаивая на еще большей радикальности. Слова Горбаче-

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 122.

² См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 309; Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 45.

³ Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 45.

⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 309.

ва, адресованные Ельцину, что в стране нужна перестройка, а не перетряска кадров, становились оценкой Горбачевым той работы, которую Ельцин проводил в Москве. Тандем Горбачев — Ельцин начал разваливаться. Это было сильным ударом для Ельцина. Уходила та опора, которая была необходима для первого секретаря Московского горкома партии.

Горбачев не простил Ельцину его выступления. На следующий день Горбачев звонил Воротникову и говорил ему, что методы Ельцина — заигрывание с кадрами, обещания, перетряска кадров, что положение в Москве не меняется к лучшему...¹ Телефонные звонки, судя по наблюдениям, предсказывали одно — желание Горбачева избавиться от неудобного ему человека. Так было с Тихоновым, Гришиным, Кунаевым... Теперь подходила очередь и Ельцина.

Точка поворота, или Начало конца. 27—28 января 1987 г. состоялся Пленум ЦК «О перестройке и кадровой политике». Открывался он вполне традиционно. Кадровая политика всегда была важнейшей темой партийного руководства.

В докладе Горбачева констатировалась «опасность нарастания кризисных явлений в обществе»², ясно было обозначено стремление показать, в чем же причины этих кризисных явлений. Это вынудило его дать исторический экскурс. Он, в свою очередь, вызвал резкую критику в адрес ученых-обществоведов — историков, философов, экономистов, остававшихся, по его словам, на позициях 30—40-х гг. Определяя природу перестройки, Генеральный секретарь видел в ней прежде всего новый этап совершенствования социализма, который совершался с опорой на массы, развитие демократии, интенсификацию экономики, решительный поворот к науке.

У этой позиции нашлись и оппоненты. В выступлениях на пленуме И. К. Полозкова, тогда — первого секретаря Краснодарского обкома КПСС, В. Н. Голубевой, директора ткацкой фабрики, ряда других депутатов содержалась критика прессы, переступавшей, по их мнению, в своем критическом настрое грань объективности, «очернявшей» историческое прошлое страны.

Впрочем, важнее оказались не теоретические споры о природе перестройки, а организационные решения, принятые на нем.

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 46.

² Правда. 1987. 28 января.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев, недовольный низкой эффективностью деятельности партийного и государственного аппарата, предложил (и это предложение было оформлено постановлением пленума) **проводить выборы в Советы и в партийные органы на альтернативной основе**. По замыслу партийного руководства страны выборы должны были:

— сменить нерадивых управленцев, не пользовавшихся поддержкой населения, на тех коммунистов, которым доверяют жители;

— укрепить позиции КПСС, так как первые секретари райкомов, обкомов и крайкомов партии, получившие в результате альтернативных выборов мандаты депутатов Советов, становясь председателями Советов, получали принципиально новое легальное основание для участия партии в управлении;

— для того чтобы придать КПСС черты партии парламентского типа, необходимо было провести реорганизацию высших звеньев системы Советов на республиканском и союзном уровнях.

XIX Всесоюзная партийная конференция, состоявшаяся летом 1988 г., приняла решение о создании нового высшего органа государственной власти — съезда народных депутатов. 1 декабря 1988 г. были приняты два закона — «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР». Пленум утвердил возможность **прямых и альтернативных выборов** коммунистами «первого» руководителя — от секретаря первичной организации до секретарей обкомов и республиканских организаций.

Впервые за свою историю **руководство КПСС попыталось отказать от номенклатурного принципа назначения** на партийно-государственные должности, то есть от важнейшего способа воздействия на все стороны жизни государства. А то, что руководство КПСС надеялось опереться на общественное мнение, воплощенное в прессе, на голоса рядовых коммунистов как на средство проведения кадровой «чистки» и осуществлять ее посредством альтернативных выборов — это вообще не имело прецедентов в истории партии.

Так было принято решение о проведении выборов на альтернативной основе — как в партии, так и в Советах. Альтернативные выборы «съели» номенклатурную систему, стали колыбелью для национальной оппозиции и в конечном счете подготовили развал СССР. Но это в будущем. Инициаторам этого пленума тогда все представлялось иначе.

Однако в процессе претворения в жизнь решений этого пленума выявились иные результаты, не предусмотренные партийными лидерами:

— выборы на альтернативной основе не проводились в СССР с начала 1920-х гг., и, как следствие, партийно-государственный аппарат не имел опыта действия в таких условиях, поэтому возможность применить так называемый «административный ресурс» в это время была минимальной;

— проведение выборов на альтернативной основе тогда, когда за одно место депутата боролись несколько человек, с неизбежностью предполагало, что кандидаты будут доказывать свое своеобразие, свои достоинства, свою программу. Следовательно, **альтернативные выборы порождают альтернативность программ кандидатов, участвующих в выборах;**

— так как основными претендентами на выборах были представители партийного аппарата или кандидаты, которых поддерживал аппарат, то их соперники на выборах были обречены на то, чтобы критиковать партийный аппарат и КПСС;

— это, в свою очередь, впервые за советское время позволило создать предпосылки для легального существования антикоммунистической оппозиции в стране;

— произошло значительное ослабление вертикали управления, которая в советский период истории страны существовала в виде номенклатуры, назначения сверху донизу и зависимости нижестоящих. Кандидат в депутаты теперь был обязан понравиться прежде всего своим избирателям;

— в условиях выборов, в особенности на съезд народных депутатов СССР и съезды союзных республик, стали формироваться «народные фронты», национально-сепаратистские, нередко антироссийские избирательные платформы, действовавшие легально и политически подготовившие выход ряда республик из СССР в 1990—1991 гг.

Начинался новый, на этот раз — предпоследний этап истории СССР.

Очерк 2

ОТ УПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ДО НЕУПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ

1987—1989

Первый звонок. — Страна непредсказуемого прошлого, или Какой социализм у нас был. — Манифест Нины Андреевой. — Аэропорт назначения — Красная площадь. — Приходы и расходы. — Где быть демонстрациям. — Письмо Ельцина Горбачеву. — Скандал на пленуме. — Национальные дела. — Нагорный Карабах. — «...вплоть до отделения». — Накануне XIX Всесоюзной партийной конференции. — Как нам реорганизовать Советскую власть? — Кризис системы управления. — Ускорение политических реформ. — Выборы народных депутатов СССР. — Первый съезд народных депутатов СССР. — Обострение экономического кризиса в стране.

Первый звонок. Летом 1987 г. в стране проходили выборы в местные Советы народных депутатов. В части избирательных округов было принято решение организовать эксперимент — разрешить провести голосование «в соответствии с установками январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС», то есть разрешить выдвинуть по несколько кандидатов на одно место.

Первые итоги эксперимента были подведены в записке секретаря ЦК Г. П. Разумовского, направленной в ЦК 29 июня 1987 г.¹ Они оказались следующими: избиратели в 9 раз чаще, чем на предыдущих выборах, проголосовали «против» депутатов в областные и краевые Советы; власти впервые столкнулись с массовой неявкой избирателей на избирательные участки, в том числе и «без объяснения причин». Опять-таки впервые не состоялись выборы в 9 округах. Это еще не было политической грозой. Но вдали уже слышались первые раскаты грома.

¹ ЦХСД. Ф. 78. Оп. 12. Д. 5.

Это впечатление дополнялось надписями на бюллетенях, которые были зафиксированы местными избирательными комиссиями. По советской политической традиции кое-кто из избирателей использовали бюллетени как «письма к власти», вписывая в них то, что они считали необходимым сказать этой власти. Все по той же традиции эти бюллетени объявлялись «недействительными», но зато эти надписи копировались и передавались в «компетентные органы» — от КГБ до партийных властей. Обычно позже составлялись сводки наиболее типичных подобных надписей, которые доводились до сведения высшего партийного руководства. Так случилось и летом 1987 г.

Вот некоторые из этих надписей:

«Желаю, чтобы было, как в 60-е годы: нормально с продуктами и не толкаться за спиртным!».

«Просим расширить ассортимент товаров кооперативной торговли».

«Желательно, чтобы лучше была торговля овощами».

«Упорядочить торговлю сахарным песком».

«Нужно быстрее наверстывать отставание по выпуску дешевых и качественных товаров».

«Выпускайте больше обуви, валенок».

«На прилавках мало детских товаров».

«В торговле много безобразий, продавцы обвешивают. Когда будет наведен порядок?»

«Открыть дополнительные сберкассы, наладить бесперебойный прием стеклопосуды».

«Когда прекратится повышение цен на предметы первой необходимости?»

«Почему нет мясных продуктов по государственной цене, а только комиссионные. А где же государственная продукция? (Алтайский край, Читинская область и др.)».

«Требуем справедливого распределения мясных продуктов — по талонам».

«Поставьте сферу быта и другие организации, обслуживающие население, в зависимость от потребителя, а не наоборот».

Надписи на бюллетенях в Москве были более политизированы:

«Когда кончится словоблудие? Когда начнутся дела согласно постановлениям ЦК КПСС?»

«Наказ один — на руководящие посты назначать беспартийных, а коммунисты показали себя, от мала до велика, жуликами»

«До тех пор, пока будет одна партия, ничего хорошего ждать нельзя».

«Просим выступить в защиту патриотического движения общества «Память»».

«Власть должна принадлежать Советам, а не партии. Вывести войска из Афганистана».

Настораживали надписи на бюллетенях в союзных республиках. На Украине писали:

«У нас однопартийная система, а должна быть многопартийная, чтобы ни одна партия не могла давить на Советы народных депутатов».

«Выборы — чистая формальность, наши депутаты — пустое место в Советах. Фактически вся власть находится в партийных органах и исполкомах, которые решают все и за всех».

«Закрывать Чернобыльскую АЭС, перепрофилировать ее с атомного горючего на природный газ или нефть. Прекратить продажу нефти и газа за границу и использовать их для электростанций в СССР».

В Эстонии:

«Советские войска — вон из Афганистана. Прекратить русский неокOLONIALИЗМ в союзных республиках».

«Русские — домой!»

«Не верю в советское правосудие».

Оставим все эти надписи без комментариев. Они достаточно красноречиво характеризовали состояние советского общества, рост его политизации, обострение социального противостояния.

Вопрос о ходе эксперимента с выборами рассматривался на очередном заседании Политбюро. Участникам заседания сообщили и о частых случаях отказа голосовать, и о том, что ряд секретарей райкомов партии не прошел на выборах. Вывод, к которому пришли вожди КПСС, — действовать дальше...

Страна непредсказуемого прошлого, или Какой социализм у нас был. Весь пафос перестройки — это стремление к новому этапу в развитии социализма, но социализма «истинного», не подверженного деформациям «культы личности» и «застоя». Законный вопрос — а каким же должен быть этот «истинный» социализм? Резкая критика ученых-обществоведов, раздавшаяся на январском (1987 г.) Пленуме ЦК, стала стимулом для поиска и самого «истинного» социализма, и установления его деформаций. Партийная наука, выпестованная на специализированных кафедрах марк-

сизма-ленинизма в его историческом, философском или экономическом обличье, в высших партийных школах и Академии общественных наук, в идеологически дисциплинированных институтах Академии наук СССР, оказалась мало приспособленной для подобных изысканий.

Другое дело литература. Ослабление идеологического контроля, политическая реабилитация поэта Н. Гумилева, разрешение издавать произведения писателей-эмигрантов привели к тому, что в страну вернулась литература 1920—1930-х гг. Не издававшиеся в нашей стране произведения М. Булгакова, А. Платонова, Б. Пильняка, Н. Берберовой, В. Ходасевича, Е. Замятина, А. Ахматовой, Б. Пастернака открывали прошлое страны не так, как об этом писали историки. Одновременно с этим появилось большое число художественных произведений, по-своему рассказывающих об истории страны. В работах А. Рыбакова о Москве 30-х гг. главными действующими лицами были не только «дети Арбата», но и Сталин, Киров, Ежов, другие политические деятели, имена которых советский читатель едва ли не впервые видел именно на страницах этой беллетризированной истории; роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» не только создавал широкую, поистине эпическую картину войны, но и заставлял сравнивать и находить политическое родство в функционировании государственных механизмов Советского Союза и нацистской Германии; повесть А. Бека «Новое назначение» художественными методами исследовала советскую экономику, и этот анализ позволил экономисту Г. Попову определить ее как «командно-административную систему», ничего общего не имеющую с рыночными отношениями; книги А. Приставкина сообщали читателям о депортациях народов Северного Кавказа; в повести Д. Гранина «Зубр» речь шла не только о судьбе репрессированного ученого-генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского, но и об отечественной интеллигенции в 1930—1970-х гг., о ее отношении с властями...

Повести и романы, статьи и мемуары заменили профессиональную историографию советского общества, так как там сообщались факты, неизвестные большинству читателей. Одновременно с этим на общество хлынули факты о сталинских репрессиях, а преследованиях за инакомыслие.

Обращали на себя внимание попытки найти некий положительный идеал прошлого. Таким идеалом должен был быть Ленин и его сподвижники, репрессированные Сталиным. Ярост-

ным защитником «истинного Ленина» был драматург М. Шатов, фильмы которого, «положенные на полку» в 1960—1970-е гг., вернулись на кино- и телеэкраны, а пьесы «Синие кони на красной траве», «Так победим!», «Диктатура совести», «Дальше... дальше... дальше!» прорвались через идеологическую цензуру Института марксизма-ленинизма на сцену самых престижных театров, вызывая восторженные рецензии и искреннюю поддержку зала.

Но...

Только-только много и хорошо сказали о Ленине, о его терпимости к инакомыслию, о его способности спорить и убеждать своих политических противников, как появилась на страницах журнала «Родина» публикация В. Солоухина, где он, ссылаясь на самые доступные и вовсе не секретные документы, вроде воспоминаний Н. К. Крупской или статей из ленинского собрания сочинений, представил Ленина как человека беспричинно жестокого, в своей сибирской ссылке развлекавшегося тем, что прикладом убивал зайцев, загнанных разливом реки на маленький остров; что он был свиреп по отношению к своим оппонентам и противникам. В печати появились сведения о роли Ленина в высылке в 1922 г. из страны оппозиционно настроенной интеллигенции.

Более основательный характер приобрела идеализация Н. Бухарина, чему в значительной степени способствовали монографические исследования американского историка Стивена Козна, однако образ мягкого, кроткого защитника «кооперативного социализма» плохо совпадал с реальным Бухариным как членом коллегии ВЧК, заявлявшим, что «принуждение, начиная с расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из материала капиталистической эпохи»¹. Еще хуже получалось с Троцким, который, конечно, был противником Сталина, но стала очевидна и его роль в красном терроре, в «рассказывании» Дона.

С идеалом в прошлом получалось плохо. Разрешенная свыше гласность стремительно перелетела через разрешенный барьер, подводя читателя к крамольной мысли — а нужен ли социализм вообще. На такой результат творцы гласности не рассчи-

¹ Цит. по: *Лацис О. Перелом // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С 114*

тывали. Председатель КГБ СССР Чебриков жаловался на одном из совещаний у Генерального секретаря весной 1987 г., что «поднимаются проблемы коллективизации, раскулачивания. Все это подается как негатив, как преступление против народа. Даже победа в войне преподносится искаженно. Богоискательство. Необходим достоверный анализ исторических фактов компетентными органами»¹.

Однако «компетентным органам» и их ученым партнерам не удалось завоевать внимания общественности. Газетные публикации о так называемых «белых пятнах истории» в «Московских новостях», в «Аргументах и фактах», «Литературной газете», «Известиях», в журналах «Огонек», «Новый мир», «Наш современник» опережали академические монографии и статьи в научных журналах. Книги о недавнем прошлом страны писали литераторы, а не профессиональные историки. В Историко-архивном институте, ректором которого стал недавний заведующий отделом журнала «Коммунист» Ю. Н. Афанасьев, выступивший как ярый сторонник реформ в исторической науке, с шумным успехом шли публичные лекции о «белых пятнах» отечественной истории, начало которым положило выступление профессора Ю. С. Борисова «Сталин — личность и символ». Партийные идеологи отступали, огрызаясь и обвиняя своих оппонентов — литераторов и публицистов — в забвении социалистических ценностей, незнании истории и в стремлении использовать «жареные факты». Размежевание стало очень заметным. Для того чтобы попытаться его преодолеть, была организована конференция «Историки и писатели о литературе и истории», организованная Академией наук и Союзом писателей весной 1988 г.²

В выступлениях на ней нетрудно было выделить три направления, задававшие тон всей встрече. Во-первых, это личные наблюдения и размышления писателей, не оставлявшие камня на камне от официальной исторической науки. Писатель-фронтовик В. Астафьев, выступая на конференции, обвинил историков в том, что «более фальсифицированного, состряпанного сочинения наша история... не знала», оценив таким образом 12-томную «Историю второй мировой войны», что он, фронтовик, «был на совершенно другой войне». Литературный критик А. П. Ланшиков, упреждая будущее решение комиссии Политбюро по реабилитации жертв

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 135.

² Поляков Ю. А. Наше непредсказуемое прошлое. М., 1995. С. 65—72.

политических репрессий, заявил, что никакого «правого уклона» в партии не было, что его придумал Сталин.

Два других направления разделили конфронтирующие историки. Часть их указывала на наличие серьезных недостатков, «идеологических мин», поставленных в прошлом, которые мешали нормальному развитию исторической науки. В. Д. Поликарпов, историк Гражданской войны, напомнил, что в 1965 г. заведующий Отделом науки ЦК С. П. Трапезников (дослужившийся на этом поприще до звания члена-корреспондента АН СССР по отделению истории) предписывал отказаться от понятия «культ личности». Понятно, что это не могло не сказаться на написании советской истории. Исследователь-американист А. А. Фурсенко обратил внимание, что некоторые положения старого, еще 1949 г., доклада партийного идеолога П. Н. Поспелова до сих пор бытуют в историографии советско-американских отношений.

Но в лагере историков звучали и совершенно другие высказывания — обвинения писателей в некомпетентности, журналистов — в охаивании прошлого, в забвении социалистических ценностей...

Мощный напор прессы, огромное внимание народа к событиям недавнего прошлого подтолкнули Политбюро на создание комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Это была уже третья комиссия, созданная с этой целью Политбюро (прежде — Президиумом) ЦК КПСС. В 1956 г. эту работу проводила комиссия под руководством В. М. Молотова, ее сменила комиссия Н. М. Шверника, проработавшая до 1963 г., 28 сентября 1987 г. — возникла третья, под руководством М. С. Соломенцева. В нее вошли Яковлев (позже возглавивший комиссию), Чебриков, Лукьянов, Разумовский, Болдин и директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Л. Смирнов.

Деятельность комиссии имела и политическое, и нравственное значение. Политически это обозначало разрыв с худшими традициями, с репрессивным режимом прошлого; нравственный смысл состоял в восстановлении справедливости, прав невинно осужденных людей, указывало на преемственность деятельности нынешнего состава Политбюро и идей XX съезда.

Большая историческая часть содержалась в докладе Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», прочитанном 2 ноября 1987 г. на торжественном заседании, посвященном 70-ле-

тию Октябрьской революции. Сам Горбачев позже оценивал свой доклад сдержанно: «...и на нем лежала печать ограниченности. Мы сознательно решили умолчать о чем-то... Доклад, достаточно взвешенный, а местами, я бы сказал, и очень осторожный, не удовлетворил «крайних» с обеих сторон. Одни восприняли критический анализ прошлого как «очернительство»... Другие... твердили, что ждали большего, Горбачев топчется на месте, необходим полный разрыв с прошлым»¹. Отметим, что Горбачев, указав на вину Сталина «и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония», тут же подчеркнул что «руководящее ядро партии, которое возглавлял Сталин... отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства»². Эта позиция — «с одной стороны... с другой стороны...» — не сильно отличалась от традиционно партийного подхода, сложившегося еще в 1956 г.

Манифест Нины Андреевой. Спорам об историческом прошлом было придано новое измерение после публикации в «Советской России», одной из самых популярных газет середины 1980-х гг.³, 13 марта 1986 г. статьи преподавательницы одного из институтов Ленинграда Н. Андреевой под названием «Не могу поступиться принципами». Статья, появившаяся в канун XIX Всесоюзной партийной конференции, была названа манифестом антиперестроечных сил, став важным политическим явлением. Однако на этих аспектах статьи мы остановимся ниже. Здесь же речь о другом — об отношении к недавней истории страны. Отметим, что появлению статьи доцента-химика Н. Андреевой предшествовала в той же газете публикация профессиональных историков, работавших в институте марксизма-ленинизма, В. В. Горбунова и В. В. Журавлева «Что мы хотим увидеть в зеркале революции? Размышление о пьесе М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше...»⁴. В

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 368—369.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 212.

³ Газета с конца 1970-х гг. периодически публиковала острые статьи по вопросам экономики, одной из первых подняла проблему привилегий номенклатуры, именно на ее страницах впервые появился термин, превратившийся в название рубрики в газете — «Прорабы перестройки» и в расхожее понятие, символизировавшее активных сторонников перестройки.

⁴ Советская Россия. 1988. 28 января.

статье утверждалось, что «...у партии не было... другой альтернативы, кроме как в самые сжатые сроки буквально пробежать расстояние от отсталости к развитой индустрии и кооперированию сельского хозяйства». В этих утверждениях трудно было не увидеть скрытой формы объяснения и оправдания политики и методов, примененных Сталиным и руководимой им партией¹.

Статья Н. Андреевой продолжала эту линию, добавив к своему стремлению «отстоять честь и достоинство первопроходцев социализма» уже не завуалированный, а прямой, открытый призыв реабилитации Сталина, одобренный к тому же налетом антисемитизма².

Те обстоятельства, что в своем усердии «отстоять идеалы социализма» автор статьи и его издатели посягнули на исключительные права идеологов перестройки, а споры о прошлом совпали с усиливавшимся соперничеством в Политбюро между Яковлевым и Лигачевым, которого справедливо считали инициатором статьи Н. Андреевой, вынудили Политбюро дать свою, уже отредактированную оценку прошлого, которая содержалась в редакционной статье «Правды» «Принципы перестройки: революционное мышление и действие»³. Авторы статьи решительно отказывались оправдать прошлое ссылками на вынужденность, на экстремальные условия, «оправдать политические деформации и преступления перед социализмом. Защищая Сталина, — было написано в статье, — отстаивают тем самым и сохранение в нашей жизни, практике порожденных им методов... созданных им общественных и государственных структур. ...А самое главное — защищают право на произвол».

Безапелляционность публичных оценок, подтвержденная авторитетом высших партийных органов (в частности, XIX Всесоюзной партийной конференции), оборвала на некоторое время попытки оправдать прошлое, вполне директивно закрыв дискуссии на эту тему.

Однако произошло нечто большее, чем просто вмешательство Политбюро в исторические дискуссии, имевшие политические

¹ См. например: *Бурганов А. История — мамаша суровая... // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989 С. 31—33.*

² Советская Россия. 1988. 13 марта.

³ Правда. 1998. 5 апреля. Статья была подготовлена под руководством А. Н. Яковлева и В. А. Медведева

следствия. Прецедентов этому и в прошлом было немало. Случилось другое: *осуждение публикации Н. Андреевой стало в глазах широких слоев интеллигенции, пожалуй, последним шагом на пути к осуждению всей истории партии и советского социализма как системы.* Конечно, это не было сознательным шагом лидеров перестройки. Просто все эти исторические споры шли в обстановке нараставшего политического, экономического, межнационального кризиса, и публикации на исторические темы, начав с поиска «идеалов социализма», привели к отрицанию социализма как позитивной идеи в условиях нашей страны.

Это поднимало шлюзы для проникновения открытых антикоммунистических идей. Попытки ограничить этот процесс оказывались неэффективными, сводились к раздраженному ворчанию, впрочем, уже не пугавшему. Позволим в качестве примера процитировать рабочую запись заседания Политбюро 29 июня 1989 г., когда на Политбюро возник вопрос — можно ли разрешить издать в СССР «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына.

Горбачев. Теперь вопрос о публикации произведений Солженицына.

Медведев. «Архипелаг ГУЛАГ» — это 13 печатных листов... Читать его трудно и нудно...

Рыжков. ...Это будет бомба...

Горбачев. ...Прохлопали, когда во времена его работы над «Иваном Денисовичем» допустили его до архивов...

Чебриков. Нет, в архивы его не пускали.

Медведев. Он получил около трехсот воспоминаний различных лиц...

Горбачев. Дело не в Сталине, а в утверждении, что он верный ученик Ленина. Продолжил его дело. Причем это он делает со ссылками на телефонограммы, письма Ленина.

Лигачев. Как же мы можем разрешить такое писать о Ленине?

Горбачев. Итак, перед нами «Архипелаг ГУЛАГ». Думаю, нашим безоговорочным другом и перестройщиком он вряд ли когда-нибудь будет.

Шахназаров. Надо пойти на публикацию.

Горбачев. Владимир Александрович (Крючков), дай почитать его тем товарищам, кто не читал...

Шеварднадзе. Я за то, чтобы опубликовать.

Горбачев. Получается, что у Ленина — чем хуже, тем лучше.

Яковлев. Надо публиковать. Все за опубликование: Союз писателей, журналы...

Горбачев. Тогда что же, только мы с вами остаемся?...¹

Всё.

Партийные идеологи не могли контролировать прошлое. Это лишало социалистический идеал утопической легкости, сильно мешало выдвинуть очередную идею «демократического социализма» или чего-то похожего. Строительный материал для подобных утопий оказывался запачканным грязью и кровью от деятельности «борцов за светлое будущее». Это разглядело слишком много людей...

Аэропорт назначения — Красная площадь. 28 мая 1987 г. в Москве произошло происшествие, отдававшее плохим анекдотом. Немецкий летчик-любитель Матиас Руст вторгся в воздушное пространство СССР, долго летел вдоль железной дороги Ленинград — Москва и благополучно приземлился напротив Кремля на Красной площади, заявив милиционерам, что он прилетел для встречи с Горбачевым.

Система ПВО, охрана Москвы, армия оскандалились. По словам председателя КГБ Чебрикова, «наши зенитчики 10 раз брали Руста на «мушку» и делали фотовыстрел — 100%-ное попадание». Но команды на настоящий выстрел они не имели, потому что главнокомандующий — сам Горбачев — находился в это время в Берлине. Ответственность на себя никто брать не стал. Память о недавней трагедии с южнокорейским лайнером сковала инициативу офицеров ПВО. Было принято решение отдать Руста под суд (Чебриков полагал, что лучше отправить его в ФРГ, чтобы летчика судили в Гамбурге; Горбачев настаивал, чтобы его судили в СССР); за ненадлежащее выполнение служебных обязанностей был снят со своей должности и несколько позже выведен из числа кандидатов в члены Политбюро министр обороны С. Л. Соколов; на его место был назначен Д. Ф. Язов, около 150 генералов и офицеров пошли под суд или были сняты со своих должностей².

Раздражение Горбачева против военных, своим бездействием нанесших ему, главе великой военной державы, оскорбление фак-

¹ Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. Кн. 2. С. 412—413.

² *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 160.

том прилета в Москву мальчишки Руста, сочеталось, как полагают военные, с желанием избавиться от министра обороны маршала Соколова и командующего войсками ПВО генерала Колдунова, занимавших жесткую позицию при переговорах с США, возражавших, в частности, против ликвидации строившейся Красноярской радиолокационной станции.

Приходы и расходы. 23 апреля 1987 г. на заседании Политбюро обсуждалось финансовое положение СССР. Докладывал Рыжков. Он отметил снижение темпов роста экономики, дефицит финансов. Рыжков настаивал на повышении значения экономических рычагов в управлении экономики, в том числе на переводе всех отраслей материального производства на полный хозрасчет, сокращении государственных расходов на жилье, дифференцировании платы за жилье, внесении изменения в ценовую политику, изменении функции Минфина, Госбанка, Госкомцен. С ним дискутировал председатель Государственного комитета СССР по ценам В. С. Павлов, указывавший, что в стране существует заниженная цена на ресурсы и рабочую силу, убыточны добыча нефти, газа и угля. Поэтому перевод этих отраслей на хозрасчет, по его мнению, невозможен¹.

Экономические проблемы, явственно проявившиеся еще в начале 60-х гг., в частности огромная зависимость СССР от закупок хлеба за рубежом, сохранились и углубились в годы перестройки (см. табл. 5).

Табл. 5. Импорт и экспорт зерна в СССР в 1983—1988 гг. (в млн. тонн)

Годы	Хлебофуражные ресурсы СССР	Импорт	% к общим ресурсам	Экспорт	% к общим ресурсам
1983	122,9	29,0	23,6	3,3	2,7
1984	125,5	52,8	42,1	3,0	2,4
1985	124,9	36,4	29,1	3,0	2,4
1986	123,6	29,1	23,5	3,2	2,6
1987	123,8	33,8	27,3	3,0	2,4
1988	104,4	28,0	26,8	3,2	3,1

Однако еще более сложным становилось финансовое положение страны. Приходится констатировать, что в эти годы произошло его стремительное ухудшение (см. табл. 6).

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 139

Табл. 6. Платежный баланс в свободно конвертируемой валюте. 1986—1990 гг. (в млрд. долл. США)

№	1986		1987		1988		1989		1990	
	Поступления	Платежи	Поступления	Платежи	Поступления	Платежи	Поступления	Платежи	Поступления	Платежи
1	27,8	23,8	20,4	16,5	20,9	19,5	21,7	25,3	23,5	25,9
2	2,8	2,8	2,9	2,6	2,8	3,1	2,7	3,1	3,6	2,9
3	1,7	1,6	2,2	1,7	2,3	2,5	6,3	6,1	2,4	2,6
4	1,0	16,1	0,9	19,4	0,8	20,3	0,5	21,8	0,8	11,8
5	30,0	44,3	26,4	40,2	26,8	45,4	31,2	56,3	30,3	43,2
6	- 14,3		- 13,8		- 14,2		- 25,1		- 12,9	

Осложнение экономического положения СССР толкало правительство к внешним займам. И нефтяной наркотик экономики сменился на другой, несравненно более опасный — на зависимость от внешних долгов. Внешний долг страны начал стремительно расти (см. табл. 7)

Табл. 7. Задолженности и платежи СССР в свободно конвертируемой валюте за погашение кредитов (в млрд. долл. США)

Год	Задолженность	Платежи в погашение кредитов	
		всего	в том числе по долгосрочным кредитам
1981	24,7	6,3	0,7
1985	27,2	7,5	0,8
1986	39,4	15,9	0,9
1987	38,8	19,2	0,9
1988	40,8	20,0	0,8
1989	46,3	21,5	0,8
1990	57,6	11,8	0,7
1991	52,2	14,8	1,0

Платежи в погашение кредитов стремительно загоняли страну в долговую яму. Отметим, что реальное финансовое положение страны оставалось строжайшим государственным секретом. Поэтому влияние этого фактора маскировалось сменой экономических приоритетов и лозунгов. С 1988 г. лозунг «ускорение» был сменен на другой — «сильная социальная политика». Инвестиционные проекты сокращались, их приоритеты были обозначены в потребительском секторе, централизованные капиталовложения сократились в 1,3 раза, в металлургии и топливно-энергетическом комплексе — в 1,4 раза¹.

В июне 1987 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, специально посвященный экономической концепции перестройки. Готовились к нему основательно. В загородной резиденции в Волынском работала группа ученых и работников аппарата ЦК, куда вошли известные экономисты Аганбегян, Абалкин, Ситарян, Петраков, Попов. Суть экономических преобразований, как это было определено в докладе, состояла в повышении экономической самостоятельности предприятий, что становилось возможным, по мнению его авторов, после принятия Закона о предприятии², что, в свою очередь, должно было при-

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 6—7.

² Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 51—53.

нести к существенным изменениям в управлении экономикой. Выступая на пленуме, Горбачев по-прежнему призывал к повышению ответственности со стороны министерств и ведомств, Совета Министров и ЦК КПСС. В стране начинались экономические реформы. Предпринимались шаги по отказу от централизованного государственного снабжения, началась конверсия оборонных предприятий, которые заставляли заниматься изготовлением оборудования для легкой и пищевой промышленности, расширялись полномочия промышленных предприятий, возникали кооперативные предприятия, происходила реорганизация банковской системы.

На пленуме звучало неприкрытое беспокойство ходом перестройки. Среди других выделялось выступление Ельцина, который заявил, что прошло два года, а перестройка вглубь не пошла, подверг критике работу Секретариата ЦК, в деятельности которого, по его словам, ничего не изменилось — все те же бумаги и все то же администрирование. Учитывая, что руководил работой Секретариата Лигачев, трудно было не понять слова Ельцина как прямую критику в его адрес.

Секретарь Ленинградского горкома Ю. Ф. Соколов сетовал на неформальные объединения, появившиеся в городе¹.

Именно в эти месяцы по всей стране стремительно стали появляться общественные объединения, ставившие своей задачей защиту исторических памятников, безжалостно уничтожавшихся в ходе всевозможных реконструкций. В Ленинграде это было массовое движение в защиту гостиницы «Астория» в центре города, той самой гостиницы, где закончил свою жизнь Сергей Есенин; в Москве нарастало недовольство против уничтожения Поклонной горы, на месте которой планировалось водрузить очередной помпезный памятник в честь победы в Великой Отечественной войны; в Свердловске вызвали возмущение планы выстроить на центральной площади города громадную гостиницу... Возникая как протест против разрушения исторического прошлого, эти движения стремительно политизировались, вбирая в себя широчайший спектр деятельности — от поддержки перестройки и осуждения местной администрации, «тормозящей» эти процессы, до националистических выступлений. Именно с такими движениями и пришлось столкнуться в Ленинграде и в Москве.

На июньском пленуме было принято другое важное решение — о проведении XIX Всесоюзной партийной конференции. Она дол-

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 355—356.

жна быть подготовлена в соответствии с решениями январского пленума, то есть с применением демократических процедур, с выдвижением альтернативных кандидатур, тайным голосованием.

На пленуме произошли и изменения в составе Политбюро и Секретариата. Членами Политбюро стали Яковлев, Слюньков и Никонов. Бывший министр обороны маршал Соколов был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро, и на его место в Политбюро пришел новый министр обороны — Язов.

Где быть демонстрациям. Вечером 6 мая 1987 г. в Москве на Манежной площади собралась многочисленная, по тогдашним временам, демонстрация. От 300 до 500 человек развернули лозунги с надписями «Долой саботажников перестройки!», «Статус историко-патриотическому объединению «Память!», «Требуем встречи с М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным!», «Требуем восстановить Поклонную гору!». Это была одна из первых действительно массовых демонстраций в Москве, организованная мало кому тогда известным обществом «Память».

Ельцин, узнав об этой демонстрации, отказался применить против демонстрантов традиционные для советского режима средства — милицию, дубинки, аресты. Он предложил лидерам демонстрации встретиться с ним и высказать свои требования. Встреча состоялась в зале Дома Советов¹. Она продолжалась около двух часов. Ельцину жаловались на уничтожение исторических памятников в Москве, на американизацию культуры, на то, что архитекторы в своем стремлении водрузить новый памятник фактически уничтожили Поклонную гору, служившую одним из исторических символов столицы. Любопытно, что лидеры «Памяти» обвиняли во всем этом «противников перестройки».

В свою очередь, Ельцин соглашался с ними, признавая, что по Генеральному плану развития Москвы в 1935 г. было уничтожено свыше 2 тыс. исторических памятников, спорил, доказывая, что сейчас в Москве охраняется около 9,5 тыс. памятников, что объемы реставрационных работ выросли в два раза, размышлял и сомневался — что делать с Поклонной горой и с памятником Победы, который там намеревались водрузить, что Моссовету следует определить порядок проведения митингов...²

¹ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. С. 77.

² Соловьев В., Клепикова Е. Борис Ельцин. Политические метаморфозы М., 1992. С. 59—62.

Встреча Ельцина с демонстрантами ломала все каноны, делала его положение очень уязвимым. Прежде всего, он позволил себе лично встретиться с протестовавшими людьми¹, создав тем самым опасный прецедент. Во-вторых, с его подачи один из официальных залов столицы оказался местом для проведения незапланированной дискуссии, причем с людьми, не скрывавшими своих оппозиционных настроений. В-третьих, репутация «Памяти» в кругах московской интеллигенции как организации националистической и антисемитской (репутация, заметим, вполне оправданная!) бросала тень и на Ельцина — зачем он встречался с ними?

Несколькими годами позже Ельцин ответит своим противникам: «Если бы демонстранты получили дубинками по голове, это бы устроило моих оппонентов»².

На заседании Политбюро 6 августа 1987 г. Ельцин сообщил, что число заявок на проведение митингов и демонстраций возрастает, что необходимо определить порядок проведения этих митингов и демонстраций, обсудить вопросы регулирования численности участников, места и времени проведения, что нужно решение Моссовета по этому поводу. Так как в стране последние семьдесят лет все демонстрации и митинги ограничивались официальными праздниками на 1 мая и 7 ноября, то предложения Ельцина опять выбивались из общего распорядка.

Горбачев «в принципе» согласился, предложив подготовить предложения Московскому горкому партии³.

В конце августа 1987 г. Горбачев уехал в отпуск. «На хозяйстве» в ЦК остался Е. К. Лигачев, который, в отсутствие Генерального секретаря, получил право вести заседания Политбюро.

«Второму секретарю» ЦК вообще было свойственно постоянно вмешиваться в вопросы, которые напрямую не относились к его компетенции. От него доставалось Председателю Совета Министров СССР Рыжкову, Предсовмина РСФСР Воротникову.

Доставалось и Ельцину. Тот, в свою очередь, пытался противостоять Лигачеву. Его критика в адрес Секретариата ЦК и методов

¹ Пожалуй, последний случай общения партийного лидера с протестовавшими людьми относился к поездке А. Микояна в Новочеркасск в 1962 г. Это общение закончилось в конце концов безжалостным применением оружия против демонстрантов, гибелью многих людей, судом и казнями.

² Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. С. 77.

³ Воротников В. И. А было это так... С. 152.

его деятельности на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК, как уже говорилось, метила в Лигачева.

На очередном заседании Политбюро 10 сентября 1987 г. Лигачев обвинил Ельцина в том, что Моссовет сам, без согласования с бюро Московского горкома партии, без консультаций с Политбюро разработал, принял, да к тому же и опубликовал в газете «Вечерняя Москва» правила проведения митингов и демонстраций. «Кто обсуждал их и с кем? Ведь еще 6 августа, когда ты, Борис Николаевич, поднимал на Политбюро этот вопрос, то Горбачев просил тебя проработать и внести предложения о порядке проведения всяких демонстраций, митингов и шествий. Ты согласился. А сделали по-другому. Ведь принятый Моссоветом порядок беспроделен...»

Ельцин возражал: «Это дело Советов. Я же докладывал на Политбюро, было дано добро».

Лигачев снова атаковал Ельцина: «Неверно. Было дано принципиальное согласие — разработать правила проведения митингов, шествий. Горбачев сказал: вносите предложения, а вы пустили на самотек. Надо же иметь единый порядок не только по Москве, но и по стране»¹.

Вина Ельцина была, с точки зрения членов Политбюро, поддержавших Лигачева, очевидной: он посягнул в обход Политбюро на создание нормы для всего СССР, так как Москва, конечно, создавала такой прецедент. К тому же он оказывался «прогрессивнее всех». А такое не прощают.

Решение Политбюро гласило: Воротникову, Ельцину, Лукьянову и Разумовскому совместно с юристами и МВД «проработать вопрос и внести на обсуждение в Политбюро».

Потом создавали «рабочую группу».

Потом обсуждали ее результаты и готовили записку в Политбюро.

Потом Политбюро обратилось в Верховный Совет СССР с предложением издать соответствующий указ о порядке проведения митингов и демонстраций...

Письмо Ельцина Горбачеву. Через день, 12 сентября, Ельцин направил письмо Горбачеву, отдыхавшему на юге. В нем он жаловался, что утратил поддержку его деятельности как первого секретаря Московского горкома партии. Ельцин писал: «...Я

¹ Цит. по: *Воротников В. И.* А было это так... С. 153—154.

всегда старался высказывать свою точку зрения, если даже она не совпадала с мнением других. В результате возникало все больше нежелательных ситуаций. *А если сказать точнее — я оказался неподготовленным со всем своим стилем, прямокой, своей биографией работать в составе Политбюро* (здесь и далее курсив мой. — Р. П.).

Не могу сказать о некоторых достаточно принципиальных вопросах...

О стиле работы т. Лигачева Е. К. Мое мнение (да и других): он (стиль), особенно сейчас, негоден. ...А стиль его работы переходит в стиль Секретариата ЦК. Не разобравшись, его копируют и некоторые секретари «периферийных» комитетов. Но главное — проигрывает партия в целом...

Партийные организации оказались в хвосте всех грандиозных событий. Здесь перестройки ... практически нет...

Задумано и сформулировано по-революционному. А реализация, именно в партии — тот же прежний конъюнктурно-местнический, мелкий, бюрократический, внешне громкий подход. Вот где начало разрыва между словом революционным и делом в партии, далеким от политического подхода...

...У Егора Кузьмича (Лигачева. — Р. П.), по-моему, нет системы и культуры в работе. Постоянные его ссылки на «томский опыт» уже неудобно слушать.

В отношении меня после июньского Пленума ЦК и с учетом Политбюро 10 сентября нападки с его стороны я не могу назвать иначе, как скоординированная травля. Решение исполкома по демонстрациям — это городской вопрос, и решался он правильно. Мне непонятна роль созданной комиссии. (Позже Ельцин пояснил — речь шла о созданной Лигачевым комиссии Секретариата ЦК по проверке дел в Москве. — Р. П.)

...Угнетает меня лично позиция некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК. Они умные, поэтому быстро и «перестроились». Но неужели им можно до конца верить? Они удобны, и прошу извинить, Михаил Сергеевич, но мне кажется, они становятся удобными и Вам...

...Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто и решить со мной вопрос... Дальше, при сегодняшней кадровой ситуации, число вопросов, связанных со мной, будет возрастать и мешать вам в работе. Этого я от души не хотел бы.

...Вот некоторые причины и мотивы, побудившие меня обратиться к вам с просьбой. Это не слабость и не трусость.

Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением.

Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к пленуму ЦК КПСС.

С уважением, Б. Ельцин.

12 сентября 1987 г.»¹.

Письмо Ельцина — один из самых удивительных документов в истории партии. Беспрецедентно то, чего он требовал — добровольной отставки с высших партийных постов. Еще важнее, что письмо Ельцина было документом *политическим*. Ельцин мотивировал свою отставку несогласием с политикой партии, на словах громко ратовавшей за перестройку, а на деле, по его мнению, остававшейся неизменной, и Лигачев выступал прежде всего как символ этой неизменности, неколебимости партийного аппарата. Это документ разочарования, неоправдавшихся надежд на реформирование страны, расплаты за веру в Горбачева. Это был документ громадного личного мужества, мужества безоглядного, граничившего с отчаянностью. Достигнуть высших партийных должностей было невероятно трудно. Но потерять их, оказаться выброшенным из тесного круга «соратников по партии» означало превратиться в изгоя, в политического преступника, на избиении которого долго будут практиковаться правоверные карьеристы. Отметим, что, сжигая за собой мосты, Ельцин использовал ряд аргументов, которые лично должны были задевать самого Горбачева. Двусмысленно звучало утверждение Ельцина, что он со «своей прямотой, своей биографией» не хочет работать в составе Политбюро.

Брезгует, лучше других?

Это был скандал. Горбачев попытался превратить его в скандал «семейный». Ему было не до этого. Он работал в Ливадии над своей книгой «Перестройка для всего мира и новое мышление. Для нашей страны и для всего мира». Обязательства перед издательствами «Харпер и Роу» и «Саймон и Шустер» держали его в Крыму, где он в очередной раз перередактировал книгу, подготовленную его помощниками².

Ельцин звонил в Крым, спрашивал Горбачева о судьбе своего заявления, тот уходил от ответа, предлагал вернуться к нему после

¹ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. С. 7—9.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 166.

Октябрьских праздников¹. В кругу своих помощников Горбачев возмутился: «Недоволен ходом перестройки, работой Секретариата и многим другим. Ставит вопрос об его освобождении от работы в Политбюро. Наворочал дров в Москве, а теперь ищет, на кого свалить».

Опытный, хорошо знавший своего «шефа» В. И. Болдин заметил: «Зная характер Горбачева, я считал, что дело не в предстоящем празднике Октября, а в том, что генсек хочет помариновать Ельцина в связи с такого рода письмом, сбить эмоции и принять секретаря горкома *не тогда, когда он попросит, а когда захочет сам* (выделено мной. — Р. П.)»².

Ответа от Горбачева не было. Развязка откладывалась. Все шло по-прежнему. Ельцин работал, спорил на Политбюро, в частности о содержании доклада, с которым Горбачев должен был выступить на октябрьском пленуме³.

Скандал на пленуме. 21 октября 1987 г. открылся Пленум ЦК КПСС, в повестке которого значилось: «Вопросы, связанные с 70-летием Октября, и некоторые текущие задачи»⁴. С докладом выступил Горбачев. Этот доклад был, пожалуй, одним из лучших в его политической карьере. Мощное историческое начало, построенное в значительной степени не только на новых документах архива Политбюро, но и на попытках нового понимания исторического развития страны, было продолжено вполне уместными для такого жанра выступлениями критикой «скромных пока успехов перестройки», конкретными замечаниями в адрес руководителей министерств и ведомств, секретарей обкомов и аппарата ЦК.

Доклад Горбачева был закончен. Лигачев, ведущий заседание, задал ритуальный вопрос: «... Возможно, у кого-нибудь будут вопросы? Нет вопросов? Пожалуйста. Нет вопросов? Если вопросов нет, то нам надо посоветоваться.

Горбачев. У товарища Ельцина есть вопрос.

Председательствующий товарищ Лигачев. Тогда посоветуемся. Есть ли нам необходимость открывать прения?

Голоса. Нет.

Председательствующий товарищ Лигачев. Нет.

Горбачев. У товарища Ельцина есть какое-то заявление.

¹ См.: Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 326—327; Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 174—175.

² Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 327.

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 368.

⁴ Стенограмму пленума см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 209—287

Председательствующий товарищ Лигачев. Слово предоставляется товарищу Ельцину Борису Николаевичу — кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю Московского горкома КПСС. Пожалуйста, Борис Николаевич¹.

Очевидно, что Горбачев настаивал на выступлении Ельцина. Хотел ли Ельцин выступать на пленуме? «Не знаю, — вспоминал В. И. Болдин, тогда — заведующий общим отделом ЦК КПСС, — действительно ли хотел что-то (Ельцин. — *Р. П.*) добавить или нет. Видно было только членам президиума. Б. Н. Ельцин сидел в первом ряду, и многие, глядя в зал, могли не заметить его поднятую руку»². Сидевший в президиуме Воротников писал следующее: «В первом ряду, где сидели кандидаты в члены Политбюро, как-то неуверенно поднял руку Б. Н. Ельцин, потом опустил»³.

Кому выступать на пленуме — испокон веков решал президиум. *Горбачев вытащил* Ельцина выступать.

Сам Ельцин писал об этом: «Напомню, в письме я попросил освободить меня от должности кандидата в члены Политбюро и первого секретаря МГК и выразил надежду, что для решения этого вопроса мне не придется обращаться к пленуму ЦК. О том, что мы встретимся (с Горбачевым. — *Р. П.*) после пленума, разговора не было. «Позже» — и все. ...Горбачев молчит. ...Я понял, что он решил вынести вопрос на заседание пленума ЦК, чтобы уже не один на один, а именно там устроить публичный разговор со мной»⁴.

Ельцин не хотел выступать на пленуме. К выступлению не готовился. «На пленум я пошел без подготовленного выступления, лишь набросал на бумаге семь тезисов...» Его вытянули выступать.

Он и выступил.

Его выступление позже многие участники пленума объявляли сумбурным. Оно и не могло быть другим. Экспромты в кремлевском зале для пленумов получаются плохо. Его выступление повторяло многое из того, что он сообщил Горбачеву в своем письме от 12 сентября. Кстати, если бы он готовился к выступлению, то, конечно, захватил бы копию своего письма. Ельцин критиковал Лигачева, обвинял его в «накачках», говорил о том, что преждевременные обязательства, раздаваемые на прошедшем съезде партии, — решить все проблемы за два-три года — не реализова-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 239.

² Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 327.

³ Воротников В. И. А было это так... С. 169.

⁴ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. С. 12.

ны, поэтому надо осторожно раздавать новые, заметил, что перестройка идет волнообразно — то подъемы, как перед январским пленумом, то спады, что вера у людей в перестройку падает, что один из уроков, которые следует извлечь из истории, состоит в том, что власть в партии оказывалась в руках одного человека, освобожденного от критики. Ельцин говорил, что и сейчас в Политбюро много славословия в адрес Генерального секретаря. Он закончил просьбой об отставке из Политбюро, напомнив, что соответствующее заявление он уже подал¹.

То, что говорил Ельцин на октябрьском пленуме, по радикальности уступало тому, что было написано в его сентябрьском заявлении. Но Ельцин позволил себе дать оценку хода перестройки, более того — он был последователен в утверждении, что перестройка не приносит ожидаемых результатов. Напомним: он говорил об этом и на заседании Политбюро 19 января, и на июньском пленуме, и в своем письме Горбачеву. Он должен был повторить и повторил это и на октябрьском пленуме. В контексте ожидаемого праздника — 70-летия Октябрьской революции — и после пафосного доклада Горбачева это выглядело просто как контрреволюция. Полагаем, что на этот результат и рассчитывал Горбачев, которому были необходимы убедительные причины для того, чтобы не дать Ельцину уйти в отставку по собственному желанию, не отпустить его «с миром» из Политбюро, а выгнать, обвинить и унижить.

Все выступление Ельцина занимает менее двух страниц опубликованной стенограммы. Обсуждение его — 48 страниц. Это 48 страниц соревнования в обвинениях и оскорблениях Ельцина. Первым начал Лигачев, утверждавший, что все, что говорил Ельцин, не соответствует действительности, а его заявление о падении у советских людей веры в перестройку — грубая политическая ошибка. Председатель комитета народного контроля С. И. Маныкин, объясняя выступление Ельцина его политической незрелостью, напомнил, что и в партию-то он вступил поздно, что случившееся не следует драматизировать, «это естественный процесс и закономерный финал» Ельцина², что надо «закручивать гайки». Астраханский первый секретарь Л. А. Бородин, с удовольствием напомнив, что свою партийную карьеру начинал еще при Сталине, объявил Ельцина дезертиром. Секретарь Московского обкома В. К. Месяц грехом Ельцина считал его «оригинальничанье», и

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 239—241.

² Там же. С. 243.

пленумы он в горькоме вел не так, как было принято, и с иностранными журналистами и дипломатами встречался.

Не пожалели обвинений в адрес Ельцина его земляки, вместе с ним работавшие в Свердловске, — Я. П. Рябов, Н. И. Рыжков (его выступление в полтора раза было больше выступления самого Ельцина), Г. В. Колбин.

По Ельцину прокатились катком выступлений члены Политбюро. Тот же Рыжков сказал, что «такими заявлениями вбивается клин в Политбюро», что у Ельцина начал развиваться «политический нигилизм», что он заигрывает с границей¹, Воротников был первым, употребившим в адрес Ельцина определение — политически амбициозен, что, по тогдашнему положению, было обвинением.

Председатель КГБ Чебриков выступил основательно, продуманно, бил умело. Его выступление производит впечатление подготовленного заранее. Там было и сакраментальное — Ельцин думает больше о себе, чем о партии, о стране, о Москве. «Не полюбил, Борис Николаевич, ты москвичей. Если бы полюбил Москву, то ты бы никогда бы не позволил себе сегодня произнести такую речь с этой трибуны». Чебриков обвинил Ельцина, что тот не разобрался в московских проблемах, и вообще его выступление льет воду на мельницу сотням и тысячам аналитиков на Западе².

Яковлев дал всему происходившему четкую квалификацию: ельцинское «выступление ошибочно политически и несостоятельно нравственно. Политически неверно потому, что исходит из неверной оценки обстановки в стране, из неверной оценки... позиций, которые занимают Политбюро, Секретариат ЦК КПСС. ...А безнравственно... потому, что поставил свои личные амбиции, личные интересы выше общепартийных...». Ельцин, по его мнению, увлечен левореволюционной фразой, собственной личностью³.

Шеварднадзе, найдя выразительные и красивые слова, чтобы похвалить доклад Горбачева, нашел и яркие определения для выступления Ельцина. «Как его охарактеризовать? Здесь употреблялись разные термины, например — консерватизм. Я бы добавил — примитивизм. Но скорей всего — и это, пожалуй, наиболее концентрированная оценка — безответственность. Безответственность перед партией, перед народом, перед друзьями и коллегами, то-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 255—257.

² Там же. С. 261—262.

³ Там же. С. 262—263.

варищами по Политбюро. Но вам, — обращаясь к Ельцину, говорил Шеварднадзе, — не удастся столкнуть Центральный Комитет с Московской городской партийной организацией. Нет, не удастся!» — и сорвал на этом аплодисменты участников пленума¹.

Соломенцев, скучно и много говоривший о единстве в партии, неожиданно закончил «московскими сюжетами»: «Доходят ведь до каждого из нас разговоры, определенные оценки — не одобряют москвичи такое поведение. ...И почему вы набрались смелости оговаривать деятельность отдельных работников и деятельность Политбюро?»²

Предварительный итог подвел номенклатурный рабочий, многолетний член ЦК КПСС В. А. Затворницкий. Он заявил, что пленум слишком долго возится с Ельциным. «Мы с Хрущевым, например, в полтора раза быстрее справились»³.

Окончательные итоги подвел Горбачев. Он предоставил было слово Ельцину, но не утерпел, начал его перебивать и в конце концов выступил сам. В своем выступлении он сообщил, что Ельцин прислал ему письмо об отставке на юг, но они условились вернуться к этому вопросу после октябрьских праздников. «...Не время обсуждать вопрос, а надо действовать. И в самом деле, товарищи, минуты свободной нет». Горбачев уверял, что Ельцин нарушил договоренность, выступив на пленуме. Дальше следовал многословный поток обвинений в адрес Ельцина...⁴

В результате на пленуме было признано специальным постановлением выступление Ельцина «политически ошибочным». Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии поручалось «рассмотреть вопрос о заявлении товарища Ельцина Б. Н. об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС с учетом мнений состоявшегося пленума ЦК»⁵.

Решение-то приняли, но объявить не спешили, опасались. При всей пропагандированной гласности тексты выступлений на пленуме замалчивались. По стране поползли слухи. Выступление Ельцина стало стремительно обрастать легендами и живописными подробностями. Появились апокрифические тексты его выступления. По всем законам социальной психологии в уста Ельцина вкладывались фразы, которые хотели от него услышать. Среди

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 265—267.

² Там же. С. 276.

³ Там же. С. 279.

⁴ Там же. С. 280—286.

⁵ Там же. С. 287.

них — обличение привилегий номенклатуры, критика в адрес жены Горбачева — Раисы Максимовны, не только везде и всюду сопровождавшей мужа вплоть до посещения боевых кораблей, на которые по русским военным традициям вход женщинам был запрещен, но и непосредственно вмешивавшейся в дела государственного управления. Ельцину приписывали слова, что он, обратившись на пленуме лично к Горбачеву, просил избавить его от своего вмешательства в его работу, от ежедневных указующих звонков Раисы Максимовны.

Между тем партийное руководство шумно праздновало 70-летнюю годовщину Октябрьской революции. 2 ноября в Кремлевском Дворце съездов прошло очередное торжественное заседание, на котором Горбачев выступил с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Заседали два дня. А тут подошла и очередь кульминации праздника — 7 ноября состоялся большой военный парад, демонстрация москвичей, вечером — прием в Кремле...

Череду праздников прервало чрезвычайное происшествие.

Утром 9 ноября стало известно о попытке самоубийства Ельцина. В своем кабинете, точнее — в комнате отдыха рядом с кабинетом, он нанес себе удар в грудь ножницами. Ножницы для разрезания конвертов с длинными узкими острыми лезвиями попали в ребро и скользнули по груди. Горбачев в своих мемуарах утверждает — Ельцин «симулировал покушение на самоубийство»¹. Утверждение необоснованное и неубедительное, превращающееся для Горбачева в самооправдание.

Горбачев использовал это событие по-своему. «Тогда, 9 ноября, — пишет он, — снова пришлось срочно собирать членов Политбюро. Врачи еще раз подтвердили, что никакой опасности для жизни и здоровья рана не представляет. ...Обсудив всю эту информацию, решили, что вопрос о работе Ельцина надо ставить немедленно. Разговор с ним по телефону я провел сам. Чтобы снять малоприятную для него тему о том, что произошло, сразу же сказал, что обо всем знаю, догадываюсь и о его состоянии. Поэтому нужно наметить день и провести пленум МГК.

Мне показалось, он несколько растерялся:

— Зачем такая спешка? Мне тут целую кучу лекарств прописали...

— Лекарства дают, чтобы успокоить и поддержать тебя. А тянуть с пленумом ни к чему. Москва и так полна слухами и о твоём выступлении на Пленуме ЦК, и о твоём здоровье. Так что себе-

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 374.

решься с духом, приедешь в горком и сам все расскажешь. Это в твоих интересах».

Именно тогда, в разговоре с Ельциным, Горбачев заявил ему, что в политику его, Ельцина, уже не пустят.

Разговор Горбачева с человеком, находящимся в тяжком душевном состоянии, человеком больным по любым медицинским стандартам, требование Горбачева, чтобы уже через день Ельцин был на пленуме МГК КПСС, трудно не расценить как способ наказания, расправы над партийным бунтовщиком.

Попытки Ельцина апеллировать к врачебной этике, к клятве Гиппократ, которые давали врачи, были бесцеремонно оборваны медиками Четвертого главного управления Министерства здравоохранения, которые лечили партийно-государственную элиту: «У нас свой Гиппократ!»¹

На следующий день, 10 ноября, на Политбюро был решен вопрос о преемнике Ельцина на посту первого секретаря Московского горкома. Им был определен Л. Н. Зайков.

11 ноября Ельцин стоял перед пленумом Московского горкома партии, накачанный транквилизаторами, подвергнутый резкой, унижительной критике. Свою лепту в избиение внес лично Горбачев. Пленум снял Ельцина с поста первого секретаря МГК КПСС; 12 ноября на эту должность был назначен Л. Н. Зайков.

Утром 12 ноября, в четверг, состоялось очередное заседание Политбюро. Обсуждали, как всегда, много вопросов. Среди них — согласовывали для публикации текст выступления Горбачева на пленуме Московского горкома. Договорились этот текст в полном виде не публиковать, а дать в изложении.

Процитируем Горбачева по рабочей записи заседания Политбюро: «...Во-первых, надо сказать, что Ельцин предпринял, по сути дела, атаку на перестройку, проявил непонимание ее темпов, характера. Более того, с демагогических позиций поднял вопрос о деятельности Политбюро и Секретариата. И в связи с этим сказать, что пленум единодушно это все осудил. Наверное, это все будет изложено более полной, чем я говорю. В общем, отделить то, что подлежало политическому осуждению, а потом перейти ко второй части, к тому, что касается его, так сказать, подачи в отставку. Отметить, что его не поддерживают, хотя вначале поддержка была, на начальном этапе, когда провозглашались лозунги. А

¹ Из стенограммы встречи Б. Н. Ельцина со слушателями Высшей комсомольской школы 12 ноября 1988 г.

когда дело дошло до исполнения, не хватило пороху. Вот две такие уравновешивающие позиции.

И вот еще один вопрос для совета. Мы оценили выступление Ельцина как атаку на Политбюро и попытку внести сумятицу в работу пленума, дезориентировать его относительно того, как действует Политбюро. Как вы думаете, надо ли об этом говорить в изложении?

Демичев. Не надо.

Горбачев. А я думаю, это как раз покажет его авантюризм. Но тогда возникает вопрос — почему мы так остро провели Пленум ЦК. Все же понимают, что он мог вопросы, какие у него есть, поставить на Политбюро. А он вышел на пленум с такими намеками. Это у членов ЦК вызвало возмущение, и они ему дали бой. Поэтому обходить в информации этот вопрос не стоит, чтобы не показалось, что есть какая-то могучая оппозиционная сила. В общем, это просто авантюрист. Значит, все это даем в изложении?

Члены Политбюро. Согласны¹.

Исключение Ельцина из высшего партийного руководства получило, однако, совершенно не тот политический смысл, на который рассчитывали организаторы этой кампании. Еще недавно подобная расправа действительно устраняла человека из политики. Сейчас же произошло иное. Отставленный, уволенный Ельцин стремительно превращался в политическую фигуру, действующую *вне* правил политической жизни, существовавших в стране в течение семидесяти лет ее истории.

Уже 10 ноября в Москве и Свердловске начались первые демонстрации людей, недовольных отставкой Ельцина. Появились листовки, плакаты в его защиту; 17 ноября в МГУ была предпринята попытка собрать подписи за возвращение Ельцина и издание его выступления на Пленуме ЦК КПСС; 19 ноября МГК КПСС начал консультации с лидерами неформальных движений о прекращении кампании в защиту Ельцина²; митинги, забастовки прокатились по Уралу.

Ельцин превращался в лидера всех недовольных в стране, политического противника той партии, в руководстве которой он совсем недавно состоял. В стране, где не существовали оппозиционные партии, Ельцин становился лидером оппозиции как буду-

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1987 12 ноября.

² Современная политическая история России (1985—1997 гг.). Т. 1 Хроника. М., 1997. С. 116—118.

щего движения. Были недовольные, готовые уйти в оппозицию. Так закладывались важные предпосылки острой политической борьбы и политической конфронтации ближайших лет, тех политических процессов, о которых и не догадывались организаторы «дела Ельцина».

Национальные дела. Первые признаки нараставшего напряжения в межнациональных отношениях казались случайными, спорадическими. В мае 1986 г. Секретариат ЦК КПСС заслушал вопрос о столкновениях на межнациональной почве в Якутии. Поводом для них стала ссора на катке в Якутске, переросшая в трехдневную драку между русскими подростками и студентами-якутами Якутского университета. Студенты потребовали от заместителя министра внутренних дел В. Дедикова наказать виновных. Отсутствие необходимых, по мнению студентов, мер привело к тому, что перед зданием обкома начались молодежные демонстрации, в которых принимало участие до 600 человек. Демонстранты выдвигали лозунги: Якутия — для якутов, долой русских, призывали разгромить здание МВД, избили милиционера — русского. В актовом зале университета собрались студенты университета, институтов города, молодежь. Выступавшие обвиняли русских в шовинизме, заявляли, что русские завоевали Якутию.

События в Якутске стали «первым звонком». Однако его не услышали.

11 декабря 1986 г. на заседании Политбюро Горбачев проинформировал о том, что имеется заявление первого секретаря ЦК компартии Казахстана Д. Кунаева об отставке по возрасту и состоянию здоровья. Это заявление едва ли не было инспирировано самим Горбачевым, неоднократно сетовавшим на то, что из Казахстана поступают многочисленные жалобы на Кунаева. По словам Горбачева, он беседовал с Кунаевым о его возможном преемнике. Тот, опять-таки по словам Горбачева, негативно охарактеризовал председателя Совета Министров Казахстана Н. Назарбаева и заявил, что «сейчас некого ставить (на пост первого секретаря республики. — Р. П.), тем более из местных казахов. В этой сложной ситуации на посту первого секретаря должен быть русский»¹. Политбюро ЦК КПСС решило рекомендовать (а по существу — назначить) на этот пост Г. В. Колбина, прежде возглавлявшего партийную организацию г. Нижнего Тагила в Свердловской обла-

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 497—498.

сти, потом ставшего вторым секретарем ЦК компартии Грузии, а позже — первым секретарем Ульяновского обкома партии.

Однако старая схема на этот раз не сработала. Вечером 16 декабря, после того как объявили об отставке Кунаева и назначении Колбина, в Алма-Ате, столице Казахстана, начались волнения. Первоначально они вспыхнули среди студентов в общежитии Алма-Атинского государственного театрально-художественного института. Студенты протестовали против назначения русского первым секретарем компартии Казахстана. Студентов театрально-художественного института поддержал Институт иностранных языков.

Утром следующего дня, 17 декабря 1986 г., из ЦК компартии Казахстана дежурному КГБ республики сообщили, что на площади имени Брежнева собираются группы молодежи. Туда выехала оперативная группа КГБ. На площади находилась толпа более 200 человек, в руках были плакаты и националистические лозунги. Толпа быстро росла, достигнув вскоре нескольких тысяч человек, большей частью молодежи. Милиция и КГБ попытались разогнать митинг. В ответ в ход пошли палки, камни, железные прутья.

Для подавления беспорядков, быстро распространявшихся по городу, были применены внутренние войска, курсанты училища МВД. Во время беспорядков 17—19 декабря 1986 г. погибли два сотрудника Министерства внутренних дел и один демонстрант, более 1200 человек обратились за медицинской помощью, в том числе 774 сотрудника милиции и войск МВД, были повреждены и уничтожены многие десятки служебных машин.

В ночь с 18 на 19 декабря в Алма-Ате срочно собрали партийно-хозяйственный актив из 700 человек, стали проводить собрания на промышленных предприятиях. Политическое руководство в Москве требовало найти виновных. 18 декабря этот вопрос рассматривался на Политбюро. Предполагалось, что за волнениями стоит какая-то политическая фигура. В этом обвиняли Назарбаева, Кунаева. Опять-таки анализ ситуации не выходил из стандартных решений — «ошибки в кадровой политике». В ошибках политики более высокого уровня — политики национальной — сомнений не возникало.

Между тем в Казахстане противоречия нарастали десятилетиями. На поверхности находились серьезные экологические проблемы, связанные с тем, что в Казахстане десятилетиями проводились испытания ядерного оружия, в республике ясно ощущались последствия экологической катастрофы — гибели Аральского моря; на севере Казахстана действовали многочисленные мощ-

ные металлургические комбинаты; на промышленном севере республики преобладали русские, составлявшие 37,8% всего населения республики. На юге большинство составляло казахское население. В самом сельском хозяйстве сосуществовали два основных типа его ведения — мощное зерновое производство, сложившееся в период «освоения целины», где в зерновых совхозах наряду с казахами жили русские, немцы, потомки спецпоселенцев военного времени, украинцы, и традиционное для казахов кочевое скотоводство. Кроме того, на юге республики развивалось хлопководство, производство бахчевых. Экономика Казахстана в значительной степени зависела от инвестиций в такие убыточные отрасли, как добыча угля, требовались значительные средства для поддержания орошаемого земледелия на юге республики. В течение десятилетий в Казахстане сложилось своеобразное распределение власти между местными элитами, в известной степени учитывавшее традиционное деление на «жузы» — сложившийся веками способ организации казахской элиты.

Официальная пропаганда неустанно твердила о Казахстане как о примере успешного решения национальных проблем. Однако уже с конца 70-х гг. неуклонно нарастала миграция русского населения из республики. В 1979—1988 гг. из Казахстана выехало в Россию около 400 тыс. русских (6,6% от общей численности русских в Казахстане)¹. Расследования злоупотреблений местного руководства, произведенные в 1980-е гг., аналогичные тем, которые осуществлялись под руководством Гдляна в Узбекистане, вызвали дополнительное недовольство среди местных элит. Все это превращало ситуацию в Казахстане, как и в других республиках Средней Азии, в далекую от идиллической².

Летом 1987 г. с новой силой начались акции протеста крымских татар, настаивавших на возвращении на свою историческую родину — в Крым, требовавших восстановления крымско-татарской автономии в Крыму. Этот конфликт при кажущейся простоте разрешения — восстановлении той автономии, которую крымские татары получили еще декретом Ленина, — свидетельствовал о чрезвычайной сложности восстановления «исторической справедливости». Подобное решение «в лоб» неизбежно затрагивало боль-

¹ Комарова О. Миграция русских: новые тенденции // Этнополитический вестник. 1995. № 5. С. 125.

² В современном Казахстане декабрьские события 1986 г. имеют иную оценку и считаются важным этапом борьбы за национальную независимость.

шое число других вопросов и проблем. Прежде всего возникала проблема изменения статуса Крыма, отмены решения Хрущева от 1954 г., которым Крым был передан Украине. В свою очередь, такие действия спровоцировали бы конфликт между Россией и Украиной. За сорок с лишним лет после депортации крымских татар изменился состав населения Крыма, и любые способы создания крымско-татарской автономии затрагивали бы теперь интересы тамошнего населения. Практически такое же положение складывалось вокруг требований немцев Поволжья¹.

Узлы, завязанные в прошлом, не развязывались.

Нагорный Карабах. Однако крупнейший этнический конфликт, без сомнения повлиявший на судьбу СССР, развернулся в Закавказье. Причиной его стал спор о статусе Нагорного Карабаха — армянского анклава, обладавшего статусом автономной области на территории Азербайджана. Волнения в Карабахе и Армении с требованием воссоединения начались уже в 1987 г., приобретя особый размах к февралю 1988 г. Карабахская проблема заслуживает, безусловно, самостоятельного изучения. Здесь остановимся лишь на том, как события в Нагорном Карабахе оказали воздействие на развитие политической ситуации в СССР.

В Армении существовало убеждение, что Нагорный Карабах был насильственно отторгнут от Армении в 1923 г. под давлением турецкой дипломатии. Этот конфликт тлел во все годы существования СССР. Армяне никогда не забывали о кровавых событиях 1915 г., о гибели полутора миллионов соотечественников от рук мусульман-турок. В период гласности эта тема вырвалась на первые страницы армянских газет. Старые конфликты дали новые, страшные всходы. Требование воссоединения армян стало политическим требованием армян Нагорного Карабаха, поддержанным фактически, а позже и юридически высшими органами власти Армении. В январе в Москву прибыла делегация армян Нагорного Карабаха, которые передали в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР обращения о присоединении автономной области к Армении. Документы были приняты, и было дано обещание «рассмотреть». Обычная бюрократическая формула была расценена как знак надежды, даже убеждение в том, что требования армян На-

¹ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 13—16.

горного Карабаха будут учтены¹. Это немедленно спровоцировало межгосударственный конфликт в границах СССР — первый за всю его историю, приобретающий к тому же формы межэтнического конфликта. Начался массовый отток азербайджанцев из Армении, прежде всего — из Кафанского и Мегринского районов.

С начала февраля в Армении и Нагорном Карабахе начались многочисленные манифестации, демонстрации, собрания на предприятиях и в учреждениях под лозунгами защиты перестройки и воссоединения Карабаха с Арменией. 20 февраля внеочередная сессия областного Совета Нагорного Карабаха приняла решение просить Верховные Советы Азербайджана и Армении о передаче автономной области из состава Азербайджана в Армению. Это, в свою очередь, вызвало протест в Азербайджане. В столице республики Баку и его промышленном пригороде Сумгаите произошли демонстрации под лозунгом «Нагорно-Карабахская область — неотъемлемая часть Азербайджана».

21 февраля, в воскресенье, Политбюро собралось на свое внеочередное заседание. Причиной послужила стремительно осложнявшаяся ситуация в Закавказье. Карабахский конфликт был опасен тем, что среди политических противников центра оказались не диссиденты-националисты, а республики, раздраженные неспособностью союзных властей решить вопрос в их интересах. На уровне высшего партийного руководства Армении и Азербайджана было продемонстрировано категорическое нежелание учитывать позиции другой стороны. Лидер Азербайджана Багиров отказывался даже обсуждать этот вопрос. Учитывая, что интересы республиканского руководства были полностью противоположны, союзное политическое руководство сочло за благо сохранение статус-кво. Но это не устраивало ни одну, ни другую стороны. Так впервые ясно выразились противоречия между местными республиканскими властными элитами и союзными властями. Впервые партийное руководство республик оказалось политическим противником союзных властей.

Отметим другое важное обстоятельство: карабахский конфликт уже с февраля 1988 г. стал неременной темой телевизионных передач, многочисленных журнальных и газетных публикаций, документальных фильмов. Это был первый межнациональный конфликт, ставший объектом пристального изучения. За развитием ситуации там следила вся страна, и несомненно, что он

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 193—195.

стал своего рода «лабораторией» будущих конфликтов как на международном уровне, так и, чем дальше — тем больше, между центром и национальными движениями в союзных республиках.

26 февраля было опубликовано обращение Горбачева к жителям Азербайджана и Армении. Он констатировал, что вопросу о Нагорном Карабахе «придана острота и драматичность, которые привели к напряженности и даже к действиям, выходящим за рамки закона», призывал «сосредоточиться на преодолении сложившейся ситуации, на решении конкретных экономических, социальных, экологических и других проблем, накопившихся в Азербайджане и Армении, в духе политики перестройки и обновления, осуществляемой во всей нашей стране»¹.

В тот же день — 26 февраля — состоялась встреча Горбачева с представителями армянской творческой интеллигенции — писателем З. Балаяном и поэтессой С. Капутикян. Горбачев высказал свою обеспокоенность развитием ситуации. Он говорил о том, что «то, что происходит вокруг Карабаха, — это удар нам в спину. С трудом приходится сдерживать азербайджанцев, а главное — создается опасный прецедент. В стране несколько десятков потенциально опасных очагов противостояния на этнической почве, пример Карабаха может толкнуть на безрассудство тех, кто не рискует прибегать к насильственным действиям». В свою очередь, С. Капутикян, жалуясь на вытеснение армян из другого анклава на территории Азербайджана — из Нахичевани, напоминая о трагических событиях прошлого, жестко сформулировала свой вопрос Горбачеву: «Можем ли мы, вернувшись в Армению, говорить, что Генеральный секретарь твердо обещал гарантировать права армян Карабаха?»

— Повторяю, будет сделано все необходимое, — ответил Горбачев. — Не поднимайте только территориального вопроса»².

Сейчас можно с уверенностью утверждать — идея о встрече Горбачева с представителями армянской общественности, на которой обсуждалось будущее Карабаха, была плохой идеей, вне зависимости от тех правильных слов, которые на ней говорил Генеральный секретарь. В обстановке нараставшего недоверия между сторонами конфликта вольно или невольно было продемонстрировано, что Москва занимает одну сторону в этом конфликте. Это тоже было бы допустимо, если бы политическое руководство дей-

¹ Союз можно было сохранить... С. 17—18.

² Союз можно было сохранить... С. 18—20. См. также: *Горбачев М. С. Жизнь и реформы*. Кн. 1. С. 503—504.

ствительно поддерживало одну сторону. Но этого не было! В результате открылся новый мощный источник дестабилизации, который, к сожалению, проявился уже на следующий день, 27 февраля.

27 февраля в пригороде Баку, в Сумгаите, начался кровавый погром армянского населения, продолжавшийся до 29 февраля. Министр обороны маршал Д. Язов, подводя страшный итог случившегося на заседании Политбюро 29 февраля 1988 г., сообщил о диких подробностях этого погрома. По официальным данным, погибло 32 человека, более 100 были ранены, поджигали дома, автомобили, были разграблены многие армянские квартиры, людей избивали, насиловали. Толпы от 10 до 100 человек бродили по городу, выбирая себе жертвы. Местная милиция не вмешивалась, фактически покровительствовала погромщикам. По данным министра обороны Язова, из 20 задержанных преступников 16 были выпущены на свободу.

Министр обороны Язов, по приказу которого в Сумгаит были введены курсанты военного училища для пресечения беспорядков, сообщал ужасные подробности: «Двум женщинам груди вырезали, одной голову отрезали, а с девочки кожу сняли. Вот такая дикость. Некоторые курсанты в обморок падали после того, как увидели это»¹.

На Политбюро возник спор: вводить ли в Сумгаите комендантский час и фактически объявлять город на чрезвычайном положении? На этом настаивал Г. П. Разумовский. Язов колебался — если вводить комендантский час, значит, войска получают право открывать огонь. В то же время он склонялся к тому, что комендантский час нужен.

Горбачев, как всегда, пытался найти некий компромисс. Его предложение выглядело следующим образом: «Оружие наготове иметь, но не стрелять. А то начнут подстреливать этих блуждающих».

Язов. Дадим оружие без патронов, потом будет идти бронетранспортер с патронами изолированно. Это сделаем, организуем.

Горбачев. Патроны отдельно.

Язов. Если разрешите, то я даю такое указание.

Члены Политбюро. Согласны...»

В этой ситуации Горбачев вспомнил о разрешении недавнего конфликта в Алма-Ате. Ему возражал Соломенцев: «Реакция другая, когда, Михаил Сергеевич, стоит ряд военных, а тут ряд-два рабочего класса, знаете, совсем другая обстановка. В Алма-Ате

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1988 29 февраля.

экстремистов и хулиганов сдержали рабочие отряды. В ночь, когда по Вашему поручению прилетел в Алма-Ату, мы собрали в три часа ночи республиканский актив, а к пяти часам утра сформировали рабочие отряды, и они сдержали этих националистов». Его поддержал заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК Разумов.

М. С. Горбачев, выслушав доклад маршала Язова, с горечью заключил: «Необходима информация, а ее не добьешься, скрывают и те, и другие. Все повязаны. Бездействуют. Замешаны в этом товарищи из ЦК КП Азербайджана и КП Армении. Все они знают.

Громыко. В общем, работают не на полную мощность.

Горбачев. Нет. Работают на полную мощность, только в другую сторону. Заигрывают с этими настроениями, оказались у них в плену, им уже отступить трудно...»¹

Нельзя считать, что политическое руководство СССР недооценивало эту опасность. Предусматривались меры, которые должны были включать:

- ввод войск, исключая возможность захвата оружия;
- установку контроля за радио и телевидением;
- блокирование международных телефонных и телеграфных каналов;
- исключение возможности прибытия в Армению иностранных журналистов.

Однако Горбачев колебался применить решительные меры. «Мы делаем ставку на политическое решение вопросов... Мы в Афганистане ничего не можем решить, а тут что же, гражданскую войну развязывать?»² У него сохранялась еще надежда на то, что и после Сумгаита остается возможность договоренностей между азербайджанским и армянским руководством.

21 марта на заседании Политбюро обсуждался вопрос «О некоторых неотложных мерах по нормализации обстановки в Азербайджане и Армении в связи с событиями вокруг Нагорного Карабаха». Информирова о нарастании конфликта, Горбачев сообщил о деятельности комитета «Карабах», превратившегося в неформальный центр власти в Армении. «Если мы подойдем к этим событиям с позиции интересов социализма, с позиции нашего многонационального государства, — заявил он, — то и для нас этот вопрос приобретает важнейшее политическое, государственное

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1988. 29 февраля.

² Там же.

значение. Я бы сказал, что это выходит далеко за рамки Армении. Решается кардинальный вопрос. Речь идет о судьбе нашего многонационального государства, о судьбе нашей национальной политики, заложенной Лениным... На протяжении многих десятилетий мы все ограничивались полумерами, лишь бы, как говорят, утрясти. И сейчас мы, наверное, не предполагали, что дело может принять такой размах. Прямо надо сказать, товарищи, недооценили опасность. Ведь мы столкнулись с аналогичными проявлениями в среде крымских татар и прибалтов...»¹

В данном случае с Горбачевым трудно не согласиться. Не была и данью привычной партийной риторики его ссылка на ленинскую национальную политику. Кризис переживала именно ленинская национальная политика, в основу которой были положены принципы национально-государственного деления, право наций на самоопределение вплоть до отделения, ленинская модель Советского Союза с ранжированием наций.

Способ решения национальных проблем становился своего рода «оценкой за поведение», которую проставляли народам — сначала создав, а потом уничтожив автономные республики немцев Поволжья и крымских татар, депортировав с Северного Кавказа чеченцев, ингушей, заселив их земли соседними народами, а потом милостиво даровав им возможность вернуться на Кавказ, «по определению» провоцируя будущие конфликты.

И рекомендация Е. К. Лигачева, прозвучавшая на том же заседании — «целесообразно было бы в самые ближайшие дни укрепить руководство той и другой республики», так как «сами руководители, не побоюсь сказать, в значительной степени подвержены националистическим настроениям», — была рекомендацией из прошлого.

Местная партийно-советская и хозяйственная номенклатура уже не считала выгодным для себя сохранять прежнюю полную зависимость от Москвы. Да она и не могла ее сохранить, так как массовые национальные движения, проникая в партийные организации республик, оказывали политическое давление на руководство республиканских ЦК. Ирония судьбы для ленинской национальной политики состояла в том, что местные элиты, состоявшие в своей основе из функционеров КПСС, на практике пытались реализовать (и, как известно, не без успеха) ленинский принцип «права наций на самоопределение вплоть до отделения».

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1988 29 февраля.

Горбачев указывал: события в Карабахе начинают влиять на ситуацию в Прибалтике, сказываться в требованиях крымских татар. Он с горечью заметил: местное партийное руководство то заигрывало с националистами, то настаивало на помощи из Москвы.

По предложению Лигачева были сменены руководители республиканских партийных организаций: Демиртчян был заменен на Арутюняна, Багиров — на Везирова.

Партийный аппарат этих республик не только не препятствовал разжиганию межнациональной розни, но более того — сам активно участвовал в националистических движениях. Вопрос о национальной политике КПСС был вынесен на обсуждение ноябрьского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, однако становилось все более ясным, что националистические движения в союзных республиках находят поддержку в партийных структурах. Перед тем как развалился СССР, задолго до Беловежского совещания, начался развал партии по национальному принципу. «Ядро советского строя», как Конституция 1977 г. определила КПСС, к концу 1980-х гг. треснуло.

В то же время конфликт продолжал нарастать, превращался в «ненормальную нормальность». 14 июня Верховный Совет Армении дал согласие на включение Нагорно-Карабахской области в состав Армении. 17 июня Верховный Совет Азербайджана подтвердил, что Нагорно-Карабахская область остается в составе Азербайджана¹.

«...вплоть до отделения». На фоне карабахских событий начались сепаратистские движения в других республиках. В Латвии, Литве, Эстонии были выступления с требованием опубликовать «секретные протоколы» пакта «Риббентроп — Молотов», сообщить сведения об обстоятельствах присоединения прибалтийских республик к СССР в 1939—1940 гг. В начале июня 1988 г. в Литве был создан «Саюдис», политическое движение, ставившее своей целью выход Литвы из СССР. Летом — осенью 1988 г. в прибалтийских республиках возникли Народные фронты. Верховные советы этих республик приняли решения о провозглашении национальных языков — государственными, лишив русский язык этой роли. Учитывая многочисленность русского и русскоговорящего населения в этих республиках, эта мера носила дискриминационный характер по отношению к «оккупантам», как стали объявлять русских. Конкретно лозунг о выходе из СССР не провозглашался. Так, в резолю-

¹ Союз можно было сохранить... С. 26

ции съезда «Саюдиса» в октябре 1988 г. было зафиксировано, что «суверенитет Литовской ССР должен охватывать управление всеми сферами хозяйства, экономику, политику, формирование бюджета, финансовую, кредитную, торговую, налоговую и таможенную политику»¹, но за требованием экономической самостоятельности все более явственно звучали мотивы политического отделения.

Национальные проблемы обозначились и в, казалось бы, исторически и культурно близких России Украине и Белоруссии. Из Белоруссии в ЦК шли письма представителей национальной интеллигенции, протестовавшей против сокращения сферы применения белорусского языка. «Великая Октябрьская социалистическая революция, — писали они в письме Горбачеву в декабре 1986 г., — открыла широкие возможности для развития белорусского языка и культуры. Значительные успехи в этом деле были достигнуты в первое десятилетие Советской власти. Компартия и правительство Белоруссии, руководствуясь ленинскими принципами и коренными интересами народа, провели в 20-е годы белоруссизацию всех сфер жизни общества — государственного и партийного аппарата, школ, университета, других учебных заведений и научных учреждений, что решительным образом способствовало расцвету белорусской советской культуры и росту сознания широких народных масс». Деятели белорусской культуры настаивали на проведении нового этапа «белоруссизации».

В качестве таких мер предлагалось «осуществить в первую очередь следующие мероприятия:

а) приступить к введению белорусского языка в качестве рабочего в партийные, государственные (прежде всего это касается Министерств просвещения, культуры, высшего и среднего специального образования, связи, Государственных комитетов по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, по кинематографии, по телевидению и радиовещанию, Академии наук) и советские органы и учреждения республики;

б) ввести обязательный выпускной экзамен по белорусскому языку и литературе (сочинение) в средней школе и по белорусскому языку (диктант) в восьмилетней (неполной средней) школе, независимо от того, на каком языке ведется обучение в этих школах;

в) ввести обязательный для всех абитуриентов (кроме прибывших из-за пределов БССР и СССР) вступительный экзамен по белорусскому языку и литературе...».

¹ Союз можно было сохранить... С. 39.

Деятели культуры, предложившие «план мероприятий» «белоруссизации» в лучших (или худших?) советских традициях, не искали ответа на вопрос: почему среди населения республики русские школы пользовались предпочтением, насколько целесообразно ведение обучения по техническим наукам на белорусском языке, какова экономическая, политическая, человеческая цена сепаратизации. Национальный фактор превращался в фетиш, в самостоятельную ценность, в явление, обеспечивавшее быстрые и шумные карьеры представителям местных элит.

Руководство КПСС оказалось неспособным разрешить всплывшие национальные проблемы. В сущности, в национальной политике КПСС существовали два теоретических принципа — принцип пролетарского, позже — социалистического интернационализма, который обеспечивал унитарность СССР и входивших в нее частей, и принцип «права наций на самоопределение», воплотившийся в национально-государственном делении СССР.

Нетрудно разглядеть противоречия между этими двумя основополагающими подходами. Противоречия эти успешно преодолевались на уровне практической политики. Это было пресловутое сочетание методов кнута и пряника. Такими мерами были решительные расправы с «националистами» — от обвинения партийных руководителей в том, что они слишком далеко заходили по пути подчеркивания самостоятельности республик (расправа над деятелями, обвиненными по «ленинградскому делу», отставки лидеров Украины и Белоруссии Шелеста и Машерова), до судебного преследования, ссылок и тюрем для представителей местной интеллигенции, политических сторонников национальной независимости.

Однако не меньшее, если не большее, значение имели другие методы. Прежде всего это постоянные субвенции в экономику союзных республик, как направлявшиеся непосредственно, так и поступавшие опосредованно, через финансирование союзных предприятий, расположенных на территории этих республик. Население союзных республик обладало значительными льготами в получении образования¹, существовали национальные квоты при поступлении в высшие учебные заведения, при назначении на ряд

¹ Любопытно отметить, что по числу людей, занятых в народном хозяйстве и имевших высшее и среднее (полное и неполное) образование, в 1979 г. Россия уступала Грузии, Армении, Азербайджану, Узбекистану, Украине, Казахстану, Туркмении... См.: Советская социология. Социологическая теория и социальная практика. М., 1982. Т. 1. С. 103.

управленческих должностей и в «титულных» республиках, и в союзных органах власти. Брежневская «стабильность» означала, среди прочего, существенное возрастание значения местных республиканских элит. Ценой за выражение лояльности центру стало практическое невмешательство Москвы в дела республик. Эти местные элиты были заинтересованы в сохранении связей с Москвой — источником средств путем властных полномочий в рамках Союза.

1980-е гг. изменили и ухудшили ситуацию. Прежде всего начинавшийся экономический кризис ограничивал возможность субвенций, вливаний из союзного бюджета в экономику республик. Этот фактор, безусловно, становился долговременным и важнейшим. Более того, неуклюжие попытки разобраться полицейскими методами в поставках хлопка для текстильной промышленности Союза, осуществленные следственными группами Гдяна и Иванова и их коллегами, породили массовое возмущение местных элит. Кстати, именно 1988 г. стал временем особенно массивной пропагандистской кампании разоблачений обвиняемых по «узбекскому делу»¹. Власть в Москве оказалась неспособной поддерживать советскую империю силой. Более того, сила не была применена тогда, когда в этом действительно была необходимость — на начальных этапах конфликта в Карабахе.

Власть столкнулась с многообразием проявлений национальных конфликтов. Это были протесты государств Прибалтики, включенных в состав СССР во время Второй мировой войны. Отчасти это положение было характерно и для Молдавии. Другой характер имели противоречия в Закавказье, где накопился исторический потенциал как противоречий между государствами, так и межнациональных противоречий внутри этих государств (грузины — абхазы, грузины — осетины). Здесь центр выступал как гарант сохранения прежних автономий, что вызывало протест у националистов.

В Средней Азии существовали и опасность проникновения исламского фундаментализма, что грозило гибелью местным властным элитам, и неуверенность в способности СССР защитить эти местные элиты перед лицом усиливавшихся выступлений национальной интеллигенции. Кроме того, в Средней Азии существовали свои давние очаги межэтнических конфликтов вокруг тради-

¹ См.: *Гаврилюк А.* Сельская молодежь. 1988. № 10; *Якубов А.* Литературная газета. 1988. 9 марта; *Додолев Е.* Смена. 1988. № 15; *Шагуламов Р.* Комсомольская правда. 1988. 27 июля и др.

ционных ценностей — воды и сельскохозяйственных угодий, существовали недовольные произвольным включением народов в то или иное государство (например, проблема таджиков в Узбекистане).

Для многочисленных автономий России представлялась актуальной задача выравнивания прав автономных и союзных республик, тем более что многие автономии, такие, как Якутия, Татарстан, Башкирия, обладали промышленно-экономическим потенциалом, превышавшим многие союзные республики. Особое место занимали сложнейшие проблемы восстановления прав репрессированных народов — чеченцев, ингушей, крымских татар, поволжских немцев.

И везде упорно разыгрывалась антирусская карта, всячески пропагандировалась мысль о том, что республики «кормят» Россию и центр. В условиях экономического кризиса возникала соблазнительная мысль — уйти из СССР и добиваться экономического процветания в одиночку.

Многообразие и сложность национальных проблем требовали новых ответов на старые и новые вопросы, требовали последовательности в осуществлении этой политики. Союзные же власти, казалось, были захвачены врасплох, занимались уговорами и увещеваниями. Партийно-советские способы «решения национального вопроса» оказались неприемлемы. Поражает, как быстро были утеряны рычаги влияния на положение в республиках СССР. Национальные проблемы становились самостоятельным политическим фактором, определявшим судьбы СССР.

Накануне XIX Всесоюзной партийной конференции. Политбюро было тем политическим органом, который хотел и мог осуществлять политику перестройки, используя рычаги партийного и государственного аппарата. Вместе с тем особая роль Политбюро как центра, нервного узла всей государственной системы управления СССР приводила к тому, что каждый член Политбюро означал больше, чем просто государственный чиновник высшего ранга, — он являлся еще и непосредственным источником власти для многочисленных подведомственных ему партийно-государственных структур. Поэтому со времен Брежнева не существовало всевластия Генерального секретаря — он всегда был только «первым среди равных». Расстановка сил в Политбюро определяла вектор государственной политики СССР.

Последние советские попытки реформировать общество все еще осуществлялись, как и в прежние времена, «сверху» — насе-

ление страны, по крайней мере до первых в стране относительно демократических выборов 1989 г., было лишено возможности влиять на политическую жизнь страны. В стране не существовало сколько-нибудь массовых партий, кроме КПСС, а политические движения возникали только на окраинах СССР, в союзных республиках. В этих условиях субъективный фактор, отношения в Политбюро, распределение симпатий и антипатий немедленно становились политическим событием.

Скандал, вызванный отставкой Ельцина, при полном и единодушном осуждении бывшего секретаря Московского горкома партии всеми членами Политбюро, объективно способствовал укреплению того крыла в Политбюро, которое считало необходимым сохранять верность социалистическим ценностям, противников «очернения нашего исторического прошлого», людей, с недоверием и подозрением относившихся к Западу. Однако эта позиция, пользовавшаяся поддержкой Лигачева, Соломенцева, Воротникова, Зайкова, Громыко, Чебрикова, требовала формального закрепления, необходимости зафиксировать ее специальным партийным решением. Известно также было об иной позиции в Политбюро, на которой стояли Яковлев, Шеварднадзе, Рыжков и Медведев, считавшие необходимым осуществление экономических и политических реформ в стране, серьезно изменить ее внешнеполитический курс. Решающей в определении дальнейшего курса перестройки оказывалась позиция Горбачева, вынужденного выбирать между этими двумя лагерями, формирующимися в Политбюро.

О существующих противоречиях в Политбюро знала вся страна. Было известно и то, что два члена Политбюро, одновременно отвечавшие за идеологию, имели возможность непосредственно влиять на редакционную политику двух популярных изданий: Лигачев — «Советской России», Яковлев — «Московских новостей».

Позволю себе вновь вернуться к манифесту Нины Андреевой — ее статье в «Советской России» от 13 марта «Не могу поступиться принципами». Статья была заказной. Небольшое письмо Н. Андреевой, пришедшее «самотеком» в ЦК и попавшее в обзор писем, понравилось Лигачеву. Редактору «Советской России» В. Чикину «рекомендовали» подготовить статью с этим автором. В Ленинград был командирован опытный журналист, сотрудник газеты В. Денисов. В результате совместной работы с Андреевой была подготовлена большая, в полной мере — программная статья, опять-таки «согласованная» с заказчиком. Названием статьи стала цитата из одного из выступлений Горбачева.

Выше я уже писал о содержании этой публикации. Здесь же речь пойдет о влиянии этой статьи на расстановку сил в Политбюро.

Принципиальный характер этой публикации, утверждавшей необходимость возвращения к традиционным советским ценностям, был несомненен, как и подчеркнутая ее полемичность, противостояние обличительным тенденциям, набиравшим силу в прессе.

Появление статьи Н. Андреевой в газете ЦК КПСС, да еще в той, за которой стоял формально «второй человек в партии» — Лигачев, было понято как «указание сверху». Истосковавшийся по идеологической ясности, по привычным оценкам партийный аппарат воспринял ее как программу действий. Более того — такая оценка была поддержана и из ЦК. Планировались крупные идеологические кампании — в Ленинграде и Москве должны были состояться «читательские конференции» с обсуждением и поддержкой статьи. В ряде областей статья Нины Андреевой была переиздана в местных областных партийных изданиях. Такая практика — перепечатка статей из центральной прессы — распространялась только на важнейшие партийные документы. Сам факт перепечатки свидетельствовал, что эту статью приравнивают к таким документам.

Пресса притихла. Казалось, что произошло восстановление ситуации двадцатилетней давности. Удивительно и пугающе было то, что гласность, только что торжествовавшая в средствах массовой информации, как-то моментально испарилась, не предприняв никаких попыток раскритиковать публикацию преподавательницы химии.

Помощник Горбачева, ставший заведующим Общим отделом ЦК, В. Болдин вспоминает, что первоначально статья Н. Андреевой не вызвала возражений со стороны Генерального секретаря, «а возможно, даже имела поддержку в домашнем кругу, где делался самый пристрастный анализ всего, что публиковалось»¹.

Однако спустя десять дней после выхода статьи положение резко изменилось. Полагаем, что вызвала тревогу та последовательность, с которой Лигачев насаждал свой курс, используя статью Н. Андреевой не только как идеологический императив, но и как платформу для пересмотра тех ориентиров, которые были сформулированы в юбилейном докладе Горбачева на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК. В конце концов получалось так, что Лигачев стал действовать лично против Горбачева, а статья Н. Андреевой стала свидетельством противоречий и расхождений в Политбюро.

¹ Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 218

И Горбачев дал бой своим противникам. Впервые спор о статье Нины Андреевой возник 23 марта, во время перерыва в заседании Всесоюзного съезда колхозников. Но обсуждение не ограничилось обычным в таких случаях обменом мнениями. Два дня — 24 и 25 марта — Политбюро посвятило разбору истории с публикацией пресловутой статьи. «Горбачев, — вспоминает активный участник этого заседания В. Воротников, — повел речь о том, что эта статья не простая. Она носит деструктивный характер, направлена против перестройки. Не ясно, как она появилась в газете. Кто смотрел, или нет, ее в ЦК? Насколько меня информировали, смотрели, — подчеркнул Горбачев, — даже, мол, после опубликования рекомендовали обсудить статью в партийных организациях. Что же это такое?!»¹

Горбачев оценил эту статью как «антиперестроечную платформу», которая тем более опасна, что впереди — XIX Всесоюзная партийная конференция.

Лигачев оправдывался — статья подготовлена «не вчера», редактор «Советской России» советовался в ЦК, ему ответили — решай сам. Редакция сама решила напечатать этот материал, а ЦК не давал указаний обсуждать ее в парткомах. Лигачев не только оправдывался — он всячески отмежевывался от этой публикации. Складывается впечатление, что он не ожидал столь резкой реакции Генерального секретаря.

Воротников попытался «списать» статью на издержки гласности: «Мы уже давно решили дать свободу публикаций редакциям».

Это вызвало новый поток критики Горбачева: статья подстрекательская, направлена против перестройки.

На следующий день, 25 марта, на заседании Политбюро с анализом статьи выступил А. Н. Яковлев. Разделяя оценки Горбачева, Яковлев обосновал «антиперестроечный» характер статьи, попытки оправдать и обелить в ней преступления прошлого. Он настаивал на необходимости публичной реакции на выступление Н. Андреевой. Обсуждение принимало все более определенный характер. Резко против статьи выступили Н. И. Рыжков, В. А. Медведев, Э. А. Шеварднадзе. Прежние осторожные защитники публикации сейчас начали отмежевываться от нее. Роль виноватого отводилась редакции газеты. Звучали призывы «сохранить единство в Политбюро».

¹ О ходе обсуждения статьи Н. Андреевой см. также: *Горбачев М. С. Жизнь и реформа*. Кн. 1. С. 381—386.

5 апреля 1988 г. в «Правде» была опубликована статья, подготовленная Яковлевым, Медведевым, Болдиным с участием сотрудников газеты. Выступление «Советской России» оценивалось как «манифест антиперестроечных сил», как попытка переоценить все сделанное в период перестройки. Нина Андреева превращалась в своего рода символ консервативных, небольшевистских сил.

История с публикацией Н. Андреевой имела ряд продолжений. Лигачев остался в Политбюро, но его влияние заметно ослабло. Он постепенно утратил право проводить Секретариаты ЦК КПСС. Значительно возросла роль Яковлева, который стал идеологом перестроечного процесса. Полемика «Правды» с «Советской Россией» — впрочем, здесь лучше говорить не о полемике, а о выговоре, который «Советская Россия» получила от главной партийной газеты страны, — еще раз продемонстрировала наличие в составе Политбюро разных позиций проведения внутренней политики. Было также ясно, что на этом этапе Горбачев оказался в рядах сторонников радикального крыла Политбюро.

Полемика вокруг статьи Н. Андреевой стала, пожалуй, основным событием, повлиявшим на общественно-политическую обстановку, в которой проходила XIX Всесоюзная партийная конференция. «Сама того не желая, — писал Горбачев, — объективно нам помогла Нина Андреева. В этом смысле ей надо было бы какой-то приз учредить... «За вклад в прояснение позиций»¹. Шутка Горбачева имела под собой серьезные основания: позиции консервативных сил в партийном руководстве оказались ослабленными. Это создало возможность принять на XIX Всесоюзной партийной конференции важнейшие решения по реформированию политической системы в стране.

Необходимо отметить и то, что делегатов на эту конференцию **выбирали**. Выбирали из альтернативных кандидатов на партийных собраниях по всей стране. На конференцию попали и те люди, которые не смогли бы стать делегатами из-за собственных противоречий с официальным партийным аппаратом.

Как нам реорганизовать Советскую власть? Самые плохие времена для правительства начинаются тогда, когда оно, это правительство, пытается стать лучше. Эту старую истину пришлось усвоить в СССР уже на последнем этапе своего существования, когда страна с начала следующего, 1989 г. вступила в полосу радикальных политических реформ.

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 387

Вспоминая события недавнего прошлого, член Политбюро В. И. Воротников писал в своих мемуарах: «Если в 1988 году притормозили перестроечные процессы в экономике, а политические реформы стали выходить на передний план, то в наступившем (1989. — *Р. П.*) году политические, государственные преобразования катились «девятым валом»...»¹ 1989 г. стал высшей точкой перестройки, ознаменовав в то же время историческую ограниченность и бесперспективность перестройки как способа преодоления проблем социализма социалистическими методами.

28 июня 1988 г. начала работу XIX Всесоюзная партийная конференция. Главной ее темой стало обсуждение путей реформирования советской политической системы. Из всех политических мероприятий, осуществленных Горбачевым как Генеральным секретарем ЦК КПСС, эти предложенные им пути были едва ли не самыми радикальными и реформистскими.

Выступая на конференции, Горбачев призывал осуществить реформу нашей политической системы, дальнейшую демократизацию общества, экономические преобразования, расширить поле гласности, сетовал, что американцы смогли втянуть СССР в гонку вооружений, что не могло не сказаться на экономическом положении страны, настаивал на разделении партийно-политических и хозяйственно-управленческих функций.

Особое место в его выступлении заняло обоснование необходимости реформировать Советы, «восстановить полномочия Советов». Предполагалось разделить на местах представительную власть (Советы) и исполнительную (исполкомы). Реформа Советов должна была непосредственно затронуть местный партийный аппарат. Предполагалось рекомендовать на пост председателей Советов первых секретарей местных организаций КПСС. Таким образом, должно было произойти сближение, если не сращение, Советов и КПСС, превращение КПСС в партию, получившую на выборах контроль над органами представительной власти.

Была предложена реформа центральных органов власти. Решено было вернуться к старому принципу «партийной археологии» — восстановлению политических институтов «ленинских времен». Было предложено воссоздать в качестве высшего органа представительной власти съезд народных депутатов. Предполагалось, что часть депутатов — 1500 человек — будут избираться на основе прямых альтернативных выборов, а 750 — будут выдвигаться на съезд официально зарегистрированными общественными

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 241.

организациями — КПСС, комсомолом, профсоюзами, научными обществами, многочисленными творческими союзами и любительскими объединениями — от Союза писателей СССР до общества филателистов. Незамысловатый расчет состоял в том, что эти общественные организации, контролируемые КПСС, должны были создать гарантированную политическую поддержку партии.

Съезд должен был собираться несколько раз в год, а его депутаты заниматься в свободное от работы съезда время своими основными занятиями. Из числа делегатов должен был быть избран съездом Верховный Совет численностью около 400 человек, члены которого должны были заниматься законодательной деятельностью на постоянной основе. Предполагалось также, что все 2250 депутатов постепенно смогут поработать в составе Верховного Совета.

В связи с предстоящей реформой резко возрастало политическое значение роли будущего Председателя Верховного Совета СССР. На это место целился сам Горбачев. Поэтому предполагалось вскоре предложить А. Громыко уйти на пенсию, оставив пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, о чем и было объявлено на очередном Пленуме ЦК КПСС.

Горбачев потребовал реформы партийного аппарата, сокращение его функций и численности в связи с тем, что часть обязанностей аппарата ЦК КПСС будет передана государственным органам.

В многочисленных выступлениях на конференции довольно ясно определились два крыла в партии. Одно из них — назовем его реформаторским — отождествлялось тогда с Горбачевым и Яковлевым, кстати председательствовавшим на ряде заседаний конференции. Они отстаивали концепции «совершенствования социализма», тот курс, который был выражен в формуле, произнесенной Горбачевым: «больше демократии, больше социализма».

Эту точку зрения разделили министр внутренних дел СССР В. В. Бакатин, экономист и заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. А. Абалкин, актер М. Ульянов и ряд других выступающих.

Другое крыло, сформировавшееся на конференции, выступило с плохо скрытой критикой этой концепции. Писатель Ю. В. Бондарев сравнил перестройку с самолетом, который поднялся в воздух, не зная, где ему суждено будет приземлиться. Перестройку обвиняли в том, что она лишена четких целей и ориентиров, что, разрушая старое, не строит нового. Остро критиковали гласность. «И человека, и муху можно газетой прихлопнуть», — говорил Бондарев, вызывая всеобщее одобрение зала. Ему вторил пер-

вый секретарь компартии Казахстана Г. В. Колбин, жаловавшийся на «откровенные нападки на партийные кадры», на попытки подавлять инакомыслие в партии. В этом ясно проглядывалось недовольство тем, как закончилось обсуждение статьи Н. Андреевой. Его поддерживал ректор Московского университета А. А. Логунов, протестовавший против появления термина и политической характеристики «антиперестройщик». Украинский писатель Б. Олейник был недоволен тем, что, «побивая культ, мы в своем не всегда благородном гневе бросаем камни и в народ».

Особое место на конференции заняло выступление Ельцина и полемика, развернувшаяся вокруг этого выступления. Делегатом Всесоюзной конференции Ельцин стал вопреки воле ЦК. Мощная поддержка Ельцина в партийных организациях на Урале, во многих других регионах страны, доходившая до угроз начать забастовки, если Ельцин не станет делегатом, вынудила допустить его на конференцию.

Ельцин потребовал слова, в прямом смысле слова прорвался к трибуне. (Пожалуй, это был первый случай в советской истории с 1920-х гг., когда трибуну высшего органа фактически захватил человек вопреки воле Президиума. Спустя год, на I съезде народных депутатов СССР, это вошло в политическую практику.) Его выступление можно условно разделить на две части. Прежде всего — это его оценка перестройки. Она, эта оценка, во многом перекликалась с выступлением Ельцина на октябрьском Пленуме ЦК КПСС. Перестройка, по его словам, практически не затронула партию, лидеры партии, доведшие страну до кризиса, должны понести ответственность за результаты своей деятельности. Он остро критиковал привилегии «голодающей номенклатуры» — ее «спецполиклиники», «спецмагазины», «спецсанатории». В партии не должно быть «спецкоммунистов» — заявлял Ельцин. Вторая тема касалась его самого. Ельцин попросил делегатов конференции «реабилитировать» его, снять с него обвинения, высказанные в его адрес на недавнем октябрьском пленуме.

Однако попытка Ельцина сохранить и отчасти восстановить свое положение в партии вызвала резкий, даже грубый отпор со стороны «главных действующих лиц» недавнего пленума — Лигачева и Горбачева. Вновь посыпался поток обвинений в адрес Ельцина, вновь на трибуне появились «номенклатурные рабочие», обвинявшие Ельцина во всех грехах.

Злоба на Ельцина застила глаза организаторам этой кампании. Они добились полностью противоположного результата. Конфе-

ренция — не пленум партии. Ее подчеркнутая открытость и гласность сделали спор Ельцина с Горбачевым и Лигачевым известным всей стране. И слова Ельцина — его требование проводить прямые альтернативные выборы в партии, его критика привилегий номенклатуры, да и простое человеческое желание — услышать о своей реабилитации не после смерти (как это почти всегда происходило в советской истории), а при жизни — все это встретило поддержку людей. И чем больше, чем яростнее критиковали Ельцина его бывшие товарищи по партийному руководству, тем выше становился личный рейтинг Ельцина в обществе. Пока «товарищи по партийному руководству» добились и другого — они **вытолкали Ельцина из партии.**

Пройдет немного времени, и им придется сильно пожалеть об этом...

Важнейшим результатом XIX Всесоюзной партийной конференции стало то, что она дала старт политической реформе, открыла дорогу к выборам в стране как способу формирования представительной власти. Это был реальный шаг по пути реформирования советско-социалистического строя. Другое дело, что вскоре обнаружится неспособность этого строя к реформированию.

Кризис системы управления. В ходе работы XIX Всесоюзной партийной конференции острой критике был подвергнут аппарат ЦК КПСС и управленческий аппарат вообще. Это положение стало отправным пунктом для начала реорганизации аппарата. Горбачев почти не сомневался в том, что аппарат, бюрократия виноваты во многочисленных проблемах страны.

Показательна реакция Горбачева на письмо депутата Кубинского поселкового Совета. Тот жаловался Генеральному секретарю ЦК, что «в поселке все, что можно, разрушено — магазин закрыли, автодорога не обслуживается... В управлении железной дорогой показали заместителю начальника по гражданским сооружениям газету с сообщением «В Политбюро ЦК КПСС», где говорится о необходимости газифицировать поселки. И что услышали в ответ? Пусть Политбюро и газифицирует. Слушайте, а мы такого бюрократа держим! ...Такие кадры нам не нужны. **Разрушить эту номенклатуру** (выделено мной. — *Р. П.*). Развели бездельников, которые угождают только вышестоящим и совершенно глухи к людям»¹.

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1988. 8 сентября. С. 370—371.

Горбачеву было невдомек, что решением Политбюро, напечатанным в газете, газ не проводят, что требуются средства на большую и дорогостоящую работу, что эти деньги должны были быть заложены в бюджет, что, наконец, он, Генеральный секретарь, как член Президиума Верховного Совета СССР несет ответственность за тот самый государственный бюджет, который обрек железнодорожный транспорт на такое положение, когда пристанционные поселки оказались в отчаянном положении, и за то, кого и за что включали в номенклатуру.

8 сентября 1988 г. на заседании Политбюро рассматривалась записка Горбачева «К вопросу о реорганизации партийного аппарата». Обсуждение показало, что предстоящая реорганизация породит большие и сложные проблемы. По подсчетам Лигачева, «мы должны сократить где-то 700—800 тысяч человек. Только по областному, республиканскому, районному и городскому — 550 тысяч человек». Это приводило к неуверенности в аппарате, к падению дисциплины чиновников, к местническим настроениям. Ему вторил Рыжков, справедливо отмечавший, что «система складывалась 50 лет, от тридцатых годов. Теоретически все ясно, но практически будет сложно». Свое мнение высказывал Воротников, опасавшийся, что государственные органы не смогут выполнять ряд функций, которые прежде выполнялись партийным аппаратом.

«...Теперь относительно подбора кадров для будущего аппарата ЦК, — продолжал Горбачев. — Я прямо должен сказать, все-таки в значительной мере состав нынешнего аппарата не потянет»¹.

Реакция партийного аппарата на новации Горбачева была вполне адекватной. Его начали тихо ненавидеть, усматривая в деятельности Генсека источник нестабильности.

Горбачев не просто сокращал аппарат управления. Он разрушал все здание этого строя, того правящего (или управляющего) класса, который сложился за годы Советской власти. Это не был класс в марксистском его понимании. Аппарат возник как инструмент управления громадной государственной собственностью, сложившейся после 1917 г., когда стала претворяться идея «землю — крестьянам, заводы — рабочим». В советской практике это значило, что земля и заводы, торговые предприятия и банки, газеты и университеты, железные дороги и леса стали «общенародной собственностью», то есть собственностью государственной, управляемой партийно-государственными чиновниками, объединенны-

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1988. 8 сентября. С. 158—211.

ми в «номенклатуру» — слой, касту, класс, наделенный четко выраженными признаками.

Уникальность и своеобразие этого слоя состояли в том, что включение в него носило персональный характер. Персональный — в том смысле, что принимали каждого человека отдельно. «Соискатель» номенклатуры¹ мог достичь порога должности, за которой открывалась номенклатура вообще или одна из ее многочисленных ступеней. Но перешагнуть этот порог можно было, лишь доказав личную преданность «делу партии» и тому должностному лицу, которое в конце концов определяло степень этой преданности и партии, и себе лично, тому человеку, который управлял своим сектором номенклатуры. Это мог быть секретарь райкома или обкома партии, секретарь ЦК, член Политбюро или сам Генеральный — все зависело от того, на какую ступень номенклатуры шло назначение. Генеральный секретарь замыкал номенклатуру в СССР и в конечном счете руководил ею всей. Так возникла уникальная вертикальная структура слоя, который был объединен вполне феодальной системой личных связей и зависимости.

Из номенклатуры можно было «выпасть» — это было очень часто при Сталине и означало, как правило, смерть и очень редко потом, при его преемниках. Наследники Сталина предпочитали, наказав, оставить, понизив на несколько ступеней ниже по номенклатурной лестнице. Отметим, что принадлежность к номенклатуре, по крайней мере с 40-х гг. и позже, означала наличие у чиновника необходимого уровня образования, профессиональных достоинств, компетентности, опыта, которые позволяли управлять вверенным ему участком «общенародной собственности».

Горбачевское недоверие к аппарату, к номенклатуре, паразитично. Сам плоть от плоти номенклатуры, проведя всю свою жизнь в ее составе, последовательно пройдя по всем ее ступеням — от заместителя заведующего отделом в крайкоме комсомола до Генерального секретаря ЦК КПСС, он, похоже, так и не понял ее функции. Оказавшись на верху этой лестницы, он разрушал номенклатуру. Следствия из этого оказались неизмеримо более су-

¹ Таким «соискателем» мог стать преподаватель университета, которому собирались поручить заведовать одной из так называемых «кафедр общественных наук», директор магазина или редактор газеты, офицер, рекомендованный на генеральскую должность, директор завода, секретарь обкома, министр, посол, секретарь Союза художников или будущий академик. Принцип был общий. Менялось только то, где его будут утверждать: в райкоме КПСС, в обкоме, на Секретариате ЦК или в Политбюро.

щественными, чем он мог рассчитывать. Приходит сравнение с мальчишками, пытавшимися спичками осветить темный сеновал. Минимальным и ближайшим следствием экспериментов с номенклатурой стало отторжение от Горбачева того социального слоя, который, казалось, был обречен поддерживать его. «Номенклатурная приватизация», стремление ухватить в личную собственность то, что прежде находилось в управлении, как и ослабление советской (то есть номенклатурной) управленческой вертикали, — это лишь некоторые результаты этой деятельности.

Ускорение политических реформ. 10 января 1989 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. Он был посвящен вопросам выполнения решений XIX Всесоюзной партийной конференции, в частности, выборам депутатов на воссоздаваемый высший законодательный орган страны — съезд народных депутатов СССР. К этому времени в большинстве общества отчетливо сформировалась уверенность в необходимости состязательности при выборах. Старая модель, по которой страна жила многими десятилетиями — единственный кандидат на одно место, — устарела психологически, казалась просто невозможной. При всех недостатках той избирательной схемы, когда наряду с прямыми выборами депутатов предполагалось избрание депутатов от общественных объединений — от КПСС, профсоюзов и комсомола до Союза писателей, союза дизайнеров и общества филателистов, — эта схема предполагала возможность альтернативности избрания. Поэтому повестка пленума — выборы ста депутатов от КПСС — вызвала большой интерес.

Однако пленум прошел по старой жесткой схеме: его делегатам был предложен список из ста человек, и им было велено проголосовать за всех без обсуждения. Кто составлял этот список, почему в него были включены именно те, а не иные кандидаты — все это осталось за пределами пленума и вызвало раздражение даже у его участников¹. Эта сотня кандидатов была заранее отобрана близким Горбачеву секретарем ЦК Г. П. Разумовским и тщательно «просеяна» самим Горбачевым, опасавшимся лично участвовать в избирательной борьбе в обычном избирательном округе². В радикально-демократических кругах такая трактовка избирательного права вызвала насмешки; депутаты от КПСС сразу же были окрещены «красной сотней». Сам Горбачев комментирует эти события

¹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1988. 8 сентября. С. 245—246.

² Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 338—339.

иначе: «И тогда, и сейчас я убежден в правильности того, что на 100 мест от КПСС были выдвинуты ровно 100 кандидатов. Нельзя было допустить, чтобы оказались забаллотированными некоторые члены тогдашнего партийного руководства. Это сразу бы перевело их в стан скрытых или открытых противников преобразований... Наша оценка показала, что, если бы в кандидатский список были внесены, скажем, 103—105 фамилий, наибольшее число «черных шаров» получили бы Лигачев, Ульянов и Яковлев. Будь список увеличен на 10 кандидатов, не прошло бы большинство членов Политбюро...»¹ Бывшему Генеральному секретарю невдомек, что к прокламируемой демократии этот подход никакого отношения не имеет...

С точки зрения партийно-государственного аппарата центр тяжести власти ощутимо качнулся в сторону только создаваемого нового органа власти. Уже в январе — феврале 1989 г. начался массовый переход работников аппарата ЦК КПСС в аппарат ВС СССР. Так как А. И. Лукьянову заранее отводилась в будущем органе власти ключевая роль, именно он чаще всего был инициатором перевода больших групп сотрудников аппарата ЦК в формирующийся аппарат будущего Верховного Совета². Новый Верховный Совет должен был стать гораздо более влиятельным и важным органом власти, чем прежний союзный Верховный Совет. Поэтому подбор кадров на все ключевые посты будущей власти шел по всем правилам номенклатурного назначения. Заведующий отделом ЦК получал назначение заведующим секретариатом Центризбиркома, замзавотделом ЦК — должность заведующего Отделом по социально-экономическим вопросам Верховного Совета, инструктор Отдела пропаганды — завотделом организационно-массовой работы Советов. Так утверждали всех руководителей аппарата. Будущие депутаты вели жестокие избирательные бои, обращались к своим избирателям с предвыборными программами и обещаниями, а аппарат, который исподволь, постоянно должен был направлять деятельность этих депутатов, был уже сформирован в ЦК КПСС.

Выборы народных депутатов СССР стали мощным фактором политизации населения страны. Впервые за многие десятилетия появилась легальная возможность излагать взгляды, отличавшиеся от официально утвержденных партийным аппаратом. Избира-

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 424.

² ЦХСД. Ф. 89. Оп. 30. Д. 18.

тельная кампания разделила кандидатов в депутаты на две большие группы. Одну из них представляли те кандидаты в депутаты, за которыми стоял партийный аппарат, в другой были люди, боровшиеся за право быть избранными вопреки позиции партаппарата. Это были разные люди, с различными политическими взглядами — сторонники социал-демократии и экономисты-рыночники, христианские демократы и популярные журналисты. Противостояние партаппарату часто сопровождалось мощной поддержкой избирателей.

Избирательная кампания подхлестнула тлевшие многие десятилетия межнациональные конфликты: в Грузии — между Грузией и ее автономными республиками — Южной Осетией и Абхазией, в Молдавии — между русскоязычным Приднестровьем, тюркоязычной Гагаузией и собственно Молдавией. Требования ликвидации автономий в составе Грузии, и в особенности особого статуса Абхазии¹, выхода Грузии из состава СССР, выдвигавшиеся националистическими движениями во главе с З. Гамсахурдией, И. Церетели, Г. Чантурией, стали причиной массовых беспорядков в Тбилиси. Партийное руководство Грузии во главе с первым секретарем Д. Патиашвили по согласованию с Москвой (с остававшимся «на хозяйстве» Е. К. Лигачевым, Горбачев был за границей — на Кубе и в Англии) приняли решение применить войска для разгона демонстрантов. В ночь на 8 апреля в столкновении с войсками погибло 19 человек, сотни людей были ранены, получили отравление в результате применения газов².

Итоги первых, хотя бы отчасти демократических выборов народных депутатов СССР оказались совсем не такими, как надеялось партийное руководство, принимавшее год назад на XIX Всесоюзной партийной конференции решение о проведении этих выборов. КПСС не смогла вести эффективную избирательную кампанию. Это было тем более удивительно, что в ее распоряжении находился многочисленный профессиональный аппарат, доходивший до любого населенного пункта, каждого промышленного, учебного, административного учреждения, была партийная пресса, ресурсы... Не было идеи. Недавний энтузиазм вокруг «обновленного социализма», «ускорения», «перестройки всех сторон общественной жизни» выдохся, оставив после себя разочарования,

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 256.

² Тбилиси, апрель 1989-го. Публ. С. В. Попова, Ю. В. Васильева, А. Д. Чернева // Исторический архив. 1993. № 3. С. 95—122.

талоны на большинство продуктов питания, огромные очереди за водкой, бесконечные разговоры о коррумпированности партийного аппарата и его безграничных, истинных и мнимых, привилегиях. Нескончаемый конфликт в Нагорном Карабахе заставлял сомневаться в эффективности самой государственной власти.

Выборы оказались тяжким испытанием для партии, провозгласившей себя «ядром политической системы СССР».

Партийный диссидент Б. Н. Ельцин пошел на открытое противостояние ЦК. Он провел мощную избирательную кампанию, выступал в Свердловской, Пермской областях, где его поддерживало большинство населения. Каждое его выступление собирало тысячи людей, его встреча в Свердловске транслировалась прямо на площадь для собравшихся перед огромным заводским Дворцом культуры людей. Но главный бой Ельцин дал в Москве. Из двухсот официальных предложений выставить свою кандидатуру на выборах народных депутатов СССР, поступавших из многих городов страны, он выбрал Москву, самый большой по количеству избирателей и важный по месту в стране — Московский национально-территориальный округ. Быть избранным в Москве, там, где сильнее всего должно было чувствоваться влияние ЦК и КГБ СССР, значит бросить открытый вызов системе. Ельцина пытались остановить ситом избирательных комиссий, ему угрожали на Пленуме ЦК КПСС 10 марта 1989 г. Однако другое мнение было у москвичей. Ельцин воспринимался прежде всего как противник существовавших порядков, как человек, умевший слушать и слышать в отличие от своего главного оппонента — Горбачева, изрекавшего и поучавшего. У него было особое право критиковать систему — дойдя до ее вершины, он впервые в истории СССР добровольно отказался от нее, за что она, система, мстила.

Итоги выборов по Московскому национально-территориальному округу были сокрушительны в своей однозначности: 89% москвичей проголосовали за Ельцина.

В депутаты прошли люди неведомые прежде, выбранные именно потому, что они противостояли партийному аппарату. Так, ими стали Г. Бурбулис, А. Собчак, Ю. Болдырев, А. Казанник, Ю. Крайко, С. Станкевич и др. Стали народными депутатами и люди очень известные, получившие свои мандаты через ряд общественных и творческих организаций — академики А. Д. Сахаров и Д. С. Лихачев, поэт Е. Евтушенко, экономист Г. Х. Попов.

В то же время не были избраны около 30 секретарей обкомов и горкомов КПСС, люди, критиковавшие руководство КПСС, получили большинство голосов в Ленинграде, Москве, Свердловске.

26 марта 1989 г. в стране прошли выборы. 28 марта состоялось заседание Политбюро, на котором давалась оценка их итогов. «Настроение у большинства было угнетенное, в воздухе висело — провал», — вспоминал об этом заседании М. С. Горбачев¹. Горбачев попытался доказать, что КПСС не проиграла, так как 85% депутатов — коммунисты, что партия победила там, где люди увидели реальные изменения в результате перестройки. Но Горбачеву возражали, напоминали, что «дисциплина в партии сейчас хуже, чем в беспартийной среде», кандидат в члены Политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома Соловьев заявил, что в городе голосовали не против кандидатов-коммунистов, а против перестройки. Традиционно много критиковали прессу, обвиняя ее в том, что вся пресса, в том числе и партийная, во главе с «Правдой», «формирует отрицательное отношение к партийным кадрам».

В защиту итогов выборов высказалось меньшинство членов Политбюро — А. Н. Яковлев, утверждавший, что выборы стали референдумом в защиту перестройки, что абсолютное большинство депутатов — коммунисты; В. А. Медведев, возражавший Лигачеву и Воротникову, что пресса всего лишь отражает реальные процессы, происходящие в обществе, что многие партийные комитеты пустили выборы на самотек.

По важнейшему вопросу — отношение и к выборам, и к их итогам — Горбачев оказался в меньшинстве. В этой ситуации Горбачев постарался принять меры к изменению состава ЦК КПСС, так как в случае его конфликта с Политбюро решающую роль приобретала позиция Пленума ЦК КПСС. Именно Пленум ЦК традиционно выступал в роли того органа, решением которого оформлялись отставки, отстранения от должностей высших руководителей партии — от Хрущева до Берии, Маленкова и Жукова. Для того чтобы предупредить опасность возможного переворота, требовалось изменить состав ЦК. Бюрократически задача была очень сложной: только съезд обладал полномочиями для выбора новых членов и соответственно неизбрания старых. Однако Горбачев придумал нетрадиционный способ, творчески усовершенствовав метод, впервые примененный Л. И. Брежневым. В свое время именно Брежнев настоял на «добровольной» отставке некоторых влиятельнейших деятелей партии, что избавляло их от партийных процедур. Так, он заставил написать заявление об отставке «по соб-

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 427.

ственному желанию» Н. В. Подгорного, А. Н. Шелепина. Брежнев использовал этот способ редко и очень избирательно.

Горбачев же решил применить метод «коллективной отставки» многочисленных пенсионеров в составе ЦК. Эти пенсионеры в недавнем прошлом были крупнейшими партийно-государственными чиновниками. Горбачев не без основания полагал, что эти люди враждебно относились к перестройке и ее «прорабам». Операцию по их устранению Горбачев провел блестяще. В результате переговоров с наиболее влиятельными пенсионерами он смог заручиться их поддержкой. И вновь ему помог А. А. Громыко. На очередном Пленуме ЦК 25 апреля 1989 г. было оглашено письмо 110 пенсионеров с предложением о добровольной отставке. Горбачев хотел применить и другой метод: возродить кооптацию, то есть введение в состав ЦК без избрания на съезде (это было практически забытым способом комплектования партийных органов, использовавшимся в начале XX в.), и пополнить ЦК своими сторонниками. Но это Горбачеву не удалось. Против этого резко выступил Лигачев, указав на явную недемократичность подобной процедуры¹.

Пленум, открывшийся 25 апреля 1989 г., после выборов народных депутатов СССР и накануне созыва съезда народных депутатов СССР, подтвердил справедливость подозрений Горбачева. Более того, накануне пленума распространились слухи о готовившемся заговоре, об отставке Горбачева².

На пленуме действия Горбачева и его курс были подвергнуты резкой критике. Его обвиняли в неудачах экономической реформы, в том, что партийные органы подвергаются постоянным обвинениям в прессе, в злоупотреблениях демократией, развале армии, потакании национализму, отступлении от ленинских принципов деятельности партии. Впервые на этом пленуме деятельность Горбачева подверглась открытому осуждению. Причем критиковали Горбачева в большинстве своем именно те члены ЦК, которые оставались в его составе.

Сам Горбачев нашел эффектный ход отразить критику. Он предложил опубликовать стенограмму заседания в прессе. Оппонентам Горбачева ничего не оставалось, как согласиться с этим. Беспрецедентность публикации стенограммы — полных текстов выступления — состояла в том, что партийный «сор был вынесен из избы».

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 431—432.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 291—262.

Горбачев сразу же оказался жертвой «партийных консерваторов» в ЦК и тем самым получал определенную поддержку общественности.

Полным ходом шла подготовка к приближающему съезду народных депутатов. Готовился Горбачев, готовились и оппоненты КПСС. Горбачев заранее начал подготовку к своему избранию на должность Председателя Верховного Совета СССР. Этот статус придал бы ему необходимый вес на международной арене, кроме того, в условиях перемещения власти в сторону съезда народных депутатов должность Председателя Верховного Совета, к тому же принадлежащая человеку, являющемуся Генеральным секретарем ЦК КПСС, становилась ключевой в системе власти в стране.

В результате переговоров с первыми секретарями обкомов Горбачев получил заверения в поддержке его выдвижения на этот пост¹. На Пленуме ЦК КПСС 22 мая 1989 г. Горбачев в духе давней традиции предложил утвердить кандидатов на важнейшие государственные должности, которые должны были утверждаться съездом: Председателем Верховного Совета — самого себя, совместив ее с должностью Генерального секретаря, заместителем Председателя — А. И. Лукьянова, Председателем Совета Министров — Н. И. Рыжкова, председателем Комитета конституционного надзора — В. П. Ломакина, генеральным прокурором — А. Я. Сухарева, председателем Верховного суда — В. М. Лебедева, Главным государственным арбитром — Ю. Г. Манякина, председателем Комитета народного контроля — С. И. Манякина. Единственным возражавшим против того, чтобы пленум партии предопределял назначение на государственные должности, был Б. Н. Ельцин².

Готовились и оппоненты. Накануне в Доме политического просвещения, где собиралась московская Дискуссионная трибуна, был предложен альтернативный вариант регламента съезда, его программа. Она стала достоянием всей страны после того, как сведения о ней были опубликованы в «Огоньке»³.

Первый съезд народных депутатов СССР открылся в Москве 25 мая 1989 г. В истории государства в XX в. это был один из редчайших случаев, когда история начала делаться на глазах у всей страны. Съезд сразу же пошел не так, как предполагали его организаторы. Не успел председатель Центральной избирательной комиссии

¹ Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 342—344.

² Воротников В. И. А было это так... С. 269—271.

³ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 293.

В. П. Орлов закончить свое выступление, как, не спросясь ни у кого, на глазах изумленного зала и потрясенных слушателей — а съезд транслировался в прямом эфире — на трибуну вылетел никому до этого не ведомый рижский врач В. Ф. Толпежников и предложил делегатам почтить память погибших при разгоне демонстрации в Тбилиси. Только огласили заготовленные заранее списки участников Президиума съезда и объявили предложения к повестке съезда, как вновь на трибуне оказался нерегламентируемый человек, но его имя уже было известно всей стране — академик А. Д. Сахаров. Его как диссидента, сосланного в Горький, как создателя водородной бомбы, лишенного трех Звезд Героя Социалистического Труда за свою правозащитную деятельность, знали все. Знать-то знали, но абсолютное большинство видело и слышало его впервые. Тем более важным представлялось то, что он говорил. А говорил он следующее: «Я предлагаю принять в качестве одного из первых пунктов повестки дня съезда декрет съезда народных депутатов СССР. Мы переживаем революцию, перестройка — это революция, и слово «декрет» является самым подходящим в этом случае. Исключительным правом съезда народных депутатов СССР является принятие законов СССР, назначение высших должностных лиц... В соответствии с этим должны быть внесены изменения в те статьи Конституции СССР, которые касаются прав Верховного Совета СССР...»

Второй принципиальный вопрос, который стоит перед нами, — это вопрос о том, можем ли мы, имеем ли мы право избрать главу государства — Председателя Верховного Совета СССР до обсуждения, до дискуссии по всему кругу вопросов, определяющих судьбу нашей страны...» Сахаров заявил, что он поддерживает кандидатуру Горбачева на этот пост, но поддержка эта носит, по его словам, «условный характер». Он настаивал на альтернативности при избрании Председателя Верховного Совета, на обязательном обсуждении политической программы кандидатов¹.

Его выступление не стало речью опытного оратора. У него не было «командирского голоса» или эффектно выстроенных фраз. Было другое — поразительная смелость и ответственность, была мудрость, превышающая политические расчеты. Он обращался не только к съезду, но и к стране. Она узнала его и запомнила.

Страна услышала и голоса депутатов от прибалтийских республик. Их выступления касались на первый взгляд вопросов техники

¹ Первый съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет М., 1989. Т. 1. С. 9—11.

парламентских процедур. Среди них — о праве депутатов от республик добиваться обсуждения вопроса на заседании съезда, если это предложение поддерживает до двух третей республиканских депутатов, о незамедлительном принятии регламента съезда и лишь после этого обсуждение других вопросов. Их поддержали и некоторые российские депутаты. И когда председательствовавший на съезде Горбачев зачитывал записку, что «попытки некоторых депутатов увести съезд на обсуждение процедурных вопросов — очень вредное дело», то для тех, кто следил за ходом заседания, становилось понятно: процедурные вопросы — это дело важное, это то, что отличает заседание парламента (хотя само слово «парламент» сначала боялись употреблять) от партийного съезда, где все заранее согласовано, решено и единогласно проголосовано.

Уже в первый день работы съезда обозначились острейшие национальные проблемы. Депутаты от Грузии настаивали на расследовании событий в Тбилиси, депутаты от Армении и Азербайджана обращались со взаимными обвинениями в связи с событиями в Сумгаите и Карабахе; подполковник В. И. Алкснис обвинял руководство Латвийской ССР в дискриминации русскоязычного населения в республике, депутат П. П. Фальк требовал восстановления немецкой автономии.

Одновременно с этим шло обсуждение вопроса о том, кому быть Председателем Верховного Совета СССР. Явным и бесспорным фаворитом стал Горбачев. Замечания в его адрес касались целесообразности совмещения постов Генерального секретаря и Председателя Верховного Совета, просили дать объяснение о строительстве его дачи в Крыму, «наказов» на будущее. Дважды выдвигалась кандидатура Б. Н. Ельцина на этот пост: в первый раз ее предложил В. А. Бирюков, второй — Г. Э. Бурбулис, оба из Свердловской области. Ельцин отказался выдвигать свою кандидатуру. Некоторую интригу в ход съезда внесло самовыдвижение А. М. Оболенского, инженера из г. Апатиты, на пост Председателя Верховного Совета. Впрочем, он даже не был включен в список для голосования.

По итогам голосования Горбачев получил абсолютное большинство. За — 2123 человека, против — 87.

Уже первые часы и дни работы съезда пропахали глубокую борозду в истории страны. Кажется, в мае и июне были включены все телевизоры и радиоприемники; трансляцию съезда слушали и смотрели все, в течение нескольких часов мало кому известные прежде люди, избранные депутатами, становились знаменитыми на всю страну, их узнавали не только «в лицо», но и по голосу. Те-

левидение убило «священную тайну» партийной власти. Возникла возможность сравнивать, оценивать, соглашаться или возражать. Трансляция заседаний съезда стала мощнейшим, не имевшим прежде аналогов катализатором политизации общества. Люди изменились быстрее, чем можно было представить.

Съезд народных депутатов впервые дал всесоюзную трибуну для выражения республиканских, национальных взглядов и убеждений. Республики на глазах, за дни работы съезда становились тем, чем они были только на словах — субъектами СССР. Были открыто названы те проблемы, которые волновали население каждой из республик. Делегации республик Прибалтики настаивали на введении республиканского хозрасчета, разрабатывали проект Закона об экономической самостоятельности республик, настаивали на расследовании обстоятельств заключения и оценке последствий пакта «Риббентроп — Молотов»; украинская и белорусская делегации имели свое особое мнение при разработке бюджета СССР в связи с необходимостью учета последствий чернобыльской катастрофы; узбекские делегаты протестовали против деятельности следственной группы Гдяна.

При выборах депутатов в состав Верховного Совета СССР — постоянно действовавшего органа съезда — произошел неизбежный раскол. В тщательно аппаратно подготовленный состав кандидатов в Верховный Совет не были включены люди, которые стали лидерами оппозиции. Туда не были включены ни Б. Н. Ельцин¹, ни Г. Х. Попов, ни М. Н. Полторанин, ни Черниченко, ни И. Заславский, ни их сторонники. Это дало основание Ю. Н. Афанасьеву обвинить и депутатов съезда, и председательствующего — М. С. Горбачева, что Верховный Совет формируется как «сталинско-брежневский», и назвать большинство съезда «агрессивно-послушным большинством»².

Выступавший следом за Афанасьевым Г. Х. Попов объявил о создании Межрегиональной депутатской группы, по сути — о создании политической оппозиции в составе съезда народных депутатов.

Появление официальной политической оппозиции в СССР стало другим результатом деятельности I съезда народных депутатов СССР.

¹ Избрание Ельцина в Верховный Совет стало столь явным скандалом, что руководство съезда ухватилось за предложение депутата А. И. Казанника, уступившего свое место в Верховном Совете Б. Н. Ельцину.

² Первый съезд народных депутатов СССР. С. 223—224.

Межрегиональная депутатская группа (МРДГ) окончательно оформилась уже после съезда, 29—30 июля 1989 г., когда в Москве, в Доме кино, состоялось ее первое собрание. Сопредседателями ее стали Ю. Н. Афанасьев, Б. Н. Ельцин, В. А. Пальм, Г. Х. Попов, А. Д. Сахаров. Принципиальными положениями программы МРДГ стали:

- признание частной собственности, в том числе на землю;
- децентрализация власти;
- экономическая самостоятельность республик, повышение их суверенитета¹.

Съезд привел к радикализации и противников демократических процессов, происходивших в стране. Показательно в этом отношении письмо В. И. Конотопа, бывшего секретаря Московского обкома КПСС, направленное 15 июня 1989 г. Обращаясь к Горбачеву и к членам Политбюро, он писал: «Согласен, что процессы в нашем обществе идут необратимые и сейчас уже поздно об этом говорить, но тем не менее обращаюсь к Вам с вопросом: неужели Вам недостаточно «опыта», например, Польши, чтобы увидеть, куда движется наша страна? Демократизация и гласность в современном виде, к нашему несчастью, воскресила и активизировала сионистов, националистов, бухаринцев и троцкистов, хапуг всех мастей, неофашистов и прочую нечисть. Космополиты, используя почти все средства информации, особенно печать и телевидение, многие учреждения культуры, опутали трудящиеся массы плотной паутиной упадничества, недоверия к партии, полностью предали забвению воспитание у советских людей исконного чувства патриотизма, а Захаров и Карякин, мне стыдно об этом писать, народные депутаты СССР, со своими иезуитскими замыслами, уже замахнулись даже на святая святых — Владимира Ильича Ленина...

Как Вам известно, получили широкое распространение открытые и злые нападки на армию, административные органы, включая и КГБ... Такой гигантской и предательской демагогии мир еще не знал. Нестерпимо видеть и слушать, как Генерального секретаря ЦК КПСС ставят рядом с Сахаровым, который ни одного доброго слова не сказал в адрес КПСС и социализма, а скорее наоборот. Западные воротилы с радостью похлопывают нас по плечу и хвалят на все лады нашу перестройку, довольно потирая руки и, по моему мнению, преждевременно предвкушая уже сейчас, как они за компанию с Польшей проглотят и нас...

¹ ЦХСД. Ф. 89. Оп. 9. Д. 12. См. также: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 309.

Сейчас бушуют межнациональные страсти, а впереди могут быть еще трагичней социальные бури, вызванные усиливающимся расслоением общества и стремительным ростом несправедливости в материальном и моральном положении советских людей. В настоящее время Федоровы и им подобные деятели, нажившие свое благополучие при нашей «негодной системе», много раз повторяют об «умных и деловых» людях, но мне кажется, что самые мудрые люди сейчас живут и работают в ГДР, твердо заявившие о невозможности «соединения огня с водой». У нас же процветает наукообразная, путаная абалкинщина, поддерживаемая конъюнктурщиками от идеологии и философии.

Мне представляется, что мы непростительно рано хороним плановую систему, не совершенствуя ее, а полагаясь на «внекапиталистическую саморегулирующуюся экономику», преждевременно хороним и руководящую роль партии, в первую очередь ее кадровую политику, полагаясь на мифическое добровольное народо-властие без должной дисциплины и строгого порядка. Подстраивать наш «парламент» под буржуазный — гиблое дело...»¹

То, что мог себе позволить сказать вслух первый секретарь Московского обкома партии, отправленный на пенсию еще в 1985 г., разделяли многие его действовавшие коллеги в партийном и государственном аппарате.

Роль I съезда народных депутатов СССР еще нуждается в специальном исследовании. Наряду с отмеченными выше его последствиями необходимо указать, что за занавесом политического противостояния, противоречий между коммунистическим фундаментализмом и реформистским крылом, возникшими в КПСС, приковывавшими особое внимание в обществе, существовали долговременные планы представителей «народных фронтов», избранных в число депутатов СССР. Вы не найдете в стенограмме съезда резких заявлений, под которыми бы стояли фамилии Ландсбергиса, будущего лидера Литвы, или Горбунова, ставшего одним из вождей латышского сепаратизма. Эстонская делегация на съезде воспринималась как сторонница экономического суверенитета в рамках СССР. Однако подспудно, в кулуарах съезда, вызревало то, что привело к взрыву национальных движений в СССР и подготовило почву к его ликвидации. Воссоздание съезда народных депутатов СССР создавало легальный способ противостояния союз-

¹ Демократизация и гласность воскресили нечисть... // Источник. Вестник архива Президента Российской Федерации. 1993. № 3. С. 157—158.

ному центру с далеко идущими политическими последствиями. И эта возможность была использована сполна.

Но и в составе российской делегации дело не обстояло просто. В числе самых ярых противников системы оказалось много людей, причастных к ней. Это были люди, по-разному входившие в номенклатурную систему и по разным причинам оставшиеся неудовлетворенными. Среди них — и Ю. Н. Афанасьев, большую часть своей жизни проводивший под крылом номенклатуры ЦК КПСС, и Г. Х. Попов, А. М. Емельянов, обреченные в качестве заведующих кафедрами общественных наук на утверждение в Московском горкоме КПСС, и генерал-майор КГБ СССР Калугин, руководивший контрразведкой в системе КГБ, а позже — руководитель КГБ в Ленинграде. Что же здесь говорить о директорах институтов Академии наук СССР, вдруг оказавшихся в качестве депутатов оппонентами системы, которой они были многим обязаны и «доакадемическая биография» которых была связана все с той же Старой площадью!

Съезд стал равнодействующей, если пользоваться языком геометрии, разнообразных политических сил.

Однако выдвинулась главная проблема соотношения единого союзного центра и республик, входивших в его состав. Все шло «ленинской национальной политики» теперь выходили из мешка.

Обострение экономического кризиса в стране. В 1989 г. на прилавках книжных магазинов появилась книга, авторами статей в которой были самые известные советские экономисты, популярность которых тогда могла вполне соперничать с известностью эстрадных звезд. Л. Абалкин, Г. Попов, О. Лацис, А. Емельянов и их коллеги были частыми и желанными гостями телевидения, редкую неделю большие интервью с ними или статьи не появлялись на страницах газет. Интерес к экономистам в самых широких слоях населения страны объяснялся верой в то, что этим хорошо говорящим людям свойственно то тайное знание, использование которого позволит преодолеть кризис. Следует только дать им возможность практически осуществить задуманное. Вышедшая книга, о которой упоминалось, была своего рода манифестом экономистов-реформаторов. Она называлась «Этот трудный, трудный путь. Экономическая реформа»¹. Книга стала итогом экономичес-

¹ Абалкин Л. И. и др. Этот трудный, трудный путь. Экономическая реформа. М., 1989.

кого анализа социалистической экономики и изложением тех рецептов, которыми ее пытались вылечить.

Заметим сразу: выход из кризиса предполагалось совершить по рельсам социализма. Другое дело, что авторы были убеждены в необходимости его реформирования. Редактор книги Л. И. Абалкин писал, что «нужно во многом по-новому осмыслить природу социализма, многообразие его моделей, его гуманистический облик и движущие силы». Эту новую модель и следовало выбрать. Но «...прежде чем начать переход к новой модели, нужно остановить сползание экономики в пропасть, переломить негативные тенденции. Пока это не удастся сделать, ни о каком переходе не может быть и речи»¹. Он был убежден в необходимости чрезвычайных мер в экономике, в повышении роли центрального звена управления, в стабилизации финансов и в оздоровлении потребительского рынка².

Для достижения этой цели Л. И. Абалкин, ставший к этому времени вице-премьером Совета Министров СССР, сообщал, что на 1990 г. было намечено вдвое сократить размер дефицита государственного бюджета. В 1989 г. дефицит бюджета был равен 120 млрд. рублей, на 1990 г. было намечено сократить его до 60 млрд.

Планировалось также сократить эмиссию, уменьшить инвестиции, обеспечить рост производства товаров народного потребления³.

Л. И. Абалкин сообщал, что в стране был громадный неудовлетворенный спрос — на руках у граждан страны было 100 млрд. рублей, на которые нечего было купить! Магазины стояли пустыми, товары, поступавшие в них, мгновенно пропадали, перепродавались не по официальным, относительно низким ценам, а по рыночным, значительно их превосходящим.

Концепция переходного периода, сформулированная академиком Абалкиным, включала сочетание элементов сохраняющейся административной системы управления с постепенно нарождающимися и утверждающимися элементами новой модели социалистического хозяйствования. Для реализации этих непростых, а если точнее, взаимоисключающих подходов — административной системы управ-

¹ Абалкин Л. И. Проблемы и противоречия советской экономики в переходный период // Абалкин Л. И. и др. Этот трудный, трудный путь. Экономическая реформа. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 10.

ления экономикой и рынка — была создана государственная комиссия по экономической реформе при Совмине СССР¹.

Коллега Абалкина — П. Бунич уверял, что беда советской системы в том и состояла, что она не была социалистической².

Экономист О. Лацис указывал на странные процессы, происходившие в экономике СССР. Он указывал, что

в 1970 г. национальный доход СССР был 65% от национального дохода США;

к 1987 г. это соотношение практически не изменилось, составив 64% к американскому. Но при этом СССР в ряде случаев производил много больше продукции (см. табл. 8).

Табл. 8. Производство продукции в СССР по отношению к производству в США (%)

% к производству в США	1970	1987
Производство электроэнергии	61	110
Чугун	103	261
Сталь	95	197
Железная руда	216	527
Тракторы (по суммарной мощности двигателей)	145	484
Цемент	141	181

В СССР производилось в 10 раз больше комбайнов, чем в США³, но это не приводило к изменению качества жизни. Экономика все более становилась затратной, убыточной, «производство для производства» все больше разоряло страну. Возникал опасный парадокс: в СССР неуклонно росла добыча нефти, со 148 млн. тонн в 1964 г. до 353 — в 1970-м и 624 — в 1987 г., но не хватает нефти на экспорт. В США же, наоборот, падает производство нефти за счет развития энергосберегающих технологий⁴.

Серьезную тревогу рождали статьи специалистов по финансовой системе страны — тогдашнего министра финансов В. Павлова (будущего председателя Кабинета министров СССР) и

¹ Абалкин Л. И. Проблемы и противоречия советской экономики в переходный период // Абалкин Л. И. и др. Этот трудный, трудный путь. Экономическая реформа. С. 13.

² Бунич П. Только революционно, комплексно и незамедлительно! // Абалкин Л. И. и др. Этот трудный, трудный путь. С. 18.

³ Лацис О. Вес ускорения // Этот трудный, трудный путь. С. 40

⁴ Там же. С. 43 -46

И. Лукинова. Павлов указывал на нарастающее противоречие между ростом расходов госбюджета (с 1985 до 1988 г. на 73 млрд. рублей — на 18%, и реальным сокращением произведенного национального дохода (за этот период он вырос только на 46,5 млрд. рублей — 11,1%)¹. Министр финансов указывал на негативные процессы в финансах страны — дефицит госбюджета достиг 11% валового национального продукта, или 15% национального дохода, а государственный долг — $\frac{2}{3}$ национального дохода. Инфляция приобрела явно бюджетный характер, сообщил Павлов. Доходы населения за счет выплат из бюджета реально не обеспечивались его доходами от производства и поставками товаров, от оказания услуг².

Его коллега И. Лукинов писал, что в марте 1989 г. Минфин был вынужден впервые объявить, что темпы инфляции составляют 2—4% в год, а размер эмиссии в 1988 г. в 4 раза превысил среднегодовой уровень 11-й пятилетки. За период 1971—1985 гг. количество денег в обращении выросло в 3,1 раза, а производство товаров народного потребления и розничный товарооборот — только в 2 раза.

И. Лукинов статистически доказывал, что в стране регулярно и неуклонно сокращается производство продукции «для людей». Доля предметов потребления в объеме промышленной продукции, по его подсчетам, составила: в 1928 г. — 60,5%; в 1940 г. — 39%; в 1960 г. — 27,5%; в 1980 г. — 26,2%; в 1987 г. — 24,9%³.

Экономика неэффективная, не ориентированная на улучшение жизни людей, с нарастающим финансовым кризисом — экономисты убедительно ставили этот диагноз. Сложнее с лечением. Рецепты «переходного периода» были благодушно-неопределенными, болезнь предлагалось лечить, «заговорив» ее сочетанием социалистического планирования и социально-ориентированного рынка⁴.

Но экономический кризис заговорить не удавалось.

¹ Павлов В. Стратегия финансовых преобразований в контексте перестройки // Этот трудный, трудный путь. С. 94.

² Там же. С. 95—96.

³ Лукинов И. Состояние валютно-финансовой системы и меры по преодолению инфляции // Этот трудный, трудный путь. С. 105—111.

⁴ В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.» рост национального дохода планировался почти вдвое, производительность общественного труда — в 2,3—2,5 раза. Темпы прироста национального дохода предполагалось повысить с 3,1 в среднем за год 11-й пятилетки до 5% в 14-й пятилетке. Все было хорошо, если бы не одно обстоятельство — а как этого можно было добиться?

В том же 1989 г. прирост денежных доходов населения составил 13,1% при росте производительности труда всего на 2,3%. Нарастали инфляционные тенденции¹.

В 1990 г. валовой национальный продукт сократился на 2%, национальный доход — на 4%, денежные доходы выросли на 16,9% (по сравнению с 1989 г.).

На XIX Всесоюзной партконференции была принята резолюция: «Заслуживает внимания идея перехода республик и регионов на принципы хозрасчета с четким определением их вклада в решение общесоюзных программ». Хозрасчет в этом случае — это переход на республиканский бюджет, который бы учитывал все реальные доходы и расходы республик. Кажущаяся очевидной идея на самом деле была не такой простой: самые крупные, самые важные предприятия в каждой из республик в абсолютном своем большинстве принадлежали не республикам, а СССР, были «предприятиями союзного подчинения»². Смета их доходов и расходов утверждалась не в столице республики, а в столице СССР — в Москве. Из союзного бюджета осуществлялось и прямое финансирование. Чтобы понять эту экономическую несуразицу, укажем нашим читателям, что если сложить 15 бюджетов союзных республик СССР — от РСФСР до Эстонии, — то вы не получите сумму бюджета СССР. Союзный центр с его министерствами и ведомствами России имел свои расходы и доходы, как правило, являлся своего рода «шестнадцатым субъектом СССР».

Если республики хотели добиться «хозрасчета», то это означало их отказ союзному центру управлять их предприятиями. Так закладывалась экономическая мина под СССР.

Вместе с тем в обстановке все усиливавшегося экономического кризиса стали прорастать ростки новых экономических отношений. В мае 1988 г. был принят закон «О кооперации». Эта сфера деятельности стала стремительно развиваться. К 1990 г. в ней принимало участие около 1 млн. человек³. Это новое проявилось в различных сферах. Исполдволь началось создание иной финансовой системы. Накануне перестройки в СССР было три банка — Госбанк, Стройбанк и Внешторгбанк. Затем банковская система была реформирована. Появилось 6 банков — Госбанк СССР, Внеш-

¹ Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 103.

² Отметим к тому же, что значительная часть этих предприятий была связана с военно-промышленным комплексом.

³ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 225

экономбанк, Агропромбанк, Промстройбанк, Жилсоцбанк, Сбербанк. Прежние банки не вели, по крайней мере в самой стране, экономической деятельности, при которой сами деньги выступали бы как товар. Банки *распределяли* средства в соответствии с указаниями государственных органов.

Положение стало меняться к началу 1990 г. Показательна в этом смысле цена кредитов, предоставляемых государственными банками. В 1990 г. кредиты выдавались под 1%, в 1991 г. — этот процент вырос до 15. Агропромбанк довел процент кредитов до 20—24, в том числе и по ранее взятым кредитам¹. И уже полностью беспрецедентными для СССР стали коммерческие банки. Их число стремительно росло. Если на 1 января 1989 г. их было 41, на 1 июля 1989 г. — 143, в том числе 54 — кооперативные, то к середине 1991 г. их стало более 1,5 тыс.

Благодаря закону «О кооперации» появилась возможность объединения финансовых средств кооперативов с целью создания кооперативных банков. 24 августа 1988 г. был зарегистрирован первый коммерческий банк. Юридически статья о частных банках в законе «О кооперации» была сформулирована неточно, банк можно было создать фактически без денег, а к главе создаваемого банка не предъявлялось требований по образованию и стажу работы по специальности. Первым был банк «Союз» из казахстанского Чимкента, 26 августа зарегистрировался ленинградский банк «Патент», третьим стал Московский кооперативный банк, четвертым — «Кредит-Москва». Под номером 12 — Инкомбанк, 13 — АВТОВАЗБАНК, 16 — Автобанк, 20 — банк «Аэрофлот», 25 — МЕНАТЕП².

Показательна в этом отношении история возникновения одного из крупнейших российских банков — банка МЕНАТЕП, исследованная корреспондентом «Известий» М. Бергером. Будущий президент банка М. Ходорковский работал по хозяйственным договорам в Московском химико-технологическом институте. Институты могли заключать соглашения на выполнение научных исследований для промышленных предприятий. Деньги у промышленных предприятий для этих целей были. Но существовала другая сложность: каждому учреждению в СССР устанавливался лимит на фонд заработной платы. Деньги можно было заработать, но их нельзя было выдать как заработную плату.

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 14.

² Бергер М. Первые банки, или Происхождение денег // Известия. 1995. № 66. 11 апреля.

Тогда часть денег за хоздоговоры стали пропускать через молодежный клуб. В 1986 г. власти разрешили иметь молодежным клубам по интересам свои расчетные счета. Эти клубы в большинстве своем создавались при комитетах комсомола и профкомах высших учебных заведений, при районных комитетах комсомола. Заработав, Ходорковский и его товарищи образовали при райкоме комсомола центр научно-технического творчества молодежи — НТТМ. Дальше — новая сложность. Заводы, получив уже выполненную работу, стали задерживать оплату. Кризис в промышленности уже начинал сказываться. «Команде Ходорковского» было необходимо заплатить деньги своим сотрудникам, работавшим в центре научно-технического творчества молодежи. Для этой цели решили взять кредит в банке, надеялись отдать его позже из задержанных заводами сумм. Но не тут-то было.

В Жилсоцбанке, куда обратились Ходорковский и его коллеги, сообщили, что кредиты выдают только банкам (!). Тогда находчивые комсомольцы решили создать свой банк, назвав его МЕНАТЕП, по существу с единственной целью — получить кредит. Первоначально МЕНАТЕП был просто вспомогательной структурой при НТТМ. Позже МЕНАТЕП превратился в мощную финансовую структуру.

Существовало и другое обстоятельство, способствовавшее накоплению в первых коммерческих банках значительных средств, причем чисто советское: в СССР существовало много разных типов денег, прежде всего — наличные и безналичные. Объем наличных денег строго контролировался, прежде всего через ограничение фонда заработной платы. Безналичные деньги имели огромное количество разновидностей — они заранее расписывались по статьям расходов (на одни деньги можно было купить мебель, но нельзя было купить бумагу или канцелярские принадлежности, на другие — «с лимитом подряда» — проводить строительные работы, были деньги «с валютным покрытием» и т. д. и т. п.). Кроме того, деньги предполагалось тратить в установленные сроки, и все это строго контролировалось. Накопить средства было невозможно.

Когда появился МЕНАТЕП и подобные ему финансовые структуры, то предприятия, финансировавшиеся из государственного бюджета, стали переводить часть средств в новые коммерческие банки. Оттуда они приходили уже «отмытыми» от финансовой классификации. Предприятия, занимаясь самым настоящим кредитованием коммерческих банков, в ту пору меньше всего заботились о получении с этих банков процентов по вкладам. Для

них важно было сохранить средства и использовать их по своему усмотрению. Зато коммерческие банки, кредитуя нарождавшиеся кооперативные коммерческие структуры, уже требовали от заемщиков проценты по займам.

Позже источником доходов стали также операции по покупке и продаже валюты. Похожая судьба была у Инкомбанка, который вошел сейчас в число тысячи крупнейших банков мира. Он вырос на основе молодежного жилищного кооператива, был основан практически без денег. В его становлении самое непосредственное участие приняло руководство Института народного хозяйства им. Плеханова, едва ли не видевшее в этом эксперименте по преимуществу учебную задачу — показать студентам, как действует коммерческий банк.

Создание коммерческих банков стало качественно новым явлением, отрицавшим старую, планово-распределительную финансовую систему. Одновременно с этим шло разрушение другой составляющей советской финансовой системы — ее централизма. Возникли республиканские банки в союзных республиках, позже — в автономиях, которые не без успеха пытались проводить политику, независимую от Центробанка СССР.

За всеми этими экономическими делами, за стремительным формированием того слоя людей, которых скоро стали именовать «новыми русскими», жизнь большинства населения только ухудшилась. В стране усиленно обсуждалась тема привилегий партийного аппарата. Несмотря на огромное количество препятствий, в разных городах страны вышли мемуары Ельцина «Исповедь на заданную тему», где немало страниц было посвящено теме несправедливых привилегий высшего партийного аппарата, живущего совсем не той жизнью, какой живут остальные граждане страны.

Мемуаристика едва ли не впервые превращалась в агитационный жанр, в боевой листок, в произведение актуальной публицистики, стремительно находившей заинтересованных читателей.

Нарастало озлобление на власть. Свидетельством тому стали массовые митинги в поддержку следователей, ставших народными депутатами СССР, Гдьяна и Иванова, напрямую обвинявших ряд членов Политбюро в получении взяток. За весну и лето 1989 г. состоялось 51 массовое выступление в их поддержку, в которых приняли участие 350 тыс. человек. Почти 90% митингов прошли в Москве и Московской области. Кроме этого митинги состоялись в Ленинграде, Вологде, Перми, Челябинске, Свердловске и Ярославле.

Накануне Рождества, 6 января 1990 г., на Украине, в Чернигове, произошло банальное ДТП — черная служебная «Волга» столкнулась на углу двух улиц с «Жигулями». В багажнике «Волги», открывшемся от удара, проходившие мимо граждане увидели дефицит — колбасу, окорок, другую изрядно позабытую снедь. И этого оказалось достаточно, чтобы в городе вспыхнули массовые беспорядки (!). Бедную «Волгу» из обкомовского гаража разгромили и разломали, начались многолюдные митинги против власти, коммунистического режима. Эти события стали важным агитационным фактором для оппозиционно-националистического движения «Рух», а позже вошли в новейшую историю Украины под названием «колбасная революция».

Продовольственные проблемы приобрели политический оттенок. Февральская революция начиналась с «хлебных бунтов» в Петрограде. Новая революция начиналась с «неотоваренных талонов» на мясо.

Ситуация в стране все более становилась взрывоопасной.

Очерк 3

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

Российские выборы. — Расстановка политических сил в первой половине 1990 г. — Политбюро ЦК КПСС подводило итоги выборов. — Как вводили должность Президента СССР. — Учреждение компартии РСФСР. — Подготовка к российскому съезду народных депутатов. — Политическая борьба на I съезде народных депутатов РСФСР. Выборы Председателя Верховного Совета РСФСР. — Поиски путей согласия. — Декларация о государственном суверенитете России.

Российские выборы. Центр политической жизни в СССР все увереннее смещался в сторону выборов народных депутатов на съезд народных депутатов РСФСР. В соответствии с Законом СССР от 1 декабря 1988 г. одиннадцатая сессия Верховного Совета РСФСР XI созыва 27 октября 1989 г. приняла Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР». Они предусматривали создание съезда народных депутатов РСФСР и проведение выборов народных депутатов РСФСР.

Выборы шли в качественно новых условиях. В 1068 округах России баллотировалось 6705 претендентов. В абсолютном большинстве округов выборы шли на альтернативной основе. В среднем за одно место боролось шесть претендентов¹. На первый план выходил фактор политический. Его можно было сформулировать так: «Россия в СССР: проблемы взаимоотношений в прошлом, настоящем и будущем».

Официальная партийная идеология «прозевала» и недооценила важность этого фактора. Близкий соратник Горбачева, член Политбюро В. А. Медведев писал: «Первые признаки активизации российского фактора появились примерно за год до этого или несколько раньше в публикациях, заявлениях, исходящих от гу-

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 3—5

манитарной интеллигенции, и прежде всего от писателей, придерживающихся так называемой русофильской ориентации. Крайние выходки со стороны общества «Память» воспринимались тогда как нечто одиозное, не отражающее сколько-нибудь глубоких процессов в обществе. По мере оживления национальных движений в республиках внимание к российской теме стало возрастать, хотя еще в течение какого-то времени к этому не относились серьезно. И когда Валентин Распутин в одном из своих выступлений «пригрозил» выходом России из Советского Союза, это было воспринято как каламбур.

Ситуация, однако, коренным образом изменилась, когда в повестку дня встал вопрос о выборах народных депутатов и создании новых органов государственной власти в республиках, в том числе и Российской Федерации. Российский фактор стал приобретать более реальные очертания, выдвигаться в центр политической борьбы. Одна за другой выявлялись сложные грани российской проблематики — политические, экономические, социальные, экологические, что вполне естественно: ведь РСФСР, будучи ядром Союза, несла на себе и главную тяжесть возникших в стране проблем. Пожалуй, быстрее, чем руководство КПСС, уловили это оппозиционные силы, превращая российские проблемы в козырную карту в политической игре». В. А. Медведев так сформулировал позицию руководства ЦК КПСС: «...без Российской Федерации Союз существовать не может. Но и Российскую Федерацию в том виде и в той конфигурации, которую она приобрела после Октябрьской революции, представить себе вне Союза просто невымыслимо. ...Мысль о независимости РСФСР воспринималась как абсурдная. Мы считали, что надо значительно, резко усилить самостоятельность РСФСР, ее ответственность за свое экономическое и культурное развитие, но в рамках Союза, в рамках взаимодействия с другими союзными республиками при наличии сильного центра»¹.

Впрочем, сводить российскую проблему только к «козырной карте в политической игре», при всем уважении к В. А. Медведеву, было бы неверно. Прежде всего системный кризис, который переживала вся страна, и Россия в частности, был очевиден. Не хватало всего — продуктов в магазинах, порядка в стране, раздраемой межнациональными конфликтами на ее южных рубежах, веры в лидера страны. Политика Горбачева стала на редкость непопу-

¹ Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 135—136.

лярна, о чем свидетельствует обстоятельное социологическое исследование «Россия на рубеже веков», осуществленное Российским независимым институтом социальных и национальных проблем¹.

Борьба за выборы в России стала центральным пунктом политической борьбы.

Уже с первых шагов избирательная борьба отличалась жесточенностью и политической заостренностью. Основными «знаковыми» политическими символами стали: во-первых, ЦК КПСС, пытавшийся «взять под контроль» избирательный процесс; во-вторых, то обстоятельство, что разновидностью этого течения была деятельность по созданию компартии РСФСР и «обхода» в своем радикализме многих критиков Горбачева и его реформ. Внутренний парадокс легко объясним не только соображениями политической тактики, но и искренним неприятием значительной части партаппарата деятельности Горбачева и его сторонников.

В рядах руководства КПСС оказалось немало сторонников создания самостоятельной российской компартии — как своего рода противовеса Горбачеву. В конце концов и среди сторонников Горбачева пришли к мнению о целесообразности воссоздания компартии РСФСР.

Уже на первом заседании Российского Бюро ЦК КПСС под председательством Горбачева, где главной темой стало воссоздание компартии РСФСР, были рассмотрены еще два важнейших вопроса, непосредственно касавшиеся выборов в России. Вторым пунктом стало обсуждение Концепции экономического суверенитета России. Третьим — «О ходе избирательной кампании в РСФСР по выборам народных депутатов в республиканские и местные Советы»².

Итак, готовясь к выборам, КПСС заранее подготавливала в качестве сильных агитационных факторов не только воссоздание компартии РСФСР, но и расширение экономических прав республики. **Идея экономического суверенитета, позже объявленная в том же ЦК сепаратистской, родом со Старой площади!**

Другим направлением политической борьбы стало движение «Демократическая Россия», объединившее (сначала — фактичес-

¹ Россия на рубеже веков // Под ред. М. К. Горшкова и др. М., 2000. С. 331.

² Архивы Кремля и Старой площади. Документы по «делу КПСС»: Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу КПСС». Новосибирск, 1995. С. 215.

ки, а затем и формально) сторонников Межрегиональной депутатской группы (МРДГ).

Активный участник политической борьбы в России в конце 1980—1990-е гг., первый Председатель Совета Республики РСФСР В. Б. Исаков оставил исключительно подробные дневники, дополненные копиями многочисленных документов. Они позволяют проследить связь между союзной МРДГ и его российскими сторонниками, составившими в будущем ядро «Демократической России».

Межрегиональная депутатская группа объявила себя оппозицией по отношению к большинству съезда: «Мы против декретированной руководящей роли КПСС, то есть монопольной власти партии, власти, приведшей страну к неслыханным бедствиям... Мы против огосударственной экономики. ...Мы считаем необходимым немедленно разрешить крестьянам самим выбирать любые формы хозяйствования, включая беспрепятственный выход из совхозов и колхозов со своей долей земли и имущества... Мы против подчинения национальных республик сильному центру, то есть против унитарного, имперского государства, созданного Сталиным и сохраняющегося поныне. Мы считаем необходимым скорейшую выработку нового договора о Советском Союзе как свободном и добровольном объединении суверенных республик по формуле «сильные республики и созданный ими центр...»

По сути, это было объявлением открытой политической войны руководству КПСС. Вызов сочетался с программой, обязательной для участников движения по всей России, — борьба с аппаратом КПСС, борьба за равенство всех общественно-политических организаций, за право частной собственности на землю, за разгосударствление экономики, за новый Союзный договор и право выхода республик из СССР.

В руководстве СССР нарастала тревога перед приближающимися выборами и их итогами. В. И. Воротников, тогда — член Политбюро и Председатель Верховного Совета РСФСР, записал в своем дневнике: «2 февраля (1990 г.). У А. И. Лукьянова. Информировал о подготовке выборов. Обстановка с подбором кадров на высшие посты в РСФСР нетерпима. В числе кандидатов в депутаты Верховного Совета РСФСР только А. В. Власов и Ю. А. Манасников. Всего двое?! Это недопустимо. Я предложил, чтобы баллотировались Лукьянов, Рыжков, Маслюков, Бакланов и, возможно, другие. ...Неоднократно беседовал на эту тему с Горбачевым. Обстоятельный разговор с ним состоялся 5 января. Вроде понимает. Но ничего не делает. Что, Анатолий Иванович, может, это так

и надо? Разводит руками. «Я сам с ним не раз говорил, а он: «Знаю — не торопи»¹.

Между тем политическое напряжение нарастало. Идеи, провозглашенные Межрегиональной депутатской группой, стали программными для огромного митинга в Москве, состоявшегося 4 февраля 1990 г. под лозунгами МРДГ. На нем участвовало от 200 тыс. (данные ТАСС) до 500 тыс. (данные организаторов) человек. 6 февраля 1990 г. резолюции митинга были переданы в Президиум Верховного Совета СССР. На митинге были приняты резолюции «Об отношении к КПСС», «В защиту демократии и создании комитета «Гражданское действие»», «По ситуации в Закавказье», «Об участии армии в Закавказском конфликте», «О политическом положении в стране» и ряд других.

Оппоненты МРДГ попытались использовать в полной мере «административный ресурс». 19 января 1990 г. по записке Председателя ПВС РСФСР В. И. Воротникова и Председателя СМ РСФСР А. В. Власова в ЦК КПСС были установлены новые штаты местных органов Советской власти, что должно было бы сделать аппарат местных Советов более «управляемым» накануне выборов.

После мощного митинга в Москве 7 февраля 1990 г. заместитель Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов сообщил в ЦК КПСС о встрече с организаторами манифестации и митинга в Москве В. Ф. Комчатовым, Л. С. Шемаевым, М. Я. Шнейдером и Л. А. Пономаревым.

В ЦК КПСС и в правительстве был подготовлен проект Заявления «с изложением принципиальной позиции относительно противозаконных действий экстремистских группировок в отдельных регионах страны, направленных на дискредитацию и смещение выборных партийных и советских органов» для внесения его в ЦК КПСС.

Для активизации пропагандистской деятельности ЦК был создан своего рода «боевой листок» — газета «Гласность», учрежденная решением Секретариата ЦК КПСС 10 февраля 1990 г.

Наряду с этим были предприняты специфические меры влияния партийно-государственного аппарата на итоги выборов путем использования собственно организационно-технических предвыборных процедур.

Прежде всего это формирование избирательных комиссий. Роль комиссий в организации избирательной кампании заключается в

¹ Воротников В. И. А было это так. . С. 348.

выдвижении кандидатов, проведении собраний избирателей по месту жительства, созыве окружных предвыборных собраний¹.

Вторым этапом становилось выдвижение кандидатов в депутаты, включавшее два звена — предвыборные собрания (российское законодательство снизило численность участников предвыборных собраний с 500 до 300) и окружные предвыборные собрания. Выдвинутый на предвыборном собрании кандидат в депутаты должен был получить на окружном собрании не менее одной трети голосов. Получался своего рода «первый этап выборов», «предварительные выборы», осуществлявшиеся вне разработанного правового поля².

Однако российский закон «О выборах народных депутатов РСФСР» был более демократичным, так как не давал (в отличие от союзного законодательства) квот для общественных организаций, отменялась норма проведения окружных предвыборных собраний, разрешался общественный контроль за проведением выборов.

Расстановка политических сил в первой половине 1990 г. В схватке за будущее влияние сошлись две, казалось, неравные силы: с одной стороны — аппарат КПСС и государства, с другой — неформальные объединения, в той или иной степени связанные с МРДГ Верховного Совета СССР. Предлагался и другой, в равной мере и неожиданный, и вынужденный ход Горбачева — укрепление центральной власти в СССР путем введения института президента. В руководстве СССР все чаще стало высказываться убеждение, что необходимо вводить институт Президента СССР с целью укрепления власти в стране. Горбачев это публично «озвучил» на Пленуме ЦК 5 февраля 1990 г. По его словам, «возникает необходимость перегруппировки сил в верхнем эшелоне власти. Ставится вопрос об институте президентства»³.

На этом вопросе и на его связи с российскими выборами мы остановимся несколько позже.

В ходе избирательной кампании наметились контуры будущей политической деятельности народных депутатов РСФСР, шедших под лозунгами «Демократической России» и «Демократической платформы в КПСС». В предвыборных листовках Б. Н. Ельцина, ставшего лидером этого течения, содержались следующие положения:

¹ *Исаков В. Б.* Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990—1991. Екатеринбург, 1997. С. 56.

² Там же. С. 62.

³ *Воротников В. И.* А было это так... С. 348.

в области политической:

— принять Конституцию России путем референдума, преобразовав существующую экономическую и политическую систему;

— всю полноту власти — Советам и народу. Ликвидировать монополию КПСС на власть;

— в рамках многопартийности коммунистам самим образовать самостоятельную Российскую компартию на основе «безаппаратной» структуры, ориентированную на гуманистический и демократический социализм;

— государственное устройство России — президентская республика. Выборы президента — народом. Президент приостанавливает членство в любых партиях и общественных организациях;

— Конституционный суд России — гарант соблюдения прав и свобод личности.

Ельцин предлагал реформировать армию и перевести ее на профессиональную основу, резко сократить срок службы, довести его до 10 месяцев; сократить численность КГБ, упразднить 9-е Управление, занимавшееся охраной высших лиц партии и государства.

Он предлагал прекратить дискриминацию верующих, обеспечить свободу совести, законодательно предоставить Церкви права юридического лица.

В области национально-государственного строительства Ельцин предлагал подписать новый Союзный договор и провести реформу национально-государственного устройства РСФСР, расширив права народов России на самоопределение. По его предложению, в составе РСФСР после референдума можно будет образовывать самоуправляемые социально-экономические территории и регионы: Центральная Россия, Север, Юг, Урал, Сибирь, Дальний Восток, а также возникнет возможность защищать права граждан России в других республиках. Ратовал Ельцин и за принятие закона о статусе беженцев.

В экономической сфере Ельцин предлагал программу управляемого перехода к рыночной экономике и развитию многообразных форм собственности. Для этого он призывал отделить Госбанк РСФСР от правительства, развить коммерческие банки, создать биржи, обеспечить конвертируемость рубля, обуздать инфляцию.

Уже традиционными звучали призывы Ельцина отказаться от перекачивания средств, заработанных РСФСР, в союзный бюджет и другим республикам, а также требование законодательно закрепить республиканскую собственность, в необходимых случаях передаваемую Союзу.

Для повышения государственного суверенитета РСФСР он призывал повысить роль республики в международных отношениях. Ельцин предлагал заключать прямые договоры республики с США, Японией, Англией и другими развитыми странами об экономическом, научном сотрудничестве.

Важное место в предвыборной программе занимала социальная программа, включавшая расширение жилищного строительства, создание общероссийских программ: детства, стимулирования рождаемости, борьбы с бедностью, возрождения русской культуры...¹

Все эти положения сочетались с резкой критикой центральных властей и руководства КПСС.

Избирательная программа Ельцина — это и своего рода программа «Демократической России», той части политической оппозиции, которая вступила в борьбу с союзным руководством.

Следует отметить, что кандидаты от КПСС оказались в сложном положении. Оппозиция располагала большими, по сути, возможностями. Экономический кризис, рост националистических выступлений в стране, жертвами которых становились и военнослужащие — русские, оказывавшиеся между армянами и азербайджанцами, киргизами и узбеками и получавшие пули от каждой из сторон, — настраивали население против неэффективной власти.

Партийный аппарат проигрывал и из-за своей «инерционности», номенклатурной психологии, согласно которой тот, кто стоял на более высокой служебной ступени, рассчитывал на подчинение всех тех, кто стоял ниже по службе. Это отталкивало от выборов часть активных деятелей аппарата, а «ослушники», участвовавшие тем не менее в выборах, оказывались в сложных отношениях не только с начальством, но и с породившей их системой. Эту ситуацию подробно описал в своих мемуарах Р. Г. Абдулатипов, участвовавший в российских выборах вопреки прямому возращению первого секретаря Дагестанского обкома КПСС².

Однако необходимо отметить и то, что 75% первых секретарей обкомов (крайкомов) КПСС и председателей обл(край)исполкомов получили депутатские мандаты³.

4 марта 1990 г. состоялся первый тур выборов народных депутатов РСФСР. 18 марта — второй. Уже в первом туре народным депутатом РСФСР был избран Б. Н. Ельцин.

¹ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. С. 109—110.

² Абдулатипов Р. Г. Власть и совесть. М., 1994. С. 35—37.

³ ГАРФ. Ф 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

Результаты выборов оказались следующими: депутатский корпус обновился практически полностью. 93,9% депутатов были избраны впервые. Делегаты съезда были сравнительно молоды. Только 16 депутатов были старше 60 лет. Женщин избрали мало — только 5,3%. Мало было рабочих — 5,6%, рядовых колхозников — 6 человек. Самыми крупными профессиональными группами среди депутатов были: представители партийных, советских и общественных организаций — 24,8%, работники промышленных предприятий и строительства — 23,2%, научная и творческая интеллигенция — 19,5%, представители агропромышленного комплекса — 12%. Правоохранительные органы (милиция, КГБ, прокуратура) представляли 5,6% депутатов, военные — 4,3%. Члены КПСС составили 6,3% всего депутатского корпуса¹.

Политбюро ЦК КПСС подводило итоги выборов 22 марта 1990 г. на специальном заседании «Об итогах состоявшихся выборов и подготовке к съезду народных депутатов РСФСР». Съезд предлагалось открыть 16 мая 1990 г. Докладывал В. И. Воротников. В своем дневнике, обычно очень подробном и точном, Воротников обвинил в фактическом провале выборов Горбачева, устранившего, по его мнению, КПСС от выборов. «В выступлениях — обеспокоенность, — записал Воротников. — Но что толку?» Статистика выборов не давала повода для иллюзий. Партийное единство осталось в прошлом. Избиратели умели отличать рядовых коммунистов от партийных функционеров. Не были избраны 6 первых секретарей обкомов партии — в Иваново, Карелии, Магадане, Новгороде, Оренбурге и Перми.

Впрочем, В. И. Воротников, докладывавший об итогах выборов, был настроен скорее оптимистически. По его подсчетам, из 1029 депутатов примерно 220—250 стойко поддерживали «Демократическую платформу в КПСС»². То есть оппозиционеры, по его мнению, будут составлять всего от 20 до 30% от общего числа депутатов.

Тот же Воротников отметил, что были проиграны выборы в Москве и Ленинграде. Здесь точку зрения «Демократической России» разделили от 60 до 90% избранных.

Не успел Воротников закончить свой отчет, как его сразу же атаковали вопросами. Первым вопросы начал задавать И. Т. Фро-

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 3—5, 195.

² Эта группировка в КПСС разделяла взгляды «Демократической России»

лов — философ-академик и помощник Генерального секретаря ЦК. Он спрашивал: «Можно теперь считать, что Советская власть в России — рабоче-крестьянская власть?» Воротников снова повторил — «6% рабочих и крестьян, 6,7% без председателей колхозов».

На этот провокационный вопрос ответ дал Горбачев: «Ну а рабоче-крестьянское правительство во главе с Лениным — его можно считать таковым или нет?»

Официальный идеолог партии В. А. Медведев попытался увести разговор от этой опасной темы: «Это другое дело».

Горбачев не преминул резко раскритиковать партийное руководство за то, что в число депутатов России было избрано всего лишь немногим более 10% рабочих. Секретарь Московского горкома партии Прокофьев оправдывался — рабочие, мол, снимали свои кандидатуры в ходе избирательной кампании. «Михаил Сергеевич, — говорил он, — мы столкнулись с серьезными сложностями. Ни рабочие, ни представители научно-технической интеллигенции, которые стоят на позициях партии, в предвыборную кампанию ввязываться не собирались... Они не выдерживают никакого состязания, поскольку «Демократическая Россия» выходит с лозунгами: сократить очередь на предоставление жилья с 10 до трех лет. Не совсем реально? Но люди слушают. Предоставить каждому москвичу приусадебный участок. Но у нас сейчас требуется полмиллиона участков...»

Рассказывая о происходивших в то же время выборах на Украине, секретарь ЦК КПСС Ивашко отметил, что антикоммунистическая группа среди депутатов Украины составляет примерно 25%. Впервые избрали много директоров. Вместе с этим он указал, что в республике распространяются слухи, что Украина из каждой тысячи килограммов зерна продает Москве 860. «Люди считают, — продолжал Ивашко, — на Украине остается только 5% промышленной продукции, которую она выпускает. ...Мы к этому готовы, потому что там будут подниматься вопросы немедленного выхода из СССР. Мы уже знаем, чем они занимаются... Я думаю, что в ближайшее время на Украине будет целая куча партий или так называемых партий. ...Мы не собираемся бороться против создания партий. Мы убедились в том, что это ни к чему, кроме укрепления их авторитета, сейчас не ведет. Мы за то, чтобы их у нас было как можно больше».

Лидер украинской компартии, сетуя, что часть коммунистов республики поддерживало националистическое, антикоммунистическое движение «Рух», рассказал об анекдоте, ставшем попу-

лярным в то время на Украине, об одесском большевике, отметившем 70 лет своего пребывания в КПСС. На вопрос об обстоятельствах вступления в партию юбиляр вспомнил, что в 1920 г. он записался сразу в 48 партий — в надежде, что одна из них победит.

Юмористическое настроение лидера украинских коммунистов вовсе не разделил И. Т. Фролов. Его выступление на Политбюро граничило с истерикой. Он резко протестовал против недооценки опасности ситуации. «Надо здесь признать наше поражение, реально и недвусмысленно. ... Мне кажется, это очень сомнительный сейчас показатель: сколько мы голосов получили за членов партии и так далее, потому что знаем — есть раскол. И Попов в партии, и Юрий Афанасьев в партии... Но дело не в этом. Я думаю, что самое большое наше упущение заключалось в том, что не велась работа в производственных коллективах. Мы бросили рабочих и крестьян — вот что я вам скажу прямо и откровенно! Мы просто бросили их! И неудивительно, что сейчас в Ленинграде начинают развиваться самостоятельные движения... Афанасьев и другие не хотят выходить из партии, чтобы взорвать ее на съезде (приближавшемся XXVIII съезде КПСС. — *Р. П.*). Нам нужно более энергично убирать старые кадры. Из-за них теряем партию. Наше положение мало отличается от положения в других странах Восточной Европы. ... И, наконец, последнее. Конечно, свои мощнейшие бомбы, я не знаю какая, термоядерная или еще что-то, — заложены в виде российских структур — и в виде партийных структур, и в виде вот этих Советов и т. д. Они вообще загубят всю нашу федерацию в целом. Поэтому на их деятельность не случайно переключились вот эти поповы и другие — Афанасьев и Ельцин... Нужны какие-то именно партийные решения... Надо определяться. Надо принимать решения. Надо переходить в контратаку... Иначе съезд принесет такое — мы даже сами не заметим, как мы окажемся в другой, чужой нам стране и в другой, чужой нам партии...»

Ему вторили руководитель КГБ В. Крючков: «Наверное, мы оказались если не на последнем, то на предпоследнем рубеже — это наверняка»; Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, утверждавший, что оппозиционеры «весь упор... сделали на Россию. ... Если они возьмут Россию, то тогда не надо им много тратить усилий для того, чтобы разрушить и Союз, и сбросить центральное руководство: и партийное, и советское, и правительство».

Рыжков обвинил прессу, в том числе партийную, в том, что она «бьет по своим». Его поддержал Лигачев: «Но мы не предприняли никакого практического действия ни к какому печатному органу».

Это вызвало своеобразную реакцию Горбачева: «Егор Кузьмич Липичев, я тебя понимаю так, что когда ты говоришь «практические действия», то понимаешь — «снять», «уволить», «исключить».

Горбачев попытался успокоить своих коллег: «Я не согласен, Иван Тимофеевич (Фролов. — *Р. П.*), что это — поражение. ...Анализ показывает, что партия уже избавилась от шока. Многие организации в общем-то активно выступали. ...Посмотрите, сколько секретарей завоевало позиции, сколько председателей исполкомов и секретарей райкомов на местах прошло. ...В этом смысле, я думаю, партия начинает осваивать методы политической борьбы с оппозиционными противостоящими силами... Это важно видеть. И это надо поддерживать. ...Партия именно так и должна действовать сейчас. Она органично должна интегрироваться в новую политическую систему, в том числе укреплять свою роль и свои позиции в Советах. ...Что касается съезда и Верховного Совета Российской Федерации, то есть, товарищи, все возможности выиграть дело. Но нужно основательно вести работу с депутатами»¹.

Успокоительные интонации Горбачева мало соответствовали реальности. Наряду со ставшей почти привычной угрозой, исходившей от Межрегиональной депутатской группы, от массового движения «Демократическая Россия», руководству КПСС пришлось столкнуться с усиливавшейся оппозицией внутри самой партии². Росла критика реформистского крыла КПСС, с которым отождествлялись Горбачев, Яковлев, Медведев, Шеварднадзе. Парадокс исторической ситуации состоял в том, что обе враждебные Горбачеву силы, противостоявшие друг другу, стремились использовать новые российские политические структуры для борьбы и друг против друга, и против Горбачева и его окружения.

Для «Демократической России» этими структурами становились съезд народных депутатов РСФСР и создаваемый на его основе Верховный Совет РСФСР; для консервативного крыла в КПСС — учреждаемая компартия РСФСР.

Горбачев оказывался между двумя огнями, и его дальнейшая деятельность сводилась к маневрированию между этими двумя силами.

Руководимому Горбачевым Бюро ЦК КПСС по РСФСР, подготавливавшему образование компартии РСФСР, противостояло коммунистическо-фундаменталистское направление в КПСС,

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1990. 22 марта.

² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 110.

центром которого на некоторое время стал Ленинград. При явной поддержке местного обкома КПСС появился Ленинградский инициативный комитет по подготовке учредительного съезда Российской коммунистической партии в составе КПСС. С первых дней апреля 1990 г. он начал рассылать письма во все партийные организации России. Вся информация пересылалась специальной телексовой связью Ленинградского обкома КПСС с согласия руководства обкома. Телеграммы шли на имя первых секретарей крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов КПСС. «Инициативники» намеревались собрать съезд 21—22 апреля, то есть примерно на месяц раньше, чем готовилось Бюро ЦК по РСФСР. «Инициативники» использовали прессу, формально контролируемую КПСС, — газеты «Литературная Россия», «Ветеран», «Ленинградская правда».

Однако атака на реформистское крыло КПСС не ограничивалась только группой «инициативников». Ситуация заставляла вспомнить о времени снятия со своего поста Хрущева. Таким признаком сходства стало то, что по официальным каналам информации в ЦК КПСС стали поступать данные, по существу дискредитирующие деятельность «руководителя партии и государства», если воспользоваться терминологией, применявшейся КГБ СССР в начале 60-х гг. Просматривалось, что главным и влиятельнейшим оппонентом Горбачева в союзном руководстве был А. И. Лукьянов, фактически, а позже — и юридически, по должности Председателя Верховного Совета СССР руководивший съездом и Верховным Советом СССР.

Из Верховного Совета руководству КПСС 19 апреля 1990 г. был направлен «Обзор писем, поступивших в ВС СССР»¹.

В прилагаемой сводке сообщалось: «В Верховный Совет СССР поступают обращения граждан, трудовых коллективов, в которых поднимаются вопросы идейно-нравственного воспитания и роли в нем печати, других средств массовой информации... Авторы писем — коммунисты и беспартийные, представители интеллигенции, рабочие, жители села, ветераны войны и труда резко осуждают попытки использовать плюрализм мнений для дискредитации КПСС, ленинских принципов социализма, идеалов Великого Октября. В некоторых письмах утверждается, что «забыта основа основ — воспитание патриотизма», что в освещении истории нашей страны и КПСС, практики перестройки допускаются необоснованные искажения правды и однобокость, а порой и откровенное

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 39. Л. 1—7.

очернительство пройденного пути, не дается ясных и точных оценок как достигнутого, так и причин негативных явлений, ставятся под сомнение наши нравственные и духовные ориентиры, социалистический выбор советского народа...

Почему сейчас не дается должного отпора атакам на социализм? Почему помалкивает партия, пристыженная и униженная позорным временем тиранства и беззакония? Между тем антинародные течения, прикрываясь лозунгами справедливости, работают во всю мощь. Сознание народных масс еще не так высоко, чтобы каждый самостоятельно мог разобраться в том, что хорошо, а что — плохо...

— Не хватит ли увлекаться критикой и очернением всего, что было раньше — в первые годы Советской власти, при Сталине и других руководителях государства?..

— Настроение народа сейчас не только пессимистическое и угнетенное, но и взрывоопасное. Со времени войны не было столь тяжело и безнадежно людям, так как раскритиковали все и вся: и КПСС, и правительство, и армию, и милицию, и самих себя. О советском патриотизме нет и речи, хотя нас убедить, что уже советского ничего нет, даже, мол, в отсталых странах и то лучше...»

В советской политической традиции подобного рода обзоры (цитируется только один из многих документов!) служили не только средством информации, но и способом оказания давления на власть. Сам Горбачев прекрасно понимал это и с раздражением говорил в своем кругу в адрес Лукьянова: «Что он меня пугает общественным мнением, почтой. Меня поддерживает народ...»¹

Беспрецедентными для советской политической традиции стали публикации в официальной прессе, открыто критикующие «руководителя партии и государства». Примером такой публикации стало «Обращение военнослужащих к Президенту СССР», содержащее резкую критику политики Горбачева в разрешении конфликта в Нагорном Карабахе, появившееся 5 мая 1990 г. в прессе.

Однако свидетельством коренных изменений в общественном мнении стали события 1 мая в Москве на Красной площади во время демонстрации. Первомайские демонстрации с первых лет Советской власти были одним из символов коммунистической власти. Но на этой демонстрации тысячи людей шли с плакатами «Политбюро в отставку», «Долой КПСС», «Долой марксизм-ленинизм», скандируя требование: «Горбачева — в отставку», вместо

¹ Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 376.

красных флагов над колоннами развевались запрещенные после революции 1917 г. исторические трехцветные флаги России. Оскорбления в адрес КПСС, Политбюро, лично Горбачева вынудили его уйти с трибуны Мавзолея.

Как вводили должность Президента СССР. Для союзной власти все большую опасность представляло новое российское руководство, новоизбранный съезд народных депутатов и Верховный Совет РСФСР. Ельцин победил на выборах, открыто заявляя, что он будет добиваться поста Председателя Верховного Совета РСФСР и введения поста Президента РСФСР.

Горбачеву в этих условиях нужны были новая легитимация, новые права и возможности по управлению страной. Прежние должности Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР его уже не устраивали. Обе они предполагали элементы коллегиальности в принятии решений. Руководитель партии зависел от съезда, от пленумов, от заседаний того же Политбюро. Следует признать — Горбачев не удержал в руках вожжи управления партаппаратом, и аппарат КПСС не без успеха устраивал своему начальнику скандал за скандалом, не боясь выносить «сор из избы» на страницы партийной прессы.

Еще слабее были позиции Горбачева в Верховном Совете СССР, где его с одинаковой яростью атаковали и лидеры Межрегиональной депутатской группы, призывавшие отказаться от социализма и от прежних принципов организации СССР, и сторонники группы «Союз», добивавшиеся сохранения Советского Союза и социалистического строя в ее прежних формах. И те, и другие считали Горбачева чужим.

Введение поста Президента СССР «уравнивало» Горбачева с его западными партнерами, укрепляло его положение в системе власти. Была также возможность провести выборы президента не путем голосования граждан СССР, а «коротким путем» — на съезде народных депутатов СССР. Правда, многие депутаты могли связывать изменение Конституции — введение поста президента — с другой конституционной поправкой — отменой пресловутой 6-й статьи Конституции, узаконившей однопартийность в СССР и провозгласившей КПСС «ядром политической системы» СССР. На пути к президентству необходимо было заручиться поддержкой Политбюро и очередного Пленума ЦК КПСС.

7 марта 1990 г. состоялось очередное заседание Политбюро ЦК КПСС. В его повестке значились следующие вопросы:

— о порядке проведения мартовского (1990 г.) Пленума ЦК КПСС;

— о постановлении Пленума ЦК КПСС «О проекте Закона об изменении и дополнении Конституции (Основного Закона) СССР по вопросам политической системы (статьи 6 и 7 Конституции СССР);

— о внеочередном съезде народных депутатов СССР;

— о подготовке к XXVIII съезду КПСС.

Первый вопрос — о подготовке пленума — докладывал кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК Г. П. Разумовский. Горбачев перебил докладчика: «Ты еще один вопрос не называешь. Если съезд принимает решение об установлении президентской власти, то нам еще придется собраться и посоветоваться о кандидатуре на пост Президента от партии».

Информация А. И. Лукьянова, члена Политбюро и заместителя Председателя Верховного Совета СССР, вызвала целый поток недовольных замечаний Горбачева. Лукьянов хорошо знал положение в депутатском корпусе. Он сообщил, что при включении в повестку съезда вопроса об изменении Конституции (напомним — для введения поста президента и отмены 6-й статьи) многие депутаты могут поставить вопрос об отчете кандидата в президенты. Это Горбачеву не понравилось. Дальше — больше. Прочитируем рабочую запись заседания Политбюро:

«Горбачев. Да подожди, не пугай.

Лукьянов. Я не пугаю, просто говорю, как есть...

Некоторыми уже сейчас ставятся вопросы. Первый: не избирать президента до изменения Конституции СССР. Будет новая конституция — тогда избирать. Второй: избрать президента только на основе всеобщих выборов и не проводить эти выборы сейчас. Принять изменение конституции и тогда провести избрание на основе всеобщих выборов... Теперь по тезисам, которые будут ими защищаться. Первое: президент какого государства? Не существует якобы государства, президента которого избирают, раз. Потому что это конфедерация, а не федерация.

Горбачев. Для них не существует, а для нас существует. ...Это настолько важные вопросы, что мы должны прореагировать им во всю мощь, чтобы они почувствовали... Они подраспоясались.

Лукьянов. Второе: почему такая спешка? Почему это надо делать теперь, а нельзя отложить?

Горбачев. Чтобы их на место поставить (выделено мной. — Р. П.)... Между прочим, когда я с Гавелом беседовал, то он относительно президентства говорит: «Я это приветствую, приветствую».

Читая эту рабочую запись, обращаешь внимание не только на колоссальную заинтересованность Горбачева в poste президента, не только на то, что он каждую секунду подозревал своих сподвижников в нелояльности, но и на неадекватное восприятие им реальностей. Чего стоит одно только обращение Горбачева за поддержкой к Гавелу! Кто такой Гавел для членов Политбюро? Писатель-диссидент, еще вчера ссыльный, лидер антикоммунистического движения, враг. Таких драматургов и писателей от политики в СССР были десятки. Ими были забиты мордовские лагеря, психушки. Их высылали самолетами из страны те люди, которые собрались в зале заседаний Политбюро. Они охотно упрятали бы куда-нибудь подальше и Гавела. А Горбачев заставляет слушать свои «я это приветствую» со ссылкой на диссидента Гавела и хочет, чтобы его поддержали люди, политические наследники тех, кто угробил Пражскую весну.

Лукиянов продолжал цитировать оппонентов из Верховного Совета СССР: «И наконец — почему не народ — непосредственные избиратели? Это недоверие к народу. Все это будет муссироваться». Он же сообщил один обнадеживавший факт: Межрегиональная группа не станет выдвигать альтернативного Горбачеву кандидата, «но его почему-то стала выдвигать группа аграрников, хотят своего президента иметь, там Айдак¹ очень мотается, как в проруби»².

В этом обсуждении вдруг промелькнула действительно тревожная мысль: а что произойдет, если некоторые делегации от союзных республик (Прибалтики, Армении, Азербайджана) откажутся участвовать в выборах Президента СССР? Не будет ли это означать, что республики, таким образом, получают возможность заявить, что они не только отказались от выборов Президента СССР, но и отказываются признать законность своего пребывания в СССР? Не станет ли избрание президента шагом к ликвидации СССР?

Горбачев сразу же свел этот вопрос к привычной схеме — лучше работать с депутатами.

Гораздо более прав в своих тревогах оказался Н. И. Рыжков, Председатель Совета Министров СССР: «Нет, здесь дело не в депутатах, дело в республиках».

¹ Айдак — председатель колхоза, народный депутат СССР, лидер аграрной группы в Верховном Совете СССР.

² АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро. 1990. 7 марта.

Однако эти мелочи мало волновали Михаила Сергеевича. Его больше волновала процедура своего избрания президентом. Кто будет докладывать съезду об изменениях Конституции? Есть два ученых юриста — профессор Калмыков и академик Кудрявцев, но для этой цели они не подходили, по мнению Горбачева — «это не-серьезно». Другое дело, по его мнению, если будет докладывать А. И. Лукьянов, умевший управлять съездом и Верховным Советом. «Анатолий Иванович Лукьянов уклонялся от того, чтобы выбрать его докладчиком, но это обычные препирательства между Председателем и его первым заместителем. Можно об этом даже и не говорить. Я считаю, другого не должно быть...» — так М. С. Горбачев подвел итог дискуссии.

15 мая 1990 г. на внеочередном съезде народных депутатов М. С. Горбачев был избран Президентом СССР, сохранив пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Одновременно была отменена 6-я статья Конституции.

Первым в прениях по введению поста президента выступил на съезде Н. А. Назарбаев. Он горячо поддержал введение этого поста, заметив, что пришла пора учреждать также и посты президентов в союзных республиках. Как уверяет в своих мемуарах М. С. Горбачев, такого хода от лидеров союзных республик он не ожидал¹.

Случилось то, что *появление поста Президента Союза стало прецедентом для республик. Политической суверенизации был дан мощный толчок. Процессам дезинтеграции Союза придавались формальные правовые рамки.*

Соратник Горбачева В. Медведев, член Политбюро ЦК КПСС, писал позже: «За безотлагательное избрание Президента на съезде мы выступали скорее по прагматическим, чем по принципиальным мотивам, да и конституционная норма предусматривала все-народные выборы»². Такая политическая наивность советников Горбачева удивляет — искони в СССР формы политической организации центра копировались на уровне республик и даже областей. Так было всегда. Так случилось и на этот раз. Скопировали не только посты президентов, но и, в большинстве союзных республик СССР, даже механику их появления — через послушные съезды народных депутатов. Процессу дезинтеграции СССР было придано новое ускорение.

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 485.

² Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 110.

Учреждение компартии РСФСР. А за стенами Белого дома — здания Совета Министров и Верховного Совета РСФСР, где велись консультации новых депутатов, шли сложные политические процессы, затрагивавшие политические основы Советского Союза. Полным ходом шла подготовка к XXVIII, очередному и, как оказалось, последнему съезду КПСС.

Впервые с 1920-х гг. в прежде монолитной КПСС началась борьба между различными течениями. Кроме упомянутой выше «Демократической платформы в КПСС» появились критики партийного руководства «слева». Создание компартии РСФСР несло в себе противоречивое начало. С одной стороны, оно должно было консолидировать сторонников компартии в России против «Демократической России», реально претендовавшей на власть, активно участвовавшей в выборах и добившейся большинства в Советах крупнейших городов России — Москвы, Ленинграда, Свердловска. С другой стороны, в будущей компартии России уже явственно оформлялась оппозиция Генеральному секретарю.

Возникла и еще одна проблема. Ряд руководителей КПСС считал, что создание компартии РСФСР окончательно расколется КПСС, а это, в свою очередь, ускорит развал СССР. Эти опасения были публично высказаны на большом совещании Российского Бюро ЦК КПСС 3 апреля 1990 г., а затем детально обсуждены на заседании Политбюро 3 мая 1990 г. Об угрозе раскола КПСС говорили Ю. А. Манаенков, Е. С. Строев, И. Т. Фролов. Однако большинство членов партийного руководства полагали, что возникновение компартии РСФСР неизбежно вследствие процессов суверенизации, охвативших весь Советский Союз¹.

Учитывая опасность резкой критики руководства КПСС со стороны делегатов учредительного съезда компартии, Бюро ЦК по РСФСР под председательством Горбачева в начале мая 1990 г. тщательно обсудило вопросы подготовки предстоявшего XXVIII съезда КПСС и учредительной конференции компартии РСФСР. Горбачев, обращаясь к участникам этого совещания, высказывал свои тревоги: «...У них (рабочих и крестьян. — *Р. П.*) мнение, что мы не защитили партию, не продвинули их в народные депутаты СССР, не получилось этого и в РСФСР... Что происходит? Сейчас 44% делегатов — партийные работники... Рабочие среди делегатов составляют 9%, колхозники — немного более 3%. Избрано всего 136 женщин. Это все очень тревожно. Когда соберутся такой съезд и Российская

¹ См.: *Воротников В. И.* А было это так. С. 367—369, 377—379.

конференция, то в обществе скажут: аппаратчики собрались. Мы говорили, что это партия аппаратчиков, вот они и держатся, защищают свои посты, свои кормушки. Я почти цитирую дословно то, что идет. ...Как же так получается? Этот-то процесс вроде бы в наших руках. Сейчас в Политбюро есть такая мысль — пригласить в качестве гостей на Российскую конференцию 200, а на съезд — 350 рабочих и крестьян... Пригласить как гостей и внести предложение, чтобы съезд принял решение — выдать им мандаты... Это, по-моему, последняя попытка, все, что мы можем сделать...»

Понятно, что такой кульбит противоречил провозглашенным демократическим процедурам выдвижения делегатов на съезд. Получалось, что уравнивались в правах люди, избранные в партийных организациях страны, и те, кого Политбюро сочло возможным пригласить на съезд в качестве гостей. Политическая целесообразность в очередной раз взяла верх. Надежда, что приглашенные будут более управляемыми, чем выбранные, толкала на пересмотр принципов комплектования делегатов съезда.

Участники этого совещания осознавали необходимость срочного создания компартии РСФСР («Промедление — подобно смерти нашей. Мы уже с вами умираем, нас уже разносят... Нас ведь окружили со всех сторон. И стоит только где-то задержаться, опять навешивание ярлыков... Тем более, вы же знаете, что мы упустили все: и экономику, и политику», — говорил один из участников этого совещания) и опасность появления на будущем съезде нескольких программ — от фундаменталистских марксистско-ленинских до социал-демократических и реформистских. В качестве потенциальных кандидатов на пост первого секретаря компартии РСФСР назывались кандидатуры Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова, секретарей ЦК КПСС Ю. А. Манаенкова, отвечавшего за деятельность российских парторганизаций, О. Д. Бакланова, отвечавшего за оборонные отрасли промышленности, секретарей обкомов КПСС И. К. Полозкова, Малькова, Шарина¹.

На ситуацию подготовки к съезду народных депутатов не могли не влиять и процессы, происходившие в межреспубликанских и межнациональных отношениях в стране. 30 марта 1990 г. постановлением Верховного Совета Эстонии «О государственном статусе Эстонии» фактически были отменены документы 1940 г. о вхождении республики в состав СССР; 4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвии принял постановление «О восстановлении незави-

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 28.

симости Латвии», которым была отменена Декларация сейма Латвии от 21 июня 1940 г. о вхождении в СССР.

26 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами Федерации», который гарантировал автономным республикам статус членов федерации СССР. Это постановление содержало в себе потенциальную возможность уравнивать объем прав республики с входившими в нее автономными образованиями. А так как более всего автономных образований было в составе России, то этим постановлением закладывались будущие противоречия внутри Российской Федерации.

Подготовка к российскому съезду народных депутатов. В это время шла подготовка к началу работы съезда народных депутатов РСФСР. Она шла по нескольким направлениям. Во-первых, некоторые документы готовил «старый» Президиум Верховного Совета РСФСР. Во-вторых, часть «новых» депутатов были приглашены для подготовки проектов будущих документов съезда.

На подготовительных совещаниях самые жаркие споры разгорелись вокруг вопроса о повестке предстоящего съезда. Уже в эти дни наметилось два основных подхода, две политических позиции, вступившие в соперничество. Сторонники «Демократической России» в депутатском корпусе настаивали на обязательном отчете Председателя Совета Министров РСФСР, — особую остроту этому вопросу придавало то, что тогдашний Председатель Совмина РСФСР А. В. Власов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, должен был баллотироваться на пост Председателя Верховного Совета РСФСР¹. Их оппоненты из числа противников «Демократической России» требовали отказаться от отчета и сразу приступить к выборам Председателя Верховного Совета РСФСР.

Кроме этого в ходе подготовительных процедур были сформированы предложения по составу комиссии по контролю за электронным голосованием², согласованы предложения о необходимости создания около двадцати комитетов и комиссий съезда и Верховного Совета РСФСР. Обсуждения шли бурно, создавались согласительные комиссии. Именно в эти дни начали формироваться первые фракции будущего съезда. Едва ли не первой среди них стала депутатская группа «Смена», в состав которой вошли молодые депутаты.

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 114—115

² Там же. Л. 12.

Предварительные итоги выборов свидетельствовали о неустойчивой политической ситуации в депутатском корпусе. «Демократическая Россия» получила немало сторонников, однако ей противостояло большое количество представителей партаппарата.

Это, впрочем, не успокоило члена Политбюро, Председателя Верховного Совета РСФСР прошлого созыва Воротникова. Он заявил на заседании Политбюро 3 мая 1990 г., за две недели до начала съезда, что аппарат ЦК КПСС недостаточно занимается подготовкой съезда. Воротников сетовал также, что не ведется подготовка руководящих органов съезда и Верховного Совета из числа депутатов-коммунистов. «В отличие от нас, — заявлял Воротников, — «Демроссия» ведет активную подготовку». Однако на Политбюро доминировали другие настроения. «На съезде народных депутатов РСФСР большая партийная прослойка, и есть уверенность, что все пройдет как надо»¹.

Горбачев предложил провести встречу с депутатами-коммунистами непосредственно перед съездом.

12 мая 1990 г. в ЦК КПСС были приглашены депутаты. Еще до начала заседания возник первый конфликт — в ЦК не пропустили беспартийных депутатов, которые хотели послушать Горбачева. На заседании М. С. Горбачев говорил о важности съезда и ответственности России, отметил призывы к суверенитету республики, к созданию Российской компартии. Он же заявил, что Председатель Верховного Совета РСФСР намерен подать в отставку со своего поста. Затем он предложил Воротникову рассказать о подготовке «старого» Президиума к новому съезду. «Я, — писал Воротников, — рассказал о подготовке съезда, документах, выработанных Президиумом Верховного Совета и оргкомитетом, повестке дня, регламенте, порядке работы съезда, структуре Верховного Совета, предложениях о составе рабочих органов и др.»².

Сразу же после этих выступлений завязалась дискуссия, перераставшая в конфликт между частью депутатов и «президиумом» совещания. Ю. Болдырев, В. Б. Исаков, Н. Н. Воронцов, С. М. Шахрай выступили с замечаниями, отстаивая позиции «Демроссии».

Им оппонировали: О. И. Тиунов, Г. П. Вяткин, И. М. Братищев, Н. И. Мальков. Депутат от Свердловска Исаков заявил о необходимости установить, «как союзные законы будут соотноситься с республиканскими», указал, что республикам отводится роль

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 378—379.

² Там же.

только «докручивать гайки» на общесоюзных правовых актах. Он предложил кандидатуру Б. Н. Ельцина на пост Председателя Верховного Совета РСФСР — предложение немедленно встретило отпор со стороны ряда участников совещания. В свою очередь, на пост Председателя Верховного Совета России были названы кандидатуры А. В. Власова, И. К. Полозкова, Ю. А. Манаенкова.

Подводя итоги, Горбачев заявил, что ЦК считает, что именно Власов должен возглавить Верховный Совет, а кандидатура Ельцина даже не рассматривалась¹.

За два дня до открытия съезда, 14 мая, состоялось подготовительное совещание. Сразу же вспыхнули споры о повестке дня. Они сводились к тому, как должен был пройти первый съезд — как организационное мероприятие по выборам Председателя Верховного Совета и состава Верховного Совета или как политическое обсуждение современного состояния и перспектив России, определения места России в СССР, изменения Конституции России с учетом новых реалий.

За первым подходом стоял старый Президиум Верховного Совета РСФСР, за вторым — депутаты от «Демократической России»².

Общей точки зрения выработать не удалось. Истинную расстановку политических сил в России мог дать только сам съезд.

Политическая борьба на I съезде народных депутатов РСФСР. Выборы Председателя Верховного Совета РСФСР. 16 мая 1990 г. начал свою работу Первый съезд народных депутатов РСФСР. Его открыл председатель Центризбиркома В. И. Казаков. Ему предстояло вести съезд до времени избрания Председателя Верховного Совета РСФСР. Казаков сообщил, что в России состоялись «первые действительно демократические выборы», в ходе которых были избраны 1059 депутатов³.

В гостевых ложах съезда — Президент, Председатели Совета Министров и Верховного Совета СССР, члены Президентского совета, Политбюро ЦК, секретари ЦК. В зале, рядом с депутатами, — секретари обкомов, не избранные на съезд, но пытавшиеся «осуществлять партийное руководство» депутатами, избранными от «их» областей и краев.

Первым организационным решением, которое должен был принять съезд, стала попытка создать комиссию по контролю за

¹ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. С. 113—115.

² Там же. С. 116.

³ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 3—8.

электронным голосованием. Предложение по составу комиссии было внесено С. М. Шахраем. Он сообщил, что список кандидатов был утвержден еще 25 апреля 1990 г. старым Президиумом Верховного Совета РСФСР по согласованию с «новыми» депутатами. Этот вопрос, казавшийся сугубо техническим, немедленно повлек за собой полемику, ставшую практически типичной для большей части съезда. Депутат из Калининграда Ю. С. Маточкин выразил недоверие прежнему Президиуму Верховного Совета РСФСР и комиссии, утвержденной им. Президиум не должен превышать полномочия съезда, заявил он¹. Так наметилось противоречие — съезд и аппарат, съезд РСФСР и союзная власть, и убежденность в том, что съезд есть высшая власть в России.

Именно поэтому начались систематические нападки депутатов съезда на Казакова. Тот давал немало поводов для этого: путался, плохо знал парламентские процедуры, неуклонно, но не всегда успешно, пытался «продавливать» решения, заранее согласованные с политическим руководством СССР. В ответ из зала шел поток требований заменить Казакова на кого-то из депутатов, уполномоченных съездом, создать президиум съезда из числа депутатов и т. д.² Однако в первые дни Казакову удавалось набирать большинство при голосовании и получать поддержку съезда. При голосовании вопроса, кому вести съезд до избрания Председателя Верховного Совета РСФСР, за Казакова проголосовало 586 человек, против — 360, воздержалось — 16³.

Долгие споры завязались вокруг вопроса о повестке начавшегося съезда. Столкнулось две точки зрения. Первую представлял Казаков, «озвучивая» заготовку старого Президиума Верховного Совета РСФСР. Она сводилась к тому, чтобы провести съезд быстро, закончить его до начала учредительного съезда Российской компартии, а поэтому ограничить повестку выборами Председателя Верховного Совета и самого Верховного Совета.

Вторую представляли депутаты, связанные с «Демократической Россией». В. А. Домнина, возражая Казакову и его сторонникам, говорила: «Я приехала сюда не просто голосовать. Поэтому я выражаю свое мнение относительно того, что «гнать» некуда. Россию и так «загнали»⁴. Депутат от Калуги А. В. Дерягин настаивал на том, чтобы были обязательными отчеты прежних Председа-

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 12—24.

² См., в частности: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 43—46, 49—50, 167 и др.

³ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 69

⁴ Там же. Л. 43—44.

лей Совмина РСФСР Власова и Президиума Верховного Совета РСФСР Воротникова, напоминал, что именно этот вопрос вызвал острые споры на подготовительных совещаниях, потом был так включен в проект повестки дня на согласительной комиссии, но затем «выпал» оттуда¹; ярославский депутат А. Н. Грешневиков, выступая от имени «Демократической России», настаивал, что в повестке дня должны быть и должны обсуждаться:

- обязательный отчет Председателя Совмина РСФСР;
- вопрос о суверенитете, об общественно-национальной цели России;
- о подготовке Союзного договора и участии России в Союзе;
- вопрос об экономических основах суверенитета России, о защите сырьевых ресурсов республики;
- о механизме народовластия РСФСР;
- о первоочередных законах в РСФСР;
- о внесении изменений в Конституцию РСФСР;
- о положении в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе России;
- о сокращении числа министерств и ведомств и переводе ряда союзных министерств, управляющих объектами на территории России, в ведение Российской Федерации;
- о создании Гостелерадио РСФСР;
- о возможности переноса столицы России из Москвы — как центра СССР — в другой русский город.

В повестку дня должны были быть также включены вопросы о выборах Председателя Верховного Совета РСФСР, его заместителей, Главного государственного арбитра РСФСР и Председателя Верховного суда РСФСР, утверждение Председателя Правительства РСФСР и утверждение программы правительства, о Комитете народного контроля РСФСР, об обеспечении деятельности народных депутатов РСФСР².

Началась тяжелая, вязкая дискуссия о повестке дня. Противники «Демроссии» заявляли: имеем ли мы право требовать отчета от Власова и Воротникова, это такие же депутаты, они избраны, и отчитываться им не надо³.

Вперемежку с продолжавшимся спором о повестке дня прошло утверждение Мандатной комиссии, которая подтвердила пол-

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 114—115.

² Там же. Л. 120—122.

³ См., в частности, выступление Ю. М. Слободкина: ГАРФ. Ф. 10026 Оп. 1. Д. 3. Л. 137—139.

помочия 1040 избранных депутатов¹. Конфликт возник вокруг избрания И. К. Полозкова, который был одновременно депутатом трех Советов — местного, союзного и российского (по закону разрешалось быть только в двух). Конфликт был быстро разрешен тем, что Полозков отказался от поста народного депутата СССР².

Спор вокруг повестки продолжился и на следующий день работы съезда — 17 мая³. Важной новостью второго дня стал начавшийся процесс создания парламентских групп и фракций, в большей или меньшей степени примыкавших к крупным политическим блокам — «Демократической России» и «Коммунистам России». По количеству обе группировки не имели устойчивого большинства (у каждой было по 400—450 голосов), поэтому борьба шла за нейтральную часть депутатов, из-за чего разгорались яростные споры⁴.

Появились депутатские группы: «Смена», независимых профсоюзов РСФСР, медицинских работников, по вопросам воспитания, образования и культуры, продовольствия и здоровья, депутатов-военнослужащих, группы «Север», «Чернобыль», автономий.

18 мая 1990 г. удалось утвердить временный регламент съезда, ставший, скорее, победой сторонников «Демократической России»⁵. В повестку включили:

- избрание мандатной комиссии;
- о проекте временного регламента;
- о социально-экономическом положении РСФСР (доклад А. В. Власова);
- о суверенитете РСФСР, новом Союзном договоре и механизме народовластия (доклад В. И. Воротникова);
- избрание Председателя Верховного Совета РСФСР;
- избрание заместителей Председателя Верховного Совета РСФСР;
- о порядке формирования Верховного Совета РСФСР и избрание Верховного Совета РСФСР;
- об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР и образование Конституционной комиссии;

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 3. Л. 184—189.

² Там же. Л. 199—209.

³ Там же. Д. 4.

⁴ Филатов С. А. На пути к демократии. М., 1995.

⁵ Трудно согласиться с утверждением В. И. Воротникова, что «повестку согласовали с небольшими изменениями от первоначального варианта». См.: Воротников В. И. А было это так... С. 380.

- о положении в сельском хозяйстве и развитии агропромышленного комплекса;
- утверждение Председателя Совета Министров РСФСР;
- утверждение Председателя Верховного суда РСФСР и Главного государственного арбитра РСФСР;
- о Комитете народного контроля РСФСР;
- о разработке первоочередных законов РСФСР и поручениях Верховному Совету РСФСР;
- о средствах массовой информации РСФСР;
- о статусе народного депутата РСФСР;
- разное¹.

Следуя утвержденной повестке дня, слово было предоставлено А. В. Власову. Власов оказался в сложном положении. Один из крупнейших руководителей страны, возглавлявший Правительство России, рассматривался как кандидат на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. Выборы зависели от депутатов, значительная часть которых была заведомо настроена против. Поэтому Власов, выступая с докладом «О социально-экономическом положении РСФСР», попытался занять позицию сторонника суверенитета России, превзойти своих оппонентов радикализмом.

Он говорил, что значительная часть российского национального богатства использовалась и используется для решения общегосударственных задач. В общегосударственном объеме промышленности СССР продукция РСФСР составляла 76%. Ежегодно из России вывозились топливно-энергетические ресурсы примерно на 25 млрд. долларов. При этом Российская Федерация занимала последнее место среди других союзных республик по удельному весу в ее доходе расходов на социальные нужды, а это значит, говорил Власов, меньше школ, больниц, клубов².

Власов резко критиковал деятельность союзного правительства. По его словам, только из-за несовершенства Закона о государственном предприятии Россия потеряла более 60 млрд. рублей. Он говорил об угрожающем росте инфляции — неудовлетворенный спрос составлял 95 млрд. рублей, продолжалась незапланированная эмиссия.

Выводы, которые он сделал из своего доклада, удивили решительностью. «Жизнь подвела нас к твердому, выстраданному убеждению: радикальное решение стоящих перед республикой проблем

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 7. Л. 28—133.

² Там же. Л. 146.

может быть найдено только в ее полноценном экономическом и политическом суверенитете». Власов призвал к разделению полномочий между СССР и субъектами Федерации, с тем чтобы Россия обладала исключительным правом владеть и распоряжаться всеми своими природными богатствами, всем накопленным экономическим, научно-техническим, интеллектуальным потенциалом¹. «Наша позиция, — говорил Власов депутатам, — все, что находится на территории России, целиком и полностью должно принадлежать ее народам. (*Аплодисменты.*) Необходимо уже в ближайшее время принять Закон РСФСР, выработать механизм поэтапной передачи предприятий союзного подчинения в ведение республики». Власов призывал в корне менять порядок, когда Россия отдает союзным республикам топливно-энергетические ресурсы по заниженным ценам. Унизительно, когда Россия вынуждена выпрашивать у союзного руководства фонды на продукцию и сырье, которое производила сама республика². Россия, экспортируя со своей территории товаров на 40 млрд. инвалютных рублей, получала себе всего 6,3 млрд. валюты. Поэтому Россия должна добиваться права лицензирования и квотирования экспортной продукции³.

Власов призывал создать Российскую академию наук, повысить расходы на образование и науку.

Сразу же после завершения доклада был объявлен перерыв. Обсуждение его было решено перенести на следующий день.

Борьба за депутатов продолжалась. Власову позвонил Горбачев и сказал, что он удовлетворен докладом⁴. Риторика Власова не противоречила политическим заготовкам руководства СССР.

На следующий день депутаты обрушили на Власова, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, члена Президиума Совмина СССР и Председателя Совета Министров РСФСР, бесчисленные проблемы российской жизни — о бедственном состоянии здравоохранения и образования, о тяжелом положении шахтеров Кузбасса и коренных народов Севера... Вновь и вновь Власову задавали один вопрос в разных вариациях — что он, лично, сделал для улучшения жизни России, повышения статуса республики в СССР. Прения продолжились и на следующем заседании. Многочисленные попытки Казакова свернуть прения по докладу Власова не вызывали поддержки большинства участников съезда.

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 7. Л. 151.

² Там же. Л. 151—153.

³ Там же. Л. 155.

⁴ *Воротников В. И.* А было это так .. С. 380.

Наконец 22 мая 1990 г. прения по докладу завершились и Власов должен был ответить на вопросы депутатов. Суть вопросов сводилась по большей части к следующему: «Вы же кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и член Президиума Совмина СССР, то есть часть всего центра. Так кто же конкретно мешал?»

Власов отвечал, что мешала сложившаяся административно-командная система, которую сразу не сломить¹.

Отвечал Власов неубедительно, путано, без заранее подготовленного текста его рассуждения о суверенитете тускнели, лишались конкретики и патетики, свойственной его докладу.

Следующим в повестке дня стоял доклад «О суверенитете РСФСР, новом Союзном договоре и народовластии в РСФСР», который должен был сделать В. И. Воротников.

Доклад Воротникова был тщательно продуман. Воротников выступил как сторонник становления суверенитета России во всех ее сферах жизни — в политической, экономической, культурной. Он обосновывал принципы новых отношений с союзными республиками. Они должны были строиться, по его мнению, на основе эквивалентного обмена, взаимной выгоды, уважения суверенитета².

«Я, — обращаясь к депутатам, говорил Воротников, — предлагаю съезду принять Декларацию о суверенитете Российской Федерации, которая провозгласила бы не только свои принципы, но и стала бы отправным государственным документом, определяющим основные направления деятельности Верховного Совета и Правительства России (выделено мной. — *Р. П.*).»³

Воротников эффектно завершил свое выступление, передав депутатам съезда свой проект Декларации о суверенитете России.

Хорошо скоординированные выступления Власова и Воротникова должны были перехватить у радикально настроенных депутатов идею государственного суверенитета России. Началось соревнование: кто больше потребует суверенитета. Сразу же замечу: член Политбюро ЦК КПСС и кандидат в члены ЦК КПСС Воротников и Власов «высоко подняли планку». В сущности, именно в их выступлениях на съезде были сформулированы все основные, принципиальные положения государственного суверенитета. Другое дело, насколько реально они были намерены выполнять эти декларации.

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 8. Л. 29

² Там же. Л. 78.

³ Там же. Л. 96.

Сразу же после выступления Воротникова часть депутатов — В. А. Женин, С. А. Носовец, Ю. М. Белоглазов, В. П. Рассказов и другие — потребовала, чтобы с содокладом по вопросу суверенитета России выступил Б. Н. Ельцин. После перепалки с председательствующим на заседании В. И. Казаковым договорились, что Ельцин будет выступать не с содокладом, а с десятиминутной репликой по поводу доклада.

Суть дела от этого не изменилась. Выступление Б. Н. Ельцина стало именно содокладом, а если точнее, то альтернативным докладом. «Многолетняя имперская политика центра, — начал Ельцин, — привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей и ответственности. Прежде всего это относится к России, которая понесла наибольший ущерб от изжившей себя, но все еще цепляющейся за жизнь административно-командной системы.

Нельзя мириться с положением, когда по производительности труда республика находится на первом месте в стране, а по удельному весу расходов на социальные нужды — на последнем, пятнадцатом»¹.

Ельцин говорил о необходимости обеспечения реального народовластия в России. Средством достижения этой цели является обеспечение реального суверенитета России, равной среди равных союзных республик.

Он провозгласил принципы, на которых должен был быть основан суверенитет России:

«1. Российская республика — суверенное демократическое правовое государство добровольно объединившихся в нем равноправных народов.

2. Вся власть в республике принадлежит народу, который осуществляет ее непосредственно и через Советы народных депутатов.

3. Отношения России с другими союзными республиками регулируются отдельными договорами, отношения с Союзом также регулируются специальным отдельным договором. ...Сегодня не центр, а Россия должна подумать о том, какие функции передать центру, а какие оставить себе. Не пора ли поставить вопрос и о том, а какой центр нужен России и другим республикам Союза. (*Аплодисменты.*)

4. Акты, принимаемые Союзом, не должны противоречить новой Конституции России и договору с Союзом.

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 8. Л. 103—104.

5. Вне делегируемых Союзу полномочий республика самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику.

6. Отношения между субъектами федерации внутри России регулируются на основе федеративного договора, по которому им гарантируются суверенитет, экономическая самостоятельность автономий, их культурная, национальная самобытность, право на справедливое и равноправное представительство во всех органах федерации.

7. В России устанавливается единое республиканское гражданство. Никто не может быть лишен этого гражданства.

8. Конституция республики гарантирует политический плюрализм, многопартийную систему, действующую в рамках парламентской демократии. Исключается монополия любой партии на власть. Партии и общественные организации действуют в рамках специального закона. (*Аплодисменты.*)

9. Гражданам России, гражданам других союзных республик, проживающим на ее территории, гарантированы все гражданские, политические и имущественные права.

10. Все формы собственности граждан России защищаются законом.

11. В республике осуществляется полное и безусловное разделение законодательной, исполнительной и судебной властей.

12. Выборы в представительные органы государственной власти являются всеобщими, равными, прямыми и тайными.

13. Пересмотреть атрибутику России, предусмотрев, в частности, создание республиканского гимна.

Экономический суверенитет России возможен лишь при условии формирования республиканской собственности, основу которой должны составить земля, ее недра, воздушный бассейн, лесные, водные и другие природные ресурсы, предприятия, вся производимая продукция, весь научно-технический и интеллектуальный потенциал. Необходимо законодательно обеспечить их использование исключительно в интересах России.

Передача принадлежащих республике природных и других ресурсов в пользование Союзу, другим союзным республикам может производиться на возмездной, выгодной для республики основе только парламентом России»¹.

Ельцин говорил о необходимости иметь свой Государственный банк, свое внешнеэкономическое ведомство.

Воротников, оценивая выступление своего оппонента, записал в своем дневнике: «Б. Н. Ельцин, по существу, представил за-

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 8. Л. 109—112.

ранее подготовленный вариант декларации, который по ряду положений совпадал с нашим проектом. В то же время им были выдвинуты принципиальные, ультимативные требования политического и экономического характера. Обвинялся центр в многолетней имперской политике по отношению к союзным республикам, в том числе и к России. Ставились условия принятия новой Конституции России прежде Конституции СССР. Говорил, что вся власть в Российской Федерации принадлежит народу, который осуществляет ее через Советы, что акты, принимаемые Союзом ССР, не должны противоречить Конституции России и Договору с Союзом»¹.

В выступлении Ельцина было гораздо меньше конкретики в обозрении экономических проблем России, чем у Власова и Воротникова. Но у Ельцина была резкая и последовательная критика центра, была репутация человека, намеренного решительно бороться за расширение прав России. Его недавнее политическое прошлое было иным, чем у Воротникова и Власова. Те олицетворяли центр, а Ельцин был объектом последовательной критики центра начиная с ноября 1987 г. Кроме того, у Ельцина были решительные сторонники среди депутатов съезда.

Поэтому сразу же, в перерыве, в Кремлевском Дворце состоялась беседа М. С. Горбачева с членами Политбюро, Президентского совета, секретарями ЦК. Горбачев предложил обсудить, кого следует выдвигать и поддерживать на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. По его мнению, Власова делегаты российского съезда не поддержат, так как на вопросы делегатов съезда тот отвечал неудачно. Крючков (председатель КГБ) и Манаенков (секретарь ЦК КПСС) заявили, что сейчас рейтинг И. К. Полозкова выше, чем у Власова. Свидетель и участник этого разговора Воротников раздраженно писал в своем дневнике, что вопрос этот обсуждался в отсутствие самого Власова, которому прежде сам Горбачев предложил участвовать в выборах на пост Председателя Верховного Совета. Да и обсуждать, кого рекомендовать от руководства КПСС на этот пост, было, по мнению Воротникова, безнадежно поздно².

Утром 23 мая выступление Ельцина получило продолжение. Среди многочисленных выступлений явно выделялось выступление депутата из Томска А. В. Кобзева. Оно было резко антикоммунистическим. Кобзев возложил на компартию ответственность за разгон Учредительного собрания. Он предложил принять на съез-

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 382

² Там же. С. 382—383.

де народных депутатов Декларацию о власти, в которой гарантировались бы:

— равноправие на территории республики всех форм собственности — государственной, кооперативной, акционерной, частной, включая и собственность на землю;

— запрещение деятельности парткомов и партячеек на предприятиях, в МВД, КГБ и армии;

— равенство всех политических партий и движений, кроме тех, которые пропагандируют насилие¹.

Для политического руководства СССР возникла реальная угроза утраты того немногочисленного большинства сторонников КПСС, которое позволяло надеяться на контроль над съездом.

В этот же день в 14.30 на съезде появился М. С. Горбачев. Он объяснил свой приезд тем, что «есть просьба» о его выступлении на съезде. С его стороны это была отчаянная попытка переломить ход съезда, перетянуть на свою сторону колеблющихся. Однако среди нередких неудачных выступлений Горбачева это было особенно неудачным. Президент СССР выступал, имея в руках подготовленную «шпаргалку», написанную явно для делегатов российского съезда, но время от времени отступал от заранее написанного текста и говорил едва ли не полностью противоположные вещи.

О суверенитете: «По-моему, вопрос вами поставлен при обсуждении повестки дня принципиально и обоснованно. Я такую постановку приветствую и как Президент страны и как россиянин... Суверенитет должен укрепляться не только политически, но и экономически, с тем чтобы республика в полной мере располагала своими богатствами»².

Но, сорвавшись на критику Ельцина, он начал всю критикувать идею суверенитета России. По словам Горбачева, под знаменем восстановления суверенитета идет подготовка к развалу СССР. Что значит своя денежная система, что значат мировые цены в экономических отношениях с другими странами? — вопрошал Горбачев делегатов съезда. Это отрицание принципов, которые были сформулированы Лениным и легли в основу Союзного договора 1922 г.

Горбачев начал говорить о необходимости регулируемого рынка, запутался, перешел к вопросу о кандидатах на пост Председателя Верховного Совета РСФСР, стал перечислять недостатки характера Б. Н. Ельцина³.

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 9. Л. 161—163.

² Там же. Л. 175.

³ Там же. Л. 167—180.

Итог выступления Горбачева оказался для него негативным. Депутатов раздражали высказывания вроде «тут у нас, товарищи, не должно быть сомнений: мы на правильном пути». Чем больше и раздраженнее он критиковал лично Ельцина, тем более значимой становилась ельцинская политическая программа. Как заметил наблюдательный В. И. Воротников, «в начале 1990 года его (Горбачева. — Р. П.) авторитет уже был сильно подорван, отношение к нему резко изменилось по сравнению с прошедшими годами. А рейтинг Ельцина рос, поэтому критика в его адрес воспринималась негативно»¹.

Общий итог выступления Горбачева был таков: он против суверенитета и против Ельцина. Так как идея суверенитета пользовалась абсолютной поддержкой большинства депутатов съезда — от коммунистов до «Демократической России», то Ельцин должен был быть благодарен Горбачеву, который явно добавил ему сторонников.

24 мая на съезде началось выдвижение кандидатур в список для голосования на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. В качестве кандидатов предлагали Ельцина, Полозкова, Малькова, Власова, Воронина, Соколова, Воротникова, Степанова, Манаенкова, Жильцова, Волгогонова и др.

Началось долгое обсуждение кандидатов. Большинство из них — Воротников, Волгогонов, Манаенков, Воронин — взяли самоотвод. Горбачев продолжал обсуждать с членами Политбюро и секретарями ЦК вопрос, кого поддерживать на выборах. В перерыве опять беседа М. С. Горбачева с членами Политбюро и секретарями ЦК в БКД. По данным Крючкова и Манаенкова, рейтинг Власова продолжал снижаться. Политическое руководство СССР все более склонялось к тому, чтобы поддержать кандидатуру И. К. Полозкова². И. К. Полозков, тогда — первый секретарь Краснодарского обкома КПСС, был известен рядом острокритических выступлений в адрес союзного правительства на съезде народных депутатов СССР, его готовили к должности главы компартии РСФСР.

Нудная, утомительная, перемежающаяся бесчисленными политическими декларациями и несколькими турами переголосования борьба за пост Председателя Верховного Совета РСФСР закончилась победой Ельцина. Четырьмя голосами Ельцин «перешел барьер» избрания. Он стал Председателем Верховного Совета РСФСР³.

¹ Воротников В. И. А было это так... С. 383—384.

² Там же. С. 384.

³ В. А. Медведеву пришлось звонить на борт самолета Президента СССР и сообщить Горбачеву, улетающему с визитом в Канаду и США, что Ельцин все-таки избран на пост Председателя Верховного Совета России.

Поиски путей согласия. Ельцин победил. Но победа его была неубедительной, и будущая деятельность как руководителя Верховного Совета легко могла быть заблокированной его политическими противниками. Острейшая борьба на выборах, казалось, делала его заложником межфракционной борьбы. Но Ельцин сделал очередной неожиданный ход, решительно изменивший и укрепивший его положение.

В первом же своем выступлении в качестве Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин призвал делегатов образовывать согласительную комиссию для того, чтобы определить кандидатов для занятия ключевых постов в Президиуме Верховного Совета, в комитетах и комиссиях Верховного Совета, на важнейшие должности в правительстве. Это означало, что все склоки остаются в прошлом, а в будущем все: сторонники «Демроссии», коммунисты, аграрники и промышленники — могут участвовать в управлении республикой. Для этого он предложил объявить в работе съезда перерыв на полтора дня, и за это время всем зарегистрированным группам депутатов делегировать в состав согласительной комиссии человек по пять¹.

Создание согласительной комиссии должно было внести гораздо большую организацию в работу съезда, позволяло «структурировать» состав съезда по политическим группам и в конечном счете повысить эффективность его работы.

На следующий день, 30 мая, Б. Н. Ельцин сообщил на пресс-конференции о работе согласительной комиссии и о своих планах как руководителя Верховного Совета РСФСР. Он рассказал, что в согласительной комиссии работали все депутатские группы (их было к этому времени двадцать), а также представители от национально-территориальных образований. Они согласовали кандидатов на должность первого заместителя Председателя Верховного Совета — осталось 3—4 претендента, заместителей — по три кандидата.

Согласительные процедуры дали свои положительные результаты. Удалось достигнуть компромисса с фракцией «Коммунисты России». 1 июня были избраны заместители Председателя Верховного Совета, близкие к фракции «Коммунисты России» Б. М. Исаев и С. П. Горячева, выступавшая как открытый противник сторонников «Демократической России». 11 июня, после споров о численности состава Верховного Совета, состоялись выборы в двухпалатный Верховный Совет. Договоренности, выработанные на согласительной комиссии, отразились и на составе руководства

¹ Советская Россия. 1990. 30 мая.

палат. Председателем Совета Республики стал В. Б. Исаков, считавшийся ярким представителем «Демократической России». Его заместителем был избран В. А. Вешняков, близкий в то время к фракции «Коммунисты России». Председателем Совета Национальностей стал Р. Г. Абдулатипов, работавший в аппарате ЦК КПСС, его заместителем — Д. А. Волкогонов, принимавший участие в работе фракции «Смена», занимавшей в ряде случаев радикально-демократические позиции.

Своим заместителем в Верховном Совете РСФСР Ельцин предложил новую, компромиссную фигуру — Р. Хасбулатова. Представляя последнего, он так характеризовал претендента:

«Я пришел к выводу, что это как раз тот человек, который нужен для руководства Верховным Советом. Это экономист. Специалист по переходу к рыночной экономике, с которой мы столкнемся в самые ближайшие дни. Это экономист, который знает вопросы перевода автономий и регионов на экономическую самостоятельность. Это ученый, и, конечно, человек с таким уровнем интеллекта очень нужен в руководстве Верховным Советом»¹. 5 июня избрали первого заместителя Председателя Верховного Совета — Р. И. Хасбулатова.

В сущности, возможность опереться на все сколько-нибудь значимое обеспечило поддержку Ельцина в Совмине РСФСР и Верховном Совете СССР на ближайшие два года. А по политическим меркам это был большой срок!

Уже в ходе работы съезда формировались депутатские фракции. Затем образовались группы по профессиональному признаку, а также группы, объединявшие депутатов по территориальному признаку, — уральская группа, депутаты-дальневосточники, представители народов Крайнего Севера. Но еще важнее, что стали организовываться настоящие парламентские политические фракции. Наиболее заметными были — «Демократическая Россия», «Коммунисты России», «Смена — новая политика». И депутатские группы, и фракции были достаточно подвижны, поэтому отмечалось немало случаев, когда депутаты переходили из своих групп в другие или даже меняли политические фракции.

Декларация о государственном суверенитете России. Важнейшим направлением будущей законодательной деятельности Верховного Совета должно стать утверждение суверенитета России. Ей необходимы свои, отличающиеся от союзных, законы о собственности, о земле, о предприятиях.

¹ Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 85.

Кульминацией деятельности съезда народных депутатов РСФСР стало 12 июня 1990 г. — утверждение абсолютным большинством депутатов Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Выступая с заключительным словом на Первом съезде народных депутатов РСФСР, Б. Н. Ельцин заявил: «Надеюсь, что все согласятся со мной, что вершиной нашего съезда стало обсуждение вопроса о суверенитете России... Сенсацией в хорошем смысле слова стало полное единодушие депутатов при включении вопроса о государственном суверенитете России в повестку дня съезда, и в результате бурных дебатов была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР. В чем ее смысл? Высший орган власти республики, выражая волю всех ее народов, провозгласил, что Российская Федерация является самостоятельной суверенной республикой в составе СССР. Съезд народных депутатов РСФСР, избранный россиянами, и Верховный Совет России — высшие органы власти нашей республики. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*) Они сами определяют, и сегодня уже определили, какую долю власти надо передать центру»¹.

Со своей стороны отметим, что иного и не могло быть. Напомним, что уже 15 января 1990 г. на первом заседании Российского Бюро ЦК КПСС под председательством М. С. Горбачева была утверждена (в качестве своеобразной политической программы для предстоявших российских выборов) концепция экономического суверенитета России.

Именно эту позицию последовательно отстаивали на Первом съезде народных депутатов РСФСР А. В. Власов и В. И. Воротников. Если сравнивать эту, экономическую, часть концепции суверенитета России, то нетрудно обнаружить близость заявлений Б. Н. Ельцина и призывов А. В. Власова и В. И. Воротникова расширить права России на использование ее ресурсов, расширить ее влияние на союзные предприятия, расположенные на территории России, перейти на новые механизмы ценообразования в части цен на природные ресурсы, и прежде всего на нефть, газ, лесопродукты.

Соратник Горбачева В. А. Медведев считает «свидетельством конструктивной позиции депутатов-коммунистов» «поддержку с их стороны Декларации о российском суверенитете, за исключением принципа «верховенства российского законодательства над союзным»². Замечание профессионального экономиста В. А. Медведева поражает своей наивностью. Экономический суверенитет

¹ Советская Россия. 1990. 23 июня.

² Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 140.

России с неизбежностью должен был привести к конфликту между законодательствами Союза и России.

Проблема обеспечения экономического суверенитета России как основы для ее политического суверенитета стала главной в ходе избрания Председателя Совета Министров РСФСР. 18 июня 1990 г. им стал И. С. Силаев, опытейший руководитель авиационной промышленности, Герой Социалистического Труда, прежде работавший министром станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, бывший министром авиационной промышленности СССР, заместителем Председателя Совета Министров СССР, председателем Бюро Совета Министров СССР по машиностроению (1985—1990 гг.). Его кандидатура была явно компромиссной: с одной стороны, он выступил как сторонник идеи российского суверенитета, к тому же заявивший о своем намерении работать вместе со съездом народных депутатов РСФСР и Председателем Верховного Совета; с другой — он, безусловно, был авторитетен и для коммунистической фракции съезда — он был членом ЦК КПСС еще с 1981 г.¹

Несколько раньше, 15 июня, съезд народных депутатов назначил Главного государственного арбитра РСФСР Н. П. Зарубина. Появление этой должности в государственном аппарате России должно было обеспечить осуществление экономического суверенитета республики внутри СССР².

После провозглашения Россией государственного суверенитета и ее намерения отстаивать свои экономические интересы между союзным центром и Россией стали возможны три варианта отношений.

Первый — проигнорировать Декларацию о государственном суверенитете России со стороны союзных органов; подкрепить эту позицию административно-властными ограничениями попыток расширить российский суверенитет.

Второй вариант — договориться об общей, единой экономической политике России, других союзных республик и Союза ССР.

И, наконец, третий вариант — радикальный выход России из экономического (а следовательно — и политического) пространства СССР, при котором Россия объективно становилась могильщиком СССР.

Сразу же заметим: этот, третий вариант существовал гипотетически, ни одно политическое течение в России, никто из депу-

¹ Кто есть кто в России и в ближнем зарубежье. Справочник. М., 1993. С. 593—594.

² Советская Россия. 1990. 16 июня.

татов РСФСР не допускал в то время возможности распада СССР, тем более по инициативе РСФСР.

Иначе обстояло дело с двумя первыми вариантами. Уже 14 июня 1990 г. Верховный Совет СССР выступил с обращением «К высшим органам государственной власти союзных и автономных республик». Съезд народных депутатов РСФСР в этом Обращении не упоминался, однако смысл этого документа был направлен именно против его решений, в особенности в сфере экономического суверенитета¹. Примечательно, что первое официальное осуждение Декларации о государственном суверенитете России пошло именно из Верховного Совета СССР. Антироссийская направленность этого заявления немедленно вызвала резкий протест ряда депутатов съезда.

Необходимо также указать, что юридический статус постановлений съезда народных депутатов РСФСР был неясен: «по определению» возникал конфликт между действовавшими на всей территории законодательными актами СССР и теми документами, которые принимались съездом, а позже — Верховным Советом РСФСР.

Этот конфликт был заложен генетически, в самом ядре советской федеративной системы, предполагавшей противоестественное сосуществование прав суверенных государств внутри права суверенного государства — республик в составе СССР. Это был механизм подавления суверенных притязаний республик, «распределения суверенитета» при безусловном господстве союзного права и союзной власти в ее различных вариантах — от Законов СССР, постановлений Президиума Верховного Совета СССР, ЦК КПСС и Совета Министров СССР до распоряжений и ведомственных инструкций союзных министерств и ведомств.

По мере ослабления союзного центра этот конфликт стал выходить на поверхность, породив то, что получило название «войны законов». В союзных республиках принимались декларации о суверенитете. 9 марта 1990 г. этот акт был принят в Грузии, 11 марта — в Литве, 30 марта — в Эстонии, 4 мая — в Латвии, 12 июня — в России, 20 июня — в Узбекистане, 23 июня — в Молдавии, 16 июля — на Украине, 27 июля — в Белоруссии.

Стремительно стало меняться отношение руководства КПСС к проблеме суверенитета России. После того как Б. Н. Ельцин стал Председателем Верховного Совета, он смог добиваться в большин-

¹ Советская Россия. 1990. 16 июня.

стве случаев поддержки своих предложений со стороны большинства депутатов. 16 июня на съезде была образована Конституционная комиссия (председатель — Б. Н. Ельцин, заместитель — Р. И. Хасбулатов, секретарь комиссии — О. Г. Румянцев).

В тот же день было принято принципиальное Постановление «Об изменениях и дополнениях Конституции — Основного Закона РСФСР». Эти изменения меняли роль КПСС в России. Статья 6 в новой редакции Конституции устанавливала, что политические партии, молодежные и иные общественные организации участвуют в выработке политики государства, в управлении государственными и общественными делами через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов. 7-я статья Конституции провозглашала, что «все политические партии... действуют в рамках Конституции СССР, Конституции РСФСР и Конституций автономных республик»¹.

КПСС, таким образом, отстранялась от государственного управления, уравнивалась с иными партиями и общественными организациями.

Отметим, что эти положения были, что называется, «на вырост». В это время, несмотря на отмену соответствующей статьи союзной Конституции, существовала «вертикаль» партийных органов — от Политбюро и съезда КПСС до обкомов, крайкомов, райкомов и горкомов, до уровня первичных организаций. Эта партийная вертикаль по-прежнему располагала властными полномочиями, реализовывавшимися как напрямую, так и через номенклатурный принцип назначения и контроля за кадрами государственного аппарата, промышленности, армии, КГБ и МВД.

Несопоставим был организационный потенциал КПСС и иных общественных организаций. На 1 января 1990 г. в КПСС насчитывалось 19 228 217 членов и кандидатов в члены партии². Строго говоря, в России и не существовало никаких других организационно оформленных партий, кроме КПСС. Однако КПСС переживала тяжелейший идейный, организационный, моральный кризис, ежечасно подвергалась сокрушительной критике. Стремительно падал, в том числе в самой КПСС, авторитет ее официальных руководителей, и прежде всего ее Генерального секретаря М. С. Горбачева.

19 июня 1990 г. начала работу Российская партийная конференция. 20 июня она преобразовала себя в учредительный съезд

¹ Советская Россия. 1990. 17 июня.

² Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 5.

компартии РСФСР. Первым секретарем ЦК компартии РСФСР был избран И. К. Полозков.

В те дни, когда Российская партконференция объявила об образовании компартии РСФСР, съезд народных депутатов принял Постановление «О механизме народовластия в РСФСР», в котором было провозглашено, что вся власть в РСФСР принадлежит народу, который осуществляет ее через Советы народных депутатов, а также в формах непосредственной демократии. При обсуждении проекта этого Постановления 21 июня были внесены предложения об устранении политорганов в армии, МВД, о департизации судебных органов и прокуратуры¹. Эти положения не набрали необходимого большинства, однако они ясно отразили вектор политического развития и отношения к роли КПСС и компартии РСФСР.

Своего рода рубежом в отношениях между Верховным Советом РСФСР и КПСС стало заявление Б. Н. Ельцина на XXVIII съезде КПСС 12 июля 1990 г.

«В связи с избранием меня Председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народом России, — обратился Ельцин к делегатам, — с учетом перехода общества к многопартийности, я не смогу выполнять только решения КПСС. Как глава высшей законодательной власти республики, я должен подчиняться воле народа и его полномочных представителей. Поэтому я, в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявляю о своем выходе из КПСС, чтобы иметь большую возможность эффективно влиять на деятельность Советов. Готов сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями республик»².

Ельцин, уже Председатель Верховного Совета РСФСР, демонстративно покинул зал заседания. Круг замкнулся. Ельцин ушел оттуда, откуда его изгонял Горбачев в октябре 1987 г., оттуда, где Ельцин пытался найти защиту у делегатов XIX Всесоюзной партийной конференции. Сейчас уже он отринул КПСС.

Заявление Ельцина стало свидетельством начала принципиально нового явления в послеоктябрьской истории России — фактического устранения компартии из высших звеньев государственной власти и управления в республике. «Отсекались» номенклатурные методы назначения и контроля при назначении высших звеньев управленческой вертикали.

¹ Советская Россия. 1990. 22 июня.

² Известия. 1990. 13 июля.

Для воссоздания органов государственности России стал обсуждаться вопрос о создании средств массовой информации, отражающих позиции съезда, Верховного Совета и Совета Министров России. 18 июня съезд подтвердил права Верховного Совета и Совмина РСФСР на то, чтобы быть соиздателем газеты «Советская Россия». Несколькими днями позже, 21 июня, съезд принял специальное Постановление «О средствах массовой информации РСФСР». Там содержался пункт: «Поручить Верховному Совету РСФСР совместно с правительством РСФСР принять меры по созданию республиканской сети средств массовой информации, в том числе газеты Верховного Совета РСФСР»¹.

Основными итогами Первого съезда народных депутатов РСФСР стали:

- курс на воссоздание и наполнение реальным содержанием институтов государственности России;
- принятие Декларации о государственном суверенитете России как средства повышения статуса республики в СССР;
- изменения в действующей Конституции РСФСР и принятие решения о создании новой Конституции;
- исключение КПСС из создаваемой в соответствии с решениями Первого съезда системы государственного управления;
- упразднение органов народного контроля и госприемки в РСФСР, принятие постановления о механизме народовластия и запрещение совмещения партийных и государственных должностей;
- установление разделения полномочий союзных и республиканских органов власти, действовавших на территории России.

Съезд отразил возраставший радикализм в настроениях россиян, стремление к переменам, критическое осмысление прошлой советской жизни.

¹ Советская Россия 1990. 22 июня

Очерк 4

ЧЕЙ СУВЕРЕНИТЕТ СУВЕРЕННЕЕ. ВОЙНА ЗАКОНОВ

Формирование правительства, подотчетного съезду и Верховному Совету РСФСР. — Судьба программы «500 дней» и экономическая политика законодательной власти РСФСР в 1990 — начале 1991 г. — Программа «500 дней». От надежды до разочарования. — Осенние маневры, или Десантники на картошке. — Конфликт Верховных Советов России и СССР. — На путях создания экономического суверенитета.

Формирование правительства, подотчетного съезду и Верховному Совету РСФСР. 18 июня 1990 г. Председателем Совета Министров РСФСР стал И. С. Силаев. Совет Министров создавался под политические задачи, утвержденные съездом; ему предстояло найти экономические решения проблем, вытекавших из Декларации о государственном суверенитете России. Российская законодательная власть подчинила Совмин РСФСР съезду и Верховному Совету РСФСР, вывела его из подчинения союзному Правительству. Теснейшая связь между органами законодательной и исполнительной властей, более того — подчиненность исполнительной власти законодательной, сохранявшаяся на протяжении большей части рассматриваемого периода, заставляет исследовать историю правительства в связи с историей становления органов законодательной власти в РСФСР.

Деятельность российского правительства в этот период служит доказательством фактической зависимости исполнительной власти от высших органов Советской власти в России.

Эта связь была подчеркнута созданием 22 июня 1990 г. Высшего экономического совета Республики, законодательно оформленным Постановлением съезда народных депутатов. Согласно Постановлению этот совет был образован «в целях осуществления

координации деятельности всех органов государственной власти, организаций, министерств и ведомств на территории РСФСР» для проведения экономической реформы, разработки программ перехода экономики РСФСР на рыночные отношения.

Высший экономический совет Республики был образован при Президиуме Верховного Совета РСФСР. Первым председателем его был назначен М. А. Бочаров, конкурировавший с И. С. Силаевым за пост Председателя Совета Министров РСФСР.

Цели и задачи российского Совмина, пределы его компетенции также были определены законодательной властью.

Уже 23 июня 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял Постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР» (Основа нового Союзного договора). Это Постановление имело концептуальный характер для дальнейшей деятельности российского правительства. Поэтому остановлюсь на этом документе подробнее.

В преамбуле Постановления содержалась констатация, что «Союз ССР вступил в период глубокого преобразования Федерации, подошел к необходимости заключения нового Союзного договора».

Руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, съезд народных депутатов РСФСР постановляет:

Поручить Верховному Совету РСФСР и Конституционной комиссии при разработке проекта Союзного договора принять за основу следующий принцип разграничения функций РСФСР и Союза ССР:

Совет Министров РСФСР подчинен непосредственно съезду народных депутатов РСФСР и Верховному Совету РСФСР».

Согласно этому Постановлению был определен круг союзных министерств и ведомств, обладавших функциями непосредственного управления организациями, предприятиями и учреждениями на территории РСФСР. Устанавливался порядок их взаимодействия с российскими органами исполнительной власти.

Постановление определяло, какие министерства отнесены к числу этих союзных ведомств: Министерство обороны, Министерство гражданской авиации СССР, КГБ СССР, Министерство путей сообщения СССР, Министерство морского флота СССР, Министерство связи СССР, Министерство энергетики (без функций капитального строительства), Министерство атомной промышленности, оборонные отрасли промышленности и космонавтики в части заказов Минобороны СССР и союзных программ.

Постановление установило подчиненность МВД РСФСР только Совмину РСФСР и его взаимодействие с МВД СССР.

Верховный Совет РСФСР поручил Совету Министров образовать КГБ РСФСР с передачей ему функций всех организаций КГБ СССР, расположенных в РСФСР; за КГБ СССР оставлялась функция охраны государственных границ. Предусматривалось создание таможенной службы РСФСР.

Устанавливалось, что Российский республиканский банк Госбанка СССР должен быть преобразован в Госбанк РСФСР; в РСФСР должен быть образован Внешэкономбанк РСФСР.

Совет Министров РСФСР обязали рассмотреть вопрос о системе управления предприятиями Миннефтегазпрома СССР на территории РСФСР.

Постановление устанавливало порядок взаимодействия союзных ведомств на территории РСФСР. Для этого в вышеперечисленные союзные ведомства должны были быть назначены специальные представители в ранге министров РСФСР. Совету Министров РСФСР поручалось в месячный срок представить свои предложения по структуре управления отраслями союзного подчинения. Правительству РСФСР было предписано «заключить договоры с Советом Министров СССР по:

— осуществлению функций союзных ведомств на территории РСФСР;

— финансовым операциям, денежному обращению, эмиссии, перечислению сумм средств в союзный бюджет расчетно по каждой статье бюджета и союзной программе в соответствии с интересами РСФСР;

— осуществлению валютных операций через Внешэкономбанк РСФСР;

— передаче ряда функций МИД СССР, касающихся интересов республики, в МИД РСФСР».

Совету Министров РСФСР предписывалось «приступить к заключению договоров с союзными республиками на равноправной основе», вместе с тем заключить прямые договоры с иностранными партнерами, предусмотрев подготовку кадров специалистов, привлечение иностранного капитала на строительство жилья, дорог, гостиниц, туристских комплексов, а также получение кредитов (на приемлемых условиях) для решения продовольственной проблемы, обеспечения товарами и организации сферы услуг для населения¹.

¹ Советская Россия. 1990. 24 июня.

Это Постановление, в сущности, уже предопределяло политику российских властей в их отношениях с союзным центром.

6 июля 1990 г. Председатель Совмина И. С. Силаев сообщил Верховному Совету РСФСР о планируемой структуре правительства. Предполагалось сократить число республиканских министерств и ведомств с 51 до 28; численность центрального аппарата — с 20 до 10 тыс. При этом предполагалось усилить экономический блок правительства. На базе Госплана РСФСР должен был быть образован Комитет по экономике; кроме того, должны были быть образованы новые ведомства: Комитет по управлению государственным имуществом, Комитет по поддержке новых экономических структур, Антимонопольный комитет.

И. С. Силаев сообщил также о сокращении числа своих заместителей — с 12 до 6.

Новая структура правительства была установлена 14 июля 1990 г. специальным Законом «О республиканских министерствах и государственных комитетах РСФСР». Наряду с традиционными для структуры управления РСФСР ведомствами появлялись новые, предназначенные для осуществления функций, определенных Декларацией о государственном суверенитете РСФСР. Среди них: Министерство внешних экономических связей РСФСР, Министерство РСФСР по связи, информатике и космосу, Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, Государственный комитет РСФСР по делам национальностей, Государственный комитет РСФСР по геологии и использованию топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, Государственный комитет РСФСР по земельной реформе, Государственный комитет РСФСР по общественной безопасности и взаимодействию с Министерством обороны СССР и КГБ СССР, Государственный комитет РСФСР по социально-экономическому развитию Севера, Государственный комитет РСФСР по управлению государственным имуществом.

Этим же Законом была введена должность министра РСФСР по делам предприятий союзных отраслей, находящихся на территории РСФСР.

Другим Постановлением Верховный Совет утвердил персональный состав членов Совета Министров РСФСР. Заместителями Председателя Совмина были назначены: первым заместителем — министр сельского хозяйства и продовольствия РСФСР Г. В. Кулик, заместителями Председателя Совета Министров РСФСР — председатель Государственного комитета РСФСР по экономике Г. И. Фильшин, председатель Государственной комис-

сии по экономической реформе Г. А. Явлинский, председатель Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы Н. Г. Малышев, председатель Государственного комитета РСФСР по экологии и природопользованию И. Т. Гаврилов.

В тот же день, 14 июля 1990 г., был принят другой Закон: «О собственности на территории РСФСР». «Руководствуясь решениями Первого съезда народных депутатов РСФСР о государственном суверенитете РСФСР и разграничении функций управления организациями на территории РСФСР, — объявлялось в преамбуле документа, — Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. На территории Российской Федерации право собственности на землю, ее недра, воды, леса, другие природные богатства, основные производственные фонды... регулируется законами РСФСР и автономных республик. Указанные объекты собственности могут предоставляться Союзу ССР для осуществления общесоюзных задач на условиях и в порядке, устанавливаемых законами РСФСР и Союзным договором.

РСФСР гарантирует охрану имущественных прав союзных республик, иностранных государств, их граждан и организаций.

2. Запрещаются и признаются недействительными все действия субъектов хозяйственных отношений, противоречащие государственному суверенитету и экономическим интересам РСФСР».

Курс нового правительства стал явно реформистским, в особенности на фоне деятельности союзного Совмина, возглавляемого тогда Н. И. Рыжковым. Свидетельством тому стало назначение заместителем председателя российского правительства председателя Государственной комиссии по экономической реформе Г. Явлинского, прежде — сотрудника аппарата Совета Министров СССР, одного из авторов программы перехода экономики СССР к рыночным отношениям — знаменитой программы «500 дней», и назначение на пост министра финансов молодого честолюбивого Б. Федорова, за спиной которого был опыт работы не только в союзных органах власти, но и в международных финансовых организациях. В правительстве существовало несомненное понимание необходимости проведения аграрных реформ. Летом 1990 г. в России началась интенсивная работа по подготовке к проведению экономической реформы.

Судьба программы «500 дней» и экономическая политика законодательной власти РСФСР в 1990 — начале 1991 г. На Первом съезде народных депутатов РСФСР при выборах Председателя Совета

Министров РСФСР создалась, как уже отмечалось выше, любопытная ситуация. М. А. Бочаров, народный депутат СССР и РСФСР, директор Бутовского комбината строительных материалов, претендовавший на председательское кресло, выступил с эффективной программой стремительного перехода к рыночным отношениям за 500 дней. Программа поражала воображение своей дерзостью и несомненной проработанностью, основательностью.

Однако Председателем Совмина стал И. С. Силаев, а вскоре после его выборов начал разгораться скандал.

Авторами экономической программы, правда предполагавшей переход к рынку за 400 дней, была группа молодых экономистов, работавших в аппарате Совета Министров СССР и участвовавших в рабочей группе вице-преьера союзного правительства Л. И. Абалкина в разработке проекта правительственной концепции экономического развития. В эту группу входили Г. А. Явлинский, Задорнов и Михайлов. Явлинский прямо обвинил Бочарова в плагиате, использовав для этого популярный еженедельник «Московские новости»¹. Состоялась встреча Явлинского с Силаевым. Силаев пригласил Явлинского войти в состав Правительства России в качестве вице-преьера, ответственного за проведение экономической реформы.

Концепция скорого реформирования экономики страны встретила поддержку значительной части депутатского корпуса России и в прессе. Уже на пресс-конференции по итогам Первого съезда 26 июня 1990 г. Б. Н. Ельцин специально остановился на задачах и целях будущей программы «500 дней». Он заявил, что реализация этой программы не должна привести к снижению жизненного уровня.

Необходимость реформы осознавалась и союзным руководством, и республиками. Союзное руководство начало готовиться к проведению экономической реформы в 1989 г. Оценивая эту работу, тогдашний глава Правительства СССР Н. И. Рыжков писал, что целью реформы была «демократизация социализма, достойного современной цивилизации». Это, мягко говоря, не очень конкретное и уж вовсе не научное определение цели реформы сочеталось с подобными же методами ее достижения. Далее Рыжков писал: «Правительство в 1989 году выбрало вариант, сочетающий энергичные меры по углублению реформы со взвешенностью действий на всех уровнях управления. Мы шли к рынку, желая прежде

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 429—431; Федоров Б. Г. Десять безумных лет. М., 1999. С. 58—59.

всего стабилизировать ситуацию, а затем двигаться дальше, к более развитой системе товарно-денежных отношений»¹.

Обратим внимание на два ключевых принципа «экономической реформы по Рыжкову». Прежде всего, его клятвы верности социализму имели свою экономическую цену: это сохранение роли государства в управлении экономикой, признание роли социального патронажа государства, невозможность восприятия безработицы как неизбежного следствия структурных изменений в промышленности. Было и другое: сначала *стабилизация уже существовавшей экономики и только потом — проведение реформы*. Но эта задача — стабилизации — и оказалась недостижимой. Конкретные условия экономического положения страны свидетельствовали, что у правительства не было средств для того, чтобы обеспечить стабилизацию. Началось снижение объемов производства, стали нарастать инфляционные тенденции, нарастал дефицит государственного бюджета, стремительно сокращались золотовалютные ресурсы страны. Если в 1990 г. в Госфонде СССР хранилось 484,6 тонны золота, то к 1 сентября 1991 г. — только 264 тонны. При поступлении в 1991 г. в Госфонд СССР 250 тонн золота правительство отправило на экспорт 269,1 тонны золота.

Для серьезных экономистов было ясно, что требовались срочные меры по изменению экономической политики, что необходима реформа цен, сокращение государственных дотаций в неэффективные сферы производства. Однако среди экономистов существовали и принципиальные разногласия в оценке роли союзных республик в проведении реформ, в темпах реформ, оценке роли государственного регулирования.

Осложнялось и внутривнутриполитическое положение в СССР. В союзных республиках принимались декларации о суверенитете. Конфликты между союзным центром и союзными республиками «интернационализировались», рост числа конфликтов — в Казахстане, Грузии, Азербайджане, Армении, Таджикистане, Киргизии, Молдавии, Литве — приводил к тому, что на роль арбитров в них начали претендовать другие государства. В ответ на усиливавшуюся конфронтацию между Литвой и Союзом ССР Ф. Миттеран и Г. Коля выступили в роли посредников, в мае и июне обратились с письмами к руководству Москвы и Вильнюса. Под давлением Ф. Миттерана и Г. Коля был установлен временный мораторий на принятую Верховным Советом Литвы Декларацию «О восстано-

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 414.

лении независимости Литвы», и стороны обязывались начать переговоры¹.

Это вынудило Горбачева заявить о необходимости преобразования Советского Союза. «Необходим настоящий Союз суверенных государств», — заявлял Горбачев в докладе на XXVIII съезде КПСС. Предложение о преобразовании СССР в Союз суверенных государств не нашло поддержки среди большинства членов Политбюро и у руководства Верховного Совета СССР. В этих условиях прежний противник Горбачева Ельцин, ставший Председателем Верховного Совета, превращался во временного союзника, а совместное осуществление программы «500 дней» в случае одобрения этой программы соответствующими органами Союза и России служило бы важной гарантией сохранения единого экономического пространства на большей части СССР. В ходе подготовки к осуществлению этой программы Ельцин пошел на сближение с Горбачевым. В конце июля 1990 г. состоялась встреча Горбачева и Рыжкова. Горбачев заявил, что он беседовал с Ельциным.

Программа «500 дней». От надежды до разочарования. Впрочем, сближение это носило обоюдный характер.

Горбачев и Ельцин были заинтересованы в союзе.

— Программа «500 дней» концептуально исходила из проведения единой, скоординированной экономической политики в рамках всего СССР. Уже поэтому необходимо было нормализовать отношения с союзным центром, в данном случае — с Президентом СССР.

— Экономика России теснейшим образом была интегрирована в экономику Союза. Во многих случаях Россия выступала как начальное звено в технологической цепочке производства продукции, обеспечивала Союз металлом, лесом, нефтью и газом, а заключительные стадии производства осуществлялись в других союзных республиках — на Украине, в Белоруссии и др. Разрыв экономических связей с союзными республиками и с союзными ведомствами был чреват ухудшением экономического положения России.

— Восстановление отношений с Горбачевым укрепляло политические позиции Ельцина, прежде всего — в отношениях с многочисленной коммунистической фракцией съезда и Верховного Совета РСФСР, уничтожало обычный тезис его противников о «неспособности договориться» с Горбачевым.

¹ Союз можно было сохранить... С. 106—107.

Горбачев пишет в своих мемуарах, что «Ельцин, сославшись на результаты нашей с ним пятичасовой беседы, сказал, что «мы идем вместе, проводим общую политику твердо и окончательно, конфронтация недопустима». По его мнению, хаос в стране нарастает не из-за принятия деклараций о суверенитете республик, а как отражение общего кризиса прежней системы управления. Он признал, что руководство Российской Федерации после предпринятой попытки создать собственную российскую программу перехода к рынку убедилось, что реализовать ее в рамках одной республики невозможно. Ельцин выразил уверенность, что Верховный Совет России одобрит эту программу, предусматривающую заключение экономического союза между республиками, определит и свое отношение к союзному правительству. Но реализовывать совместную программу, по мнению российского лидера, должен был специальный комитет при президенте, а не правительство Союза»¹.

Договоренность Ельцина и Горбачева была оформлена специальным соглашением. Документ должны были подписать Горбачев, Ельцин, а также премьеры — союзный и российский — Рыжков и Силаев. Первыми этот документ подписали «первые лица» — Президент СССР и Председатель Верховного Совета РСФСР. Рыжков датировал этот документ 27 июля 1990 г.² Горбачев потребовал от Председателя Совмина СССР участия в доработке программы. По словам Рыжкова, тот согласился поддержать сотрудничество с руководством России³.

Несколькими днями позже, 2 августа 1990 г., появилось Распоряжение Президента СССР М. С. Горбачева «О подготовке концепции союзной программы перехода на рыночную экономику как основы Союзного договора».

Согласно ему «в соответствии с совместной договоренностью между Президентом Союза Советских Социалистических Республик, Председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельциным, Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым и Председателем Совета Министров РСФСР И. С. Силаевым» образовывалась комиссия в составе С. С. Шаталина, Н. Я. Петракова, Л. И. Абалкина, Г. А. Явлинского, А. П. Вавилова, Л. М. Григорьева, М. М. Задорнова, В. А. Мартынова, В. М. Мащица, А. Ю. Михайлова, Б. Г. Федорова, Н. П. Шмелева, Е. Г. Ясина.

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 574.

² Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 431—433; Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 572.

³ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 432.

В комиссию должны были быть включены полномочные представители правительств союзных республик.

Комиссия имела право привлекать для участия в работе над концепцией ученых и специалистов независимо от учреждений и ведомств, в которых они работают. Все министерства, ведомства, организации и учреждения были обязаны предоставлять в распоряжение рабочей группы всю необходимую экономическую и другую специальную информацию без ограничений. Управления делами аппарата Президента СССР и Совмина РСФСР должны были обеспечить техническое обслуживание рабочей группы.

Проект концепции перехода к рынку должен был быть представлен к 1 сентября 1990 г.

Это означало формальный отказ от уже предъявленной Верховному Совету СССР концепции экономической реформы — концепции Рыжкова — Абалкина.

Сразу же возникает вопрос: почему Горбачев пошел на пересмотр уже обсужденного и одобренного плана реформы, или, что едва ли не важнее, на казавшийся противоестественным союз со своим противником Ельциным?

Прежде всего необходимо отметить личное мужество и Горбачева, и Ельцина, оказавшихся способными к совместной работе после острейшей конфронтации, характеризовавшей их отношения в течение нескольких лет — с октября 1987 г.

Казалось, что конфронтация между ними уходила в прошлое. Они часто звонили друг другу, информировали о результатах договоренностей свое окружение. Л. А. Пономарев, один из руководителей московской организации «Демократическая Россия», человек, в ту пору близкий Ельцину, рассказывал автору этой книги, что Борис Николаевич в эти месяцы 1990 г. с явным удовлетворением говорил об улучшении отношений с Горбачевым, об их совместной заинтересованности в успешном завершении доработки программы «500 дней». И Горбачев, по воспоминаниям его помощника А. Черняева, с энтузиазмом сообщал: «Начинается самое главное. Это — уже окончательный прорыв к новому этапу перестройки. ...Подводим под нее адекватный базис...» «На эту тему, — писал в своих мемуарах А. Черняев, — он (М. С. Горбачев. — *Р. П.*) соскальзывал, о чем бы ни шла речь»¹. Идея перехода к экономическим реформам в рамках всех союзных республик, высказывавших намерение остаться в СССР, получила поддержку у руководителей этих республик. Совет Федерации и Президентский совет

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 365.

на своем заседании 30—31 августа 1990 г. поддержали программу Шаталина — Явлинского, программу «500 дней».

Об успешности сотрудничества с Ельциным, о больших надеждах, связанных с принятием программы «500 дней», и о намерениях начать реальную экономическую реформу уже в ближайшие месяцы Горбачев говорил своим западным партнерам — М. Койвисто, Дж. Андреотти, Дж. Бушу, Дж. Бейкеру, Д. Херду¹.

Причиной, породившей этот союз (как вскоре выяснилось — недолгий), был нараставший экономический кризис в стране, кризис абсолютно очевидный для любого. В стране не хватало продовольствия, время от времени вспыхивали табачные, водочные бунты, охватывавшие крупнейшие города страны — Свердловск, Челябинск. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. В. Гидаспов прямо говорил на заседании Политбюро ЦК КПСС осенью 1990 г.: «Я утром еду на работу, смотрю на хвосты (очереди за продуктами) в сто, тысячу человек. И думаю: вот трахнет кто-нибудь по витрине — и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну»².

Ширились национальные волнения. Беспорядки, перераставшие в межнациональные конфликты, охватили Армению, Азербайджан, Грузию, Молдавию, Киргизию, Таджикистан. Обострились отношения союзного центра с республиками Прибалтики, открыто заявившими о планах выхода из СССР.

Стремительно рос внешний долг СССР. К этому добавлялся неудовлетворенный внутренний спрос, нараставшая эмиссия и уже становившиеся явными инфляционные процессы. Союзное правительство, возглавляемое Н. И. Рыжковым, не смогло остановить негативные процессы в экономике. Как замечает экономист, тогда — член Президентского совета В. А. Медведев, для союзных властей «время было упущено, ушло на политические баталии, а когда вернулись к экономическим проблемам, оказалось, что требуются уже более кардинальные меры по переходу к рынку. ... Прошел в основном поворот к рынку и в общественном сознании, хотя кое-кто и продолжал пугать предстоящими бедствиями и потрясениями. Иначе говоря, вопрос — переходить или не переходить к рынку — был уже решен самой жизнью и перемещен в плоскость способов этого перехода. Надо было быстрее создать программу конкретных мер и приступить к ее реализации».

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 366—367.

² Цит. по: Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти... 1945—1991. Новосибирск. 2000. С. 608.

Правительство Рыжкова было вынуждено по поручению Верховного Совета СССР начать разрабатывать программу перехода к рыночным методам. «Но было уже поздно, авторитет правительства Рыжкова оказался подорван, — пишет Медведев. — ...Смею утверждать, что любая программа правительства Рыжкова — Абалкина была по этой причине обречена, даже если бы она получила полную поддержку Президента. Я думаю, это чувствовал Президент и искал новые подходы с учетом реальной расстановки сил»¹.

Связь между экономическим кризисом в СССР и нараставшими политическими проблемами была очевидна. Поэтому одобрение Горбачевым работы над программой «500 дней»:

— обеспечивало ему поддержку со стороны значительной части прессы, а также в кругах радикально настроенной интеллигенции;

— давало надежду на преодоление экономического кризиса в стране;

— создавало предпосылки для успешного проведения переговоров с республиками о заключении нового Союзного договора, на основе сохранения единого экономического пространства.

В загородной правительственной резиденции «Сосны» шла интенсивная работа по доработке и согласованию программы «500 дней» между специалистами и правительственными чиновниками Союза СССР и России.

Однако сразу же, с началом работы, выявились серьезные противоречия между двумя «командами» — реформистской, куда вошли члены российского правительства и ряд экономистов Академии наук — С. С. Шаталин, Н. Я. Петраков, А. Г. Аганбегян, и союзной властью, представленной премьером Н. И. Рыжковым и его заместителем, академиком Л. И. Абалкиным.

Уже на начальной стадии подготовки программы перехода к рынку возник вопрос: кто должен ее осуществлять в масштабах всей страны? Российское руководство — Ельцин, Силаев, Хасбулатов настаивали на том, что союзное правительство во главе с Рыжковым не годится для этого.

В случае утверждения программы «500 дней» с неизбежностью требовалась реформа Правительства СССР. Практически predetermined была бы в этом случае отставка правительства Н. И. Рыжкова. Ослабление руководящей роли центра, передача важнейших экономических функций республикам создавали иную политическую основу для союзного государства. Следствием ее долж-

¹ Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 157.

ны были стать договорные отношения между союзным центром и республиками, двусторонние договоры между республиками.

А это, в свою очередь, должно было повлечь за собой пересмотр места и роли политических институтов СССР: и ЦК КПСС, и Верховного Совета СССР, и съезда народных депутатов СССР. Уже 28 июля 1990 г., в первые недели сближения Горбачева и Ельцина, в Секретариате ЦК КПСС обсуждалась и была одобрена записка В. А. Купцова, секретаря ЦК Российской коммунистической партии. Она называлась «Об отношении к инициативам и акциям, осуществляемым различными общественно-политическими организациями и движениями». Суть записки — утверждение, что оппозиционные силы готовят в ближайшие месяцы захват власти в стране. Эти силы якобы организуют забастовки в угледобывающих районах страны, добиваются устранения КПСС из политической жизни страны. «Эти шаги оппозиции внутри страны, — писал В. А. Купцов, — смыкаются с деятельностью антисоциалистических сил на мировой арене. Все чаще высказывается идея о «невозможности» союза с КПСС, проявляется намерение определенной части оппозиции реставрировать капитализм». Доказательством тому служат, по мнению автора записки, намерения лидеров оппозиции провести осенью 1990 г. учредительный конгресс демократических сил, а затем добиться досрочного роспуска съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, пересмотра Конституции СССР. «В ближайшее время эту стратегию планируют апробировать в масштабах РСФСР, — утверждал Купцов. — Способами достижения власти должны были стать «круглый стол», по примеру Комитета гражданского действия или Гражданского форума стран Восточной Европы, и вынужденная отставка президента СССР под давлением забастовок»¹.

Принципиальным противником программы стал заместитель Рыжкова — академик Абалкин, убежденный сторонник «стабилизации перед реформой». Поэтому практически одновременно с достижением договоренности между Горбачевым и Ельциным началась атака союзного правительства на позиции Ельцина, посыпались обвинения в его адрес и адрес его сторонников.

В свою очередь, в российском руководстве росло недовольство тем, что союзный центр игнорирует Декларацию о государственном суверенитете России. Программа «500 дней» планировалась как воплощение Декларации о государственном суверенитете Рос-

¹ Цит. по: Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти... С. 595.

сии, как обеспечение экономической самостоятельности республики в составе СССР.

Поэтому Верховный Совет РСФСР и Президиум Верховного Совета летом и осенью 1990 г. интенсивно работали над повышением государственного статуса России в СССР и созданием юридической базы для перехода России к рыночным отношениям.

14 июля 1990 г. было принято Постановление Президиума «Об основных принципах осуществления внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР», которым устанавливалось, что «...все юридические лица и отдельные граждане независимо от формы собственности, действующие на территории РСФСР, имеют право участия во внешнеэкономической деятельности и прямого выхода на внешний рынок»¹. Этим Постановлением отменялась монополия государства в сфере внешней торговли, многие десятилетия служившая одним из отличительных признаков советской экономической системы. Важно и то, что Россия устанавливала «правила экономического поведения», отличавшиеся от тех, которые действовали в других республиках Советского Союза.

Законодательная власть РСФСР вела по-своему двойственную и противоречивую политику: с одной стороны, концептуально программа «500 дней» предполагала проведение экономических реформ синхронно во всех республиках СССР; с другой — объективная логика осуществления «Декларации о государственном суверенитете России» требовала повышения статуса республики в СССР, приводила к противопоставлению экономических интересов РСФСР интересам союзного правительства.

В это же время Верховный Совет РСФСР и его Президиум последовательно шел по пути создания российской банковской системы. 13 июля 1990 г. Верховным Советом было принято Постановление «О Государственном банке РСФСР и о банках на территории республики», ставившее своей целью создание Госбанка РСФСР и сети подведомственных ему учреждений. 7 августа 1990 г. председателем Госбанка РСФСР был назначен Г. Матюхин². 16 августа Президиум Верховного Совета принял Постановление, в котором предписывалось: «Передать по состоянию на 1 июля 1990 г. на баланс и в оперативное управление Госбанка РСФСР и его управлений объявленное собственностью РСФСР имущество, а также активы и пассивы российских специализированных банков и

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1247.

² Там же. Д. 1252.

подведомственных им учреждений, предприятий, организаций, учреждений Внешэкономбанка СССР, республиканских управлений инкассации...», вычислительных центров Госбанка СССР и специализированных банков СССР на территории РСФСР, включая филиал Главного вычислительного центра в Москве.

Специальным пунктом этого Постановления объявлялись недействительными «все нормативные акты, противоречащие Постановлению Верховного Совета РСФСР от 13 июля 1990 г. «О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики»¹.

Начинался конфликт российского и союзного законодательства.

Параллельно с этим возникали реальные конфликты в области реализации прав России и Союза ССР в сфере управления экономикой.

9 августа 1990 г. на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР под председательством Р. И. Хасбулатова рассматривалось письмо, направленное Председателю Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцину. Письмо было подписано Председателем Совмина РСФСР И. С. Силаевым, министром финансов Б. Г. Федоровым, министром юстиции Н. В. Федоровым, заместителем Председателя Госкомитета РСФСР по общественной безопасности и взаимодействию с Минобороны СССР и КГБ СССР В. И. Панфиловым. В письме сообщалось, что, по данным советской и зарубежной прессы, Главалмаззолото СССР заключило с корпорацией Де Бирс (ЮАР) контракт о передаче монопольного права торговли советскими алмазами на мировом рынке сроком на 5 лет с немедленной выплатой аванса в 1 млрд. долларов США.

Авторы письма сообщали: «Наблюдается также резкая активизация союзных органов в заключении других подобных сделок, в частности, по золоту. Вызывают озабоченность чрезвычайные усилия центра по привлечению крупных валютных кредитов, основным плательщиком по которым объективно будет Россия. Такие сделки наносят прямой ущерб экономическим интересам, суверенитету России. По оценке экспертов, эти соглашения разорительны не только для республики, но и для всей страны в целом.

В связи с этим считали бы необходимым принять постановление Президиума Верховного Совета РСФСР по защите интересов республики»².

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1252. Л. 3—5.

² Там же. Д. 1253. Л. 25.

Это письмо докладывал на Президиуме С. М. Шахрай. Среди участников заседания не было сомнений в необходимости принятия соответствующего документа. Но обсуждение пошло дальше. Заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Б. М. Исаев обратил внимание на новые явления в деятельности союзных ведомств. Активизировались союзные министерства, отметил он. «Вчера звонил Мельников (Минлесбумпром), он уже создает акционерное общество из наших предприятий, расположенных на территории России» — и продолжил: 50% акций КамАЗа — у Пугина (Минавтосельхозмаш). Таким образом, по мнению Б. М. Исаева, растаскивалась российская собственность, возникала необходимость защиты экономических интересов¹.

Председатель Совета Союза В. Б. Исаков предложил «записать отдельным пунктом: поручить Совету Министров провести полную ревизию заключенных сделок по данным объектам»². От членов Президиума стали поступать и другие сведения об акционировании и приватизации предприятий союзного подчинения, расположенных на территории России, звучали предложения, чтобы любая сделка с союзной собственностью на территории России утверждалась Верховным Советом РСФСР или российским правительством.

С. М. Шахрай попытался возразить: «Понимаете, здесь ведь есть очень тонкая грань. Мы, с одной стороны, говорим: рыночная экономика, собственность и т. д., а с другой стороны, хотим, чтобы все было согласовано с российским Правительством и с Президиумом. Тогда у нас никогда не будет рынка, — продолжал Шахрай. — Поэтому речь идет в этом постановлении о сырье и ресурсах, а уже продукт деятельности предприятий давайте сюда не будем втягивать»³.

В принятом на этом, пятом заседании Президиума Постановлении «О защите экономической основы суверенитета РСФСР» было записано: «Признать недействительным заключенные после принятия Декларации о государственном суверенитете без согласования с РСФСР внешнеэкономические и союзно-республиканские соглашения и сделки по продаже алмазов, золота, платины, драгоценных камней, серебра, нефти, угля, газа, урана, редкоземельных, цветных и черных металлов, пушнины, зерна и других стратегических ресурсов и товаров». Далее в Постановлении

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1252. Л. 32—33.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Д. 1254. Л. 32—44.

устанавливался порядок заключения и утверждения органами власти РСФСР сделок с сырьевыми ресурсами¹.

На следующий день, 10 августа 1990 г., В. Болдин, руководитель аппарата президента СССР, ближайший к Горбачеву человек, направил своему шефу обзор «писем трудящихся, поступивших за последнее время». Большинство документов этой подборки требовали от Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС наведения порядка, восстановления прежних, «доперестроечных» ценностей. За что печать морально расстреливает честных партийцев — партии не в чем каяться за свое прошлое, цитировалось в этом обзоре. Больше всего и охотнее всего цитировались письма, осуждавшие возможность экономической реформы в стране. «Разумеется, рынок нам нужен, — цитировал Болдин письмо из Минска, — ...но рынок социалистический, в интересах всех слоев общества, предполагающий любые формы собственности, исключая прямую или косвенную эксплуатацию чужого труда». В письмах прямо критиковалось намерение провести экономическую реформу. «Экономическую реформу надо переводить на рыночные отношения не сразу, а постепенно, в течение нескольких лет, обеспечив в этот период возможность населению приобретать необходимый минимум продуктов питания по твердым государственным ценам, — содержалось в обзоре писем. — ...Судя по письмам, озабоченность населения республики (Белоруссии. — *Р. П.*) по поводу негативных последствий радикальной экономической реформы усиливается нынешним состоянием потребительского рынка. Когда смотришь на пустые прилавки, — пишет житель г. Барановичи Брестской области, — создается впечатление, будто наша промышленность перестала выпускать продукцию. Но ведь предприятия работают, минские заводы продолжают выпускать холодильники и телевизоры. В Барановичах производятся стиральный порошок и обувь. В то же время все продается по талонам или записи². Разве это не саботаж?»

Выше мы уже писали, что искусство составлять обзоры было способом воздействия на партийную верхушку и, с другой стороны, свидетельствовало о том, что хотели видеть в таких обзорах вожди государства. Констатируем: концепция обзора была направлена против возможности экономических реформ, против сближения Горбачева

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1253. Л. 23—24.

² *Запись* — способ нормированного распределения товаров, когда возможность их приобретения была обусловлена предварительным заказом, сделанным, как правило, заранее, за несколько месяцев.

и Ельцина. Конфликт между российскими и союзными властями продолжал разрастаться. 17 августа 1990 г. народные депутаты РСФСР С. М. Шахрай, В. И. Белов, И. А. Безруков, В. К. Варов, Н. Л. Ген и др. обратились к съезду народных депутатов СССР, Верховному Совету СССР, Президенту СССР с заявлением «Об отмене союзным Президентом актов законодательной власти России»¹.

20 августа 1990 г. эта тема была «озвучена» для широкой общественности на пресс-конференции министра внешнеэкономических связей Ярошенко В. Н. и Хасбулатова Р. И. по вопросам внешнеэкономической деятельности. Хасбулатов и Ярошенко заявили, что они крайне озабочены нежеланием союзного правительства учитывать интересы союзных республик².

Союзная власть ответила 23 августа 1990 г. Указом Президента Союза ССР «О постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 августа 1990 г.». Там сообщалось: «Президиум ВС РСФСР принял постановление «О защите экономической основы суверенитета РСФСР». В этом документе объявляются недействительными внешнеэкономические и союзно-республиканские соглашения по продаже ряда товаров, делается попытка взять под контроль Совета Министров золотовалютные резервы страны, другие стратегические ресурсы.

В упомянутом документе делается ссылка на такой важный политический документ, как Декларация о государственном суверенитете РСФСР. Однако разграничение полномочий и собственности Союза и республик может быть осуществлено лишь на основе нового Союзного договора...

Решение Президиума Верховного Совета РСФСР может нанести серьезный ущерб интересам страны... Оно по сути направлено на подрыв экономического суверенитета других союзных республик...

Постановляю:

1. На основании пункта 1 ст. 127(3) Конституции СССР объявить указанное постановление... не имеющим юридической силы.

2. Совету Министров СССР в месячный срок совместно с правительствами союзных республик разработать предложения о порядке распределения валютной выручки...»³

Спустя 5 дней Президиум Верховного Совета РСФСР 28 августа 1990 г. принял новое Постановление «О некоторых вопросах внешнеэкономической деятельности РСФСР», которое полностью

¹ Советская Россия. 1990. 21 августа.

² Там же.

³ Там же. 25 августа.

подтверждало основные положения, сформулированные в отвергнутом Горбачевым Постановлении от 9 августа 1990 г. Совету Министров РСФСР предписывалось:

— заключить до 1 января 1991 г. торгово-экономические соглашения с правительствами основных стран — импортеров товаров, производимых на территории РСФСР;

— заключить подобные договоры с правительствами союзных республик, предусмотрев запрет, без согласия РСФСР, реэкспорта союзными республиками товаров, полученных из РСФСР;

— провести переговоры с руководством Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР, Министерством внешнеэкономических связей СССР о передаче внешнеторговых объединений союзного подчинения, осуществляющих торговые операции преимущественно с продукцией, производимой в РСФСР, в подчинении МВЭС РСФСР¹.

30—31 августа состоялось расширенное заседание Президентского совета и Совета Федерации, в котором приняли участие и представители российского руководства. Работа над проектом программы «500 дней» была завершена. Но участникам обсуждения пришлось иметь дело не с одним, а с двумя документами. Вторым стала записка Председателя Совмина СССР Н. И. Рыжкова, в которой содержалась критика программы «500 дней». Как выяснилось, в подготовительной комиссии произошел раскол, согласия достичь не удалось.

Ельцин призвал к осуществлению программы Явлинского в рамках всего Советского Союза, обратив внимание на то, что самостоятельная реализация этой программы Российской Федерацией могла бы привести к развалу Союза. Однако, по мнению Ельцина, Правительство Союза в его прежнем виде не нужно. На Совете Федерации был поставлен вопрос о том, что если Рыжков не согласен выполнять эту программу, то он может уходить в отставку. Эту точку зрения сформулировал Ельцин, встретив поддержку своих коллег из других союзных республик. Требования отставки правительства прозвучали в выступлении Хасбулатова, о том же говорил Силаев.

В ответ Рыжков заявил, что вопрос в конечном счете не в правительстве, а в борьбе некоторых республиканских лидеров против центра².

Горбачев пытался сгладить конфликт, предлагал объединить и примирить оба варианта проекта экономических реформ, отвел

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1 Д. 1252. Л. 9—10.

² Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 160; Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1 С. 574.

требования об отставке правительства: «Надо улучшать работу правительства, а не разгонять его. У нас просто нет времени и возможности для того, чтобы заниматься еще одной реорганизацией».

31 августа состоялось очередное заседание Президиума Верховного Совета РСФСР. Ельцин выступил с информацией о ходе переговоров с союзным руководством. Обращаясь к членам Президиума, Ельцин сказал, что программа союзного правительства уже несколько раз отклонялась Верховным Советом СССР, да и народом воспринималась негативно. «И тем не менее оно упорно, защищая свое место под солнцем, не заботясь о государстве и о народе, все-таки навязывает свою программу».

Эта позиция создавала угрозу отклонения программы «500 дней»: Россия могла остаться в одиночестве. Остаться одной — значит, России нужна будет своя денежная единица, вся финансово-бюджетная система, таможня, граница.

«Конечно, быть инициатором распада Союза — это, видимо, не для России, — говорил Ельцин. — Наоборот, Россия должна быть консолидирующим фактором для Союза».

Ельцин рассказал членам Президиума о том, как складывались их отношения с Горбачевым. Он сообщил, что написал письмо Горбачеву, они совместно образовали группу, которая должна была до 1 сентября представить программу для последующего утверждения, но «уже второй день идет дискуссия с союзным руководством. Наш Верховный Совет правительственную программу не принимает».

Мы сидели с Горбачевым 5 часов, действительно пытались уйти от конфликта к совместной работе, договорились об экономическом союзе. С ней (программой «500 дней») согласны даже прибалтийские республики.

Но подписание программы Явлинского встретило сейчас противодействие, потому что Правительство не хочет его принимать».

«А вариант такой, чтобы программу утвердить не их, а подписать экономическое соглашение всем пятнадцати республикам, всем председателям Верховных Советов и Президентам, как бы договор всех республик, экономическое соглашение...»

Ельцин внес предложение — включить в повестку дня открывавшейся в сентябре новой сессии Верховного Совета РСФСР доклады Силаева и Явлинского¹.

В конце заседания Президиума Ельцин вновь вернулся к этой теме. «Тов. Горбачев М. С. предложил две программы слить. Это то же самое, как соединить амперы и километры. Это невозможно».

¹ ГАРФ. Ф. 10026 Оп 1 Д. 1257. Л. 1—5.

Совершенно другие принципы заложены». Концептуальное различие между двумя программами Ельцин видел в том, что группа Шаталина — Явлинского предлагает, чтобы экономическая политика осуществлялась через суверенные республики в составе СССР, «а правительственная программа — она опять-таки насильственная программа сверху: вот мы вам диктуем, а вы исполняйте, и все»¹.

В этом эмоциональном высказывании Ельцина — ключ к пониманию конфликта вокруг программы «500 дней». В спорах на первый план выходили не экономические аспекты — они представляли в то время интерес только для немногочисленных специалистов². Общий смысл необходимости перехода к рыночным отношениям был очевиден для большинства тогдашних политиков. Спор шел о будущей политической организации Союза: должно ли остаться унитарное государство, что вытекало из концепции Рыжкова, или его сменит конфедерация республик, как это следовало из программы «500 дней». В этом смысле симпатии Горбачева должны были в конце концов склониться на сторону Рыжкова.

Осенние маневры, или Десантники на картошке. Атмосфера противостояния нарастала. В конце августа, досрочно выйдя из своего отпуска, Горбачев вернулся в Москву и сразу же попал в круговорот острых споров о будущей реформе. Рыжков открыто возражал против выполнения указания Горбачева, угрожал своей отставкой и отставкой правительства, утверждал, что страна стоит перед тяжелейшим экономическим и политическим кризисом³. Против Рыжкова выступили участники Президентского совета и Совета Федерации, по существу одобрившие программу Шаталина — Явлинского. На Совете Федерации был поставлен вопрос о том, что если Рыжков не согласен выполнять эту программу, то он может уйти в отставку. Эту точку зрения сформулировал Ельцин, встретив поддержку своих коллег из других союзных республик.

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1257: Л. 8.

² Важно отметить, что противниками некоторых аспектов экономической концепции программы «500 дней» выступили не только «союзные» экономисты (Л. И. Абалкин, В. А. Медведев и ряд других), но и близкие к руководству Верховного Совета доктора экономических наук И. В. Нит, советник Председателя Верховного Совета РСФСР и доктор экономических наук, народный депутат РСФСР П. А. Медведев.

³ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 441—444.

1 сентября состоялась пресс-конференция Б. Н. Ельцина. Она была посвящена итогам его месячной поездки по стране — за 22 дня он посетил Кузбасс, Воркуту, Татарию, Сахалин, Башкирию, Приморье, встречался там со многими людьми. Там же возникла тема программы перехода к рынку. Ельцин заявил о своей решительной поддержке программы Шаталина — Явлинского и о том, что считает необходимым отставку Рыжкова и союзного правительства¹.

Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, все более выходящий из политической тени своего предшественника — Горбачева и начинавший играть самостоятельную роль, заявил Горбачеву и его окружению: «Если будете так вести дело, в сентябре Верховный Совет скинет правительство, в ноябре будут распущены съезд народных депутатов и сам Верховный Совет. Назначат новые выборы и не позднее декабря скинут и президента, и вас!»²

В начале сентября 1990 г. «Известия» опубликовали «программу Шаталина — Явлинского», программу «500 дней». Верховный Совет РСФСР начал ее обсуждение. В те же дни Российская компартия на своем съезде объявила ее антисоветской и являющейся капитуляцией перед капитализмом. На стол Горбачеву ежедневно направлялись десятки и сотни телеграмм, сообщающих о нарастании преступности в стране, о «хлебных» и «табачных» бунтах³.

В сентябрьских событиях 1990 г. есть ряд не выясненных до конца обстоятельств. Можно утверждать, что многие документы о них были уничтожены уже в сентябре. Речь идет о приказе, отданном командующим воздушно-десантными войсками генерал-полковником Ачаловым 8 сентября 1990 г. командирам ряда воздушно-десантных дивизий (Тульской, Псковской, Белградской, Каунасской и Кировабадской), выдвинуться к Москве «в состоянии повышенной боевой готовности по «южному варианту»⁴. А. И. Лебедь аккуратно подчеркивает: приказы отдавались в устной форме. Хотя были и письменные приказы. Генерал Подколзин, тогда — начальник штаба Воздушно-десантных войск, позже вспоминал в интервью, данном газете «Аргументы и факты», что ему лично пришлось уничтожить документы о передвижении войск к Москве. В архиве Секретариата ЦК КПСС и Политбюро ЦК

¹ Советская Россия. 1990. 2 сентября.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 369—370.

³ Там же. С. 371.

⁴ Лебедь А. За державу обидно... М., 1995. С. 343—350

КПСС также не обнаружены документы о событиях, которые лавиной прокатились в сентябре, разрушив и без того хрупкий союз между Горбачевым и Ельциным. До сих пор нет сведений о задачах, которые должны были решать снаряженные «по южному варианту» десантники в Москве. Москва — не Карабах и не Баку. В Москве не стреляли. Зачем и против кого предназначались «12 «Уралов»¹ боеприпасов», о которых пишет А. И. Лебедь?

В своих мемуарах он, следуя традиции тогдашнего министра обороны Д. Язова, предпочитает отшучиваться. Между тем шутили-то не они. Послать десантников в Москву мог только Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев, публично заявлявший в те дни о своей заинтересованности в укреплении позитивных отношений с российским руководством и всячески подчеркивавший свое желание реформировать экономику СССР на основе программы «500 дней». Констатируем: пока не выявлены важнейшие документы, непосредственно свидетельствующие об обстоятельствах принятия решения применить войска, нет сведений о конкретных целях и задачах, которые ставились перед военными, о политическом обосновании этой меры. Нет, и это мешает понять многие бурные процессы 1991 г., подготовившие в конце концов путч августа 1991 г. и развал СССР. Остались главным образом только косвенные свидетельства.

Проанализируем их.

6 сентября 1990 г. на бюро Рязанского обкома партии обсуждался вопрос, что, по информации КГБ, якобы подготовлен план захвата демократическими властями России телевидения, радио, вокзалов, аэропортов и т. д. В ночь с 9 на 10 сентября Рязанская воздушно-десантная дивизия с вооружением, в полной боевой экипировке была направлена в Москву. 10 сентября начались передвижения Псковской парашютно-десантной дивизии. Эти части были возвращены из Киргизии, из Оша, где участвовали в подавлении жестоких, кровавых столкновений между киргизами и таджиками из-за спорных земель и воды. В эти же дни Витебская воздушно-десантная дивизия была переподчинена КГБ.

Отмечу и личное наблюдение. Мне в эти дни пришлось бывать в гостинице «Россия», где жили некоторые иногородние депутаты РСФСР и сотрудники аппарата Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина. И однажды в течение дня вдруг пропали женщины-горничные, коридорные и вместо них появились и ста-

¹ «Уралы» — здесь — тяжелые трехосные грузовики высокой проходимости, используемые Советской Армией.

ли выдавать ключи крепкие парни-прапорщики в форме, с пистолетами на поясах¹.

В те же дни, 10—11 сентября, программа Шаталина — Явлинского обсуждалась в Верховном Совете РСФСР и была принята большинством голосов.

11 сентября на заседании Верховного Совета Ельцин выступил с заявлением, что к Москве двигаются десантные армейские части. «Нам пытаются доказать, — говорил он, — что это мирное мероприятие, связанное с подготовкой к параду, однако есть сильное сомнение в этом».

В ответ в «Известиях» с яростным опровержением выступил командующий Воздушно-десантными войсками генерал-полковник В. Ачалов, заявивший, что войска прибыли в Москву для подготовки к параду, а другие воинские части (десантники) направлены для уборки картошки.

Странные и страшноватые военные маневры шли на фоне разворачивавшейся и ставшей публичной борьбы вокруг будущего экономических и политических реформ в СССР и воспринимались, конечно, в этом контексте. 11 сентября на своей 4-й сессии Верховный Совет СССР начал обсуждение доклада Н. И. Рыжкова, защищавшего программу правительства и его оппонентов, отстаивавших программу Шаталина — Явлинского. Обсуждение затягивалось.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 13 сентября политический контекст событий постоянно пробивался сквозь повестку. Собрались обсуждать новую структуру аппарата ЦК КПСС, а закончили спорами о роли государства в управлении экономикой и судьбе СССР. Спокойный ход обсуждения взорвал первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Муталибов. Он начал с банального, с точки зрения партаппаратчиков, заявления: «Уйду я сейчас от этих вопросов (прямого вмешательства партийного аппарата в экономику. — *Р. П.*), ни хлопка не будет, ни винограда не будет, ничего не будет»².

Горбачев попытался доказать, что партия должна научиться действовать в условиях наличия оппозиции. Но Муталибов не только не согласился с Генеральным секретарем, но и начал доказывать, что оппозиция сейчас сильнее партии, называющей себя пра-

¹ Сведения о депутатах, в панике покидавших здание гостиницы, относятся скорее к «охотничьим рассказам» — жанру, не обойденному и А. И. Лебедем в его мемуарах. См.: *Лебедь А. И.* За державу обидно... С. 345, 384.

² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 29. Л. 65—66.

вящей. Его поддержал П. Лучинский, сославшийся, что за оппозицией — поддержка теневого капитала. Тогда взорвался Горбачев: «Если мы хотим быть активной политической силой в новых условиях, то имейте в виду: на старом кнуте ничего не завоюем, а дискредитируем себя полностью. ...Я неоднократно это повторял, но уроки у всех нас усваиваются медленно. У всех ностальгия, наверное. ...Экономику надо менять. И политический процесс менять, освободиться от излишней милитаризации экономики, проводить колоссальную структурную политику. Если этого еще не поняли, тогда вообще ничего не поняли. И только исходим из своих удобств, из своих интересов»¹.

Но оппоненты Горбачева били другими аргументами. Все тот же Муталибов доказывал — разваливается Советский Союз, и политические задачи по наведению жесткого порядка в стране перед лицом приближавшейся катастрофы Союза важнее экономических реформ. Муталибову вторил первый секретарь Московского горкома КПСС Ю. Прокофьев. «У нас противодействия антизаконным действиям нет, — утверждал он. — Вот, к сожалению, товарищ Гуренко тут сегодня прочитал «Программу действий-90». Я ее изучил с карандашом. Это прямой призыв к свержению существующей власти, к действиям антизаконным, антиконституционным»².

Горбачева загоняли в угол политических решений. Его соратники по Политбюро смогли запугать Президента СССР угрозой свержения власти «демократами», тем, что Ельцин под шумок переговоров о единстве действий готовит его, Горбачева, свержение. И сам Горбачев, не склонный доверять своему партнеру, жаловавшийся на него министру иностранных дел Франции Р. Дюма, что Ельцин якобы натравливает на него, Горбачева, толпу³, пошел, по существу, на разрыв прежних договоренностей о совместном осуществлении программы Шаталина — Явлинского. Верховный Совет СССР принял внешне нейтральное, по сути — концептуальное решение: поручить Рыжкову объединить свою программу и программу Шаталина — Явлинского. Так элегантно убиралась возможность обсуждать впредь на уровне союзного руководства «неразбавленную» программу «500 дней». Человеку, принципиально отвергавшему эту программу, предлагалось ее «доработать».

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 29. Л. 66.

² Там же. Д. 69.

³ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 371.

21 сентября в 8 часов 25 минут утра в Москве, на пересечении улицы Горького и переулка Александра Невского, водитель «Жигулей» (ВАЗ 2102) врезался в автомобиль «Волга» (ГАЗ 3102), в котором следовал Б. Н. Ельцин. Удар пришелся на переднюю правую дверь, за которой был Ельцин. Обе двери автомобиля заклинило, Ельцин получил сотрясение мозга. Удар пришелся в височную часть головы и в бедро. Был травмирован позвоночник. В истории много непонятного — американский публицист И. Валента уверяет, что столкновение произошло на следующий день после встречи Ельцина с делегацией, в которую входил С. Фойо, человек, близкий к президенту США Д. Бушу, входивший в штаб его избирательной кампании. На этой встрече, 20 сентября, Ельцин попросил С. Фойо организовать встречу с президентом США. На следующий день Ельцин попал в автомобильную катастрофу, ответственность за которую И. Валента возлагал на КГБ¹. Сам Б. Н. Ельцин считал произошедшее обычной автомобильной аварией². Но для политической психологии того времени сомнений не было — Ельцина хотели убить.

Прежний союз Горбачева и Ельцина начал расползаться по всем швам.

9 октября 1990 г. состоялся Пленум ЦК КПСС с повесткой «О положении в стране и задачах КПСС в связи с переходом экономики на рыночные отношения». Постановление пленума поражает своим агрессивным неприятием идеи реформирования экономики. Пожалуй, все «рыночные отношения» начинаются и заканчиваются названием повестки дня. Зато сообщалось, что «идет цепная реакция распада хозяйственных связей, сокращается объем производства, национального дохода. ...Множатся акты вандализма, на волне антисоветизма и вандализма рушатся памятники Ленину. ...Нарастают шельмование и травля коммунистов. Пленум настаивает на решительном пресечении подобных действий и принятии соответствующих государственных актов». В таком духе был выдержан и весь этот документ³.

Позиция ЦК КПСС была недвусмысленна — нужны не экономические реформы, а политические решения с целью «усиления борьбы с антикоммунизмом, деструктивными действиями экстремистских сил».

¹ Валента И. Мои встречи с Ельциным в США и в России // *АиФ*. 1996. Июнь. № 25 (813).

² Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 45—46.

³ Правда. 1990. 13 октября.

Конфликт Верховных Советов России и СССР. 3 сентября 1990 г. Верховный Совет РСФСР утвердил Постановление «О повестке дня второй сессии Верховного Совета РСФСР». В повестку дня второй сессии Верховного Совета РСФСР был включен вопрос «О концепции экономической реформы». Докладами должны были выступить Председатель Совета Министров РСФСР Силаев И. С. и заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Явлинский Г. А.¹.

3 сентября 1990 г. начала свою работу вторая сессия Верховного Совета РСФСР. Всем депутатам раздали программу Шаталина — Явлинского.

Сессия начинала свою работу в сложной обстановке. Экономический кризис привел к бунту в Челябинске: в городе несколько дней продолжались беспорядки, был разгромлен Курчатовский райисполком областного города. «Многочасовые очереди и бесконечные дефициты, поиск самых необходимых вещей и продуктов доводят людей до отчаяния, вынуждают выходить на улицы и площади городов», — писал челябинский корреспондент «Советской России» А. Усольцев².

Огромные очереди за хлебом стояли в Новгороде, пропал хлеб в булочных Ленинграда, в Свердловске исчез табак, проблемой стала покупка мыла, стирального порошка и других самых необходимых вещей³.

Эти факторы экономического неблагополучия влияли на депутатский корпус, радикализировали позицию депутатов, порождали ожидания возможного преодоления кризиса за счет программы «500 дней».

11 сентября 1990 г. Верховный Совет одобрил программу «500 дней».

То, что российский Верховный Совет начал обсуждать и поддержал программу Шаталина — Явлинского, вызвало раздражение у Горбачева. «К сожалению, — вспоминал он в своих мемуарах, — договоренность об отсрочке внесения программ на Верховные Советы Союза и Российской Федерации оказалась нарушенной. 3 сентября программа «500 дней» была роздана, и депутаты России начали ее обсуждение. Это была попытка оказать давление на центр, противодействовать выработке общей программы,

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1990. № 14.

² Советская Россия. 1990. 26 августа.

³ Там же. 5, 6 августа.

поставить нас перед свершившимся фактом»¹. Горбачев настоял на том, чтобы две группы разработчиков — российская и союзная — подготовили под руководством академика А. Аганбегяна некий третий, «интеграционный», по его словам, вариант программы перехода к рынку. Попытки самого Аганбегяна доказать, что правительственная и российская программы концептуально несовместимы, в расчет не были приняты.

В свою очередь, на заседании союзного Верховного Совета 10 сентября 1990 г. Рыжков выступил с докладом о программе перехода к рынку. Таким образом, несмотря на указания Горбачева, союзная и российская программы начинали жить своей, независимой друг от друга, жизнью.

15 сентября на заседании Верховного Совета РСФСР было принято решение о разграничении компетенций РСФСР и Союза ССР. Оно было оформлено специальным Постановлением. С информацией о различных программах перехода к рынку выступил Г. А. Явлинский. Оценивая проект программы Аганбегяна, он заметил, что это — сокращенная на $1/3$ программа «500 дней». 19 сентября на сессии Верховного Совета РСФСР с резкой критикой союзного правительства выступил С. М. Шахрай, заявивший, что кабинет Рыжкова неспособен вывести страну из кризиса, обеспечить ее суверенитет².

В свою очередь, радикализировалась и позиция союзного руководства. В условиях нараставшей критики союзного правительства Горбачев все более последовательно склонялся именно к союзной программе. Расширение полномочий России в экономических вопросах шло прежде всего за счет сужения компетенции союзных властей.

Горбачев, настаивая на необходимости рыночных реформ, теперь гораздо больше стал говорить о социальной защите населения, что было своего рода отличительной чертой программы Рыжкова.

21 сентября 1990 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, Президент СССР потребовал предоставить ему чрезвычайные полномочия, включая право введения президентского правления в союзных республиках и роспуска в них высших органов государственной власти.

В российском руководстве это заявление было расценено как прямая угроза и посягательство на права республик, и уже на следующий день, 22 сентября, Президиум Верховного Совета принял

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 577.

² Советская Россия. 1990. 20 августа.

Постановление, где было заявлено, что в сложившейся ситуации предоставление Президенту СССР запрошенных им чрезвычайных полномочий недопустимо; что в случае предоставления чрезвычайных полномочий Президиум Верховного Совета РСФСР примет все необходимые меры для защиты конституционного строя.

В тот же день Президиум принял решение об утверждении состава делегации Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР для ведения переговоров с союзными республиками¹.

Однако конфликт продолжал нарастать.

24 сентября 1990 г. вышел Закон Союза ССР «О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни», которым Президенту СССР предоставлялись запрошенные им полномочия на период до 31 марта 1992 г. Он имел право издавать указы, которые получали силу законов, «...если Верховный Совет СССР не признает необходимым установить иные правила», создавать органы власти и государственные структуры, необходимые для проведения реформ.

24 сентября 1990 г. вышло Постановление ВС СССР «О неотложных мерах по стабилизации народного хозяйства и программе перехода к рыночной экономике», где признавалось необходимым «на базе проекта программы, представленной Советом Министров СССР, подготовить единую программу перехода к рынку»². Верховный Совет СССР занял ясную позицию — если прежде там преобладали сторонники программы Шаталина — Явлинского, то с этого времени там возобладала «союзная» точка зрения.

Изменение позиций союзных депутатов можно объяснить рядом причин. Политически — в Верховном Совете росло влияние депутатской группы «Союз» (ее формальная организация произошла несколько позже), реальным лидером которой был А. И. Лукьянов, Председатель Верховного Совета СССР. Эта группа все острее критиковала Горбачева за его неспособность противостоять дезинтеграционным процессам, происходившим в стране.

Другие причины, толкавшие часть союзных депутатов поддерживать «рыжковский вариант», были следствием экономической политики нового российского руководства. Россия выступала как донор для большинства союзных республик, и новая экономическая политика российских властей создавала угрозу вынужденного отказа от субвенций в экономику союзных республик.

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1261. Л. 1—4.

² Советская Россия. 1990. 25 сентября

Серьезную угрозу для экономики союзных республик представляли предложения российского руководства перейти в расчетах с союзными республиками на мировые цены за энергоносители. В этих условиях часть депутатского корпуса была заинтересована в сохранении прежних экономических отношений, что делало их союзниками прежде критиковавшегося Рыжкова.

В свою очередь, Верховный Совет РСФСР явно демонстрировал нежелание мириться с курсом союзного руководства. 25 сентября 1990 г. на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР было принято Постановление «О предоставлении Госбанку РСФСР права выдавать разрешение иностранным банкам на открытие представительств в РСФСР»¹.

Это Постановление было явно «на вырост», не имело практического значения и, скорее, стало еще одним шагом по пути усиливавшейся конфронтации между российскими и союзными властями.

На том же заседании Президиума Верховного Совета РСФСР 25 сентября 1990 г., которое вел Р. И. Хасбулатов, был заслушан доклад вице-преьера российского правительства Г. И. Фильшина «Об экономическом положении РСФСР».

Факты, которые он сообщал членам Президиума, были неутешительными. По его словам, впервые за всю историю России национальный доход (статистически) сократился на 2%, фактически — на 5—7%. Производство основных сырьевых экспортных товаров — газа, нефти, леса упало на 10%². При этом денежные средства у населения продолжали расти. Общий объем денежных средств у населения СССР составил 600 млрд. рублей, в том числе 340—350 в России.

При этом национальный доход, розничный товароборот страны составляли только 450—460 млрд. рублей в год. «Невостребованные» деньги, не обеспеченные товарами, создавали условия для роста инфляции в стране. Удельный вес товаров народного потребления в структуре произведенной продукции составлял только 20%. Аналогов в мире нет, констатировал Фильшин.

Основные производственные фонды устарели. По подсчетам Фильшина, они соответствовали мировому уровню: в горнодобывающей промышленности — 4—6% оборудования, в перерабатывающей — от 6 до 8%.

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1262. Л. 4.

² Там же. Л. 3.

Вывод Фильшина: в ближайшее время нас ждет сокращение объемов производства на 15—20%; в отношениях с союзными республиками необходимо переходить на мировые цены за энергоносители¹

Картину неблагополучия в экономике России существенно дополнил министр сельского хозяйства Г. В. Кулик. Он говорил о грядущей катастрофе на продовольственном рынке, о том, что в деревне не хватает горюче-смазочных материалов, что в 1990 г. неблагоприятная для уборки урожая погода, что из-за сокращения поставок с Кубы нет сахара, что вместо 64 тыс. тонн чая закуплено только 24. К этому добавились проблемы с экспортом продовольствия.

Особенно неблагоприятно складывалось положение со снабжением продовольствием крупных городов. Например, в Свердловске муки осталось на 5 дней, в Свердловск Мордовия не поставила за 24 дня ни одной тонны мяса. На 1991 г. заключили только 7% договоров. Начинается продовольственная паника. Так, Москва в обычные годы закупала 5 млн. яиц в день. Сейчас Лужков просит 12. Каждый день в столицу поступало их 6,7 млн. Но яиц на прилавках Москвы нет! Пропали растительное масло, маргарин, майонез².

Новый, только что назначенный вице-премьер по промышленности Ю. Скоков сетовал на то, что процесс акционирования, осуществляемый руководителями союзных ведомств, «министерская приватизация», по существу, выводит промышленность из-под российского контроля. Для примера Скоков рассказал о взаимоотношениях с министром черной металлургии Колпаковым:

«Мы к нему со своим суверенитетом, а он говорит: извини, но я еще в прошлом году стал владельцем этой собственности и правопреемником государственной собственности. Колпаков стал Круппом. Теперь он создает 10—15 концернов, оставляет маленькую структуру управления. Это президентское правление в сталелитейном комплексе»³.

Те отрасли России, которые создавали Союзу валюту, тоже имеют крайне низкую отдачу именно для России. Якуталмаз, Якутзолото жалуются, что 58—60% валовой выручки «Союз забирает себе. Нам оставляет 12—14%»⁴.

В этих условиях российский Совмин при поддержке Верховного Совета пошел на первые самостоятельные экономические

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1263. Л. 3—6.

² Там же. Л. 36—38.

³ Там же. Л. 44.

⁴ Там же.

шаги. Так, были значительно подняты закупочные цены на мясо, и животноводческая продукция с Украины и из Прибалтики пошла в Россию, в результате чего несколько улучшилось положение в этом секторе рынка. Шаг, целесообразный сам по себе, имел определенное знаковое значение. Россия начала делать шаги по проведению самостоятельной, отдельной от других республик, экономической политики. Следует отметить и то, что в связи с этим наметился первый разлад в реформаторской команде Совмина России. Резко против повышения закупочных цен выступил Явлинский — именно потому, что эта мера выводила Россию за пределы единой союзной экономической политики. Для большинства Совмина важнее было другое — обеспечить продовольствием граждан республики.

И. С. Силаев объявил о повышении закупочных цен на российскую нефть — 120 рублей за тонну против 25 рублей до этого и 70 рублей, которые стояли в союзном прејскуранте на 1991 г.¹

Российское правительство фактически было готово к проведению самостоятельного экономического курса. Верховный Совет РСФСР 9 октября обратился к гражданам России с призывом поддержать программу «500 дней». В заявлении говорилось:

«Верховный Совет РСФСР 11 сентября 1990 года одобрил Программу стабилизации экономики и перехода к рынку — программу «500 дней». Это начало крутого поворота в жизни народа, это программа национального спасения.

В час, когда исчерпано терпение народа, когда иссякают надежды, а вера уступает место разочарованию, мы призываем вас к единению и готовности выстоять на переломном этапе истории.

Социально-экономическая система, которая десятки лет выдалась за социализм, за высшую ступень в развитии человечества, зашла в тупик. Страны с эффективно действующей экономикой идут иным путем. Они утверждают свое превосходство в производительности труда и в уровне жизни населения, используя универсальное достижение человеческого сообщества — рынок. Теперь и нам предстоит отказаться от того, что не выдержало исторического испытания...

Главная цель программы — экономика, работающая на человека. Ключевая задача в этом — вновь сделать работающей и уважаемой нашу валюту — рубль. Пора покончить с огромным дефицитом бюджета. Государство должно жить по средствам.

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. 577.

Инициатива и предприимчивость долгие годы не ценились. **Предпринимательство** станет одной из главных движущих сил нашего развития. В ходе экономической реформы «500 дней» может проявить себя каждый, что позволит накормить, одеть и обуть страну. Предстоит возродить деревню, воссоздать крепкого хозяина на селе.

Да, будет трудно. Но Российское государство обеспечит достаточную социальную защиту образованию, культуре, здравоохранению и тем, кто не может обеспечить себя: старикам, инвалидам, многодетным семьям, подрастающему поколению. ...Для этого необходима Ваша поддержка программы «500 дней»:

— 500 дней сосредоточенного, напряженного и спокойного труда;

— 500 дней строжайшей договорной дисциплины;

— 500 дней вне блокад, противостояний и забастовок;

— 500 дней гражданского, национального согласия и мира.

Вступая в рыночные отношения, мы связываем надежды с пониманием и доброй волей граждан России. Эту волю выразил Первый съезд народных депутатов РСФСР, приняв Декларацию о государственном суверенитете РСФСР.

Порыв народов России к свободе и достойной жизни понятен и близок другим республикам Союза. Мы надеемся, что этот порыв будет поддержан ими: в едином Союзе легче и быстрее выбраться из беды. Если этого не произойдет, Российская Федерация будет вынуждена с 1 ноября 1990 года начать экономическую реформу самостоятельно.

Пятьсот дней — это менее двух трудных лет. Пусть ни один из этих дней не будет потерян для экономического и духовного возрождения нашей Родины»¹.

В эти же дни — 8 и 9 октября 1990 г. — прошел Пленум ЦК КПСС. На повестке стоял вопрос «Задачи КПСС в связи с переводом экономики на рыночные отношения». Ход обсуждения на пленуме свидетельствовал: большинство его участников против перехода к рынку. Ленинградский секретарь обкома КПСС Б. Гидаспов прямо назвал ошибочным переход к рынку до заключения Союзного договора. Звучали многочисленные голоса в защиту коммуниста — Председателя Совета Министров. Речь шла скорее об ответственности Горбачева, рискнувшего поддержать на определенном этапе программу «500 дней», а не о переходе к рынку².

¹ Советская Россия. 1990. 10 октября.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 579—580.

12 октября 1990 г. вышел Указ Президента СССР «О мерах по охране неприкосновенности права собственности в СССР»¹, смыслом которого был категорический отказ в праве России на ее природные ресурсы, на участие в управлении союзной собственностью на территории РСФСР — словом, всего, что было в Декларации о государственном суверенитете.

На путях создания экономического суверенитета. 16 октября 1990 г. на сессии Верховного Совета РСФСР с большой, в полной мере программной речью выступил Председатель Верховного Совета РСФСР Ельцин. «В эти дни решается главный вопрос: сумеем ли мы осуществить то, ради чего стали депутатами, продолжить созидательную работу по возрождению России, — заявил он, — или смиримся с трудностями, с жестким противодействием со стороны Центра, оправдывая свою нерешительность неблагоприятной политической обстановкой».

Необходимо, призывал Ельцин депутатов, определить позиции и сделать выбор. «Вся работа Верховного Совета России определяется принятой съездом народных депутатов РСФСР «Декларацией о суверенитете». ...В своей работе мы придерживаемся убеждения, что наши действия не должны наносить ущерб другим республикам, народам СССР. Именно поэтому мы считаем важнейшим разработку и заключение двусторонних договоров с союзными республиками... Система договоров обеспечит не искусственное единство республик, навязанное извне, а поставит Союз на экономическую основу интересов каждой республики...

Самый крупный результат нашей работы — создание в кратчайшие сроки программы радикальной экономической реформы. Инициатива по ее разработке принадлежит России. ...Но ситуация в республике не улучшается. Главная причина, — отметил Ельцин, — экономическая необеспеченность нашего суверенитета».

Характеризуя экономическое положение России, Ельцин указал, что в промышленности на предприятия союзного подчинения приходится 70% объема производства, 73% численности промышленно-производственного потенциала, 87% основных промышленно-производственных фондов. Россия получает чрезвычайно мало от ежегодного экспорта российских предприятий — от 40 млрд. долларов. В бюджет России не производятся отчисления от валютной выручки по поставкам основной экспортной продукции (нефть, газ, нефтьпродукты и т. д.).

¹ Советская Россия. 1990. 13 октября.

Ельцин обвинил союзные ведомства в «откровенном саботаже» в вопросах разграничения союзной и республиканской собственности. «Центральные органы стремятся любой ценой сохранить власть над материально-техническими ресурсами и производством, чтобы продолжать распоряжаться ими. Корпоративный интерес чиновников оказывается выше интересов России. ...Сегодня очевидно, что главные усилия Центра направлены на то, чтобы не допустить укрепление экономической основы нашего суверенитета».

По словам Ельцина, Верховный Совет РСФСР, высказавшийся за отставку союзного правительства, выразил свое отношение к его программе, оценил деятельность кабинета Н. И. Рыжкова за предыдущие 5 лет, возложив на него ответственность за катастрофическое положение в экономике.

Ельцин, резко раскритиковав действия Рыжкова, занял гораздо более осторожную позицию по отношению к Горбачеву. «Заявляю, что по принципиальным вопросам мы с Президентом идем в одном направлении, но привержены разным темпам движения вперед, разным методам. Расходимся преимущественно по тактическим вопросам. Поэтому мы оба — и Горбачев, и я — открыты к диалогу. События последнего времени показали, что, когда такой диалог становится реальностью, от этого сразу выигрывает дело. Но очевидно, это не всем по вкусу. ...Хочу повторить, что готов к конструктивному диалогу, но не в ущерб интересам народов России».

Председатель Верховного Совета РСФСР описал ситуацию с программой «500 дней». Он напомнил, что Президент СССР поддержал создание этой программы. «Во время нашей беседы, — сказал Ельцин, — Президент сказал, что будет поддерживать только эту программу.

Реально было начать отсчет с 1 октября, мы к этому были готовы. Но тонущее союзное правительство нажало на Президента, и он в очередной раз меняет свое решение. Появляется программа с поправками академика А. Г. Аганбегяна. Можно было бы с некоторыми поправками и ее принять. Но Н. И. Рыжкова она не устраивает. Опять нажим. И вот появляется реферат еще одной союзной программы, как программы Президента, где сделана попытка механически объединить программы группы Шаталина и правительства. Делается очередная попытка сохранить ставшую ненавистной народу систему, одновременно, еще до решения этого вопроса Верховным Советом СССР издаются указы Президента, на-

правленные, по существу, на реализацию программы правительства Н. Рыжкова — правительства, которое завело страну в тупик, а сейчас ведет к хаосу».

Раскритиковав экономические аспекты правительственной программы, в частности, то, что в ней был заложен дефицит бюджета в сумме около 40 млрд. рублей, хотя ожидался дефицит, близкий к 300 млрд., Ельцин обвинил авторов в преднамеренном обмане народа.

«Что же делать? — спрашивал Ельцин у Верховного Совета. — Какую позицию занять России в этих условиях?»

Обреченная на провал «Программа Президента СССР», видимо, будет одобрена парламентом страны. В любом случае она фактически уже осуществляется. Руководство республики может выбрать в этих условиях один из трех вариантов своих действий...

Первый вариант. Россия объявляет о неучастии в исполнении Программы Президента. Делит бюджет, собственность и все структуры. Осуществляет свою Программу «500 дней» независимо. В этом случае придется вводить свою валюту, устанавливать таможи на всех границах республики, организовать независимую банковскую систему и внешнеэкономическую деятельность, делить армию и вооружения...

Второй вариант. В его основе — реальная коалиция. Новый кабинет министров (исполнительные союзные структуры) должны формироваться на паритетных началах. Часть кандидатур предлагает Президент, часть — мы, сторонники радикальных реформ. Этот вариант позволит изменить безнадежно устаревшую структуру союзного правительства, станут ненужными часть министерств. Деятельность Центра будет более эффективной, способной осуществить радикальную экономическую реформу с учетом сложившихся реальностей (суверенитет республик, новая роль Центра и т. д.).

И, наконец, третий вариант. Если Союзным парламентом принимается сегодняшняя бесперспективная Программа, то потребуются не более полугодия для того, чтобы убедиться в очередной ошибке избранного пути. Мы все равно будем вновь и вновь предлагать экономические шаги для всего Союза.

...Какова бы ни была позиция Верховного Совета, Правительства СССР, Россия начнет радикальную экономическую реформу в 1990 году, и пусть не говорят, что это амбиции. Если еще тянуть и откладывать — нечего будет реформировать — экономика просто развалится».

В отношениях с союзным центром Ельцин призвал «каждый Указ, Закон Верховного Совета СССР ратифицировать Верховным Советом России, а каждое постановление Совмина СССР — Президиумом Совета Министров РСФСР».

Главной задачей социальной политики на время реформ должно стать, по словам Ельцина, удержание падения уровня жизни населения. Ельцин предупреждал, что «в самом тяжелом положении окажутся малообеспеченные слои общества — пенсионеры (несмотря на повышение пенсий), инвалиды, многодетные семьи и т. д. Живущим за чертой бедности будет оказана специальная помощь. Необходимо также разработать комплекс мер по фактической помощи им; от целенаправленного распределения продуктов, товаров, дешевых лекарств до непосредственного ухода за этими людьми».

Реформы неизбежно должны привести к безработице и связанным с ней проблемам.

«Иначе говоря, когда будет абсолютно ясно, что провалится очередная предлагаемая программа, Российская Федерация должна быть готова к реализации своей Программы стабилизации экономики и перехода к рынку, может быть, уже не «500 дней», а столько, сколько нам даст наш народ», — заключил Ельцин¹.

Итак, на повестку дня был поставлен «третий вариант» осуществления реформы, на практике мало чем отличавшийся от первого. Главное, что его осуществление могло происходить отдельно от союзной экономической политики. Из реформы «500 дней» уходило ее «союзное» содержание.

Следом за этим в отставку подал Г. А. Явлинский. В письме, адресованном депутатам Верховного Совета РСФСР, он так объяснял свой шаг: «Я пришел в Совет Министров России три месяца назад с концепцией экономической реформы (500 дней). На этой основе за полтора месяца была создана Программа. Ее поддержали многие ученые, представители ряда рабочих движений, совещание руководителей предприятий, зарубежные эксперты, республики, Председатель Верховного Совета РСФСР, Президент СССР, и, наконец, Верховный Совет РСФСР.

Однако за этим потянулись бесконечные обсуждения в Верховном Совете СССР, различные «слияния и разливания» программ. За эти полтора месяца явочным порядком фактически развернулась реализация программы Правительства СССР. Я с ней не согласен, она приведет к сильному углублению кризиса.

¹ Советская Россия. 1990. 13 октября.

Но и выполнение программы «Переход к рынку» уже невозможно, хотя она и не начиналась». Невозможность ее осуществления Явлинский объяснял тем, что:

«1. Программа одобрена как союзная. Необходимость именно такой концепции диктовалась стремлением учесть исторические традиции, многовековой опыт, объективные экономические законы и избежать чрезвычайно тяжелых социальных последствий изоляционистского пути.

Ожидание договоренности между республиками о единой экономической политике выхода из кризиса превысило все разумные сроки — утрачивается вера в умение центра принять и реализовать такое решение. Хуже всего — возникли трения между республиками, грозящие перерасти в конфликты.

Взаимопонимание, действительно достигнутое в августе, исчезает...

2. Политические условия. Экономическая реформа такой глубины и масштаба могла быть осуществлена только при условии достаточно сильной власти и поддержки народа. Это могло быть обеспечено в конкретно сложившейся ситуации честным политическим союзом М. Горбачева и Б. Ельцина. ...Такой шаг был практически сделан, получил общественную поддержку, понимание республик. Подавляющее число первых руководителей республик поддержало программу. Некоторые республики приняли программу на Верховных Советах. В последнее время эта абсолютно необходимая конструкция заколебалась и уже не является надежной основой, на которую можно уверенно полагаться в столь серьезной работе.

3. Организационные условия. Непременным условием реализации такой программы должны были стать коренные изменения в организационной структуре управления экономикой — учреждение Межреспубликанского экономического комитета, располагающего доверием всех республик, вошедших в экономический союз. Перераспределение экономической власти и полномочий от центра к республикам, наделение их действительными возможностями организовывать в широком смысле производство и управлять экономикой республик, безусловно, повысило бы управляемость народного хозяйства. ... И, наконец, обязательным было требование кадрового обновления высшего эшелона экономической власти страны на основе компетентности, профессионализма и личной порядочности. Для начала программы было достаточно 7—10 человек для ключевых экономических постов.

Все это не сделано и уже абсолютно ясно, что так, как нужно, сделано не будет. ...И это условие осталось на бумаге».

Изменились в худшую сторону и экономические условия для проведения реформы. По мнению Явлинского, страна стоит на грани инфляции, а повышение закупочных цен, проведенное и в РСФСР, и в рамках всего Союза, только подтолкнуло экономику в этом направлении¹.

Резкое по тону и по своей конфронтационной логике выступление Ельцина, как ни удивительно, облегчило позицию Горбачева. 19 октября, выступая на сессии ВС СССР «Об основных направлениях по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике», он смог получить почти полную поддержку союзной программы у депутатов СССР².

25 октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР выступил со специальным обращением к Верховному Совету СССР, Верховным Советам союзных республик, Президенту СССР. «Учитывая сложившуюся в стране сложную обстановку и исходя из стремления создать реальные условия для обеспечения процесса стабилизации экономики и перехода к рынку, проведения радикальных структурных преобразований в системе управления, эффективной социальной защиты интересов граждан, Верховный Совет РСФСР обращается к Вам с предложениями:

Параллельно с разработкой и реализацией программ перехода к рынку и законодательных актов, обеспечивающих эти программы, незамедлительно начать прямые переговоры представительных делегаций республик и Союза ССР для решения вопросов разграничения компетенции союзных и республиканских органов власти и управления, разграничения собственности, координации действия законов и других нормативных актов, выработки и осуществления антикризисных мер, защиты прав граждан.

Принять меры по безотлагательному формированию на основе консультаций между союзными республиками Межреспубликанского экономического комитета, наделенного широкими полномочиями органа, который мог бы стать основой правительства народного и национального доверия.

Начать прямые переговоры между союзными республиками с целью заключения двусторонних и многосторонних соглашений по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

¹ Советская Россия. 1990. 13 октября.

² Там же.

В этот трудный для наших государств и народов период Верховный Совет РСФСР надеется на взаимопонимание и твердую волю в отстаивании интересов сограждан¹.

Однако восстановить уровень отношений, существовавших прежде, в июле — августе, уже не удалось. Экономические концепции союзного и российского руководства все дальше уходили друг от друга.

Причинами провала возможного компромисса, на наш взгляд, стали:

- концептуальные противоречия именно в политической сфере. Экономические факторы при всей их важности в данном случае имели явно второстепенное значение;

- расхождения Горбачева и Ельцина в главном вопросе — нужен ли политический центр как источник осуществления экономической реформы. Для Горбачева — это неременное условие, и логика его дальнейшего политического поведения лишь подтвердила это. Для Ельцина (да и для глав других союзных республик) союзный центр — скорее диспетчер реформ, а не их источник;

- то обстоятельство, что критика неэффективного правительства Рыжкова обладала способностью перерасти в критику других союзных структур — от ЦК КПСС до Верховного Совета СССР. Поэтому нападки на правительство Рыжкова извне — а именно так и воспринималось российское руководство — лишь сплывали союзные ведомства против их критиков;

- приобретший важнейшее значение вопрос о ресурсах, находящихся на территории России. Для России, в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете, это часть ее собственности; для союзного центра — это несомненная союзная собственность, основной источник ресурсов для всего Союза. Здесь интересы союзных ведомств совпадали с интересами большей части союзных республик, кроме России, разумеется.

Главным же результатом провала компромисса, как уже отмечалось выше, стало то, что экономическая политика России пошла своим путем, отличным от политики Союза.

В РСФСР стали приниматься решения явно рыночного характера — о создании зон свободного предпринимательства; в ходе подготовки ко Второму съезду народных депутатов активно стали обсуждаться вопросы о возможности торговли землей, о развитии

¹ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1990. № 25.

крестьянских, фермерских хозяйств, о мерах по обеспечению государственного управления народным хозяйством РСФСР при переходе к рыночной экономике, о мерах по защите потребительского рынка на территории РСФСР.

Началась реализация некоторых важнейших положений, предусмотренных программой Явлинского. Состоялись переговоры и были подписаны договоры России с Украиной, Казахстаном и Белоруссией, были приняты важные для экономической жизни Законы РСФСР «О Центральном банке РСФСР (Банке России)», «О банках и банковской деятельности в РСФСР»¹, «О предприятиях и предпринимательской деятельности», «О собственности в РСФСР»², началась корректировка союзного законодательства органами законодательной власти России в сфере регулирования экономической деятельности (см. Законы РСФСР «О порядке применения на территории РСФСР в 1991 году Закона СССР «О налогах с предприятий, объединений и организаций», «О порядке применения на территории РСФСР в 1991 году Закона СССР «О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства»³.

Концепции, заложенные в Декларацию о государственном суверенитете России, легли в основу Постановления Второго съезда народных депутатов РСФСР «Об итогах обмена мнениями о принципах заключения Союзного договора», где устанавливалось, что «съезд народных депутатов РСФСР, выражая волю народов Российской Федерации и руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, постановляет:

1. Подтвердить решимость РСФСР быть полноправным субъектом обновленного Союза ССР на основе нового Союзного договора...

2. Принять участие в разработке проекта нового Союзного договора на основе Постановления Первого съезда народных депутатов РСФСР «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основа нового Союзного договора)» и с учетом предложений республик, автономных областей и округов, краев, областей РСФСР, а также проекта Союзного договора, предложенного Верховным Советом СССР.

...При этом комиссия должна исходить из положений Декларации о государственном суверенитете РСФСР, обеспечивающих

¹ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1990. № 27.

² Там же. № 30.

³ Там же. № 29.

политические, экономические и правовые гарантии суверенитета РСФСР:

полноту власти РСФСР при решении всех вопросов... общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР;

верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории. Разногласия между Республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором;

исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России;

полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах...»¹

Верховный Совет РСФСР принял и ввел в действие с 1 января 1991 г. Закон «О собственности в РСФСР», который существенно изменял основы социальных отношений в России, так как легализовал частную собственность. Сфера ее действия не ограничивалась ни размерами, ни отраслями. Закон признавал право частной собственности на землю, капитал и средства производства, разрешал создавать частные промышленные предприятия, предприниматель получал право привлекать любое количество наемных работников.

Критики этих законов в ЦК КПСС писали: «...новое российское законодательство направлено на решение двух главных задач: во-первых, на овладение всем производственным потенциалом, находящимся на территории республики, изъятие его из ведения Союза ССР; во-вторых, осуществление необратимого переворота в общественных отношениях посредством неограниченного развития частнокапиталистической собственности».

Совет Министров РСФСР утвердил 22 января 1991 г. положение о процедуре перехода предприятий из союзного подчинения в юрисдикцию органов государственного управления республики. «При отказе министерства, ведомства СССР, объединения, концерна и других организаций СССР передать предприятие в юрисдикцию органов государственного управления РСФСР, — говорилось в положении, — окончательное решение принимает Государственный комитет РСФСР по управлению государственным имуществом и уведомляет об этом соответствующие органы».

¹ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1990. № 28.

Для союзных предприятий, переходивших в российскую юрисдикцию, были снижены ставки с налога на прибыль с 45 до 38%.

Среди предприятий, решивших к марту 1991 г. перейти в ведение России, были Новгородское производственное объединение «Азот» Государственной ассоциации «Агрохим», Ленинградское производственное объединение подъемно-транспортного оборудования Минтяжмаша СССР, 15 предприятий и 3 научно-исследовательских института Минхимнефтепрома СССР, занимающиеся производством химических волокон на территории РСФСР, Тульское ПО «Октава», НИИ материаловедения с заводом ЭЛМА (г. Зеленоград) с объемом производства 330 млн. рублей, Верхнесалдинское металлургическое производственное объединение им. В. И. Ленина (монополист по титановому прокату), Калининградский судостроительный завод «Янтарь» (Минсудпрома СССР). Было принято решение Совета Министров РСФСР о переводе из союзного подчинения в республиканское предприятий лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, 40 предприятий цементной промышленности объединились в Российский государственно-акционерный концерн «Цемент», вышедший из Государственной ассоциации «Союзстройматериалы».

Велись переговоры Совмина РСФСР с «АвтоЗИЛ», «АВТОВА-Зом», «АЗЛК», Норильским и Череповецким металлургическими комбинатами, с Уралмашем, крупными объединениями нефтяной и газовой промышленности.

ЦК КПСС призывал издать Указ Президента СССР об отмене пункта 3 постановления Верховного Совета РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О введении в действие Закона РСФСР «О собственности в РСФСР» о том, что с 1 января 1991 г. Закон СССР «О собственности в СССР» на территории РСФСР не применяется, и пункта 2 постановления Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1990 г. «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»» в части, предусматривающей отмену на территории РСФСР действия Закона СССР «О предприятиях в СССР», в том числе в отношении предприятий союзного подчинения; рассмотреть на Совете Федерации вопрос о союзной собственности в направлении приостановления процесса передачи союзной собственности в республиканскую впредь до заключения Союзного договора и разграничения полномочий Союза ССР и республик¹.

¹ Постановление Секретариата ЦК КПСС № Ст-21/3г от 29.03.91 г. «О социально-экономических последствиях законодательной деятельности по вопросам собственности и приватизации в РСФСР».

Важнейшее значение не только для России, но и для всего СССР приобрел Закон РСФСР «О Государственной бюджетной системе РСФСР в 1991 году»¹. Позиция, которую заняли съезды народных депутатов РСФСР, Верховный Совет и Правительство РСФСР, взорвала бюджетные отношения, десятилетиями складывавшиеся в СССР. Пр процитируем статью одного из руководителей бюджетного комитета Верховного Совета СССР А. Орлова, решительного противника российской позиции: «Впервые за 70 лет в стране к началу нового года не был принят бюджет государства в целом и республик, кроме России. Именно ее особая позиция оказалась причиной этого. Вопреки принятой Верховным Советом РСФСР программе «500 дней», где указывалось на целесообразность сохранения на 1991 год союзного Закона о налогах с предприятий, объединений и организаций и формирования двухканального бюджета, этот же законодательный орган отменил на своей территории вышеуказанный союзный закон». (Заметим, что автор полностью игнорирует тот факт, что именно Верховный Совет СССР, членом которого он состоял, и «зарезал» программу «500 дней»!)

А. Орлов возмущался, что законодательными актами России «незаконно объявлены собственностью РСФСР расположенные на ее территории объекты государственной собственности, включая имущество государственных предприятий, учреждений, организаций союзного подчинения», что руководство Российской Федерации объявило о зачислении в свой бюджет денежных доходов (около 119 млрд. рублей), которые союзный центр считал своими и предполагал направить в доход на общесоюзные цели и программы.

Особенное возмущение А. Орлова вызывало то, что в бюджет РСФСР было предусмотрено полностью зачислять налог с оборота (по проекту союзного бюджета республикам передавалось 70% налога с оборота, реализуемого на территории республики, а 30 направлялось в союзный бюджет), что власти РСФСР решили изъять из ведения Союза ССР внешнеэкономические операции, что означало потерю союзным бюджетом доходов в сумме 38,8 млрд. рублей.

Российский парламент выделял на все союзные программы всего 23,4 млрд. рублей вместо 132 млрд. рублей, на которые претендовали союзные власти².

¹ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1990. № 30.

² Орлов А. Не надо сжигать алмазы, чтобы испечь яблоко // Народный депутат. 1991. № 3. С. 45—49.

Острая критика союзными ведомствами экономической политики российского правительства, как ни парадоксально, свидетельствует об эффективности этой политики.

Подводя итоги этого раздела, отметим следующее:

— правительство Российской Федерации работало и юридически, и фактически под контролем законодательной власти РСФСР — съездов и Верховного Совета РСФСР;

— в экономической политике России рассматриваемого периода можно выделить два важнейших этапа: первый — это попытка соединить экономические принципы, проистекавшие из Декларации о государственном суверенитете, с осуществлением единой для всего СССР программы «500 дней»; второй — реализация программы перехода к рыночной экономике в масштабах только России, при условии острого конфликта с союзными ведомствами;

— причина провала компромисса между высшими органами власти СССР и России лежит, по нашему мнению, не в экономической, а в политической плоскости. Принципиальные различия в понимании роли союзного центра, существовавшие в руководстве СССР и РСФСР, предопределили провал этой программы, причем ответственность лежит в равной степени на каждой из сторон;

— относительно самостоятельный период развития российской экономической стратегии перехода к рынку, в полной мере определившийся с октября 1990 г., ознаменовался подготовкой основательной законодательной базы, созданной для принципиально новых условий хозяйствования, а также появлением управленческих структур, ориентированных на деятельность в условиях рыночной экономики. В этом смысле он оказался плодотворным и во многом подготовил республику к действиям в качественно новых условиях, определившихся осенью 1991 г.

Очерк 5

ГОРБАЧЕВ: ПОИСКИ ПУТЕЙ СОХРАНЕНИЯ СССР

Новые изменения команды Горбачева. Курс — на укрепление позиций Президента СССР. — Признаки надвигавшегося дефолта. Проблемы «фирм друзей». — Партийная приватизация. — Войска на улицах. Вильнюс. — Подготовка референдума о сохранении СССР. — Восстание заместителей. — Как не приняли новую Конституцию России. — Дорога в Ново-Огарево. — Выборы Президента России.

Новые изменения команды Горбачева. Курс — на укрепление позиций Президента СССР. Политическим итогом разрыва союза Горбачева и Ельцина стала невозможность совместных действий республик и союзного центра. Экономическая цепь уже не могла связать разваливавшийся Советский Союз. На первый план все явственнее стали выходить политические факторы сохранения СССР. На место экономики как объединительного фактора все явственнее становится надежда на силу. Горбачев не скрывал своего нового понимания исторического развития СССР от своих западных партнеров. 9 ноября в Бонне он говорил канцлеру Германии Г. Колю: «Сейчас мы уже получаем ясные сигналы, что советские люди хотят стабилизации и консолидации. Они за демократию, но одновременно за порядок и дисциплину и категорически против сепаратизма и национализма... (Выделено мной. — Р. П.) В обществе крепнет настрой на быстрое заключение нового Союзного договора... Националисты чувствуют, что их время уходит... Главы правительств всех трех республик Прибалтики сидят или в Совете Министров СССР у Рыжкова, или в Госплане у Маслюкова и работают над получением для своих республик всего, что необходимо для реального ведения хозяйства в 1992 г. ... Можно кричать об отделении, но куда денешься, если отделишься?»

19 ноября в Париже, во время Общеευропейского совещания, Горбачев заявил президенту США Д. Бушу: «Люди хотят более решительных, даже жестких мер, не дожидаясь нового Союзного договора и других решений... Мы будем двигаться в том же направлении, что и прежде, но осуществим серьезные организационные изменения. *По существу, речь идет о президентском правлении, президентской системе, при которой исполнительная власть будет непосредственно подчиняться президенту* (выделено мной. — Р. П.)»¹.

Между этими двумя заявлениями, которые разделяет всего-то десять дней, произошли очень важные политические изменения.

Первые полгода президентского правления Горбачева убедили его в неэффективности ряда институтов власти. Став президентом с поста Генерального секретаря ЦК КПСС, он некоторое время обходился аппаратом ЦК КПСС как инструментом политической власти. Однако стало уже хрестоматийной истиной нелюбовь, недоверие и неуважение Горбачева к этому аппарату, сотрудников которого он неоднократно сокращал, перестраивал. Не лучше ситуация складывалась и с местным партаппаратом, который традиционно воспринимался как опора Генерального секретаря.

Одним из первых президентских институтов стал Президентский совет. В его состав вошли некоторые министры — Н. Рыжков (Председатель Совета Министров СССР), В. Бакатин (министр внутренних дел СССР), В. Крючков (председатель КГБ СССР), А. Маслюков (председатель Госплана СССР), Э. Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР), Д. Язов (министр обороны СССР), Н. Губенко (министр культуры СССР), ряд деятелей, прежде входивших в высшее руководство КПСС, — А. Яковлев, Е. Примаков, Г. Ревенко, В. Болдин, В. Медведев, наконец — ученые, депутаты, писатели — академики С. Шаталин, Ю. Осипьян, писатели Ч. Айтматов и В. Распутин, депутаты В. Ярин и Коулс².

Несмотря на наличие большого числа представителей так называемых «силовых» ведомств, в Президентском совете была заметна группа сторонников реформ. Среди них, конечно, следует отметить С. Шаталина, боровшегося за осуществление реформы «500 дней», А. Яковлева, разделявшего эти взгляды, были и люди, заинтересованные в поиске компромиссов с новым российским руководством (Е. Примаков, А. Яковлев, В. Медведев). Политическая неоднородность состава Президентского совета решитель-

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 386.

² Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 373; Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 165—166.

но отличала его от прежнего Политбюро ЦК КПСС, с которым было принято отождествлять этот орган, отождествлять, кстати, совсем не основательно, так как в Политбюро единогласие было заведомо предопределено, в отличие от Президентского совета, раздираемого противоречиями.

Не мог устраивать Горбачева и Совет Министров СССР во главе с Рыжковым. Чем дальше, тем больше Николай Иванович Рыжков вел свою самостоятельную политическую игру, прямо перечил указаниям Горбачева. Но было и другое — правительство Рыжкова теряло авторитет в стране, даже в близком к его взглядам Верховном Совете СССР. Правительство обвиняли в неэффективности. Самоубийственно звучали причитания Рыжкова, что он никого не может вызвать, что никто не торопится выполнять его указания. Правительство Рыжкова становилось недееспособным, а следовательно — и ненужным. «Завал» Рыжковым программы «500 дней» стал его пирровой победой.

Требовались другие механизмы президентской власти.

14 ноября 1990 г. в Кремле открылась очередная сессия Верховного Совета СССР. Тон на ней задавала депутатская группа «Союз». Депутаты потребовали отчета Председателя Совета Министров и Президента СССР. Деятельность и президента, и правительства была подвергнута резкой критике. Раздавались требования отправить правительство Рыжкова в отставку. 16 ноября перед депутатами выступил Горбачев. Выступление оказалось откровенно неудачным. Атака депутатской группы «Союз» была поддержана крайне правыми, стремительно нарастал кризис власти. В тот же день в Кремле собралось Политбюро¹.

Правильнее, впрочем, было бы назвать это совещание совместным заседанием Политбюро и Президентского совета. Участники совещания в полной мере отдавали себе отчет в опасности создавшейся ситуации. В. Фалин, заведующий Международным отделом ЦК, говорил, обращаясь к участникам заседания, что у всех выступавших на сессии Верховного Совета звучало требование, «что следует укрепить президентскую структуру, чтобы была очевидна эффективность этой формы правления»². Фалин прямо рекомендовал Горбачеву использовать автономии против позиций союзных республик. «Ваш резерв, Михаил Сергеевич, — автономии»³. П. Лучинский, секретарь ЦК КПСС, настаивал на сроч-

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 30.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 6.

ном заключении экономического соглашения между республиками. По его мнению, Союзный договор в создавшейся ситуации нереален, достаточно было бы подписать следом за экономическим соглашением политическую декларацию. Он же высказался за проведение референдума о сохранении СССР.

П. Лучинский, С. Гуренко, Н. Назарбаев, И. Полозков критиковали Президентский совет, нападали на А. Яковлева, утверждали, что существование Президентского совета ослабляет позиции Политбюро. А. Дзасохов, председатель комитета по международным делам Верховного Совета СССР, говорил о том, что президент должен лично возглавить будущий Кабинет министров. Он же вносил предложение о том, чтобы Совет Федерации — одна из двух палат Верховного Совета, в которой были представлены республики СССР, — стал постоянным партнером Президента СССР, разделял вместе с ним ответственность за политические решения. Он же полагал, что необходимо добиться постановления Верховного Совета СССР о приостановлении на полгода митингов, демонстраций и, как он выразился, конфронтации¹. Дзасохов и секретарь ЦК О. Шенин настаивали на том, чтобы с декабря в стране было введено президентское правление². На ужесточении внутренней политики настаивал секретарь ЦК КПСС О. Бакланов.

Секретарь Московского горкома КПСС Ю. Прокофьев, по существу, потребовал от Горбачева ликвидировать Президентский совет и создать вместо Совета Министров СССР — Кабинет министров. Он же заявил о необходимости принятия чрезвычайных мер полицейского характера для улучшения снабжения населения продовольствием, так как, по его словам, продукты уходят на «черный рынок».

Горбачев согласился со всеми предложениями московского секретаря. Он заявил, что намерен ликвидировать Президентский совет. «Президентский совет уже не вписывается». Горбачев был согласен и с тем, что «для стабильного продовольственного снабжения требуются чрезвычайные усилия»³.

Первый секретарь Ленинградского обкома Б. Гидаслов подверг резкой критике правоохранительные органы — МВД, КГБ, прокуратуру. Он напрямую стал критиковать Бакатина — министра внутренних дел и Крючкова — председателя КГБ. Однако посто-

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 30. Л. 5.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 15—16

инная угроза, по его мнению, исходила от отвратительного продовольственного снабжения¹.

Президент Казахстана Н. Назарбаев предложил, чтобы Горбачев уже на следующий день — 17 ноября — выступил с программой реорганизации системы власти, укрепления президентских структур, с обещанием отправить в отставку Рыжкова.

С крайне левых позиций выступил руководитель компартии РСФСР И. Полозков. Он требовал наведения порядка военными методами, заявлял, что надо запретить кооперацию, что существует опасность гражданской войны².

В итоге была выработана позиция: укрепить президентскую вертикаль, реорганизовать правительство, отправить в отставку Президентский совет, не форсировать подготовку Союзного договора, быть готовыми к чрезвычайным мерам в стране.

17 ноября Горбачев вышел на трибуну Верховного Совета СССР и объявил свою программу реорганизации власти — свои «8 пунктов», как их назвала пресса.

Президент заявил, что Совет Министров преобразовывается в Кабинет министров, которым будет управлять он сам. Понятно, что это предполагало неизбежную отставку Рыжкова на ближайшем съезде народных депутатов СССР³. Вскоре был ликвидирован Президентский совет, вызывавший острую критику. Вместо него был создан Совет безопасности. Планируемое укрепление президентской власти и возможность сохранения СССР силовыми методами поддержала группа «Союз», днем раньше нападавшая на Горбачева.

17 декабря 1990 г. открылся очередной, Шестой съезд народных депутатов СССР. Начало его работы ознаменовалось резким выступлением С. Умалатовой из Чечено-Ингушетии, которая была включена в «партийную сотню» депутатов от КПСС. Она обвинила Горбачева в развале СССР и настояла, чтобы первым вопросом повестки дня был поставлен «вотум недоверия» Горбачеву. Около 400 депутатов проголосовало за отставку. Однако большинство — и среди них Ельцин, Попов и ряд их сторонников — проголосовали против отставки Президента СССР.

Главной сенсацией съезда стало неожиданное выступление министра иностранных дел Э. Шеварднадзе, который в эмоцио-

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 30. Л. 20.

² Там же. Л. 26—27.

³ Н. И. Рыжков не дождался формальной отставки — приступ инфаркта отправил его на больничную койку, а оттуда — на пенсию. Председателем Кабинета министров был назначен В. С. Павлов.

нальной, часто сумбурной форме потребовал своей отставки, предупреждая страну и мир, что в СССР грядет диктатура. О причинах демарша Шеварднадзе писалось много. По нашему мнению, с некоторых пор отношения между Горбачевым и ним омрачались нараставшим недоверием Горбачева, которому не нравилось, что «его» министр иностранных дел превращался в фигуру международного уровня, что он приобретал собственный, незаемный авторитет во внешней политике. К этому, несомненно, примешивались изменения во внутренней политике страны, когда за «усилением президентской вертикали» многие — кто с радостью, а кто со страхом — ожидали возможного установления диктатуры.

Долго и трудно решался вопрос о вице-президенте СССР. Среди возможных кандидатур называли Э. Шеварднадзе, Е. Примакова, но Горбачев настоял на кандидатуре Г. Янаева. Янаев, прежде комсомольский и профсоюзный деятель, «никакая» политическая величина, плоско и пошло шутивший во время обсуждения его кандидатуры, смог быть избранным только в результате постоянного давления Горбачева. Горбачев надеялся получить в его лице безропотного исполнителя. Время показало, что Горбачев просчитался.

В связи с ликвидацией Президентского совета был создан новый, уже конституционный орган — Совет безопасности. В него вошли В. Бакатин, новый министр иностранных дел А. Бессмертных, В. Крючков, В. Павлов, ставший с 11 января премьер-министром, Б. Пуго, вскоре назначенный министром внутренних дел, академик Е. Примаков, Д. Язов, Г. Янаев.

Прежние либеральные соратники Горбачева — А. Яковлев, В. Медведев, С. Шаталин — оказались «за бортом» этого органа.

Признаки надвигающегося дефолта. Проблемы «фирм друзей». В запале политических схваток экономические проблемы все время уходили «на второй план» общественного сознания. И не то что о них забывали или игнорировали. Проигнорировать экономические трудности невозможно. Но глубина этих проблем не осознавалась. Отрезвление происходило тогда, когда советская экономика контактировала с экономикой западной. Специфический, абсолютно советско-коммунистический вариант контактов с экономикой Запада состоял в финансировании из СССР «фирм друзей» — предприятий, через которые осуществлялось скрытое финансирование коммунистических партий в разных странах мира.

В конце 1980-х гг. порядок оплаты капиталистическо-коммунистических «братьев по классу» начал давать сбои. Секретарь ЦК КПСС В. М. Фалин 12 октября 1990 г. обратился с тревожным пись-

мом на имя заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Ивашко. В письме, названном «О задолженности советских организаций фирмам друзей», сообщалось:

«С конца 1989 года фирмы друзей (Франция, Португалия, Греция, Кипр, Австрия, Швеция, Уругвай) сталкиваются с нарастающими трудностями из-за неуплаты советскими контрагентами денег за поставленные в нашу страну товары. Несколько раз по этой причине фирмы оказывались на грани банкротства, и только вмешательство М. С. Горбачева в ответ на прямое обращение в ЦК КПСС тт. А. Куньяла, Г. Плиссонье, Г. Христофиаса, Д. Зильбермайера, Х. Переса, руководства Компартии Греции и Рабочей партии — коммунисты Швеции позволяло на время разрядить критическую обстановку.

В последние недели особенно острый кризис с погашением нашего долга сложился у фирм друзей во Франции, Австрии и Швеции. В ЦК КПСС поступили прямые обращения руководства компартий этих стран (далее следовал длинный перечень писем из Вены, Парижа, Стокгольма. — *Р. П.*), в которых подчеркивается, что дальнейшая затяжка с погашением задолженности приведет в ближайшее время к банкротству компаний «Интерагра» (Франция), «Красус и К°» (Швеция) и «Виг Трюк продукт АБ» (Швеция), являющихся важными источниками финансирования партийных бюджетов.

На 10 октября 1990 года положение с нашей задолженностью фирмам друзей следующее.

Компартия Франции — компания «Интерагра» (поставляет в СССР зерно, масло, мясо и мясопродукты). К оплате ею предъявлены счета на 138 млн. долл., из которых 60—70 млн. долл. представляют собой просроченную задолженность. Вопрос докладывался 8 октября с. г. М. С. Горбачеву. «Внешэкономбанку» было дано указание принять срочные меры. По данным банка (Ю. С. Московский), 9 млн. долл. были переведены в Париж 11 октября с. г. и еще 1,5 млн. долл. будут переведены сегодня. Остальное имеется в виду погасить из французского кредита, переговоры по которому еще не начинались.

Рабочая партия — коммунисты Швеции — партийная типография «Виг Трюк продукт АБ» не может получить с «Внешторгиздата» платежи в размере около 3 млн. шведских крон (0,5 млн. долл.) Совпосол сообщает, что в случае дальнейшей задержки с погашением нашего долга банкротство типографии может наступить через 7—10 дней (т. е. 19—22 октября с. г.). В этом случае под угрозу будет поставлено издание печатного органа партии «Норшенсфламман».

Компартия Австрии — компания «Краус и К°» (поставляет товары широкого потребления). Просроченная задолженность превысила 30 млн. долл. и 31 млн. австрийских шиллингов (примерно 1 млн. долл.). По данным Торгпредства СССР в Австрии, оплата счетов «Краус и К°» была нами прекращена практически с начала текущего года.

Компартия Португалии — компании «Коммерсио интернационал», «Эспор»/«Эхосуа» (Испания)... (поставки растительных масел, обуви, полиэтиленовых мешков, стальной ленты и перчаток). Задолженность частично была погашена и в настоящее время оценивается в 11 млн. долл.

Компартия Греции — фирма «ВЕК» (поставка обуви экспортерами «Агапиу» и «Рекор»). Задолженность частично (до 83 млн.) была погашена в июле с. г. и в настоящее время оценивается в 8 млн. долл.

АКЭЛ — Компартия Кипра — фирмы друзей «Дельта» и «ЛОЭЛ» (поставляют виноградный сок, джемы и обувь). Задолженность частично была погашена в июле с. г. (4,2 млн. долл.) и в настоящее время оценивается в 8 млн. долл.

Специфика этого аспекта нашей задолженности состоит в том, что речь, как правило, идет о незначительных по государственным масштабам суммах, которые имеют, однако, жизненно важное значение для фирм друзей. А без отчислений от их прибылей в партийную кассу финансовое положение партий будет самым серьезным образом подорвано.

«Внешэкономбанку» в августе с. г. С. А. Ситаряном было дано указание «пропускать вне очереди» платежи по задолженности малым фирмам, учитывая слабость их финансовой базы, однако, судя по всему, оно выполняется только частично. Желательно, чтобы «Внешэкономбанк» согласился на постоянной основе погашать долги фирмам друзей во внеочередном порядке. Нельзя же каждый раз обращаться к М. С. Горбачеву с просьбой о вмешательстве в решение этих вопросов».

Ивашко дал поручение соответствующим отделам ЦК выяснить — почему не платят деньги.

19 февраля 1991 г. заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. Фалин вместе с заведующим Отделом социально-экономической политики ЦК КПСС А. Власовым доложили заместителю Генерального секретаря ЦК следующее:

— во-первых, они подтвердили, что «трудности с неуплатой советскими организациями валюты фирмам друзей, возникшие с конца 1989 года, нарастают»;

— во-вторых, они сообщили, что «это вызвано резким ухудшением в целом валютного положения Союза ССР. К настоящему времени практически полностью исчерпаны централизованные государственные валютные ресурсы, что вызвано нашими обязательствами по платежам в погашение внешнего долга страны (в 1991 г. — до 12,6 млрд руб.), массовыми закупками за рубежом продовольствия, промышленных товаров народного потребления и сырья для их производства при сокращении экспортных ресурсов, прежде всего, нефти»;

— в-третьих, они сообщили, что дальше будет еще хуже. «По данным Внешэкономбанка СССР, в январе с. г. поступления свободно конвертируемой валюты от экспорта товаров составили 1,4 млрд. руб. при общей сумме платежей за границу 2,9 млрд. руб., в том числе в погашение внешнего долга — 2,1 млрд. руб. В феврале — марте недостаток валютных средств для обеспечения внешнего долга увеличится еще на 1,2 млрд. руб. Положение усугубляется тем, что страна имеет огромную просроченную задолженность инофирмам по уже поставленным в СССР товарам. Эта сумма составляет около 3 млрд. валютных руб.»;

— в-четвертых, следовал вывод принципиальной важности *«По оценке Внешэкономбанка СССР страна находится на пороге банкротства со всеми вытекающими экономическими и политическими последствиями (выделено мной. — Р. П.)».*

Дальше следовали предложения финансистов от КПСС о решении поставленной перед ними проблемы. Отмечая, что задолженности по линии «фирм друзей» по сравнению с общим долгом СССР относительно невелики, они предлагали рассчитаться за счет тех кредитов, которые СССР должен был получить по межправительственным и межбанковским соглашениям с Японией, Францией, Италией, Австрией, Англией и Грецией. В качестве источников финансирования «фирм друзей» из ФРГ, Швейцарии, Португалии, Дании, Швеции, США, Кипра, Мальты, Сан-Марино и из некоторых других стран предполагалось использовать часть валютных средств — «несвязанных» валютных кредитов Саудовской Аравии (1 млрд. рублей) и Южной Кореи (563,3 млн. рублей)

Любопытно замечание авторов письма: «Необходимость срочного решения вопросов в отношении «фирм друзей» предопределяется тем, что осложнившееся их финансовое положение, угроза банкротства нарушают механизм финансирования самих дружественных партий, *создают реальную угрозу их дальнейшему существованию».*

Интересная получалась ситуация. СССР заказывал на Западе через «фирмы друзей» товары по более высоким ценам, чем были

на рынке (иначе откуда же взяться деньгам на финансирование «братских партий»!). Чтобы рассчитаться с поставщиками этих экономически невыгодных товаров, советское руководство во главе с М. С. Горбачевым просило деньги на Западе. Получив западные деньги, СССР из них финансировал западные же компартии.

Платить за верность идеям «пролетарского интернационализма» должно было все население страны. И это было совершенно правильно, с точки зрения авторов цитируемого документа. «В записке тов. Горбачеву М. С. от 22 июня 1990 г., — писали Фалин и Власов, — подчеркивалось, что если мы сейчас сорвем выполнение своих финансовых обязательств перед «фирмами друзей», то КПСС столкнется с необходимостью изыскивать ресурсы для поддержки дружественных партий *за счет партийного бюджета* (выделено мной. — Р. П.)».

По сведениям Е. Т. Гайдара, за 1989—1991 гг. из страны вывезли более 1000 тонн золота, причем процесс шел с ускорением. Печальный рекорд 1990 г. — 478,1 тонны¹.

Партийная приватизация. В этой ситуации немалую сметку проявили и отечественные партийные лидеры, ухватывавшие самые жирные куски «партийной собственности». ЦК КПСС был завален просьбами акционировать типографии, гостиницы, дома отдыха, автохозяйства, числившиеся в партийной собственности.

Иронией выглядит традиционный гриф «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на бланке постановления Секретариата ЦК КПСС от 6 апреля 1991 г. «О просьбе Ленинградского обкома партии» — «Разрешить Управлению делами ЦК КПСС выделить Ленинградскому обкому партии из страхового фонда КПСС 50 млн. рублей сроком на два года для внесения на депозит коммерческого банка «Россия» с выплатой шести процентов годовых». Соединенным в аппарате КПСС пролетариям выдавали кредиты в 6%, это тогда, когда кредитование в 1991 г. шло из ставок от 15 до 24% годовых.

Войска на улицах. Вильнюс. Обострялись отношения союзного центра с Прибалтикой, с рядом других республик СССР — Грузией, Молдавией, Арменией и, что вызывало особое беспокойство, с Россией. После того как президент Горбачев принял на себя дополнительные полномочия, стали прорабатываться планы силового, политического решения этой проблемы. Начались консультации с тем крылом местных компартий, которые придерживались

¹ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М., 1996. С. 135—136.

промосковской политики. Сохранились записи бесед ряда местных лидеров с секретарем ЦК КПСС А. Н. Гиренко. В центре этих обсуждений были вопросы противодействия дальнейшему отделению республик Прибалтики от СССР, А. П. Рубикс, судя по записям Гиренко, оценивал ситуацию как «стадию начала переворота с элементами неофашизма». Буржуазно-националистическим организациям должны были противостоять, по мнению лидеров Латвии и Литвы, Комитеты спасения, имеющие, в частности, свои боевые организации — рабочие дружины. Лидеры прибалтийских компартий резко критиковали на этих встречах Горбачева и министра внутренних дел Бакатина за мягкотелость, отсутствие авторитета. Вывод — военное вмешательство неизбежно, оно может быть или управляемым, или стихийным. Председатель КГБ СССР В. Крючков пишет в своих мемуарах: «В конце декабря 1990 г. на совещании у Горбачева было принято решение применить силу против действий экстремистов в Латвии и Литве... Горбачев вел себя решительно, но это не прибавило уверенности в нем»¹.

Ситуация резко обострилась к началу января 1991 г. Была применена попытка введения прямого президентского правления в Литве. В соответствии с давним советским стереотипом — неизбежным «приглашением здоровых сил», «по многочисленным пожеланиям трудящихся» ЦК компартии Литвы (на платформе КПСС) 7 января 1991 г. обратился к Горбачеву с требованием о введении в республике прямого президентского правления. К этому прибавлялись телеграммы «с мест» с просьбами «навести порядок»². 10 января Горбачев направил Верховному Совету Литвы ультиматум с требованием восстановить на территории Литвы в полной мере действие Конституции СССР. Одновременно с этим в тот же день Горбачев дал указания министру обороны Д. Язову, председателю КГБ В. Крючкову, министру внутренних дел Б. Пуго применить в Вильнюсе силу. В столицу Литвы была направлена группа спецподразделения «Альфа», которая должна была действовать вместе с подразделениями Министерств обороны и внутренних дел СССР. 11 января «рабочие дружины» Комитета национального спасения вместе с этими подразделениями заняли здание Дома печати — Литовского издательства ЦК КПСС³. В ночь с 12 на 13 января подразделения Советской Армии и КГБ захватили телецентр в Вильнюсе. Армии отводилась роль поддержки «рабочих

¹ Крючков В. В. Личное дело. М., 1996. Ч. 2. С. 30.

² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 5; Оп. 11. Д. 70.

³ Там же. Оп. 31.

дружин» и Комитета национального спасения Литвы, организованного сторонниками фундаменталистского крыла компартии Литвы во главе с членом Политбюро ЦК КПСС Бурокаявичюсом и заведующим Идеологическим отделом ЦК компартии Литвы Ю. Ермолавичюсом. Произошли стычки с населением. 14 человек было убито. В Вильнюсе начали строить баррикады, чтобы защитить Верховный Совет республики.

Действия военных в Прибалтике вызвали волну возмущения во всей стране. В ЦК КПСС шли сотни и тысячи телеграмм протеста — от интеллигенции, трудовых коллективов республик Советского Союза. Шахтеры донецкой шахты им. Скочинского писали: «Сложившаяся в стране обстановка хаоса способствует приходу к власти военной диктатуры и краху демократических преобразований. Верховный Совет СССР во главе с президентом М. С. Горбачевым не способен стабилизировать обстановку в стране, проводить истинные демократические и экономические преобразования, стремясь сохранить империю, не учитывает интересы отдельных народов и республик. Поэтому мы требуем отставки Верховного Совета СССР во главе с президентом страны М. С. Горбачевым и предания суду виновных в трагических событиях в Литве и нарушениях деклараций о государственных суверенитетах республик».

Раздавались требования вывести войска; Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина призывали отозвать свою подпись под экономическим соглашением Союза и России, от Горбачева требовали отправить в отставку министра обороны Язова, министра внутренних дел Пуго, председателя КГБ Крючкова, руководителя Гостелерадио СССР Кравченко. Президент СССР М. С. Горбачев, он же Генеральный секретарь ЦК КПСС, как всегда, заявлял, что он ничего не знал, никаких решений о применении войск не принимал, как он, по крайней мере, заявлял и продолжает заявлять по сей день¹.

События в Вильнюсе с особой ясностью показали, каким путем руководство КПСС было намерено сохранять целостность страны. Эти же события свидетельствовали, что испытанный способ силовых решений оказывался неэффективным.

События в Вильнюсе имели очень серьезные и долгосрочные последствия. Они доказали, что союзное руководство способно применить силу для того, чтобы сохранить старый политический режим. Именно с учетом вильнюсских событий Ельцин и его сторонники стали бороться против использования армии против гражданского

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 507.

населения, создания соответствующих военных и полицейских структур в системе управления России. Вильнюсские события стали серьезным и страшным уроком. Этот урок был полностью усвоен Ельциным и «его окружением», как стали говорить и писать позже. Это включало непризнание силовых, антиконституционных по своей сути мер, призывы к поддержке гражданского населения, к гражданскому неповиновению против произвола властей, апелляцию к мировому общественному мнению. К сожалению, немногим более полугода спустя все это стало актуальным и в Москве, вплоть до опыта строительства баррикад и противотанковых заграждений.

События в Вильнюсе стали тревожным знаком, предупреждением для нового российского руководства, они заставили думать о том, что власти СССР могут пойти на силовое решение политических конфликтов. Это вынуждало готовиться к такой возможности, продумывать способы противодействия. Именно вильнюсские события подтолкнули Ельцина и контролируемую им часть Верховного Совета к заявлениям о необходимости создания своей, российской армии, что вызвало взрыв возмущения в стане сторонников союзного центра.

Следует отметить также, что вильнюсские события имели и другой результат: они стимулировали Ельцина и руководителей ряда других республик к заключению между союзными республиками двусторонних соглашений, учитывающих интересы каждого из партнеров и предполагавших максимальную полноту суверенитета каждой из республик на своей территории. Это направление явственно обозначилось еще в конце 1990 г., когда начались переговоры России с Казахстаном, Украиной, Белоруссией. Но события в Вильнюсе стали дополнительным стимулом к этому. 14 января, сразу же после своего возвращения из Таллина, Председатель Верховного Совета РСФСР Ельцин сделал публичное заявление о желании руководителей четырех республик — России, Украины, Казахстана и Белоруссии — заключить четырехстороннее соглашение, не дожидаясь Союзного договора.

Подготовка референдума о сохранении СССР. В условиях кризиса советской государственности союзное руководство пыталось закрепить разваливающийся СССР новым Союзным договором.

Старый договор был заключен осенью 1922 г. как следствие возникшего «вопроса об объединении независимых национальных республик». Еще на стадии подготовки этого договора Сталин в интервью газете «Правда» 18 ноября 1922 г. констатировал, что

«инициатива движения принадлежит самим республикам», отметив стремление Украины, Белоруссии, республик Закавказья — Азербайджана, Грузии и Армении — к объединению. Однако известно, что Союз ССР, возникавший как договорное государство, скоро превратился в унитарное, жестко (если не жестоко) централизованное. Первый съезд народных депутатов СССР в 1989 г. поставил вопрос о необходимости обновления Союзного договора. Напомним: республики Прибалтики вносили предложение о «договоре о союзе, соответствующем обеспечению других необходимых договоров — экономических, межреспубликанских, хозяйственных»¹. Депутаты от республик Прибалтики настаивали на принятии Закона СССР об экономической самостоятельности союзных республик. Заметим, что республики Прибалтики и Молдавия, включенные в СССР в 1940 г., даже формально не были участниками Союзного договора, не подписывали его.

Признавая на словах необходимость разработки нового Союзного договора, постоянно говоря о нем, советское руководство во главе с Горбачевым фактически тормозило этот процесс. Еще бы — экономическая самостоятельность республик, неизбежная в случае заключения Союзного договора, существенно сокращала границы власти союзного партийно-государственного центра. С опаской на эту идею смотрели те союзные республики, которые относились к так называемым «дотационным», то есть существенная часть бюджета которых обеспечивалась путем субвенций.

Время уходило. Ситуация в республиках обострялась, радикализировалась. Вера в возможность равноправного соглашения ослабевала, если не уходила вовсе. Союзный центр все более ассоциировался с источником очередных неприятностей — от обмена 50 и 100-рублевых купюр образца 1961 г. и ограничения выдачи наличных денег из Сбербанка предельной суммой в 500 рублей до введения Воздушно-десантных войск для участия в парламентских прениях.

Противовесом этому должен был стать референдум о сохранении СССР, назначенный на 17 марта 1991 г. Заметим: подготовка к его проведению началась следом за провалом военно-полицейской акции в Вильнюсе.

Верховным Советом СССР была утверждена следующая формулировка референдума: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлен-

¹ Выступление А. М. Бразаускаса на I съезде народных депутатов СССР. — Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1989. Т. 2. С. 73—75.

ной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности». В свое время было написано немало статей о лукавстве этого многословного текста. В него закладывалась необходимость положительного или отрицательного ответа на вопрос (а если точнее — то вопросы), *содержательная сторона которых была не определена*. Сохранение «обновленной федерации» — каким путем? чем должно было обеспечиваться «равноправие суверенных республик»? какой механизм предполагался для того, чтобы «в полной мере (?) гарантировать права и свободы человека любой национальности»? По степени конкретности, юридической проработанности и прогностической точности эта формулировка могла соперничать со знаменитыми словами Н. С. Хрущева — «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Однако главное здесь — не в стилистике вопроса, который, по словам М. С. Горбачева, «мы долго обсуждали... с помощниками, рассматривали на Совете Федерации и, конечно, на заседаниях Верховного Совета»¹, бог с ней, со стилистикой. Проблема была в другом: референдум заранее противопоставлялся будущему Союзному договору. Вместо конкретной работы с субъектами союзной федерации, вместо тщательно проработанных договорных отношений приходило знакомое по партийным собраниям голосование с мнением «большинства», обязательного для всех остальных. Большинство, по сути, было гарантированным: если в РСФСР жило 148 млн. человек, на Украине — 51 млн. 700 тыс., то в Латвии — 2 млн. 680 тыс. человек, в Эстонии — 1 млн. 570 тыс. Другое дело, что голосование в рамках СССР сразу же порождало проблему интерпретации его результатов, заставляя вспомнить «о средней температуре по больнице», да и межнациональные отношения никак не встраивались в привычные нормы «демократического централизма».

Констатируем: референдум становился попыткой найти третий путь сохранения СССР. *Смысл сохранения — в суверенизации самого СССР, по сути — партийно-государственных управленческих союзных структур по отношению ко всем другим республикам, в возможности проводить прежнюю политику, используя новый аргумент — «волю народов СССР».*

Понятно поэтому, что обеспечение победы на референдуме становилось на этом этапе важнейшей задачей ЦК КПСС. Как водится в этих случаях, в ход пошли социологические опросы руководителей политических партий и движений. 23—24 января 1991 г. был прове-

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 517.

ден телефонный опрос руководителей (представителей) 35 общественно-политических организаций по вопросу о поддержке проведения 17 марта 1991 г. Всесоюзного референдума о судьбе Союза ССР.

В записке, направленной в ЦК, отмечалось, что, «как и следовало ожидать, мнения опрошенных разделились, однако было бы существенным упрощением считать, что респонденты распределились по двум группам — «за» и «против». В большинстве ответов преобладала неопределенность...»

Категорично «за» проведение такого референдума высказались представители следующих организаций: Союз демократических сил им. А. Д. Сахарова (Воронин), «Мемориал» (Леонов), Лига независимых ученых (Потемкин), Русский центр (Ковалева), «Комитет спасения Волги» (Шатохин), партия Человека (Куклин), ассоциация «Гражданин» (Гершфельд), «Церковь и перестройка» (О. Сергеев), Либерально-демократическая партия (Жириновский), партия Мира (Никологорский), Демократическая партия СССР (Семенов).

Твердо «против» проведения референдума выступили представители Христианско-демократического Союза России (Огородников), Координационного совета движения «Демократическая Россия» (Мурашов), Христианско-демократической партии (Чуев), Российского Христианско-демократического движения (Аксючиц).

Сомневаются в целесообразности референдума представители Демократической партии России (Травкин), Республиканской партии России (Лысенко), Правоконсервативного движения (Ланин), Партии социалистов-народников (Романов), партии «Зеленых» (Дамье), Конституционных демократов — партии Народной Свободы (Дерегин), Партии свободного труда (Коровиков), Московского объединения избирателей (Новиков), Соцпрофа (Малыгин)...

Подводя итоги, авторы опроса констатировали: «Из приведенных ответов складывается довольно-таки пестрая картина. Практически все опрошенные выступают за сохранение Союза, но в вопросе о том, на каких принципах этот Союз должен существовать, — мнения самые различные...»

В целом их вывод звучал оптимистично: «...оппозиционные КПСС силы сегодня не могут выступить против сохранения Союза, так как это встретит непонимание населения (избирателей) страны». Мнение ученых-психологов, привлеченных для подготовки к проведению референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР, было более осторожным. В записке, адресованной в ЦК, они писали, что референдум объявлен без хорошо просчитанных последствий его результатов. «В теперешней социальной ситуации большинство насе-

ления Прибалтики, хотя она достаточно экономически прочно привязана к СССР, — писали ученые, — может проголосовать за выход из Союза суверенных республик. Также может поступить большая часть населения Молдовы и Грузии, а это означало бы развал нашей страны. Между тем известно, что большинство не всегда право.

До недавних пор руководство КПСС исходило при реализации своей политики из убеждения, что любые мероприятия можно провести с опорой на идеологическую мобилизацию если не энтузиазма, то сознательной или хотя бы пассивной поддержки масс. В той или иной степени этот подход срабатывал. Сегодня ситуация изменилась и нужно исходить из новой реальности.

...Для проведения референдума требуется прежде всего обстановка стабильности в обществе. А поскольку достигнуть ее в столь короткое время невозможно, то предлагается рассмотреть возможность его переноса на неопределенный срок, сосредоточив все силы (в том числе и аппарат пропаганды) на выработке и подписании Союзного договора, который, устраивая своим содержанием и центр, и республики, работал бы на сохранение нашего государства в его теперешних границах».

Ученые указывали также на комплекс необходимых, по их мнению, мер, которые должны были обеспечить успех референдума, если он все-таки будет проводиться 17 марта. Это был большой перечень мер — от дифференцированного воздействия на различные группы населения, проведения теледебатов Горбачева с его политическими оппонентами, поездки в Прибалтику до поиска аргументов, «обесценивающих выступления лиц, призывающих к выходу из состава СССР, особенно в тех кругах, в которых они пользуются популярностью», пропаганды преимуществ, «которые получают республики, подписывающие договор», и через средства массовой информации незамедлительного доведения этих сведений «до сознания каждого гражданина нашей страны и обязательного подкрепления последовательно осуществляемыми действиями, которые дали бы реально почувствовать выигрыш от того, что страна сохранена».

«Необходима также достаточно четкая, ясная и конкретная концепция руководства КПСС и правительства, показывающая реальные и надежные пути выхода из кризиса. Все, что предлагалось до сих пор, построено в старых традициях, отмечается неопределенностью, расплывчатостью, непоследовательностью, а иногда противоречивостью и демагогичностью. Сегодня люди этого не могут принять, — писали ученые. — Кроме того, нужна ясность реакции Президента СССР и руководства КПСС по отношению к ситуации, в которой некоторые республики вообще не

намерены проводить референдум, а другие вырабатывают к нему свой подход. *Видимо, срочно необходима согласованная с республиками и обновленная концепция Союзного договора, иначе вся идея референдума вообще теряет смысл* (выделено мной. — Р. П.).»

Однако референдум для того и задумывался, чтобы заменить и подменить Союзный договор. Он должен был продемонстрировать мощь и всенародную поддержку союзного центра.

К работе по успешному проведению референдума были подключены важнейшие отделы аппарата ЦК КПСС. В записке, направленной секретарю ЦК КПСС А. Н. Гиренко в январе 1991 г «Некоторые соображения об организации проведения референдума 17 марта 1991 г.», указывалось на необходимость подключения к подготовке к референдуму Гуманитарного и Идеологического отдела, Орготдела, Отдела ЦК КПСС по законодательным инициативам, Отдела по связям с общественно-политическими организациями, Отдела национальных отношений, Международного отдела. Там же предусматривалась необходимость выделения средств для проведения агитационной кампании как из государственного бюджета, так и из денег благотворительных фондов.

Серьезность и важность предстоящей кампании была заявлена в представленном в Политбюро тексте выступления секретаря ЦК КПСС О. Шенина на совещании первых секретарей ЦК компартий союзных республик, республиканских, краевых, областных комитетов партии.

В нем указывалось на «...попытки надломить, а то и разрушить социалистический строй», на кризисные явления в экономике, на потребительском рынке, в жилищном строительстве, с тревогой сообщалось, что руководители парламентов Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии заявили о нежелании подписывать Союзный договор.

Шенин настаивал на повышении активности партии. Он писал: «Партия сыграет стабилизирующую и консолидирующую роль в обществе при том условии, что из состояния растерянности выйдет каждое звено партийной структуры, и коммунисты будут работать, я бы сказал, *в мобилизационном режиме* (курсив О. Шенина — Р. П.).» У О. Шенина была своя оценка событий в Прибалтике. «В эти дни в ЦК КПСС поступает большое количество писем, телеграмм и решений собраний, в которых выражается поддержка позиции ЦК КПСС в связи с событиями в Прибалтике...» «Вера в перестройку постепенно перерастает в открытую неприязнь к ней, — цитировал О. Шенин одно из писем. — Недоумение многих вызывает бездеятельность ЦК КПСС, равнодушие Гене-

рального секретаря к судьбе партии, безразличие ЦК, Политбюро по отношению к Компартии России».

Шенин приводил безжалостную для благодушных настроений в ЦК статистику — рос отток коммунистов из партии. Данные свидетельствовали: на 1 января 1990 г. было 19,2 млн. коммунистов, на 1 января 1991-го — 16,5 млн. Прием в партию сократился с 313 тыс. до 108 тыс. Выбыло из КПСС 1 млн. 800 тыс. человек. В четыре раза увеличилось число исключенных. За 9 месяцев исключено из партии 380 тыс. человек, но за преступления — только 5 тыс. В партии много наблюдателей, которые не платят взносы, но и не сдают партбилеты, констатировал секретарь ЦК.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 30 января 1991 г., проходившем накануне объединенного Пленума ЦК КПСС и ЦКК, среди многих вопросов звучали две взаимосвязанные темы — о судьбе партии и о будущем Советского Союза.

Руководитель компартии Украины С. Гуренко сетовал на то, что трудности в стране нарастают, что люди не хотят с этим мириться. «И вместо того чтобы подумать, как смягчить это плохо, хотят все время схватиться за штурвал, за которым ничего нет — системы управления нет, двигатель не работает, производство не идет. А им кажется, что вот если мы сегодня схватимся за штурвал, если мы по-старому возьмемся, да ноги расставим пошире, то все будет хорошо, будет проще тому, кто возьмется за руль (если он еще его удержит)... Мы все это прошли: надо собрать планерку, кому-то «врезать», кого-то из партии выгнать. Да разве это те задачи, ради которых мы собираемся?»

Узбекский лидер Каримов, много и активно выступавший на этом заседании, сетовал: «Я спиной чувствую, что завтра, через два-три месяца, если рост цен будет происходить стихийно и мы не найдем этому какой-то альтернативы или не определим в этом вопросе четкую позицию КПСС и компартий союзных республик, то все равно мы будем виноваты. Противники, оппозиция, господа все сделают, чтобы обвинить нас: вы начали, вы и отвечаете.

Я считаю, что в завтрашнем докладе Владимир Антонович Ивашко просто не может не сказать об этом. Смотрите, что получается: это самый тяжелейший вопрос, а в докладе ему отведено на 12-й странице маленькое место. Здесь говорится так: «Снижается уровень жизни большинства населения. Только в декабре различные цены выросли на 14 процентов». А что дальше произойдет? Что будет в феврале, что будет в марте? Что нас ожидает? ...Поэтому, Михаил Сергеевич, я очень прошу учесть мою точку зрения... Когда люди выйдут на улицу, вернуть их назад будет невозможно».

Любопытный поворот возник при обсуждении вопроса о регистрации в Министерстве юстиции устава КПСС. Партия должна была юридически засвидетельствовать, что она является общественной организацией. Это мало беспокоило участников заседания. Совсем другое — сами члены партии должны были формальным путем подтвердить, что они продолжают оставаться в рядах КПСС. Так неожиданно возникла угроза своего рода партийного референдума. Но не тут-то было.

Высказывания республиканских партийных вождей были на редкость единодушны. Малофеев (Белоруссия): «Обмен партийных документов можно провести и позднее... Организационные и политические основы настолько размываются, что уже лица члена партии не видно в отдельных депутатских группах, в парламентах. Значительная часть, до 40%, вообще не определили своего отношения ни к той, ни к этой партии. Каждый человек выступает по себе».

Муталибов (Азербайджан): «Если мы сейчас объявим перерегистрацию, то эта акция станет достоянием оппозиции. Они будут «крутить» это дело, говорить: все, ей конец, давайте, ребята, бегите куда глаза глядят. И мы потеряем тех, которые сегодня, может быть, еще в замешательстве, колеблются и т. д. Идея заманчивая — оставить бойцов, борцов и т. д. Таких мало сегодня. Поэтому я бы не торопился».

П. Лучинский (секретарь ЦК КПСС, в недавнем прошлом — один из руководителей молдавской компартии): «Не надо забывать, что мы живем в реальном мире и есть реальные люди. В результате такого жесткого подхода — давайте перерегистрироваться, как это 10 лет тому назад делали, — мы потеряем очень много людей, которые сегодня еще не определились, но завтра определятся. По-моему, еще не наступил момент, по крайней мере вот для нас в республике, чтобы это провести, тем более одновременно с заменой партийных билетов. Это была бы слишком строгая акция. От нее мы больше потеряем».

Рубикс (Латвия): «Я, Михаил Сергеевич, вынужден сказать, что для нас это вообще неприемлемо, потому что мы тогда недосчитаемся очень многих членов партии. У нас многие члены партии условно состоят на учете, взносы перечисляют по почте. И перерегистрация их, как говорится, «высветит». Поэтому мы потеряем много коммунистов. Этот вопрос мы обсуждали перед заключительным заседанием своего съезда, и все члены ЦК были единодушны в том, что сейчас этого делать нельзя».

Бурокавичюс (Литва): «И в КПСС в целом это не следует делать. Нужно учесть, в каких условиях отдельные компартии рабо-

тают. Компартия Литвы с 1 января запрещена. И здесь более слабые люди будут думать: а что мне дальше в партии оставаться?»

Горбачев: Подождите. Почему она запрещена, если есть Указ, отменивший антиконституционные акты в Литве?

Бурокаявичюс: Михаил Сергеевич, Указ не работает.

Горбачев: Это неправомерный закон, и он не действует».

Святая вера Горбачева, что его указ выполняется только потому, что он — Президент СССР, его коллегами по Политбюро вовсе не разделялась.

Вместе с тем Горбачев должен был согласиться с возражениями. Его собственная аргументация весьма любопытна: «У меня такое впечатление, что даже для выдвижения этой идеи сейчас неподходящее время. Когда мы к стабилизированной ситуации придем, тогда — да. *Когда мы с Союзом вопрос решим* (выделено мной. — *Р. П.*). Когда пойдут позитивные процессы и будет другое настроение».

Поражает политическая наивность М. С. Горбачева. Для него «с Союзом вопрос решить», устроить новые политические, экономические, психологические отношения в крупнейшей многонациональной стране мира казалось проще, чем навести порядок в политической организации, свинченной партийной дисциплиной, единым партийным бюджетом. В партии «вопрос решить» испугались. Другое дело — с Советским Союзом.

Следующий вопрос, обсуждавшийся на Политбюро, так и назывался: «О работе партийных организаций в связи с подготовкой и проведением референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик».

Сам Михаил Сергеевич смотрел вперед вполне оптимистично. «Если есть замечания, то сдайте их, — обратился он к коллегам по Политбюро. — А если нет — будем действовать». Однако у них нашлись и замечания, и вопросы, и возражения. Прежде всего сразу же было сообщено, что в республиках Прибалтики в ответ на союзный референдум и накануне этого референдума решили провести собственные.

Формулировки, подобные той, которую использовал Верховный Совет Литвы: «За демократическую, независимую Литву», практически гарантировали не только положительный ответ, но и правовые основания для выхода из СССР. Союзный референдум еще не состоялся, но он уже начал действовать, спровоцировав новый уровень суверенизации республик. Хочется отметить, мягко говоря, сдержанное отношение руководителей республиканских партийных организаций к будущему союзному референдуму.

Это заставило высказать свое мнение Горбачева: «Вопрос о референдуме принципиальный, и нам не надо его упрощать. Кто пытается нас припугнуть: а мы вот так хотим вопрос поставить, еще такой-то вопрос добавить. Нам все это надо иметь в виду, что это верхушечное настроение в обществе. Надо показать характер всем — и республиканским, и местным властям, и всему миру. Это база для того, чтобы действовать. Это первое. Большинство республик уже приняло решение, насколько мне известно, по референдуму. Правда, некоторые еще до этого говорили, что вопрос ясен. Но это все же не референдум. Народ должен по этим жизненно важным, судьбоносным решениям высказаться. Если какая-то республика примет другое решение, то Верховный Совет должен в таком случае вместе с Центральной избирательной комиссией действовать по закону, через области проводить референдум. Тут мы не можем поступать иначе. Ведь есть решение съезда. *Может возникнуть и такая ситуация: скажут, что народ, мол, не придет на референдум. Так может произойти, например, в Молдавии, которая, правда, молчит пока. Если там будет «крутить» Верховный Совет, то повторится ситуация, которая там уже была и от которой мы двинулись, так сказать, к нормальной обстановке. Тогда левобережье Днестра и Юг окончательно плюнет и пойдет голосовать. Вот такая будет ситуация. Надо всем это понимать. Я уверен, что и половина Эстонии так поступит, если там начнут маневрировать. Люди пойдут и будут голосовать* (выделено мной. — Р. П.)».

Это уже означало, что референдум превращается в орудие политической борьбы внутри союзных республик и он будет использован для противопоставления одной части населения другой. Такую позицию трудно было не охарактеризовать как попытку плеснуть керосина на костер возникавших межнациональных конфликтов.

В дискуссию сразу же вмешался Силлари (Эстония). Он заявил, что «семнадцатого числа будет противостояние по национальному признаку. Мы прогнозируем, что участие эстонцев составит 10 процентов, то есть произойдет столкновение по национальному признаку. В обстановке обострения это серьезно.

Горбачев: А я вам скажу, что когда нет остроты, тогда и референдумы не проводятся... Это конституционный путь.

Силлари: Референдум будет законным, если в нем примет участие 50% голосующих. *Но поднимается вопрос не о законности референдума, а об обострении межнациональных отношений* (выделено мной. — Р. П.)».

Даже сторонник сохранения Союза и проведения референдума Каримов предупреждал, что «в процессе подготовки референдума страсти разгорятся. Будет вестись обработка населения. Среди него есть какая-то часть, которая сегодня сидит спокойно, но говоря о которой нужно помнить узбекскую пословицу: «Не наступай на хвост спящему льву». Если сядем им на хвост, то они начнут будоражить. Какой-то процент населения, возможно, так себя проявит. Почему? ...Я убежден, что в Узбекистане обстановка ухудшится. И лучше провести его сегодня, чем завтра. Потому что завтра появятся силы, которые будут говорить о пантюркизме. ...Прибалтика — это одно дело, а Средняя Азия — другое. У нас если этот взрыв произойдет, то его трудно будет остановить. Большой кровью он обойдется...»

М. С. Горбачев предпочел не продолжать дискуссию. В Кремле и на Старой площади мнение о проведении референдума было неколебимо.

Своего рода комментарием к позиции Горбачева стало заявление, сделанное его российским коллегой И. Полозковым на Пленуме ЦК РКП 31 января 1991 г., что Российская компартия переходит в наступление¹.

В воздухе явственно запахло угрозой распространения вильнюсских методов на Москву. 1 февраля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял важное постановление — «О политическом положении в РСФСР». В нем, в частности, говорилось: «Осудить случаи противоправного вовлечения воинских подразделений и военизированных формирований в политические конфликты... Установить, что введение на территории РСФСР мер, предусмотренных режимом чрезвычайного положения, без согласия Верховного Совета РСФСР, а в период между сессиями без согласия Президиума Верховного Совета РСФСР недопустимо».

Это, в свою очередь, породило Постановление Секретариата ЦК КПСС от 5 февраля того же года «К партийным организациям, всем коммунистам Вооруженных Сил СССР, войск Комитета государственной безопасности СССР, внутренних войск Министерства внутренних дел СССР и железнодорожных войск». В нем сообщалось, что «...так называемые «независимые» средства массовой информации ведут систематическую кампанию клеветы на партию, Вооруженные Силы, органы и войска КГБ и МВД СССР, очернение отечественной истории. Отчетливо видно стремление псевдодемократов под прикрытием плюрализма мнений посеять недоверие народа к своей армии, вбить клин между командирами и под-

¹ РГАСПИ.Ф. 89. Оп. 11. Д. 183; Оп. 42. Д. 31.

чиненными, младшими и старшими офицерами, унижить защитника Родины. Под сомнение берутся высокие понятия — воинский долг, честь, верность присяге. Предпринимаются попытки растащить армию по национальным квартирам, мешать призыву на воинскую службу». Смысл этого документа — исключить возможность воздействия руководства России на Вооруженные Силы СССР.

6 февраля разыгрался новый скандал в отношениях между союзным и российским руководством. В здании Верховного Совета РСФСР была обнаружена комната, снабженная подслушивающими устройствами и связанная с встроенными микрофонами в кабинете Ельцина. «Хозяевами» этой комнаты были сотрудники КГБ СССР.

7 февраля 1991 г. произошли два события, существенно повлиявшие на дальнейшую историю референдума и политическую борьбу в стране. В этот день было принято Постановление Верховного Совета РСФСР «О мерах по обеспечению проведения референдума СССР и референдума РСФСР 17 марта 1991 года». В нем было сказано: «Разрешить Центральной комиссии РСФСР по проведению референдумов включить в один бюллетень для голосования два вопроса, вынесенные на Всероссийский референдум» Второй вопрос уже был известен депутатам РСФСР: «Считаете ли вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием». В Верховном Совете России уже шел процесс сбора подписей депутатов с целью включения этого вопроса в бюллетени референдума.

В тот же день председатель КГБ В. Крючков направил президенту Горбачеву пространное письмо «О политической обстановке в стране». Письмо носило панический характер. Крючков сообщал, что из-за острого политического кризиса возникла угроза развала Союза, демонтажа общественно-политической и экономической системы, что «глава Российского парламента вкупе с определенными силами ...явственно заявили свои претензии на создание «второго центра» в противовес государственному политическому руководству СССР». Крючков утверждал, что «политика умиротворения агрессивного крыла «демократических движений»... позволяет псевдодемократам беспрепятственно реализовать свои замыслы по захвату власти и изменению природы общественного строя».

Руководитель КГБ указывал на неприемлемость распространения рыночных отношений в стране, на необходимость усиления борьбы с «теневиками», подчеркивая, «что сама она не увеличит производство продукции, но может способствовать более справедливому распределению товаров». «Процесс обогащения, — пи-

сил Крючков, — по своей внутренней логике вовлекает «теневой бизнес» в борьбу за политическое влияние с тем, чтобы в рамках приватизации еще более расширить масштабы приращения собственности. Это неизбежно ведет к созданию категории «новых буржуа» со всеми вытекающими последствиями».

Главным политическим противником в стране В. Крючков объявил «Демократическую Россию» и руководство Верховного Совета РСФСР. Он говорил, что «наиболее наглядно дисбаланс в противоборстве в пропагандистской сфере проявляется в вопросе о подготовке всесоюзного референдума о сохранении Союза ССР. В то время как «демократическая пресса» принялась шельмовать референдум уже с момента его объявления, со стороны центральных и партийных средств массовой информации серьезные выступления в его пользу практически отсутствуют». Вывод Крюčkова сводился к необходимости усилить контроль над средствами массовой информации.

Крючков предлагал и рецепты выхода из кризиса. Кроме упомянутых выше преследований «теневиков» и контроля над прессой ими должны были стать и конституционные меры. «Пространство для маневра невелико, но оно есть, — утверждал председатель КГБ. — Существенную роль в поисках выхода из сложившегося кризиса могут и должны сыграть Верховный Совет и съезд народных депутатов СССР как наиболее конструктивные политические структуры. Их требуется оберегать от нападков, активизировать деятельность, усилить созидательный потенциал этих органов народовластия».

Предлагались и другие средства: *«Учитывая глубину кризиса и вероятность осложнения обстановки, нельзя исключать возможность образования в соответствующий момент временных структур в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных Президенту Верховным Советом СССР (выделено мной. — Р. П.)»*. Такой шаг потребовал бы мощной пропагандистской поддержки, прямого обращения к народу с призывом объединиться для сохранения Союза ССР, защиты общественного строя». Так в первый раз была сформулирована идея, через полгода воплощенная в ГКЧП.

Мнение Крюčkова было сообщено всем членам и кандидатам Политбюро, секретарям ЦК КПСС и стало, по сути, прописью для последующих действий.

На первый план в кампании подготовки референдума стала выходить задача выхолостить суть российского вопроса в бюллетене референдума. Она, эта задача, должна была быть решена путем

исключения Б. Н. Ельцина — Председателя Верховного Совета РСФСР — из участия в будущих президентских выборах в России. Задача эта представлялась аналитикам из ЦК вполне достижимой.

Восстание заместителей. 15 февраля 1991 г. 270 депутатов РСФСР, сторонников компартии, настаивали на срочном созыве Третьего съезда народных депутатов РСФСР и отчете на съезде Ельцина. Предполагалось, что удастся собрать съезд до 17 марта, и демонстративная отставка Б. Н. Ельцина с поста Председателя Верховного Совета СССР сама по себе станет доказательством могущества союзных структур против их главного российского оппонента.

В ответ Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин выступил с 40-минутным телевизионным интервью в прямом эфире. Ельцин обвинил Горбачева в том, что ответственность за трагедию в Вильнюсе лежит на Президенте СССР, и потребовал его отставки.

Однако в российском Верховном Совете продолжалась раскручиваться операция по отставке самого Ельцина. 21 февраля на заседании Верховного Совета РСФСР его отставки на внеочередном съезде народных депутатов РСФСР потребовали С. Горячева, Б. Исаев, Р. Абдулатипов, В. Исаков, А. Вешняков и В. Сыроватко. Это были люди, входившие в руководство Верховного Совета РСФСР. Кроме срочного созыва съезда и отставки Председателя Верховного Совета они настаивали на недопущении проведения общероссийского референдума, на котором будет учрежден пост Президента России.

Заявление зачитала С. Горячева. На сессии уже 272 депутата потребовали созыва внеочередного съезда. Коммунисты настаивали на проведении съезда уже 5 марта, их оппоненты считали, что собрать внеочередной съезд можно только в конце марта — в апреле 1991 г.

Параллельно с этим в ЦК КПСС и в РКП шли интенсивные переговоры с руководителями российских автономий с целью добиться неучастия этих республик в российском референдуме. То, что за этим воочию просматривалась угроза раскола России, мало беспокоило функционеров ЦК КПСС и ЦК РКП, местная политическая злоба дня в очередной раз застила глаза.

Ответ Ельцина не заставил долго ждать. 19 февраля он выступил по телевидению, обрушив на Горбачева резкую критику, и в свою очередь заявил о том, что Горбачев должен уйти в отставку и передать свои полномочия по управлению СССР Совету Федерации.

Конфронтация нарастала. 23 февраля была предпринята попытка организовать митинг коммунистических сторонников и военнослужащих на Манежной площади. Митинг состоялся, но удачей для ЦК КПСС он не стал. Атмосфера «отбывания повинности» военнослужащих витала над участниками митинга. На следующий день — 24 февраля — состоялся контрмитинг на Манежной площади сторонников Ельцина.

Рекомендации генерала армии Крючкова продолжали действовать. В соответствии с ними «мощной пропагандистской поддержкой» стало объединение 27 февраля 1991 г. коммунистических и националистических сил. В Москве состоялась Конференция общественно-политических и национально-патриотических объединений. В ней приняли участие представители 26 партий и движений — от коммунистов до потомков дворян, монархистов, православного и мусульманского духовенства. На ней выступали писатель Ю. Бондарев, генерал армии В. Варенников, первый секретарь ЦК КП РСФСР И. Полозков, певица Л. Зыкина и др.

В последний день февраля — 28-го числа — в ЦК КПСС состоялось совместное собрание депутатских групп коммунистов Верховных Советов СССР и РСФСР. Вели его секретари ЦК КПСС А. Н. Гиренко и В. М. Фалин, секретарь ЦК КП РСФСР А. С. Соколов. Среди многих вопросов, задававшихся на этой встрече, были и такие: «Когда же, наконец, ЦК КПСС разберется со средствами массовой информации?», «Ельцин сумел объединить вокруг себя различных умных людей. Но почему этого нет в ЦК КПСС, кто-то же должен оперативно отслеживать и реагировать на действия «демократов». Выдвигалось требование защитить «отдельных народных депутатов РСФСР», заставляющее вспомнить о соответствующем пассаже в письме Крючкова.

1 марта началась забастовка шахтеров Кузбасса, в ходе которой выдвигались политические требования — департизация, устранение от власти КПСС, отставка Горбачева. 1 марта 1991 г. руководству ЦК КПСС была направлена записка Отделом ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями В. Мироненко «О некоторых аспектах развития современной политической ситуации в стране».

Записка в своем роде замечательная. За ней стоял не только обстоятельный анализ политической обстановки в стране накануне референдума. Явственно ощущалось и другое — Мироненко шеголял своей осведомленностью о происходящем в лагере политических противников КПСС — в окружении Б. Н. Ельцина. Выводы Мироненко вызвали тревогу и предполагали немедленные дей-

ствия руководства ЦК КПСС. Он, что называется, «брал быка за рога» и провозглашал, что «появился реальный шанс в текущем году поставить на повестку дня и решить в свою пользу вопрос «Кто кого?». Прошлый год он оценивал как политически неудачный, прошедший «по сценарию» оппозиции. «За это же время, — писал Мироненко, — сформирован и организационно оформлен блок политических партий «Демократическая Россия», окончательно определен единоличный политический лидер — Б. Н. Ельцин».

Мироненко не скупился на обличение «примитивно-популистских методов, рассчитанных на низкий уровень политического сознания и культуры населения страны», примененных, по его словам, «командой» Б. Н. Ельцина, признавая, впрочем, их эффективность. «Так, проведению митинга на Манежной площади 23 февраля 1991 года оппозицией было уделено больше внимания, чем его организаторами. Предупредительная и ответная их акции, проведенные там же 22 и 24 февраля, свели к минимуму его положительное значение».

Он констатировал, что поддержку позиции ЦК КПСС по референдуму «можно ждать лишь от некоторых патриотических организаций (народно-патриотического фронта «Отечество», «Памяти» (Сычев) и др.), а также от Демократической партии СССР, Православного монархического ордена-союза, Комитета спасения Волги, товарищества социалистов-народников и др. Резко против выступает движение «Демократическая Россия», в котором наибольшую активность проявляют Демократическая, Республиканская, Социал-демократическая партии Российской Федерации, о чем было четко заявлено на их трехсторонней встрече в Москве 26 февраля 1991 г.»

Оценивая Б. Н. Ельцина, Мироненко обращал внимание на то, что он успешно действует в условиях конфликтов, является тараном для взламывания союзных структур. «Характерно, — писал он, — что после известного телеинтервью, которое является, по существу, началом его предвыборной кампании в борьбе за пост Президента РСФСР... рейтинг (Ельцина. — Р. П.) опять стал повышаться». Отсюда его рекомендация — направить критику не против лично Ельцина, которому она не только не страшна, но и, в известном смысле, способствует подъему его авторитета, а против членов его «команды».

«Исходя из вышеизложенного, — писал недавний главный комсомолец страны, — среди первоочередных задач партии — максимально успешное проведение референдума 17 марта. В оставшееся время нужно попытаться создать соответствующий эмоциональный фон его проведения, развеять усиленно пропагандируе-

мую оппозицией мысль о том, что в случае успеха руководства страны даже только в России, начнется переход к диктатуре «именем народа». Он же выдал и серию стандартных рецептов по успешному проведению агитационной кампании в пользу Союзного референдума. (Среди них выделялся своей оригинальностью совет пошире организовывать в это время международные командировки для представителей оппозиционных сил.)

Ознакомившись с этим посланием, Горбачев снабдил его следующей резолюцией:

«Тов. Ивашко В. А., членам Политбюро, секретарям ЦК КПСС. Записка Отдела по связям с общественно-политическими организациями содержит дельные предложения. Надо буквально мобилизовать всю партию, чтобы реализовать их на практике. Остаются считанные дни, а тут нужна огромная по масштабам организаторская работа, да и расходы немалые (печатание листовок, их распространение и т. д.). Но это политическое сражение, может быть, решающее. Если партия его выдержит, оно поможет ей стать на ноги, придаст уверенность в свои силы. Прошу основательно обсудить и, если хотите, перевести все партийное руководство на «чрезвычайный» режим.

М. Горбачев».

Михаил Сергеевич уже сам пошел в бой, не доверяя своим партийным сподвижникам. 5 марта в ЦК состоялось совещание с первыми секретарями ЦК компартий, обкомов, крайкомов и райкомов. Выступление М. С. Горбачева известно по записи, сделанной А. Н. Гиренко, основные его положения — уже мало чрезвычайных мер, в России ситуация требует развязки, идея подмены центра вызрела в США. Выступая на совещании, Полозков — первый секретарь ЦК компартии России — отвесил Горбачеву сомнительный комплимент: «Михаил Сергеевич, ваши последние выступления вселили уверенность в партийные коллективы. Теперь, Михаил Сергеевич, вы прочно срослись с консерваторами». Руководитель Российской компартии обратился с призывом к введению президентского правления в стране.

Соратник Горбачева, А. С. Черняев позже записал в своих мемуарах: «Сам Михаил Сергеевич говорил нам с Игнатенко: «Песенка Бориса Николаевича спета, он заметался, боится спроса за то, что сделал или не сделал для России»¹.

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 432.

Для того чтобы исключить для оппозиции возможность использовать радио и телевидение, укрепить над ними партийный контроль, 14 марта Секретариат ЦК КПСС принял специальное постановление, по которому партийная организация Гостелерадио СССР преобразовывалась в Московскую партийную организацию Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании на правах райкома КПСС.

Стремление полностью контролировать прессу гармонически подводило к тому, что пришла пора заняться и иностранными радиостанциями, вещавшими на русском языке на СССР. Этому было посвящено письмо заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС А. Дегтярева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. Рыкина с неоригинальным названием «О некоторых мерах противодействия подстрекательской деятельности западных радиостанций», датированное 15 марта 1991 г.¹

Между 10 и 17 марта в ЦК КПСС состоялось новое совещание. Выступление на нем Горбачева было исключительно резким, если не прямо циничным. Насколько известно, сведения об этом совещании еще не становились достоянием прессы. Это выступление также стало известно из рабочих записей, сделанных А. Н. Гиренко. Вот суть его: дело идет к развязке, мы должны выиграть российский съезд. Необходимо жестко контролировать телевидение. (Опускаю оценки телевидения, сделанные Горбачевым и записанные Гиренко.) «Наполнить эфир нашими точками зрения, — требовал «творец гласности». — Выиграть референдум и съезд. Надо в Москве готовить митинг на 23 марта».

Заместитель М. С. Горбачева — В. А. Ивашко добавил: российскому съезду нужно готовиться к административным мерам. Надо оградить депутатов от терроризма.

Мысль — оградить депутатов от насилия — звучала и 5 марта на пресс-конференции депутатов ВС РСФСР, относящихся к руководству Верховного Совета, — ярых противников Ельцина — С. П. Горячевой, Б. М. Исаева, В. Б. Исакова, Р. Г. Абдулатипова, В. С. Сыроватко, А. А. Вешнякова. В коммунистической прессе с натугой раскручивалось «дело о 150 миллиардах» как повод для отставки правительства И. Силаева. Напомню суть его: попытка обменять 140 млрд. рублей на 7,5 млрд. долларов, то есть без малого по 20 рублей за доллар.

(Время жестоко пошутило с авторами той публикации — к началу ноября того же года доллар стоил уже 100 рублей и стремительно рвался вверх.)

¹ РГАСПИ.Ф. 89. Оп. 2. Д. 15.

Начавшееся наступление на позиции Ельцина спровоцировало его на серию резких выступлений. Новым шагом стала его речь 9 марта 1991 г. в Доме кино, там, где ему приходилось выступать еще во времена своих избирательных кампаний. Его 25-минутное выступление 20 раз прерывалось овациями. Ельцин призывал своих сторонников в ответ на усиление коммунистического давления «переходить в наступление... Пришло время создавать на базе «Дем. России» мощную политическую партию. Мы видим, как на глазах организовывается КПСС, мы должны понять: они идут организованным фронтом. ...А март и вообще этот год будет решающим, — обращался он к аудитории, — или демократию задашат, или мы — демократы — не только выживем, но и обязательно победим в этом году.

Нас обвиняют в развале Союза. Кто развалил Союз, кто оттолкнул семь республик? Демократы? Российский парламент? Его руководство? Российское правительство? Семь республик из Союза вытолкнул президент своей политикой. Нам не нужен Союз в таком виде, в котором существует сейчас. Нам не нужен такой центр — огромный, бюрократический. Нам не нужны министерства, нам не нужна вся эта бюрократическая крупная машина, которая жестко все диктует сверху вниз уже 70 с лишним лет. Мы должны от этого избавиться.

...Сегодня напечатан проект Союзного договора. В очередной раз выступая на сессии Верховного Совета Союза, Президент обманул, когда сказал, что на девять десятых это все согласовано. Со стороны России руководитель рабочей группы Хасбулатов не подписал.

...Вы понимаете, что мы по своей искренности, может, это громко сказано, считали, что политика нравственная. Ничего там нравственного нет. У них политика безнравственная, она грязная — эта политика! И, может быть, кое в чем нам тоже пора, как шахтерам, засучить рукава и уже кулаки поднимать.

...Я за то, чтобы Президента избирали всенародно. Это я говорил и перед выборами. Но я за то, чтобы тогда вся структура власти была таким же образом подкреплена народом. То есть тогда бы все председатели Советов избирались всенародно. Во-первых, тогда туда предателей не пропустят, народ их видит насквозь. Во-вторых, это будет сильная исполнительная и законодательная власть на местах. Мы будем знать, через кого действовать»¹.

Вечером того же дня в программе «Время» на Центральном телевидении выступил Лукьянов и оценил речь Ельцина как

¹ Ельцин — Хасбулатов: Единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 67—69.

стремление накалить обстановку в обществе, вызвать конфронтацию, возбудить народ против законно избранных органов власти.

Референдум неудержимо приближался. 15 марта М. С. Горбачев обратился по телевидению с призывом голосовать на референдуме за сохранение СССР. На следующий день было опубликовано обращение ЦК и ЦКК компартии РСФСР к народам Российской Федерации с призывом сохранить СССР и отвергнуть вопрос российского референдума.

17 марта референдум состоялся. И, как и ожидалось, его итоги можно было толковать на любой лад. Можно было утверждать, что 76% населения страны высказались за сохранение Союза ССР. Можно было утверждать и обратное — в голосовании о судьбе Союза не участвовали большинство жителей Грузии, Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии. Можно было утверждать, что 71,34% населения РСФСР — за Союз. Но против сохранения Союза высказались жители Свердловской области, практически половина населения Москвы и Ленинграда. При кажущейся поддержке позиции ЦК КПСС и ЦК РКП свыше 70% избирателей, пришедших к урнам для голосования, были за СССР, явно антикоммунистический вопрос (в конкретных условиях марта 1991 г.) — вводить ли пост Президента России — поддержало 70,88% избирателей.

Желаемая ясность не наступила. Пожалуй, единственным немедленным результатом проведения референдума стало то, что 19 марта было принято Постановление Кабинета министров СССР «О реформе розничных цен и социальной защите населения», постановления очевидно непопулярного, так как там провозглашался курс на осуществление «реформы розничных цен, включающей поэтапную их либерализацию». Понятно, что перед референдумом это постановление не решались опубликовать. В остальном все оставалось по-прежнему. Только вместо победы на референдуме сейчас требовалась победа над Ельциным на внеочередном съезде народных депутатов РСФСР.

Процесс суверенизации в СССР начинался едва ли не как выделение и открытое противопоставление партийно-государственного аппарата союзных структур республикам, их политическим организациям, местным элитам. На этом пути заметной вехой стало и избрание в марте 1990 г. Верховным Советом СССР М. С. Горбачева Президентом СССР, создавшее мощный прецедент для других республик, открывавшее тот самый «парад суверенитетов», который позже столь охотно критиковался и Михаилом Сергеевичем, и референдум, неподготовленный, преждевременный.

обративший сложнейшую проблему — будущее СССР — в объект политических конфликтов, в источник противостояния.

Референдум завершился успешно. Суверенитет «сильного центра» был подтвержден. Другое дело, что сам этот «сильный центр» становился ненужным, и чем больше он обособлялся, тем легче и заметнее он уходил от реальной политической жизни страны.

Как не приняли новую Конституцию России. За спорами о процедурных вопросах, которые велись на Президиуме Верховного Совета РСФСР, так как там вырабатывались принципы парламентаризма, не следует забывать тот существенный факт, что корпус народных депутатов РСФСР отражал политическую структуру расколотого российского общества. Два крупнейших политических блока — «Демократическая Россия» и «Коммунисты России» — имели примерно равное количество сторонников — по 400—450 голосов. Между ними велась яростная борьба за нейтральную часть депутатов¹.

Между ними существовали принципиальные расхождения о целях будущего России, о судьбе социалистического наследия, концептуальные различия в проведении внутренней политики, отношениях с союзным центром. Позиция «Демократической России» усиливалась тем, что Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин был сторонником этого политического движения. Однако его противники в Верховном Совете и на съездах были не только многочисленны, но и связаны с руководством Союза ССР, с аппаратом ЦК КПСС в центре и на местах. Не будет преувеличением считать, что против Ельцина и «Демократической России» велась своего рода позиционная война, то стихавшая, то усиливавшаяся, то тайная, скрывавшаяся за занавесом парламентских процедур и консультаций с союзными ведомствами, то явная, реализовавшаяся в указах Президента СССР, в шумных политических скандалах.

Первым политическим конфликтом, практически оказавшимся вне поля зрения не только исследователей, но и тогдашней прессы, стал конфликт вокруг проекта новой Конституции России². Остановимся по преимуществу на политических аспектах этой темы.

Уже I съезд народных депутатов принял 16 июня 1990 г. Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основно-

¹ Филатов С. А. На пути к демократии. М., 1995. С. 52—54.

² В фонде 10026 сохранился очень значительный фонд Конституционной комиссии.

го Закона) РСФСР»¹. В соответствии с решением съезда 22 июня 1990 г. вышло распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР «О порядке деятельности Конституционной комиссии».

Этим распоряжением была создана рабочая группа Конституционной комиссии из состава депутатов — ученых и практиков. Группа должна была работать на постоянной основе на тех же основаниях, что и члены комитетов и комиссий Верховного Совета РСФСР.

В рабочую группу Конституционной комиссии вошли: Хасбулатов Р. И., Румянцев О. Г., Адров В. М., Амбарцумов Е. А., Арсланова Ф. Ш., Бабурин С. Н., Баловнев В. П., Безруков И. А., Бигнов Р. И., Варов В. К., Ведерников Н. Т., Волков Л. Б., Захаров М. Л., Золотухин Б. А., Кадышев В. Д., Ключевант В. В., Ковалев С. А., Кожокин Е. М., Лукин В. П., Мазаев В. Д., Макаркин Н. П., Медведев П. А., Митюков М. А., Пименов Р. И., Подопригора В. Н., Рыжов Ю. А., Тиунов О. И., Цанн-Кай-Си Ф. В., Шахрай С. М., Шейнис В. Л., Шелов-Коведяев Ф. В.

В составе комиссии были образованы шесть подкомиссий по «общим принципам конституционного строя Российской Федерации», «избирательной системе, высшим органам государственной власти и местного самоуправления», «экономической системы и социальным гарантиям», «национально-государственному и территориальному устройству и новому Союзному договору», «правам человека и гражданина», «судебно-правовой системе».

Работа комиссии должна была идти максимально открыто для общественности. Был предусмотрен конкурс на проект новой Конституции.

На конкурс проектов Конституции России в Президиум российского парламента было представлено 39 авторских текстов, 18 из которых были отобраны для дальнейшего рассмотрения.

Перед Конституционной комиссией были поставлены сжатые сроки: проект новой Конституции должен был быть представлен к декабрю 1990 г. Завершить подготовку проекта новой Конституции следовало его публикацией в печати.

Устанавливалось, что новая Конституция РСФСР, после ее обсуждения на съезде народных депутатов, может быть утверждена на референдуме.

Председателем комиссии стал Ельцин, его заместителем — Хасбулатов, секретарем — Румянцев.

¹ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 3. Ст. 25.

Комиссия начала свою работу очень активно. Ясное представление о концепции конституционного проекта дает статья О. Г. Румянцева, опубликованная в журнале «Народный депутат»¹. Ее принципиальная позиция — гражданский мир как цель и условие Конституции. «Конституция может и должна стать средством достижения национального и социального согласия, способствовать закреплению гражданского мира, — писал Румянцев. — В то же время разработка и принятие нового Основного Закона могут успешно идти только как коллективный процесс, развивающийся на основе сотрудничества различных общественно-политических сил, формирования нового гражданского согласия. Проект Конституции можно будет назвать готовым, если вокруг его текста сложится консенсус».

В проекте Конституции лежали пять основных целей: достижение гражданского мира (то есть национального и социального согласия); обеспечение свободы личности и свободы выбора; политической стабильности; благополучия и экономического роста; выполнение государством своих обязательств перед личностью и обществом. Это предполагает качественно иной, чем прежде, подход к созданию Конституции: она должна формироваться не только как документ о государственном устройстве, но прежде всего как действенное соглашение между личностью, обществом и государством. В результате должна произойти смена сложившейся модели политических отношений.

Румянцев обосновывал иные методологические принципы для проекта Конституции — возрождение традиций европейского и американского конституционного права и разрыв с советскими традициями. «Жесткий контроль тоталитарной власти над обществом, — писал Румянцев, — будет заменен многосторонним общественным договором... станет реальным приоритет народного и национального суверенитета над государством. Общество (самоорганизованный народ) — вот подлинный источник и носитель всякой власти».

В интерпретации Румянцева проект Конституции приобретал отчетливый антикоммунистический смысл — не в декларациях (внешне проект был подчеркнуто деидеологизирован), а именно в полном отказе от политических лозунгов, свойственных всем советским Конституциям.

Зато Румянцев не скупился на выражение своих взглядов в статье-комментарии. «Советское государство не нуждается ни в ка-

¹ Румянцев О. Г. Новая Конституция для России. Подходы и принципы // Народный депутат. 1990. № 15.

ких ограничителях, — писал он. — Власть коммунистического правительства не была справедливой — она не основывалась на согласии управляемых управляться подобным образом. Не было добровольного отказа граждан от части их прав и свобод в пользу государства. Власть не являлась легитимной. Она не могла быть гарантом прав граждан, не охраняла их собственность и безопасность, но присваивала себе право безоговорочно распоряжаться этими правами, паразитируя на распределительной монополии, перераспределяя не только материальные блага, но и информацию, эмоции и веру».

Структура проекта Конституции была следующей:

Преамбула.

Раздел 1. Основы конституционного строя Российской Федерации.

Раздел 2. Права, свободы и обязанности человека и гражданина.

Раздел 3. Гражданское общество.

Раздел 4. Федеративное устройство.

Раздел 5. Система государственной власти.

Раздел 6. Заключительные положения.

Раздел 7. Переходные положения.

Основопологающей для проекта Конституции была Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая Первым съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г.

Декларация была обещанием; Конституция станет его выполнением, писал Румянцев.

Румянцев предупреждал и о серьезной проблеме, которая становилась все более очевидной. «С принятием новой Конституции Российской Федерации и реализацией верховенства ее положений становятся неясными назначение и правомочность Конституции союзной. И не только самого документа, текста, но и институтов Союза ССР; президентства, съезда народных депутатов СССР, союзного Совмина и др.».

Выход из этого противоречия между двумя конституционными основами — Союза ССР и России — Румянцев видел в том, чтобы «узаконить принцип добровольных двусторонних и многосторонних межреспубликанских договорных отношений — как наиболее здоровой основы возможного в будущем ренессансе конфедерации. Но уже не на базе репрессивных органов (КПСС, КГБ)».

Главой государства (вариант: «и исполнительной власти») по проекту Конституции должен стать президент.

В проекте содержалось положение, что «Конституция Российской Федерации является верховным Законом Республики. Ни-

какие законы и прочие правовые акты, противоречащие ее положениям, не имеют юридической силы. Закон может быть только формой выражения права. Нормы Конституции имеют прямое действие». Нетрудно понять, что это положение означало, в случае его реализации, выход России из правового пространства СССР

Обращало на себя внимание то, что Румянцев почти не упоминал о Советах. Юридическая неопределенность Советов, сочетавших в себе законодательную и элементы исполнительной власти, выводила Советскую власть за пределы проекта Конституции, построенной на последовательном разделении властей.

Вместе с тем проект вступал в противоречие с лозунгом «Вся власть Советам», который был едва ли не наиболее популярным в ходе избирательных кампаний 1989—1990 гг., с Конституцией РСФСР, по которой строилась российская государственность.

Неслучайно поэтому, что уже на завершающей стадии подготовки проекта Конституции, 22 октября 1990 г., Председатель Совета Республики В. Б. Исаков обратился к Председателю Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцину и членам Президиума Верховного Совета РСФСР с предложением отказаться от принятия новой Конституции¹.

Исаков писал в докладной записке: «Сложившаяся в настоящий момент экономическая и политическая ситуация крайне неблагоприятна для развертывания конституционного и договорного процессов:

1. Завершается (но еще не завершился) распад административно-командной системы. Новые рыночные структуры находятся в стадии становления и пока не могут быть основой экономического развития.

2. Разрыв хозяйственных связей и кризис потребительского рынка породили на всех уровнях Советов стремление обезопасить себя — закрепить на правах собственности как можно больше ресурсов, занять более выгодную позицию в системе власти. В этом первопричины национального и регионального сепаратизма, первоисточник «парада суверенитетов».

3. Завершается (но еще не завершился) распад однопартийной политической системы. Формирование новой политической системы предполагает борьбу за власть. Начало конституционного процесса даст сигнал для новой политической схватки, возможно, в самых острых формах.

¹ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики... С 151—152

4. Предшествующее экономическое развитие, деятельность средств массовой информации, выступления некоторых народных депутатов способствовали распространению в обществе кризисного сознания. Ожидание грядущего кризиса опасно тем, что любой сбой может быть воспринят как его начало, привести к массовой панике с тяжелыми экономическими и социальными последствиями.

Действие неблагоприятных факторов усиливается малокомпетентностью новой власти, медлительностью в принятии неотложных решений Верховным Советом и Советом Министров РСФСР местными Советами...

В сложившихся условиях представляется оправданной следующая последовательность действий:

1. Пока не переводить конституционный и договорный процессы в активную фазу, ограничиться проработкой вопросов на уровне экспертов, взаимными консультациями. Возможно подписание некоторых предварительных документов — экономического соглашения, Декларации о принципах...

2. Максимум внимания необходимо сосредоточить на экономической реформе и обеспечении текущих нужд граждан. Быстро и четко решить вопрос о разграничении собственности между РСФСР и СССР. Разграничить собственность между различными уровнями власти внутри РСФСР: каждый Совет должен знать, чем он владеет, чем может распоряжаться. Доказать дееспособность Правительства РСФСР в управлении экономикой. Выработать новые принципы формирования бюджетов в РСФСР. Создать российскую систему снабжения и т. д. и т. п.

3. На переходный период, 1991—92 гг., сохранить действие Конституции РСФСР (Закон РСФСР «О взаимоотношении Советов народных депутатов в период экономической реформы» — по существу шаг в этом направлении). Следует отложить на будущее решение вопросов, способных вызвать раскол и противостояние в обществе, — о национализации имущества КПСС, о частной собственности на землю и др.»¹.

Предложения Исакова, при всей реалистичности, вступали в противоречие со всей системой права России, складывавшейся со времени Первого съезда народных депутатов РСФСР. В сущности, Исаков призывал отказаться от важнейших правовых и политических итогов развития России в 1990 г. В «докладной» Исакова было и чисто юридическое противоречие. Создание (или отказ от создания) правовых актов Исаков ставил в зависимость от политических фак-

¹ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. С. 152.

торов, то есть делал то, за что он прежде решительно критиковал своих оппонентов на заседаниях Президиума Верховного Совета.

Необходимо подчеркнуть к тому же, что аргументы, использованные Исаковым, объективно сближали его с позицией фракции «Коммунисты России».

Аргументы Исакова не были приняты Президиумом.

21 ноября 1990 г. на заседании Президиума рассматривался комплекс вопросов, связанных с приближавшимся Вторым съездом народных депутатов.

Именно тогда было принято решение — рекомендовать Верховному Совету РСФСР утвердить мелодию «Патриотической песни» М. И. Глинки в качестве Государственного гимна России¹.

О концепции аграрных законов и степени их подготовки к принятию доложил Президиуму В. А. Агафонов.

Следующим вопросом на Президиуме стал вопрос о подготовке Конституции, с которым выступил секретарь Конституционной комиссии О. Г. Румянцев. Он сообщил, что работа над проектом Конституции завершена и проект может быть опубликован для обсуждения и последующего принятия на II съезде.

На обсуждении, судя по стенограмме, сразу же возник вопрос о президентской власти.

«Из зала:

Я правильно понял, что для того, чтобы в старую конституцию ввести фрагмент, связанный с Президентом, надо 10 статей. А почему не одну? Ведь это целая глава. Я думаю, все-таки можно одну статью.

Румянцев О. Г.

Вы знаете, у нас связано — президент идет в системе исполнительной власти. Президент предлагается как глава исполнительной

¹ Утверждение произошло на следующий день, 23 ноября 1990 г., на заседании Верховного Совета РСФСР. В постановлении Верховного Совета значилось:

«1. Одобрить музыкальные варианты Государственного гимна РСФСР, созданного на основе мелодии «Патриотической песни» М. И. Глинки.

2. Ввести в практику исполнение Гимна на государственных и других официальных мероприятиях, проводимых на территории РСФСР, а также ежедневную трансляцию по республиканской и региональным телерадиосетям.

3. Исполнить музыкальный вариант Государственного гимна РСФСР в день открытия II съезда народных депутатов РСФСР 27 ноября 1990 года

Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов».

власти. Менять тогда нужно и Совмин, весь раздел нужно менять, и взаимоотношения президента и парламента. Это большой комплекс.

Мы долго думали, товарищи, и предлагаем все-таки внимательно рассмотреть именно проект новой Конституции, потому что там все взаимосвязано, все взаимоувязано и все гармонично учтено...

Ельцин Б. Н.

В проекте новой Конституции предусмотрено, и мы даже пошли на то, что объем увеличился, но даже дали два варианта президентства. И там будет печататься два варианта — вариант «а» и вариант «б». Вариант «а» — полупрезидентство, если можно так выразиться. То есть он не берет на себя исполнительную власть, будет и Совет Министров, само собой.

Второй вариант «б» — это полное президентство, когда исполнительная власть с соответствующим кабинетом подчиняется президенту» .

Уже на следующий день — 22 ноября 1990 г. — проект новой Конституции России был опубликован в «Российской газете», а 24 ноября — в «Советской России».

Однако вскоре в процессе принятия Конституции произошел крутой поворот.

23 ноября 1990 г. на заседании Президиума выступил Б. Н. Ельцин. «Короткий вопрос: об изменении повестки съезда с учетом того, что идет уже открытая война с еще только что представленным публике опубликованным проектом Конституции, с учетом того, что... должно сложиться какое-то общественное мнение и народ должен ее почитать, вчитаться и как-то воспринять или не воспринимать. Чтобы нам в этой борьбе, которая уже планируется на съезде, не потерять вопрос продовольствия, агропромышленный вопрос, то есть предложение вопрос о новой Конституции снять, а оставить только о поправках к Конституции, которые в соответствии с законами у нас возникли.

Проект Конституции напечатан, пусть идет обсуждение, изучение, будем проводить пропагандистскую работу, семинары различные и т. д. А, скажем, на очередном мартовском съезде народных депутатов вынесем этот вопрос.

Члены Президиума:

Надо проголосовать

Ельцин Б. Н.

Зачем каждый раз голосовать? Я бы мог спросить, кто против? Один против.

¹ ГАРФ Ф. 10026 Оп. 1. Д. 1287. Л. 29.

Я говорил и с рабочей группой, действительно, нас могут обвинить в поспешности. Только опубликовать и сразу — на съезде. Могут быть спекулятивные выступления, как «народ не поймет», «народ не примет». А когда накопим какой-то позитивный материал за это время, действительные отклики народа, как народ думает о Конституции на самом деле, а мы за три месяца его порядочно соберем, тогда у нас будут основания сказать, что «нет» Я так понял, с этим согласны»¹.

Аргумент Ельцина, что на съезде был определен вопрос, который необходимо обсудить на внеочередном II съезде, — это «продовольственный аграрный вопрос. С него будем начинать. ...И люди это поймут, они увидят, что съезд начнет с очень делового острого вопроса», — этот аргумент не должен вводить нас в заблуждение.

Отказ от обсуждения на съезде проекта новой Конституции означал политическое поражение Председателя Верховного Совета. Ельцин не рискнул вынести этот вопрос на съезд, так как существовала реальная угроза провала этого проекта. Ельцин ушел с наименьшими потерями. Однако давление на него продолжало нарастать.

30 ноября 1990 г. Исаков вновь обратился с докладной запиской к Ельцину. На этот раз, сообщая об угрозе сепаратизма, он предлагал «принять на предстоящем съезде постановление о приостановлении на два года (на переходный период к рынку или до заключения Федеративного договора) реализации Деклараций о суверенитете и всех решений об одностороннем изменении своего статуса. Другими словами, на два года сохраняем «статус-кво» Мотивировать это можно сложностью ситуации, неразграниченностью собственности, неопределенностью границ территорий. необходимостью сохранения хозяйственных связей и т. д.»². То, что поводом послужили рассуждения о стремлении к суверенизации автономных республик, сути не меняло.

Провал планов обсуждения проектов Конституции на II съезде народных депутатов и последующего утверждения Конституции на общероссийском референдуме был серьезнее, чем представлялось в тот момент Ельцину. На II съезде Ельцину и его сторонникам удалось получить поддержку большинства депутатов и провести ряд принципиальных поправок в действующую Конституцию. Среди них — закон РСФСР от 15 декабря 1990 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР».

¹ ГАРФ. Ф. 10026. Д. 1289. Л. 1—2.

² Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. С. 160—161

который закрепил, что «законы и иные акты Союза ССР, указы и другие акты Президента СССР, принятые в пределах полномочий, переданных Россией Союзу ССР, действуют на территории РСФСР непосредственно. Действие актов Союза ССР на территории РСФСР, ущемляющих суверенные права РСФСР, приостанавливается РСФСР» (ст. 76).

Однако после II съезда социально-политическая обстановка в стране существенно осложнилось, а вместе с этим стали уходить надежды на возможность утвердить проект новой Конституции на очередных съездах, как надеялся Ельцин.

Дорога в Ново-Огарево. На III съезде народных депутатов РСФСР Ельцин не только сохранил свой пост Председателя Верховного Совета РСФСР, но и добился дополнительных полномочий съезда для осуществления реформ. Выступая на съезде, Ельцин сформулировал свою политическую программу в условиях тех изменений, которые происходили в Советском Союзе. Говоря о необходимости подготовки нового Союзного договора, он отметил:

«На союзном и республиканском уровнях необходимо выполнение следующих политических условий.

Первое. Немедленное начало диалога всех политических сил и профессиональных объединений всех республик на принципах «круглого стола».

Второе. Формирование широкой демократической коалиции партий, рабочих движений и различных объединений, включая прогрессивно мыслящих членов КПСС.

Третье. Официальный отказ от применения силы, в том числе военной, как средства политической борьбы.

Четвертое. Развитие системы прямого народовластия, реализация решений союзного и республиканского референдумов.

Пятое. Реальная департизация органов прокуратуры, юстиции, КГБ, армии, государственного аппарата; запрет на совмещение партийных должностей с руководящими должностями в органах власти и управления, в том числе и для Президента страны.

Шестое. Введение системы разделения властей как начала строительства правового государства. Немедленный мораторий на несогласованное законодательство разных уровней законодательной власти.

Седьмое. Отмена всех неконституционных решений союзных и республиканских органов, ущемляющих политические, экономические, социальные и личные права и свободы граждан, создание эффективной системы гарантий их обеспечения.

Восьмое. Реальное обеспечение политического плюрализма, гарантии многопартийности.

Девятое. Создание условий для реализации конституционного права граждан на достоверную информацию, обеспечение независимости средств массовой информации».

Ельцин настаивал на немедленном создании коалиционного правительства народного доверия и национального согласия, на скорейшем подписании открытого для присоединения Договора о Союзе Суверенных Государств как федеративного добровольного и равноправного объединения и незамедлительном формировании новых органов Союза. Он говорил о необходимости «быстро, решительно... осуществлять перевод экономики на рыночные отношения, иначе будут развиваться процессы не просто распада, процессы дивергенции. И не от хорошей жизни пытаются республики и области замыкаться в себе, а от экономической нестабильности, от разрухи, от социальной апатии, связанных как раз с нерешенностью социальных проблем. Поэтому очень быстрое и уверенное движение к рыночным отношениям способно — единственно способно! — экономически связать наши области, наши республики, все наши регионы в единое целое — то, что мы с вами называем РСФСР»¹.

Политические последствия событий конца марта 1991 г. известны. Для М. Горбачева стало ясно, что испытанными, партийно-аппаратными методами не обойтись. Возникла необходимость компромисса. Началось удивившее многих сближение двух, казалось, непримиримых противников — Президента СССР и Председателя Верховного Совета РСФСР. Начинался Ново-Огаревский процесс, реальные попытки обновить СССР. Но началось и другое — утрата доверия к Горбачеву со стороны той части «советского руководства», которое готовило «окончательную победу» в конце марта 1991 г.

Горбачев начал стремительно утрачивать поддержку центрального и местного партийных аппаратов КПСС. В ЦК пошли многие десятки писем от первичных партийных организаций, райкомов, горкомов с резкой, грубой, часто оскорбительной критикой в адрес Горбачева и его сторонников, которых обвиняли в реформизме, А. Н. Яковлева, В. А. Медведева с требованиями наведения порядка в стране. Это была именно кампания, за которой явно проглядывалась организаторская роль аппарата ЦК КПСС, вступившего на «тропу войны» против своего Генерального секретаря.

¹ Ельцин — Хасбулатов: Единство, компромисс, борьба. С. 70—73.

16 апреля 1991 г. в Смоленске состоялась встреча партийных работников из городов-героев. Поводом послужила подготовка к 50-летию Великой Отечественной войны. Однако, по существу, эта встреча стала выработкой программы консервативного, фундаменталистского крыла КПСС накануне Пленума ЦК КПСС. На ней были резко осуждены деятельность Горбачева, идеи перестройки, звучали призывы о принятии чрезвычайных мер для «спасения Родины»¹. Подготовка очередного Пленума ЦК КПСС, назначенного на 24—25 апреля 1991 г., шла под лозунгами осуждения курса Горбачева. Накануне апрельского пленума деятельность Горбачева подверглась резкой критике на заседаниях Московского горкома и Ленинградского обкома КПСС.

Обстановка вокруг Горбачева накалялась. 18 апреля 1991 г. Яковлев направил ему письмо, в котором предупреждал: «Насколько я осведомлен, да и анализ диктует такой прогноз, готовится государственный переворот справа². Наступит нечто подобное неофашистскому режиму. Идеи 1985 г. будут растоптаны. Вы, да и Ваши соратники, будут преданы анафеме. Последствия трагедии не поддаются даже воображению». Яковлев призывал Горбачева выступить в качестве инициатора создания партии или движения демократических реформ на основе идей перестройки 1985 г., гражданского согласия, отстаивания единого Союза на добровольной основе³. Судя по воспоминаниям В. Медведева, сам Горбачев склонялся к необходимости поддержки идей центризма, пытался вести политический зондаж оппозиционных движений⁴, искал там поддержку.

В этих условиях Горбачев сделал резкий маневр: пошел на сотрудничество с теми республиканскими лидерами, которые были заинтересованы в подписании нового Союзного договора, но настаивавших на повышении уровня суверенитета республик, намеренных войти в этот Союз. Для этого необходимы были договоренности Горбачева и Ельцина. 16 апреля 1991 г. Б. Н. Ельцин выступал на заседании европейского парламента. Говоря о судьбе СССР, он заявлял: «Хочу сказать прямо и откровенно: обновленная Россия ни в коей мере не выступает за прекращение существования Советского Союза. Наоборот — мы видим будущее всей

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 535.

² А. Н. Яковлев использовал политическую терминологию конца 80-х гг., когда «правыми» в СССР называли коммунистов-фундаменталистов.

³ Цит. по: Яковлев А. Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. Ярославль, 1994. С. 263.

⁴ Медведев В. А. В команде Горбачева... С 181

страны именно как свободного добровольного союза — Союза суверенных государств, которые находятся в четкой системе договорных связей между собой. Они сами определяют совместно те функции, которые должны осуществляться от их имени на центральном уровне. ...Новый Союз должен быть построен снизу, усилиями самих республик». Ясно высказанное желание к заключению нового Союзного договора становилось платформой для сотрудничества, для будущих договоренностей.

Они были достигнуты, и 23 апреля, в загородной правительственной резиденции Ново-Огарево, в старинной усадьбе, расположенной в 35 километрах от Москвы, где прежде была дача Ворошилова, потом — Хрущева, Черненко, а при Горбачеве — место его личных встреч с Р. Рейганом и другими лидерами западных стран¹, состоялась встреча Президента СССР с руководителями РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении. Эта встреча, как и ряд других, состоявшихся в таком же составе, получила название «9+1» — девять союзных республик СССР и Президент СССР, олицетворявший союзный центр.

В итоге долгих и сложных переговоров, длившихся 9 часов, было подписано «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса». В этом документе было заявлено о необходимости «заключения нового договора суверенных государств с учетом итогов проведенного все-союзного референдума», принятии новой Конституции Союза, проведении, после принятия новой Конституции, перевыборов органов власти Союза. Кроме этого, в Заявлении содержался призыв к совместному проведению антикризисных мер, к соблюдению, впредь до принятия новой, норм старой Конституции, осуществлению ряда социальных мер, отказу от забастовок².

Это «Совместное заявление» стало очень сильным политическим шагом Горбачева, так как буквально за день до апрельского пленума он заручился поддержкой лидеров союзных республик, и его — Горбачева — деятельность на посту Президента СССР становилась условием возможности подписания нового Союзного договора. Но была у «Совместного заявления» и другая грань, свидетельствующая о больших, принципиальных уступках, на ко-

¹ Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 395—396.

² Союз можно было сохранить: Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 153—157.

торые должен был пойти Президент СССР. Прежде всего, союзные республики в ближайшем будущем должны были стать «суверенными государствами», нигде в тексте этого документа не применяется понятие «СССР» к будущему Союзу. Его политическая организация оставалась намеренно неясной. Нигде не было заявлено, что новый Союз будет социалистическим. Из этого нетрудно было заключить, что участники ново-огаревской встречи пересмотрели ряд положений недавнего референдума 17 марта 1991 г. и в них отразилась позиция российского руководства. Несомненную угрозу для союзных органов власти представляло положение, что после принятия новой Конституции должны произойти перевыборы высших органов власти СССР.

Апрельский пленум (24—25 апреля 1991 г.) ознаменовался резкой критикой Горбачева со стороны партийных функционеров. Его обвиняли в том, что «со страной сделали то, что не смогли сделать враги», от него требовали законодательно закрепить за КПСС статус правящей партии, контроль над средствами массовой информации, требовали от президента введения чрезвычайного положения. В разгар оскорблений в свой адрес Горбачев сделал заявление, что он намерен сложить с себя обязанности Генерального секретаря. Этот шаг, отчасти импульсивный, отчасти уже подготовленный и обдуманый Горбачевым и близкими ему людьми, вызвал среди участников пленума замешательство¹. На пленуме был объявлен перерыв, экстренно собралось заседание Политбюро. Горбачева попросили забрать свое заявление назад. Он отказался. Тогда Политбюро приняло следующее решение: «Исходя из высших интересов страны, народа, партии, снять с рассмотрения выдвинутое М. С. Горбачевым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС». Это решение было вынесено на утверждение пленума ЦК. Абсолютное большинство его участников не рискнуло проголосовать за отставку Горбачева и поддержало предложение Политбюро оставить его Генеральным секретарем².

Горбачев одержал несомненную победу. Прежде всего, наконец-то за ним оказалась поддержка руководителей большинства республик, появилась известная независимость от Верховного Совета СССР и ЦК КПСС. Во-вторых, его заявление об отставке и поддержка Горбачева в ходе голосования на пленуме на время ослабили критику в его адрес в рядах КПСС. Следует отметить и

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 538—539.

² 13 голосов — против. 14 — воздержалось. См.: РГАСПИ Ф. 89. Оп. 12. Д. 26.

го, что в обстановке острой предвыборной борьбы, развернувшейся в России, Горбачев впервые попытался стать несколько в стороне, не высказывал ясно своего отношения к кандидатам на пост Президента России.

Выборы Президента России. III внеочередной съезд народных депутатов дал сигнал к проведению выборов Президента России на основе прямых, всеобщих выборов. Очередной, IV съезд определил дату их проведения. Выборы были назначены на 12 июня 1991 г. Политические силы готовились к проведению кампании. Был ясен один кандидат — Б. Н. Ельцин, пользовавшийся поддержкой движения «Демократическая Россия» и новых партий, возникших в 1990 г. Ельцину противостояли мощные партийные организации КПСС и Российской компартии и союзные государственные структуры — КГБ и Министерство обороны. Другое дело, что прежнего единомыслия в них уже не было, позиции их руководителей значительно отличались от мнения многих сотрудников этих учреждений.

Накануне IV съезда сектор политического анализа и прогноза Гуманитарного отдела ЦК КПСС подготовил обстоятельную аналитическую записку «Президентские выборы в РСФСР (цели и тактика КПСС)»¹.

Прогноз аналитиков ЦК КПСС не отличался особым оптимизмом. «Можно предположить, — писали авторы записки, — следующие варианты основных целей:

- 1) предотвратить избрание на пост Президента РСФСР Б. Ельцина и добиться избрания кандидата от Коммунистической партии;
- 2) предотвратить избрание Б. Ельцина, не задаваясь целью обязательно провести своего кандидата на пост Президента;
- 3) признав невозможность воспрепятствовать избранию на пост Президента России Б. Ельцина, постараться максимально использовать избирательную кампанию для того, чтобы ослабить позиции Б. Ельцина как Президента и укрепить позиции Коммунистической партии».

Первый, наиболее желательный для КПСС вариант развития оценивался авторами как нереалистический. Причин было определено несколько: в обществе сформировалось «мнение об исторической вине КПСС за все происходящее и неспособности ее предотвратить сползание страны в пропасть». В КПСС не существовало в это время лидера, который бы смог противостоять сво-

¹ Записка подготовлена до 17 мая 1991 г., до начала работы IV съезда народных депутатов РСФСР. Здесь датируется по содержанию.

им авторитетом Ельцину, хотя в качестве возможных оппонентов Ельцину от коммунистической партии были возможны, по мнению авторов, такие кандидатуры: первый секретарь Московского горкома Ю. Прокофьев, Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов, член Совета безопасности при президенте СССР В. Бакатин, народный депутат РСФСР, одна из руководителей Верховного Совета РСФСР С. Горячева, возглавившая зимой — весной 1991 г. восстание против Председателя Верховного Совета России Б. Н. Ельцина. Кроме того, КПСС не в состоянии осуществить активное противостояние Ельцину и его сторонникам. «Сегодня партия деморализована, — писали аналитики ЦК КПСС. — Растерянность, пассивность и апатия, непонимание того, что делают центральные органы и делают ли они вообще что-либо, — вот характерные признаки состояния первичных организаций».

Второй вариант предполагал возможность избрать на пост Президента России человека, формально независимого от КПСС, но пользующегося поддержкой партии. Этот вариант оценивался как более реалистичный. Такими внешне независимыми кандидатами могли быть Н. И. Рыжков, бывший Председатель Совета Министров СССР, человек, который считался «жертвой» Горбачева, и В. В. Бакатин, имевший репутацию либерала и снятый с поста министра внутренних дел (хотя и получивший пост в Совете безопасности при Президенте СССР). На пост вице-президента в этом случае рекомендовались лидеры антиельцинской оппозиции в Верховном Совете РСФСР С. Горячева, С. Бабурин, В. Исаков. Этот вариант, по словам авторов записки, «позволяет избежать полностью или в значительной степени розыгрыш оппозиционными силами антикоммунистической карты. При этом не исключается возможность проведения на пост Президента коммуниста, но не как прямого кандидата от Коммунистической партии. Более того, возможно и в этом случае выдвинуть своего кандидата, но основные усилия сосредоточить на реализации второго варианта, продумав вопрос о тех организациях, которые могли бы выдвинуть кандидата как «независимого»».

Однако практически неизбежным аналитикам представлялся третий вариант — будет избран Ельцин. «В данном случае, — рекомендовали они, — следует предпринять серию эффективных и серьезных шагов в духе политического сотрудничества, общественного консенсуса именно с руководством Верховного Совета РСФСР и лично Б. Ельциным. ...«Согласившись» на избрание Б. Ельцина на условиях взаимовыгодного компромисса, Комму-

нистическая партия переносит основной акцент на второе направление — на борьбу за выборы руководителей местных органов власти. Именно здесь у Компартии больше возможностей и больше шансов на успех. Сторонники Б. Ельцина в настоящее время все свои не столь многочисленные, как у КПСС, силы бросают на победу в президентских выборах. Компартия в это время должна сделать максимально для своей победы на местных выборах».

Кандидатам от КПСС или поддерживаемым КПСС аппарат ЦК КПСС давал следующие рекомендации:

«1. Критика деятельности союзного центра, ошибок Кабинета министров и т. д.

2. Критика бездеятельности и непоследовательности Президента СССР.

3. Разоблачение практических действий «демократов» на примере городских Советов Москвы и Ленинграда, аферы «140 миллиардов» и т. д.

4. Непредсказуемость, марионеточность и низкие личностные качества Б. Н. Ельцина».

По крайней мере два из этих четырех направлений свидетельствовали о глубоком кризисе КПСС, ее расколе, так как Гуманитарный отдел ЦК КПСС, еще недавно именовавшийся идеологическим, рекомендовал публично критиковать союзный центр (куда, заметим, входил и ЦК КПСС) и Президента СССР, являвшегося Генеральным секретарем ЦК КПСС.

18 мая 1991 г. руководство Компартии РСФСР официально поддержало кандидатуру Н. И. Рыжкова на пост Президента России и указало парторганизациям на необходимость поддержать его на выборах.

20 мая 1991 г. Центральная избирательная комиссия зарегистрировала кандидатов в президенты — Бориса Николаевича Ельцина, Председателя Верховного Совета РСФСР, Вадима Викторовича Бакатина, члена Совета безопасности СССР, Николая Ивановича Рыжкова, народного депутата СССР, Аман-Гельды Молдагазыевича Тулеева, народного депутата РСФСР, Альберта Михайловича Макашова, командующего Приволжско-Уральским военным округом. Позже к ним присоединился Владимир Вольфович Жириновский, председатель незадолго до этого образовавшейся Либерально-демократической партии.

В острой предвыборной борьбе особую роль приобретали кандидаты на пост вице-президентов. Их популярность должна была помочь соответствующим претендентам на пост президента набрать максимум голосов.

Генерал Макашов, провозглашавший Россию республикой рабочих и крестьян, яростно выступавший против частной собственности, за сохранение России в границах 1945 г.¹, пригласил в качестве своего кандидата на пост вице-президента члена ЦК Компартии РСФСР профессора А. Сергеева. В. Бакатин пригласил к себе Р. Абдулатипова, одного из руководителей Верховного Совета РСФСР, философа, прежде работавшего в отделе Межнациональных отношений в ЦК КПСС, человека, критиковавшего Ельцина, но сохранившего репутацию «центриста», к тому же пользовавшегося, как считали, поддержкой в национальных регионах России. Н. И. Рыжков выступал в паре с генералом Б. Громовым, одним из самых известных военных деятелей в СССР уже потому, что он командовал 40-й армией в Афганистане и вывел ее из Афганистана. В. Жириновский выступил в паре с А. Завидией, коммерсантом и предпринимателем, связанным в своей коммерческой деятельности с Управлением делами ЦК КПСС. В данном случае проявилась черта, ставшая вообще характерной для Жириновского как политика: он вел выборы как свою персональную кампанию, и А. Завидия был нужен ему прежде всего как спонсор.

Сложнее была ситуация у Б. Н. Ельцина. По существу, все кандидаты в президенты вели свою избирательную кампанию против него. Ясно было и то, что побеждать на выборах следовало убедительно, так как в противоположном случае эти результаты могли быть оспорены. Победа была желательна в первом же туре, так как в обществе витало ощущение беспокойства. Законодательство о выборах президента, принятое IV съездом народных депутатов РСФСР, было несовершенным. Предполагалось, в частности, что президент должен был быть избран большинством *зарегистрированных в списках* избирателей. Это было много сложнее, чем получить большинство избирателей, *участвовавших в выборах*². Поэто-

¹ Это означало, в частности, выдвижение требований России на Крым, переданный Хрущевым Украине, а также на ряд территорий Казахстана, присоединенных к этой республике из земель РСФСР во время освоения целины.

² О. М. Попцов неправ, сообщая, что Б. Н. Ельцин оговорился в ходе избирательной кампании, заявив, что президент будет считаться избранным, если за него проголосуют более половины избирателей, внесенных в списки для голосования. Председатель Верховного Совета Б. Н. Ельцин абсолютно точно цитировал соответствующие законодательные акты. Другое дело, что эта норма чрезвычайно осложняла процедуру выборов См.: Попцов О. М. Хроника времен «царя Бориса». Россия. Кремль. 1991—1995. М., 1996. С. 59.

му задача — максимально мобилизовать сторонников на выборах — принимала первостепенное значение. Этой цели должна была служить и кандидатура вице-президента, который добавил бы голосов кандидату в президенты.

Возможным кандидатом на пост вице-президента рассматривался Г. Э. Бурбулис, народный депутат СССР, философ, сформировавшийся как политик в родном Ельцину Свердловске. В нем замечательным образом сочетались такие качества, как системное мышление, талант аналитика, способность стратегического планирования (он руководил избирательными кампаниями Ельцина в 1990 и 1991 гг.) и организационная неумелость, возможность и способность влиять на политическое развитие страны и «антихаризма» в общении с людьми. Слишком ученый, излишне рациональный Г. Бурбулис, при всех его достоинствах, добавить голосов Ельцину в качестве вице-президента не смог бы.

Другим кандидатом на этот пост считался Р. И. Хасбулатов, экономист, заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, проявивший себя в бурных событиях конца 1990 — первой половины 1991 г. как верный сторонник Ельцина. Он был одним из немногих представителей руководства Верховного Совета, которые не приняли участие в нападках на Ельцина накануне III съезда. Однако Ельцин колебался. Он отмечал в своих мемуарах, что его смущало отсутствие и у Бурбулиса, и у Хасбулатова способности нравиться людям, их неспособность снизойти до рядового избирателя.

Политической сенсацией стало то, что Ельцин определил в качестве своего кандидата в вице-президенты полковника, Героя Советского Союза А. В. Руцкого, народного депутата РСФСР и лидера группы «Коммунисты за демократию», не входившего прежде в круг людей, близких Ельцину. По его словам, предложение о выдвижении на пост вице-президента А. Руцкого поступило ему от его спичрайтеров Л. Г. Пихои и Г. Н. Харина¹. Кандидатура Руцкого была неожиданной, однако очень полезной для избирательной кампании. А. Руцкой имел репутацию храброго солдата, в полной мере глотнувшего тягот афганской войны (он был ранен, его самолет был сбит, и он находился в плену у моджахедов), поэтому он пользовался популярностью и в армии, и в обществе. В свое время, участвуя в выборах народных депутатов СССР, он позволял себе резкую критику в адрес «Демократической России», ее лидеров — академика А. Сахарова и Б. Ельцина.

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 46—48.

Депутатом СССР он не стал и участвовал, на этот раз удачно, в выборах народных депутатов РСФСР. Его позиция уже изменилась. Он, оставаясь членом ЦК Компартии РСФСР, выступил на III съезде против партийного руководства и повел за собой часть коммунистов, а это означало, что за связку Ельцин — Руцкой будет голосовать часть коммунистического электората; наконец, существовали представления об офицерской чести Руцкого и нравственной недопустимости интриговать против будущего президента.

Начало избирательной кампании свидетельствовало, что этот ход Ельцина был удачным. Привлечение Ельциным Руцкого вызвало замешательство в лагере коммунистических функционеров. Газета «Советская Россия», рупор антиельцинских сил, писала, что за этим выбором просматривается далеко идущая политическая интрига. Возможно, Руцкой нужен Ельцину как надежный партнер в жесткой, бескомпромиссной игре, как тогда, когда Руцкой расколол на съезде парламентскую фракцию коммунистов и спас Ельцина от возможной отставки. А может, как троянский конь в рядах полевевшей партии — чтобы ее расколоть и уничтожить. На ее же обломках Ельцин воссоздаст свою собственную партию, так как пока нет серьезной политической силы, способной на равных с коммунистами претендовать на власть.

Другие («Независимая газета», «Российская газета» и др.) писали, что кандидатура Руцкого выбрана политически безошибочно: как ответный шаг на выдвижение Рыжковым генерала Громова, как стремление использовать «афганский эффект», как расчет на привлечение в ряды сторонников Ельцина армии, МВД, КГБ. Руцкой, по мнению многих средств массовой информации, мог привлечь голоса множества коммунистов и военных, ветеранов Великой Отечественной войны и войны в Афганистане. Он может стать своеобразным «детонатором» раскола КПСС (газета «Россия»). Кроме того, приглашение прогрессивно настроенного коммуниста — это демонстрация Ельциным своих примирительных конструктивных намерений («Рабочая трибуна»).

Вторым по влиянию после Ельцина и Руцкого был тандем Рыжков — Громов. «Независимая газета» давала очень лестные характеристики этому союзу — Громов дополнит Рыжкова твердостью и решительностью, расширит круг избирателей Рыжкова. Этим Рыжков отводил мифы о своей «нерешительности», поддерживал одну из главных программных линий — борьбу за стабильность, законность и порядок в республике. Оппоненты Рыжкова выдвигали тезис о том, что это союз военных и консервативно настроенных политиков («Российская газета», «Рабочая трибуна»).

Бакатин оценивался по преимуществу как продолжатель либеральных тенденций Горбачева. Отмечалось, что он исповедует «философию здравого смысла», сознает свою ответственность, честен, ему противопоказаны сенсационность, популизм, пустое прожектерство, раздача несбыточных обещаний («Известия»).

Меньше всего писали о кандидатах, которых считали явными аутсайдерами — о генерале Макашове, А. Тулееве и первое время — о Жириновском. К последнему пресса относилась иронически, определяла его как анекдотического персонажа, обвиняла его в «хлестаковщине», отказывала ему в будущей поддержке избирателей.

Исключением из общих характеристик была оценка «Рабочей трибуны», отметившей ораторское искусство Жириновского, завидную таранную силу, сверхэнергичность. «Возникает предчувствие, что вокруг этой фигуры, отнюдь не случайной в политике, могут завертеться события. Если дать Жириновскому эфирное время, он может лишить Ельцина нескольких очень важных процентов. Успех Жириновского в том, что он предложил сменить вехи, выдвинуть новые приоритеты. Сказал много полезного и верного, в частности о величии державы и возвращении себе чувства гордости»¹.

Впоследствии пресса отмечала успешность избирательной кампании Ельцина. «Правда» констатировала, что Ельцин, предложив Руцкого, увел добрую часть российских коммунистов. «Московские новости» по этому поводу давали следующий прогноз: выбор Ельциным своего «вице-» многое предопределил в раскладе сил. Ельцин обречен на сотрудничество с реформистским крылом коммунистической партии. Кандидатура Руцкого весьма удачна, и этот тандем приговорен к победе. Мотивами выбора эксперты «Московских новостей» считали:

- 1) демонстрацию политики гражданского согласия;
- 2) гарантию дополнительных голосов на выборах;
- 3) возможно, честное выполнение условий соглашения «9 + 1».

Ельцин показал, считали эксперты «Московских новостей», что он не антикоммунист и бороться с коммунистами не станет, и этим отнял важный козырь у своих главных оппонентов. Как тактический ход — это весьма дальновидный шаг. Правда, предупреждали эксперты, по поводу роли Руцкого после победы есть некоторые сомнения. Станет ли Руцкой коллегой по реформам? Будет ли он выступать в роли дипломатического посредника между двумя политическими лагерями? Или окажется «троянским конем» перемен-

¹ Обзор материалов десяти центральных газет за период 20—25 мая 1991 г. относительно претендентов на пост Президента РСФСР.

чивых партийно-союзных структур? Вряд ли «вице-» будет настоящим вторым лицом в России. Полностью ли уверен Ельцин в его демократической благонадежности и предсказуемости поведения? В противном случае могут возникнуть большие проблемы¹.

12 июня 1991 г. состоялись первые в истории России выборы ее президента. Его итоги были следующими: Б. Н. Ельцин получил 57,3% голосов; на втором месте с огромным отрывом шел Н. И. Рыжков — 16,85%, на третьем (и это стало тоже полной неожиданностью) — В. В. Жириновский — 7,81%. Пресса пророчила ему около 1% голосов, а он смог обойти людей, считавшихся опытными политиками, — А. М. Тулеева с 6,81%, А. М. Макашова с 3,75% и В. В. Бакатина с 3,42%. Особенно заметно было поражение Бакатина, которого расценивали как выразителя курса Горбачева.

10 июля 1991 г. в Кремлевском Дворце съездов, специально построенном при Хрущеве для проведения съездов КПСС, впервые в истории России состоялась процедура вступления в должность Президента России. Масштаб события прекрасно осознавался как всеми участниками этой процедуры, так и миллионами людей, наблюдавших за ней по телевидению. Центральной темой происходившего стала тема исторической преемственности в развитии России. В фойе Дворца съездов, под гербами советских республик, были развернуты выставки государственных наград России и СССР с XVI до XX в., священных реликвий — книг всех конфессий страны — православия, мусульманства, буддизма, иудаизма, католицизма и протестантизма. Впервые звучал незадолго перед этим утвержденный Верховным Советом России новый гимн страны на мелодию «Патриотической песни» современника А. С. Пушкина, одного из родоначальников русской классической музыки М. И. Глинки.

Президент Б. Н. Ельцин принес присягу, в которой обязывался соблюдать Конституцию, защищать суверенитет России, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина. Впервые за 74 года глава государства получил благословение патриарха всея Руси. Президента Ельцина поздравил Президент СССР Горбачев.

Все эти красивые и торжественные процедуры свидетельствовали об одном: на глазах людей восстанавливалась Россия, осознающая себя как преемница и наследница своей многовековой истории.

¹ Обзор прессы (десяти центральных газет) за 27 мая — 1 июня 1991 г. относительно претендентов на пост Президента РСФСР.

Очерк 6

ПУТЧ.

САМОЛИКВИДАЦИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СССР

Обострение кризиса в союзном руководстве. Борьба вокруг проекта Союзного договора. — Репетиция. — Последний пленум. — Августовский путч. Подготовка. — Место действия — Форос. — Место действия — Кремль. — В Белом доме и вокруг него. — Грачев и Лебедь: искусство самозащиты. — Право против путча. — Баррикады. — 20 августа. — ЦК КПСС и путч. — Подготовка к штурму Белого дома и ее провал. — Трагедия в тоннеле Калининского проспекта. — Облом. — Снова Форос. — Власть после путча. — Крах КПСС. — Смертельная рана Союзу ССР. — Чечня: пролог трагедии. — Начало воссоздания государственности России. — От Ново-Огаревского процесса до Беловежской Пуши.

Обострение кризиса в союзном руководстве. Борьба вокруг проекта Союзного договора. Начало Ново-Огаревского процесса, как окрестили журналисты и политологи комплекс мер, направленных на подготовку нового Союзного договора, личное примирение Горбачева и Ельцина, их совместная деятельность по выработке этого договора не снизили уровень политического противостояния прокоммунистического и некоммунистического спектров политической жизни СССР. Коммунистическая партия последовательно вытеснялась с руководящих позиций. 17 апреля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О милиции», в статье 20 которого было записано: «В милиции не допускается создание и деятельность политических партий и их организаций». Вскоре было принято постановление Верховного Совета о департизации учебных заведений России.

ЦК КПСС и его российские коллеги протестовали, но остановить эти тенденции прошлыми методами было уже невозможно. Тогда в ход пошли другие. Основная линия противодействия наметилась в отношениях ЦК КПСС и Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Ельцина — сначала Председателя Верховного

Совета России, а с 12 июня 1991 г. — Президента России — и Президентом СССР Горбачевым — с другой.

Каждый шаг по подготовке нового договора был труден. Он требовал согласования между республиками и делался в острых дискуссиях с союзной властью. Но стоило появиться каким-то результатам на пути к взаимным договоренностям, как сразу же возникало противодействие в лице Верховного Совета СССР и скрывавшегося в его тени ЦК КПСС.

3 июня в Ново-Огареве прошло второе заседание подготовительного комитета по завершению работы над новым Союзным договором¹.

4 июня — на следующий день — Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов проинформировал сессию Верховного Совета о работе над Союзным договором. Депутаты поддержали его предложение воздержаться от обсуждения этого договора впредь до получения полного текста. Негативное отношение к нему демонстрировала крупнейшая фракция Верховного Совета СССР «Союз», фактическим лидером которой был Лукьянов. 8 июня руководство этой фракции и основанное ею Всесоюзное народное движение «Союз» приняло заявление «О заключении Союзного договора». В этом документе содержалось осуждение проекта договора, так как, по словам авторов заявления, «вновь подготовленный договор предусматривает ликвидацию СССР как единого федеративного договора... Возникла угроза, что договор будет подписан без рассмотрения Верховным Советом СССР и съездом народных депутатов СССР... и будет означать государственный переворот». Фракция «Союз» настаивала на обсуждении договора на Верховном Совете СССР.

10 июня 1991 г. на заседании Президиума Верховного Совета СССР под председательством А. И. Лукьянова было принято решение, на первый взгляд — рутинное, — заслушать на одном из ближайших заседаний информацию Кабинета министров СССР о социально-экономической ситуации в стране. На самом деле готовилась политическая сенсация, которая могла иметь долговременные результаты. К этим событиям мы вернемся ниже. Напомним: это решение принималось за два дня до выборов Президента России.

12 июня выборы прошли и завершились избранием Президентом Б. Н. Ельцина.

¹ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995, С. 160—162.

Ответной реакцией на провал коммунистических кандидатов на выборах стало совещание первых секретарей республиканских, краевых и областных комитетов Компартии России, состоявшееся в ЦК КПСС 15 июня 1991 г. Руководил этим совещанием секретарь ЦК КПСС О. Шенин. Участники совещания не слишком затруднялись в подборке слов для обвинения, по их мнению, главного виновника поражения — Горбачева. Ненависть к Горбачеву на этом этапе перехлестнула ненависть к Ельцину. Коммунистические функционеры были убеждены, что произошел фактический переход всей полноты власти в республике в руки представителя блока партий и общественно-политических движений «Демократическая Россия», открыто провозгласившего курс на замену существующего политического строя.

В пространном письме-отчете об итогах этого совещания Шенин специально подчеркнул: «В выступлениях прозвучала большая озабоченность тем, как ведется работа по подготовке и заключению нового Союзного договора. По мнению участников совещания, недопустимо игнорировать результаты Всенародного референдума о Союзе ССР и решений IV съезда народных депутатов СССР, совершенно определенно зафиксировавших название нового Союзного государства — Союз Советских Социалистических Республик и основные принципы его формирования. Подчеркивалось, что окончательное решение по этому вопросу правомерен принять только съезд народных депутатов СССР».

Отметим: это требование шло вразрез с согласованным в Ново-Огареве названием — Союз Советских **Суверенных** (а не Социалистических!) Республик.

Шенин говорил об «особом беспокойстве» участников совещания «в связи с действиями республиканского руководства по проведению департизации правоохранительных органов, высших и средних учебных заведений, игнорирующих Конституцию СССР и Закон СССР об общественно-политических объединениях». Он писал в ЦК: «Многие первые секретари партийных комитетов отмечали усилившиеся в первичных парторганизациях мнения о том, что руководство партии, Генеральный секретарь ЦК и его окружение отступают от решений XXVIII съезда КПСС, осуществляют их ревизию. На местах вновь поднимается вопрос о замене руководства ЦК КПСС».

К своему письму-отчету Шенин приложил заявление, подписанное секретарями крайкомов и обкомов Компартии РСФСР. Это заявление, по существу, звучало как ультиматум. Прочитируем его полностью:

«К членам ЦК КП РСФСР.

В последнее время действия политического и государственного руководства страны носят все более антинародный характер. Намечился отход от решений XXVIII съезда КПСС. Партия фактически отстранена от участия в выработке государственной политики. Руководство партией и государством осуществляется узкой группой лиц, игнорирующей Конституцию и законы СССР. Многие из происходящего сегодня не имеет ничего общего с перестройкой, которая была поддержана партией и народом в 1985 году.

В этих условиях считаем необходимым немедленное проведение пленума ЦК Компартии РСФСР по вопросам:

О политическом положении и тактике партии.

О созыве внеочередного съезда Компартии РСФСР, на котором должны быть приняты Программа и Устав Компартии РСФСР».

По сути — это призыв к свержению Горбачева.

17 июня в Ново-Огареве завершил работу подготовительный комитет по подготовке проекта Союзного договора. Проект был в тот же день разослан для обсуждения в республики Союза.

Репетиция. Этот день стал памятным запланированной Лукьяновым сенсацией. 17 июня прошло закрытое заседание Верховного Совета СССР. На нем выступили премьер-министр В. С. Павлов, министр обороны СССР маршал Д. Т. Язов, министр внутренних дел СССР Б. К. Пуго, председатель КГБ СССР В. А. Крючков.

Руководители «силовых» структур обвинили Президента СССР в действиях, противоречащих интересам СССР. В воздухе парламента витало обвинение Горбачева в измене. Язов сообщил, что по вине политики, проводившейся Горбачевым и Шеварднадзе, вывод советских войск из Германии, Венгрии, Польши осуществляется «в чистое поле», что кредиты, обещанные германской стороной на строительство жилья для военнослужащих, не могут быть использованы на практике, так как германская сторона настаивает на том, чтобы самой определять перечень фирм, которые будут строить в России, что из-за обещаний Горбачева сократить армию на 500 тыс. человек из Вооруженных Сил уволено 100 тыс. офицеров, многие из которых не выслужили пенсию, в том числе не дослужили до пенсии 2—3 месяца. Язов сообщал, что сорван призыв на действительную военную службу, в частности потому, что этому противились республиканские власти. Он утверждал: если дело так пойдет дальше, то «Вооруженных Сил у нас скоро не будет».

Министр внутренних дел Пуго сообщал депутатам о стремительном росте преступности, усилении межнациональных конфликтов,

о том, что только за год — с 1 августа 1990 г. — МВД изъяло у населения свыше 50 тыс. единиц огнестрельного оружия, тонны взрывчатки, что в межнациональных конфликтах на Кавказе в ход идет уже тяжелое оружие — бронемашины, пулеметы. Ответственность за эту ситуацию Пуго возлагал на политическое руководство страны.

В. А. Крючков подвел итог: он зачитал депутатам письмо Ю. Андропова, направленное в Политбюро ЦК КПСС еще 24 января 1977 г. Оно называлось «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан». Из письма следовало, что «...американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвинуть в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ...Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи»¹. У этого выступления был свой контекст, который должен был объяснить, почему политика Горбачева получала одобрение на Западе. Ответ был прост и отвечал политическим традициям СССР: потому и поддерживают, что он «агент влияния». Так же обстояло дело и с идеологом перестройки — А. Н. Яковлев в 1960 г. стажировался в Колумбийском университете США и идеально подходил под написанную для него в КГБ роль.

Премьер-министр В. С. Павлов льстил Верховному Совету СССР, обвиняя Президента СССР и Кабинет министров в том, что они недостаточно организовали исполнение принятых Верховным Советом СССР законов СССР, не использовали все имеющиеся конституционные права и предоставленные президенту дополнительные полномочия для стабилизации экономической и общественно-политической жизни страны». Он обратился к Верховному Совету с требованием предоставить ему дополнительные полномочия, фактически приравненные полномочиям президента.

Павлова решительно поддержала депутатская фракция «Союз». Депутат из Харькова таксист Л. И. Сухов митинговал: «Долой Горбачева и мафиозную группу, которая его окружает». В эту группу, по его мнению, входили А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, А. Г. Аганбегян. Другой активный деятель фракции «Союз», полковник В. И. Алкснис, утверждал: в стране нет власти. С. Умалатова тре-

¹ Политика. № 7. 1991, июнь. См. также: Крючков В. А. Личное дело. М., 1996. Ч. 2. С. 387—392.

бовала лишить президента дополнительных полномочий и передать их Кабинету министров. У вице-президента Г. И. Янаева спрашивали: в курсе ли обсуждения Горбачев? Янаев уверял, что Горбачев «в курсе вопроса и не видит здесь никакого политического подтекста». Он выразил беспокойство, что в отдельных выступлениях предложения Кабинета министров оценивались как чуть ли не попытка совершить государственный переворот. Но дело шло именно к конституционному перевороту, так как президент избирался съездом народных депутатов, и Верховный Совет мог начать процесс отстранения его от власти.

На следующий день встревоженный Горбачев пришел на заседание Верховного Совета, смог дезавуировать выступление Павлова, добился соответствующего голосования. Однако становилось ясно: он утрачивал контроль над Верховным Советом.

Депутаты Верховного Совета СССР не могли не быть противниками нового Союзного договора. Они откровенно боялись того, что при реформировании Союза Верховный Совет будет распущен. Понимая это и не осмеливаясь протестовать против нового Союзного договора как такового, они надеялись на затягивание процесса его подписания, пытались предусмотреть льготы для себя в будущем. 5 июля они даже приняли специальное решение о том, что съезд и Верховный Совет СССР должны доработать при любых условиях до окончания своих полномочий — до 1994 г.

12 июля 1991 г. Верховный Совет СССР принял весьма двусмысленное постановление «О проекте нового Договора о Союзе Суверенных Государств». Поддержав проект «в основном», Верховный Совет предложил такую сложную процедуру его согласования и утверждения, что делало малореальным окончательное его подписание.

23 июля состоялась очередная встреча руководителей республик в Ново-Огареве. На эту встречу явилось и все руководство Верховного Совета СССР — Лукьянов, Лаптев, Нишанов. На встречу прибыли премьер-министр Павлов, министр обороны Язов, министр иностранных дел Бессмертных, вице-премьер Щербаков. Горбачев обратился к собравшимся: «Я чувствую опасные тенденции. Нужно быстрее завершать договор». После долгой и трудной дискуссии о порядке отношений бывших автономных республик и республик, куда эти автономии входили, о порядке сбора налогов, договорились — окончательное подписание нового Союзного договора состоится 20 августа 1991 г. Обсудили и процедуру его подписания. Новый Союзный договор должен был быть

подписан в Георгиевском зале Кремля, в присутствии большого числа приглашенных, в том числе дипломатического корпуса. Продумали, казалось, все — вплоть до типа бумаги, на котором должен быть исполнен этот документ, и специального шнура, который будет скреплять листы договора¹. Процедурные вопросы могут развлекать и забавлять лишь людей неискушенных. В данном случае эта *процедура исключала любую роль Верховного Совета СССР и съезда народных депутатов СССР в подписании нового Союзного договора*. Для искушенных становилось ясно — этим органам нет места в будущем Союзе.

Ново-Огаревский процесс двигался, казалось, к успешному завершению. Сложнейшие вопросы отношений между республиками, провозгласившими свое желание остаться в новом Союзе, — Россией, Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Азербайджаном, Узбекистаном, Туркменией и Таджикистаном, многочисленными бывшими автономными республиками и союзным центром были согласованы. Однако это обстоятельство — реальность реформирования Союза — стало стимулом, толкавшим фундаменталистское крыло союзного руководства к решительным действиям. В тот же день в «Советской России» было опубликовано «Слово к народу» — политический манифест, под которым стояли подписи будущих деятелей ГКЧП В. Варенникова, В. Стародубцева, А. Тизякова, лидера-идеолога российских коммунистов Г. Зюганова, руководителя депутатской фракции «Союз» Ю. Блохина, деятелей культуры, близких к коммунистическо-националистическому крылу, — Ю. Бондарева, Э. Володина, Б. Громова, Л. Зыкиной, В. Клыкова, А. Проханова, В. Распутина. «Очнемся, опомнимся, встанем, и стар, и млад, за нашу страну, — писали они. — Скажем «Нет» губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления. ...Сплотимся же... чтобы содействовать укреплению Советской власти... Советский Союз — наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в години нашествий!..»²

Последний пленум. 25—26 июля 1991 г. в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС. Участники его не знали, что это был последний пленум этой партии в ее истории. Однако уже было ясно, что Горбачев фактически не управлял партией. В беломраморном зале, располагавшем к тишине и комфорту, где проходил пленум, стоял

¹ Союз можно было сохранить. С. 167—172.

² Советская Россия. 1991. 23 июля.

шум. Горбачева перебивали, из зала спорили с Генеральным секретарем. В повестке пленума было обсуждение проекта новой программы КПСС и определение срока проведения внеочередного XXIX съезда КПСС. Но участников пленума едва ли не больше волновало — как он относится к указу Президента РСФСР «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР», принятому накануне пленума — 20 июля. Гладкие, скользкие слова Горбачева вызывали у многих партийных функционеров настоящую злость.

Авторов проекта программы КПСС обвиняли в отступлении от идей коммунизма, в переходе на позиции социал-демократии, в том, что они даже боятся употребить слова «колхозно-совхозный строй», «кооперация», в том, что потерялось ключевое понятие — коммунизм, а если и произносили его, то, по словам Б. Гидаспова, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС, «в жанре надгробной эпитафии». Возмущение многих выступавших вызывали отступления в проекте программы КПСС от позиции воинствующего атеизма, которая всегда отличала идеологию коммунизма. Участники пленума доказывали и показывали, что КПСС стремительно вытесняется из политической жизни. «Компартия, — по словам А. Малофеева, первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, — ...если называть вещи своими именами, отстранена от выработки государственной политики... В самой КПСС критической отметки достигли разлад, брожение, несогласованность, угроза явного раскола».

Первый секретарь Московского горкома КПСС Ю. А. Прокофьев заявлял: «Предложенный проект Программы не стал ни документом, дающим новое видение теоретического базиса партии, ни программой ее действия. ...Я вынужден констатировать раздвоение политического сознания, потерю чувства реальности у авторов предложенного нам документа». Он резко критиковал идеологов перестройки, «либералов-шестидесятников», приведших страну к глубокому кризису. Ему вторил Гидаспов: на внеочередном съезде необходимо рассмотреть организационные вопросы, в том числе произвести изменения в составе ЦК, Секретариата и Политбюро, пополнить их молодыми членами партии, заново распределить функции между ЦК КПСС, Секретариатом и Политбюро, обсудить вопрос о целесообразности сочетания постов президента и Генерального секретаря.

Пленум принял решение провести внеочередной XXIX съезд КПСС в ноябре — декабре 1991 г., принять на нем новую Программу КПСС.

А в стране в это время разворачивалась мощная кампания партийных организаций с резким осуждением деятельности Горбачева. В областных организациях шли пленумы, совещания, требовавшие дать объяснения, почему партия начисто проиграла выборы Президента России, настаивавшие на скорейшем созыве съезда партии. Из Самары, Новосибирска, Тюменской, Псковской, Иркутской и Челябинской областей, из Пензы и Горно-Алтайской ССР, из партийных организаций Ленинградской области, из воинских организаций шли сотни и тысячи писем, требовавших наказания отступников от идей коммунизма, принять меры против указа Ельцина о департизации государственных учреждений, осуждали ЦК КПСС из-за того, что он «запаздывает с принятием новой Программы КПСС, что обезоруживает коммунистов перед оппозицией так называемых демократических сил»; выражали политическое недоверие Генеральному секретарю М. С. Горбачеву «за допущенные ошибки в осуществлении руководства партией и страной»¹.

Однако эти конфликты в КПСС воспринимались уже как «буря в стакане воды», как внутрипартийное дело той политической силы, которая стремительно уходила в историю. Впрочем, эти утверждения, как вскоре показали события, были несколько преждевременными.

Главным ожидаемым политическим событием было подписание нового Союзного договора. «Мы с Горбачевым вдруг ясно почувствовали, — писал в своих мемуарах Ельцин, — что наши интересы наконец-то совпали. Что эти роли нас вполне устраивают. Горбачев сохранял свое старшинство, я — свою независимость. Это было идеальное решение для обоих»². Дело шло к обсуждению уже того периода развития нового Союза, который должен был начаться после подписания Союзного договора. Обсуждению этих вопросов была посвящена встреча Горбачева с Ельциным и Назарбаевым 29 июля все в том же Ново-Огареве. Встреча носила конфиденциальный характер. На ней были достигнуты важнейшие договоренности — из руководства нового Союза будут убраны вице-президент Янаев, председатель КГБ Крючков, министр внутренних дел Пуго, министр обороны Язов, руководитель Гостелерадио Кравченко. По предложению Ельцина, договорились о том, что новым премьер-министром Союза будет Н. А. Назарбаев. Было

¹ ЦХСД. Ф. 8. Д. 3; Оп. 11. Д. 181; Оп. 11. Д. 180. Оп. 22. Д. 64. Оп. 11. Д. 179.

² Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 54.

также решено выдвинуть на пост президента Союза Суверенных Государств Горбачева.

В разгар разговора Ельцин забеспокоился — «нас подслушивают». Его опасение оправдалось. «Записали и этот разговор. Может быть, эта запись и стала спусковым крючком августа 91-го года», — записал он в своих мемуарах¹.

Августовский путч. Подготовка. 2 августа Президент СССР выступил по телевидению и сообщил, что проект нового Союзного договора готов и 20 августа начнется его подписание. 4 августа он отправился на отдых, в Крым. Его ждала дача в Форосе. Под именем правительственной дачи в Форосе (объект «Заря» — по терминологии КГБ) скрывался дворец-резиденция, выстроенная военными строителями на скалистом берегу Форосской бухты в 1986—1988 гг. 4 тыс. военных строителей за два года выстроили трехэтажную резиденцию и 200-местный корпус для охраны и обслуживающего персонала, провели реконструкцию аэродрома в Бельбеке, неподалеку от Фороса, привезли землю и посадили на территории дачи сотни деревьев. В комплексе обеспечения резиденции находились вертолетная площадка, объекты спутниковой связи. Дача изнутри охранялась тремя кольцами обороны. Первую линию составляли телохранители Горбачева и его семьи под командой генерала В. Медведева. Второй рубеж обороны — так называемая выездная охрана, круглосуточно дежурившая на шести постах внутри дачного комплекса. Третья — по внутреннему периметру дачи, где находилось пять постов Девятого управления КГБ, осуществлявшего охрану высших должностных лиц СССР. За стенами, ограждавшими территорию дачи, были расположены 34 наряда пограничников. Со стороны моря «объект «Заря» защищали три эшелона морской охраны — от аквалангистов до пограничных кораблей².

Здесь, в Форосе, начинались и заканчивались часы путча.

В истории возникновения путча и сейчас остаются загадочные места, которые пока не прояснены в огромном потоке мемуарных и документальных публикаций. Горбачев дорого бы дал, чтобы забылась его оговорка в разговоре с журналистами в первые часы после возвращения из «форосского плена» — «всей правды вы никогда не узнаете!». Попытаемся реконструировать эти собы-

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 56.

² Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. Версия следствия. М., 1992. С. 10.

гия, учитывая, естественно, противоречивость информации, предоставленной «действующими лицами».

Сама возможность введения чрезвычайного положения была законодательно предусмотрена, как и механизм его объявления. Они были изложены в законе «О правовом режиме чрезвычайного положения», принятом Верховным Советом СССР в 1990 г. Согласно этому закону режим чрезвычайного положения в стране может быть введен Верховным Советом или президентом, но обязательно по просьбе или при согласии Президиума Верховного Совета или высшего органа власти соответствующей республики.

Подготовка к возможности введения чрезвычайного положения осуществлялась в марте 1991 г., накануне III съезда народных депутатов РСФСР. После провала попытки ввести ЧП в апреле Совет безопасности вновь вернулся к разработке документов о нем. Работа велась, что называется, «впрок». Горбачев сам нередко говорил о необходимости «чрезвычайных мер». Эта риторика вообще была характерна для Президента СССР. В частности, 3 августа 1991 г., за день до своего отъезда в Форос, он заявил на заседании Кабинета министров СССР, что в стране существует «чрезвычайная ситуация» и необходимы «чрезвычайные меры». Причем оправдывался: «Народ поймет это!»¹ Энергичность высказываний Горбачева — заметим, вообще характерная для него, — могла превратиться в действия. «Не буди лиха, пока оно тихо» — гласит русская пословица.

А пока исподволь, незаметно идет работа по подготовке путча. Уже в апреле 1991 г., параллельно с предварительными действиями к возможному введению чрезвычайного положения, которые велись с санкции Президента СССР, шла разработка документов будущего ГКЧП. Накануне апрельского пленума (напомним, того самого, на котором Горбачев едва не ушел в отставку с поста Генерального секретаря) будущий участник Государственного комитета по чрезвычайному положению А. И. Тизяков, директор Свердловского завода имени Калинина — мощного военно-промышленного предприятия, занимавшегося производством современных средств вооружения, председатель Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства и связи СССР, человек, который отождествлял собой интересы военно-промышленного комплекса СССР, подготовил первый проект указа о введении чрезвычайного положения и создании Временного комитета управления СССР — прообраза Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП). В

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. Воронеж, 1993. С. 10.

его состав должны были войти — О. С. Шенин, секретарь ЦК КПСС, фактически — второй секретарь, имевший право вести заседания секретариата, О. Д. Бакланов, секретарь ЦК, «оборонщик», один из разработчиков ракетной техники, — заместитель председателя. Другим заместителем председателя назывался В. И. Болдин, правая рука Горбачева, его довереннейшее лицо, руководитель его секретариата. В состав этого чрезвычайного органа должны были войти министр обороны Язов, министр внутренних дел Пуго, председатель КГБ Крючков, первый секретарь Московского горкома Прокофьев, председатель колхоза в Тульской области и председатель крестьянского союза СССР В. А. Стародубцев¹.

Подготовка к введению чрезвычайного положения велась исподволь. Прежде всего, следовало заручиться поддержкой армии, МВД и КГБ. Союз трех «силовых» структур всегда считался необходимым условием для успешного осуществления переворота. Так было, например, накануне устранения с политической арены Хрущева. На уровне руководства этих ведомств договоренности имелись. Для других — Кабинет министров СССР летом 1991 г. демонстрирует заботу и увеличивает нормы продовольственного снабжения офицерам армии, МВД СССР, КГБ СССР, железнодорожных войск. Учитывая, что в магазинах летом 1991 г. купить вообще что-либо было трудно, пайки офицерам были реальной прибавкой к их жалованью.

20 июля 1991 г. состоялась расширенная коллегия КГБ с участием руководителей УКГБ республик, краев и областей по вопросам борьбы с организованной преступностью. В заседании коллегии принимали участие генеральный прокурор Трубин, министр внутренних дел Б. Пуго. На заседании коллегии отмечалось, что экономический кризис, политическая нестабильность, паралич структур исполнительной власти, пренебрежительное отношение к действующему законодательству создают условия для стремительного роста организованной преступности. Прорабатывались варианты совместной деятельности КГБ и МВД в условиях «паралича исполнительных структур».

Другим необходимым условием успешности переворота должна была стать его массовая поддержка снизу, на уровне местных партийных организаций. Шквал писем лета 1991 г. с резкими оценками Горбачева и требованиями «навести порядок» создавали иллюзию, что эта массовая поддержка будет обеспечена.

¹ Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. Версия следствия. М., 1992. С. 46. В списке А. Тизякова упоминается еще Г. В. Костин, сведениями о котором мы не располагаем.

Наконец, реальности политической жизни СССР 1991 г. требовали, чтобы на стороне заговорщиков были законодательные органы. То, что российский Верховный Совет не будет в этом деле помощником, со всей очевидностью продемонстрировали события марта 1991 г. Но зато был Верховный Совет СССР, недовольный процедурой подготовки Союзного договора.

Важно и то, что на стороне заговорщиков оказался Г. Янаев, воплощенная посредственность, назначенная по настоянию и на горе Горбачева на пост вице-президента СССР. Вице-президент мог заменить президента в случае его недееспособности, истинной или мнимой. Привлечение Янаева к заговору значительно усиливало позиции заговорщиков.

Казалось бы, все необходимые условия у заговорщиков были. Добавим к тому, что в стране был тяжкий экономический кризис, из магазинов вымело товары, не хватало самого необходимого — продуктов питания, табака, хлеба. Этот кризис, в свою очередь, позволял возложить ответственность за него на Горбачева.

Смутные слухи о подготовке заговора уже бродили. 20 июня государственный секретарь США Д. Бейкер в Берлине сообщил министру иностранных дел СССР А. Бессмертных о том, что американской разведке стало известно о подготовке смещения Горбачева, в которой принимают участие Павлов, Язов и Крючков. Эти же сведения были переданы в Москву через тогдашнего посла США Метлока¹.

5 или 6 августа Крючков встретился с Язовым, и они договорились «изучить обстановку». По словам Крючкова, это делалось едва ли не по прямому поручению Горбачева².

6 августа Крючков дал указание двум своим сотрудникам — заместителю Первого главного управления КГБ (разведка) Жижину и помощнику первого заместителя председателя КГБ Егорову — составить стратегический прогноз введения в стране чрезвычайного положения. К подготовке этого прогноза был подключен командующий воздушно-десантными войсками П. Грачев³. Прогноз оказался неутешительным. Через два дня аналитики сообщили, что введение чрезвычайного положения нецелесообразно. Но Крючков возразил — после подписания Союзного договора объявить чрезвычайное положение будет уже невозможно.

¹ Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор... С. 77—79.

² Крючков В. А. Личное дело, ч. 2. С. 147.

³ Там же. С. 148.

13 августа состоялся долгий разговор Лукьянова и Горбачева по телефону. Лукьянов сообщал о позиции Ельцина по Совету Федерации, о ситуации в стране. На следующий день уже сам Горбачев звонил Ельцину. Горбачев получил информацию, что против договора выступают не только «союзники» в Верховном Совете СССР, но и радикалы из «Демократической России» — Ю. Афанасьев, Е. Боннер, Г. Старовойтова. Горбачеву показалось, что Ельцин колеблется, что у него появились сомнения. «В общем, мы попрощались на хорошей ноте. Хотя у меня остался осадок, не ушло ощущение, что Ельцин что-то недоговаривает»¹. Можно констатировать — информация Лукьянова дошла. Опытнейший аппаратный деятель, прекрасно знавший характер Горбачева, он смог сыграть на подозрительности союзного президента, с новой силой спровоцировал его недоверие к Ельцину.

14 августа Крючков объявил Егорову, что у Горбачева психическое расстройство и он не может работать. Поэтому необходимо готовить документы для введения чрезвычайного положения. На следующий день, 15 августа, уже были готовы основные документы о введении чрезвычайного положения. Тогда же, 15-го, состоялась новая встреча Крюčkова с Грачевым, Жижиним и Егоровым. Потом к ним присоединился О. Бакланов². «Подготовленные ими предложения содержали перечень мероприятий в политической, экономической, военной областях, а также по линии государственной безопасности и общественного порядка, — пишет в своих мемуарах Крючков. — Цель — прекращение дестабилизации обстановки в стране, оживление экономической деятельности путем восстановления вертикальных и горизонтальных связей, принятие срочных мер по уборке урожая, налаживание снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, усиление борьбы с преступностью... Какие-либо крайние меры исключались. Приостановление деятельности отдельных политических партий и организаций диктовалось исключительно интересами стабилизации положения в стране. Было решено доложить эти предложения Горбачеву для их реализации в интересах спасения Отечества»³. 15 или 16 августа Крючков дал указание прослушивать все разговоры Б. Н. Ельцина, И. С. Силаева — Председателя Совета Министров России, Г. Бурбулиса — государственного секретаря России.

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 553.

² Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор... С. 84—85.

³ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 148—149.

Горбачеву ежедневно высылали негативную информацию, которая должна была убедить его, что положение в стране резко ухудшается. В Форос шли сообщения, что страна становится неуправляемой. Ему намекали, что Ельцин неспроста уехал на встречу с Назарбаевым в Алма-Ату. Горбачев, по словам руководителя его аппарата В. Болдина, был очень раздражен, когда узнал о совещании в Алма-Ате руководителей ряда союзных республик.

Шла и идеологическая подготовка к неизбежности «наведения порядка». 16 августа в печати появилось заявление «От «Слова» — к делу», продолжавшее недавнее выступление-манифест «Слова к народу». На этот раз заявление было подписано некоей «инициативной группой по созыву учредительного съезда национально-патриотического движения». К движению присоединились ЦК Либерально-демократической партии (Жириновского), Интердвижение СССР.

На следующий день, 17 августа, в секретном особняке КГБ, расположенном на окраине Москвы, встретились председатель КГБ Крючков, премьер-министр Павлов, министр обороны Язов, руководитель аппарата Президента СССР Болдин, секретарь ЦК КПСС Шенин, секретарь ЦК КПСС Бакланов, заместители министра обороны генералы Варенников и Ачалов, заместитель председателя КГБ генерал Грушко. По словам Крюčkова, все они были едины в своем несогласии с тем внутри- и внешнеэкономическим курсом, который проводился под руководством Горбачева в последние годы.

В результате констатируем следующие обстоятельства:

— сложилась устойчивая группа высших партийных и государственных чиновников, занимавших ключевые позиции в системе управления СССР, заинтересованных в решительном изменении политики, проводимой Горбачевым. Эта группа включила в себя представителей военно-промышленного комплекса — секретаря ЦК Бакланова, президента Ассоциации государственных предприятий Тизякова, министра обороны Язова.

Другие участники этой группы — представители партийного аппарата, олицетворявшие тот новый слой партийного руководства, который пришел к реальной власти в партии в последние годы. Это Олег Шенин, избранный в ЦК КПСС только в 1990 г. и за год прошедший путь от секретаря ЦК до фактически «второго человека в партии», оттеснив от ключевых позиций в управлении КПСС заместителя Генерального секретаря ЦК В. Ивашко, это В. Болдин, превратившийся из мало кому известного помощника секретаря ЦК в руководителя администрации президента.

«Силовые министры» в этой группе были представлены Язовым, Пуго и Крючковым. Каждый из них играл свою роль. Безусловно, главным среди «силовики» был председатель КГБ Крючков, мотор и идеолог недовольства, организовавший всю подготовительную работу. Язов воплощал роль защитника традиций и интересов Советской Армии, вследствие чего ему и подчиненным ему войскам будет отводиться «черновая» работа во время путча. Менее всего понятна роль министра внутренних дел Пуго, которого не приглашали для разработки документов и «забыли» позвать на ключевую встречу 17 августа. Создается впечатление, что он был подключен к заговору, скорее всего, по должности.

Наконец, в составе этой группы оказались высшие руководители СССР, которые наверняка теряли свои посты после подписания нового Союзного договора. К ней относились Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов, вице-президент Янаев, премьер-министр Павлов. Именно поэтому они оказались в одной компании с другими заговорщиками. Однако их роль была, пожалуй, скорее протокольно-демонстративной, чем организационно-распорядительной, но, безусловно, важной: им отводилась роль ширмы, обеспечивающей видимость законности происходящего, однако сами они старались уклониться от активного участия в событиях, развернувшихся после введения чрезвычайного положения.

Ближайшей целью этой группы было стремление добиться сохранения СССР в его прежнем виде, для чего следовало сорвать процедуру подписания Союзного договора 20 августа 1991 г.

Отметим и то, что группа инициаторов будущего Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР уже изначально не была едина; противоречия, существовавшие внутри ее, станут заметны после первых неудач.

Место действия — Форос. А пока выработывалась тактика объявления чрезвычайного положения в стране. Ключевой фигурой становился Президент СССР М. Горбачев, пребывавший в это время в Форосе. Инициаторы будущего ГКЧП наметили состав группы для поездки в Форос. Заговорщики решили направить к нему депутацию, куда вошли В. Болдин, О. Бакланов, О. Шенин, генерал Плеханов — начальник службы охраны КГБ СССР, больше известной под названием «девятки», отвечавшей за обеспечение безопасности высших должностных лиц страны, генерал В. Варенников — командующий сухопутными войсками. В Москве остались Крючков, Язов, Пуго, Павлов, Янаев, то есть те люди,

которые держали в своих руках реальную власть. Участники совещания «решили все-таки еще раз обратиться к Горбачеву с призывом верно оценить ситуацию и принять меры к спасению отечества. ...Какое решение примет Горбачев? Никто из собравшихся не имел на этот вопрос однозначного ответа. Но было большое желание предпринять еще один шаг, еще раз обратиться к Горбачеву и попытаться убедить его, — пишет Крючков. — Условились еще раз собраться и обсудить принятое президентом решение»¹.

Можно утверждать, что заговорщики предвидели три варианта развития событий.

Первый, оптимальный, состоял в том, что Горбачев, Президент СССР, встретившись с объединенным противодействием со стороны руководства КПСС, государственного аппарата, КГБ, армии и МВД, будет вынужден санкционировать введение чрезвычайного положения в стране. Эта акция приобретала видимость законности, а после утверждения режима чрезвычайного положения Верховным Советом СССР и вовсе приобретала это качество. Судьба Горбачева в этом случае оказывалась в руках заговорщиков, которые могли, используя его, заменить на нового Президента СССР.

Второй, более реалистичный вариант (к нему и готовились, судя по тому, что вместе с заговорщиками летели в Форос связисты, готовые отключить президентскую связь) состоял в том, что Горбачев займет типичную для него позицию умолчания, ту позицию, которую он успешно разыгрывал после событий весной 1989 г. в Тбилиси, что с меньшим успехом осуществлялась им в январе 1991 г. в Вильнюсе: не знал, не был информирован. Поэтому у заговорщиков был подготовлен вариант — объявить Горбачева больным. Это давало возможность Горбачеву уйти от ответственности, выждать, что получится из затеи заговорщиков, а заговорщикам — ввести в действие Янаева, заменить им Горбачева. В дальнейшем судьба Горбачева зависела от результатов чрезвычайного положения. Он мог бы попытаться договориться с руководителями ГКЧП и сохранить свой пост, мог его утратить в случае усиления позиций руководителей ГКЧП и мог, наконец, объявить, что он с самого начала был противником ГКЧП.

Был и третий вариант. Горбачев решительно протестует, применяет имеющиеся у него силы (личную охрану, обращается за помощью в СССР и за границу). В таком случае в Москве осталась группа руководителей «силовых» ведомств, которая должна была сломить его сопротивление. Вариант крайне неприятный, но, очевидно, предусмотренный, судя по тому, что уже упорно распрост-

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 148—149.

ранялись слухи о тяжелой болезни Горбачева. По имеющимся у автора сведениям, группе московских психиатров было предложено подготовить заключение о психическом заболевании Президента СССР. Горбачев мог быть объявлен недееспособным, а тяжелобольные люди иногда умирают...

18 августа, в солнечный воскресный день, в Кремле и в Форосе уже стали воплощаться планы заговорщиков. В Москве начали собираться заговорщики. В 8 часов утра Язов провел совещание в Министерстве обороны, командующему войсками Московского военного округа генералу Н. Калинину было приказано подготовить ввод в Москву 2-й гвардейской мотострелковой дивизии и 4-й гвардейской танковой дивизии; командующему воздушно-десантными войсками генералу П. Грачеву — 106-й Тульской воздушно-десантной дивизии.

В 11 часов председатель КГБ Крючков приказал вице-адмиралу Жардецкому, начальнику Третьего главного управления (особые отделы в Вооруженных Силах СССР), и генералу В. Воротникову, начальнику Управления защиты конституционного строя, сформировать и отправить в Литву, Латвию и Эстонию группы сотрудников КГБ. Он же поручил своему заместителю Лебедеву организовать слежку и при необходимости — арест ряда лиц. Список насчитывал 70 фамилий, от российского руководства до давних сторонников Горбачева, находившихся уже в отставке, — А. Н. Яковлева, Э. А. Шеварднадзе¹. Было приказано обследовать обстановку вокруг дачи Ельцина² в доме отдыха «Архангельское» в трех десятках километров от Москвы.

18 августа около 17 часов в резиденцию Горбачева прибыли Шенин, Бакланов, Болдин, Варенников. Их сопровождали генералы КГБ Плеханов и Генералов. В Форосе их не ждали. Горбачев долго их не принимал³. Практически одновременно с прибытием этой группы в Форосе были отключены телефоны. Наконец Горбачев принял их в своем кабинете. На слова Шенина, заявившего Горбачеву, что они приехали обсудить ряд вопросов о положении в стране, президент сразу же задал вопрос: «Кого вы представляете, от чьего имени говорите?»

По мнению Болдина, делегация рассчитывала «на взаимозаинтересованное обсуждение вопроса в духе аналогичных встреч в прошлом и поручений, которые давал Горбачев о готовности вве-

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 90.

² Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор... С. 20—21.

³ Медведев В. А. Человек за спиной. М., 1994. С. 276—277.

дения чрезвычайного положения в стране. И вот теперь с самого начала (выделено мной. — Р. П.) разговор не складывался»¹.

Участники встречи — Бакланов, Варенников, Болдин — стали говорить о необходимости принятия вариантов, «которые готовились по его (Горбачева. — Р. П.) поручению на случай критического состояния дел». Ему сообщали о необходимости чрезвычайных мер в экономике, в армии, говорили о том, что Правительство СССР и Верховный Совет СССР выступают против принятия нового Союзного договора, так как этот договор не был согласован с ними. «Президент думал о чем-то другом и неожиданно спросил — распространяются ли меры чрезвычайного положения на действия российского руководства? Услышав утвердительный ответ, он успокоился окончательно.

— Все, что вы предполагаете, лучше осуществить максимально демократическим путем...

Пожимая на прощанье руки, добавляет:

— Черт с вами, действуйте»².

Начальник личной охраны Горбачева Медведев сразу же обнаружил, что на даче отключена связь, и заподозрил, что начался «хрущевский вариант»³. Он же сообщил то, о чем промолчал В Болдин, а именно что заговорщики привозили на подпись Горбачеву документы, которые тот отказался подписать. На вопрос Плеханова, адресованный Болдину, вернувшемуся от Горбачева: ««Ну, что там?»

Болдин... ответил:

— Да ничего... Нет, не подписал».

«Ответил, — пишет Медведев, — разочарованно, но спокойно, как будто и предполагал, что так и будет (выделено мной. — Р. П.)»⁴

Существенно иначе эту ситуацию описывает сам М. С. Горбачев. По его словам, ему сообщили о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР и предложили подписать Указ о введении чрезвычайного положения. Бакланов перечислил состав ГКЧП, упомянув в его составе А. Лукьянова. Бакланов сообщил, что Ельцин будет арестован после того, как вернется из Алма-Аты, что Горбачеву следовало бы передать свои полномочия Янаеву, если Президент СССР не станет подписывать Указ о чрезвычайном положении. «Отдохните, — цитирует Горба-

¹ Болдин В. И. Крушение пьедестала... С. 15.

² Там же. С. 17.

³ Медведев В. А. Человек за спиной. С. 278.

⁴ Там же. С. 278.

чев Бакланова, — мы сделаем «грязную работу», а потом вы сможете вернуться»¹.

Горбачев отказался подписать этот Указ, заявив, что «я не хуже вас знаю обстановку в стране и она тревожит меня не меньше, чем вас. Считаете, что нужны адекватные меры? Я такого же мнения. Главная из них уже подготовлена — это подписание нового Союзного договора».

Далее Горбачев объясняет, почему он, располагая многочисленной охраной, не арестовал заговорщиков. «Прежде всего я рассчитывал, что мой отказ принять ультимативные требования отрезвит зачинщиков заговора. ...Оставалась надежда, что и на сей раз моя твердая позиция окажет свое воздействие»². Кроме этого попытка ареста этих людей, по его мнению, ничего не решала. Центр заговора был в Москве, и сам Горбачев уже фактически был арестован.

Начальник его личной охраны увидел ситуацию по-иному. «Для меня, как начальника охраны, — пишет Медведев, — главный вопрос: угрожало ли что-нибудь в тот момент жизни президента, его личной безопасности? Смешно, хотя и грустно: ни об угрозе жизни, ни об аресте не могло быть и речи. Прощаясь, обменялись рукопожатиями. Делегация вышла от Горбачева хоть и расстроенная, но довольно спокойная: не получилось, ну и ладно, они этот исход предполагали».

Медведев утверждает: если бы был приказ Горбачева арестовать заговорщиков, то они были бы арестованы. «Ребята были у меня под рукой. В моем подчинении был резервный самолет «Ту-134» и вертолет. Технически — пара пустяков: взять их и в ручниках привезти в Москву. В столице бы заявили, и там еще можно было накрыть кого угодно»³.

Подведем некоторые итоги поездки заговорщиков в Форос. Сначала выделим то, в чем совпадают сведения, сообщаемые людьми, ставшими позже врагами.

Поездка готовилась. Ей предшествовал большой объем информации, направлявшейся из Москвы в Форос. Эта информация, по мнению участников заговора, должна была склонить Горбачева на их сторону. Горбачев же признавал, что он встревожен этой информацией, но не согласился с предложенными заговорщиками методами ее улучшения.

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 558—559.

² Там же. С. 559.

³ Медведев В. А. Человек за спиной. С. 278—279.

Заговорщики предлагали Горбачеву быть вместе с ними, но не очень в это верили; сообщили ему о подготовленном Указе, но не показали ему.

Заговорщики предлагали Горбачеву «отсидеться», пока они «наведут порядок».

И Горбачев, и другие свидетели подчеркивают: Президент СССР был лишен средств связи и оказался изолированным от страны. Обратим внимание: это было установлено самим Горбачевым еще во время нахождения в Форосе группы заговорщиков. Однако ни заговорщики, ни начальник охраны, ни сам Горбачев не сообщают о требованиях восстановления связи, адресованных к заговорщикам.

Отказ Горбачева от сотрудничества с заговорщиками не носил окончательного характера, не привел к разрыву между Горбачевым и делегацией от будущего ГКЧП. По словам Горбачева, он надеялся на их благоразумие; по мнению же заговорщиков, невозможно, чтобы «политик такого масштаба сказал прилюдно «да»». Прощание прошло вполне мирно, Горбачев и члены делегации обменялись рукопожатиями¹; охрана Горбачева не имела никаких оснований вмешаться в эту ситуацию.

И Горбачев, и его враги сообщают: в распоряжении президента СССР осталась его личная хорошо вооруженная охрана, сохранившая ему верность.

Укажем на *отличия в изложении позиций*: заговорщики утверждают, что они стремились реализовать те меры, которые были намечены раньше, по крайней мере, с апреля 1991 г. Горбачев же уходит от этой темы, подчеркивая, что он был категорически против срыва подписания Союзного договора. Горбачев утверждает: «Это *был арест президента и узурпация его власти* (выделено мной. — Р. П.)».

Сторонники ГКЧП настаивают на том, что поведение Горбачева позволяло считать, что он одобрил их планы фактически, не захотев формально их подтвердить. Болдин описал в своих мемуарах дискуссию, развернувшуюся в Москве сразу же после возвращения из Фороса посланцев ГКЧП. В Кремле находились Павлов, Язов, Пуго, Янаев, секретарь Московского горкома Прокофьев, Лукьянов, Шенин, Бакланов, Болдин. «Среди собравшихся, — пишет Болдин, — разгорается дискуссия, как быть, если Горбачев вдруг откажется от введения чрезвычайного положения. Мнения разделились. Слышны голоса:

¹ Этот факт подтвердил сам М. С. Горбачев в Прокуратуре России при расследовании дела о ГКЧП. См.: *Степанков В., Лисов Е.* Кремлевский заговор... С. 17.

— Раз президент не говорит ни да, ни нет, то пусть остается все, как было.

— А вы хотите, чтобы он на весь мир протрубил о введении военного положения? Наивно этого ожидать. Такие вещи так не делают.

— Но ведь и дальше нельзя терпеть развал страны. Отступить некуда. Может, даже лучше не подставлять Горбачева, чтобы не навредить его международному авторитету. Ответственность надо брать на себя»¹.

У Горбачева оценка иная: он заявляет о том, что был категорически против введения чрезвычайного положения.

Попытаемся подвести итоги. Анализ имеющихся сведений позволяет утверждать, что заговор готовился *вопреки* позиции Горбачева, хотя его постоянные высказывания о возможности введения чрезвычайного положения стали своего рода «питательным бульоном» для вызревания идеи ГКЧП. Горбачев отказался от сотрудничества с членами ГКЧП, но не пошел на прямой разрыв с ними. *Им не были предприняты решительные меры для подавления заговора в его первые часы.* Еще раз напомним существенную подробность: охрана Горбачева осталась верна ему, и 21 августа именно его охрана, угрожая применить оружие, задержала членов ГКЧП, прилетевших в Форос, и заставила их включить связь². Непоследовательность Горбачева, его стремление уходить от ответственности, перекладывать ее на непосредственных исполнителей стала характерным фактором августовского путча.

Место действия — Кремль. Однако вернемся в вечер 18 августа, в Кремль, где участники поездки в Крым сообщали своим коллегам об ее итогах. Было очевидно, что членам ГКЧП остается второй вариант действий — без Горбачева. Дело осложнялось, Лукьянов заявил, что он не может войти в состав ГКЧП, так как возглавляет Верховный Совет СССР. Позиция Лукьянова была и точной, и удобной. Точной, потому что именно Верховному Совету следовало одобрить и придать видимость законности действиям ГКЧП, а это было сделать проще, если Лукьянов формально не будет входить в руководство чрезвычайного органа власти. Удобной, так как Лукьянов надеялся остаться «над схваткой», сохранить видимость невмеша-

¹ Болдин В. Крушение пьедестала. С. 18.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 569—570. Процитируем: узнав о приезде в Форос 21 августа Язова, Крючкова, Бакланова, Ивашко и Лукьянова, Горбачев приказал: «Взять под стражу. Передать требование — принимать никого не буду до тех пор, пока не будет включена пративительственная связь».

тельства в происходящие события, тем более что дело было скользким, справки о болезни Горбачева не было.

Отказался участвовать в ГКЧП и министр иностранных дел СССР А. Бессмертных, приглашенный в Кремль. Он заявил, что участие в ГКЧП осложнит исполнение его служебных обязанностей.

Едва не возникли трудности с Янаевым. Он долго колебался — подписать ли Указ. Но его уговорили, пообещали, что Горбачев, когда выздоровеет (!), вернется к исполнению своих обязанностей¹.

Янаев подписал.

«Указ вице-президента СССР, — мерно читали дикторы по радио и телевидению. — В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127(7) Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года вице-президент Янаев Геннадий Иванович.

Указ подписал вице-президент СССР Г. И. Янаев.

Москва, 18 августа 1991 г.»

«Инкубационный период» заговора закончился. Начался путч. Следующим было подписано «Заявление Советского руководства», сообщавшее, что «в связи с невозможностью по состоянию здоровья» президентом Горбачевым выполнять свои служебные обязанности, обязанности президента перешли к вице-президенту Г. И. Янаеву; что в «отдельных местностях СССР» вводится режим чрезвычайного положения сроком на 6 месяцев, начиная с 4 часов 19 августа 1991 г.; что законы СССР имеют безусловное главенство на всей территории СССР; что «для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения» создается Государственный комитет по чрезвычайному положению СССР (ГКЧП СССР). В ГКЧП вошли О. Бакланов, первый заместитель Председателя Совета обороны СССР, В. Крючков, председатель КГБ СССР, В. Павлов, премьер-министр СССР, Б. Пуго, министр внутренних дел СССР, В. Стародубцев, председатель Колхозного союза СССР, А. Тизяков, председатель Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Д. Язов, министр обороны СССР, Г. Янаев, и. о. Президента СССР.

В Белом доме и вокруг него. «Понедельник — день тяжелый», гласит русская пословица. Понедельник 19 августа 1991 г. стал тяжелым днем для всей страны. По радио и телевизионным приемникам ошарашенных советских граждан информировали: Председатель Вер-

¹ См.: Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. С. 89—90.

ховного Совета СССР А. Лукьянов считает, что подготовленный к подписанию проект нового Союзного договора не соответствует Конституции СССР, чаяниям миллионов советских граждан, высказанным на референдуме 17 марта 1991 г. Развивая эту тему, дикторы радио и телевидения сообщали о тяжелой болезни Горбачева, а также что появился новый президент — Янаев, что в стране создан Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, который намерен навести в стране порядок, обеспечить уборку урожая, восстановить связи между промышленными предприятиями и выдать каждому из граждан СССР по 15 соток земли. Информация перемежалась классической музыкой, а советские люди знали: классическая музыка с утра — государственные похороны вскоре.

Всем было ясно — в стране переворот, Горбачева сняли, как это проделали намного лет раньше с Хрущевым, а ГКЧП создан, чтобы расправиться с российским президентом Ельциным и его сторонниками.

Центром политической жизни становился Белый дом, как в Москве прозвали здание Верховного Совета и Правительства Российской Федерации, расположившееся на Пресне, недалеко от Москвы-реки.

ГКЧП начал конкретные действия. На первом этапе главная роль отводилась устрашению. По приказу Язова в Москву были выдвинуты Таманская мотострелковая дивизия в составе трех мотострелковых полков, одного танкового полка и разведывательного батальона, Кантемировская танковая дивизия в составе трех танковых полков, одного мотострелкового и разведбатальона. Только в составе этих двух дивизий в Москву были введены 362 танка, 140 боевых машин пехоты, 148 бронетранспортеров, 430 тяжелых армейских грузовиков, 3809 человек личного состава¹. Однако силы ГКЧП в Москве этим не ограничивались: в Москву была введена Тульская воздушно-десантная дивизия. В распоряжении ГКЧП было элитное подразделение «Альфа», то самое, про которое говорили, что оно силами одного взвода смогло захватить дворец Амина в Кабуле, и группа «Б», именовавшаяся «Отдельным учебным центром КГБ», на самом деле — воинское подразделение диверсантов. Министерство внутренних дел располагало отрядами милиции особого назначения (ОМОН) и отдельной мотострелковой дивизией особого назначения имени Дзержинского (ОМСДОН).

Все эти громадные силы должны были продемонстрировать решимость ГКЧП сломить волю противников, заставить их подчи-

¹ См.: Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. С. 108—109.

ниться. Угроза применения силы сама по себе становилась силой. Достаточно было генералу Варенникову, вылетевшему из Фороса в Киев, пригрозить чрезвычайным положением, как политическое руководство Украины, по существу, согласилось выполнять требования ГКЧП. Ниже мы приведем сведения о том, что многие союзные республики признали законность ГКЧП. Инициаторы введения чрезвычайного положения, казалось, добились своих целей.

Но не в России. Сцепление странных обстоятельств, на первый взгляд — малозначительных, начало работать против затеи ГКЧП. В жаркое воскресенье 18 августа многие высшие руководители России находились в загородном дачном поселке Совета Министров России «Архангельское». Туда же вернулся из Алма-Аты президент Ельцин. Благодаря этому уже ранним утром в доме у Ельцина собрались премьер-министр И. Силаев, исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатов, государственный секретарь Г. Бурбулис, народный депутат России, юрист С. Шахрай, прибыли вице-мэр Москвы Ю. Лужков и мэр Петербурга А. Собчак. Там, утром, было написано обращение «К гражданам России». «В ночь с 18 на 19 августа 1991 г. отстранен от власти законно избранный президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом», — сообщалось в этом обращении. Там указывалось, что создалась угроза срыва подписания Союзного договора. Обращение определяло введение чрезвычайного положения как государственный переворот, имевший своей целью реставрацию коммунистических порядков. Оно было подписано Ельциным, Силаевым и Хасбулатовым. Уже оттуда, с дачи Ельцина, текст обращения начал рассылаться по факсу в редакции газет, в информационные агентства, его копировали, рассылали по всей стране и миру. Если у членов ГКЧП и была надежда договориться с российским руководством, то после опубликования этого обращения это стало невозможно.

Грачев и Лебедь: искусство самозащиты. Уже в первые часы действия чрезвычайного положения произошло событие, как нам кажется, существенно повлиявшее на исход переворота. Летом 1991 г. Ельцин был в Туле, где его познакомили с Тульской воздушно-десантной дивизией. Дивизией командовал генерал Лебедь. А представлял дивизию Ельцину командующий воздушно-десантными войсками Герой Советского Союза генерал П. Грачев — тот самый Грачев, которому позже Крючков и Язов поручили вместе с двумя

руководителями КГБ готовить планы ГКЧП. Оказавшись в отчаянном положении, Ельцин утром позвонил прямо Грачеву. Он напомнил ему о том, что тот обещал оказывать помощь законным властям России. Грачев, по словам Ельцина, «взял долгую паузу».

Грачев выбирал¹. Выбирать было из чего. В одном случае он оставался на своей прежней роли, добавив к своей репутации боевого генерала сомнительную славу участника путча, причем необязательно успешного. В другом — открывалась карьера в России, та карьера, которую стремительно сделал полковник, Герой Советского Союза, тоже «афганец», Руцкой, ставший вице-президентом России. Грачев попытался в этой ситуации занять нейтральную позицию, не отказывать никому — ни своим союзным начальникам, ни российским властям, которые вели себя не по правилам, с такой нахальной уверенностью, которая заставляла тревожиться — а что будет, если они выиграют?

Грачев пообещал выслать на охрану Ельцину в «Архангельское» разведроту (что, кстати, не понадобилось, так как из «Архангельского» высшие руководители России уже уехали в Белый дом), затем он взялся «охранять» и Белый дом. Это позволяло Грачеву быть хорошим перед всеми — перед Ельциным, которого он охранял, и перед Язовым, которому можно было сказать, что он караулил мятежников. На допросе в прокуратуре, уже после провала путча, Грачев рассказывал, естественно «редактируя» собственную позицию, следующее: «19.08.91 мне позвонил Ельцин и спросил меня, что происходит. Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение и что войска идут в Москву. Я его спросил: что мне делать? Он ответил, чтобы я выделил личный состав воздушно-десантных войск для охраны Белого дома. Я пообещал. В 8 часов ко мне приехал советник президента Портнов, и мы договорились о взаимодействии (выделено мной. — Р. П.). Я поставил задачу Лебедю выделить батальон для охраны Белого дома, лично его вывести и доложить Президенту России. Лебедь привел один батальон к Белому дому, где поставил танки кормой вплотную к зданию, обеспечив тем самым его охрану»².

В изображении Лебеда все это выглядело несколько иначе. Для начала его просто не пропустили в здание, которое на его глазах стремительно обрастало и серьезно защищалось баррикадами вовсе

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 83—84. См. также: Филатов С. На пути к демократии. М., 1995. С. 25.

² Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... Кремль... «Лефортово»...?: Эпизоды политической биографии Александра Руцкого. М., 1994. С. 112.

не игрушечного свойства. Затем выяснилось, что он потерял этот злополучный батальон в обстановке всеобщего хаоса, характерного для ввода войск в Москву и всеобщего противодействия этому процессу¹. В конце концов ему удалось связаться с государственным советником Президента России Ю. В. Скоковым. Позже Лебедь привели к президенту, на прямой вопрос которого «От кого охранять и оборонять» был намерен исполнявший приказ Грачева Лебедь генерал ответил: «От кого охраняет пост часовой? От любого лица или группы лиц, посягнувшего или посягнувших на целостность поста и личность часового»². Искусная гибридизация устава караульной службы с дипломатическим протоколом означала, в сущности, одно: Лебедь собирается защищать самого себя.

Так и было понято. Роль охранника имела две стороны: он, как и его командир Грачев, сохранял возможность присоединиться и к тем, и к другим. Позже генерал Лебедь много раз говорил и писал, что если бы он получил приказ на захват Белого дома, то, безусловно, выполнил бы его. Но одно становилось непреложным: Грачев устранился от активных действий. Приказ Лебедю должен был отдать именно Грачев. Курс Грачева на отстранение от активных действий уже скоро перестал быть тайной. Главнокомандующий Военно-воздушными силами генерал Е. Шапошников узнал, что Грачев затягивает отправку десантников, и понял, что Грачев «медлит»³.

Командир группы «Альфа», генерал Карпухин, получивший ранним утром 19 августа приказ следить за дачей Ельцина, а позже — распоряжение по радиотелефону — арестовать Ельцина и интернировать его в Завидово, в одну из дальних правительственных резиденций, приказ не выполнил. Сам он объяснял свои действия тем, что не захотел выполнить этот приказ. Думаем, однако, что причины были иные: неслучайно Карпухин обращал внима-

¹ *Лебедь А.* За державу обидно... С. 384—389.

² Там же. С. 390.

³ *Шапошников Е.* Выбор. М., 1995. С. 27—28. История эта имела своеобразное продолжение: сразу же после окончания путча П. Грачеву был предложен пост министра обороны России. Он отказался, сославшись, что не готов. Должность министра обороны получил генерал Кобец, но в ноябре того же года ему пришлось распрощаться с этим постом, так как выяснилось, эта должность не была предусмотрена Конституцией РСФСР. Пост министра обороны СССР, а после его развала — главнокомандующего Объединенными вооруженными силами Содружества Независимых Государств получил Е. Шапошников. И только тогда, после неудачи попыток сохранить Объединенные вооруженные силы СНГ, министром обороны становится П. Грачев, и надолго — до середины 1996 г.

ние на то, что приказ он получил в устной форме¹. Это значило, что в случае неудачи он, Карпухин, будет отвечать за все. Брать на себя ответственность он не хотел. Возможно и другое: спецгруппа просто прозевала кортеж правительственных автомобилей, на предельной скорости вырвавшихся из «Архангельского» и стремительно ушедших в Москву. Колонна из четырех машин шла на такой скорости, что у машин сопровождения были разбиты фары мелкими камушками, вырывавшимися из-под колес летевших впереди автомобилей.

В Белом доме в половине девятого было тихо. Все как всегда. Работают буфеты, киоскеры продают свежие газеты. Единственная новость — у милиции, охранявшей здание, появились автоматы. В зале заседания Верховного Совета потихоньку собирались сотрудники аппарата — по большей части еще старые, много лет отработавшие номенклатурные сотрудники. Они тихо обменивались новостями, и заметно было, что перспектива «наведения порядка в стране» их вполне устраивала.

В 10 часов утра были прекращены телевизионные передачи на всех каналах телевидения в Москве, кроме первого канала.

Картина, открывавшаяся из окон Белого дома, была устрашающей. По Кутузовскому проспекту, по широкому Калининскому мосту двигалась, редела танковыми двигателями, чадила колонна бронетехники, конца которой не было видно. Передние машины направились к Белому дому и начали кружить вокруг здания.

Однако Ельцин сразу начал перехватывать инициативу. В Белый дом были приглашены представители дипломатического корпуса, иностранные и российские журналисты, к которым в 10.30 вышел премьер-министр И. Силаев и зачитал текст обращения «К гражданам России». Во время его выступления на трибуну быстро взошел Ельцин. Сразу после обращения он стал говорить, но говорил немного, попросил дипломатов и журналистов довести до мирового сообщества и граждан нашей страны мнение российского руководства, так как других способов сделать это, к сожалению, не остается. Закончил тем, что посоветовал дипломатам уйти из Белого дома, так как здание уже начали окружать танки. То, как говорил Ельцин, та уверенность и невероятная в его положении способность шутить заставляла поверить: у ГКЧП будут большие проблемы

¹ Карпухин В. По радиотелефону я получил приказ арестовать Ельцина // Советский спорт. 1991. Сентябрь.

Право против путча. У российского руководства в этот момент не было ничего, кроме права. И этим оно смогло воспользоваться в полной мере. В «ближайшем окружении» Ельцина рождается текст указа № 59¹, который президент подписал в 12 часов 10 минут, за несколько минут до его знаменитого выступления с брони танка у Белого дома. Указ содержал юридическую квалификацию происходящего и определял ее в нормах Уголовного кодекса. В указе сообщалось: «В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого Комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице президента, Верховного Совета и председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного Комитета, подпадают под действия Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится с момента его подписания.

Президент РСФСР Б. Ельцин».

Сразу же после завершения пресс-конференции, практически одновременно, собирается Президиум Верховного Совета РСФСР и заседание Совета Министров РСФСР. Президиум Верховного Совета в абсолютном своем большинстве поддержал обращение Ельцина, Хасбулатова и Силаева «К гражданам России» и квалифицировал создание ГКЧП как государственный переворот. Было принято важнейшее решение — уже 21 августа собрать внеочередную сессию высшего законодательного органа республики — Верховного Совета. Против проголосовали только два человека — Исаков и Исаев.

На заседании Совета Министров РСФСР было удивительное единодушие. На заседании присутствовал и руководитель крупнейшего профсоюза России — Клочков. Образование ГКЧП сразу же было квалифицировано как государственный переворот,

¹ Текст указа подготовили П. Вошанов, пресс-секретарь президента, Л. Пихоя, спичрайтер президента, Г. Бурбулис, государственный секретарь, С. Шахрай, советник президента по правовым вопросам.

Совет Министров также поддержал обращение «К гражданам России» и указ № 59, призвал ответить на действия ГКЧП забастовками. В те минуты, когда шло заседание Совета Министров, танки кружили под окнами Белого дома. Во время заседания Силаев сообщил, что он вместе с Б. Н. Ельциным пойдет на встречу с солдатами. Танковая колонна встала непосредственно у парадного входа в здание. Ельцин вместе с Силаевым в окружении нескольких телохранителей вышел к танкистам, поднялся на броню и прочитал солдатам и людям, постепенно собиравшимся у здания Белого дома, свое обращение и указ. В тот момент в его действиях не было ничего нарочито театрального: просто с танка обращаться к солдатам-танкистам было проще. Этот жест стал знаменитым, кажется, благодаря телеоператорам Си-эн-эн, а в СССР — из-за вечерней телевизионной программы «Время», куда был включен этот кадр из западной хроники.

Силаев вернулся на заседание Совета Министров. Заседание завершилось единогласным принятием заявления правительства. В заявлении не только поддерживались указ президента и требование ко всем государственным органам России неукоснительно его соблюдать, но и призыв к правительствам других союзных республик «объединить усилия по защите конституционного порядка на всей территории СССР».

Вскоре заседание закончилось. Последним на нем выступил генерал-полковник К. Кобец, руководивший Государственным комитетом по оборонным вопросам. Он предложил членам правительства, если они хотят принять участие в обороне Белого дома, получить оружие в оружейной комнате охраны. Оружия было мало. Несколько десятков автоматов и пистолетов были розданы. Вряд ли от этого повысилась обороноспособность Белого дома.

Баррикады. Другое дело — то, что происходило вокруг Белого дома. Указы, заявления российского руководства стали стремительно распространяться по Москве. В ход шли телефаксы, ксероксы, телефоны. В фойе метро появились копии указов, приклеенные к стенам. К Белому дому шли люди. Опыт Вильнюса был в памяти. Вокруг Белого дома стали возводиться заграждения, баррикады. В городе шли митинги. Толпы людей блокировали продвижение бронетехники. Разговаривали с солдатами и офицерами, объясняли им, что армию снова втягивают в грязное дело. Появились карикатуры на Язова, Крючкова, Янаева, Пуго. Стремительно нарастало гражданское неповиновение. В эти часы на

сторону Ельцина перешла и осталась с ним до конца танковая рота майора С. Емельянова. Шесть его танков, лишенные боеприпасов, были единственным воинским подразделением Советской Армии, перешедшим на сторону Президента России.

В лагере ГКЧП в первые часы утра 19 августа, казалось, все было хорошо. Все шло по плану. Правда, не было на первом заседании ГКЧП премьер-министра Павлова — заболел, свалился с гипертоническим кризом. Янаев информировал участников ГКЧП, зачитывая разделы из подготовленной для него справки с оригинальным названием: «О некоторых аксиомах чрезвычайного положения». Эти аксиомы гласили: «нельзя терять инициативу... нельзя допускать самые первые проявления нелояльности... не стесняться идти на ярко выраженный популизм... нельзя растягивать во времени информирование населения о всех деталях преступлений политического противника...»¹.

ЦК КПСС деятельно поддержал действия ГКЧП. В 10 часов 50 минут из ЦК была отправлена шифротелеграмма первым секретарям ЦК компартий союзных республик, рескомов, крайкомов, обкомов партии, в которой сообщалось: «В связи с введением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР. В практической деятельности руководствоваться Конституцией Союза ССР. О Пленуме ЦК и других мероприятиях сообщим дополнительно». Под телеграммой стояла многозначительная подпись: Секретариат ЦК КПСС. Подпись соответствовала действительности. Появлению этой телеграммы предшествовало заседание Секретариата, в котором приняли участие Дзасохов, Строев, Шенин, Гиренко, Калашников, Купцов, Манаенков, Мельников, Фалин, Прокофьев, Полозков, Сурков.

19 утром прибыли делегации для подписания Союзного договора. Договор должны были подписать 20 августа. Руководители «ряда республик» обратились к руководству СССР с просьбой дать разъяснения по поводу ГКЧП. Янаев и Лукьянов сообщили им, что демократические процессы будут продолжаться. Заявлено, что ГКЧП будет действовать в рамках Конституции СССР. Руководителями республик была выражена надежда, что бывшие автономные республики перестанут быть разменной монетой в политической борьбе центра и республик. В этот же день Лукьянов как Председатель Верховного Совета СССР объявил, что внеочередная сессия Верховного Совета соберется через неделю — 26 августа. У

¹ Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. С. 122—123.

ГКЧП появлялось время «навести порядок» в стране и поставить Верховный Совет уже перед свершившимися фактами.

Союзные республики молчали, явно надеялись, что действия ГКЧП ограничатся Россией. Да и в России, казалось, вполне годился чехословацкий вариант: ввели танки, арестовали зачинщиков беспорядков, переждали митинги, назначили новое руководство. А мировой общественности оставили право констатировать то, что проходило по кремлевским прописям. К тому же в первой половине дня 19 августа в ГКЧП не поступило сведений о массовых выступлениях противников ГКЧП. В кремлевской больнице готовили (и подготовили!) заключение о тяжелой болезни Горбачева.

Но российское руководство вело себя не по правилам. Вместо того чтобы подчиниться всей мощи армии, КГБ, МВД, КПСС, оно само атаковало «группу лиц, назвавшую себя «советским руководством», само угрожало арестовать сторонников ГКЧП как преступников, грозило им судом. Постепенно росла толпа людей, настроенных защищать Белый дом. В рядах ГКЧП зарождалась растерянность. Дерзость, нахальство, с которым российское руководство использовало посланные против них танки как трибуну для агитации против «союзного руководства», сбивали с толку. «Аксиомы» Янаева явно не реализовывались.

Вечером 19 августа произошли два события, которые радикально изменили масштаб происходившего — московские дела превратились в событие всего СССР и мира. Вечером по Центральному телевидению, которое транслировало свои передачи на всю территорию СССР, была передана пресс-конференция руководителей ГКЧП. На экране телевизоров предстала группа людей, которых «не знали в лицо» граждане страны, которой они собирались руководить. Исполняющий обязанности президента Г. Янаев говорил журналистам какие-то неубедительные слова, волновался, руки его ходили ходуном. Он, занявший пост Горбачева, заявлял, что очень озабочен здоровьем Президента СССР и надеется, «что мой друг президент Горбачев будет в строю, и мы будем еще вместе работать». Прямые вопросы журналистов о здоровье Горбачева, о том, есть ли его согласие на создание ГКЧП, вызывали потоки слов, столь же неконкретных, сколь и жалких. Слова деятелей ГКЧП вызывали издевательский смех у журналистов. Если надо было бы организовать акцию по компрометации руководства ГКЧП, то это невозможно было бы сделать лучше, чем это проделали сами руководители ГКЧП на своей пресс-конференции.

Но с этого неприятности для имиджа ГКЧП только начинались. Вечером в главной программе новостей Центрального телевидения,

в программе «Время», следом за новостями о ГКЧП был запущен сюжет, подготовленный журналистом С. Медведевым и смонтированный непосредственно перед передачей из съемок западных телекомпаний и собственных материалов. На экране предстал Ельцин, стоящий на танке перед Белым домом и зачитывающий документы, осуждавшие ГКЧП. Граждане страны увидели собственными глазами, что власть России несогласна с ГКЧП. Президент России считает ГКЧП незаконным и требует не подчиняться его распоряжением. Вечером того же дня с резким осуждением ГКЧП выступил по ленинградскому телевидению мэр города А. Собчак¹.

Движение протеста распространялось на всю Россию. В Ленинграде прошли многотысячные митинги на Исаакиевской площади; мэр А. Собчак заявил, что распоряжения ГКЧП в городе и области выполняться не будут, что он как член Верховного Совета СССР будет требовать отдать под суд лидеров ГКЧП, что в городе будут выходить все газеты. Вице-мэр Щербаков заявил, что командующий войсками Ленинградского военного округа генерал Самсонов дал гарантии, что войска в этот город введены не будут.

Митинги и демонстрации прошли в Нижнем Новгороде, Свердловске, Новосибирске, Тюмени, Архангельске, Рязани, Воронеже, Владивостоке, Петрозаводске.

Первый день введения чрезвычайного положения заканчивался. Вокруг Белого дома стояли не очень густые толпы людей, горели костры, продолжали расти баррикады и заграждения. Материалом для них служила строившаяся многие месяцы теплотрасса рядом с Белым домом. Бетонные плиты, короба для теплотрасс, арматура — все шло в дело. У Белого дома расположились шесть танков майора Евдокимова, проведенных депутатами России через оцепление добровольных защитников, вдали стояли около трех десятков боевых машин десанта, которые то ли защищали Белый дом, то ли служили армейским оцеплением Белого дома. Люки боевых машин были открыты, солдаты разговаривали с людьми, защищавшими Белый дом, пили чай из термосов, которые протягивали им женщины, слушали разговоры о гэкачепистах. В здании Белого дома собрались народные депутаты, сотрудники администрации президента, разделявшие его взгляды, по коридорам бродили журналисты, представлявшие крупнейшие информационные агентства, газеты и телевизионные компании мира. Хуже было с внутренней охраной. В здании появились сотрудники охранных агентств «Алекс», несколько омонцовцев, ветераны Аф-

¹ В августе 91-го. Россия глазами очевидцев. М.; СПб., 1993. С. 17—20.

ганистана. Зато заработало внутреннее радио, трансляция велась на площадь перед Белым домом и передавалась по радиостанции. Передачи по нему вели два известных журналиста, имевших мандат народных депутатов РСФСР, — Б. Куркова и А. Любимов¹.

Первая ночь в Белом доме — ночь с 19-го на 20-е — прошла сравнительно спокойно.

20 августа. Нарастало беспокойство в стане Государственного комитета по чрезвычайному положению. Уже вечером 19 августа стало ясно, что свой первый день ГКЧП проиграл. Надежда запугать своих политических противников и сохранить видимость легитимности в переходе власти от Горбачева к «советскому руководству» провалилась. Стремительно нарастала волна поддержки российскому президенту и неприятия ГКЧП. В этих условиях в ГКЧП наметились противоречия. Из ГКЧП тихо побежали его наиболее сообразительные члены. Утром 19-го в больницу ушел руководитель аппарата Президента СССР В. Болдин. Днем 19-го в больницу ушел В. Павлов. Больше их в ГКЧП уже не видели. Попытался дистанцироваться от ГКЧП А. Лукьянов. Подозревая своих партнеров в том, что они могут перебежать к противнику, Крючков приказал начать подслушивать А. Лукьянова и Г. Янаева. Вечером 19-го собрался выйти из ГКЧП О. Бакланов. В своем неотправленном заявлении в адрес Янаева Бакланов писал: «В связи с неспособностью ГКЧП стабилизировать ситуацию в стране, считаю дальнейшее участие в его работе невозможной...»²

Возмущенное письмо в ГКЧП направил главнокомандующий Сухопутными войсками В. Варенников. Он писал из Киева: «Оценивая первые сутки, пришел к выводу, что большинство исполнительных структур действуют крайне нерешительно и неорганизованно. Правоохранительные органы фактически вообще не выполнили никаких задач. Это чревато тяжелыми итогами. ... Взоры всего народа, всех воинов обращены сейчас к Москве. Мы все убедительно просим принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б. Н. Здание правительства РСФСР необходимо немедленно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи и т. д. Сегодня судьба государства именно в разрешении этой проблемы, поэтому никто и ничто не долж-

¹ *Попцов О. М.* Хроника времен «царя Бориса». Россия, Кремль. 1991—1995. М., 1996. С. 168.

² Черновик этого заявления был обнаружен при обыске кабинета О. Бакланова. См.: *Степанков В., Лисов Е.* Кремлевский заговор... С. 149.

но остановить нас при достижений намеченной цели. Нерешительность и полумеры только подтолкнул экстремистов и псевдодемократов к еще более жестким и решительным действиям»¹.

Утром 20 августа всем стало ясно — решительная схватка приближается, становится почти неизбежной. Уже в 8 часов утра генерал А. Лебедь по приказу П. Грачева начал заниматься отводом от стен Белого дома «распропагандированного» защитниками десантного батальона. В 11 часов машины десантников, украшенные российскими флагами, ушли от здания. Отвод «распропагандированных» демонстрантами экипажей десантных машин был плохим признаком. Самого Лебеда вызывали в Генеральный штаб.

Утром того же дня ГКЧП принял решение о прекращении выпуска всех газет, кроме «Труда», «Рабочей трибуны», «Известий», «Правды», «Красной звезды», «Советской России», «Московской правды», «Ленинского знамени», «Сельской жизни». Убедившись в негативном воздействии радио и телевидения (особенно досаждала ГКЧП новая независимая радиостанция «Эхо Москвы», ставшая рупором сторонников Ельцина), ГКЧП принял постановление № 3 о введении цензуры на телевидении и на радио, ограничении теле- и радиопередач только официальными государственными общесоюзными каналами.

ЦК КПСС и путч. В ЦК тоже всюду шла работа по обеспечению политической поддержки ГКЧП. Была сделана попытка собрать 20 августа внеочередной Пленум ЦК КПСС, на котором планировалось поддержать ГКЧП. Однако это не удалось.

В 15 часов 30 минут со Старой площади была разослана шифротелеграмма «Заявления Политбюро ЦК КПСС». Собственно, это был проект заявления, который должны были рассмотреть первые секретари республиканских компартий, по должности входившие в состав Политбюро и являвшиеся к этому времени, как правило, и президентами республик. В проекте Заявления сообщалось, что развитие страны в последние годы привело «к глубокому кризису общества и государства, усиленному активными действиями деструктивных сил. ...Тысячи человеческих жертв, миллиардные убытки являлись платой за паралич власти, несоблюдение законов СССР...» Отсюда следовал вывод, оправдывавший режим чрезвычайного положения: «...Политбюро ЦК КПСС констатирует, что введение чрезвычайного положения в ряде районов СССР явилось крайне нежелательным, но вынужденным шагом государ-

¹ Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор... С. 149—150.

ственных руководителей в ответ на кризисную ситуацию, сложившуюся в экономической, социальной и политической сферах... Политбюро принимает к сведению заявление ГКЧП о том, что М. С. Горбачев находится в условиях полной безопасности».

В Политбюро пошли ответы. С. Гуренко, Генеральный секретарь Компартии Украины, одобрил заявление, сделав незначительные поправки. Так же поступил президент Азербайджана А. Муталибов. Президент Узбекистана И. Каримов полностью согласился с заявлением. Первый секретарь Компартии Туркменистана предложил снять текст, в котором «Политбюро... констатирует, что введение чрезвычайного положения... явилось крайне нежелательным, но вынужденным шагом». М. Бурокаявичус, руководитель промосковской Компартии Литвы, поддержал заявление, потребовав, чтобы этот документ был еще более ясным и четким. Против проекта заявления высказался только Н. Назарбаев, заявивший, что «он не отражает существующую обстановку, отсутствует ссылка на суверенитет республик, продолжение экономической реформы и переход на рыночную экономику. Должно быть сказано о недопущении кровопролития и использования войск, чем бы это не оправдывалось».

Анализ ответов свидетельствовал: большинство их выражали поддержку проекта заявления, а следовательно, с некоторыми натяжками можно было утверждать, что руководство большинства республик СССР (кроме Прибалтики, Молдавии и Казахстана) либо одобрило деятельность ГКЧП, либо предпочло занять позицию нейтралитета.

Подготовка к штурму Белого дома и ее провал. Главные события сторонников ГКЧП разворачивались в здании Генерального штаба. В совещании у заместителя министра В. Ачалова участвовали начальник Генерального штаба Моисеев, личный советник Президента СССР по военным вопросам маршал Ахромеев, главнокомандующий Сухопутными войсками В. Варенников, вернувшийся из Киева в Москву, командующий Воздушно-десантными войсками П. Грачев, начальник группы «Альфа» В. Карпухин, начальник группы «Б» Б. Бесков, заместитель министра внутренних дел Б. Громов, первый заместитель председателя КГБ Г. Агеев — всего человек 20—25. Туда же прибыл и А. Лебедь.

Им предстояло добиться того, чего ГКЧП не смогло достичь путем военно-политической демонстрации — сломить сопротивление российского руководства. На этот раз цель пытались поразить

военно-полицейскими методами. Обсуждался план штурма Белого дома. По терминологии Крючкова, речь шла о разработке «мер по локализации возникшей напряженности в районе Белого дома»¹. Эта операция предполагала совместные действия воинских подразделений министерств обороны, внутренних дел и КГБ. Армейским подразделениям десантников под командованием А. Лебеда совместно с дивизией им. Дзержинского, подчиненной МВД, поручалось блокировать Белый дом, вытеснить людей, окружавших здание, в сторону Краснопресненской набережной; отряду милиции особого назначения (ОМОНу) при помощи танков ставилась задача прорвать баррикады, построенные вокруг здания; следом в прорыв должны были войти группы «Альфа» и «Б». «Альфа» должна была пробиться в здание, арестовать Президента России. Другое спецподразделение КГБ — группа «Б» должна была уничтожить очаги сопротивления в здании, применив специальные средства. Атаку сверху должны были поддерживать вертолеты прикрытия. Общая координация операции «Гром», как называли план штурма Белого дома, была возложена на командира группы «Альфа» генерала Карпухина. Начало штурма было назначено на 3 часа ночи 21 августа.

Однако на пути к реализации этого плана возникли серьезные препятствия.

На 12 часов дня движением «Демократическая Россия» был назначен митинг в поддержку российского руководства. Москва, пережившая волну мощных митингов в 1989—1991 г., такого многочисленного митинга, пожалуй, не знала. Все пространство вокруг Белого дома было заполнено десятками тысяч людей. Над толпой, насчитывавшей до 200 тыс. человек, реяли российские национальные флаги, флаги Украины, Литвы, Грузии. Митинг длился около 5 (!) часов. В воздухе витала решимость, неприятие ГКЧП. Вместе с Ельциным с балкона Белого дома выступали Председатель Совета Министров России И. Силаев, исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатов, вице-президент А. Руцкой, мэр Москвы Г. Попов, «отец перестройки» А. Яковлев, бывший министр иностранных дел Э. Шеварднадзе и многие другие. Их речи восторженно воспринимались демонстрантами.

Десятки и сотни тысяч людей стали, по сути, живым щитом Белого дома. Видимо, поэтому операцию по захвату Белого дома военные планировали именно на 3 часа ночи, на то время, когда вокруг здания останется мало его защитников.

¹ Крючков В. Личное дело. Ч. 2. С. 191.

Но 20 августа изменилась и ситуация с обороной здания правительства и Верховного Совета России. Усилиями генерал-полковника Кобца, вице-президента А. Руцкого, начальника созданного штаба обороны Белого дома полковника А. Стерлигова разрозненные толпы людей, собравшихся защищать законную власть, превращаются в подобие воинских соединений. Среди них — много военных, участников войны в Афганистане, студентов и инженеров, которым пришлось проходить обучение на офицеров запаса. В их распоряжении оказались «коктейли Молотова» — бутылки с бензином, прутья арматуры, которыми можно было остановить гусеничную технику. Возникли импровизированные лазареты, дежурили врачи-добровольцы.

Изменилась — и радикально — ситуация внутри Белого дома. По-прежнему там находились многочисленные журналисты. Но мало что напоминало в этом здании обстановку 19 августа, с его эмоциональным шоком, ощущением бессилия, неразберихи. Эти настроения стремительно уходили. В охране здания участвовали профессиональные военные, отставные офицеры спецслужб. Появилось оружие, практически отсутствовавшее в первый день. Внутренняя оборона здания обеспечивалась службой безопасности президента под руководством А. Коржакова. На крыше здания построили защитные заграждения из бетонных плит, за которыми скрывались снайперы, готовые открыть огонь в случае появления вертолетов. Во всех многочисленных коридорах стояли наряды хорошо вооруженных людей. Были приняты меры, которые должны были затруднить действия атакующих. Громадное здание Белого дома, при его внешней простоте, для незнакомого с ним человека превращалось в лабиринт, чему способствовали отключенные лифты, сооруженные заграждения. Деловитые, сохранявшие внешнее спокойствие сотрудники службы охраны президента попытались ограничить доступ в здание по его подземным коммуникациям, непосредственно примыкавшим к линиям метро. На этих подступах были установлены мины. Активно велась разведка. Сложилось удивительное положение: практически все переговоры по радио в частях, подчиненных ГКЧП, принимались в Белом доме. Сослуживцы, однополчане, разделенные событиями последних двух дней, поддерживали между собой отношения, и сведения о действиях противостоявших сторон сразу же становились известными. Шла постоянная информация от войск, блокировавших Белый дом, из КГБ и его подразделений. Несомненно, были и информаторы ГКЧП среди людей, защищавших Белый дом. Эта информационная «прозрачность» составляла своеобразие происходящих событий.

Никто из людей, остававшихся в здании, не питал иллюзий по поводу итогов штурма. Было ясно, что если бы штурм состоялся, то мало кому из обитателей Белого дома удалось бы остаться в живых; впрочем, попасть в руки КГБ было еще страшнее, чем погибнуть. Слишком хорошо помнился опыт 1937—1938 и многих других годов отечественной карательной истории. Среди защитников Белого дома господствовала в этот день спокойная, застоялая ярость, злость, оскорбленное достоинство. Этот коктейль становился фактором обороны, он гарантировал, что той же мерой будет отмерено тем, кто попытается ворваться в здание.

Вместе с тем политическое руководство России продолжало принимать меры, исключавшие возможность кровопролития и восстанавливающие конституционный строй. В 10 часов утра российская делегация, куда вошли А. Руцкой, И. Силаев и Р. Хасбулатов, передала А. Лукьянову требования в течение 24 часов организовать встречу с Президентом СССР М. Горбачевым; провести независимое обследование его состояния здоровья с участием специалистов Всемирной организации здравоохранения; отменить действие чрезвычайного положения; отвести войска на место их прежней дислокации; объявить о роспуске незаконно созданного Государственного комитета по чрезвычайному положению. Лукьянов попытался отмежеваться от ГКЧП, говорил о необходимости дополнительно изучить ситуацию, настаивал, чтобы Ельцин отказался от призыва к всеобщей забастовке. По существу требований Лукьянов ответа не дал.

По мере появления сведений о готовящемся штурме президентом Ельциным был издан указ об управлении Вооруженными Силами СССР на территории России. В этом указе Ельцин объявил, что впредь до восстановления в полном объеме деятельности конституционных органов и институтов государственной власти и управления Союза ССР он принял на себя командование Вооруженными Силами на территории РСФСР, начиная с 17 часов 20 августа 1991 г. Ельцин отменил все приказы Язова и Крючкова, принятые ими начиная с 18 августа, и приказал командующему войсками московского военного округа вернуть войска на места их прежней дислокации.

В то же время российским руководством принимались меры по созданию запасного места управления Россией. Давний соратник Ельцина, вице-премьер Правительства России О. Лобов с рядом сотрудников тайно выехал в район Свердловска, где находился командный пункт, приспособленный для условий военного времени. Министр иностранных дел А. Козырев вылетел в Западную

Европу, получив полномочия представлять за границей Президента России. Министр внутренних дел РСФСР В. Баранников потребовал от начальников высших и средних учебных заведений МВД выслать курсантов для обороны законной власти республики.

Конфронтация нарастала. Становилось ясно, что штурм Белого дома, при любом его исходе, станет прологом гражданской войны в стране.

Планы ГКЧП начинали разваливаться. Не хотели выполнять этот приказ даже те генералы, которые его сочинили. Не хотели, потому что понимали: его реализация приведет к огромному числу жертв, а отсюда — неизбежная, неотвратимая ответственность. Первым ударом по планам ГКЧП был категорический отказ офицеров «Альфы» (в этой части служили только офицеры) от участия в штурме. Перед ними была поставлена задача: ворваться в здание, «зачистить» его, забросав гранатами каждую комнату и обстреляв ее. Профессионалы «Альфы» потребовали ответа от своего командира Карпухина: есть ли письменный приказ на штурм. Карпухин отвечал, что приказ есть, но устный. Для сотрудников «Альфы» было ясно, что планировалась опасная авантюра. Прежде всего, им предстояло действовать против значительного числа вооруженных людей. По данным КГБ, которые, на наш взгляд, сильно преувеличены, их было до 5 тыс. человек¹; по наблюдениям О. Попцова, руководителя Российской телерадиокомпании, прошедшего эти дни в Белом доме, их было около пятисот². Полагаем, что оценка О. Попцова гораздо более реалистична. Среди них были и, по его выражению, «безнадежно штатские лица». Но были там и профессионалы, по уровню своей подготовки мало уступавшие тем, кому предстояло атаковать здание, — офицеры спецслужб, добровольно перешедшие на стороны Ельцина, «афганцы», десантники, бойцы ОМОНа, да и настроения оборонявшихся гарантировали в условиях боя в незнакомом здании большие потери среди наступавших³.

¹ Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор... С. 172—173.

² Попцов О. М. Хроника времен «царя Бориса». С. 168. По оценке генерала К. Кобца, в Белом доме было 500—600 стволов оружия. По его сведениям, было оружие и у людей, охранявших здание извне. Численность его К. Кобец оценивает примерно в 4 тыс. стволов. См.: В августе 91-го. С. 195.

³ Позже не было недостатка в бахвальстве бывших сотрудников спецслужб, что они за минуты смогли «раскидать» защитников Белого дома. Слава богу, что дело не дошло до открытого столкновения. Но, полагаем, одной из причин, почему это не случилось, стало то, что подобные оценки не пользовались поддержкой среди тех, кому пришлось бы «подставлять лоб» во славу ГКЧП.

Была и другая проблема: ответственность за гибель людей, находившихся в этом доме — а там были политические деятели, деятели культуры, которых знал весь мир (назовем только одно имя — М. Ростроповича), многочисленные иностранные журналисты, — могла быть свалена, даже в случае относительно благополучного для ГКЧП исхода, на офицеров «Альфы». А у них уже был опыт Тбилиси и Вильнюса, когда именно военных обвиняли, с подачи самого Горбачева, в «самовольных», «несанкционированных» действиях.

Вопреки давлению своего командира генерала Карпухина офицеры группы «Альфа» категорически отказались выполнять приказ о штурме. Отказались участвовать в штурме и сотрудники группы «Б».

Возникли противоречия и в высшем руководстве ГКЧП. Г. Янаев откровенно опасался последствий штурма здания, вокруг которого стояли тысячи человек. На заседании ГКЧП 20 августа в 20 часов он заявил, что слухи о планируемом штурме Белого дома не имеют под собой основания. Он же предложил дать информацию для СМИ о том, что штурм не планируется. Его соратники по ГКЧП стали спорить с ним, добились того, чтобы никаких публичных заверений по этому поводу не делалось¹. Причины понятны: те, кто готовил штурм, не хотел связывать себя подобными заявлениями.

Между тем план, намеченный утром, со скрипом начал реализовываться. Военным комендантом Москвы генералом Калининным был введен комендантский час в городе начиная с 23 часов. Это должно было лишить Белый дом кольца его защитников, воспрепятствовать подходу к зданию. Среди защитников здания распространились слухи о неизбежном штурме. В 20 часов началась стрельба в районе Белорусского вокзала, очереди трассирующих пуль прошили небо над гостиницей «Украина», стоявшей напротив Белого дома, на другом берегу реки Москвы. Нарастало беспокойство. Из разных источников в Белый дом поступали сведения о том, что штурм начнется в 2—3 часа ночи. Возникла прямая угроза для президента Ельцина. Ему было предложено укрыться в здании американского посольства, расположенного в нескольких сотнях метров от Белого дома. Но Ельцин отказался выходить из здания.

Около 12 часов ночи он вместе с мэром Москвы Поповым, вице-мэром Лужковым, несколькими сотрудниками своей администрации и личной охраной спустился в бункер в здании Белого дома. Это помещение было предназначено для нужд

¹ Крючков В. Личное дело. Ч. 2. С. 105.

«гражданской обороны»¹. Сейчас он должен был стать последним рубежом защиты президента. Бункер этот представлял собой несколько помещений: относительно небольших — для высшего руководства, большой комнаты, снабженной деревянными нарами, и относительно большого зала, непосредственно примыкавшего к лестнице. В зале расположилась охрана, отпускавшая шутки висельников о том, как будет действовать «Альфа» или их коллеги из других ведомств; в соседней комнате Ю. Лужков обзванивал по телефону директоров заводов стройматериалов, автокомбинатов, требовал от них, чтобы они выслали к Белому дому стеновые панели, строительные конструкции, устанавливали на потенциально опасных направлениях тяжело груженные грузовики, которые должны были воспрепятствовать танкам и бронетранспортерам приблизиться к зданию. Делал он это темпераментно, уверенно, так, как мог говорить начальник, не сомневавшийся в своем праве отдавать приказы своим исполнительным, но не слишком оперативным подчиненным.

В кабинете Ельцина были другие звонки. Он разговаривал с главами государств мира, о чем время от времени становилось известно от сотрудников его аппарата.

Трагедия в тоннеле Калининского проспекта. Главные же события развернулись в паре километров от Белого дома. После введения комендантского часа напряженность противостояния достигла высшего уровня. Белый дом, по существу, оставался заблокированным. Любое продвижение техники могло означать начало штурма. После того, как отборные части КГБ отказались участвовать в штурме, главной движущей силой подавления очага сопротивления становилась армия и ее самые боеспособные подразделения — Воздушно-десантные войска. Командующий этими войсками П. Грачев заявил в прокуратуре: «Все ждали, когда выдвинусь с войсками я. ...Если бы я пошел, то все бы пошли вслед за мной. Никуда бы не делись...»². Это верно. Верно и другое: обстановка накалялась, и намеченный на 3 часа штурм могли начать и десантники, и какая-нибудь другая воинская часть, переброшенная самолетами в Москву из другого конца страны, и подразделение КГБ.

¹ Автор этих строк, человек сугубо гражданский, работавший руководителем архивной службы России, в эти дни оказался в охране президента и находился в этом бункере.

² Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор... С. 176.

Однако случилось иное. Взвод боевых машин пехоты, осуществлявший патрулирование, приблизился к пересечению Калининского проспекта и Садового кольца. На пути БМП оказались баррикады. Тогда эти машины повернули в тоннель под Садовым кольцом. На выходе из тоннеля БМП вновь столкнулись с баррикадой. БМП попытались прорваться, но против бронированных машин бросились люди, пытавшиеся остановить их, проникнуть внутрь. В машины полетели камни, куски арматуры. Из машины началась стрельба. Погибли три человека — Комарь, Усов и Кричевский. В штабе обороны Белого дома эти события оценили как начало штурма. Пролилась первая кровь в Москве времени ГКЧП. Это событие не имело, строго говоря, военного значения. Однако оно имело несомненный политический, психологический, нравственный смысл. Ответственность за смерть этих людей легла на ГКЧП, который ввел в город войска. Непосредственная ответственность за это событие была возложена на маршала Д. Язова. И он отдал команду «Стой», отменив запланированную операцию. Штурм не начался. К утру 21 августа стало ясно, что начался отвод воинских частей от Белого дома.

В 6 часов утра 21 августа состоялось заседание коллегии Министерства обороны, на котором большинство генералов высказались за необходимость вывода войск из Москвы, перевода Вооруженных Сил из повышенной боеготовности в постоянную, рекомендовали министру обороны Д. Язову выйти из состава ГКЧП. Язов согласился со всеми предложениями, кроме одного: выйти из ГКЧП. «Это — мой крест, — заявил он. — Буду нести его до конца»¹.

Облам. Военная активность ГКЧП захлебнулась. Армия фактически отказалась повиноваться «советскому руководству». Кроме того, стал перемещаться вектор сил. С утра 21 августа в город начали входить милицейские части, сформированные на базе училищ МВД Российской Федерации, верных российскому руководству. Но главным событием, несомненно, стали не эти милиционеры. Главное событие развернулось опять-таки в стенах Белого дома, где собрался Верховный Совет Российской Федерации.

В 10 часов утра открылось внеочередное заседание Верховного Совета Российской Федерации. Депутаты, собравшиеся со всей страны, пробирались в здание, преодолевая завалы и баррикады, проходя через непрекращавшийся митинг в поддержку Ельцина. Российских депутатов толпа встречала восторженно. Авторитет их

¹ Шапошников Е. Выбор. М., 1995. С. 41—46.

сильно поднялся за те два дня, когда войска окружали Белый дом и многие из парламентариев были рядом с людьми, защищавшими парламент и президента. На повестку дня был поставлен вопрос: «О политической ситуации в РСФСР, сложившейся в результате государственного переворота».

Заседание Верховного Совета стало важнейшим политическим средством преодоления той платформы, которую олицетворял ГКЧП. Российский парламент смог сделать невероятно много. Верховный Совет поддержал все указы, принятые президентом Ельциным, и придал силу закона тем из них, которые требовали одобрения законодательной власти. Вспоминая об этом заседании, в голову приходит мысль о том, что заседание Верховного Совета РСФСР 21 августа было торжеством парламентаризма в России, может быть, самым важным заседанием за всю историю четырех Государственных дум дореволюционной России и полутора лет деятельности Верховного Совета. **Парламент, защищая закон, оказался решающим фактором политики.** Освещая сложную политическую ситуацию в стране светом права, парламент ясно показал и доказал незаконность ГКЧП и его решений. Это несколько не приносило роль главы государства и руководства исполнительной власти, это просто свидетельствовало о том, что у парламента есть своя собственная роль, практически неизвестная в России.

Начало же телевизионной трансляции заседания российского Верховного Совета означало полный провал ГКЧП.

Снова Форос. Лидеры ГКЧП побежали. Побежали в точном смысле этого слова, направившись в правительственный аэропорт Внуково, а оттуда — в Форос, к Горбачеву. Казавшихся еще несколько часов раньше всемогущими руководителями ГКЧП Крючкова, Язова, Бакланова, Тизякова, примкнувших к ним Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянова и заместителя Генерального секретаря В. Ивашко стали ловить — сначала по дороге в аэропорт, потом — уже в воздухе, попытались посадить их самолет. Смущал факт, казавшийся защитникам Белого дома необъяснимым: почему путчисты полетели в Форос? Что, какую защиту и почему они искали там у человека, которого они же объявили тяжелобольным и отстранили от власти? Возникал момент неопределенности, тлея и раньше обсуждавшееся вечерами и ночами в Белом доме предположение: а не скрывается ли за путчем инсценировка временного самоотречения Горбачева? И какой сюрприз еще можно ждать из Фороса?

По решению Верховного Совета России в Форос была направлена делегация, куда вошли вице-президент А. Руцкой, премьер-

министр И. Силаев, министр юстиции Н. Федоров. К ним присоединились Е. Примаков и В. Бакатин, члены Совета безопасности Президента СССР. Вместе с ними вылетели полковник А. Стерлигов, помощник А. Руцкого и 36 офицеров МВД и службы безопасности Президента России, так как всерьез опасались, что эта миссия в Форосе могла быть арестована частями КГБ, охранявшими Горбачева и подчиненными ГКЧП.

Параллельно началось и другое: срочно стали объявляться соратники Михаила Сергеевича Горбачева, которые, оказывается, всегда сохраняли верность Президенту СССР, но только сейчас, к середине дня 21 августа, смогли заявить о своем возмущении незаконными действиями ГКЧП. Эта номенклатурная братия, осмелев, срочно и не без успеха стремилась приспособиться к новым политическим реальностям.

Осмелели и республиканские лидеры, многие из которых не решались выступить с осуждением ГКЧП. ТАСС передал в 15 часов 25 минут 21 августа заявление Президиума Верховного Совета Украинской ССР, в котором сообщалось: «Президиум Верховного Совета Украинской ССР отмечает, что полный анализ и оценки ситуации, сложившейся после образования Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, будут сделаны Верховным Советом Украинской ССР после решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР. До решения сессии Верховного Совета Украинской ССР по этому вопросу положения постановлений Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР не имеют юридической силы на территории Украины». Прямо скажем, смелость была небольшой (чего стоит только трижды обусловленная оценка деятельности ГКЧП — сначала ее должны дать в Москве, в Верховном Совете СССР, потом на Украине, Верховным Советом Украины, и только потом — собственно Президиумом!), но там заявлялось, что постановления ГКЧП не имеют силы на территории Украины.

Но уже два дня спустя, 23 августа, когда путч был уже полностью подавлен, а его руководители оказались под арестом, украинское руководство объявило о независимости республики. Тогда же было объявлено, что на 1 декабря назначен референдум о независимости.

Осмелел и лидер Грузии З. Гамсахурдия. Принявший прежде режим ГКЧП, сейчас он требовал, чтобы мировое сообщество признало фактически и юридически независимость Грузии.

Вскоре на имя Президента России пришла телеграмма А. Муталибова, лидера Азербайджана, в которой он самым высоким сти-

лем прославлял смелость Ельцина, спасшего страну. Стилистические изыски А. Муталибова, несомненно, стимулировались тем, что тремя днями раньше он говорил журналистам, что отстранение Горбачева от президентства является «естественным следствием политики, которая привела к хаосу в Советском Союзе в последние несколько лет» и «мы приветствуем развитие событий в Советском Союзе»¹.

Были и другие оценки ситуации. Верховные Советы Латвии, Эстонии, Литвы 21—22 августа объявили о восстановлении своих старых конституций, действовавших до 1940 г., и о восстановлении государственной независимости.

Президент Казахстана Н. Назарбаев направил в Политбюро ЦК КПСС резкое письмо, продолжавшее ту линию, которую он наметил уже в своем ответе в Политбюро 20 августа 1991 г. В этом послании содержалось осуждение деятельности Политбюро и секретариата, поддержавших позорные, по словам Назарбаева, действия ГКЧП. Он напоминал: Секретариат ЦК собирался собрать 20 августа внеочередной пленум ЦК, на котором было запланировано поддержать деятельность ГКЧП, и Назарбаев решительно высказался против такого пленума. Н. Назарбаев заявил о своем выходе из Политбюро, из ЦК КПСС, как руководитель республиканской компартии — о ее выходе из КПСС и приписал собственной рукой: «и создании самостоятельной партии».

С осуждением ГКЧП выступили выжидавшие Президиумы Верховных Советов Бурятии, Чувашии, Чечено-Ингушетии.

В эти же часы 21 августа было опубликовано заявление политбюро Компартии России. Ее лидеры немало потрудились для того, чтобы всячески дискредитировать Горбачева; они ненавидели Ельцина, подталкивали к введению чрезвычайного положения. Сейчас же понимали, что приближается и спрос за эту позицию. Это заявление поражало своей трусливостью и двуличием. Руководство компартии, оказывается, было введено в заблуждение сообщениями Г. Янаева о том, что Президент СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС болен. Более того, они едва ли не боролись с путчистами. В Доме правительства, писало Политбюро, постоянно находился председатель ЦКК РКП Н. С. Столяров (Столяров входил в группу Руцкого «Коммунисты за демократию», которую лидеры ортодоксальной компартии намеревались полностью исключить из партии). Сейчас же Столярова пытались превратить чуть ли не в палочку-выручалочку для лидеров РКП. «Нельзя искусственно

¹ ТАСС. 1991. 20 августа. Сводка № 1.

возбуждать страсти, усиливать конфронтацию, нагнетать антикоммунизм», — призывало политбюро РКП.

Не отставали от своих российских коллег и их товарищи по ЦК КПСС, собравшие в 14 часов 39 минут пресс-конференцию, на которой пытались доказать, что они никакого отношения к путчу не имели, что руководящие органы партии, оказывается, выступают против чрезвычайных мер при решении политических проблем.

Однако вернемся в Форос. Около 16 часов туда прибыли лидеры ГКЧП. Личная охрана Горбачева немедленно арестовала их (!), вопреки призывам генерала Генералова, оставленного Крючковым осуществлять «изоляцию» Горбачева. Сейчас же были восстановлены средства связи¹. Горбачев отказался разговаривать с путчистами и встретился с Лукьяновым и Ивашко уже «при свидетелях»². Около 20 часов вечера в Форос прибыли и представители российских властей. Освободить, как выяснилось, было уже некого: Горбачев уже действительно «контролировал ситуацию», как он любил говорить. В данном случае это было чистой правдой: почти четыре часа он звонил по телефону: переподчинял себе кремлевский полк, разбирался с вице-премьером Щербаковым, управлявшим союзным правительством во время болезни Павлова, разговаривал и принимал поздравления от президента США Буша, связывался с рядом республиканских лидеров — Назарбаевым, потом — с Ельциным, Дементеем, другими республиканскими президентами. Появление российской делегации вызвало в первый момент тревогу: «Увидев вооруженного Руцкого с автоматчиками, Раиса Максимовна испуганно спросила: «Вы что, нас арестовывать прилетели?» — «Почему? — удивился Руцкой. — Освободить!» Она разрыдалась»³.

Это недоразумение было скоро улажено. Горбачев, как гостеприимный хозяин, предложил российской делегации переночевать на даче в Форосе, а уж утром всем лететь в Москву⁴. (Что тут сказать!) Но Руцкой торопился выполнить поручение — срочно эва-

¹ Вопрос о том, были ли эти средства связи полностью выключены, до сих пор остается неясным. Есть свидетельства, что телефонная связь у Горбачева была и ею пользовались сотрудники охраны Горбачева с ведома самого Горбачева, как и специальное средство связи Президента СССР, который КГБ не мог отключить. См.: *Гульбинский Н., Шакина М.* Афганистан... С. 130—132; *Лукьянов А.* Переворот мнимый и настоящий. Воронеж, 1993. С. 15.

² *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 571—572.

³ *Ельцин Б. Н.* Записки президента. С. 127.

⁴ Показания И. С. Силаева. Цит. по: *Степанков В., Лисов Е.* Кремлевский заговор. С. 208—209.

куировать Президента СССР и его семью, арестовать лидеров ГКЧП, которые находились там же, на даче, под охраной личной службы безопасности Горбачева и тех самых многочисленных войск, которые формально подчинялись все тому же Крючкову.

Горбачев выразил желание лететь в Москву в одном самолете с Лукьяновым, Крючковым, Язовым и иже с ними. Российская делегация твердо настояла — Горбачев должен лететь в Москву вместе с ней. Ровно в полночь самолет с семьей Горбачева и российскими посланцами вылетел в Москву. В той же машине находился председатель КГБ Крючков, что, по мнению Руцкого, должно было служить гарантией, что КГБ не уничтожит самолет в воздухе. Во втором самолете летели другие участники ГКЧП с конвоем.

В два часа ночи Горбачев прилетел в Москву. Тут же, в аэропорту, российская прокуратура арестовала пассажиров второго самолета.

Власть после путча. 22 августа в полдень Горбачев приехал в Кремль и пригласил в Ореховую комнату — знаменитую комнату в Кремле, где традиционно собирались только члены Политбюро, — своих ближайших соратников — Яковлева, Бакатина, Примакова, Шахназарова, Медведева, Абалкина, Кудрявцева, Черняева. Вместе с ними были начальник Генштаба Моисеев, председатель комитета конституционного надзора Алексеев, генеральный прокурор Трубин, министр иностранных дел Бессмертных, председатель Верховного суда СССР Смоленцев¹.

Были отменены указы ГКЧП и сделаны новые назначения на ключевые посты: министром обороны был назначен Моисеев, председателем КГБ — заместитель Крюčkова, руководивший внешней разведкой КГБ, Л. Шебаршин. Назначения, по сути, скандальные: Моисеев — один из активных сторонников ГКЧП, а планы путча создавались Крючковым в тесном сотрудничестве с сотрудниками Первого главного управления КГБ — разведки. Министр иностранных дел А. Бессмертных был одним из кандидатов в ГКЧП и не стал им потому, что это мешало бы осуществлению им внешнеполитических функций. В тот же день состоялась пресс-конференция Горбачева перед российскими и иностранными журналистами, пресс-конференция неудачная², он не мог от-

¹ Медведев В. А. В команде президента. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 199.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 489. См., в частности, информацию ТАСС от 22 августа 1991 г. о статье, опубликованной в «Файненшл таймс». «Не исключено, — писали журналисты, — что весь этот странный переворот был частью какой-то тщательно продуманной пьесы в политическом театре. ...Автором инсценировки мог быть сам Горбачев»

ветить на многие вопросы журналистов и, сорвавшись, сказал то, что прессе говорить не следовало: «Всей правды вы никогда не узнаете!» В тот же день ТАСС распространило интервью с А. Н. Яковлевым, где он заявил: «Горбачев виноват в том, что сформировал команду предателей. ...Урок, который необходимо извлечь из неудавшегося переворота, — осознание того, что путь демократизации является единственным путем для нашей страны».

В Москве бушевали митинги. Десятки и сотни тысяч людей вышли на улицы, ставшие практически непроезжими. Толпы людей стояли у здания КГБ, Министерства внутренних дел СССР, на Арбате, у Министерства обороны, на Старой площади, вокруг здания ЦК. В их руках были лозунги с требованиями отдать лидеров ГКЧП под суд, запретить КПСС. Многотысячная процессия провозжала в последний путь трех молодых парней, погибших в ночь на 21 августа, — Дмитрия Комаря, Владимира Усова и Илью Кричевского.

23 августа под давлением Ельцина Горбачев отменил свои назначения, объяснив их тем, что не успел разобраться в ситуации. Министром обороны СССР был назначен Е. Шапошников, председателем КГБ — В. Бакатин, министром иностранных дел — Б. Панкин, посол в Чехословакии, отказавшийся признать ГКЧП. В тот же день Горбачев прибыл на заседание Верховного Совета Российской Федерации. Здесь ему пришлось убедиться в справедливости собственных слов, сказанных утром того же дня: «Я приехал из Фороса в другую страну и сам уже не тот, кем был, другой человек»¹.

Заседание было очень важным. Ельцин и Верховный Совет России были триумфаторами. Горбачев фактически оказался в положении ответчика. Президент России зачитал Президенту СССР выписку из стенограммы союзного Кабинета министров, большинство членов которого поддержали гэкачепистов и изменили союзному президенту. Из зала звучали требования — запретить КПСС, ставшую, по существу, идеологом переворота. Ельцин потребовал у Горбачева осудить КПСС, но, встретившись с его сопротивлением, «для разрядки» подписал указ о приостановлении деятельности Российской коммунистической партии.

Крах КПСС. Путч изменил соотношение сил. Союзные структуры смертельно надорвались в своей попытке из последних сил сохранить Советский Союз в его неизменном виде. Лопнули «становые жилы» политического организма СССР — КПСС, КГБ,

¹ Горбачев М С Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 575.

страх перед репрессиями. А без них этот строй был нежизнеспособен.

В те часы, когда Горбачев выступал в Верховном Совете, здание ЦК было заблокировано тысячами демонстрантов. В ЦК срочно уничтожали документы текущего делопроизводства, пытались вынести их из здания, эвакуировали сотрудников. Абсолютное большинство выходило через подъезды на улицу, и это было по-настоящему страшно — так велика была злоба жителей Москвы против Старой площади и ее обитателей. (Впрочем, к счастью, обошлось без эксцессов.) Высшие чиновники ЦК и администрации Горбачева эвакуировались с большим комфортом — через специальную линию метро, соединявшую Старую площадь с Кремлем¹.

Комитету по делам архивов при Правительстве России было приказано обеспечить сохранность документов ЦК. Комплекс зданий ЦК охранялся московской милицией под руководством вице-мэра Москвы А. Музыкантского. С ее помощью удалось отыскать одного из опытных чиновников ЦК и, пробираясь по длинным коридорам ЦК, заваленным слоем разодранных документов, опечатать архивы ЦК, к счастью не пострадавшие². В эти же часы в здании работали сотрудники Прокуратуры СССР, проводившие обыск в кабинете секретаря ЦК О. Шенина и обрадовавшиеся, что акт изъятия вещественных доказательств участия Шенина в путче может подписать в качестве понятого представитель правительственного аппарата России. Среди изъятых документов обращал на себя внимание план Белого дома, баррикад вокруг него и воинских частей, блокировавших здание, — план был вычерчен (скорее — нарисован) от руки и рождал странное чувство, так как получалось, что фактический руководитель ЦК КПСС Шенин не имел нормального топографического плана территорий, окружавших дом Правительства России.

Смертельная рана Союзу ССР. Неудача переворота, провал ГКЧП рождает много вопросов, в частности: почему рассыпалась казавшаяся такой грозной машина «советского руководства», наводившая страх на весь мир? Попробуем ответить. Прежде всего, неудача ГКЧП стала итогом постоянного, нараставшего кризиса государственности СССР. СССР стал практически неуправляемым. Не был пресечен ни один из национальных конфликтов, вспыхи-

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 491—492.

² См.: Пихоя Р. Г. Архивные страсти // Исторические записки. М., 1995. № 1 (119). С. 241—243.

вавших на территории страны. Армия моталась по всему СССР как пожарная команда, тушившая один очаг для того, чтобы срочно заняться тушением другого. Политическое руководство страны слишком успешно реализовало на практике основной принцип партийного руководства: решает руководство партии, отвечают все остальные. С переходом Горбачева в кабинет Президента СССР этот принцип остался не менее актуальным. Однако частое его применение неизбежно приводит к тому, что число желающих отвечать за чужие глупости резко сокращается.

Изменились люди. И изменились не за три дня путча, а гораздо раньше, только разглядели это лидеры СССР в конце августа последнего года СССР. Ушла вера в социализм и коммунизм. Она была хороша за «железным занавесом», когда можно было рассуждать об «искривлениях марксизма», «деформирующем воздействии культа личности», противопоставлять «раннего Маркса» — позднему, Ленина времени военного коммунизма — Ленину эпохи НЭПа и верить в «гуманный, демократический социализм, социализм с человеческим лицом». Верить в него можно было до середины 80-х гг. Сквозняк гласности вынес эти иллюзии и заставил разглядеть окружающий мир, разглядеть — и ужаснуться.

Изменился мир. «Холодная война» Советским Союзом была проиграна. Экономика страны была истощена в ходе этого соревнования. «Силовое поле» СССР стало сокращаться — сначала уменьшилась поддержка «братским партиям и народно-освободительным движениям», потом ослабло влияние СССР в Центральной Европе, и по ней прокатилась волна «бархатных революций», выбросивших СССР оттуда, далее очередь дошла и до союзных республик, обеспечив «парад суверенитетов», а в конце концов и их выход из СССР. Последний рубеж «силового поля» СССР совпал с кольцом блокады Белого дома. Тут-то и открылось, что это не силовое поле, а поле бессилия, тлена, предательства как системы.

Мы не пишем о «мудрых армейских командирах», которые осуществляли путч и, как выяснилось, только и делали, как боролись... боролись с кем? За что? Трудно не вспомнить замечательное определение А. Лебеда, сказанное Президенту России, что его десантники у Белого дома охраняют самих себя. Много написано о политической импотенции путчистов. В конце концов, не в этом дело. Ведь были там не только Янаев и Крючков, но и Тизяков, великолепный организатор, и, безусловно, смелый Шенин, и по своему порядочный Язов и Лукьянов, уж никак не менее политически опытный человек, чем его оппоненты, ставшие его врагами

Сгнили механизмы власти СССР. Самое страшное, что натворили путчисты, так это то, что, приведя эту машину в действие, они не предвидели, что она уже не выдержит такой нагрузки и развалится. Хотя это они **обязаны** были предвидеть. Союзный договор был поистине спасительным лекарством, дававшим надежду на выживание. Но его-то и переехала машина ГКЧП.

На первый план выходил вопрос — что должно остаться в ведении Союза, а что — республик. 1 сентября состоялась встреча Горбачева с руководителями республик. На ней была достигнута договоренность заключить соглашение о сохранении единых вооруженных сил и едином военно-стратегическом пространстве, радикальных реформах в армии, КГБ, МВД и прокуратуре. Говорилось о намерении подготовить и подписать договор о Союзе Суверенных Государств.

2 сентября собрался съезд народных депутатов СССР — последний съезд в истории СССР. Он начался заявлением Назарбаева от лица Президента СССР и руководителей республик о том, что в дальнейшем съезд народных депутатов не нужен. Немедленно после этого заявления был объявлен перерыв. После перерыва начали голосовать. Предложение о роспуске съезда не набирало необходимых в таком случае двух третей голосов. Столкнувшись с недовольством многих депутатов, Горбачев пригрозил изменить Конституцию, дать возможность распустить съезд простым большинством депутатов. Депутаты сдались¹. Съезд народных депутатов СССР, во многом изменивший политический облик страны, был распущен.

Остался только Верховный Совет СССР, у которого реально урезали полномочия, упразднив, в частности, должность Председателя Верховного Совета СССР. Но реально Верховный Совет умирал, так как в нем уже не участвовали не только депутаты из республик Прибалтики, объявивших о своей независимости, но и Украины. От ряда республик там были не депутаты, а наблюдатели.

Были образованы новые союзные органы — Государственный совет, куда вошли руководители союзных республик, Межреспубликанский экономический комитет во главе с И. С. Силаевым. Была предпринята попытка создать новые межреспубликанские органы управления — Межреспубликанская продовольственная комиссия СССР, Совет по гуманитарной помощи, Союзно-республиканский валютный комитет СССР, Совет по предпринимательству при Президенте СССР, Межгосударственный пенсионный резервный фонд СССР, Межгосударственный комитет по образо-

¹ *Медведев В. А.* В команде Горбачева... С. 204—206.

ванию; Межгосударственный комитет по экологической безопасности, Комитет по делам военнослужащих и членов их семей при Президенте СССР, Министерство по делам воинов-интернационалистов, Министерство по подготовке и проведению военной реформы при Госсовете СССР. Был преобразован Комитет госбезопасности СССР. На его основе появились: Комитет правительственной связи при Президенте СССР, Комитет по охране госграниц, Межреспубликанская служба безопасности СССР.

Однако все эти органы оказывались неэффективными. По-настоящему СССР умер в первые дни после подавления путча, хотя его формальное существование продолжалось до конца декабря 1991 г. Диагноз смертельной болезни пришел с Украины: республика объявляла себя независимой и заявляла, что 1 декабря состоится референдум — оставаться ли ей в СССР — и выборы президента Украины. Путч напугал лидеров республик СССР. Страх был нешуточный. Большинство из них обреченно приняли заявления ГКЧП, а оказалось, что в Москве все не так: высших руководителей страны отдали под суд, Москва требует расследовать и наказать тех, кто поддержал ГКЧП. В этих условиях мысль о суверенитете и независимости становилась более чем актуальной. Официально независимость Украины была объявлена 24 августа, Белоруссии и Молдавии — 27 августа, Азербайджана — 30 августа, Узбекистана и Киргизии — 31 августа, Таджикистана — 9 сентября, Армении — 23 сентября, Туркмении — 27 октября.

Возникал вопрос российского масштаба происходившего: зачем Россия должна финансировать союзные структуры, от которых можно было ожидать очередные проблемы?

Путчисты мимоходом, как это и бывает в истории, уничтожили КПСС, не политическую партию, а основной институт государственности СССР. Она мгновенно была устранена из системы управления. 24 августа с заявлением о сложении с себя функций Генерального секретаря ЦК КПСС выступил Горбачев¹.

Ликвидация КПСС определила необходимость создания, по существу, нового аппарата управления.

Но как же с идеями социализма? Конечно, Горбачев бросил партию. Не только КПСС, но и, в сущности, те идеи социализма и тот спектр политической жизни в стране, который разделял эти взгляды. Впрочем, это было позицией не только Горбачева, но и его «социал-демократического окружения». «В дальнейшем к Горбачеву не раз, и через меня, — пишет соратник Горбачева и идеолог

¹ *Медведев В. А.* В команде Горбачева... С. 212.

КПСС В. Медведев, — пытались обращаться некоторые члены ЦК, ставя вопрос о созыве пленума. Я считал, что это дело самих членов ЦК, а Горбачева, сложившего обязанности генсека, не следует втягивать в этот процесс. Рекомендация Горбачева, адресованная ЦК КПСС, так и осталась нереализованной»¹. У него осталось одно — борьба за личное политическое будущее в «обновленном Союзе».

6 ноября 1991 г., накануне прежнего главного государственно-го праздника — годовщины Октябрьской революции, Ельцин «прибрал» политический труп КПСС, издав указ, в котором заявлялось, что «КПСС никогда не была партией. Это был особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямым подчинением КПСС». Указ предписывал:

«— прекратить на территории РСФСР деятельность КПСС, КП РСФСР, а их организационные структуры распустить;

— имущество КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР передать в собственность государству»².

Круги путча шли по стране, порождая новые проблемы и обостряя, драматизируя старые. Стремительное отрезвление после августовской эйфории пришло из Чечни. Лидер Общенационального конгресса чеченского народа генерал Дудаев был одним из немногих активных противников ГКЧП в российской автономии. Однако вскоре события стали развиваться совсем не по схеме противостояния «демократов» и «партократов».

Чечня: пролог трагедии. События в Чечне невозможно понять, не обратившись к истории этого народа и его отношениям с Россией. На Северном Кавказе, по преимуществу в Чечне и Ингушетии, проживает около 800 тыс. чеченцев. Кавказский перешеек, северные склоны Кавказского хребта уже с XVI—XVII вв. превратились в поле соперничества между тремя крупнейшими государствами региона — Ираном, Турцией и Россией. В результате военных и дипломатических усилий России здесь появились русские крепости и казачьи станицы. В течение XVIII в. Россия продолжила свое продвижение на Кавказе, в конце XVIII в. по левому берегу реки Терек прошла так называемая Кавказская военная линия, укрепленная городами Моздок и Владикавказ. С начала XIX в. Россия втянулась в долгую и кровопролитную военную кампанию

¹ Медведев В. А. В команде Горбачева... С. 212.

² Сборник указов и распоряжений Президента Российской Федерации. Октябрь — декабрь 1991 г. М., 1992. С. 16—18.

по завоеванию и подчинению Северного Кавказа. Кульминацией этой политики стала война с теократическим государством — имаматом Шамиля, сложившимся на землях Чечни и Дагестана, завершившаяся покорением Чечни только в 1859 г.¹

Вместе с тем, эти территории никогда не были «мирными» в административном смысле этого слова. В архивах центральных учреждений Российской империи сохранилось большое число документов, свидетельствовавших о том, что в Чечне сохранялось внутреннее устройство, вызывавшее недовольство даже со стороны царской администрации, допускавшей значительные отличия местного самоуправления на Кавказе. В ходе Гражданской войны большевистское правительство широко использовало противоречия между терским и кубанским казачеством, поддерживавшим антибольшевистские силы, и чеченцами, добывавшимися возвращения земель, отнятых у них после 1859 г. Большевики поощряли нападения чеченцев на казачьи станицы, снабжали их оружием. В 1922 г. была создана Чеченская автономная область в составе РСФСР. Однако повстанческое движение, приобретшее уже антибольшевистский характер, продолжалось, потребовав привлечения крупных военных сил для его подавления. В 1934 г. Чеченская и Ингушская автономные области были объединены в Чечено-Ингушскую автономную область, в 1936 г. преобразованную в Чечено-Ингушскую автономную республику в составе СССР. Уже в конце XIX в. на территории Чечни были обнаружены богатые месторождения нефти, возникла крупная нефтеперерабатывающая промышленность.

В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистское командование не без успеха проводило на Северном Кавказе особую политику, направленную на то, чтобы склонить к сотрудничеству с оккупационными войсками мусульманское население Северного Кавказа и казачество. В Чечне в октябре 1942 г. удалось организовать восстания в тылу советских войск, в частности в Шатойском, Итум-Калинском, Веденском и ряде других районов. Восстания вспыхнули в то время, когда шли ожесточенные бои под Сталинградом и немецкие войска вели наступление на Северном Кавказе, вышли к Тереку и Большому Кавказскому хребту. На территории Чечено-Ингушетии в 1943 г., когда немецкие войска были уже далеко отеснены от Северного Кавказа, органами Наркомата государственной безопасности было зафиксировано три десятка бандитских групп и около 4 тыс. участни-

ков восстаний 1941—1942 гг.¹. В результате советские власти приняли решение о депортации чеченцев и ингушей с их исконных территорий в Казахстан. В феврале 1944 г. было выселено около 500 тыс. чеченцев и ингушей. Массовая репатриация была, безусловно, преступлением, которое не может быть оправданным фактами сотрудничества части населения с немцами. Тогда же была упразднена Чечено-Ингушская АССР. На земли выселенных чеченцев и ингушей пришли другие люди — русские, осетины.

После XX съезда массовые депортации были осуждены, указом Президиума Верховного Совета СССР была восстановлена Чечено-Ингушская АССР. Однако узел, туго завязанный сталинской депортацией, развязать было трудно. Возвращение людей из ссылки сопровождалось обострением отношений с тем населением, которое поселилось на землях чеченцев и ингушей. Постоянным источником противоречий и конфликтов между Северной Осетией и Ингушетией стали земли Пригородного района г. Орджоникидзе (Владикавказа), где находились родовые ингушские кладбища. До сих пор сохраняются споры между Чечней и Ингушетией на земли Сунженского и части Малгобекского районов, с русским населением Ставропольского края — из-за Науровского и Шелковского районов, которые казачество считает своими.

Столица Чечено-Ингушетии, г. Грозный, стала одним из крупнейших центров переработки нефти в СССР. В конце 1980-х нефтеперерабатывающий комплекс в Грозном был полностью модернизирован, что обошлось казне в 1,5 млрд. долларов². В регионе существовала проблема привлечения коренных жителей на промышленные предприятия, хотя многочисленное население не имело постоянной работы.

В Чечне сохранялось разделение коренного населения на родовые тейпы, религиозные братства — «вирды», мюридские общины. Это в значительной степени определяло и определяет традиционную структуру общества, успешно пережившую все политические и идеологические кампании советского общества.

Чеченское население, преимущественно сельское, было традиционно малоземельным, вынуждавшим значительную часть мужчин отправляться летом на сезонные работы по всему СССР. Вместе с этим необходимо отметить относительно высокий образовательный уровень населения. К концу 1980-х гг. доля трудоспособного населения, не занятого в общественном производстве, составляла в Северной Осетии почти 13%, а в Чечено-Ингушетии 25%.

¹ Комсомольская правда. 1996. 23 июля.

² *Сосламбеков Ю.* Чечня (Нохчичоь) — взгляд изнутри. М., 1995. С. 36.

Обстановка в этом регионе Северного Кавказа оставалась неспокойной. В 1973 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС «Об антиобщественных националистических проявлениях в г. Грозном», в котором отмечался рост националистических настроений в Чечено-Ингушетии. Спустя несколько лет было принято новое постановление, датированное 14 января 1982 г. В нем отмечались факты массовых выступлений в Северной Осетии с требованиями выселить ингушей, даже массовых беспорядков, произошедших в Орджоникидзе, когда «24—26 октября 1981 года группа экстремистски настроенных лиц спровоцировала часть осетинского населения города Орджоникидзе на антиобщественные действия. ...Подстрекаемые националистическими призывами, бесчинствующие элементы, среди которых было немало тунеядцев, пьяниц, наркоманов и лиц, ранее судимых, нападали на общественные и государственные учреждения, пытались дезорганизовать работу городского транспорта, допускали оскорбительные выпады и угрозы в отношении жителей ингушской национальности. В течение нескольких дней нормальная жизнь города и работа на отдельных предприятиях была нарушена».

Отмечалось также широкое распространение среди населения оружия. Поэтому министру внутренних дел СССР Щелокову специально указывалось на необходимость принять «дополнительные меры к изъятию огнестрельного и холодного оружия, незаконно хранящегося у населения Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР».

Однако положение там не улучшалось. Скорее можно было говорить о его ухудшении, пришедшем одновременно с началом перестройки. В ЦК КПСС в 1987 г. вновь обсуждался вопрос о ситуации в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. В документе, принятом тогда, констатировалось, что в быту населения, в том числе и коммунистов, сохраняются мусульманские обычаи, выполняются религиозные обряды. Более того: «До сих пор местные органы в решении вопросов прибегают к помощи религиозных авторитетов (разрешение споров между семьями, привлечение людей на сельхозработы, субботники)».

Статистика, приведенная в справке, свидетельствовала об ухудшении межэтнических отношений. «В 1984—86 годах, — сообщалось в документе, — зарегистрировано свыше ста националистических проявлений. Среди них избиения и убийства на почве неприязненных отношений между ингушами и осетинами, осквернение русских кладбищ, хулиганские действия по отношению к сельской интеллигенции некоренных национальностей» В

эти же годы наметился процесс миграции из этих республик русского населения.

Сообщалось также, что «в состоянии кровной вражды находится свыше 60 тейповых групп. ...Опасная конфликтная ситуация сложилась между враждующими тейпами Яндиевых и Хадзиевых-Албаковых, проживающих на границе автономных республик». В регионе отмечался высокий уровень наркомании, который превышал общесоюзный в Северной Осетии — в пять раз, в Чечено-Ингушетии — в 3 раза. «Вместе с тем органами внутренних дел республик, — отмечали авторы справки, — не выявлено ни одного нарушителя, занимающегося сбытом наркотического сырья».

В справке сообщалось и о том, что в горных районах Чечни сохранилось самое настоящее рабство, и в роли рабов пребывали русские, оказавшиеся разными путями в этих местах. Процитируем документ: «Только в Ачхой-Мартановском, Сунженском и Шалинском районах выявлено 65 так называемых «батраков». Среди них — алкоголики, ранее судимые, без определенного места жительства. Все они, как правило, завозятся нанимателями из других регионов страны. У Эктумаемых, например, для ухода за личным подворьем, насчитывающим до 300 овец, 27 голов крупного рогатого скота, 29 лошадей, использовались Абрамов, Александров и Соболев. В личном хозяйстве Хашиевых — Павлов из Краснодарского края и Котов из Горького, у Хариковых — неоднократно судимые Костенков и Бондарюк. Такие лица содержались даже в хозяйствах секретаря партийной организации, депутата Ореховского сельсовета т. Хачукаевой, завхоза школы т. Мурадова».

В конце 1980-х гг. на арену политической жизни в Чечено-Ингушской АССР вышел вопрос о создании отдельных — Ингушской и Чеченской — республик. Стали возникать общественные объединения — «Вайнахская демократическая партия» во главе с З. Яндарбиевым, партия «Исламский путь» Б. Гантимирова и крупнейшее объединение, существовавшее с ноября 1990 г., — Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), который предложили возглавить генерал-майору Джохару Дудаеву, командиру дивизии стратегических бомбардировщиков, дислоцированной в Эстонии, в Тарту. Генерал Дудаев, детство которого прошло в ссылке, в Казахстане, сделал блестящую карьеру в Советской Армии, был награжден двенадцатью правительственными наградами, поддерживал дружеские отношения с эстонской интеллигенцией, был хорошо информирован о движении за независимость Эстонии.

На первом съезде ОКЧН 23—25 ноября 1990 г. была принята декларация «О государственном суверенитете Чеченской республики». Напомним: в это время Чечня входила в состав единой Чечено-Ингушской АССР и вообще не имела формальных государственных признаков. Однако долговременный митинг, организованный ОКЧН, постепенно захватывал властные полномочия. Под давлением этого многотысячного митинга 27 ноября 1990 г. Верховный Совет Чечено-Ингушетии принял «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики».

ОКЧН находился в оппозиции к официальным властям Чечено-Ингушетии — к обкому партии и Верховному Совету Чечено-Ингушской АССР, которые возглавлял Доку Завгаев, тоже по-своему примечательная личность, первый чеченец, оказавшийся во главе местного обкома¹. Д. Завгаев последовательно проводил курс руководства КПСС в республике: он добивался неучастия населения республики в референдуме о введении поста Президента России; в ходе избирательной кампании организовал агитационную кампанию за Н. Рыжкова. Делегации от ингушского и чеченского населения постоянно требовали восстановления своей государственности в 1990 г.

Летом 1991 г. состоялся второй этап съезда ОКЧН. На нем было принято решение — учредить Чеченскую республику. Уже тогда звучали требования отделения от России, неучастия в выборах Президента России.

Августовский путч ускорил развитие политических процессов в Чечне. Возглавляемые Д. Завгаевым Верховный Совет и обком партии заняли осторожно-выжидательную позицию по отношению к ГКЧП. Их оппоненты — генерал Дудаев и Общенациональный конгресс чеченского народа — решительно осудили путч, объявили о своей готовности с оружием в руках противостоять чрезвычайному положению. После подавления путча Д. Завгаев оказался среди тех местных руководителей, над которыми висело обвинение в пособничестве ГКЧП. Реальная власть в Грозном переходила в руки ОКЧН и организованному им митингу. Второй съезд Общенационального конгресса чеченского народа объявил, что Верховный Совет Чечено-Ингушетии низложен, что власть переходит съезду ОКЧН и что Чечня берет курс на независимость.

В этом решении было по крайней мере два аспекта, позволявших дать в Москве различные интерпретации происходившему. Для властей России на первый план выходила борьба против

¹ Сосламбеков Ю. Чечня... С. 10.

«партократа» Завгаева, а заявления Дудаева о независимости воспринимались как политическая риторика, не имевшая реального значения. С другой стороны, курс на отделение одной из автономий России мог иметь крайне опасный характер прецедента и спровоцировать аналогичные процессы в других республиках¹.

В этой непростой обстановке (сами политические процессы в Чечне, да и в самой России, только начали определяться в новой политической ситуации, сложившейся после подавления путча) прибавлялись многочисленные обстоятельства, на первый взгляд незначительные, которые оказали долговременное воздействие на то, что происходило внутри и вокруг Чечни. Чечня была и остается гораздо более традиционным обществом, чем это виделось московским политикам. В события в Чечне активно стал вмешиваться спикер российского парламента Р. Хасбулатов, чеченец и его соотечественник генерал А. Аслаханов, председатель комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. Высокие политические цели переплетались с соперничеством традиционных кланов, осложняя достижение ясных политических результатов. Отнюдь не комичным стало личное соперничество двух летчиков — командира полка штурмовиков полковника Руцкого, ставшего вице-президентом при президенте Ельцине и генерал-майором за участие в подавлении путча, и командира дивизии стратегических бомбардировщиков, элиты ВВС, генерал-майора Дудаева.

В Чечню зачастили высокопоставленные визитеры. 10 сентября туда прибыли госсекретарь Г. Бурбулис и министр информации и печати М. Полторанин. 15 сентября прилетел в Чечню исполнявший обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов, потребовавший от Верховного Совета Чечено-Ингушетии самораспуститься. Это требование было удовлетворено, и власть формально была передана Временному Высшему Совету, своего рода совету старейшин, нелегитимному органу. Политические противники Хасбулатова обвиняли его в том, что его вмешательство в конфликт носило во многом личные причины, и в созданном при его участии Временном Высшем Совете были широко представлены родственники и сторонники российского спикера². Во всяком случае, затея с созданием этого органа оказалась неудачной и реальная власть по-прежнему оставалась у съезда Общенационального конгресса чеченского народа во главе с ге-

Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан.. С. 142—144.

² *Сосламбеков Ю.* Чечня... С. 11.

нералом Дудаевым. Начался отчасти стихийный, отчасти спланированный захват правительственных учреждений в Грозном.

Имеются сведения, что генералу Дудаеву было официально предложено очередное генеральское звание и высокая должность в командовании ВВС. (По другим сведениям — в МВД.) Но для Дудаева более важным представлялся пост президента — первого президента независимой Чечни.

Ситуация вокруг Чечни резко осложнилась в октябре 1991 г. В ночь с 5 на 6 октября в Грозный прилетел А. Руцкой, которого сопровождали генералы А. Аслаханов и министр внутренних дел России А. Дунаев. Поездке предшествовали сведения, что «национальные гвардейцы» Дудаева захватили здание местного КГБ, ранив одного из сотрудников, заблокировали здание МВД и телецентр. Для Руцкого поиск выходов из чеченского кризиса стал первым крупным самостоятельным поручением, которое он получил от президента. По сути, это была аттестация на право стать самостоятельной политической фигурой в высшем руководстве России.

В ходе переговоров между Дудаевым и Руцким, казалось, было достигнуто взаимопонимание. И тот, и другой настаивали на соблюдении законов, проведении выборов¹. Другое дело, что каждый понимал законность по-своему: Руцкой находился в эйфории правотворчества недавних дней августа, когда политическая воля облекалась в форму указов и, одобренная послушным Верховным Советом, становилась законом; для Дудаева законность воспринималась в форме эстонского народного фронта, добивавшегося и добившегося того, что российские законы не имели отношения к независимому государству. К тому же для Дудаева воля народа, массовая поддержка казалась важным условием легитимации его действий. Руцкой встретился также с лидерами ингушских организаций, которые настаивали на образовании Ингушетии, но в составе Российской Федерации. Понятно, что эта встреча имела непосредственный политический результат, конфронтационный для нового чеченского руководства.

Вернувшись из Чечни, Руцкой выступил с резкими, оскорбительными нападениями в адрес Дудаева и Общенационального конгресса чеченского народа. Уже 8 октября 1991 г. Руцкой выступил на сессии Верховного Совета РСФСР. Он охарактеризовал Дудаева как бандита, события в Чечне — как незаконные. Верховный Совет принял по поводу его выступления специальное постанов-

¹ Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... С. 146—147.

ление, провозглашавшее, что Временный Высший Совет является единственной законной властью в Чечне, и требовавшее, чтобы вооруженные формирования Общенационального конгресса чеченского народа сдали оружие до 10 октября 1991 г.¹

По сути, это был ультиматум. В ответ на него уже на следующий день в Чечне была объявлена силами ОКЧН мобилизация, начались нападения на войсковые части, митинг требовал отставки Временного Высшего Совета. На заводах Чечни организовали выпуск оружия — пистолетов-пулеметов, напоминающих израильский автомат «узи». Москва пыталась перехватить инициативу в республике, были произведены новые назначения людей, которые, как предполагалось, имели поддержку в Чечне (так, были назначены представитель Президента РСФСР в Чечено-Ингушетии А. Арсанов, новый министр МВД Чечено-Ингушетии генерал В. Ибрагимов). Однако результаты этой деятельности оказались незначительными и вылились лишь в несколько митингов, осуждавших деятельность ОКЧН.

Д. Дудаев предложил провести 27 октября 1991 г. выборы в парламент Чеченской республики и выборы президента Чечни. Итоги выборов должны были придать законность выходу Чечни из России. В известной степени Дудаев реализовал ту угрозу, которую сформулировал в конце 1990 — начале 1991 г. в процессе подготовки к общесоюзному референдуму М. Горбачев. Для него процесс суверенизации автономий и их стремление встать вровень с союзными республиками было всего лишь угрозой, политическим шантажом в адрес России, впрочем выразившимся в «заигрывании» с автономиями. И знаменитые ельцинские слова — берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить, — стали альтернативой процессу расчленения России. Берите, сколько хотите, но — в России. Дудаев же действовал в полном соответствии с уже сложившимся алгоритмом: выборы, проведение референдума, провозглашение независимости. Если по этому пути смогли пройти Эстония, Грузия, Армения, то почему этого не может сделать Чечня?

Разница была лишь в том, что Чечня была в составе России, она не имела формальной государственности. Чечня создавала опасный прецедент. Эти аргументы, неважные для Грозного, были важны для Москвы.

24 октября Верховный Совет РСФСР принял постановление, которым объявлял выборы в Чечне незаконными и заранее отказывался признавать их итоги.

¹ Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... С. 147.

Стороны конфликта отчетливо демонстрировали нежелание найти компромиссы.

27 октября выборы состоялись. Президентом Чечни был избран Д. Дудаев. Был сформирован парламент Чечни (впрочем, проработавший недолго).

6 ноября в Кремль пришла паническая телеграмма от представителя Президента РСФСР в Чечено-Ингушетии А. Арсанова, в которой сообщалось, что военные формирования конгресса чеченского народа захватывают жизненно важные объекты в республике. Он требовал срочно принять меры. В тот же день президент Ельцин подписал подготовленный А. Руцким указ о введении чрезвычайного положения в Чечне. Руцкому поручалось осуществление этого указа.

Однако реализовать его не удалось. Руцкой потерпел полное поражение — и политическое, и собственно военное. Операция по переброске спецподразделений МВД и КГБ в Чечню была плохо спланирована и еще хуже воплощена. Войска перебрасывались авиацией, но оказалось, что техника приземлилась в аэропорту Моздока, люди — в Беслане, оба аэропорта — в Северной Осетии, аэропорт Ханкала в окрестностях Грозного был блокирован несколькими тысячами хорошо вооруженных людей, на взлетных полосах стояли тяжело нагруженные автомобили. Спецназовцы, прибывшие в Грозный несколько раньше, оказались заблокированными в здании МВД Чечено-Ингушетии. Заблокированными оказались и дороги из Северной Осетии, по которым войска должны были двигаться в Чечню. Одновременно с этим Дудаев пригрозил осуществить террористические акты в России, и 9 ноября был захвачен самолет, вылетевший из Минеральных Вод в Свердловск¹.

Руцкой требовал найти и наказать виновных в неправильном исполнении его плана; в Верховном Совете началось обсуждение ситуации в Чечне, действия Руцкого подверглись резкому осуждению, звучали требования о его отставке; Ельцин отменил свой указ о чрезвычайном положении. Удалось не довести дела до кровопролития. Российские войска, заблокированные в Грозном, удалось вывести. Однако шанс договориться, найти взаимопонимание был утрачен, и, как оказалось, надолго.

Существовал и важный политический контекст происходившего. Конфликт в Чечне становился опасным знаком для соседей России, подогревая опасения в «российском империализме», вызывая неприкрытую тревогу у российских автономий. В этом нуж-

¹ Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... С. 152—162.

но искать один из ответов на вопрос, который позже стал задаваться: почему еще в начале чеченского конфликта российская власть не применила силу? Не применила, и слава богу. Цена силового решения была слишком высокой. Это решение могло уничтожить любые основания для интеграционных процессов в стремительно разваливавшемся Советском Союзе.

Начало воссоздания государственности России. Поражение августовского путча стало «плохой новостью» для союзных управленческих структур. Однако было и иное — чем больше прав получало российское руководство, тем выше поднималась планка ответственности. Россия оказалась в отчаянно тяжелом экономическом положении. Товаров не было и раньше, сейчас дефицитом стал хлеб. На заседаниях правительства едва ли не еженедельно заслушивались отчеты о состоянии завоза хлеба, по преимуществу полученного по импорту. Задачи стратегического развития России перемежались с острейшими оперативными проблемами.

Сложно и противоречиво развивалась ситуация в руководстве России. Первый месяц после путча, следует признать, был потерян. По-человечески причины этому можно найти, но политика живет другими законами. Отметим важное обстоятельство — на этом этапе, в условиях глубочайшего экономического кризиса, чреватого социальными потрясениями, резко сократилось число желающих принять на себя ответственность, работая в правительстве. «Златоусты от экономики», апостолы рыночных реформ в СССР, громогласно объявлявшие, что они точно знают путь в светлое рыночное будущее, с несвойственной прежде скромностью отошли в сторону. Пропали и представители славного директорского корпуса, претендовавшие на министерские портфели. Тем ответственнее было решение президента Ельцина лично возглавить правительство в период реформ. 28 октября президент Ельцин выступил в Верховном Совете России и объявил, что в России начнется программа глубоких экономических преобразований, предполагающая отпуск цен на большинство видов продукции, приватизацию, ослабление государственного контроля над экономикой. Это была программа «шоковой терапии», та программа, которая, как известно, не приносит лавров ее проводникам. «Популист» Ельцин опять сделал то, что от него не ожидали. Он принял на себя всю полноту ответственности.

В октябре начала формироваться новая управленческая структура России, оформленная позже указом Президента России от

6 ноября 1991 г. Складывались два аппарата управления. Прежде всего, правительство. Как уже отмечалось, главой правительства стал президент Ельцин. Первым заместителем главы правительства был назначен государственный секретарь Российской Федерации Г. Э. Бурбулис (заметим, здесь — разработчик большинства программ реформирования государственного аппарата). Заместителями председателя правительства были назначены Е. Т. Гайдар, отвечавший за экономическую политику, и А. Н. Шохин — за социальную политику. Необходимо отметить: впервые в правительство пришла «команда», группа молодых, прекрасно образованных честолюбивых специалистов, «академическая» подготовка которых была заметно лучше их практического управленческого опыта. Бурбулис обосновался на 5-м этаже Старой площади, в комнатах, которые старожилы знали как кабинет Сулова. В приемной толкалась куча народа — приезжие из разных городов страны, народные депутаты СССР и РСФСР, ученые, артисты, чиновники, офицеры. В самом кабинете одновременно шло не меньше трех совещаний. Люди устраивались за длинным столом для заседаний, собирались в разных углах кабинета. Между этими группами ходил Бурбулис, дирижируя ходом обсуждения. На этих совещаниях планировались крупные политические акции, обсуждались принципы преобразований в различных сферах жизни страны, подготавливались кадровые назначения. С точки зрения старых аппаратчиков, это было нарушением всех канонов, сумасшествием. Но в таком поведении была своя система. Туго закручивалась пружина предстоящих реформ, которая начнет раскручиваться с первых дней января 1992 г.

В декабре 1991 г. Ельцин, отвечая на вопросы депутатов Верховного Совета — почему в правительство вошли люди, не имеющие опыта? — сказал: «Конечно, выбор был такой — или ориентироваться опять на перетасовку всех старых тех же кадров, которые с одной обоймой переходят в другую обойму. Этот опыт Политбюро настолько богатый, что нам все ясно было. ... Тут надо было чем-то жертвовать — или молодостью, или опытом. Такого идеального сочетания, конечно, не получается»¹.

Для проведения реформ на первый, самый трудный период президент запросил и получил от съезда полномочия для издания в течение года указов по вопросам банковской, биржевой, валютно-финансовой, инвестиционной и ряда других сфер деятельности. Если указ противоречил действовавшему тогда законодательству, Верховный Совет мог отменить его в течение 7 дней. Если

¹ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти... С. 700.

этого не происходило, то указ вступал в законную силу. Для проведения реформ была радикально изменена структура управления на местах и самого правительства. Президент получил право назначать глав местных администраций. Число министерств было сокращено. Старые отраслевые схемы управления были сознательно проигнорированы. Возникли принципиально новые органы управления — Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, Государственный комитет РСФСР по управлению государственным имуществом¹. Появились объединенные министерства — промышленности, экономики и финансов, транспорта, торговли и материальных ресурсов.

Предстоявшая реформа основывалась на применении методов макроэкономической стабилизации. Важнейшей ее частью на первом этапе реформы была задача приведения в соответствие спроса и предложения. Средствами для решения этой задачи должны были стать:

- переход на применение свободных (рыночных) цен и тарифов, складывающихся под влиянием спроса и предложения;
- отмена ограничений на заработную плату и на прирост средств, направляемых на потребление;
- разрешение всем предприятиям, независимо от форм собственности, осуществлять внешнеэкономическую деятельность без специальной регистрации.

Планировалась также приватизация государственной собственности, существовала надежда на привлечение в российскую приватизацию иностранных инвесторов.

Существенным элементом начинавшихся реформ было то обстоятельство, что президент как глава правительства располагал поддержкой большинства депутатов Верховного Совета, имел достаточно высокий уровень поддержки и у граждан страны.

Возникали и специфические структуры управления в аппарате Президента России. Появился институт государственных советников РСФСР. Формально они не имели права вмешиваться в деятельность органов исполнительной власти, издавать решения и приказы, обязательные для выполнения органами власти. Однако они имели право участвовать в заседаниях правительства, обращаться с предложениями к президенту². В числе советников ока-

¹ Сборник указов и распоряжений Президента Российской Федерации. Октябрь — декабрь 1991 г. С. 63—67.

² Там же. С. 244.

зались К. Кобец, Н. Малышев, Ю. Скоков, С. Станкевич, А. Гранберг, С. Шахрай, А. Яблоков. Государственные советники в своей повседневной деятельности были связаны с государственным секретарем РСФСР, первым заместителем председателя правительства Г. Бурбулисом, хотя, заметим, это положение не было закреплено нормативными актами.

Таким образом, Г. Бурбулис стал политической фигурой, объединявшей ряд функций и правительства, и администрации президента.

Возникает вопрос: а какие же обязанности были у человека, формально считавшегося «вторым лицом» в государстве, — у вице-президента А. Руцкого? Очевидно, что с подачи его соперника Г. Бурбулиса они были невелики. В указе «Об организации работы правительства в условиях экономической реформы», изданном 6 ноября 1991 г., вице-президенту посвящено несколько строк: он имел право участвовать в работе коллегии правительства, а также «вице-президент РСФСР осуществляет взаимодействие Правительства РСФСР со структурами управления при Президенте РСФСР, выполняет по поручению Президента РСФСР иные организационные и контрольные функции в рамках представленных Президентом РСФСР полномочий»¹.

Рядом с вице-президентом права первого заместителя председателя правительства, госсекретаря РСФСР были просто несопоставимы. Г. Бурбулис получил право назначать заместителей министров, организовывать работу заместителей председателя правительства, издавать обязательные для исполнения распоряжения и т. д.

Неудачный чеченский дебют А. Руцкого привел к тому, что его и так не слишком широкие обязанности были дополнительно ограничены. В распоряжении президента от 19 ноября 1991 г. вице-президенту подчинили комитеты: по санитарно-эпидемиологическому надзору, надзору за безопасным ведением работ в промышленности, по защите экономических интересов Российской Федерации, Государственный комитет по стандартизации, метрологии и сертификации и ряд подобных ведомств². Руцкого постепенно и последовательно вытесняли на периферию политической жизни.

Понятно, что такое положение его не устраивало. В конце ноября — начале декабря 1991 г. Руцкой совершил поездку в Западную Сибирь. В Новосибирске и Барнауле он обрушился с резкой крити-

¹ Сборник указов и распоряжений Президента Российской Федерации. Октябрь — декабрь 1991 г. С. 24, 26.

² Там же. С. 241.

кой на концепцию предстоявших экономических реформ и на своих соперников в российском руководстве. В выражениях не стеснялся. Он упрекал президента, что в правительстве «избыток ученых, недостаток специалистов-практиков», что он не доверяет «мальчикам в розовых штанишках», «не хочет быть китайским болванчиком президента». Руцкой не учел, что все его забористые выражения попадут в прессу. Разразился скандал. Бурбулис заявил, что выступления Руцкого вызывают у него «чисто человеческую грусть» и руководство страны уточнит «место Руцкого в реформах»¹.

Третий центр политических интересов складывался в Верховном Совете. Р. Хасбулатов относительно поздно вступил на путь самостоятельной политической деятельности. Он с большим трудом шел к, казалось, близкому посту Председателя Верховного Совета. Процесс выборов заместителя Председателя Верховного Совета на председательский пост растянулся с июля до конца октября 1991 г. Только 28 октября при поддержке фракций «Коммунисты за демократию», «Демократическая Россия», «Рабочий союз» и «Беспартийные» он был избран на этот пост. Некоторое время он находился в тени своего предшественника — Б. Н. Ельцина. Верховный Совет дружно поддерживал все радикальные предложения, наделил президента дополнительными полномочиями для проведения экономических реформ, законодательно утвердил восстановление исторического трехцветного флага в качестве государственного. Трудно было вообразить, что Верховный Совет может стать оппонентом президентской власти. Но это будет — позже, в 1992—1993 гг.

Шел трудный, кропотливый, со многими ошибками, но и находками «инкубационный» период радикальных экономических реформ, которые начались с первых дней нового, 1992 г. И необходимо отметить: за каких-то три месяца были созданы основы российской системы управления, которая пришла на смену и отраслевых отделов ЦК КПСС, и союзных ведомств. Хотя слова «пришла на смену» здесь не очень подходят. Потому что новому российскому аппарату предстояло решать задачи, прежде неведомые.

От Ново-Огаревского процесса до Беловежской Пуши. Практически сразу же после подавления путча раздались призывы — восстановить Ново-Огаревский процесс. Это стремление было естественным, как попытка вернуться в недавнее, казалось уже, и не такое плохое прошлое, прошлое до путча. Но у времени нет обратного хода.

¹ Неизвестный Руцкой: политический портрет. М., 1994. С. 29—30.

Сразу же после подавления путча стали появляться проблемы, которых не ожидали. Совместная борьба депутатов «демократической ориентации» всех республик СССР против засилья ЦК КПСС и союзных ведомств, казалось, должна была обеспечить гарантии взаимопонимания и сотрудничества между Россией и воссозданными государствами Прибалтики, во главе которых оказались те же народные депутаты, которые, казалось, придерживались тех же политических принципов, какие исповедовали их российские коллеги. Но этого не произошло. Проблемы стали быстро нарастать. Вдруг возникли осложнения вокруг границ, разделявших союзные республики. Возникли споры о праве на союзную собственность, культурное достояние.

Стремительно возникала проблема русских за границами России, людей, которые в одночасье стали «некоренным населением», «носителями имперского сознания», «оккупантами», людьми, которым следовало доказывать свое право жить там, где они уже прожили не один десяток лет.

Сложность этой проблемы состояла в том, что за границами России, в союзных республиках, проживало, по данным переписи 1989 г., большое количество русского населения (см. табл. 9).

Табл. 9¹. Численность русского населения в республиках СССР

Республика СССР	Численность русского населения (тыс. чел.)	В % к общей численности населения республики
Украина	11355,6	22,0
Казахстан	6227,5	37,8
Белоруссия	1342,0	13,2
Узбекистан	1653,5	8,0
Киргизия	916,6	21,5
Латвия	905,5	37,6
Молдавия	562,0	13,0
Эстония	474,8	30,0
Азербайджан	392,3	5,5
Таджикистан	388,5	7,6
Грузия	341,2	6,3
Литва	344,5	9,3
Туркмения	333,9	9,4
Армения	51,5	1,5

¹ Народы России: Энциклопедия. М., 1993. С. 271.

26 августа в «Комсомольской правде» было опубликовано заявление пресс-секретаря Ельцина П. Вощанова о том, что Россия, не ставя под сомнение право на самоопределение, признает и «проблему границ, неурегулированность которой возможна и допустима только при наличии закрепленных соответствующим договором союзнических отношений». Было ясно, что устами Вощанова излагалась позиция Ельцина о неприятии Россией тех административных границ, которые «кроили» исходя из самых невероятных соображений. Власти СССР могли отдать Крым из России Украине «под юбилей», в ознаменование празднования трехсотлетия Переяславской Рады, объявившей о переходе Украины под «московскую руку», русские заводы Южного Урала — Башкирии для увеличения пролетарской прослойки в этой республике в начале 1920-х гг., территории Оренбургской и Омской областей — Казахстану в 1950-е гг. во время «целинной эпопеи» для того, чтобы организовать вывоз собранного зерна.

Да что там союзные власти!

Районные власти украинского Крыма могли принять решение о создании отделения рыболовецкого колхоза на соседнем Таманском полуострове, входившем в состав Краснодарского края РСФСР. Да и какое, казалось, имели значение эти административные границы внутри единого и могучего Советского Союза. Теперь же, когда реально начался процесс распада единого государства, прежние административные границы стремительно обрести атрибутами рубежей государств, российское намерение пересмотреть эти границы не могло не вызвать протест со стороны республиканских политических элит.

Поэтому заявление П. Вощанова вызвало взрыв возмущения на Украине и в Казахстане, категорический отказ обсуждать эти вопросы, поток обвинений в адрес «российского империализма», угрозы сохранить в этих республиках ядерное оружие.

Тем важнее становилась проблема создания нормальных отношений между республиками Союза. Средством для достижения этой цели стала деятельность Государственного совета СССР, работавшего под председательством Президента СССР при участии руководителей союзных республик. Первое заседание этого органа состоялось 11 октября 1991 г.

Выступая на этом заседании, Горбачев настаивал на возобновлении подготовки Договора о Союзе Суверенных Государств, заключении экономического соглашения, сохранении единых Вооруженных Сил. Подготовка экономического соглашения была воз-

ложена на Г. Явлинского, оказавшегося сейчас «в команде Горбачева». Предложения Горбачева вызвали у участников встречи неоднозначную реакцию. Ельцин, согласившись в принципе с предложениями Явлинского, заявил, что Россия отказывается финансировать те союзные органы, которые не будут предусмотрены Договором¹.

Сложнее была позиция Кравчука. Объявленный референдум на Украине и избирательная кампания на пост первого президента Украины вынуждала его дистанцироваться от союзного руководства. Поэтому Кравчук предупредил, что он не может принимать участие в подготовке Союзного договора впредь до проведения референдума. Важным итогом первого заседания Государственного совета СССР была договоренность подписать в Москве 18 октября экономическое соглашение. По точному замечанию пресс-секретаря Президента СССР А. Грачева, это соглашение стало последним успехом политического курса, который проводился в СССР с 1985 г.²

4 ноября состоялось второе заседание Государственного совета. Ельцин на заседание опоздал. Горбачев начал заседание с критики выступления российского президента, сделанного 28 октября. Напомним: именно тогда было заявлено, что Россия начнет осуществление экономических реформ самостоятельно. Сразу же после этого вышла серия указов Президента России, направленных на непосредственную подготовку к проведению реформы. Горбачев говорил: «Мы не можем допустить, чтобы разрушался рынок... несогласованно вводились цены и так далее. Я должен прямо сказать: окукливание никого не спасет»³. Но слова Горбачева заставили вспомнить и о провале программы «500 дней», и о том, что Горбачев несколько лет грозился осуществить реформы экономики, да так и не смог решиться на эту заведомо непопулярную меру.

Появившись на заседании, Ельцин отказался выносить российскую программу на обсуждение республиканских лидеров. Он критиковал союзный центр за то, что тот пытается не замечать тех изменений, которые происходят в республиках в последние месяцы, и предупредил, что Россия пойдет на резкое сокращение финансирования союзных ведомств, так, объемы финансирования

¹ Грачев А. С. Дальше без меня...: Уход президента. М., 1994. С. 48—51

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 120.

союзного Министерства иностранных дел будут уменьшены в 10 раз. Вместе с тем Ельцин настаивал, чтобы сохранилось единое управление Вооруженными Силами разваливавшегося СССР. Он заявил, что Россия не станет ни первой, ни второй, ни третьей, ни четвертой среди республик СССР, вступившей на путь создания собственной армии.

Россия все явственнее претендовала на роль правопреемника СССР. Еще 2 октября государственный секретарь РСФСР Г. Бурбулис заявил на встрече с российскими парламентариями, что Россия — единственная республика, которая могла бы и должна стать правопреемником Союза и всех его структур¹. Это положение было сформулировано позже в так называемом «Меморандуме Г. Бурбулиса». Наступление на союзную собственность, находившуюся на территории РСФСР, ничем не отличалось от такого же процесса на Украине и в других союзных республиках. Другое дело, что союзный центр был в России, и борьба за «союзную собственность» отнюдь не сводилась к декларациям Горбачева: если Россия — правопреемник СССР, «что же тогда другие члены Союза, чьи они дети? Сироты?»². Дело было в другом: Россия лишала союзные органы объектов управления, а следовательно — и смысла их существования.

14 ноября на заседании Государственного совета состоялось бурное обсуждение проекта Союзного договора. Развернулся спор вокруг вопроса: союзное конфедеративное государство или конфедерация союзных государств. Горбачев настаивал на союзном государстве, а когда не встретил поддержки, то пригрозил уходом. Его оппоненты — Ельцин, Шушкевич — предлагали другой вариант — конфедерацию государств, которая могла бы иметь единые вооруженные силы. Ельцин дополнял Шушкевича: не только вооруженные силы, но и общий транспорт, исследования космоса, единая политика в области экологии³. Ельцин выразил обеспокоенность: «Надо сделать так, чтобы Украина не ушла». Шушкевич выразил надежду, что «в конфедерацию они пойдут»⁴.

Конфедерация воспринималась как последний шанс сохранить единое политическое пространство на месте стремительно разваливавшегося Советского Союза. Но Горбачева беспокоило другое — мысль о необходимости единого государства, единой,

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 135.

² Грачев А. С. Дальше без меня... С. 105.

³ Там же. С. 145.

⁴ Союз можно было сохранить. С. 246.

союзной системы управления. Он не осознавал реальности: он одновременно позволял себе говорить в адрес Ельцина: «Удивлен я, Борис Николаевич, как ты меня подвел»¹, обращаться к нему, как к школьнику, и тут же уговаривать Ельцина продлить жизнь, продолжить финансирование нескольких союзных министерств, в том числе Министерства финансов и Министерства экономики.

Неспособность Горбачева увидеть перспективу, «работать на опережение» в конце концов становилась политическим фактором, ускорявшим процессы дезинтеграции. Министр обороны СССР времен Горбачева маршал Е. И. Шапошников вспоминает: «Мне казалось, что события августа помогут Горбачеву определиться... занять по многим вопросам более четкую позицию. Но после августа его «колебательное» поведение не закончилось... Где-то в середине ноября 1991 года, поздно вечером, меня пригласил Михаил Сергеевич в Кремль.

...Его речь сводилась к поиску вариантов выхода из кризиса. При этом наиболее приемлемым, по его словам, был следующий:

— Вы, военные, берете власть в свои руки, «сажаете» удобное вам правительство, стабилизируете обстановку и потом уходите в сторону.

— И потом прямо в «Матросскую тишину», можно с песней, — вставил я, ведь в августе нечто подобное уже было!

— Что ты, Женя, — сказал Горбачев, — я тебе ничего не предлагаю, я просто излагаю варианты, рассуждаю вслух»².

Горбачев недооценил и не понял роль Украины в судьбе Союза. Хорошо знавший Горбачева А. С. Черняев отмечал слишком личное отношение президента СССР к этой республике, стремление ухватиться за любую убаюкивающую информацию³. Он до конца не осознавал грядущих последствий референдума 1 декабря 1991 г. Между тем стремление Горбачева до конца драться за союзное государство, неприятие идеи конфедерации государств лишило его союзников в Государственном совете СССР.

Вскоре совершенно точно обозначил будущее СССР Л. М. Кравчук в своем интервью, данном газете «Труд» 19 ноября 1991 г. «...И я думаю, — говорил Кравчук корреспонденту газеты, — что было бы неплохо именно сейчас, когда накопилась масса трудно решаемых проблем... нескольким республикам, скажем Украине, Беларуси и России, выступить инициатором создания такого со-

¹ Грачев А. С. Дальше без меня... С. 147.

² Шапошников Е. И. Выбор. С. 137—138.

³ Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. С. 494.

общества, в котором все входящие в него государства были бы равноправными... И решать их сообща, дружно, оставаясь государством без какого-либо политического центра»¹.

25 ноября состоялось очередное заседание Госсовета. Горбачев предложил парафировать проект Союзного договора. Это предложение было отклонено Ельциным, заявившим, что в российской позиции появились «новые моменты», которые не позволяют ему парафировать договор в прежнем виде², так как речь идет о парафировании союзного государства, а не конфедерации государств³. Парафировать документ накануне референдума на Украине можно было лишь в том случае, если заранее распрощаться с участием Украины в будущем сообществе. Но без Украины это сообщество во многом теряло свой смысл. 1 декабря референдум на Украине состоялся. За независимость Украины проголосовали 90,32% населения. Идею независимости поддержало все население Украины, в том числе и жители Крыма, востока и юга Украины, где находится многочисленное русское население. Президентом Украины был избран Л. Кравчук.

Выборы президента состоялись в этот день и в Казахстане. Назарбаев получил 98,8% голосов и стал избранным Президентом Казахстана.

В «клубе президентов» в СССР только один не прошел процедуры всенародных выборов. Им был основатель клуба М. С. Горбачев. Право быть президентом он получил от съезда народных депутатов СССР, того политического института, который перестал существовать при его же участии.

2 декабря Россия признала итоги украинского референдума.

5 декабря президент Кравчук объявил, что Украина выходит из Союзного договора 1922 г., того самого, которым был образован Союз Советских Социалистических республик. Украина была тогда, в 1922 г., одним из создателей СССР. Сейчас Украина денонсировала этот договор. Юридически она уже не имела отношения к тому Ново-Огаревскому «процессу, который пошел».

В новых и существенно более сложных условиях политическое руководство России, Белоруссии и Украины сделало решительный шаг навстречу друг другу. Было решено вернуться к неиспользованным политическим заготовкам годичной давности. Формой

¹ Союз можно было сохранить... С. 256.

² Грачев А. С. Дальше без меня... С. 160.

³ Союз можно было сохранить... С. 258.

новых отношений между ними мог стать трех- или четырехсторонний (с участием Казахстана) договор, аналогичный тому, который разрабатывался еще в конце 1990 — начале 1991 г., тогда, когда эти республики искали новые формы отношений, заключали двухсторонние и готовили многосторонние соглашения. Тогда это соглашение вызвало недовольство Горбачева, и практически готовое к подписанию соглашение четырех республик было отложено.

Президенты России, Украины и Председатель Верховного Совета Белоруссии Шушкевич собрались в Белоруссии, в старинном заповеднике и охотничьем хозяйстве в Беловежской Пуще, знаменитой тем, что там сохранялась единственная в Европе популяция зубров. Три «беловежских зубра», как их немедленно окрестила пресса, 7 и 8 декабря подготовили соглашение, которым создавалось Содружество Независимых государств и заявлялось о прекращении существования СССР.

Позиция Горбачева, категорически не принимавшего идею конфедерации, была учтена. Его просто исключили из процесса подготовки нового соглашения. Встреча российской, украинской и белорусской делегаций состоялась в Минске. «У нас, россиян, — говорил Ельцин на встрече с депутатской группой «Смена — новая политика» 14 декабря 1991 г. по горячим следам заключенного Беловежского соглашения, — была, как говорят оборонщики, официальная легенда: обмен ратификационными грамотами с Беларусью. ...Это у нас был первый, так сказать, официальный повод. На самом деле мы это провели. И второе официальное — это экономическое соглашение на 1992 год. И мы тоже подписали эти документы в Минске. То есть мы туда ехали совершенно официально по этому вопросу. Одновременно, конечно, мы договорились выяснить с Украиной, если Украина еще не успела уйти настолько далеко, чтобы ее в последний момент как-то все-таки удержать хоть в каком-то сообществе, содружестве»¹. Ельцин сообщил парламентариям, что у него были предварительные консультации и с Назарбаевым. «С Назарбаевым я говорил до поездки в Минск, — сообщил президент России. — Он воспринял это нормально, но, учитывая, что они в этом году заключили Договор «пяти», то есть Казахстан и четыре среднеазиатских республики,

¹ Мы и дальше будем обращаться к стенограмме встречи Президента России Б. Н. Ельцина с депутатской фракцией «Смена» российского парламента, состоявшейся 14 декабря 1991 г., чрезвычайно информативному документу, возникшему в то время, когда только складывалось Содружество Независимых Государств.

он говорит, что мне надо посоветоваться с ними и после этого примем решение, как быть. Я еще второй раз позвонил ему в воскресенье уже из Минска и ему прочитал весь текст этого Соглашения, то есть после его согласования. ... Нашел его, когда он прилетел в Москву, в Домодедово... Он сказал, что принципиально согласен»¹.

Назарбаев не прибыл в Минск, возможно, потому, что приглашение на встречу поступило ему поздно, уже на пути в Алма-Ату. Не исключено, что это было сделано организаторами встречи сознательно. Принципиальное согласие президента Казахстана участвовать в готовящемся соглашении у них было, а непосредственная встреча могла сорваться, если бы в ситуацию вмешался Горбачев, поддерживавший тесные связи с Н. Назарбаевым. Сути дела это, конечно, не изменило бы, но возможные дополнительные сложности вмешательство Горбачева могло принести.

И все-таки позиция Горбачева была рассмотрена на этой встрече. Президент Украины Кравчук 11 декабря 1991 г. рассказывал журналистам: «Ельцин привез с собой горбачевский текст о создании Союза. Горбачев делал нам следующее предложение: Украина вправе внести любое изменение, пересмотреть целые параграфы, даже составить новую редакцию при единственном условии — она должна обязательно подписать договор. Ельцин положил текст на стол и передал вопрос Горбачева: «Подпишете ли вы этот документ, будь то с изменениями или без них?» Сам он сказал, что подпишет только после меня. Таким образом, судьба договора целиком зависела от Украины. Я ответил: «Нет». Сразу встал вопрос о подготовке нового документа. Специалисты работали всю ночь». Кравчук добавил: «Оказывается, все можно решать оперативно, если на дороге нет «бревна», которое называется центром»².

8 декабря Президенты России и Украины и Председатель Верховного Совета Белоруссии приняли заявление. Процитируем этот важнейший для истории СССР документ:

«Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР, Украины

Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины — отмечая, что переговоры о подготовке нового союзного договора зашли в тупик, объективный процесс выхода республик из

¹ См. также: *Ельцин Б. Н.* Записки президента. С. 153—154.

² Рабочая газета. Киев. 1991. 11 декабря. Цит. по: Союз можно было сохранить. С. 307.

состава СССР и образования независимых государств стал реальным фактом;

— констатируя, что недальновидная политика центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества;

— принимая во внимание возрастание социальной напряженности во многих регионах бывшего Союза ССР, что привело к международным конфликтам с многочисленными человеческими жертвами;

— осознавая ответственность перед своими народами и мировым сообществом и назревшую потребность в практическом осуществлении политических и экономических реформ, заявляем об образовании Содружества Независимых Государств, о чем сторонами 8 декабря 1991 г. подписано Соглашение.

Содружество Независимых Государств в составе Республики Беларусь, РСФСР, Украины является открытым для присоединения всех государств — членов Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения...

8 декабря 1991 года, г. Минск»¹.

Б. Н. Ельцин, Л. М. Кравчук и С. И. Шушкевич объявили: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

В тот же день Горбачеву сообщили о решениях, принятых в Белоруссии.

Уже 10 декабря Беловежское соглашение было ратифицировано парламентами Украины и Белоруссии.

12 декабря Верховный Совет России абсолютным большинством (за — 188, против — 6, воздержались — 7 человек), под аплодисменты, ратифицировал это соглашение.

12 декабря была предпринята попытка собрать Верховный Совет СССР, закончившаяся неудачей. Депутатам СССР от России и Белоруссии не было рекомендовано участвовать в его работе. Украинцы уже не работали там.

Идея Содружества Независимых Государств сразу получила поддержку в других республиках. 11 декабря Киргизия и Армения присоединились к СНГ. 13 декабря состоялась встреча государств Средней Азии и Казахстана в Ашхабаде. Участники выразили согласие присоединиться к СНГ, но при условии равенства с участ-

¹ Союз можно было сохранить. С. 301—302.

никами, первыми подписавшими этот договор. Подобные гарантии были даны немедленно.

14 декабря 1991 г. состоялась встреча Б. Н. Ельцина с координаторами парламентской фракции «Смена — новая политика». Ельцин сообщил им, что 21 декабря в Алма-Ате должно состояться подписание Соглашения о присоединении к СНГ ряда государств — бывших республик СССР. Он подчеркнул: «Мы в этом отношении очень аккуратно соблюдаем вопросы в отношении равенства. То есть нет старших братьев, младших братьев, чтобы ни в коем случае Россия не претендовала на какое-то лидерство, мы все равны».

Он проинформировал депутатов, что готовы подписать это соглашение 10 государств, образовавшихся на территории бывшего Союза. Он отметил, что к СНГ намерены присоединиться Армения и Молдавия, отказавшиеся от сотрудничества в рамках Государственного совета СССР.

Ельцин сообщил, что Россия настаивает на сохранении единого Министерства обороны до тех пор, пока «мы не подпишем Договор об Оборонном союзе, Совете обороны и Главном командовании вооруженными стратегическими войсками». И в дальнейшем Россия была намерена сохранять единое управление стратегическими силами. «Мы договорились так: стратегические вооруженные силы — это единое командование. Это авиация, морской флот, ракетное, ядерное оружие и тактическое ядерное оружие, разведка. Вот эти пять элементов, которые входят в стратегические вооруженные силы как единый организм. Вот это будет единое и с единого центра будет управляться».

Но выяснились и разногласия. Украина решила подчинить себе сухопутные силы и претендует на часть Черноморского флота. «Наша с вами точка зрения, — сказал президент, обращаясь к депутатам, — пока армию не брать, но одновременно быть начеку в любой момент».

Президенту возразили, сослались на то, что армия оказывается бесхозной. Он пытался обосновать, что для России важнее наличие единого управления стратегическими силами. Он был убежденным сторонником заключения специальных соглашений, которые бы, с одной стороны, гарантировали безопасность России, а с другой — позволили избежать излишних трат на сохранение всего громадного военного комплекса СССР. «Что касается Прибалтики, — сообщил он, — то с ними, с каждым договоренность у нас сейчас есть, ПВО остается, потому что слишком дорогое удо-

вольствие их сейчас перебазировать с севера прибалтийских государств... а там все наши очень тяжелые, самые современные стоят... установки ПВО, и их перебазировать на границу с Россией — это многие миллиарды рублей, да и в общем-то много лет».

Идея нового, равноправного объединения государств без «старшего брата», без союзного центра стремительно завоевывала сторонников в государствах бывшего СССР.

21 декабря во встрече в Алма-Ате участвовали главы всех республик, входивших в СССР, за исключением трех государств Прибалтики и Грузии (Грузия присоединилась позднее). В подписании Декларации приняли участие главы 11 государств, поставившие свою подпись в поддержку Беловежского соглашения. *«С образованием Содружества Независимых Государств, — заявили они, — Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование* (выделено мной. — Р. П.)».

25 декабря 1991 г. Горбачев подписал указ о сложении с себя полномочий Президента СССР и сделал об этом телевизионное заявление.

25 декабря 1991 г. в 19 часов 38 минут над Кремлем спущен красный флаг СССР и поднят трехцветный флаг России.

История Советского Союза закончилась.

Очерк 7

ПОЧЕМУ РАСПАЛСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

Что такое Советская власть? — Советский федерализм и новая историческая общность — советский человек. — Общественная собственность. — КПСС как ядро политической системы. — Нарастание кризиса, или Попытки реформировать нереформируемое. «Развитой социализм» и кризис веры. — Экономический кризис. — «Новое мышление» как невозможность проводить прежнюю внешнюю политику. — Политический «самострел», или Реформа политической системы. — «Вся власть Советам», а не КПСС. — Беловежская Пуща: начало или конец распада Советского Союза.

Распад СССР — событие поистине мировой истории. Осмеюсь предложить свои размышления на эту тему, отдавая себе отчет в их предварительности.

Гибель «сверхдержавы» произошла не в результате поражения в войне, не в результате гражданских войн или массовых волнений, Экономический кризис, охвативший страну в 1980-е гг., был тяжелым. Однако огромные ресурсы страны позволяли надеяться на успешное преодоление экономических трудностей. Можно уверенно утверждать, что в СССР отсутствовала сколько-нибудь организованная и массовая политическая оппозиция.

Не было и нет единственной, главной причины, развалившей СССР.

Зато нет недостатка в историко-политических спекулятивных рассуждениях о «беловежском сговоре», развалившем великую страну, о скверных характерах и привычках политических лидеров, боровшихся за власть и по пути нечаянно ликвидировавших Советский Союз, о вражеском заговоре и «пятой колонне» внутри власти. Плохим юмором выглядит то, что эти рассуждения идут от людей, десятилетиями говоривших о роли личности в истории, соотношении «базиса» и «надстройки» и

тому подобных категориях исторического материализма и научного коммунизма.

Попытаемся, оставаясь на фундаменте фактического материала, установить ту совокупность причин, тенденций, процессов, которые, совпав в одном месте и в одно время, создали своего рода «эффект резонанса», разваливший СССР. Заранее приношу извинения читателю за возможность повторов некоторых позиций предыдущих очерков, которые, по моему мнению, важны для объяснения процессов распада СССР.

Необходимым предварительным условием этого объяснения должен быть ответ на вопрос: что такое был Советский Союз? в чем его главные особенности?

Что такое Советская власть? Советская власть, возникавшая в ходе российских революций в начале XX в., была в полной мере уникальным явлением в истории государства и права. По мнению основателя Советского государства В. И. Ленина, «Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и др. Депутатов... не поняты еще и в том отношении, что они *представляют из себя новую форму, вернее, новый тип государства* (курсив здесь и дальше В. И. Ленина. — Р. П.). Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип *парламентарной демократической республики...*» Однако, по словам Ленина, «парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь масс, их непосредственное участие в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов». К этой теме — превосходства Советов над парламентской республикой — Ленин обращался неоднократно.

Советы, по его мнению, были органом непосредственной демократии в условиях диктатуры пролетариата. Новый государственный аппарат «дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и *исполнение законов*»¹.

Советская система исходила из принципиальной неразделимости ветвей власти — исполнительной, законодательной и судебной. Позже, после принятия Конституции 1936 г., судебная власть, по крайней мере на формально-юридическом уровне, была отде-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 304—305, 307, 316, 553; Т. 36. С. 196; Т. 37. С. 500.

лена от исполнительной и законодательной власти¹. Высшие органы законодательной власти в СССР и его республиках неправомерно было отождествлять с парламентами (Ленин одну из глав своей работы «Государство и революция» так и назвал: «Уничтожение парламентаризма»).

Принцип нераздельности законодательной и исполнительной властей, а если точнее, то господства законодательной власти над властью исполнительной, был сохранен и закреплён в Конституциях 1936 и 1977 гг. Согласно ему Верховный Совет СССР — высший орган государственной власти — правомочен решать *все вопросы, отнесенные к ведению СССР*, в том числе: принятие и внесение изменений в Конституцию, принятие в состав СССР новых республик, образование новых автономных республик и автономных областей, утверждение государственных планов экономического и социального развития, государственного бюджета и отчета о его исполнении, создание подотчетных ему органов.

Эти положения никак не изменились в годы перестройки. А. И. Лукьянов, Председатель Верховного Совета СССР, и в 1991 г. был убежденным сторонником и защитником «всеохватности» Советской власти: «Попробуйте заставить членов Верховного Совета СССР заниматься только законодательной деятельностью, — говорил Лукьянов корреспонденту, — не получится. Они хотят не просто контролировать правительство, а требуют распорядительных функций»².

Однако реальная власть была не в Советах, а в аппарате КПСС. Этот феномен, утвердившийся при Сталине, был утверждён в Конституции 1977 г. в удивительной шестой статье, провозгласившей КПСС «ядром политической системы». Абсолютно не правовое определение — «ядро политической системы» — точно описывало управление страной посредством партийно-государственной номенклатурной вертикали. Именно эта вертикаль не давала возможности полномасштабной реализации конституционной нормы — вся власть Советам.

С отменой этой статьи, произошедшей на съезде народных депутатов СССР 15 марта 1990 г., в тот самый день, когда съездом был избран Президент СССР, конфликт стал практически неиз-

¹ Мы не затрагиваем особую тему фактического контроля органов исполнительной власти над судопроизводством — от «особых совещаний», ведомственного судопроизводства, расширительного толкования роли Министерства юстиции в отправлении судопроизводства до «телефонного права» партийных органов.

² Лукьянов А. И. Процессы обновления не остановить // Народный депутат. 1991. № 5. С. 8—9.

бежным. Общенародные выборы президента породили спор о полноте власти. Конфликт был уже генетически предопределен. Этот конфликт не мог не ослабить государственную власть.

Советский федерализм и новая историческая общность — советский человек. Особенности национально-государственного устройства СССР стали одной из самых изучаемых проблем современной историографии¹. Отмечу, что в советском руководстве велись споры о форме государственного устройства. Из трех вариантов формы государства — унитарного, «автономизации» или федерации — в конце концов выбрали федеративное устройство страны. Однако федерация в СССР строилась, исходя не только из национальных интересов, но и интересов сугубо политических и узкопартийных. В соответствии с Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.) Советская Российская республика определена «как Федерация Советских национальных республик»². В. И. Ленин говорил о «могучей революционной федерации», о необходимости группировки вокруг революционной России «различных Федераций свободных наций».

На октябрьском (1922 г.) Пленуме ЦК РКП (б) было принято следующее постановление: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза»³. В октябре — декабре 1922 г. пленумы ЦК коммунистических партий Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении высказались за объединение советских республик в Союз ССР.

30 декабря 1922 г. в Москве состоялся I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Он принял Декларацию об образовании СССР и Союзный договор.

Итак, СССР возник на основе договора, при признании суверенитета субъектов федерации и права их выхода из СССР. Одновременно с этим СССР стремительно развивался по пути реального превращения в унитарное государство. Партийно-государственная номенклатурная вертикаль была выстроена с минимальным учетом национальной специфики. Однако существовала

¹ Библиографию по этой проблеме см., в частности: *Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.* Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 221; Т. 36. С. 151

³ История КПСС. М., 1960. С. 345—346.

потенциальная опасность реализации местными элитами тех юридических прав, которые они получили как субъекты федерации. Сталин, отстаивавший централистские тенденции в управлении, предупреждал в 1922 г., что «сейчас речь идет о том, как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо «национальная» стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе»¹.

Уже в процессе подготовки Конституции СССР, в ходе работы Конституционной комиссии в июне 1923 г. обсуждались предложения автономных республик (в частности, Татарии) ликвидировать РСФСР, с тем чтобы автономные республики вошли в СССР непосредственно, как субъекты федерации².

Средством достижения централизма стала «борьба против национализма», последовательное внедрение принципа примата классового начала над национальным, интернационалистских принципов РКП (б) против «буржуазных националистов».

Уже к концу 1920-х гг. была достигнута реальная централизация. Всякая национальная оппозиция воспринималась как государственное преступление. Вместе с тем формальные признаки федеративного устройства были сохранены в Конституциях 1936 и 1977 гг.

Логическим итогом советской национальной политики стало декларирование полного слияния различных наций в некую новую общность — единый советский народ. На XXV съезде КПСС было дано такое определение советского народа: «...у нас сложилась новая историческая общность — советский народ, в основе которой лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружба всех наций и народностей страны»³.

Своеобразие этого понятия было не в том, что таким образом определялась государственная принадлежность, гражданство ее жителей, а в попытке придать этому понятию определенные этнические черты, на основе доминирования определенных социально-политических признаков. Один из теоретиков «развитого социализма», философ М. Н. Руткевич, писал: «Один из важнейших моментов органической целостности системы общественных отношений зрелого социализма в СССР — *единство социального и национально-*

¹ Цит. по: Вдовин А. И. и др. Русский народ в национальной политике... С. 77.

² Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М., 1994. С. 112.

³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 81.

го аспектов («разрезов») системы общественных отношений зрелого социализма». «Советский народ, — продолжал Руткевич, — состоит из социалистических наций, а также народностей и этнических групп и отличается единством коренных экономических и политических интересов этих наций, народностей, групп, всего советского народа. Как социальное единство, т. е. дружественный союз классов, социальных групп и слоев, так и интернациональное единство, т. е. дружба народов СССР, находят свое выражение не только в экономике и в политике, но также в сфере идеологии и культуры, прежде всего в марксистско-ленинском мировоззрении, интернационалистском по своему существу, которое господствует в сознании трудящихся. Высшее воплощение это единство советского народа находит в политике Коммунистической партии Советского Союза»¹.

Эти политико-теоретические установки, с завидной четкостью сформулированные М. Н. Руткевичем, на практике предполагали:

— помощь «угнетенным в прошлом нациям и народностям со стороны более развитых народов, и прежде всего со стороны русского народа, его рабочего класса»²;

— противостояние культуре этносов, унификаторские тенденции «в сфере идеологии и культуры»;

— естественный процесс распространения русской культуры, который зачастую воспринимался среди части населения республик как ущемление своей культуры, навязывание признаков «единой социальной общности — советского народа», провоцировал антирусские настроения;

— поощрение миграционных тенденций, в частности, перемещение русских рабочих на промышленные предприятия в союзные республики, что вовсе не способствовало «интернациональному воспитанию» и «выравниванию социальных структур населения», но создавало и тогда, и в будущем, сложнейшие проблемы.

Собственно русский народ от этого ничего не выигрывал. Россия в СССР была донором, а русские были лишены тех прав, которыми в республиках наделялись граждане, относившиеся к «титальным нациям».

Фактором, вызывавшим заинтересованность относительно широких слоев населения союзных республик сохранения в составе СССР, были дотации, которые центр посылал в республики. Об этом говорилось и тем более писалось очень мало. Между тем они были весьма значительны.

¹ Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М., 1982. С. 259—260.

² Там же. С. 258.

Скрытно нарастало экономическое неравенство республик. Даже по официальной статистике Российская Федерация могла оставить себе в 1975 г. 42,3% с собранного на ее территории налога с оборота; Украина — 43,3%, Латвия — 45,6%, Молдавия — 50%. Эстония — 59,7%, Белоруссия — 68,2%, Азербайджан — 69,1%, Грузия — 88,5%, Армения — 89,9%, Таджикистан — 99,1, Киргизия — 93,2%, Литва — 99,7%, Узбекистан — 99,8%, Казахстан — 100%, Туркмения — 100%. Кроме того, в госбюджеты Узбекистана, Казахстана, Литвы, Киргизии, Таджикистана поступало 100% подоходного налога с населения.

Эта же тенденция прослеживается в Законе СССР о Госбюджете СССР на 1976 г. и другие годы. Темпы капитальных вложений в экономику союзных республик в 2—4 раза превышали аналогичные показатели для России¹.

В известном смысле показательными являются сведения о доступности высшего образования в СССР для различных этнических групп страны (см. табл. 10).

Табл. 10. Численность студентов высших учебных заведений на 10 000 населения чел. (по национальностям) (1990 г.)²

Русские	190
Украинцы	163
Казахи	230
Грузины	274
Азербайджанцы	172
Литовцы	208
Молдаване	125
Латыши	182
Киргизы	188
Армяне	207
Эстонцы	213
Балкарцы	279
Буряты	354
Ингуши	212
Евреи	257
Чеченцы	151
Осетины	272
Абхазы	327

¹ Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения... С. 201—202.

² Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 239—240.

Когда союзный центр оказался неплатежеспособным, не смог оплачивать лояльность местных элит, сепаратистским тенденциям было придано новое ускорение.

Итак, национальная политика в СССР, осуществлявшаяся с «классовых», партийных позиций, содержала в себе ряд паразитических противоречий.

Прежде всего, это противоречие между признанием государственного статуса республик, входивших в СССР, предполагавшим, в частности, их право на выход из СССР, и попыткой выстроить на этой основе унитарное государство с «новой социальной общностью — советским народом». Подобная политика на определенном этапе вызывала раздражение у местных элит. Частным примером этому могут служить массовые беспорядки в республиках Закавказья в 1977 г., когда была предпринята попытка в новых редакциях республиканских Конституций выбросить понятие «государственный язык».

Наличие государственных институтов в республиках создавало политико-юридические и организационные предпосылки реализации центробежных тенденций.

Недовольство унификаторскими тенденциями выражала значительная часть интеллигенции всех республик СССР, включая и Россию. Недовольство национальной политикой стало усиливаться тогда, когда были ограничены субвенции в республиканские бюджеты в 80-е гг., в условиях нараставшего экономического кризиса с СССР.

Общепародная собственность. Конституция СССР устанавливала, что «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общепародной) и колхозно-кооперативной собственности», то есть, по сути, в стране сохранялась государственная собственность. «В исключительной собственности государства, — было зафиксировано в Конституции, — ...находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий...» Там же, в Конституции, специально оговаривалось, что «никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях».

«Общепародная собственность», по мнению теоретиков советского строя, прямо и непосредственно влияла на социально-классовую структуру общества. Они утверждали, что «все классы и слои реального социализма являются равноправными владельцами

средств производства». Отсюда вытекал другой тезис: «Именно поэтому классы в социалистическом обществе не являются классами в традиционном смысле слова и в значительной мере *утрачивают* классические характеристики и черты классов. На практике в условиях социализма происходит *непрерывный процесс видоизменения и сближения социальных классов, групп и слоев*. Исчезают различия в характере труда, в квалификации. Общество становится все более однородным» (курсив авторов. — Р. П.)¹.

Следует заметить, что на этом пути — создания социальной однородности — были достигнуты поистине исторические результаты. Среди них — не только ликвидация «как класса» прежних владельцев средств производства и многих членов их семей, истребление непролетарских сословий — дворянства, духовенства, массовые эмиграции, раскулачивание, но и коллективизация крестьянства, отрешение крестьянина от его личной собственности и от личной заинтересованности в результатах своего труда. Общественная — государственная собственность на средства производства порождала и определенную систему социальных отношений. Для колхозного крестьянства это означало прикрепление к колхозу в классических формах государственного феодализма. Для прикрепления к рабочему месту в 1932 г. была восстановлена паспортная система, а 17 марта 1937 г. был принят закон, запрещающий колхознику покидать свой колхоз без согласия администрации. Система правовых ограничений для колхозников действовала в полной мере до 1953 г. и в отдельных своих частях сохранялась до 1970-х гг. XX в.

Экономической ценой внеэкономического принуждения стала нарастающая неэффективность сельского хозяйства, ставшего своего рода самым тихходным кораблем советской экономической эскадры. Кризисные явления в сельском хозяйстве СССР, опередившие общий экономический кризис в стране, вынудили политическое руководство страны закупать продовольствие за рубежом. Для этой цели расходовались запасы золота и валютные ресурсы страны. Зависимость страны от закупок продовольствия за рубежом становилась все более очевидной и опасной. Наблюдался практически постоянный рост импорта хлебофуражных продуктов: в 1973 г. было закуплено 13,2% зерна от его производства в СССР, в 1975 г. — 23,9%, в 1981 г. — 41,4%².

¹ Преимущества социалистического строя / Под ред. Т. М. Ярошевского и П. А. Игнатовского. М., 1979. С. 117.

² Подсчитано по фондам архива Политбюро ЦК КПСС А. В. Коротковым и А. С. Степановым.

«Общественная» собственность практически исключала конкуренцию среди производителей. Производство ради производства — это неизбежная цена государственной собственности. Доля предметов потребления — социально-ориентированной части экономики — неуклонно снижалась в объеме промышленной продукции. В 1928 г. она составляла 60,5%; в 1940 г. — 39%, в 1960 г. — 27,5%; в 1980 г. — 26,2%; в 1987 г. — 24,9¹.

Обратной стороной «общественной собственности» являлось игнорирование экономических интересов и потребностей отдельного человека. Это обстоятельство с неизбежностью порождало политические следствия. Всякие, даже самые робкие, попытки обосновать применение рыночных отношений в советской экономике встречали решительное осуждение², а попытки применить рыночные отношения «на практике» заканчивались конфликтом с Уголовным кодексом.

КПСС как ядро политической системы. КПСС была строго централизованным и эффективным институтом государственно-партийного управления, присутствовавшим на всех его этапах — от школы, заводского цеха или отделения колхоза до министерств, Совмина и Президиума Верховного Совета СССР. Членство в КПСС было необходимым условием для служебной карьеры в армии, правоохранительных органах, государственном аппарате, в ряде отраслей так называемых «общественных наук».

В многомиллионной КПСС существовала четкая иерархия. Ее высший уровень представляли руководители аппарата ЦК КПСС, Совмина СССР, крупнейших министерств — обороны, внутренних дел, МИДа, секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик³. Туда же входили министры, заместители министров и члены коллегии министерств и союзных ведомств⁴, высшие представители советского аппарата, армии, КГБ, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, являвшиеся членами и кандидатами в члены ЦК и ЦКК КПСС⁵. Добавим к

¹ *Лугинов И.* Состояние валютно-финансовой системы и меры по преодолению инфляции // Этот трудный, трудный путь. С. 105—111.

² *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти... С. 313.

³ В начале 1990 г. число их составляло 799 человек. Здесь и выше — цит. по: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 19—20.

⁴ Ориентировочно, по моим подсчетам, около одной тысячи чиновников.

⁵ Ориентировочно — около 500 человек. См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987. С. 337—339.

этому перечню тот слой управленцев, который обладал реальной властью на местах, — это заведующие отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик¹.

Этот слой составляли и директора крупнейших промышленных предприятий, командующие местными военными округами и крупными воинскими частями, начальники управлений КГБ², — по нашим подсчетам, они составили менее тысячи человек в Москве и около 3 тысяч человек по всему Советскому Союзу.

Характерная черта властной элиты на этом этапе истории — ее замкнутость. Она пополнялась только специфически номенклатурными методами.

В условиях однопартийной системы и жестко контролируемого политического поведения граждан страны выборы в Советы всех уровней — от поселкового до Верховного Совета СССР — служили только ширмой, прикрывавшей фактически назначение по тому же номенклатурному принципу на должности депутатов Советов. Выборы были безальтернативными — один кандидат на одно место; участие в выборах было обязательным для граждан.

Замкнутость властной элиты, ее практическая несменяемость и неподконтрольность, устойчивость господствующего партийно-государственного номенклатурного слоя, именовавшаяся в годы правления Брежнева «заботой о кадрах», рождала общественное недовольство, провоцировала противоречия внутри государственного аппарата, в партийных организациях, в обществе.

Нарастание кризиса, или Попытки реформировать нерепформируемое. «Развитой социализм» и кризис веры. Советское государство было концептуально ориентировано на построение «светлого будущего», ожидаемости и осязаемости коммунистического завтра. Сроки его пришествия неоднократно переносились. Программа КПСС, принятая на XXII съезде, провозгласила, что коммунизм будет построен к 1980 г. Полтора десятилетия целому поколению советских людей это вдалбливалось в головы в школах, техникумах и институтах в «системе политического образования», охватывавшей все население. Однако в новой Конституции 1977 г. было заявлено, что «начался всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму. ...В СССР построено развитое социалистическое общество...».

¹ В 1986 г. — 2113 должностей. См.: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 20.

² Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти... С. 6—8.

Вместо коммунизма пришел «развитой социализм». С этого времени стал очевидным социально-психологический кризис советского общества. Ушла надежда на «светлое будущее» — важную часть политической доктрины советской системы, часть традиционных социально-утопических представлений. Навязчивая пропаганда «преимуществ социализма» провоцировала сравнения и сопоставления. Если прежде «отдельные недостатки» успешно объяснялись последствиями войны и «империалистическим окружением», то для послевоенного поколения старые аргументы утрачивали силу, рождали все новые вопросы и сопоставления. Идеологическая притягательность, социалистический романтизм, присущий части общества в 1960-е гг., сменился пока еще глухим неприятием социалистической догмы как таковой.

Экономический кризис. Политическое руководство СССР не смогло использовать уникальный шанс, который был в стране в 1970-е гг. Тогда значительно выросли цены на нефть и газ. Рост цен был вызван длительным военным конфликтом на Ближнем Востоке — традиционной сырьевой базой для Европы, Японии и США. Открытие баснословных запасов нефти и газа в Западной Сибири позволило Советскому Союзу получить огромный дополнительный доход. Доля топлива в структуре экспорта выросла с 15,6% в 1970 г. до 54,4% в 1984 г.; экспортная выручка выросла в 22, 5 раза — с 1,8 млрд. валютных рублей до 40, 5 млрд.¹ Однако эти огромные ресурсы были истрачены на редкость неэффективно. Огромные средства ушли в разрастающийся военно-промышленный комплекс, для поддержания военного паритета Советского Союза со странами НАТО, Китаем, Японией; нефтедоллары уходили на закупку за рубежом продуктов питания, на поддержание тогдашней политической системы.

Отказ от экономических реформ был зафиксирован решениями декабрьского (1969 г.) Пленума ЦК КПСС. Там содержались привычные требования — улучшения использования резервов производства и усиления режима экономии в народном хозяйстве. На место экономических рычагов управления вновь вышли командные методы, призывы к борьбе с нарушителями государственной и трудовой дисциплины, против бесхозяйственности, за усиление контроля за соблюдением дисциплины.

Страна все более оказывалась зависимой от экспорта нефти и газа. В период с 1970 по 1980 г. добыча нефти в Западной Сибири

¹ Яковец Ю. В. Экономика России: перемены и перспективы. М., 1996. С. 35.

выросла с 31 млн. тонн до 312 млн. тонн; добыча газа за этот срок — с 9,5 млрд. куб. метров до 156 млрд. куб. метров¹. Громадные нефте- и газопроводы гнали топливо на Запад, за валюту, на которую закупались продукты питания для страны, высокотехнологичное оборудование.

Зависимость экономики страны от мировых цен на нефть оказалась опасной для страны. В середине 1980-х гг. мировые цены на энергоносители начали быстро снижаться, что привело к снижению доходов в госбюджет, сокращению экспортных возможностей страны и нарастанию кризисных явлений в экономике и социальной сфере. Падение цен на нефть к 1986 г. фактически обескровило бюджет. Страна медленно, но все глубже и глубже увязала в трясине экономических проблем.

Необходимость экономических реформ к началу 1980-х гг. осознавалась всеми слоями советского общества, на всех этапах системы государственного управления. Неясным оставался только вопрос о том, каким должно быть это реформирование.

В 12-й пятилетке (1985—1989 гг.) планировалось увеличить темпы роста национального дохода до 20—22%, промышленной продукции — до 21—24%, сельского хозяйства — вдвое. ***Всерьез ставилась задача — догнать в 2000 г. Соединенные Штаты по уровню промышленного производства.***² Экономическая маниловщина политически опасна!

Провалились из-за своей неэффективности попытки Горбачева использовать для гражданских секторов экономики методы, свойственные военно-промышленному комплексу СССР, неумная по своим формам борьба с пьянством и алкоголизмом привела к чудовищному нарастанию дефицита, раскрутила инфляционные тенденции.

С 1988 г. лозунг «ускорение» был сменен на другой — «сильная социальная политика». Инвестиционные приоритеты были обозначены в потребительском секторе, централизованные капиталовложения сократились в 1,3 раза, в металлургии и топливно-энергетическом комплексе — в 1,4 раза. Денег не было. Их не хватало и для «сильной социальной политики».

Внешним и далеко не полным проявлением нараставшего кризиса стал платежный баланс СССР в свободно конвертируемой валюте. Если в 1981—1983 гг. отрицательное сальдо этого баланса составляло в среднем около 1, 3 млрд. долл., а баланс 1984 г. был

¹ Краткая история СССР. М., 1983. Ч. 2. С. 582.

² *Воротников В. И.* А было это так... С. 66—67.

даже сведен с положительным сальдо в 0,6 млрд. долл., то с 1985 г. ситуация резко ухудшилась.

В конце 1980-х гг. власть решилась на частичное допущение рыночных отношений. В мае 1988 г. был принят закон «О кооперации». Эта сфера деятельности стала стремительно развиваться. Уже в конце 80-х гг. началась скрытая приватизация промышленных предприятий. Закон о предприятии, принятый Верховным Советом СССР, узаконил эту тенденцию. Прежнее централизованное планирование, свойственное советской экономике, оказалось разрушенным.

Так появилось небезопасное противоречие — в социалистическую плановую экономику с ее командно-административными и распределительными механизмами стали проникать элементы рыночной экономики. Прежняя экономика перестала быть управляемой.

Изменения в финансовой сфере, создание сети коммерческих банков размывали старую, планово-распределительную систему. Одновременно с этим шло разрушение другой составляющей советской финансово-экономической системы — ее централизма. Возникли республиканские банки в союзных республиках, позже — в автономиях, которые не без успеха пытались проводить политику, независимую от Центробанка СССР.

Союзное руководство оказалось буквально парализованным перед лицом нараставших экономических проблем. «Паралич воли» лишил возможности проводить хоть какую-нибудь последовательную экономическую политику. Разбалансированность плановой экономики достигла своего апогея к началу 1990-х гг., когда союзному центру пришлось столкнуться с экономической автаркией союзных республик.

Дефолт советской экономики стал очевидным для мира уже в мае 1991 г. Он остался незамеченным только для граждан самого СССР, которых в ту пору гораздо больше волновали проблемы политические.

«Новое мышление» как невозможность проводить прежнюю внешнюю политику. После огромного успеха советской дипломатии — подписания Хельсинкского соглашения 1975 г. о «консервации» итогов Второй мировой войны началась полоса неудач: в 1979 г. — вторжение в Афганистан, обернувшееся тяжелой и непопулярной афганской войной, потеря «социалистической Польши» и невозможность (впервые с 1950-х гг.!) вмешательства во внутренние дела

«братской страны». Для активного ведения внешней политики, основу которой составляло противостояние в военно-политическом соперничестве с США, НАТО, Китаем, требовались средства. К середине 80-х гг. их не было. Отсюда — стремление уйти от постоянной конфронтации, предложить иную концепцию внешней политики, включавшую отказ от применения силы.

Политика «нового мышления», предполагавшая признание «общечеловеческих ценностей», «мир без насилия и войн», «диалог и сотрудничество ради сохранения цивилизации», была вынужденной. Об этом говорил сам М. С. Горбачев в узком кругу своих партийных соратников. На заседании Политбюро 27—28 ноября 1988 г. речь шла об итогах выступления Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН. Поток восторгов по этому случаю был прерван рядом неудобных вопросов о том, не ослабнет ли обороноспособность СССР после обещанного Горбачевым нового витка разоружения. Горбачев отреагировал очень резко: «Виталий Иванович (Воротников. — *Р. П.*) сказал, что в стране и даже дома задают вопрос — как это, вообще говоря, мы «раздеваемся» самостоятельно? А вот Егор Кузьмич (Лигачев. — *Р. П.*) подошел к этой теме с другой стороны — партия должна знать (о сокращении расходов по оборонным статьям бюджета. — *Р. П.*). Мы пока это скрываем, откровенно говоря. ...Сейчас даже партии нельзя об этом сказать, надо сначала привести в порядок. Если мы скажем сегодня, сколько мы берем на оборону из национального дохода, это может свести на нет выступление в Организации Объединенных Наций. Потому что нигде такого положения больше нет, ни в одной стране. Есть только у нищенских стран, у которых половина бюджета идет на военные дела...»¹.

Вынужденность «нового мышления» привела к той тенденции внешней политики, которую трудно назвать иначе как капитулянтской. За ширмой рассуждений об «общечеловеческих ценностях» СССР стремительно утрачивал свои позиции в мире, терял союзников, сохраняя соперников и противников. Дилетантизм дипломатии Горбачева — Шеварднадзе был просто удивителен. Важнейшие договоренности не фиксировались не только международными договорами, но даже «записями бесед», которые должны вести (и всегда ведут!) дипломаты. Так, не были зафиксированы взаимные обязательства стран НАТО и СССР, возникавшие вследствие роспуска Варшавского договора. Модная практика «встреч без

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. 1998. 27—28 декабря. Л. 353—354.

пиджаков» в живописных местах в горбачевском варианте осуществлялась без чиновников МИДа. Убежден, что внешнюю политику СССР последних лет его истории наши потомки будут изучать по немецким и американским архивам, так как важнейшая документация в наших архивах попросту отсутствует.

Горбачевское «новое мышление» создавало тот международный фон, который интернационализировал национальные конфликты в СССР и подталкивал местные элиты к реализации права «на отделение».

Политический «самострел», или Реформа политической системы. Стремясь расширить социальную базу перестройки, найти новые кадры управленцев, не входивших прежде в элиту брежневской поры, Горбачев выступил за радикальное изменение кадровой политики. Инструментом для осуществления этой политики должны были стать выборы на альтернативной основе, применение альтернативности в выборах как внутри партии, так и при выборах в Советы. Курс на осуществление альтернативных выборов был утвержден на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС.

В КПСС к 1990 г. насчитывалось 19 228 217 членов и кандидатов партии. Более трети (35,4%) из них имели высшее образование¹. Это были люди, владевшие известными навыками политической деятельности. В КПСС насчитывалось к этому времени 433 тыс. первичных партийных организаций². Абсолютное их большинство было невелико. 79,9% «первичек» насчитывало от 3 до 45 человек³. До тех пор пока партийная система действовала сверху вниз, отводила «первичкам» роль проводника государственной политики, эта система была управляемой и казалась послушной.

В новых условиях, когда было заявлено о возможности проведения альтернативных выборов, на первый план стали выходить *местные* интересы, интересы национальные, профессиональные, региональные. И тут выяснилось, что десятилетиями декларировавшейся социальной однородности не было. В «первичках», где концентрировались, как правило, наиболее политически активные люди, выдвигали именно тех кандидатов, которые наилучшим образом могли защищать эти интересы. Попытки партаппарата восстановить управляемость провалились. Сам партаппарат ока-

¹ Материалы делегату XVII съезда КПСС. М., 1986. С. 179; Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 9.

² Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 15.

³ Там же. С. 16.

зался деморализованным и стал приспособливаться к новым реальностям.

В 1988 г. состоялась XIX Всесоюзная партийная конференция. Впервые с начала 20-х гг. делегаты на нее избирались от первичных организаций КПСС. В работе конференции стали складываться, опять-таки впервые с 20-х гг., партийные платформы. На практике это означало отказ от принципа «демократического централизма». *Многочисленная КПСС стала стремительно разваливаться на национально-сепаратистские политические партии и движения.* Там же, на конференции, было принято решение — возродить съезды народных депутатов, отмененные Конституцией 1936 г., превратить их в высший орган власти страны.

Резко осложнилось положение в самой КПСС. Выборы подрывали основу номенклатурного способа управления в стране. В 1986—1989 гг. сменилось 82,2% секретарей райкомов и горкомов партии, 90,8% секретарей обкомов, крайкомов и республиканских партийных организаций¹. Партийный аппарат дал бой своему Генеральному секретарю Горбачеву на Пленуме ЦК КПСС в апреле 1989 г. Тогда Горбачеву удалось переиграть своих оппонентов. Однако недовольство в аппарате КПСС не только не ослабевало, а скорее продолжало нарастать.

Республиканские организации КПСС стали в этих условиях колыбелью национального сепаратизма, подготовили условия для «парада суверенитетов», начавшегося вскоре после образования съездов народных депутатов в СССР и его республиках.

Политическая реформа, начатая введением альтернативных выборов, была продолжена реформой власти. Горбачевская «политическая археология», его призывы к «восстановлению ленинских норм» реализовались в восстановлении съездов Советов. Однако делегаты на эти съезды избирались уже по совершенно иным избирательным законам, на основе прямого избирательного права².

«*Вся власть Советам*», а не КПСС. Конституционное право «*Вся власть Советам*» — стало реализовываться съездом напрямую, непосредственно. Съезд СССР сначала попытался установить контроль над исполнительной властью, затем стал последовательно выводить КПСС за пределы государственного управления. Далее

¹ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 18, 20.

² Известные особенности избирательных процедур (квоты для так называемых общественных организаций) на I съезд народных депутатов СССР принципиальной сути дела не меняли.

возник конфликт уже между Советами различных уровней. Вся власть — каким Советам? Союзный Верховный Совет пытался подчинить непокорные Верховные Советы Прибалтики, России, Молдавии... Сходные проблемы возникли у Российского Верховного Совета.

Концептуальный отказ от принципа разделения властей, генетически присущий Советам как форме организации власти, начал реализовываться во всей своей антигосударственной сути.

Беловежская Пуща: начало или конец распада Советского Союза.

Как только перестройка ослабила репрессивный механизм, национальные проблемы начали сотрясать огромную страну. Перечислим лишь некоторые из них: события 1986—1988 гг. в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Якутии, Алма-Ате, Душанбе, Фергане, Молдавии, не говоря уже о Прибалтике. Партийное руководство оказалось в растерянности. В феврале 1986 г. на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев говорил об «успешной решенности национального вопроса в Советском Союзе», в сентябре 1987 г. партийный орган «Коммунист» квалифицировал национальные выступления как «экстремистские», а в феврале 1988 г. на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев уже вел разговор о «росте национального самосознания у всех наций и народностей страны, о проявлениях национальных чувств».

Крупнейший этнический конфликт, без сомнения повлиявший на судьбу СССР, развернулся в Закавказье. Причиной его стал спор о статусе Нагорного Карабаха — армянского анклава, обладавшего статусом автономной области на территории Азербайджана. Волнения в Карабахе и Армении с требованием воссоединения начались уже в 1987 г., приобретя особый размах к февралю 1988 г.

Именно в эти месяцы по всей стране стремительно стали появляться общественные объединения, которые ставили своей задачей защиту исторических памятников, родного языка и т. д. и которые стали в будущем ядром политических движений и партий. События в Чернобыле стали мощным стимулом для экологических движений по всей стране. Эти движения принимали явственно выраженную политическую окраску.

Следствием первых открытых выборов на съезд народных депутатов стало то, что на поверхность выплеснулись национальные противоречия. Избирательная кампания 1989 г. стала благоприятной средой для формирования «народных фронтов», нацио-

нальных и националистических движений по всему СССР. В это время стремительно распространялось влияние таких «народных фронтов» в республиках Прибалтики, «Руха» — на Украине, движения «Карабах» — в Армении.

Параллельно с этим шел фактический раскол КПСС по республиканскому принципу. Компартии республик Прибалтики, Армении, Азербайджана явно демонстрировали свою самостоятельность по отношению к Москве. С 1990 г. в КПСС начала формироваться компартия РСФСР, где очень сильны были позиции противников Горбачева.

В 1990 г. прошли выборы на съезды народных депутатов союзных республик. Во многих республиках большинство депутатов настаивало на принятии деклараций о государственном суверенитете своих республик по отношению к СССР. И в 1990-м же году эти декларации о суверенитете были приняты: 9 марта 1990 г. — в Грузии, 11 марта — в Литве, 30 марта — в Эстонии, 4 мая — в Латвии, 20 июня — в Узбекистане, 23 июня — в Молдавии, 16 июля — на Украине, 27 июля — в Белоруссии.

На Первом съезде народных депутатов РСФСР огромным большинством 12 июня 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР.

15 марта 1990 г. на внеочередном съезде народных депутатов М. С. Горбачев был избран Президентом СССР, сохранив пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Одновременно была отменена 6-я статья Конституции. Первым в прениях по введению поста Президента выступил на съезде Н. А. Назарбаев. Он горячо поддержал введение этого поста, заметив, что пришла пора учреждать также и посты президентов в союзных республиках. Как уверяет в своих мемуарах М. С. Горбачев, такого хода от лидеров союзных республик он не ожидал¹.

Случилось то, что появление поста Президента Союза стало прецедентом для республик. Политической суверенизации был дан мощный толчок, открывший тот самый «парад суверенитетов», который позже столь охотно критиковал и Михаил Сергеевич, и референдум, неподготовленный, преждевременный, обративший сложнейшую проблему — будущее СССР — в объект политических конфликтов, в источник противостояния. Процессам дезинтеграции Союза придавались формальные правовые рамки.

Этот референдум о сохранении СССР состоялся 17 марта 1991 г. в условиях кризиса советской государственности и преследовал

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 485.

цель закрепить разваливающийся СССР. И как и ожидалось, его итоги можно было толковать на любой лад. Можно было утверждать, что 76% населения страны высказались за сохранение Союза ССР. Можно было утверждать и обратное — в голосовании о судьбе Союза не участвовало большинство жителей Грузии, Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии. Можно было утверждать, что 71,34% населения РСФСР — за Союз. Но против сохранения Союза высказались жители Свердловской области, практически половина населения Москвы и Ленинграда.

Процесс суверенизации в СССР начинался едва ли не как выделение и открытое противопоставление партийно-государственного аппарата союзных структур республикам, их политическим организациям, местным элитам.

Последним шагом на пути сохранения неизменности политической структуры СССР стал путч 1991 г. Союзные структуры смертельно надорвались в своей попытке из последних сил сохранить Советский Союз в его прежнем виде. Лопнули «становые жилы» политического организма СССР — КПСС, КГБ, страх перед репрессиями. А без них этот строй был нежизнеспособен.

Путч напугал лидеров республик СССР. Москва требовала расследовать и наказать тех, кто поддержал ГКЧП. В этих условиях желание суверенитета и независимости становилось более чем актуальным.

Путчисты мимоходом, как это и бывает в истории, уничтожили КПСС не как политическую партию, а как основной институт государственности СССР.

5 декабря президент Кравчук объявил, что, руководствуясь решением собственного референдума, Украина выходит из Союзного договора 1922 г., того самого, которым был образован Союз Советских Социалистических Республик.

В новых и существенно более сложных условиях политическое руководство России, Белоруссии и Украины сделало шаг навстречу друг другу. Было решено вернуться к неиспользованным политическим заготовкам годичной давности. Формой новых отношений между ними мог стать трех- или четырехсторонний (с участием Казахстана) договор, аналогичный тому, который разрабатывался еще в конце 1990 — начале 1991 г., тогда, когда эти республики искали новые формы отношения, заключали двухсторонние и готовили многосторонние соглашения.

Советский Союз перестал существовать.

Советская система оказалась принципиально неререформируемой. Она могла жить только как система централизованная, «свинченая» номенклатурной, партийно-государственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, огромные природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики. Угроза внешней опасности, стабильность, определенные социальные гарантии для граждан СССР, надежда на светлое будущее составляли внутреннюю суть советской системы. Будучи неререформируемой, эта система оказывалась нежизнеспособной.

«Эпоха Горбачева» подтверждает справедливость грустной истины Л. Токвиля — «наиболее опасный момент для плохого режима есть именно тот, когда он делает попытки стать лучше». Каждый шаг по пути реформ давал последовательно негативный результат (с точки зрения задач реформ — модернизировать социализм, укрепить СССР). Проведение альтернативных выборов сделало систему практически неуправляемой, так как разрушило номенклатуру; введение поста Президента СССР стало прецедентом для союзных республик, позволило им поднять свой государственно-правовой статус; референдум о сохранении СССР создал правовые основания для выхода Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии и Молдавии из состава СССР. Политическая реформа, проходившая под лозунгами «Вся власть Советам», дестабилизировала систему управления, породив жестокое соперничество между ветвями власти.

Политическая форма СССР ушла в историю. Это стало еще одной трансформацией России, сменившей свой облик.

История вторая

РОССИЯ В ПОИСКАХ СЕБЯ

Очерк 1

НА ПУТЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Отпуск цен. — «О свободе торговли». — Реформы и заводы.

Отпуск цен. Зима 1992 г. начиналась нерадостно. Слякотная, обледенелая, темная Москва с ухабами на дорогах и нечищеными тротуарами, нет освещения на улицах, разбитые дома в центре города стоят как больные — с грязными, замусоренными дворами, с выбитыми окнами лестничных клеток, витрины пустых магазинов застелены пластиковыми пакетами и уставлены трехлитровыми баллонами с громадными переросшими желтыми огурцами. Купить еду в магазинах было нельзя. Нельзя было купить и мебель, любую сложную технику. Новой и неприятной подробностью стали уродливые железные решетки, которые вдруг появились в магазинах, перегородив их внутреннее пространство на клетки.

На рубли вообще купить что-то было трудно. Быстро стали появляться валютные магазины, где было все; на валюту с удовольствием продавали деликатесы на рынках. Но валюты у обычного гражданина быть не должно: советское законодательство предусматривало суровые наказания для «валютчиков», и законы эти еще не были отменены.

4 декабря 1991 г. московские власти, проанализировав состояние продовольственного обеспечения столицы, пришли к тревожному выводу: уже в ближайшие 10—15 дней в городе может разразиться продовольственный кризис¹. В кулуарах правительства говорили, что никаких стратегических запасов продовольствия в стране нет, что все уже было растрчено, съедено в последние годы перестройки.

На еженедельных заседаниях правительства тогдашний руководитель Министерства хлебопродуктов Л. С. Чешинский система-

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 138—139.

тически и подробно рассказывал: какие корабли везут из США, Канады или Южной Америки зерно в порты бывшего Советского Союза, какое количество этого хлеба достанется России и как «проташить» эшелоны с хлебом по железным дорогам до крупнейших городов.

Менялась власть. 25 декабря Верховный Совет изменил название страны — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — РСФСР стала называться Российской Федерацией — Россией. Из названия страны ушли два ее определения — социалистическая и советская. Если с первым — социалистическая — было все более или менее ясно: социалистические перспективы и иллюзии померкли и сменились в обществе убеждением в неизбежности второго пришествия капитализма в историю России, то утрата второго определения — советская — заставляла задуматься. Депутаты сгоряча, под ловким давлением Председателя Верховного Совета Р. И. Хасбулатова выбросили из названия государства определение формы политической власти — советской!

Изменились адреса высших органов власти. С 13 января 1992 г. администрацию президента перевели в Кремль, там же обосновался и президент Ельцин. Правительство перевели в комплекс зданий бывшего ЦК КПСС на Старой площади. Белый дом — здание бывшего Совмина и Верховного Совета РСФСР на Краснопресненской набережной — стал местом органа законодательной власти — съезда и Верховного Совета.

Смена адресов принимала символический смысл. То, что Президент России обосновался в Кремле, воспринималось как восстановление исторической традиции. Однако среди ряда ярых сторонников Б. Н. Ельцина уход из Белого дома, освященного событиями августа 1991 г., символа нарождавшейся российской демократии, стал не слишком приятной новостью, знаком усиления роли традиционной отечественной бюрократии.

Вся страна с тревогой и надеждой дожидалась «отпуска цен» с начала января 1992 г. Причин для тревог хватало. Начать реформу стране предстояло в условиях сочетания максимально неблагоприятных факторов: при отсутствии внутренних ресурсов и наличии примерно 70 млрд. долларов долга СССР; при скверной рыночной конъюнктуре на главные товары русского экспорта и развале внутривозрастных связей. Добавим к этому крушение Союза, развал системы управления, нестыковавшиеся механизмы нарождавшихся рыночных и старых командно-административных

методов управления, реальную угрозу этнических конфликтов на территории бывшего СССР. Отчаянное положение страны во многом предопределило и методы ухода от грозившей катастрофы.

Предстоявшая реформа основывалась на применении методов макроэкономической стабилизации. Важнейшей ее частью на первом этапе реформы была задача приведения в соответствие платежеспособного спроса и предложения. Средствами для решения этой задачи должны были стать:

- переход на применение свободных (рыночных) цен и тарифов, складывающихся под влиянием спроса и предложения;
- либерализация внутренней торговли;
- отмена ограничений на заработную плату и на прирост средств, направляемых на потребление;
- разрешение всем предприятиям, независимо от форм собственности, осуществлять внешнеэкономическую деятельность без специальной регистрации.

Планировалась также приватизация государственной собственности, существовала надежда на привлечение в российскую приватизацию иностранных инвесторов.

2 января 1992 г. в стране были введены свободные цены. В течение нескольких месяцев в стране шло интенсивное создание того, что пресса и политики именовали «диким рынком». В переводе с экономического на нормальный человеческий язык это означало стремительный рост цен при падении реальной оплаты труда. У людей не оставалось денег на покупку самого необходимого. В условиях стремительно нарастающей инфляции зарплата выросла в номинальном исчислении с января 1992 по декабрь 1992 г. в 11,5 раза. Однако реальная заработная плата за 1992 г. сократилась по отношению к концу 1991 г. более чем в два раза и составила около 40% по отношению к декабрьской зарплате 1991 г.¹

Времена дефицита уходили в прошлое. Понять его суть можно только из глубины 1970—1980 гг., времени всеобщего дефицита. Пришла другая проблема: стремительного вздорожания жизни. Население страны за послевоенный период ее истории привыкло к тому, что товаров всегда не хватало, но цены на основные продукты питания мало изменялись. Так, цена на мясо в 1970 г. составляла 1,74 рубля за килограмм, в 1985 г. — 1,89, а в 1990 г. — 2,3 рубля, килограмм вареной колбасы стоил соответственно 2,22, 2,69 и 2,69 рубля, масло животное — 3,43, 3,42 и 3,5 рубля. С 1991 г. цены пошли вверх, невероятно взлетев уже в 1992 г. (см. табл. 11).

¹ Цены в России: Статистический сборник. М., 1996. С. 124.

Табл. 11. Средние цены на отдельные продовольственные товары¹
(на конец года; рублей за килограмм, литр)

	1991	1992	1993	1994	1995
Говядина	15,54	221,5	2210,1	5186	12 547
Свинина	14,38	260	2673	6579	15 053
Мясо птицы	13,57	197,76	2239	5677	11 587
Колбаса вареная	17	271	3351	8984	20 016
Масло животное	12,24	280,2	2913	12 985	20 075
Масло растительное	5,48	190	1365	55 307	10 460
Молоко цельное	0,6	22,4	315	1222	2812
Яйца (за десяток)	4,47	87,1	827	2657	5345
Хлеб ржаной	0,7	23,9	212	789	2583
Хлеб пшеничный высшего сорта	0,99	43,3	466	1678	4811
Водка	22,61	499,6	4278	8467	20 230
Обед в столовой на одного человека	3,27	61,3	805	2701	7940

Подорожание шло параллельно с инфляционными процессами, особенно бурными в период 1992—1995 гг. и в период после 17 августа 1998 г. (см. табл. 12).

Табл. 12. Динамика официального курса доллара США по отношению к российскому рублю (на конец месяца)²

1992, декабрь	415
1993, декабрь	1247
1994, декабрь	3550
1995, декабрь	4640
1996, декабрь	5,560
1997, декабрь	5,926 ³
1998, 10 августа	6,291 ⁴
1998, декабрь	20,900 ⁵

¹ См.: Цены в России. С. 86—87.

² 1997. Россия в цифрах. С. 228.

³ <http://www.ocean.ru/currency/txt/10-12-97.htm>

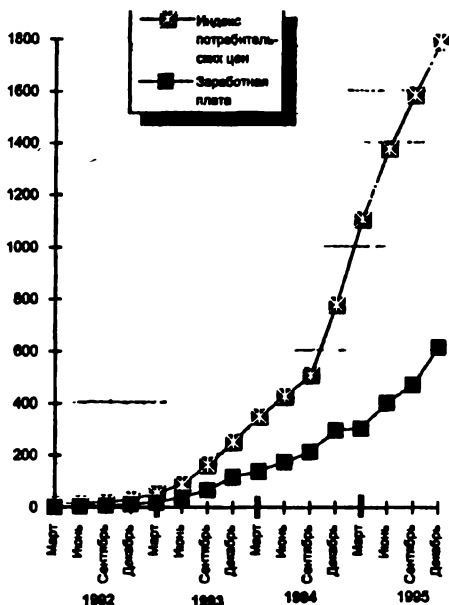
⁴ http://www.ocean.ru/currency/txt/10_08_98.htm

⁵ http://www.ocean.ru/currency/txt/10_08_98.htm

Уровень жизни населения понизился.

В то же время цена на продовольственные товары выросла в 1992 г. в 26,3 раза, на платные услуги населения — в 22,2 раза¹. Нетрудно сделать вывод, что рост цен в два с лишним раза обогнал заработную плату! (см. табл. 13²).

Табл. 13. Индекс потребительских цен и изменений среднемесячной заработной платы (в разгах к декабрю 1991 г.)

Цены взлетели, но страна-то жила надеждой, что товары появятся сразу же после отказа от регулирования цен. Телевидение систематически рассказывало о «шоковой терапии» польской и венгерской экономик, о том, что магазины в этих странах чудесным образом наполнились сразу же после «отпуска цен».

В России чуда не произошло, по крайней мере зимой 1992 г. Старая государственная торгово-распределительная система оказалась невосприимчивой к новой экономической реальности. Товаров не прибавилось ни в январе, ни в феврале.

¹ Цены в России: Статистический сборник. М., 1996. С. 18.

² Россия в цифрах. Официальное издание. М., 1996. С. 186.

«О свободе торговли». 29 января 1992 г. президент издал указ «О свободе торговли», один из самых радикальных за всю историю реформ и непосредственно повлиявший на жизнь всех граждан страны. Указ предоставлял «предприятиям независимо от форм собственности, а также гражданам право осуществлять торговую, посредническую и закупочную деятельность (в том числе за наличный расчет) без специальных разрешений... предприятия и граждане осуществляют торговлю (в том числе с рук, лотков и автомашин) в любых удобных для них местах, за исключением проезжей части улиц, станций метрополитена и территорий, прилегающих к зданиям государственных органов власти и управления».

По этому указу отменялись таможенные пошлины на товары, которые граждане России ввозили в страну.

Последствия указа сказались несколько позже, с началом весны.

Первыми признаками новых экономических реальностей стали торговцы, вдруг появившиеся на улицах городов. В Москве у цоколя высотки на площади Восстания, у громадного и пустого гастронома, в других местах столицы какие-то люди стали торговать сыром, копченой колбасой, используя в качестве прилавков ящики, в лучшем случае застеленные газетами. Появились люди, продававшие водку. Многие из этих торговцев приезжали с Украины и Белоруссии, где цены были ниже, и поэтому торговать в России было выгоднее. «Незалежные» экономические границы рушились под натиском личного интереса и выгоды. Товарные потоки, сначала — ручейками, а потом — реками, вышедшими из берегов, захлестнули улицы Москвы, разлились широкими и, признаться, грязными озерами, захламленными тарой, оберточными бумагами, пакетами, пластиковыми бутылками. На площадях Москвы — на Лубянке у «Детского мира», на Красной Пресне у метро «Баррикадная», на конечных остановках станций метро появились рынки, базары, раздражавшие своей бестолковостью, грязью, неорганизованностью местных жителей, ходивших тем не менее туда за продуктами, потому что там они были, их можно было выбрать и к тому же они, как правило, были дешевле, чем в магазинах или на так называемых «колхозных рынках», где, похоже, ни один колхозник никогда не появлялся — ни в качестве продавца, ни тем более — покупателя.

Такие изменения происходили и в других городах России, отставая от Москвы на один-два месяца.

Два других события, произошедших уже осенью — зимой 1992 г., подхлестнули развитие рыночных отношений в стране, стали, пожалуй, реальным условием проникновения простого россий-

ского человека в «процессы экономической интеграции, мировой глобализации», как пишут экономисты и политологи.

Первым стало разрешение гражданам страны приобретать наличную валюту, покупать доллары в обменных пунктах, сначала — в октябре 1992 г. — в Интуристе, а вскоре обменники появились везде — при отделениях банков, в магазинах, на рынках, в клетушках, примостившихся в самых неожиданных местах.

У граждан страны появилась валюта, а вместе с ней — возможность покупать товары за границей. А 22 декабря того же 1992 г. Верховный Совет РФ в корне изменил порядок выезда граждан России за границу. Были отменены российские выездные визы. Для поездки требовалось только получить въездную визу в посольстве той страны, куда собирались ехать.

Потом это станет толчком для нашествия российских туристов в Турцию, Египет, на Кипр или Канарские острова... Сначала же этим указом воспользовались предприимчивые граждане, отправившиеся за товаром в Польшу, Турцию, позже — Китай. Из-за границы везли то, чего не хватало на отечественном рынке — недорогую, но модную одежду, косметику, часто подделанную, дешевую электронику. Торговцами становились вчерашние инженеры из закрывшихся заводов, ученые из развалившихся НИИ, учителя, которые уходили из школы, так как жить на зарплату учителя становилось невозможно.

Стала меняться и торговля. Прежние развалы товаров, стихийные рынки сменились в 1993 г. на ряды ларьков, выстроившихся вдоль тротуаров у всех людных мест.

К началу 1993 г. товарный дефицит ушел в прошлое. Вместе с ним ушли и необеспеченные товаром деньги, давившие на экономику в конце 1980-х гг.

Произошло и еще одно, на этот раз — безусловно прискорбное событие. Отпуск цен и инфляция в одночасье ликвидировали сбережения граждан, скопленные за десятилетия. Накопленные в 1970—1980-х гг. 10 тыс. рублей, лежавшие на сберкнижке, гарантировали спокойную жизнь на пенсии, были равны цене хорошей кооперативной квартиры или дорогому советскому автомобилю. Сейчас же эти деньги обратились в прах. На 10 тыс. рублей в 1993 г. нельзя было купить и 5 килограммов мяса или 4 килограммов сыра¹

Реформы и заводы. Другой стороной экономического положения в стране стало падение производства практически во всех отраслях промышленности (см. табл. 14).

¹ Цены в России: Статистический сборник. М., 1996. С. 86.

**Табл. 14. Индексы основных социально-экономических показателей
(в процентах к предыдущему году)¹**

	1992	1993	1994	1995
Валовой внутренний продукт	85,5	91,3	87,4	96
Основные фонды в экономике	101,9	100,5	99,9	99,1
Продукция промышленности	82	86	79	97
Производство потребительских товаров	85	89	74	86
в том числе				
продовольственные товары	82	89	81	87
непродовольственные товары	86	89	67	85
Продукция сельского хозяйства	91	96	88	92
в том числе				
продукция растениеводства	95	97	90	95
продукция животноводства	88	95	87	89
Ввод в действие основных фондов	47	79	71	90
Капитальные вложения (инвестиции в основной капитал)	60	88	76	87

Экономическая реформа велась на рыночных основаниях. Она означала отказ от планово-распределительной экономики. За этими изрядно затертыми выражениями скрывается далеко не всегда ясный смысл. Что это означало для конкретного завода?

Сошлюсь на пример знаменитого Волжского автомобильного завода. Его продукция пользовалась в СССР огромным и постоянно неудовлетворенным спросом. Ежегодные 750 тыс. автомобилей буквально разлетались по стране и за рубеж. Проблем со сбытом у завода не было и потому, что вся она — строжайше учтенная — поступала в распоряжение министерств и ведомств (прежде всего — Минторга СССР и Минвнешторга СССР), а затем распределялась между подчиненными им торговыми организациями, дальше — их направляли по предприятиям и организациям, а там, по решениям профсоюзных организаций, с учетом многолетних очередей, их получали будущие счастливые владельцы.

Что же произошло на заводе с началом реформы?

Прежде всего, ушла в небытие планово-распределительная система, что означало:

во-первых, разрыв прежних отношений с тысячами предприятий-поставщиков, прежде обязанных направлять свою продукцию на АВТОВАЗ;

¹ Цены в России. Статистический сборник. М., 1996. С. 12.

во-вторых, возникновение вопроса: чем платить за комплектующие? Государственное кредитование прекратилось;

в-третьих, нехватку оборотных средств — на закупку тех же комплектующих, заработную плату рабочим. Их можно было бы получить за счет реализации автомобилей. Но в силу вступало очередное следствие реформы;

в-четвертых, развал государственной системы распределения. Это означало, что завод должен был не только производить автомобили, но и сам продавать их.

Как? У завода не было и не могло быть системы продажи сотен тысяч автомобилей. Раз нет продаж — нет и денег.

Завод затоваривался. Площадки для готовой продукции были заставлены автомобилями.

Добавим еще и уникальную подробность начала 1992 г. — государство продолжало контролировать цены на конечную продукцию АВТОВАЗа. Автозавод должен был нести ответственность по обязательствам государства¹. Тогда, когда установленная государством на начало 1992 г. цена автомобиля составляла около 15 500 рублей, его рыночная цена, цена за порогом автомагазина, составляла около 140 тыс. рублей!²

К весне 1992 г. руководству АВТОВАЗа удалось, «в связи с резким увеличением цен на материалы и комплектующие», повысить цену на различные модели автомобилей в зависимости от комплектации от 1,5 до 2,5 раза³. Если учесть, что цены в стране к этому времени взлетели в среднем раз в 10, то такое повышение для завода было не слишком выгодным.

Сапожник оказывался без сапог. Деньги за дефицитный товар завод получить не мог. Они уходили посредникам. Стоит ли удивляться, что на завод в качестве посредников хлынули уголовники всех мастей!

Ситуация вокруг АВТОВАЗа типична. Нетипично, пожалуй, только то, что АВТОВАЗ выжил, в отличие от «Москвича», многих других отечественных заводов. Спасся тем, что у него был свой, «карманный» «Автовазбанк», созданный еще в 1988 г., и за счет его операций на финансовом рынке завод был обеспечен минимумом

¹ Постановление Правительства РФ от 12 июня 1992 г. № 394 «О порядке компенсации удорожания стоимости легковых автомобилей владельцам целевых чеков, срок продажи автомобилей по которым наступил в 1991 году» (с изменениями от 16 сентября 1992 г.).

² *Бездетный Ю.* Новые рекорды «Жигулей» были поставлены на очередных торгах Тольяттинской универсальной биржи // Площадь Свободы. 1992. 21 января.

³ Сколько стоят «Жигули»? // Волжский автостроитель 1992. 14 мая

средств, необходимых для выживания¹, спасая за счет бартера, прямых обменов своих автомобилей на сырье и комплектующие, продовольствие для рабочих и служащих.

Другим предприятиям повезло меньше. Типичная картина начала 1990-х гг.: рабочие получали зарплату изделиями своего предприятия — посудой, лампочками. Это было плохо, надо было идти и продавать — самому или отдавать посредникам. Еще хуже было тем рабочим, продукция которых на рынок не могла поступить.

Сложнейшие процессы происходили в традиционно самом мощном секторе отечественной экономики — в оборонной промышленности. Изменение политического статуса России в мире, отказ от концепции «холодной войны» привел к резкому сокращению государственных закупок вооружения. Это, в свою очередь, ударило по всей длинной цепи оборонного комплекса — от университетских кафедр и лабораторий, академических и специализированных научно-исследовательских институтов до заводов, металлургических и горнодобывающих комплексов и испытательных полигонов. Последствия этого — значительное снижение, а во многих случаях — прекращение государственного финансирования, сокращение рабочих мест, свертывание и даже ликвидация ряда производств. Отечественную оборонку пытались перепрофилировать на выпуск гражданских изделий. Спаслись только те предприятия, которые смогли выйти на мировой рынок вооружений.

В машиностроении тяжелейший кризис пережили прежде всего высокотехнологичные отрасли — авиастроение, производство станков с ЧПУ, турбостроение.

Сырьевые производства — металлурги, нефтяники, газовики, снизив объемы, старались расширять «экспортную составляющую», выживать за счет иностранных потребителей.

Драматично развивались процессы в легкой промышленности. Высокорентабельная в советские годы, она столкнулась с потоком импортного ширпотреба, польского, турецкого, китайского. Он был дешевле, доступнее, моднее. Хуже качеством? Может быть. Но по совокупности свойств импорт оказывался конкурентоспособнее. Отечественная текстильная промышленность стала задыхаться из-за отсутствия сбыта. Рухнули текстильные предприятия, насчитывавшие двухсотлетнюю историю. Так, например, перестали существовать прекрасно оснащенные шелкоткацкие предприятия Владимирской области.

¹ Каданников В. В. Интервью // Волжский автостроитель. 1994, 2 февраля.

Поток дешевой электроники — телевизоров, магнитофонов, портативных радиоприемников — из стран Юго-Восточной Азии смыл отечественные телерадиозаводы, отведя им в лучшем случае роль сборочных предприятий из импортных комплектующих.

Несомненны негативные процессы в положении сельскохозяйственного сектора экономики. Эта отрасль была, по существу, дотационной, зависимой от государства с 1960-х гг. Результатом стала, с одной стороны, коллективизация и связанный с ней ряд социально-экономических последствий (отсутствие непосредственной заинтересованности крестьянина в результатах его труда, уход из деревни активных, трудоспособных людей). С другой стороны, кризис в сельском хозяйстве был спровоцирован хрущевскими «реформами» аграрной отрасли. Выше уже отмечалось, что с этого времени значительную часть сельскохозяйственной продукции страна закупала за рубежом.

Частью реформ в сельском хозяйстве были надежды на то, что зарождавшееся в конце 1980 — начале 1990-х гг. фермерство сможет увеличить объемы производства. Однако эти надежды не оправдались. Численность крестьянских (фермерских) хозяйств с середины 1990-х гг. по настоящее время зафиксировалась примерно на 270 тыс. дворов. Среднее хозяйство располагает около 40 га земли. Удельный вес производимой ими продукции ничтожен: в 1996 г. фермерские хозяйства произвели от общего объема 4,4% зерна, 3,3% сахарной свеклы, 11,45% семян подсолнечника, 1,45% мяса, 1,3% молока¹.

Происходило количественное и качественное ухудшение состояния сельского хозяйства. Так, если в 1993 г. валовой сбор зерна составлял 99,1 млн. тонн, то в 1996 г. — 59,3 млн. тонн. Упала и урожайность. Если в 1993 г. она составляла в среднем по стране 16,3 центнера с гектара, то в 1995 г. — только 11,6 центнера².

Упало и поголовье крупного рогатого скота. В 1993 г. в стране было 52,2 млн. голов, то в 1995 г. — 43,3 млн., а в 1997 г. — 35,8 млн. голов крупного рогатого скота³.

Высокие темпы инфляции, нестабильность банковской системы, отсутствие снабженческо-сбытовой кооперации, устоявшихся механизмов закупки сельскохозяйственной продукции, ограниченность государственных инвестиций в отрасль в сочетании с высокой

¹ Российский статистический ежегодник. Официальное издание 1997. М., 1997. С. 648—649.

² 1997. Россия в цифрах. С. 306.

³ 1997. Россия в цифрах. С. 310

ценой нефтепродуктов, удобрений, сельхозмашин и механизмов — все это и сейчас препятствует развитию сельского хозяйства России.

Деятельность правительства, возглавленного президентом и осуществлявшего реформы под руководством вице-премьера Е. Т. Гайдара, вызывала тревогу даже среди людей, считавшихся сторонниками президента. Против этого экономического курса выступили академики-экономисты, ставшие непримиримыми критиками реформ, — О. Т. Богомолов, Г. А. Арбатов, Н. Я. Петраков, Л. И. Абалкин.

Член Президентского совета академик О. Т. Богомолов писал: «На мой взгляд, одна из серьезных ошибок правительства, которую с самого первого дня можно было избежать, состояла в том, что реформы, и в частности так называемая «макроэкономическая стабилизация», т. е. приведение внутреннего спроса и предложения в равновесие, ликвидация как товарного, так и бюджетного дефицита, были начаты без четкого представления о том, что же будет с рублевой зоной, как мы сможем контролировать кредитную эмиссию других государств бывшего СССР, как будет вести себя Центральный банк России. Ведь если вне контроля из Москвы оставалась выдача рублевых кредитов республиканскими банками, если рублевая наличность из этих республик устремлялась потоком на территорию России, то ни о какой макроэкономической стабилизации всерьез нельзя было говорить»¹.

Ему вторил академик Н. Петраков, указывавший, что налоговый пресс давит на промышленность, что в тех условиях, когда налог с прибыли составляет 32%, с добавленной стоимости — 28%, и к нему добавлены 39% на фонд заработной платы, налог на капитальные вложения и т. д., промышленность не в состоянии сколько-нибудь нормально существовать, в особенности тогда, когда появляются новые частные предприятия.

Падение промышленного производства и, как следствие, закрытие промышленных предприятий, безработица, снижение уровня жизни, утрата ряда высоких технологий, неопределенное состояние офицерского корпуса еще вчера могучей Советской Армии, рассыпавшейся по ставшим независимыми республикам, — все это создавало качественно новое состояние политической обстановки в стране.

¹ Богомолов О. Т. Моя летопись переходного периода. М., 2000. С. 154.

Очерк 2

ПРЕЗИДЕНТ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: КТО КОГО?

Политико-конституционный кризис 1992—1993 гг.

«Дело КПСС». — Президент и Верховный Совет: по пути конфликта. — VII Съезд: первая схватка. — Второе действие. Несостоявшийся импичмент. — Как принять Конституцию. — Третье действие. — Утечка. — Указ 1400. — Последний съезд Советов. — Опасное затишье. — Оружие в Белом доме и «третья сила». — Кровь. — «Реформы сверху». — Выборы в Федеральное собрание. — Новая Конституция России.

«Дело КПСС». Напомню, что 23 августа 1991 г. на заседании Верховного Совета РСФСР, в присутствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Президента СССР Горбачева Ельцин подписал указ «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР»¹. В указе сообщалось, что «действующая на территории РСФСР и не зарегистрированная в установленном порядке Коммунистическая партия РСФСР поддержала так называемый Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР органы Компартии РСФСР в республиках, краях и областях неоднократно вопреки Конституции РСФСР вмешивались в судебную деятельность». Министерству внутренних дел предписывалось «провести расследование фактов антиконституционной деятельности органов Коммунистической партии РСФСР. Соответствующие материалы направить на рассмотрение судебных органов... до окончательного разрешения в судебном порядке вопроса о неконституционности действий Компартии РСФСР приостановить деятельность органов и организаций Коммунистической партии РСФСР».

¹ Российская газета. 1991 24 августа.

Там же содержалась примечательная формулировка: «До окончательного разрешения в судебном порядке вопроса о неконституционности действий Компартии РСФСР остановить деятельность органов и организаций Коммунистической партии РСФСР». Указ предписывал МВД и прокуратуре провести расследование антиконституционной деятельности партии, обеспечить сохранность ее средств, а Центральному банку обеспечить приостановление до особого распоряжения операций по расходованию средств со счетов партии.

На следующий день — в субботу 24 августа — был опубликован указ Президента России — № 83 — «О партийных архивах». В нем сообщалось:

«В связи с тем, что КПСС была частью государственного аппарата, образовавшиеся в ее деятельности документы подлежат государственному хранению...» Уже в этом документе содержалось принципиально важное положение, ставшее частью политики президента по отношению к компартии, — «КПСС была частью государственного аппарата».

Национализация архивов партии и зданий, в которых они находились, стала началом национализации имущества КПСС, находившегося на территории России.

25 августа 1991 г. был принят очередной указ — «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР»¹. В нем президент объявил государственной собственностью все имущество, принадлежавшее КПСС и КП РСФСР, включая денежные средства в банках и иных учреждениях, расположенных в РСФСР и за границей.

Накануне очередной годовщины Октябрьской революции был издан указ от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР». В нем сообщалось: «События 19—21 августа высветили со всей очевидностью тот факт, что КПСС никогда не была партией. Это был особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямым подчинением КПСС. Руководящие структуры КПСС осуществляли свою собственную диктатуру, создавали за государственный счет имущественную основу для неограниченной власти... Деятельность этих структур носила явный антинародный, антиконституционный характер, была прямо связана с разжиганием среди народов страны религиозной, социальной и национальной розни, посягательством на основополагающие, признанные всем международным сообществом права и свободы человека и гражданина».

¹ Российская газета. 1991. 25 августа.

В указе была проведена четкая грань между рядовыми коммунистами и центральным аппаратом КПСС. «Недопустимы попытки шельмовать миллионы рядовых членов партии, не имевших отношения к произволу и насилиям, творившимся от их имени, вводить запреты на профессии. Но столь же недопустимы попытки реанимировать гигантский механизм коммунистической партийной машины и дать ему возможность подмять под себя ростки российской демократии».

Указ предписывал:

«1. Прекратить на территории РСФСР деятельность КПСС, КП РСФСР, а их организационные структуры распустить...

3. Имущество КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР передать в собственность государства. Совету Министров РСФСР обеспечить передачу и принятие в ведение органов государственного управления РСФСР и республик в составе РСФСР имущества КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР»¹.

Исторический парадокс ситуации состоял в том, что формальный запрет КПСС на территории России произошел тогда, когда в Верховном Совете РСФСР и среди депутатов съезда существовала многочисленная фракция — «Коммунисты России». Ее влияние в первые месяцы после провала путча было ничтожно. Но эта ситуация не могла сохраняться сколько-нибудь долго, тем более что впереди страну ждали реформы и неизбежное обострение социально-политической обстановки. Опасность указов президента для коммунистической оппозиции состояла и в том, что, в случае сохранения их правомочности, уничтожалась основа для воссоздания коммунистических партий в будущем.

Поэтому уже в декабре 1991 г. ряд крупных функционеров компартии РСФСР начали готовить запрос в Конституционный суд о правомерности указов президента от 23 и 25 августа и 6 ноября 1991 г.² Этот запрос был принят Конституционным судом, тем более что возможность судебного рассмотрения вопроса о правомочности существования КПСС была предусмотрена Указом Президента от 24 августа 1991 г. 12 мая 1992 г. народный депутат, один из лидеров социал-демократической партии О. Г. Румянцев обратился в Конституционный суд с ходатайством о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. 25 мая это ходатайство поддержала группа депутатов России.

¹ Российская газета. 1991. 7 ноября.

² Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном суде. М., 1998

К рассмотрению этого процесса готовилась и президентская сторона. Летом 1992 г. Государственной архивной службе было поручено выявить для представителей президента в Конституционном суде документы, которые могут служить доказательной базой для защиты указа Президента от 6 ноября 1991 г.¹

26 мая 1992 г. начался процесс по «делу КПСС», как его окрестила пресса.

Это был странный процесс. Вопрос о соответствии КПСС Конституции предстояло рассматривать по той самой Конституции РСФСР 1978 г., которая содержала в недавнем прошлом статью, провозглашавшую КПСС ядром политической системы. Конституционному суду, существовавшему менее года, не имевшему даже толком отработанного регламента, устоявшихся процедур, предстояло разобраться со сложнейшим вопросом, не имевшим прецедентов в отечественном судопроизводстве.

Полагаю, что президентская сторона допустила ошибку, по существу спровоцировала рассмотрение вопроса о КПСС не в суде общей юрисдикции, а в суде конституционном². Вместо того чтобы обсуждать в суде реальные события прошлого, которые могли бы иметь судебное развитие, дела, по которым нет срока давности, — бессудные расстрелы по указаниям высших руководителей ВКП(б) — КПСС, «раскулачивание» и ссылки зажиточных крестьян, репрессии по отношению к духовенству, представителям «классово чуждых» слоев населения, ввод войск в Афганистан без санкции Верховного Совета СССР, даже его Президиума, а на основании решения Политбюро, — вместо этих конкретных обвинений началось долгое и до конца неясное самим участникам процесса действие Конституционного суда.

Обилие политической риторики с каждой из сторон, стремление работать «на телевизионную картинку» часто подменяло юридическую аргументацию. А юридических проблем в таком процессе было немало.

Процесс начинается с абсурдного, с точки зрения обычного человека, но имевшего несомненный юридический смысл вопро-

¹ Опись части документов, выявленных для Конституционного суда, см.: Архивы Кремля и Старой площади. Документы по «делу КПСС»: Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу КПСС». Новосибирск, 1995 г.

² Для этого даже потребовалось в очередной раз, 21 апреля 1992 г., изменить Конституцию, включить в нее статью, наделявшую Конституционный суд правом рассматривать дела о конституционности партий.

са: кто уполномочен представлять КПСС и Компартию России? Юридически, после указов президента и роспуска структур КПСС, такого представителя в России вообще не могло быть. Сторонники КПСС из числа российских депутатов резонно утверждали, что только съезд или, на худой конец, пленум партии мог уполномочить представлять кому-либо интересы партии¹.

Кое-как решив вопрос о представительстве КПСС, перешли к следующему — что, собственно, может служить доказательной базой процесса. Сторонники Президента настаивали, что должна быть исследована вся история КПСС. Эта точка зрения была поддержана судьей Конституционного суда А. Л. Кононовым. Однако большинство судей склонились к мнению, что должны быть рассмотрены прежде всего последние годы деятельности партии. И здесь снова возникала проблема — как оценивать в Конституционном суде те события, которые произошли до принятия Конституции в той ее редакции, которая существовала к 1992 г. Элементарный юридический принцип — «закон обратной силы не имеет» — грозил подорвать весь ход процесса.

Становление юридических процедур, важных и уважаемых самих по себе, грозило вытеснить существо вопроса — подменял ли аппарат КПСС деятельность органов государственной власти, ответственен ли он за нарушение прав человека, за массовые репрессии? Представитель президента в суде Шахрай приводил огромное количество документальных свидетельств этому. Председатель суда Зорькин, уставший от полемики с представителями КПСС о правомерности использования копий документов, решил проблему с радикальностью, достойной героя культурной революции, объявив документы «кумранскими рукописями»² и отказавшись на этом основании от их рассмотрения. Эта позиция вызвала поддержку «противной стороны», как не без удовольствия именовали своих процессуальных оппонентов представители президента.

Итоги процесса соответствовали его ходу. Конституционный суд принял решение, укладывавшееся в традиционную схему — «с одной стороны, с другой стороны...». В «Постановлении Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации...» сообщалось, что «принцип недопустимости обратной силы зако-

¹ Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном суде. С. 270—274.

² Рукописи, датируемые II в. до н. э. — II в. н. э., обнаруженные в окрестностях Мертвого моря.

на не имеет отношения к вопросу об изменении подсудности дела», отмечалось, что «рассматриваемые указы издавались Президентом Российской Федерации в условиях противоречивости и пробельности законодательного регулирования деятельности политических партий в Российской Федерации»¹.

Конституционный суд установил, что Коммунистическая партия РСФСР «создавалась как часть КПСС», что «КП РСФСР не имела своего устава и собственной программы» и поэтому «не могла помимо КПСС стать самостоятельным собственником имущества». В постановлении Конституционного суда приводились многочисленные факты деятельности руководства КПСС, в том числе и в последние годы ее существования, когда оно продолжало управлять страной, распоряжалось золотовалютными ресурсами, давало указания по изменениям в дипломатических ведомствах, руководило выводом советских войск из Венгрии и многими другими делами, несвойственными политическим партиям.

Одновременно с этим отмечалось, что «нельзя признать правомерным безоговорочное объявление государственной собственностью той части находившегося в управлении КПСС имущества, право собственности на которое принадлежало ей как общественному объединению (членские взносы, доходы от издательской деятельности), а равно той части указанного имущества, собственник которой был неизвестен».

Конституционный суд не без эlegantности ушел от опасного и политически острого вопроса о конституционности КПСС и Компартии РСФСР. «Поскольку... установлено, что уже в течение года ни КПСС, ни КП не существуют, постольку следует признать, что предмет ходатайства народных депутатов Российской Федерации о признании неконституционности КПСС отсутствует».

Эта находка юридического (?) свойства привела к конкретным политическим следствиям — буквально через неделю после оглашения решения Конституционного суда началось воссоздание Компартии России.

Процесс, продолжавшийся полгода, ежедневно освещавшийся в прессе, закончился неясно и невнятно. Создавалось впечатление, что суд стремился сохранить лояльность и президенту, и Верховному Совету, где коммунистическая фракция заметно усиливалась. Этот незатейливый политический смысл был облечен в юридические формулировки. Конституционный суд подтвердил законность основных

¹ Цит. по: *Рудинский Ф. М.* «Дело КПСС» в Конституционном суде. С 476—491.

положений президентских указов, узаконил прошлое, но отнюдь не закрыл путь для возрождения компартии. Пожалуй, наиболее показательной стала оценка, данная постановлению Конституционного суда журналистом С. Пархоменко. Он писал: «Перед нами в ком. деле образец политического баланса, редчайшего по мастерству... Баланс этот — именно политического, а не юридического свойства»¹.

Постановление Конституционного суда, принятое 30 ноября 1992 г., стало индикатором хрупкого и непрочного равновесия между противостоявшими политическими силами в руководстве страны.

Президент и Верховный Совет: по пути конфликта. В октябре 1991 г. на V съезде народных депутатов России Ельцин заявил о необходимости начать радикальную экономическую реформу. Для этого он запросил у съезда право издавать указы, которые становились законами, если Верховный Совет в течение недели не оспаривал их. Съезд предоставил эти полномочия президенту на год — до декабря 1992 г. Год исполнительная власть вторгалась (впрочем, с согласия съезда народных депутатов) в компетенцию власти законодательной.

Резкая критика деятельности правительства, готовившего и начавшего реформы, стала раздаваться уже в конце 1991 г. Однако в начале 1992 г. Председатель Верховного Совета Р. И. Хасбулатов, не упускавший случая «поправить» правительство, решительно отмежевывался от критики самого Президента. «Если у меня появится соблазн критиковать Президента, я лучше уйду из парламента», — заявлял он в начале 1992 г.² Тогда же, в начале 1992 г., Хасбулатов призывал принять новую Конституцию. Ту, прежнюю, он оценивал очень критически. «Мы живем в условиях отсутствия Конституции. Российская Конституция, которую мы сейчас имеем, даже при том, что в нее внесены существеннейшие поправки, — это Конституция республики, входившей в единое советское социалистическое государство, которое распалось. ...Хотелось, чтобы на съезде, который планируем провести не позже апреля, была бы принята новая Конституция самостоятельного Российского государства»³.

На очередном, VI съезде, в апреле 1992 г., главной темой стала не Конституция, а отношение к правительству. Шел четвертый месяц радикальной реформы, цены взлетели резко вверх, поэтому критика Гайдара стала политически выгодной. Депутаты страстно

¹ Независимая газета. 1992. 1 декабря.

² Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. М., 1994. С. 120.

³ Там же. С. 118—120.

обвиняли «монетаристов», разоривших, продавших и погубивших Россию... Председатель Верховного Совета Р. И. Хасбулатов открыто говорил о том, что Верховный Совет «в некотором смысле возглавил течение, оппозиционное осуществлению экономических реформ». Особенностью политической борьбы на этом этапе — в 1992 г. — было то, что основным объектом критики было правительство и его вице-премьеры — Е. Т. Гайдар, Г. Э. Бурбулис, М. Н. Полторанин. В числе решительных критиков правительства был вице-президент А. В. Руцкой. Однако и он, и Председатель Верховного Совета Р. И. Хасбулатов «выводили из-под критики» самого президента. В свою очередь, Б. Н. Ельцин решительно встал на съезде в защиту «правительства реформ»¹.

В атмосфере съезда навис вопрос о выражении недоверия Правительству. Первый вице-премьер правительства Гайдар в свою очередь пригрозил съезду, что в этих условиях правительство в полном составе готово уйти в отставку². Это решение ставило съезд в тяжелое положение, так как ответственность за дальнейшее проведение реформы в этом случае возлагалась на съезд и Верховный Совет.

15 апреля в ответ на ультиматум Гайдара съезд принял Декларацию о поддержке экономических реформ. Тогда, в апреле 1992 г., кризис был притушен. Лидеры депутатских фракций предпочли договориться с президентом и правительством.

Важнейшим событием VI съезда стала ратификация 10 апреля 1992 г. Федеративного договора, подписанного несколькими днями ранее — 31 марта. Федеративный договор, по словам президента Ельцина, должен был «отвести угрозу распада, которая нависла над нашей Родиной». Он регулировал отношения между центром, республиками и регионами России, закладывал основы российского федерализма. Съезд придал Федеративному договору статус неотъемлемой части Конституции России. Утверждение Федеративного договора — важнейшего документа, обеспечившего сохранение единства России в сложные 1990-е гг., — стало, пожалуй, последней совместной акцией съезда и Верховного Совета, с одной стороны, и президента — с другой. Этот документ должен был стать, по словам президента, составной частью будущей Конституции России.

В 1992 г. начинает меняться терминология власти. Р. И. Хасбулатов, Председатель Верховного Совета России, использует для обозначения высшего органа представительной власти слово

¹ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 340.

² Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М., 1996. С. 174—177

«парламент»¹. Отныне сторонники Верховного Совета именно так и будут называть этот орган власти. Одновременно и параллельно этому затихает активность съезда и Верховного Совета по принятию новой Конституции. Съезд пошел по другому пути. Он провел огромное количество изменений текста старой советской Конституции образца 1978 г. За 1990—1992 гг. в текст Конституции было внесено около 300 изменений. Старая Конституция была тем и хороша, что, будучи советской, она предполагала наделение Советов всех уровней рядом функций исполнительной власти и, главное, декларировала тезис «Вся власть Советам!».

В свою очередь, представители исполнительной власти настаивали на принятии новой Конституции, отказе от Советов как формы власти. Учитывая, что большинство съезда было против добровольного роспуска Советов, то в общественное мнение внедрялась идея проведения всероссийского референдума о судьбе Советов и принятии новой Конституции. 16 октября 1992 г. госсекретарь Российской Федерации Г. Э. Бурбулис, министр иностранных дел А. В. Козырев, министр госимущества А. Б. Чубайс, министр печати М. Н. Полторанин и первый заместитель Председателя Верховного Совета С. А. Филатов заявили иностранным журналистам о том, что Верховный Совет во главе с Хасбулатовым готовится захватить власть в стране.

Хасбулатов протестовал: «Муссирующая возможность «разогнать» съезд через объявление всероссийского референдума имеет формальный характер и в правовом смысле опять-таки связана с решениями съезда или Верховного Совета... Других легальных источников силы для ликвидации съезда нет, если не иметь в виду какие-либо попытки «узаконить» различные сценарии переворота по модели ГКЧП»².

В мае 1992 г. газета «Известия», ссылаясь на «компетентные источники», сообщила, что президент Ельцин принял решение о проведении референдума. 14 мая на съезде Российского движения демократических реформ ряд выступавших обвинили Советы в том, что они стали тормозом на пути реформ, что необходима борьба с Советами и порожденным им двоевластием. Г. Х. Попов, выступая на этом съезде, утверждал, что такое отношение к Советам разделяет и президент Ельцин.

¹ Хасбулатов Р. И. Парламент в треугольнике власти // Правда. 1992. 14 июля.

² Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 183.

Однако президент был осторожнее, не собирался действовать «по подсказке», демонстрировал стремление остаться «над схваткой», или, по крайней мере, не торопился что-либо предпринимать. Сложность положения Ельцина состояла в том, что на этот раз ему противостояли «свои». Тот самый съезд и Верховный Совет, которыми он руководил в 1990—1991 гг., депутаты, значительная часть которых была вместе с ним в тяжелые дни августа 1991 г. Накануне съезда народных депутатов Ельцин заявлял: «России нужна передышка от совершенно бесплодной политической конфронтации. Нужно политическое перемирие на стабилизационный период, который должен составить год-полтора. ...Необходимо четкое разграничение их функций, полномочий и ответственности за последствия принимаемых решений». Президент заявлял, что «ни на какую отмену конституционных органов власти он не пойдет»¹.

Менялась и расстановка сил в Верховном Совете. Многие активные сторонники президента ушли оттуда и пополнили президентские структуры власти. Менялось и руководство Верховного Совета. Оттуда последовательно ушли заместители Хасбулатова — сторонники президента С. А. Филатов, В. Ф. Шумейко, Ю. Яров. Их заменили сторонники компартии Ю. Воронин, В. Сыроватко.

Внутри Верховного Совета стала формироваться открытая и радикальная оппозиция президенту, которая начала применять не только «парламентские» методы борьбы, но и стала призывать к прямому неповиновению власти. Лидерами объединенной оппозиции были депутаты С. Бабурин, Н. Павлов, В. Исаков, генералы А. Макашов и А. Стерлигов, лидер российских коммунистов Г. Зюганов.

Объединенная оппозиция требовала:

- отставки правительства Ельцина — Гайдара;
- отказа президента от дополнительных полномочий и всякого вмешательства в экономику;
- формирование правительства народного доверия, которому будут предоставлены чрезвычайные полномочия для выведения народного хозяйства из кризиса².

Лидеры объединенной оппозиции заявляли в конце июня 1992 г.: «Режим Ельцина в нынешнем его виде доживает последние месяцы или даже недели. Чтобы спасти себя, он начинает менять декорации и выводить на поверхность новых, как бы не замаранных политиков... Б. Ельцин не может даже прибегнуть к чрезвычайным

¹ Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 199.

² Исаков В. Госпереворот. Парламентские дневники. 1992—1993. Екатеринбург, 1997

мерам, поскольку фактически не имеет поддержки армии и правоохранительных органов... Возможна попытка диктаторского переворота: разгон съезда, арест лидеров патриотического движения. Но это лишь ненадолго продлит агонию режима, которая уже началась». Они требовали созыва внеочередного съезда, на котором рассчитывали отправить правительство в отставку и объявить президенту импичмент. В 1992 г. Конституционный суд признал ряд указов президента неконституционными, что дало важный козырь в руки оппозиции — она стала говорить о возможности импичмента.

Тогда же в «Независимой газете» (от 17 и 18 августа 1992 г.) было опубликовано огромное интервью с все еще находившимся под арестом в Матросской Тишине бывшим Председателем Верховного Совета СССР и одним из идеологов путча Анатолием Лукьяновым, где он обосновывал необходимость легализации компартии и обрушивал резкую критику на курс реформ¹.

Действия объединенной оппозиции становились все более радикальными. В июне 1992 г. началось пикетирование государственного телевидения в Останкине, вокруг телецентра был создан палаточный городок, где тон задавали открытые и решительные противники президента. 24 октября 1992 г. состоялся учредительный конгресс Фронта национального спасения (ФНС), ставшего «ударной силой» оппозиции.

Руководство Верховного Совета уже заранее попыталось укрепить свои позиции в регионах страны. 2 ноября сессия Новосибирского областного Совета приняла рекомендацию VII съезду отменить дополнительные полномочия Президента РФ.

VII съезд: первая схватка. Первая открытая схватка за власть между Советами в лице съезда народных депутатов и президентом произошла на очередном, VII съезде, в декабре 1992 г. Хасбулатов, выступая 2 декабря, обвинил правительство в провале реформ, в спаде производства, обнищании населения, утрате управляемости.

Хасбулатов вынес на съезд новые поправки к Конституции. Согласно им правительство должно было быть подчинено съезду, затем — Верховному Совету и лишь потом — президенту. Съезд должен был получить право утверждать не только председателя правительства, но и всех его заместителей, «силовых» и ключевых министров². Исполнительная власть оказывалась под полным контролем Советов.

¹ Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2001. С. 222.

² Филатов С. А. Совершенно несекретно. М., 2000. С. 206—207.

Президент, выступив на съезде 4 декабря 1992 г., попытался переломить ситуацию. Прежде ему почти всегда удавалось добиваться поддержки большинства депутатов. Но на этот раз не удалось. Депутаты пошли не за Ельциным, а за Хасбулатовым. Это было серьезное политическое поражение Президента.

Пресс-секретарю президента В. В. Костикову поступило устное поручение подготовить «максимально жесткое» обращение президента «К гражданам России». В проекте этого обращения говорилось: «Превратившись исключительно в трибуну разрушительной критики, неспособный на созидательную работу, съезд сам снял с себя всяческую ответственность за судьбы России и ее народа. Съезд изжил себя...»¹.

Тогда Ельцин не решился выступить с этим обращением. Сказалось сопротивление секретаря Совета безопасности Скокова, руководителя президентской администрации Петрова и министра безопасности Баранникова.

Но когда на съезде депутаты предприняли очередную антипрезидентскую акцию и объявили деятельность правительства неудовлетворительной, потребовали отставки Гайдара, утром 10 декабря Ельцин выступил на съезде с очень резким заявлением².

«Граждане России! — обращался к стране Ельцин, используя трибуну съезда. — Народные депутаты!

Развитие событий на Седьмом съезде народных депутатов заставляет меня обратиться напрямую к народу. Реформы, которые уже в течение года проводятся в России, находятся в серьезной опасности.

На съезде развернуто мощное наступление на курс, проводимый Президентом и Правительством... Цепь действий уже выстроена. Вот она.

Первое. Здесь, на Седьмом съезде, создать невыносимые условия для работы Правительства и Президента, практически деморализовать их.

Второе. Любой ценой внести в Конституцию поправки, которые наделяют Верховный Совет, ставший оплотом консервативных сил и реакции, огромными полномочиями и правами. Но по-прежнему оградить его от какой-либо ответственности. Взять права, но уйти от ответственности.

Третье. Заблокировать реформу, разрушить все позитивные процессы, не дать стабилизировать ситуацию.

¹ Эпоха Ельцина... С. 247.

² Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... С. 250—251.

И наконец, четвертое. Провести в апреле 1993 года VIII съезд народных депутатов, расправиться на нем и с Правительством, и с Президентом, и с реформами, и с демократией. Тем самым совершить крутой поворот назад. Таковы логика и последовательность действий, которые открыто обсуждаются частью депутатов в эти дни... Виню себя сегодня за то, что ради достижения политического согласия неоднократно шел на неоправданные уступки. В результате было потеряно время, а договоренности, как правило, нарушались...

Граждане России увидели, чем на самом деле заняты многие их избранники: одни и те же лица у микрофонов, одни и те же слова звучат с трибуны, вплоть до призывов к свержению. Стены этого зала покраснели от бесконечных оскорблений, площадной брани в адрес конкретных людей, от злости, грубости и развязности, от грязи, которая переполняет съезд, от болезненных амбиций несостоявшихся политиков, их драк. Это позор на весь мир.

Спикера защищал грудью только что созданный Фронт национального спасения. Конституция, или то, что с ней стало, превращает Верховный Совет, его руководство, Председателя в единовластных правителей России...

Доминирует позиция тех, кто привык командовать, не отвечая за результат, учить, многое просто не понимая, судить других, не замечая собственных ошибок. С таким съездом работать дальше стало невозможно. ...Это даже не путь назад, это путь в никуда. Обидно, что проводником этого обанкротившегося курса стал Председатель Верховного Совета России Хасбулатов. Съезд со всей очевидностью показал, насколько опасна не только диктатура исполнительная, но и диктатура законодательная власти...

Вижу поэтому выход из глубочайшего кризиса власти только в одном — во всенародном референдуме. Это самый демократичный, самый законный путь его преодоления...»¹

Ельцин призвал своих сторонников покинуть заседание съезда. Расчет был на то, что съезд покинет большинство депутатов, будет утрачен кворум и пройдет фактический роспуск съезда.

Реакция Хасбулатова была немедленной: «Уважаемые народные депутаты, — обратился он к Съезду, — заявление Президента считаю оскорбительным как в отношении Съезда, так и в отношении Председателя Верховного Совета. Поэтому я считаю для себя дальше невозможным выполнение обязанностей Председателя Верховного Совета, постольку поскольку мне нанесено оскорбле-

¹ Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 236—237

ние высшим должностным лицом государства. Я прошу принять мою отставку».

Своих бьют. Так это называется на языке улицы. Так оказалось и на съезде. Нажим Ельцина на депутатов съезда, тем более на ту его часть, которая считала себя независимой и демократической (в том числе и от президента), дал обратный результат. В зале осталось 715 депутатов. За президентом ушло всего около 150 человек. Кворум был сохранен (минимум для обеспечения кворума на съезде составлял 694 депутата). Это стало несомненным и обидным поражением президента и тех его сторонников, которые продумывали план его действий на съезде¹.

Президент уехал на автозавод имени Ленинского комсомола, где, обращаясь к рабочим, попросил как можно быстрее организовать и провести референдум. Однако там, на заводе, ему не удалось вызвать привычную в прошлом эмоциональную поддержку рабочих и служащих. Завод входил в тяжелый кризис, начались увольнения рабочих, зарплаты падали, а цены росли...

В политической атмосфере явно нависла угроза обвинения президента в том, что он, намереваясь распустить съезд, нарушает ряд статей Конституции. А это была дорога к импичменту.

После того как президент и его сторонники покинули зал заседания съезда, с его трибуны выступил вице-президент Руцкой. Он отмежевался от президента. Его выступление начиналось так: «Это обращение я адресую Президенту России Борису Николаевичу Ельцину».

Руцкой заявил, что «наше общество вступило в полосу глубочайшего уже и политического, и конституционного кризиса». Вице-президент напомнил, что «всемирно избраны Президент и вице-президент. Следовательно, мы все в равной степени несем ответственность за дела в государстве, за состояние общества, за положение в экономике». Отсюда несложно было сделать вывод о равенстве прав президента и его «вице». Более того, Руцкой утверждал, что «без гражданского согласия, без конструктивного взаимодействия всех ветвей власти России не преодолеть кризис. И вы видите, вместо того чтобы активно идти на взаимодействие с Верховным Советом, со съездом народных депутатов, политичес-

¹ Накануне этого голосования прошло еще одно — в поддержку Гайдара проголосовали свыше 460 депутатов. Расчет сторонников Президента, и прежде всего — С. А. Филатова, предлагавшего и планировавшего срыв съезда путем ликвидации необходимого кворума для его работы, строился на том, что с президентом уйдут из зала 400 депутатов. Этот расчет провалился. Пожалуй, именно тогда явственно обозначилась «проблема проблем» российских правых — неспособность договориться и объединиться.

кая кучка, которая прилипла к Президенту, разворачивала Верховный Совет, съезд, в том числе и Правительство, и Президента, в противоположные стороны. Я считаю, что разговоры в плане того, что эта кучка должна влиять на Президента или нет, надо заканчивать, эти люди давно должны нести уголовную ответственность».

Вот так! «Кучку» политических деятелей, «прилипших» к президенту, — под суд!

Дальше — больше. «Вместо поиска компромисса, активного взаимодействия в решении насущных проблем нашего государства мы практически зашли сначала в экономический кризис и тупик, а после сегодняшнего выступления Президента — и в политический тупик».

Тут уже виновата не пресловутая «кучка», а сам президент!

А что же Александр Владимирович Руцкой? Продолжу цитировать. «Я не буду скрывать, что просил Бориса Николаевича ровно 15 минут назад, я имею в виду — до его выступления, изменить это решение, отказаться от призыва к референдуму. ...Как вице-президент хочу однозначно заявить: для меня высший указ — Конституция, закон, съезд, российский народ»¹.

Наследник готов. Президент — против Конституции, его «вице» — за. Вице-президент готов отбросить приставку «вице».

Нарастивая политический успех, съезд вызвал на свое заседание министров внутренних дел — А. Ф. Дунаева, обороны — П. С. Грачева, безопасности — В. П. Баранникова, секретаря Совета безопасности Ю. В. Скокова и генерального прокурора В. Степанкова.

Те пришли и выступили. Они, подбирая слова, уверяли депутатов в своей верности Конституции. Они избегали прямых заявлений поддержки президенту. Сказывался приобретенный опыт августа 1991 г. Силовики демонстрировали верность Конституции и тому органу, который ее символизировал, — съезду народных депутатов.

В работу съезда вмешался председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин. В обстановке стремительно нараставшего конфликта он взял на себя роль посредника между Хасбулатовым и Ельциным. 11—12 декабря при участии Зорькина состоялись переговоры между Ельциным и Хасбулатовым. Итогом этих переговоров стал согласительный документ «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации». Согласно этим договоренностям на очередной съезд — но не позднее 11 апреля 1993 г. — должен быть вынесен проект новой Конституции. Съезд должен был отказаться от только что принятых поправок к Конституции, ставивших правительство под контроль съезда, а Ельцин должен

¹ Российская газета. 1992, 11 декабря.

был удовлетворить большинство депутатов и отправить в отставку Гайдара.

Новым премьер-министром 15 декабря 1992 г. был назначен В. С. Черномырдин, бывший член ЦК КПСС, министр газовой промышленности СССР, а затем — председатель концерна «Газпром».

Второе действие. Несостоявшийся импичмент. 1993 г. стал одним из самых трудных, бурных и динамичных. Главным событием в экономике стало продолжение первого этапа приватизации. В октябре 1992 г. начался один из важнейших, хотя и наиболее спорных процессов реформирования страны — приватизация государственной собственности. При дефиците государственного бюджета России, достигавшем 21% валового внутреннего продукта, угрозе банкротства страны государство было заинтересовано сократить бюджетные расходы. Приватизация создавала возможность «разделить бюджеты», отказаться от финансирования прежних государственных предприятий, поменявших собственника. Процесс приватизации создавал для этого экономическую и юридическую основу.

Подробнее на процессе приватизации я остановлюсь ниже. Здесь же замечу: ваучеры — приватизационные чеки стали инструментом концентрации капиталов, приватизации крупных промышленных предприятий, объектом скупки и спекулятивных операций. Многочисленные фонды, обещавшие дивиденды, обманули вкладчиков. И в случаях акционирования большинство акционеров не стали и не могли стать эффективными собственниками.

Между тем политические договоренности, достигнутые на VII съезде, жили своей непростой жизнью. 26 января 1993 г. Центральная комиссия Всероссийского референдума приняла постановление об образовании округов референдума. Было образовано 89 округов.

Попытка президента своим указом «О мерах по защите конституционного строя России» запретить Фронт национального спасения оказалась неудачной. «Фронтовики» обратились в Конституционный суд, и тот, с уже ставшими привычными оговорками, отклонил указ президента в главном — Фронт национального спасения был признан законным.

Политический кризис шел на фоне ускорявшейся инфляции. Новое правительство резко усилило инвестиции в промышленность и сельское хозяйство. Так как средств в казне не было, с новой силой заработал печатный станок. Следствием этого стал новый виток инфляции.

Острый политический кризис декабря 1992 г. не был разрешен — он оказался просто отсрочен.

Руслан Имранович Хасбулатов вскоре после съезда, к удовольствию депутатов Верховного Совета, отмежевался от недавних договоренностей с президентом, с обескураживавшей прямоотой сестуя: «бес попутал»...

Президент продолжал настаивать на проведении референдума. «Подготовка к референдуму сегодня — это своеобразная гарантия хода переговоров», — говорил Ельцин в своем интервью в «Известиях» 19 февраля 1993 г.

Ему возражал Хасбулатов. В тот день, когда «Известия» опубликовали интервью Ельцина, Председатель Верховного Совета, выступая в Новосибирске на совещании руководителей региональных органов власти, предупреждал: «Мы и без референдума сумели за предыдущий период ввести в действующую Конституцию такие поправки, которые делают Основной Закон реально демократическим: принцип частной собственности, разделение властей, общепризнанные в современном мире права человека. Обеспечили независимость судебно-правоохранительной системы — во всяком случае, ее конституционно провозгласили». Ответственность за кризис Хасбулатов перекладывал на исполнительную власть из-за ее «дуализма», то есть сочетания правительства и администрации президента. «Конституционный кризис стремятся создать те, — заявлял Хасбулатов, — кто оказался аутсайдером в политике из-за провала своей деятельности на разных уровнях власти... Именно они хотят себя выдвинуть в некий суперзаконодательный орган — учредительное собрание и конституционную ассамблею и опять оседлать власть неконституционными методами»¹.

Тема принятия новой Конституции ушла из выступлений лидеров съезда. Зачем нужна новая Конституция, если можно перекроить старую, советскую, «в духе времени»?

Руководство Верховного Совета усиливало свои позиции. Появлялась уверенность, что действия руководимого Хасбулатовым Верховного Совета в очередной раз будут поддержаны Конституционным судом. Ирония конституционной юриспруденции состояла в том, что «мерительный инструмент» — Конституция оказывалась безразмерной, а если точнее — точно того размера, который в данный момент был необходим съезду и Верховному Совету. Президент возражал, пытался протестовать. «Я не присягал Конституции с нынешними поправками», — заявлял Ельцин 2 марта 1993 г., однако эти заявления интерпретировались как «антиконституционные».

¹ Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 271—274.

Определилась роль Руцкого как оппонента, если не прямого противника президента. Бедствовавшие и деморализованные «силовые» структуры тоже не торопились демонстрировать верность президенту. Единственный реальный ресурс, который оставался тогда у президента, — это относительно высокий уровень его поддержки среди населения страны. Именно поэтому президент и настаивал на референдуме. Именно поэтому съезд и Верховный Совет противились референдуму. В окружении президента бродила шутка, что единственной «силовой» структурой Ельцина являлся его пресс-секретарь В. В. Костиков, яростно и язвительно отстаивавший позиции президента в бесчисленных конфликтах с руководством Верховного Совета.

После заявления Хасбулатова в Новосибирске пресс-секретарь Ельцина В. В. Костиков обвинил Председателя Верховного Совета в том, что тот «при каждом удобном случае... в нарочитой и все более вызывающей форме стремится вступить в личную конфронтацию с президентом, что ни в какой мере не согласуется ни с мерой его легитимности в сравнении с всенародно избранным Президентом, ни с политическим рейтингом председателя Верховного Совета в обществе. Создается впечатление, — продолжал Костиков, — что, «опровергая» на каждом шагу Президента, Р. И. Хасбулатов стремится набить себе цену в глазах самых крайних консервативных сил. При этом в политической игре спикера интересы России, стабильности, национального единения все более отходят на второй и третий план, уступая место эгоистическим интересам борьбы за личную власть»¹.

В свою очередь, Хасбулатов успешно привлек на свою сторону руководителей местных Советов. Накануне открытия VIII съезда, 6 марта 1993 г., было опубликовано заявление 73 руководителей Советов субъектов Федерации, фактически обвинивших президента в попытке нарушить Конституцию. Обращаясь к депутатам съезда, они заявляли:

«Экономическое и социальное положение России продолжает ухудшаться, финансы расстроены, страну захлестнула преступность, растут обнищание и массовое недовольство людей».

Руководители Советов угрожали, что «немедленно используют все законные способы для пресечения любых попыток нарушения Конституции Российской Федерации, от кого бы они ни исходили», предупреждали «о конституционной ответственности

¹ Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 271—274.

высших должностных лиц за нарушение Конституции, законов Российской Федерации, а равно и действия, провоцирующие это», что, «если референдум будет назначен по чьей-либо инициативе, но не состоится по причине неявки граждан... инициаторы референдума должны уйти в отставку (быть распушены)»¹.

Последнее замечание имело особый смысл. Местная власть могла реально влиять на выборы, могла, до известной степени, способствовать или ограничить явку избирателей на референдум. По сути, именно президенту, настаивавшему на референдуме, была адресована эта угроза — отставки из-за неявки на референдум.

Накануне съезда, 7 марта 1993 г., президент направил в Верховный Совет четыре вопроса, которые должны были быть вынесены на референдум:

«1. Согласны ли вы с тем, чтобы Российская Федерация была Президентской республикой?

2. Согласны ли вы с тем, чтобы высшим законодательным органом Российской Федерации был двухпалатный парламент?

3. Согласны ли вы с тем, что новая Конституция Российской Федерации должна быть принята Конституционным собранием, представляющим многонациональный народ Российской Федерации?

4. Согласны ли вы с тем, что каждый гражданин Российской Федерации вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей в качестве собственника?»

VIII съезд, начавший свою работу 10 марта 1993 г., проигнорировал предложения Президента. В повестку съезда были включены совсем другие вопросы:

«1. О постановлении съезда народных депутатов Российской Федерации от 12 декабря 1992 г. «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации».

2. О соблюдении Конституции (Основного Закона) Российской Федерации высшими органами государственной власти и должностными лицами.

3. Информация Совета Министров — Правительства Российской Федерации и Центрального банка России о ходе экономической реформы»².

Съезд шел по прописям Хасбулатова. Докладчик — Н. Г. Рябов, заместитель Председателя Верховного Совета, объявил, что договоренности, достигнутые на VII съезде в декабре 1992 г., были ошибкой; что уступки, сделанные президенту, были нарушением

¹ Исаков В. Госпереговоры. С. 266—267.

² Эпоха Ельцина... С. 277.

Конституции, что референдум не нужен, что-де в федеративных государствах референдумы вообще не проводятся (!).

Депутаты поддержали предложения Верховного Совета. На съезде, по существу, произошел конституционный переворот: в Конституцию были включены поправки, подготовленные еще VII съездом. Согласно этим поправкам правительство должно было быть подчинено съезду и Верховному Совету. Законодательная власть должна быть выражена в лице Советов.

Главная задача антиельцинской оппозиции заключалась в том, чтобы не допустить проведения референдума и отменить декабрьское постановление о соглашении, достигнутом на VII съезде. Ведь это сняло бы ограничения на использование поправок к Конституции, существенно урезающих полномочия президента. Для достижения этой стратегической цели в качестве отвлекающей мишени съезду был предложен второй вопрос. Формальным поводом для этого послужило послание Конституционного суда Российской Федерации Верховному Совету «О состоянии конституционной законности в Российской Федерации», полученное за несколько дней до съезда. Третий вопрос (к этому моменту правительство Черномырдина еще не проработало и трех месяцев) позволял внести раскол между Ельциным и премьер-министром¹.

Провалились попытки президента изменить повестку съезда, вернуться к обсуждению предложенной им повестки. Не были приняты поправки президента к проекту постановления о стабилизации конституционного положения. 13 марта 1993 г. VIII съезд завершил работу. В последний день депутаты запретили проводить референдум о доверии президенту и съезду. Издевательски прозвучало решение направить 20 млрд. рублей, предназначенных прежде для проведения референдума, на нужды социальной защиты и обустройства военнослужащих. Были нарушены старые договоренности, достигнутые в декабре 1992 г. Хасбулатовым и Ельциным при участии председателя Конституционного суда Зорькина. Поправки в Конституцию, подчинявшие правительство съезду и Верховному Совету, были введены в действие. Хасбулатов вчистую обыграл и обманул Ельцина.

Объективно соучастником обмана вместе с Хасбудатовым стал Зорькин. Иного и не могло быть. Если съезд мог изменять Конституцию несколько раз в год, то председатель Конституционного суда был обречен идти в фарватере Верховного Совета.

¹ Эпоха Ельцина... С. 294

Важнейшим политическим итогом этого скоростного съезда стало реальное подчинение всех ветвей власти в России — съезду и Верховному Совету. Русским политическим феноменом стало то, что кризис приобрел не столько конституционный характер, так как не было стабильного текста Конституции и, следовательно, не могло быть конституционного организованного политического процесса, сколько превращался в структурно-политический.

Его признаками становились попытки борющихся политических сил найти «островки легитимности». Сам факт выборов не являлся здесь серьезным аргументом — и Президент, и депутаты были избраны и равны в правах, хотя президентская сторона всячески подчеркивала общенародный характер президентских выборов.

В поисках легитимности Верховный Совет и съезд апеллировали к Конституции. Формально эта аргументация была почти безукоризненной. На стороне съезда был и закон, и обычай, прецедент, с особой ясностью проявившийся в событиях августа 1991 г., когда подавление путча шло под лозунгами восстановления поправленных путчистами конституционных норм.

Президент апеллировал к воле народов России как высшему аргументу. Инструментом выявления воли народов должен был стать референдум. Именно референдум должен был ответить: должна ли Россия стать президентской республикой? Должен ли сохраниться советский строй? Именно на референдуме, по мнению президента, общенародно должна была быть утверждена и новая Конституция. Так как Верховный Совет фактически отказался сотрудничать с президентом в деле подготовки новой Конституции¹, то эту работу должно было выполнить Конституционное совещание, созванное по инициативе президента.

Очевидно и то, что каждая из сторон, отстаивая свою законность, с большей или меньшей убедительностью опровергала законность другой стороны. Обе стороны явственно отказывались от компромиссов, поле для которых стремительно сокращалось.

Отмечу и еще одну, специфически российскую черту этого конфликта: он был, по крупному счету, внепартийным или, точнее, надпартийным. Своего рода маргинализация политического процесса воздействовала и на субъектов политического процесса, и на формы его разрешения. Политические партии играли в этом конфликте явно подчиненную роль. Раскол политически активных слоев российского общества прошел по линии отношения к

¹ Историческая ирония состояла в том, что именно президент был председателем Конституционной комиссии.

президенту и Верховному Совету. У каждой из этих сил были свои сторонники.

20 марта Ельцин обратился к гражданам России по двум каналам телевидения. Он говорил: «VIII съезд, по сути дела, стал генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры. Народ попросту хотят обмануть. Мы слышим ложь в постоянных клятвах верности Конституции, от съезда к съезду ее корежат и перекраивают в угоду собственным интересам, наносят удар за ударом по самой основе конституционного строя народовластия. ... Народу было высокомерно отказано в праве самому определять свою судьбу. ... Трагическим итогом съезда стало ослабление власти, ослабление России, разделение властей как принцип Конституции фактически ликвидируется. Сняты последние барьеры на пути всевластия съезда, Советов и парламента. Любое свое решение и съезд, и Верховный Совет объявляют законным и конституционным, их некому остановить, некому удержать от произвола.

Конституционный суд в этой критической ситуации до сих пор не занял принципиальной позиции. Расправа над основами конституционного строя проходит у него на глазах и пока не получает отпора».

Президент заявил, что «VIII съезд позволил руководству Верховного Совета фактически запустить маховик антиконституционного переворота». В этих условиях, по его словам, «Президент вынужден взять на себя ответственность за судьбу страны». Ельцин объявил о том что он «подписал Указ об особом порядке управления до преодоления кризиса власти. В соответствии с Указом на 25 апреля 1993 г. назначается голосование о доверии Президенту и вице-президенту Российской Федерации. Будут приняты особые указы и распоряжения по всему кругу вопросов его организации. Пошел на этот шаг потому, что меня избирал не съезд, не Верховный Совет, а народ, ему и решать — должен ли я дальше выполнять свои обязанности и кому руководить страной: президенту и вице-президенту или съезду народных депутатов»¹.

Не успела отзвучать в эфире телевидения запись выступления президента, как появилась информация, что программа передач будет нарушена. На экранах появились председатель Конституционного суда Зорькин, первый вице-спикер Верховного Совета Воронин², генеральный прокурор Степанков и вице-президент

¹ Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 306—309.

² Хасбулатова не было в эти часы в Москве. Он находился в Алма-Ате и вылетел в Москву в ночь с 20 на 21 марта. — См.: Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. М., 1994 Т. 1 С. 101—102.

Руцкой. Они публично осудили как антиконституционное заявление и указ президента, обвинили его в совершении государственного переворота¹.

Уже на следующий день, 21 марта 1993 г., Президиум Верховного Совета постановил созвать заседание Верховного Совета и принял Обращение «К гражданам Российской Федерации», которое направил субъектам Федерации. В тот же день собрался Верховный Совет и оценил Обращение президента к гражданам России как покушение на конституционные основы российской государственности, постановил обратиться в соответствии со статьей 74 Закона Российской Федерации «О Конституционном суде РСФСР» в Конституционный суд с запросом о проверке конституционности действий президента в связи с его Обращением от 20 марта 1993 г., а также к генеральному прокурору России с предложением рассмотреть вопрос об ответственности всех должностных лиц, принимавших участие в подготовке Обращения Президента Российской Федерации.

Хасбулатов, издевательски провоцируя президента, обозвал предложенный им особый порядок управления страной — опусом и объявил, что «случилось худшее: Президент, подталкиваемый своим окружением, избрал курс прямолинейной, грубой и жесткой конфронтации, разрыва с представительной и судебной ветвями власти, путь крайних мер, выводящий его из конституционно-правового пространства»².

Тогда же было принято решение о срочном созыве внеочередного — IX съезда народных депутатов.

Конституционный суд не заставил себя долго ждать — уже 22 марта 1993 г. он рассмотрел Обращение президента к гражданам России 20 марта 1993 г. и признал его неконституционным по многим пунктам³.

26 марта 1993 г. начал свою работу IX съезд. Его главной целью стала отставка (импичмент) президента на основании обвинения

¹ Позиция Руцкого и Воронина была понятна и логична. Они давали свою политическую оценку. Странной и, по меньшей мере, непрофессиональной была позиция Зорькина и Степанкова. Им, как юристам, полагалось дать юридическую оценку, для чего, как минимум, требовался официальный письменный текст обращения президента.

² Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. Т. 1. С. 102—103.

³ Хитрость президентской команды состояла в том, что указ президента, «озвученный» 20 марта, был опубликован только 24 марта 1993 г. Ряд пунктов, осужденных Конституционным судом, просто отсутствовал (был сознательно убран) из окончательного текста указа.

в совершении государственного переворота. Главным действующим лицом для предъявления обвинений и запуска процедуры импичмента становился председатель Конституционного суда. Зорькин, выступая на съезде, стал защищать решение Конституционного суда, обвинявшее президента. Он подчеркнул, что Конституционный суд свой вердикт вынес, и теперь вопрос об отрешении президента от должности за нарушение Конституции должен решать только съезд¹.

Попытки Ельцина пойти на частичные уступки, внести изменения в состав правительства, в социально-экономическую политику, при сохранении главного требования — проведения референдума только раззадорили оппозиционно настроенных депутатов, были оценены ими как проявление слабости президента. На Ельцине торопились отыграться за шок, испытанный «левыми» после подавления августовского путча 1991 г. Член фракции КПРФ Ю. М. Слободкин заявил, что «уже не один съезд занимается умиротворением Бориса Николаевича Ельцина. Но... нынешнего Президента нельзя умиротворить, что он не успокоится до тех пор, пока не установит личную диктатуру или не взберется еще раз на один танк». Ему вторил член политсовета Фронта национального спасения А. М. Тулеев: «После так называемого августовского путча, на съездах, сессиях Верховного Совета депутаты четырежды наделяли Ельцина чрезвычайными полномочиями, суперполномочиями... Для чего Президенту понадобилась диктатура? Для того, чтобы, невзирая на недовольство людей, не обращая внимания на падение жизненного уровня, развал экономики, невиданный разгул преступности и насилия, продолжать неверный экономический курс за счет обнищания основной массы населения...» Тулеев внес предложение отрешить президента от должности, используя для этого тайное голосование.

Для того чтобы отправить президента в отставку, требовалось, чтобы за отрешение проголосовали $\frac{3}{4}$ депутатов съезда. Одновременно Хасбулатов фактически спровоцировал вопрос о доверии к самому себе со стороны депутатов. Для отставки Председателя Верховного Совета должны были проголосовать $\frac{1}{2}$ депутатов + 1 голос. При внешней невыгодности такого расклада сил, своего рода «жертвенности» Хасбулатова, за этим шагом стоял точный политический расчет. Хасбулатов еще в декабре 1992 г. убедился, что его поддерживает большинство депутатов. В свою очередь, у него возникала эффективная возможность сравнить уровень поддержки Председателя Верхов-

¹ Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. Т. 1. С. 109.

ного Совета и президента в депутатском корпусе¹. Среди депутатов съезда появилась своего рода эйфория, уверенность в неизбежной победе, в своей способности управлять всеми и всегда.

Внезапная заминка возникла после того, как челябинский учитель истории, народный депутат А. Бароненко потребовал от народных депутатов отрешить Ю. М. Лужкова от должности мэра Москвы. Тогда на трибуну съезда поднялся Лужков и под телевизионными камерами за несколько минут стал не только и не столько хозяйственником, как он аттестовал себя раньше, а политической фигурой российского масштаба. Он, перебивая разбушевавшийся депутатский корпус, с уверенностью в своей силе и с нескрываемым ехидством объявил, что «ничего у вас (депутатов. — Р. П.) не получится. Мэр избран москвичами, и москвичи вправе это сделать, но, простите, не съезд».

Однако кульминацией съезда стали подготовка и проведение тайного голосования по вопросу об отрешении от должности президента и о доверии Председателю Верховного Совета поздним вечером 28 марта 1993 г. Телевидение транслировало обсуждение на съезде, подготовку кабин к голосованию, нагнеталось ожидание голосования и его итогов... На глазах у всей страны разыгрывались сцены, похожие на подготовку к публичной казни.

Президент, не собираясь становиться «агнцем на заклании» и не будучи уверен в благополучном исходе этой процедуры, был готов применить крайние меры. Начальник его службы безопасности А. В. Коржаков написал позже в своих мемуарах, что такие меры (силовой разгон съезда или арест — блокирование депутатов) были предусмотрены. В Кремле была подготовлена телестудия, откуда Ельцин смог бы объявить о роспуске съезда и проведении референдума.

Тогда, в марте, пронесло... Когда были подведены итоги голосования, то выяснилось, что против Ельцина, за его отрешение от власти проголосовали 617 депутатов. Противники Ельцина недобрали около 30 голосов. Ельцин остался президентом.

Против Хасбулатова проголосовали 268 депутатов. Хасбулатов остался Председателем Верховного Совета.

В Москве прошли демонстрации в поддержку президента.

Работа IX съезда продолжилась. Съезд объявил о проведении 25 апреля на всей территории России всенародного референдума

¹ Подробный анализ политической борьбы на IX съезде и «подковерную борьбу» вокруг съезда в изложении Р. И. Хасбулатова см.: *Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия*. Т. 1. С. 106—120; его политических оппонентов из числа помощников президента — см.: *Эпоха Ельцина...* С. 304—310.

по четырем вопросам. После долгих споров депутаты утвердили следующие:

1. Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?

3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?

4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Расчет был на то, что население страны ни при каких условиях не поддержит социально-экономический курс реформ, которые привели к очевидному понижению уровня жизни большинства населения страны. Вторая «мина замедленного действия» состояла в том, что досрочные выборы не были предусмотрены Конституцией. Отсюда возникала возможность политического маневра, уже опробованного несколько раз. Если большинство населения голосовало за досрочные выборы депутатов, то это мнение можно было бы проигнорировать как антиконституционное. Если за досрочные выборы президента, то это могло считаться выражением воли народа. Арбитром оставались все тот же съезд и Конституционный суд.

25 апреля состоялся референдум. Его результаты стали неожиданными для всех. В голосовании приняли участие 69 млн. человек, или 64,2% от всех, имевших право голоса. Политической сенсацией стала не только поддержка президента, но и одобрение его социально-экономического курса!

По итогам референдума, доверяли президенту 58,7%, не доверяли — 39,2%;

одобряли социально-экономическую политику президента и правительства 53%, не одобряли — 44,6%;

считали необходимым досрочные выборы президента 31,7%; досрочные выборы народных депутатов считали необходимыми 43,1% избирателей, принявших участие в референдуме.

Президент одержал победу, так как согласно принятому решению он получил поддержку больше половины участвовавших в опросе.

Не успели опубликовать данные референдума, как сразу начались споры об интерпретации его результатов. Президент и его сторонники оценивали его итоги как безусловную свою победу и свидетельство поддержки курса президента гражданами страны. Верховный Совет «отошел на заранее подготовленные позиции» и стал доказывать, что хотя президента и его политику поддержа-

ли, но эта поддержка была от числа проголосовавших, а не от всех избирателей, имевших право участвовать в выборах. Это было мошенничество. Даже Конституционный суд 21 апреля 1993 г. принял решение, что первый и второй вопросы референдума должны голосоваться простым большинством, то есть от числа проголосовавших. В. Б. Исаков, ставший упорным и последовательным противником президента, подсчитывал: «за» президента проголосовали только 37,7% избирателей от общего списка избирателей¹.

Общий вывод лидеров Верховного Совета — «конституционного большинства» президент на референдуме не получил, и поэтому все конституционные изменения могут осуществляться только через съезд.

А пока политическая оппозиция решила использовать внепарламентские формы борьбы. 1 мая 1993 г. состоялась многочисленная демонстрация под антипрезидентскими лозунгами. Ее участники под красными знаменами начали жестокую драку с милицией. Драка была спровоцирована организаторами демонстрации, которые, вместо отведенной для манифестации площади на Крымском Валу, около Дома художников, направили людей по Ленинскому проспекту. На площади Гагарина начались жестокие стычки с милицией. Было много раненых, горели милицейские машины.

Вечером Белый дом был окружен сторонниками парламента, вооруженными палками, арматурой. Около здания стояли армейские или милицейские «Уралы» с пустыми кабинами и проколотыми шинами. И. В. Константинов, член Верховного Совета и председатель Исполкома Фронта национального спасения, прямо призвал своих сторонников к уличной борьбе с властью. «Ситуация сейчас такова, что силовые методы ее разрешения стали просто неизбежны». «Представительные органы власти защищать выйдут дружины непримиримой оппозиции и народное ополчение. Они выйдут не потому, что очень любят съезд или Хасбулатова; просто в этот момент центр борьбы против ельцинского режима будет находиться у Белого дома»².

События 1 мая 1993 г. объективно стали репетицией применения силовых действий для Верховного Совета — путем использования

¹ Исаков В. Госпереговоры. Парламентские дневники. 1992—1993. Екатеринбург, 1997. С. 329.

² Константинов И. На насилие народ ответит силой // Народная правда. 1993. № 19. Замечу: или за его словами стоял точный политический прогноз, или уже начавшееся планирование скорого конфликта. Последнее вполне вероятно.

своих сторонников в качестве инструмента непарламентского давления на власть, для власти — как необходимость применять милицию, «силовые» структуры для подавления политических противников.

Как принять Конституцию. Эти события также свидетельствовали, что итоги референдума не привели к ослаблению политического напряжения в стране. Внешним, формальным в точном смысле этого слова, выражением кризиса стал кризис конституционный. Завязанные в плотный узел и перепутанные «ветви власти» надо было распутывать или отсекал. Первый вариант был явно предпочтительнее. 30 апреля в «Известиях» был опубликован президентский проект Конституции.

В этих условиях был вынужден активизироваться и Верховный Совет, также вспомнивший о необходимости принятия новой Конституции. Это предстояло сделать 17 ноября 1993 г., на очередном съезде народных депутатов.

Разница между президентским и парламентским вариантами касалась двух основных вопросов. Во-первых, должна ли Россия быть республикой по преимуществу президентской (как следовало из проекта президента) или парламентской (как следовало из проекта Верховного Совета). Во-вторых, решительно отличались процедуры принятия новой Конституции. У президента она должна быть доработана на Конституционном совещании, вынесена и утверждена на референдуме. По проекту Верховного Совета Конституцию должен был принимать прежде всего съезд, и только с его согласия можно было провести референдум о принятии новой Конституции.

20 мая 1993 г. президент издал указ о созыве Конституционного совещания для выработки окончательного варианта Конституции. Участники Конституционного совещания — это члены Конституционной комиссии Верховного Совета, представители от каждой депутатской фракции, 50 представителей, назначенных президентом и правительством, представители органов власти субъектов Федерации, а также 250 представителей местного самоуправления, политических партий, религиозных конфессий, профсоюзов и т. д. В этом принципе комплектования, напоминавшем отбор народных депутатов СССР, заметна та же тенденция — сделать Конституционное совещание управляемым со стороны президента.

Президент и не скрывал этого. На выступлении в Кремле перед Советом глав администраций краев, областей, автономных образований 28 мая 1993 г. президент объявил, что «в июне работа над проектом новой Конституции вступит в финальную фазу». По его словам, «регламент Конституционного совещания будет жестко опреде-

лен распоряжением президента, оно не должно превратиться в подобие съезда или в политические дебаты». Было заявлено, как будет проходить Конституционное совещание. «На первом пленарном заседании планируется выступление Президента России, избрание председателя Конституционного совещания. ...Затем начнется работа в шести секциях, где будет отрабатываться окончательный текст проекта Конституции. ...Доверие на референдуме означает одобрение и этой работы». «Лично я убежден, что съезд, как бы меня ни уговаривали, не примет Конституцию», — добавил Президент России, отметив, что в ней нет места съезду¹.

Уже на следующий день — 29 мая — в «Советской России» Хасбулатов попытался парировать: он обвинил Ельцина в попытке «попробовать под шумок все-таки проташить диктаторскую Конституцию, практически разогнав и уничтожив представительную власть. К сожалению, в регионах не всегда понимают эту опасность. Даже руководители Советов иногда говорят: вы там конфликтуете, а мы здесь живем дружно... Не совсем представляют люди, что ни о каком конфликте и речи не может быть... Демократия и представительная власть — это практически синонимы», — утверждал Председатель Верховного Совета. Он угрожал: «Если будет накаляться обстановка, неизбежно начнется распад Российской Федерации, ее «балканизация»².

Дальше Хасбулатов решил сыграть «на поле противника», довести идею утверждения референдума до абсурда. Утверждая, что российское общество расколото на радикальное меньшинство, к которому он относил сторонников Ельцина, и большинство страны, которое ориентируется на социальные реформы (к большинству Хасбулатов отнес сторонников Верховного Совета и его варианта Конституции), и, наконец, на сторонников коммунистической и социалистической идеи, которые поддерживали проект Конституции, подготовленной КПРФ. «Почему бы нам не провести референдум по трем Конституциям? Это была бы классическая форма наиболее полной демократии в обществе», — вопрошал Хасбулатов³. Хасбулатов сразу же забыл свои собственные недавние утверждения об опасности референдума в федеративной стране. Он издевался над самой идеей референдума — голосовать по трем вариантам Конституции значило не одобрить ни один из этих вариантов, так как при голосовании такого рода голоса «растаскивались».

¹ Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 423—424

² Там же. С. 424—425.

³ Правда. 1993. 29 мая.

и получить поддержку большинства избирателей, внесенных в списки для голосования, просто не представлялось возможным.

Хасбулатов и дальше последовательно защищал идею — если референдум, то на него должны быть вынесены несколько вариантов Конституции¹.

5 июня 1993 г. в Кремле начало работу Конституционное совещание. Началось со скандала. Тогда, когда президент стал зачитывать свою речь перед участниками совещания, к трибуне, размахивая руками и выкрикивая, бросился депутат Слободкин. Шуплого депутата схватил охранник президента и вынес из зала. За Слободкиным, перебивая Ельцина, стал требовать немедленно предоставить себе слово Хасбулатов. Ельцин ответил ему, что выступление Председателя Верховного Совета запланировано на следующей неделе. Оскорбившийся Хасбулатов и его сторонники из депутатского корпуса покинули зал Конституционного совещания.

Президент продолжал свое выступление. «Нынешняя Конституция не является гарантом единства страны, стабильной, мирной и безопасной жизни ее граждан. Она не отвечает своему правовому предназначению. ...Конструкция власти в России по своей сути не изменилась, осталась прежней. В нее были встроены лишь отдельные, хотя и важные элементы.

В конце концов стало очевидно, что советский тип власти не поддается реформированию. Советы и демократия несовместимы.

В новой Конституции должен быть четко обрисован принципиально иной способ организации власти. ...В значительно большей степени, чем прежде, на всех уровнях — снизу доверху — проведен принцип народовластия. ...Впервые в истории России ни у одного института государства не будет возможности монополизировать власть. Полномочия Президента ограничены правом парламента отрешить его от должности по заключению высшей судебной инстанции и правом Конституционного суда отменять его акты. При этом полномочия Президента Российской Федерации строго ограничены сферой федеральной компетенции. Он не может вторгаться в права субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

Полномочия законодательного органа Российской Федерации ограничены правом президента в случае затянувшегося правительственного кризиса распустить парламент и назначить новые выборы. Полномочия парламента ограничиваются также Консти-

¹ Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 430—431.

туционным судом, который может признать неконституционными акты парламента.

И, наконец, парламент, как и Президент, не может произвольно вторгаться в права республик, краев и областей Российской Федерации.

Другими словами, устанавливается равновесие всех ветвей власти.

Вместе с тем в проекте содержится механизм, когда три власти — законодательная, исполнительная и судебная — действуют согласованно и поэтому существует единая государственная власть.

Президент — глава государства. Эффективное правительство. Профессиональный двухпалатный парламент. Никакого съезда¹.

Словесная дуэль между Ельциным и Хасбулатовым была продолжена в прессе, за стенами Конституционного совещания. Председатель Верховного Совета напомнил президенту, что тот был избран по советской Конституции. «Высказано положение: «Советы и демократия — несовместимы», — цитировал Хасбулатов Ельцина. — Других органов народовластия, представительной власти в стране нет. Поэтому здесь не только цинизм, но и простое непонимание принципов разделения власти, системы народовластия вообще, да и простое неуважение именно к тем, кто единственно вправе одобрить или не одобрить проекты Конституции, — к сессиям Советов субъектов Федерации».

Хасбулатов угрожал: «Таким образом, не случайно то, что некоторые субъекты Федерации уже принимают решение обратиться к съезду, Верховному Совету и Конституционному суду, обращая внимание на те положения доклада, которые вызывают сомнение с позиций конституционной законности»

12 июля 1993 г. работа Конституционного совещания была завершена. Проект президентской Конституции был исправлен и подготовлен.

Что дальше?

Вновь возникала политически патовая ситуация. Президентский вариант Конституции мог быть принят только вопреки Верховному Совету и съезду. Парламентский вариант Конституции мог быть принят только вопреки президенту. Мосты к компромиссу были подожжены с двух сторон. Конституционный кризис приобрел все признаки борьбы за власть, борьбы на взаимное уничтожение. Показательны в этом смысле сведения о совещаниях у президента летом 1993 г., участники которых стремились найти легитимные выходы из кризиса, но анализ ситуации приводил к неиз-

¹ Ельцин — Хасбулатов. Единство, компромисс, борьба. С. 431—438.

бежности столкновения в ближайшие месяцы¹. Об этом же свидетельствовали и проведенные президентом в конце июля отставки министра безопасности В. П. Баранникова и первого заместителя министра внутренних дел А. Ф. Дунаева, которых подозревали в связях с Верховным Советом², для того чтобы эти должности заняли более лояльные президенту люди.

Аналогичные процессы проходили и в руководстве Верховного Совета, где всячески раскручивался «коррупционный скандал», инициированный вице-президентом Руцким, рассказывавшим об «одинадцати чемоданах с компроматом» на высших чиновников страны. На этом основании Верховный Совет специальным решением от 24 июня 1993 г. отказался сотрудничать с Конституционным совещанием из-за обвинений некоторых его участников в коррупции. Обвинения в коррупции людей, близких к президенту, становились также средством политического давления на власть³, создавали условия для возможного импичмента Президента — уже по обвинениям уголовного характера.

Одновременно проходила своего рода мобилизация сил сторонников Верховного Совета, готовых силой, непарламентскими методами поддержать Белый дом. 24 июля состоялся 2-й конгресс Фронта национального спасения, уже проявивший себя в ходе майских беспорядков. Верховный Совет приостановил многие указы президента, остановил законодательные инициативы правительства.

Конфликт, как нарыв, нагрел.

Третье действие. 12 августа президент собрал в Петрозаводске Совет глав республик. Там же состоялась его встреча с представителями государственных телерадиокомпаний России и руководителями средств массовой информации. «Решительная политическая схватка в России наступит в сентябре, а август надо использо-

¹ Подробнее см.: Эпоха Ельцина... С. 345—348.

² Формальным основанием послужили подозрения их в коррупции. Баранникова также обвинили в небоеготовности пограничных войск, повлекшей за собой гибель 25 пограничников Московского погранотряда на таджикско-афганской границе. См.: *Ельцин Б. Н.* Записки президента. С. 333—337.

³ 22 июля Генпрокуратурой был произведен обыск в кабинете М. Н. Полторанина, руководителя Федерального информационного центра; 23 июля 1993 г. Верховный Совет РФ дал согласие на возбуждение уголовного дела против первого заместителя председателя правительства В. Ф. Шумейко в связи с обвинениями в причастности к коррупции.

вать для артподготовки, — заявил Ельцин. ...*Сентябрь будет месяцем сверхбоевым: предстоит решить коренной вопрос — вопрос о власти, то есть о Конституции, о выборах* (курсив мой. — Р. П.)».

В ответ на это заявление лидеры Российского общенародного союза, одной из наиболее радикальных группировок, входивших во Фронт национального спасения, уже 13 августа выступили с заявлением, что «режим стремится спровоцировать гражданскую войну», потребовали от Верховного Совета принять новые законы о телевидении и радиовещании, о средствах массовой информации¹

Верховный Совет принял ряд поправок к законам о средствах массовой информации, усиливавших контроль над телевидением В знак протеста министр печати М. Федотов подал в отставку.

1 сентября президент, воспользовавшись коррупционным скандалом, затеянным Руцким, и аналогичными обвинениями в адрес самого Руцкого, «временно отстранил» от исполнения обязанностей первого вице-премьера правительства В. Ф. Шумейко и заодно вице-президента Руцкого.

Так Руцкой, боевой офицер, Герой Советского Союза, пользовавшийся определенной поддержкой в армии и ставший с весны 1993 г. постоянным оппонентом и противником президента, был устранен от власти — от властных ресурсов, спецсвязи, многого того, что могла использовать оппозиция.

По словам самого президента, в начале сентября 1993 г. он поручил своему первому помощнику В. В. Илюшину начать подготовку указа о проведении Конституционной реформы и роспуске Верховного Совета и съезда народных депутатов². 12 сентября Ельцин провел совещание с «силовиками» — министрами обороны — Грачевым, внутренних дел — Ериным, исполняющим обязанности министра безопасности В. М. Голушко. На встречу был приглашен министр иностранных дел А. Н. Козырев. Ельцин «назвал дату объявления указа — 19 сентября, воскресенье. Предложил следующий схематичный план действий: «В 20.00 — телетрансляция моего обращения к народу. Части дивизии Дзержинского, которые к этому моменту должны быть в Москве, берут под контроль Белый дом. В выходной день он пуст, никаких проблем не должно возникнуть. Хасбулатов и Руцкой, видимо, делают какие-то заявления, созывают пресс-конференции на квартирах, но важно, что им негде собраться. Угроза городу исходила от Белого дома. Там горы оружия. Заняв Белый дом, мы ре-

¹ Современная политическая история России. 1985—1998 гг.: Хроника и аналитика. М., 1999. С. 256.

² Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 347—349

шаем несколько задач: лишаем распущенный Верховный Совет штаба, центра, который бы координировал все действия оппозиции, не даем возможности собраться распущенному съезду. Без Белого дома они превращаются в горстку крикунов»¹.

В тот же день Ельцин провел совещание с руководителями президентской спецслужбы — начальником Главного управления охраны М. И. Барсуковым и начальником Службы безопасности Президента Коржаковым².

13 августа Ельцин сообщил о своих планах премьер-министру Черномырдину и главе администрации президента Филатову. 15 августа с этим планом был ознакомлен Совет безопасности. Вся подготовка шла в режиме строжайшей секретности. Круг осведомленных лиц определялся самим президентом.

Утечка. Смею, однако, утверждать, что уже именно в этот день произошла утечка информации — сведения о готовившихся мерах поступили прямо Руцкому и, следовательно, Верховному Совету. Об этом свидетельствует любопытнейший документ — заготовленный текст выступления Руцкого на Верховном Совете. Этот документ никогда не публиковался. Он был обнаружен среди бумаг разгромленного Верховного Совета, поступил в Архив Президента и в фонд Верховного Совета России, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации.

Текст отпечатан на половинках листов бумаги, так, как печатались тексты выступлений высших руководителей. Отпечатан тщательно, без поправок, на девяти страничках. На последней, девятой — витиеватая роспись Руцкого и собственноручно проставленная дата — 17.09.93 г. Для того чтобы подготовить текст такого выступления, требовалось как минимум день-полтора. Следовательно, этот документ стал готовиться не позже 16 сентября.

Процитирую важнейшие разделы этого документа:

«Уважаемый Председатель!

Уважаемые депутаты!

Скажу откровенно, что свое нынешнее выступление я намеревался посвятить углубленной оценке политической и экономической обстановки в стране, тем последствиям для страны, которые вызваны безответственными действиями Президента и его ставленниками в Правительстве. *Однако, за последние дни ситуа-*

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 352.

² Там же. С. 353.

ция изменилась настолько, что сегодня приходится говорить о другом (выделено мной. — Р. П.).

Прежде всего я хочу заявить ясно и недвусмысленно, что, несмотря на противозаконный указ Президента и последовавшие за ним действия, я был и остаюсь вице-президентом России, продолжаю выполнять свой конституционный долг. Считаю необходимым это подчеркнуть, чтобы ни у кого не было сомнений в правомочности и дееспособности вице-президента Российской Федерации. ...

Главный смысл моего обращения сегодня состоит в том, чтобы прямо и открыто заявить вам, народные депутаты, гражданам России, мировому сообществу, что кремлевскими властями практически все подготовлено для введения так называемого «президентского правления», а по существу — режима диктатуры.

Обещанные Президентом артподготовка и «решительное наступление» не были оговорками. Спланированы комплексные мероприятия, цель которых — разогнать Верховный Совет Российской Федерации, выключить Советы всех уровней из системы государственной власти, полностью разрушить конституционную систему народовластия...

Как вице-президент России, я должен решительно и недвусмысленно предупредить об ответственности перед законом и Конституцией тех лиц, которые решились бы выступить против закона, против Конституции, а следовательно, и против народа.

Хочу верить и надеяться, что это мое обращение будет всеми воспринято с полной серьезностью. Я далек от того, чтобы драматизировать события, но мой долг вице-президента и гражданина России потребовал от меня именно таких оценок, именно таких слов. Надеюсь, что народные депутаты России, члены Верховного Совета Российской Федерации, партии, общественно-политические движения, народы России правильно поймут мою тревогу и поддержат мое обращение».

Процитированный мной текст выступления Руцкого подтверждает слова Ельцина из его мемуаров, что «Хасбулатову и Руцкому стало известно главное»¹.

Это заставляет искать ответ на вопрос: где произошла утечка?

Анализ текста Руцкого позволяет высказать ряд предположений. Прежде всего, он не был знаком с текстом проекта указа. У него не было конкретных сведений о содержании этого документа. Это, как говорят охотники, «стрельба на шорох». Именно поэтому в тексте содержатся опущенные мной пространственные самооправда-

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 355.

ния Руцкого, нет тех фактов, которые можно было бы использовать в полемике с президентом. Но было главное: и Руцкой, и Хасбулатов, и руководство Верховного Совета знали о скором указе президента, о его намерении разогнать Верховный Совет и съезд.

Уровень информированности Руцкого позволяет исключить ответственность за утечку с:

- сотрудников президента, готовивших проект указа;
- руководителей «силовиков», так как и им, как и сотрудникам президента, было известно гораздо больше, чем знал Руцкой.

Необходимо также учитывать крайнюю опасность для этих людей провала президентского плана. Для них это означало участие в антиконституционном заговоре (отмечу — по счету Верховного Совета — уже втором, если вспомнить о событиях в марте 1993 г.). Последствия просчитать нетрудно.

Тогда кто? Полагаю, что источником утечки был кто-то из участников заседания Совета безопасности 15 сентября, поводом для созыва которого был осетино-ингушский конфликт. Президент намекнул, дал понять участникам Совета о своих ближайших планах. Кто-то из участников этого, сравнительно широкого, совещания и проинформировал Руцкого.

Перенос сроков оглашения указа на 21 сентября окончательно подорвал режим секретности — утечки пошли, что называется, из всех дыр. В день объявления указа руководство Верховного Совета и журналисты ждали президента и его сторонников в Белом доме. Расчет на внезапность, на возможность распустить Верховный Совет «втихаря», провалился.

Итак, Верховный Совет был предупрежден и стал готовиться. Текст Руцкого явно был подготовлен к 19 сентября. Однако события стали развиваться несколько иначе, а если точнее — то в другие сроки, и заготовка Руцкого осталась невостребованной.

Уже 17 сентября руководители «силовых» ведомств поняли, что ситуация осложнилась, что расчет на неожиданность не оправдывается, и стали настаивать на переносе срока объявления указа, чтобы провести более основательную подготовку. После споров и обсуждений президент утвердил новую дату.

Указ 1400. В 20 часов 21 сентября 1993 г. на телевидении стали транслировать записанное заранее Обращение Президента, где сообщалось, что он издал Указ 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». В эти же минуты в кабинет Хасбулатова был доставлен текст президентского Указа.

В Указе сообщалось, что в стране сложилась «политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны», что Верховный Совет противодействует проведению реформ в стране, что не учитывается воля граждан страны, выраженная ими на референдуме 25 апреля 1993 г.

Съезд и Верховный Совет обвинялись в том, что они «предпринимают систематические и все более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но и даже судебную функции», в том, что «конституционная реформа в Российской Федерации практически свернута».

«В сложившихся условиях единственным, соответствующим принципу народовластия средством прекращения противостояния съезда, Верховного Совета, с одной стороны, Президента и Правительства — с другой, а также преодоления паралича государственной власти, являются выборы нового Парламента Российской Федерации».

Президентский Указ предписывал:

— конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 г. единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Рабочей группы Конституционной комиссии;

— ввести в действие Положение «О выборах депутатов Государственной думы», разработанное народными депутатами Российской Федерации и Конституционным совещанием;

— провести в соответствии с указанным Положением выборы в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации.

— назначить выборы в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации на 11—12 декабря 1993 г.

Указ предписывал «государственным органам и должностным лицам оказывать необходимое содействие избирательным комиссиям по выборам в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации» и пресекать «любые... действия, направленные на срыв выборов в Государственную Думу, от кого бы они ни исходили».

Там же, в Указе, сообщалось, что «заседания съезда народных депутатов... не созываются. Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекращаются». Исключение делалось только для тех депутатов, которые входили в состав Конституционной комиссии. Им разрешалось и далее продолжать работу в составе Комиссий».

Конституционному суду предлагалось не собирать свои заседания до начала работы двухпалатного Федерального собрания.

Стоило Указу Президента поступить в Верховный Совет, как там немедленно началась работа по противодействию. Немедленно было подготовлено заключение Юридического отдела Верховного Совета, в котором сообщалось о многочисленных нарушениях президентом норм Конституции. Приведу лишь один пример аргументации: Президент не может прервать полномочия депутатов, так как статья 103 Конституции Российской Федерации предусматривает право отзыва депутата его избирателями, а статья 109 Конституции Российской Федерации закрепила право досрочного прекращения полномочий депутата, решение по которому закреплено за Верховным Советом Российской Федерации.

Вывод Юридического отдела — «с момента обнародования Президентом Российской Федерации вышеупомянутого Указа его полномочия прекращены, а сам Указ следует признать не имеющим законной силы как противоречащий действующей Конституции Российской Федерации...

На основании статьи 121 Конституции Российской Федерации в случае невозможности дальнейшего осуществления Президентом Российской Федерации своих полномочий полномочия Президента Российской Федерации исполняет вице-президент Российской Федерации, к которому переходят все полномочия Президента Российской Федерации».

Юрист Верховного Совета утверждал: «В данном случае решения Конституционного суда Российской Федерации о прекращении полномочий Президента и перехода его полномочий к вице-президенту не требуется»¹.

Немедленно был подготовлен текст обращения Председателя Верховного Совета Российской Федерации Хасбулатова.

«...Я выступаю перед вами с обращением в очень тяжелые минуты для нашего Отечества. Только что вы слышали выступление Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина по телевидению. 10 минут тому назад я получил указ от Президента, в котором приводится тот же текст, с которым он выступил по телевидению.

Коротко говоря, речь идет о том, что эти многочисленные угрозы по свержению конституционного строя осуществлены в данном указе. Прекращена и ликвидирована в соответствии с Президентским указом деятельность съезда народных депутатов, как высшего органа власти в Российском государстве...

¹ Документ был подготовлен и подписан первым заместителем заведующего Юридическим отделом С. Володиным.

Прекращена деятельность Верховного Совета, и вся власть переходит в соответствии с указом в руки Президента, то есть это называется государственный переворот...

Поэтому я обращаюсь ко всем военнослужащим, ко всем работникам органов внутренних дел, милиции, органов безопасности, ко всем, кто имеет отношение к специальным службам, чтобы они не выполняли приказы, покоящиеся на незаконном указе Президента».

Обращение Хасбулатова заканчивалось призывом «к депутатам нашим, Российской Федерации, немедленно выезжайте, вылетайте в Москву. Мы проведем чрезвычайный съезд завтра. Поэтому как только вы уже узнали о выступлении Президента, сразу немедленно вылетайте в Москву».

Сразу же после этого собрался Президиум Верховного Совета. Президиум также подготовил обращение к гражданам России с обвинениями Президента в совершении государственного переворота, в том, что Ельцин, нарушивший Конституцию, должен быть отстранен от должности.

После этого оперативно был собран Верховный Совет. (Напомню, что все это происходило в течение двух-трех часов! Оперативность была очевидным следствием подготовленности.) В эти же часы срочно собрался Конституционный суд, который обвинил Ельцина в нарушении Конституции и предрешил его импичмент.

В здании Верховного Совета царил эйфория — Ельцин «подставился», его действия очевидно неконституционны, и поэтому его можно убрать. После того как председатель Конституционного суда Зорькин доставил заключение суда в Верховный Совет, тот принял постановление «Об исполнении полномочий Президента Российской Федерации вице-президентом Российской Федерации Руцким А. В.».

«В связи с прекращением полномочий Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на основании статьи 121-6 Конституции Российской Федерации — России, Верховный Совет Российской Федерации постановляет:

В соответствии со статьей 121-11 Конституции Российской Федерации — России полномочия Президента Российской Федерации с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 года исполняет вице-президент Российской Федерации Руцкой А. В.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатов.

Москва, Дом Советов России 22 сентября 1993 года № 5781-1».

Примечательна путаница в датах — документ был фактически принят ночью 21 сентября, а оформили его — 22 сентября, в спешке не обратив на это внимания.

Ночью с 21 на 22 сентября в здании «Дома Советов» были выключены правительственные телефоны. Был заблокирован автотранспорт Верховного Совета. На следующий день — 23 сентября — здание было обесточено. Погас свет, встали лифты.

22 сентября на заседании Верховного Совета был принят Закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», где было записано:

«Действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества или без таковой».

В дополнениях к УК РФ устанавливались суровые наказания для тех, кто противодействовал «предусмотренным законом органам государственной власти».

Закон был подписан «исполняющим полномочия Президента Российской Федерации А. В. Руцким».

В первый день кризиса определилась «демонстрационная модель» поведения президентской власти — попытка обойтись без широкого применения «силовых» структур, не включать в конфликт регионы страны, игнорировать и «не замечать» Верховный Совет, демонстрировать свою легитимность, ссылаясь на результаты референдума 25 апреля 1993 г., а также уверенность в высшей справедливости своего очевидно неконституционного действия. Одновременно с этим — использование методов «кнута и пряника» по отношению к депутатам: большие денежные выплаты депутатам, массовое привлечение их в структуры исполнительной власти и — начало блокирования здания Белого дома, отключение спецсвязи.

В ответ на это Верховный Совет стал последовательно и бескомпромиссно отрицать законность Указа Президента, стал применять, вместе с Конституционным судом, все возможные в его положении средства противодействия, сразу же стал вовлекать в конфликт региональных лидеров, и прежде всего руководство местных Советов, которые стали естественными союзниками Верховного Совета. Верховный Совет выступал перед общественностью как продолжатель традиций августа 1991 г.,

как борец с антиконституционными поползновениями исполнительной власти¹.

Уже на следующий день Верховный Совет сделал ряд важных шагов по пути создания собственной, независимой от Ельцина, структуры исполнительной власти в государстве. Следом за назначением Руцкого исполняющим обязанности президента 22 сентября Верховный Совет назначил новых «силовых» министров. Министром обороны стал генерал-полковник В. А. Ачалов, депутат Верховного Совета, министром безопасности — снятый Ельциным со своей должности генерал армии Баранников; министром внутренних дел — генерал-лейтенант Дунаев, незадолго до этого тоже снятый с должности первого заместителя МВД.

В тот же день полетели обращения «К личному составу Министерства обороны, Министерства безопасности и Министерства внутренних дел», в которых новые министры от Верховного Совета сообщали, что, «в соответствии с полномочиями, возложенными на нас исполняющим обязанности Президента Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации, обращаем внимание всего личного состава Министерства обороны, Министерства безопасности и Министерства внутренних дел Российской Федерации на необходимость строгого соблюдения конституционного долга, воинской присяги и приказов законно назначенных руководителей».

Под «законно назначенными руководителями» следовало понимать Ачалова, Баранникова и Дунаева, подписавших это обращение.

Нельзя не признать, что «обращение трех министров» было выдержано в спокойных тонах и не содержало прямых провоцирующих призывов.

Однако уже тогда в Верховном Совете определилась «третья сила», которая стремилась усугубить конфликт, перевести его в русло бунта, открытых столкновений. Уже 22 сентября там заработал некий «Комитет по защите народовластия и Конституции», выпускавший свои обращения, в которых говорилось, что «политические забастовки, демонстрации, митинги, пикеты, массовое гражданское неповиновение — вот наше оружие». 23 сентября сторонники Верховного Совета из «Союза офицеров» С. Н. Терехова и граждане из числа так называемых анпиловцев² открыли стрельбу

¹ См.: *Березовский В., Червяков В.* Осенний политический кризис. Сентябрьская и октябрьская фазы. 22 сентября — 5 октября 1993 года /, Свободная мысль. 1993. № 15.

² По имени лидера — В. И. Анпилова, председателя исполкома движения «Трудовая Россия», члена ЦК Российской коммунистической рабочей партии.

по штабу Объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Жертвой стрельбы стали милиционер и женщина, убитая шальной пулей.

23 сентября президент издал ряд важных документов, среди них — Указ «О социальных гарантиях для народных депутатов Российской Федерации созыва 1990—1995 гг.», по которому депутаты, уходившие в отставку, получали впредь годовое жалование, за ними закреплялись служебные квартиры и ряд других льгот. Президент объявил своим Указом, что 12 июня 1994 г. состоятся досрочные выборы президента.

Неприятной новостью для депутатов стали указы президента Ельцина о назначении Рябова, заместителя Председателя Верховного Совета, считавшегося сторонником Хасбулатова, председателем Центральной избирательной комиссии, а председателя Комитета Верховного Совета по обороне и безопасности — С. Степашина — первым заместителем министра безопасности.

Последний съезд Советов. В 10 часов вечера 23 сентября 1993 г. открылся внеочередной X съезд народных депутатов. Он шел нарочито рутинно, с перепалками между депутатами и руководством съезда — словом, так, как будто ничего не произошло, так, словно и не было Указа Президента о прекращении полномочия депутатов и запрещении съезда. Однако это был тот съезд, который всегда считал себя высшим органом власти в стране, и это соответствовало тогдашней Конституции. Именно на съезде должна была быть «отстроена» новая система власти.

Позволю себе весьма обширные цитаты из стенограммы съезда, во-первых, потому, что *это — последние страницы истории Советской власти*, а во-вторых, потому, что сколько-нибудь содержательные сведения о работе этого съезда, а тем более — его стенограмма никогда не публиковались.

Итак, съезд начал свою работу в зале заседаний Верховного Совета 23 сентября в 22 часа.

«*Бабичев В. С.*, Приютненский национально-территориальный избирательный округ. Республика Калмыкия.

Прошу всех народных депутатов, которые, преодолевая препятствия, приехали на этот съезд, ограничиться пока одним-единственным вопросом, который внес Верховный Совет. Все, что нужно будет, мы решим. Что, это конец света, что ли? Что, мы не можем все другие вопросы позже принять, что ли? Давайте двигаться вперед и работать динамично. (*Аплодисменты.*) Одни и те же уже третий год торчат у микрофонов, все время сбивают нормальную работу.

Председательствующий. Кто за это предложение? Ставлю на голосование. Кто против? Кто воздержался?

(Результаты голосования.)

Эти вопросы мы разработаем. Правы, наверное, коллеги, которые говорят, что надо начинать. Тогда начинаем, Юрий Михайлович?

Председательствует Первый заместитель Председателя Верховного Совета Российской Федерации Ю. М. Воронин.

Председательствующий. Уважаемые народные депутаты, вносится предложение проголосовать за повестку дня чрезвычайного съезда народных депутатов в целом. Кто за это предложение, прошу проголосовать. Кто против? Воздержался? Единогласно. Спасибо. Слово для доклада о политическом положении в Российской Федерации, в связи с совершенным государственным переворотом, представляется Председателю Верховного Совета Российской Федерации Хасбулатову Руслану Имрановичу. (*Аплодисменты.*)

Хасбулатов Р. И. Уважаемый председательствующий, уважаемые народные депутаты, уважаемый исполняющий обязанности Президента, уважаемый Конституционный Суд, уважаемые представители прессы!

Вечером 21 сентября Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин совершил государственный переворот. В его Указе «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», в Обращении к гражданам России, постановлениях Правительства по исполнению его решений объявляется о прекращении деятельности съезда народных депутатов и Верховного Совета, приостанавливается деятельность Конституционного Суда. Президент подчинил себе Генерального прокурора.

Другими словами, предпринята попытка ликвидировать полностью не только принципы и суть разделения властей, но и существующую законодательную власть. ... В результате переворота, по существу, провозглашена жестокая диктатура, отменено народовластие, введена политическая цензура на средства массовой информации. Здесь, в Верховном Совете, отключена связь, вводится ограничение с освещением. Произвольно изменено устройство государственной власти, его высших органов, парализовано на сегодняшний день управление страной».

Хасбулатов сообщил депутатам: «Как вы знаете, Верховный Совет мгновенно отреагировал на эти преступные решения. Уже в ночь с 21 на 22 сентября были приняты важные документы — постановление о немедленном прекращении полномочий Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина, об исполнении полномочий Президента вице-президентом Руцким

Александром Владимировичем, о созыве десятого чрезвычайного (внеочередного) съезда народных депутатов Российской Федерации, об отмене указов бывшего Президента Российской Федерации, связанных с этими действиями.

Заключение Конституционного Суда в связи с государственным переворотом укрепило правовую основу для деятельности Верховного Совета и Десятого, чрезвычайного съезда народных депутатов.

С этими и другими документами вы знакомы. Вам они розданы».

Дальше Хасбулатов пустился в объяснения причин появления Указа 1400. Он свел их к потоку обвинений в адрес президента и правительства за «развал страны, за резкое ухудшение жизни народа», за стремление «бросить людей в «дикий» рынок на произвол судьбы, лишив их всякой социальной защиты», за «предательство национальных интересов» и т. д.

Сушественно, что Хасбулатов ни слова не сказал о конституционном кризисе.

Председательствующий предоставил слово «исполняющему обязанности Президента» Руцкому. Текст его выступления, подготовленный под руководством его «правой руки», бывшего заместителя министра иностранных дел России, а затем — советника вице-президента А. В. Федорова, был исключительно резким. Руцкой жег все мосты, связывавшие его с Ельциным.

«Великий российский народ оказался в положении заложников ельцинского внутреннего и внешнего заговора...

Сегодня, сейчас мы обязаны своими решениями и действиями отбить охоту у Ельцина и ему подобным пренебрежительно относиться к закону и Конституции государства. Если не дать им по рукам сейчас, то завтра от демократического порыва людей в августе 1991 года останется дым воспоминаний.

...Мы ни при каких обстоятельствах не должны позволить чуждым силам совершить над Россией такое же насилие, какое было совершено над Советским Союзом. У многих из нас тревога за судьбу государства, за его будущее возникла уже давно. Экономические реформы Ельцина опрокинули все надежды. Политика псевдореформ, экономических авантюр выбила из-под ног людей основы жизни, ощущение собственной безопасности, надежды на будущее. Оказалась оскорбленной сама идея демократии. В результате мы имеем то, что имеем...

Докладываю Чрезвычайному съезду народных депутатов, что совместными усилиями Верховного Совета Российской Федерации, политических партий и движений нам удалось не дать одним махом разрушить систему народовластия в стране, ликвидировать

институт представительной власти, удалось не допустить, чтобы накал политической конфронтации, многократно усиленный противоправным указом Ельцина, вылился в прямое противостояние на улицах наших городов...

Сегодня уже ясно, что регионы в своем подавляющем большинстве не только не поддержали антиконституционные действия Кремля, но и осудили их. При этом российская глубинка проявила больше мудрости в понимании обстановки, чем псевдодемократические вожди. На местах единодушно высказались в пользу только одновременных выборов Президента и парламента, но ни в коем случае одного парламента или с опережением выборов — сначала парламента, а затем Президент...

Решительно заявляю, что всей силой доверенных мне полномочий буду противостоять любым попыткам развалить нашу Родину, навязать гражданам России горе и страдания. Вместе с тем призываю народных депутатов до конца понять и почувствовать свою ответственность за итоги съезда...

Что можно было бы предпринять уже сейчас? Мною дано поручение о подготовке указа о ежеквартальной индексации заработной платы. Намерен подписать такой указ в ближайшие дни. Считаю, что пора выполнить соответствующие решения съездов народных депутатов, которые были блокированы нынешним правительством и бывшим Президентом России».

Председательствующий: «Я ставлю на голосование постановление Верховного Совета Российской Федерации о прекращении полномочий Президента Российской Федерации Ельцина Бориса Николаевича. Кто за это предложение? Так. Кто против? Один, извиняюсь, два. Кто воздержался? Один. Спасибо.

Я ставлю на голосование постановление Верховного Совета Российской Федерации об исполнении полномочий Президента Российской Федерации вице-президентом Российской Федерации Руцким Александром Владимировичем. Кто за, прошу проголосовать. Так. Кто против? Два, да? Три. Кто воздержался? Три. Спасибо. Четыре. Все, решение принято».

Депутаты требовали, чтобы уже назначенные Верховным Советом «силовые» министры выступили и были утверждены на съезде. На этом настаивал, в частности, М. Б. Челноков, в недавнем прошлом — 1990—1991 гг. — яростный сторонник Ельцина. С 1992 г. он с неменьшим темпераментом превратился в его противника. «Уважаемые коллеги, — обращался он к съезду, — прежде всего я предлагаю сейчас же утвердить трех силовых министров. Это абсолютно необходимо».

Первым на съезде выступил Баранников. Он начал с шутки, напомнил, что съезд и Верховный Совет «одинадцать раз меня утверждали. Сегодня двенадцатый. По-моему, ни один министр не проходил такого утверждения». Продолжил он совсем не шуточно: «В августе 1991 года мы с вами в этом здании защищали первый раз демократию. Сегодня выступающие на съезде, да и я, с глубочайшей болью говорим о том, что мы вновь с вами в этом здании, но уже защищаем растоптанную Конституцию».

Дальше он стал говорить о своей будущей деятельности в качестве министра безопасности: «Исполняющим обязанности Президента мне поручено выполнять обязанности по организации безопасности в России. ...Я хотел бы съезду доложить: я уверен, что личный состав Министерства безопасности будет соблюдать только Конституцию и законы.

Хотел бы кратко доложить, что мы сделали совместно с министром обороны и исполняющим обязанности министра внутренних дел. Организовано свыше семи тысяч офицеров от капитанов до полковников, которые сегодня несут службу и в Белом доме, и вокруг него, созданы оперативные группы, в войсках работают, в министерствах работают. Проблема, конечно, есть в связи с тем, что распоряжение, переданное Генеральному прокурору для вручения бывшим министрам (министрам, подчинявшимся Президенту Ельцину. — *Р. П.*), пока не выполнено. Нам не удалось приступить к исполнению обязанностей непосредственно в министерствах. Я думаю, что это самое главное сегодня.

Работа в войсках наших военных контрразведчиков показывает, что войска очень негативно воспринимают тот процесс, который пошел в связи с Указом бывшего Президента.

Мы, три министра, приняли обращение к личным составам трех силовых министерств. ...Кроме того, распечатано значительное количество экземпляров обращения, которое направлено и в министерства силовые, и в войска, и в подразделения...»

Следующим выступал назначенный министром обороны Ачалов. У того были свои воспоминания. Он был одним из главных действующих лиц ГКЧП, но Верховный Совет не отдал своего коллегу под суд. «Я хочу поблагодарить Верховный Совет за доверие, — напомнил он съезду недавнее прошлое. — Сегодня мне Верховным Советом и исполняющим обязанности Президента доверена должность министра обороны...»

Должен вам доложить, что буквально в считанные часы личный состав Союза офицеров, различных патриотических организаций, в основном это офицеры Вооруженных Сил, Министерства

безопасности, внутренних дел, прибыли для защиты этого здания, для защиты депутатского корпуса.

Охрана и оборона сегодня организованы надежно. Сегодня здесь слышались возгласы, что много людей, обстановка вокруг здания не совсем благополучна — очень много работает оперативных работников Министерства внутренних дел. Мы имеем достаточно информированные источники, которые нас предупреждают о возможной опасности, но я не хочу сгущать краски и не хочу нагнетать напряженность, хочу доложить вам, что оборона здания и Верховного Совета организована надежно, мы имеем достаточные резервы, и самое главное, мы имеем мощную поддержку москвичей, которые четвертые сутки вместе с нами несут здесь боевую вахту».

Он сообщил, что направил в войска телеграмму о своем назначении, что к нему «приезжают посыльные, приезжают просто офицеры, которые говорят о верности конституционному строю и готовности к исполнению наших законов. Я хочу вам ответственно доложить, что моральный дух в войсках очень высокий, и если кто-то опасается, что Вооруженные Силы сегодня могут повернуть оружие против депутатского корпуса, против нас, сидящих в зале, то этого не произойдет. Люди сегодня в войсках грамотные, особенно офицерский корпус, научены волюнтаристскими решениями, на подобные глупости сегодня никто не пойдет».

Ачалов посетовал, что «ядерная кнопка» по-прежнему находится в руках «отрешенного Президента», и заявил, что «нет сегодня необходимости огораживать Белый дом танками, но тем не менее раз у людей, у народных депутатов такие опасения имеются, то, когда нужно будет, по нашему требованию, по нашему зову личный состав сюда придет целыми частями».

Когда слово было предоставлено Дунаеву, он начал с критики своего недавнего начальника. «Не последнюю роль в этом (в осуществлении Указа 1400. — *Р. П.*) сыграл и бывший министр внутренних дел Ерин Виктор Федорович. Хотя я могу заверить съезд, что подавляющее большинство личного состава органов внутренних дел относится к государственному перевороту отрицательно...

Решения Верховного Совета и исполняющего обязанности Президента Российской Федерации Александра Владимировича Руцкого доведены до руководящего состава МВД. Поддерживается связь с рядом руководителей региональных МВД, УВД. Принимаются меры по предотвращению использования личного состава Московского гарнизона милиции против народом избранной власти.

В настоящее время сложилась исключительно сложная обстановка. Я стою здесь у вас на съезде не под звуки победных фан-

фар. ...Ерин вчера послал в органы внутренних дел шифровку с требованием (прямо вот читаю вам это требование): «Не выполнять решения и указания Верховного Совета, исполняющего обязанности Президента России и его министра внутренних дел». ...Нет, господин Ерин. От правды сотрудников МВД не спрячете. Я обращаюсь к своим коллегам, сотрудникам органов внутренних дел: разберитесь, куда вас ведут. Не в малой степени судьба России зависит и от нас. Да и придется, видимо, отвечать и за бездействие сотрудникам органов внутренних дел, и тем более — если будут допущены противоправные действия».

Съезд утвердил «министров-силовики» в их должностях.

Однако уже тогда на съезде стали проявляться различные подходы к ситуации, складывавшейся и в Белом доме, и в стране. Депутат А. Р. Парамонов, представлявший Ногинский городской территориальный избирательный округ Московской области, выступая, заявил: «Снимать ответственность с Президента, конечно же, нельзя, но этим ограничиваться ни в коем случае нельзя. На мой взгляд, к тому, к чему мы сегодня пришли, привела система, система политической власти, система органов высшей государственной власти и управления Российской Федерации, в том числе система судебных органов власти. ...Если вы вспомните съезды, которые у нас проходили, восьмой, девятый, то они проходили под хорошим лозунгом: состояние конституционной законности. Но, к сожалению, на самом деле состояние конституционной законности ни Верховный Совет, ни съезд не интересовало. *Конституционная законность рассматривалась исключительно с точки зрения ответственности исполнительных органов власти* (выделено мной. — Р. П.). А то, что у нас самих есть проблемы, это все время забывалось».

Дальше депутат Парамонов подверг критике юридическую корректность назначения Верховным Советом министров Баранникова, Ачалова и Дунаева. Оно было проведено, как утверждал Парамонов, «с нарушением Конституции Российской Федерации. ...Ведь насколько известно, в пункте 5 статьи 121 Конституции Российской Федерации четко говорится о том, что министры и председатели государственных комитетов назначаются Президентом Российской Федерации только по представлению премьер-министра, в том числе силовые министры, потом утверждаются на Верховном Совете. В нашем варианте представления премьер-министра не было. Налицо нарушение законодательства. И это делается в тот момент, когда нужно быть образцом соблюдения законности. И этот пример, к сожалению, не единичный...

Отдельная тема — это Председатель нашего Верховного Совета. Это тема вплоть до написания диссертации политологами, филологами, психологами и так далее. Тема может звучать примерно так: «Спикер как катализатор совершения переворота». Дело в том, что, к сожалению, это имеет место. Каким бы у нас Руслан Имранович ни был, безусловно, умным человеком, тем не менее что произошло, то произошло, и он свою руку к этому приложил. Ясно, что это было поводом, а не причиной...

Председательствующий. Регламент, заканчивайте».

Если Парамонов, позже — В. А. Шуйков выступали с позиции критики руководства Верховного Совета за его радикализм, то лидеры Фронта национального спасения М. Г. Астафьев, С. Н. Бабурин, Н. А. Павлов критиковали Верховный Совет и съезд с противоположной стороны — за нерешительность. Павлов требовал от съезда, во-первых, отправить правительство Черномырдина в отставку, во-вторых, утвердить нового премьера и, в третьих, чтобы новый премьер написал представление исполняющему обязанности президента, а президент внес на утверждение кандидатуры, по которым требуется наше согласие.

Исключительно резко выступил А. М. Тулеев, депутат, представлявший Кемеровскую область. Он сообщил, что «сессия Кемеровского областного Совета признала действия бывшего Президента Ельцина государственным переворотом. ... На компромисс мы идти не могли, хотя часть из нас в кулуарах это предлагала».

Выступление Тулеева заслуживает особого внимания. Бывший кандидат в Президенты России в 1991 г., опытный политический боец, он выступил не только эмоционально, но и концептуально. В этом смысле это было более содержательно, чем многословные речи Хасбулатова. Отмечу и то, что Тулеев не только оценивал сиюминутную ситуацию, но и примерялся к будущему.

Он говорил о необходимости опереться на поддержку Советов в регионах, он настаивал (и будущее подтвердило справедливость его предположений), что «если не будет Верховного Совета, вас не будет через неделю. ... Не будет ни городских, ни областных, ни районных Советов». Вместе с тем он понимал необходимость расширения массовой базы поддержки Верховного Совета. Именно этим объяснялся его призыв принять решение «о снижении цен на основные продукты питания, на хлеб, молоко, мясо, детское питание и лекарства». Другой вопрос — как это можно было выполнить в начавших уже складываться рыночных отношениях. Но это вполне годилось как демагогический ход в усло-

виях противостояния, когда неудачу легко можно было списать на злого и безжалостного противника.

Однако едва ли не интереснее «второй план» выступления кузбасского депутата. Требуя бескомпромиссного подавления выступления президента Ельцина, он оговаривается: если не сделать этого сейчас, «то и следующий президент может пойти именно по этому диктаторскому пути». «Следующий президент» сидел в зале. Его звали Руцким.

Тулеев поддержал, и это была весомая поддержка, идею «об одновременных выборах и нового Президента, и парламента». Эта идея не могла быть сколько-нибудь популярной среди большинства депутатского корпуса, который и собрался-то в Белом доме, чтобы воспрепятствовать Ельцину провести выборы в Государственную думу. Этого явно не хотел и Руцкой, который слишком настойчиво ждал вождя президентского кресла. В случае победы съезда и Верховного Совета Тулеев становился едва ли не самым сильным кандидатом на президентский пост.

Но, как обозначил сам Тулеев, «главная задача — как дожить до этих выборов». И тут Тулеев обрушился с критикой на только что назначенных «силовых» министров. А через них — на самого Руцкого. «В первую очередь нужно реально определить: кто нас поддерживает, на кого опереться? Я вот не понимаю: неужели ни один полк нас не поддерживает? Неужели нельзя его выставить на охрану Белого дома? У вас, в конце концов, есть военное училище имени Верховного Совета. Неужели оттуда нельзя взять батальоны и выделить сюда?»

За словами Тулеева стояло воспоминание о недавнем прошлом. Смог же Ельцин в условиях ГКЧП перетянуть на свою сторону танковую роту, нейтрализовать десантные части, втянув Грачева и Лебеда в переговоры и консультации, смогли же тогда, в августе 1991 г., тот же Баранников с Дунаевым привести в Москву на охрану Белого дома к 22—23 августа 1991 г. курсантов училищ МВД?

Тулеев ругал «силовики», что те не смогли обеспечить связь, нет даже какой-нибудь передвижной военной радиостанции. «Мы блокированы, — говорил Тулеев. — ...Средств массовой информации, действующих в нашу пользу, нет».

Другой депутат — В. В. Аксютин — призывал: «Я предлагаю, чтобы было принято решение о назначении досрочных выборов и Президента, и высшего законодательного органа страны где-нибудь в феврале 1994 года, при этом сроком на два-три года, на переходный период. И чтобы в этом решении было зафиксировано, что Верховный Совет обязывается принять закон о выборах и раз-

работать соответствующие поправки к Конституции, обеспечивающие механизм проведения досрочных выборов».

Его поддержал О. Г. Румянцев, секретарь Конституционной комиссии, который также внес предложение о проведении выборов Президента и Верховного Совета в течение ближайших трех месяцев.

Идея выборов вызвала резкий протест со стороны Н. А. Павлова. «У меня все время возникает ощущение, что мы недопонимаем, что происходит. У меня все время возникает ощущение, что мы как бы смотрим некий детектив, участниками которого мы как будто бы не являемся. ...Сейчас такое ощущение, что в это время мы тоже хотим погрузиться в некую нирвану, в некое расслабленное состояние и поговорить о правде, о справедливости, как говорил уважаемый Олег Германович (Румянцев. — *Р. П.*), о каких-то выборах новых. О каких выборах мы должны говорить сегодня? Забыть это слово и не употреблять его здесь! Запретить его употреблять сейчас специальным решением! Почему? Да потому, что ни о каких выборах ни один депутат не имеет права говорить, пока не восстановлена конституционная власть в стране, пока не обеспечены нормальный выход газет, работа телевидения, радио. Пока это не сделано, мы не имеем ни морального, ни юридического, никакого другого права говорить о каких-то выборах — ни Президента, между прочим, ни депутатов».

Он требовал выбросить из числа депутатов тех, кто не явился на съезд, кто сотрудничал с президентом Ельциным. «Необходимо принять конституционное решение, чтобы эти господа перестали быть депутатами Российской Федерации. Это в наших силах. Сделать поправку к Конституции».

После перерыва председательствовать на съезде стал Хасбулатов. Он внес важное предложение: «Нами было предложено: эти вопросы можно вполне решить и в рамках областей, краев — приравнять фактический и юридический статус. Каким образом? Сближением и рационализацией самой системы управления в области и крае. Как? Это тоже несложно. Скажем, области, краю предоставляется право избрать ту систему управления, которая существует в республиках. Если область или край пожелают, они могут решить вопрос об исполнительной администрации через свой областной Совет, краевой Совет. У них должно быть на это право. Или они вправе объявить выборы глав администраций. То есть точно такой же порядок, который применяется, вы знаете, в республиках».

В одном случае избирается, скажем, Президент населением республики, а в другие случаях Верховный Совет назначает и избирает

правительство. Эта схема несложная, и в этом случае никаких представителей Президента не предполагается, никаких утверждений Президентом глав администраций не предполагается. Ведь главу правительства в республике не утверждает никто. Правильно? ...

Поэтому поскольку внесение изменений такого рода не очень сложное (я вам концепцию рассказал — как видите, достаточно простой механизм), можно было бы нам в общем-то утром рассмотреть и эту поправку. Мы могли бы дать такое поручение Владимиру Борисовичу Исакову, Сергею Николаевичу Бабурину, нашему Юридическому отделу, Жукову, комитету по работе с Советами, Осминину Станиславу Александровичу. Согласны? Рамазана Гаджимурадовича (Абдулатипова. — *Р. П.*), конечно, надо в эту группу».

«Не очень сложные» предложения Хасбулатова, изложенные по-хасбулатовски путано, означали:

— попытку перетянуть на свою сторону не только законодательную, но и исполнительную власть в регионах страны, так как эти поправки делали регионы фактически неподконтрольными президенту;

— желание узаконить прецедент (очень важный в конкретной ситуации!), что именно местные Советы «могут решить вопрос об исполнительной администрации через свой областной Совет, краевой Совет»;

— что именно Советы «вправе объявить выборы глав администраций... в других случаях Верховный Совет назначает и избирает правительство».

— что президентские представители в регионах не нужны, а Верховный Совет через местные Советы может контролировать весь вертикаль исполнительной власти.

Это была законченная концепция советско-парламентской республики, едва ли не попытка создать новое в государственном строительстве, обеспечить сочетание советского политического строя с элементами парламентской республики.

Как и положено в традициях Верховного Совета, важнейшие положения надо было принимать к сведению, а не обсуждать. Поэтому сразу же за Хасбулатовым его заместитель Воронин сообщил, что депутатам лучше не выходить из здания, а «буфеты организованы: на третьем, шестом этажах. С 8 часов будет работать столовая на шестом этаже».

Первое заседание Десятого съезда, начавшееся поздним вечером 23 сентября, завершилось утром 24. Второе заседание съезда открылось в 16 часов 24 сентября. В его повестке значилось обсуждение следующих вопросов:

— о проекте Закона Российской Федерации «О порядке принятия Конституции Российской Федерации» (докладчик — заместитель Комитета по конституционному законодательству И. В. Федосеев);

— о проекте Постановления съезда народных депутатов Российской Федерации «О Совете Министров — Правительстве Российской Федерации»;

— о проекте Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О порядке назначения на должность и освобождение от должности глав краевой, областной, автономной области, автономного округа, городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, районной, городской, районной в городе, поселковой сельской администрации»» (докладчик — С. П. Горячева).

Однако выдержать повестку дня не удалось. Едва ли не больше всего времени ушло на выяснение вопроса — кто и почему организовал стрельбу у Объединенного штаба СНВ¹, где от рук нападавших погиб милиционер и случайная женщина. После невнятных, если не бестолковых разбирательств успокоились на удобной формуле, предложенной Хасбулатовым: «Все жертвы, вся кровь, которая прольется, полностью ложится на бывшего Президента и его подручных. Это должно быть однозначно. И никакие жалкие попытки на нашу сторону что-то переложить мы не принимаем, отвергаем». Это была даже не формула, объяснявшая, кто виноват, это была своего рода индульгенция на будущее...

Среди документов, принятых на втором заседании съезда, отмечу Постановление «О досрочных выборах народных депутатов Российской Федерации и Президента Российской Федерации», по которому выборы президента и депутатов должны были быть проведены «не позднее марта 1994 года». Была запрещена «незаконная деятельность иных избирательных комиссий по выборам в федеральные органы государственной власти, образуемых на территории Российской Федерации, кроме Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов Российской Федерации, определенной законом», то есть отказ в правомочности Центризбиркома, созданного по указу Ельцина.

¹ Как уже отмечалось выше, это была попытка захватить командный пункт, предпринятая «Союзом офицеров» под руководством С. Н. Терехова, заместителя председателя Исполкома политсовета Фронта национального спасения.

Опасное затишье. 23—24 сентября определились позиции сторон: президент объявил о радикальной политической реформе и начал ее реализацию, Верховный Совет заручился поддержкой Конституционного суда, собрал съезд, объявил «об отрешении Ельцина от должности Президента» и привел к президентской присяге Руцкого.

Что дальше?

Вопреки ожиданиям Кремля депутатский корпус, потеряв кворум (около 100 человек перешли в структуры президентской власти, а около двухсот вообще не прибыли на Съезд) продолжил свою законодательную деятельность.

Вопреки ожиданиям депутатов Президент не проводил силовые акции, не разгонял депутатов.

При очевидном расколе федеральной власти в стране складывалось опасное двоевластие. Явно обозначились два фактора, которые могли переломить ситуацию, изменить общественное мнение в ту или иную сторону. Во-первых, это позиция российских регионов. Тот политический лагерь, который мог заручиться поддержкой большинства региональных лидеров, приобретал влияние и власть.

Во-вторых, был и другой фактор, который мог предрешить позицию общества по отношению к борющимся силам: наверняка проигрывал тот, кто первый применит насилие. Это прекрасно понимали и Ельцин, и Хасбулатов, и Черномырдин. Слишком памятны были события 20 августа 1991 г.

В первые минуты после объявления Указа 1400 Хасбулатов в свой план первоочередных мер записал: «Регионы. Буду заниматься сам. Нужен особый план»¹. Следует признать, что Хасбулатов добился поддержки своих действий со стороны многих местных Советов.

Вечером 23 сентября Орготдел Верховного Совета представил информацию, в которой сообщалось, что «из 87 субъектов Федерации по состоянию на 7 часов 23 сентября сессии или заседания представительных органов власти проведены в 53, в т. ч. в восьми республиках, пяти краях, 37 областях и трех автономных округах. В принимаемых решениях абсолютное большинство Советов решительно осуждают неконституционные действия Президента Российской Федерации, направленные на устранение представительных органов власти. Так, Московский городской Совет однозначно квалифицирует это как попытку государственного переворота. Президиум Верховного Совета Карельской Республики, ма-

¹ Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. Т. 1. С. 198.

лые Советы Хабаровского края, Белгородской, Челябинской, Читинской и многих других областей обязали или призвали все органы власти не следовать требованиям Указа...

Малый Совет Ленинградского областного Совета народных депутатов одобрил решения Верховного Совета Российской Федерации по отмене Указа Президента от 21.09.93 г., поддержал назначение исполняющим обязанности Президента Российской Федерации Руцкого А. В. ...Советы (Ульяновский, Липецкий, Кемеровский, Костромской, Мурманский и другие) заявляли о своей приверженности ныне действующей Конституции, осудили всякие попытки ее ликвидации и потребовали ее неукоснительного соблюдения. Президиумы Верховного Совета и Совета Министров Удмуртской Республики, к примеру, однозначно и решительно осудили всякие попытки, направленные на пересмотр или отмену действующей Конституции Российской Федерации, от кого бы они ни исходили...

Многие Советы народных депутатов (Самарский, Томский, Тюменский, Курганский, Рязанский, Омский, Читинский областные, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий окружные и др.) считают необходимым провести выборы народных депутатов и Президента одновременно».

Это было серьезным политическим успехом руководства Верховного Совета.

В поддержку Верховного Совета высказался А. И. Вольский, руководитель Российского совета промышленников и предпринимателей, которого почему-то считали человеком, имеющим влияние в регионах страны. На сторону Белого дома перешел бывший секретарь Совета безопасности Скоков. Опаснее было то, что Хасбулатова поддержало Сибирское соглашение — одно из первых межрегиональных объединений в стране¹.

Вместе с тем президент полностью контролировал правительство, его поддерживали главы ряда органов местной исполнительной власти, в том числе мэры Москвы и Петербурга.

Шаткость, зыбкость обстановки отразилась на Конституционном суде, который с точностью уличного градусника фиксировал политическую температуру. 24 сентября Конституционный суд объявил о готовности пересмотреть свои решения в отношении президента, но в обмен на восстановление статус-кво провести одновременные перевыборы 13 декабря.

¹ Березовский В., Червяков В. Осенний политический кризис. Сентябрьская и октябрьская фазы. 22 сентября — 5 октября 1993 года // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 21.

25 сентября в Петербурге по инициативе Председателя Верховного Совета Карелии В. Н. Степанова и председателя Ленинградского облсовета В. А. Густова начало работу Совещание глав субъектов Федерации. Это совещание становилось серьезной политической силой, не предусмотренной в планах президента. Неясная политическая обстановка в стране, черты двоевластия влияли на позицию армии, Министерства безопасности. В первый день, 25 сентября, было принято заявление, в котором выражалась тревога по поводу «губительного для России противостояния федеральных органов законодательной и исполнительной властей». Для преодоления этого кризиса предлагалось собрать «не позднее 1 августа» Совет Федерации, принять решения об одновременном переизбрании президента и депутатов. Главы регионов настаивали на принятии своего рода «нулевого варианта» — одновременной отмены Указа 1400 и последовавших за ним постановлений съезда и Верховного Совета.

На следующий день, 26 сентября, в совещании в Питере приняли участие представители 41 субъекта Федерации, от президентской стороны был Шахрай, от Верховного Совета — Абдулатипов, от Конституционного суда — В. О. Лучин. Большинство участников обрушилось с критикой президента. Президента защищал только Собчак. Участники совещания потребовали одновременных выборов президента и депутатов, созыва Совета Федерации не позднее 1 октября, Совет Федерации должен был, по мнению участников совещания, получить в свои руки власть на переходный период, в процессе подготовки и проведения выборов.

Шахрай согласился с одним — с одновременным проведением президентских и парламентских выборов.

За «питерской инициативой» вставала новая сила. Назовем ее «региональной фрондой». Хасбулатов своей «работой с регионами» вольно или невольно создал угрозу не только для президента Ельцина, но и для себя, что явно не входило в его планы. Региональные вожди хотели одновременными выборами расчистить для себя политическое поле, устранив, по принципу «оба виноваты», и Ельцина, и Хасбулатова, и примкнувшего к ним Руцкого.

Хасбулатов почувствовал это на себе. Его заместитель В. С. Соколов попытался включить в повестку съезда вопрос «О руководстве Верховного Совета» — заменить Хасбулатова. Хасбулатова бросился защищать Руцкой, что не добавило ему поддержки со стороны ряда парламентских деятелей.

Как пишет в своих мемуарах хорошо информированный офицер из личного штаба Ачалова, «депутаты Павлов, Соколов, Завгаев и ряд областных руководителей решили направить к Хасбу-

латову делегацию региональных лидеров, чтобы убедить его в необходимости сделать спасительный для страны и неожиданный для Кремля ход — предложить Ельцину последовать примеру спикера и добровольно подать в отставку. Кандидатура возможного преемника — Хасбулатова не обсуждалась, остановились на том, что возможен временный вариант по схеме «и. о.». Однако из-за традиционного предательства коммунистов, пообещавших составить делегацию, до заседания ничего так и не было сделано»¹.

«Питерская инициатива» вызвала поддержку в регионах страны. Аналогичные требования шли в администрацию и Верховный Совет из краев и областей страны. Менялась даже терминология, лексика таких документов. На место «заявлений» и «обращений» пришли «требования».

С требованием выступил и председатель Конституционного суда. Зорькин требовал: «1. Приостановить исполнение Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и основанных на нем последующих актов Президента;

2 Приостановить исполнение актов X чрезвычайного съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, принятых после 20.00 21 сентября 1993 года, включая решения о назначении исполняющего обязанности Президента Российской Федерации, о кадровых назначениях в Правительстве, о дополнениях к Уголовному кодексу Российской Федерации;

3. Не допустить применения силы любой из сторон;

4. Исключить любые факты ограничения конституционных прав и свобод, в том числе право на свободу массовой информации;

5. Безотлагательно созвать совещание руководителей представительной и исполнительной властей субъектов Федерации с участием Президента и народных депутатов Российской Федерации и принять на нем решение о сроках и порядке проведения выборов будущих парламента и президента России.

13.00 28 сентября 1993 г.».

То, что Зорькин единолично перечеркивал какое-никакое, но все-таки формально, коллегиально принятое 21 сентября решение Конституционного суда, главного легиста страны не беспокоило. Он оказывался в уникальной ситуации. Исполнительная власть в лице Президента и законодательная власть в лице председателя Верховного Совета взаимно истребляли друг друга. Глава

¹ Иванов И. Анафема. Хроника государственного переворота. (Записки разведчика). СПб., 1995. С. 70—71.

законодательной власти, председатель Конституционного суда оказывался единственным признанным всеми представителем высшей федеральной власти¹. Он фактически становился лидером «региональной фронды». Закономерно, что Совещание глав субъектов Федерации было перенесено из Петербурга в Москву, в Конституционный суд.

«Региональная фронда» становилась «третьей силой» в конституционном конфликте между Президентом и Верховным Советом.

30 сентября представители регионов, собравшиеся в зале Конституционного суда, потребовали от президента и съезда, что, если до 9 октября конфликт не уладится мирным путем, лидеры регионов угрожали принять «все необходимые меры экономического и политического воздействия, обеспечивающие восстановление конституционной законности в полном объеме, перейти к жестким акциям против федеральных властей». Региональные лидеры потребовали «немедленно прекратить блокаду Дома Советов, восстановить функционирование систем его жизнеобеспечения и отвести воинские части и подразделения милиции, включая ОМОН».

В тот же день, вечером 30 сентября, после завершения Совещания глав субъектов Федерации в Конституционном суде, делегация, численностью около 20 человек, прибыла в Белый дом. От имени этого совещания выступил президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов. Он сообщил депутатам о решениях, достигнутых в зале Конституционного суда, назвал, к радости депутатов, Ельцина «бывшим президентом». Депутат Исаков, при всей его ненависти к Ельцину, точно определил политический смысл документов, принесенных Илюмжиновым: «Если разобраться, их содержание сводится к тому, что субъекты Федерации учреждают опеку над буйнопомешанным президентом и детски беспомощным Верховным Советом»².

На 3 октября 1993 г. было назначено заседание Совета Федерации. Его решения могли оказаться решающими в конфликте между президентом и Верховным Советом.

Итак — на политическую арену вышла «региональная фронда» — главы регионов, которые заявили о своих претензиях на власть: заменить до новых всеобщих выборов высшие звенья исполнительной и законодательной власти. У «фронды» — регионалов — были мно-

¹ По Указу 1400 Конституционный суд не был распущен. Ему было предложено «не собирать заседания до начала работы Федерального собрания».

² Исаков В. Госперевоорот. С. 432

гочисленные сторонники в структурах правительства, администрации президента и, конечно, среди народных депутатов¹.

Объективно эта позиция разделялась руководством Русской православной церкви. Патриарх Алексий II предложил свою посредническую роль, направил 29 сентября свое послание в Верховный Совет, а 30-го — встретился с президентом.

Под этим массивным воздействием Кремль дрогнул и пошел на переговоры.

Оружие в Белом доме и «третья сила». По мере ослабления позиций президента, вызванного нарастающим противодействием региональных лидеров, усиливались меры по блокаде Белого дома. В 6 часов утра 28 сентября Белый дом был окружен плотными кольцами подразделений МВД. В здании были отключены не только средства связи и электричество, но и вода. Кремль оправдывал свои действия тем, что в Белом доме находились сотни боевиков с оружием. Верховный Совет протестовал против «бесчеловечных условий», в которых находятся депутаты.

Однако тема «боевиков в «Белом доме», оружия, которое раздают кому попало, вплоть до того, что полученным там оружием торгуют в Москве, упорно распространялись подконтрольными Президенту средствами массовой информации. И причин, и поводов для этого хватало. Не сходили со страниц прессы сведения о нападении боевиков «Союза офицеров» на штаб Объединенных вооруженных сил, о том, что в час ночи 24 сентября депутат генерал Макашов и лидер радикальных коммунистов Анпилов объявили на

¹ Из сводки МВД о положении в стране: «Обстановка спокойная. Снижается митинговая активность населения. Брянский областной Совет расценил Указ Президента как акт грубого произвола. Сохраняется напряженность вокруг Дома Советов. В числе собравшихся около него лиц значительную часть составляют иногородние из Тамбовской, Воронежской, Курской, Нижегородской областей. По оперативным данным, в здании находится 30 человек, прибывших из Приднестровья с огнестрельным оружием, а также около 300 кубанских казаков с холодным оружием (шашки и нагайки).

На 29 сентября 1993 г. Количество участников митингов и пикетирований в поддержку бывшего Верховного Совета было незначительным, и только в Тамбове — 2000 человек. В Москве действия оппозиционных сил начинают приобретать характер активного противостояния. Вокруг здания Дома Советов образовано кольцо из нарядов милиции и ужесточен пропускной режим (выделено мной. — Р. П.)». См.: Некрасов В. Ф. МВД в лицах. Министры от В. В. Федорчука до А. С. Куликова. 1982—1998. М., 2000. С. 272—273

митинге под стенами Белого дома о том, что «объект 41» взят¹. Среди защитников Белого дома были отряды русских фашистов — «Русского национального единства», в черных рубашках, с повязками, на которых была изображена видоизмененная свастика.

Из Белого дома распространялись сведения, повторенные популярной питерской телепрограммой «600 секунд», что для обороны Верховного Совета прибыли из Приднестровья — батальон «Днестр», из Тюмени — группа бойцов бывшего рижского ОМОНа. Какие-то казачьи формирования красовались на телеэкранах как «защитники Белого дома». Напомню, что Баранников, когда его представляли на X съезде, объявил о 7 тыс. офицеров, которые перешли на сторону Верховного Совета и намерены его защищать.

По мере ослабления позиций Хасбулатова и Ельцина, усиления давления со стороны региональных вождей перед «сидельцами» Белого дома возникали свои проблемы. Если бы выборы, организованные под контролем регионов, состоялись, то под «политическое списание» попадали все активные сторонники противостояния. Но за десять дней белодомовского сидения там появилась многочисленная группа сторонников Верховного Совета, в большинстве своем не обладавшая депутатскими мандатами, но в тот момент необходимая Верховному Совету. Это были военные, офицеры, связанные с генералами Ачаловым, Макашовым, с Ружским, экзальтированные сторонники Анпилова, «Союза офицеров», отряды Российского народного единства, какие-то казаки... В случае «нулевого варианта» — перевыборов — их политические вожди рисковали оказаться аутсайдерами.

В этой среде, замкнутой в ограниченном пространстве Белого дома и его окрестностей, еженощно ждавшей штурма, участники подогревали друг друга рассказами, что на их стороне — справедливость, неизбежная поддержка армии, жителей страны. Именно там выросло стремление заменить нудные и плохо понимаемые парламентские прения, «всю эту болтовню» — простыми и ясными действиями, в духе Октябрьской революции, так, как ее показывали в советских фильмах, когда честные солдаты и офицеры толпами переходят на сторону восставшего трудового народа...

Именно в этой среде появлялись листовки и обращения, вроде обращения от 27 сентября к солдатам и офицерам Российских вооруженных сил, в котором содержался призыв: «Солдаты и офицеры! Вы не только воины, но и граждане России. Именно в этом качестве мы призываем вас участвовать в акциях протеста против попытки государственного переворота.

¹ Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. Т. 1. С. 234.

Прорвите кольцо информационной блокады вокруг войсковых частей! Устанавливайте связь с местными Советами и Верховным Советом России. Требуйте правдивой информации о происходящих событиях. Для этого требуйте присутствия в части представителей местного Совета или Верховного Совета».

Такое обращение, прямо призывавшее к расколу армии, создававшее предпосылки к гражданской войне, встревожило часть депутатов. В «Обращении членов Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности» к Вооруженным Силам Российской Федерации, ко всем военнослужащим, политическим партиям, органам государственной власти и политическим деятелям предупреждалось об угрозе свергнуть страну в гражданскую войну.

Призывы к армии не подчиняться действующей структуре военного управления, провоцирующие раскол Вооруженных Сил государства, ведут к потере управления оружием и войсками.

В этих условиях ряд депутатов Верховного Совета — А. А. Пискунов, С. Н. Ионов, А. Ю. Царев, В. А. Шуйков — от имени Комитета Верховного Совета по вопросам обороны и безопасности тогда же, 27 сентября, предупреждали: «Считаем необходимым предупредить все органы государственной власти, политические силы и политических деятелей о той огромной опасности для России и всего человечества, которая неминуемо возникнет в случае потери управления Вооруженными Силами.

...Учитывая угрозу и возможные последствия вооруженных провокаций сил, заинтересованных в разжигании гражданской войны в России, Комитет считает целесообразным предложить Верховному Совету отменить свои решения о привлечении силовых структур к разрешению политической ситуации».

Руководство Верховного Совета и его военные структуры упорно распространяли слухи, что в распоряжении сторонников Верховного Совета имеется мощное оружие — переносные зенитные комплексы, противотанковые гранатометы. «Ачалов заразительно смеялся после доклада о том, что СМИ всюду сообщают о наличии у нас ракет класса «земля — воздух» «Стингер» Радоваяся, что шутка сработала. Просил придумать еще что-нибудь», — вспоминал офицер из его штаба. «Правая рука» Руцкого — Андрей Федоров в прямом эфире телевидения угрожал, что в Белом доме имеется оружие такой мощности, что и Кремлю не поздоровится

Продолжу цитировать офицера штаба Ачалова: «Все баррикадники (защищавшие Белый дом. — *Р. П.*) хотели верить, что в оружeyках их дожидается две тысячи автоматов, и говорили друг

другу, что оружие будут выдавать во время штурма. Сказать им правду было невозможно. От них в оцепление и СМИ и просачивалась эта информация. Реальное положение с оружием знали только мы»¹.

У этого блефа была своя цена. Кампания дезинформации, проведенная сторонниками Белого дома, обернулась против ее инициаторов. Они смогли убедить и власти, и, пожалуй, в несравненно большей степени — население Москвы, что в Белом доме — горы оружия и аффектированные, заведенные, истеричные его сторонники могут натворить такое, что не поздоровится жителям столицы.

30 сентября под давлением регионов и Русской православной церкви начались переговоры. Они свелись к вопросам недопущения «расползания» противостояния, в том числе вооруженного, по всей Москве, к главному вопросу — о контроле над оружием в Белом доме.

На этих переговорах съезд представляли председатели двух палат Верховного Совета — Абдулатипов и Соколов, администрацию президента — С. А. Филатов, правительство — О. Н. Сосковец, мэрию Москвы — Ю. М. Лужков. От Русской православной церкви в переговорах участвовали патриарх Алексей II и митрополит Кирилл. В переговорах участвовал также член Конституционного суда В. И. Олейник. Представители Верховного Совета возмущались тем, что в Белом доме отключены связь, электричество, вода, не работает канализация. Их оппоненты говорили об опасности распространения противостояния на Москву и всю страну, настаивали на том, что все оружие в Белом доме должно находиться под контролем.

К половине третьего ночи, уже 1 октября, был наконец согласован и подписан Протокол № 1, согласно которому провозглашалось, что, «в целях снятия остроты противостояния, стороны согласились реализовать следующие меры:

1. В целях обеспечения безопасности, сбора и складирования внештатного оружия, находящегося в Доме Советов, осуществить его сбор, складирование в Доме Советов и взятие под охрану совместных контрольных групп, организованных из сотрудников ГУВД г. Москвы, департамента охраны Дома Советов. Для этого незамедлительно включается электроэнергия, теплоснабжение, а также необходимое количество городских телефонов для оперативной связи. Одновременно реализуются согласованные меры по сокращению потенциала сил и средств наружной охраны Дома Советов.

¹ Иванов И. Анафема. С 163.

2. После реализации первого этапа стороны приступают к полному снятию вооруженного противостояния, заключающемуся в одновременном выводе из Дома Советов всех охранных формирований и снятию наружной охраны ГУВД. Одновременно окончательно решаются вопросы вывоза нештатного оружия из Дома Советов. Исполнение задач второго этапа происходит при согласовании и выполнении правовых и политических гарантий».

Как вспоминает Филатов, взаимно довольные сторонники переговоров «поздравили друг друга с этой маленькой, но очень важной победой»¹.

Утром в Белом доме включили телефоны, свет и воду, блокада вокруг здания была ослаблена, информационные агентства объявили о скором отводе войск МВД из Москвы.

Но не тут-то было! Протокол № 1 реально означал больше, чем было записано в этих двух пунктах. Отмечу, что Соколов и Абдулатипов к этому времени уже проявили себя как сторонники разрешения конфликта по предложениям региональных лидеров. Если оружие в Белом доме ставилось под контроль, если конфликтная ситуация разряжалась, блокада и силовое противостояние уходило в прошлое, то конфликт развивался дальше в предсказуемом направлении — то есть так, как следовало из требований субъектов Федерации. В таком случае «третья сила» — военные — становились здесь просто не нужны. Это — во-первых. Во-вторых, такое развитие событий не устраивало и Хасбулатова с Руцким. В таком раскладе политических сил их будущее место было весьма проблематичным.

Уже неоднократно мною цитированный офицер из штаба Ачалова зафиксировал первую реакцию на появление сведений о грядущем разоружении:

«Ожидаем в приемной уже третий приказ о сдаче оружия. Кто-то из наших ругается. Ряд генералов и офицеров высказали Ачалову свое мнение. Немедленно у нас в штабе проводят заседание Баранников, Дунаев и Ачалов. Выработано решение Военного Совета, отрицающее правомочность данного протокола. Мы его печатаем. Соколов вышел из кабинета Ачалова совершенно потерянными. С этим решением «силовики» уходят к Хасбулатову, а само решение незамедлительно выносят на Съезд. ...Макашов бескомпромиссен; называет Соколова предателем»².

«Военный совет обороны Дома Советов» оценил протокол № 1 следующим образом: «1. Комиссия в составе Соколова В. С. и Аб-

¹ Филатов С. А. Совершенно несекретно С. 292

² Иванов И. Анафема... С. 170.

дулатипова Р. Г. превысила полномочия, данные ей 10 чрезвычайным съездом народных депутатов РФ в части подписания 1.10.93 г. протокола № 1... без предварительного согласования его со Съездом.

2. Подписание протокола № 1 является ошибочным, так как предварительно не были выработаны условия вхождения в конституционное поле в соответствии с решением X Съезда народных депутатов.

3. Для обеспечения вхождения в конституционное поле необходимо.

а) до 8.00 01.10.93 г. денонсировать вышеупомянутый протокол № 1;

б) до 10.00 01.10.93 г. провести руководству Верховного Совета РФ пресс-конференцию об ошибочной позиции, занятой делегацией съезда на переговорах с Правительством Черномырдина В. С.,

в) на утреннем заседании 01.10.93 г. съезду назначить комиссию по выработке тактики и стратегии ведения переговоров с Правительством Черномырдина В. С.

Условием начала переговоров является безусловное выполнение следующих требований:

— обеспечение широких возможностей по изложению позиции съезда народных депутатов РФ в средствах массовой информации;

— подключение всех систем снабжения Дома Советов;

— восстановление издания незаконно закрытых газет и соответствующих программ телевидения;

— снятие вооруженной блокады здания на ближних и дальних подступах;

— вступление в должность министров, назначенных съездом.

Постановка вопроса о нештатном оружии, находящемся в Доме Советов России, неправомерна, так как все имеющееся оружие — штатное и принадлежит Департаменту охраны Верховного Совета РФ».

Решение Военного совета было подписано министрами обороны, безопасности, внутренних дел Баранниковым, Ачаловым и Дунаевым.

По сути, это был призыв к продолжению и обострению конфликта. Военный совет диктовал свою волю руководству Верховного Совета. Он исключал любую возможность компромисса.

Соколов был отстранен от дальнейшего участия в переговорах (Абдулатипова не устранили по самой простой причине — он не приехал в Белый дом и не появлялся там до конца конфликта). Были назначены новые делегаты для переговоров — первый заместитель Председателя Верховного Совета А. В. Воронин, председатель Ко-

митета по обороне Верховного Совета контр-адмирал Р. З. Чеботаревский и В. А. Домнина, член Комитета по вероисповеданию.

Под диктовку военных Хасбулатов и Руцкой дезавуировали протокол № 1, дали своей делегации инструкции, ставшие ультиматумом, который Верховный Совет предъявлял своим оппонентам на переговорах.

В этом документе, подписанном Председателем Верховного Совета и «исполняющим обязанности Президента», содержались требования:

— отвести от здания Белого дома все войска; снять инженерные заграждения; отвод войск проводить под контролем «представителей Дома Советов России и московских властей; подключить здание Верховного Совета ко всем средствам связи; предоставление эфира народным депутатам;

— руководство Верховного Совета Российской Федерации и исполняющий обязанности Президента Российской Федерации при участии представителей Совета субъектов Российской Федерации приступят к переговорам с целью возвращения политической обстановки в стране в рамки Конституции и действующих законов;

— чрезвычайный (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации продолжит работу по преодолению последствий государственного переворота. В первоочередном порядке рассматриваются проекты законов о парламенте, о президенте, а также по выборам президента и парламента».

Переговоры в этом случае утрачивали всякий смысл. Программа, предложенная Хасбулатовым и Руцким под давлением и при участии «третьей силы», означала, с одной стороны, отказ от признания правомочности президента Ельцина и правительства (чего стоило требование выводить войска под контролем Верховного Совета и московской мэрии!), с другой — полный и демонстративный разрыв с предложениями регионов, требовавших возвращения к «нулевому варианту» — состоянию до 21 сентября, подготовке и проведению выборов под контролем Совета Федерации, а не Верховного Совета.

Программа Хасбулатова — Руцкого объективно была провокацией, направленной на обострение конфликта, перевод его в силовую плоскость, в авантюру.

На встрече участников переговоров в Свято-Даниловом монастыре, в присутствии патриарха, Воронин объявил, что протокол № 1 дезавуирован, что проблема оружия — только частный случай общей проблемы неконституционных действий «бывшего прези-

дента», что никакого лишнего и неучтенного оружия в Белом доме нет, так как «у нас все оружие штатное, а Руцкой как президент может создавать любые формирования и раздавать любое оружие»¹.

Переговоры были сорваны. Конфликт вступил в новую, опасную, неконтролируемую фазу. «Третья сила», маргинальная по своей сути, стала править свой кровавый бал².

Кровь. 2 октября, в субботу, в центре Москвы был устроен праздник знаменитой московской улицы — Арбата. Праздник был устроен по-лужковски широко — с песнями, выступлениями фольклорных ансамблей, ряжеными, лавками, где торговали сладостями. На торжестве присутствовал президент Ельцин. В то время, когда он появился на старом Арбате, на том конце улицы, которая выходила на Бульварное кольцо, на противоположном конце оказались другие «выступающие».

Они стали строить баррикады, подожгли откуда-то взявшиеся автомобильные покрышки, разломали металлические конструкции эстрады для выступления артистов. Начались ожесточенные столкновения с милицией. Против милиционеров были применены металлические палки, в них летели бутылки с бензином. Из газосварочного аппарата было сделано подобие огнемета, который применили против милиции. Милиция отвечала дубинками, пластиковыми и боевыми пулями. В ходе беспорядков на несколько часов оказалось перекрыто Садовое кольцо у Министерства иностранных дел. С обеих сторон были многочисленные раненые. Были и убитые.

¹ Филатов С. А. Совершенно несекретно. С. 301.

² Из сводки МВД: «На 30 сентября 1993 г. Обстановка в стране спокойная. В то же время продолжается искусственное нагнетание ситуации вокруг здания Белого дома. Председатель Краснопресненского райсовета г. Москвы Краснов заявил о готовности предоставления помещений для продолжения работы распущенного съезда народных депутатов.

В течение дня Баранников, Дунаев, Ачалов агитировали сотрудников милиции и военнослужащих внутренних войск, находившихся в оцеплении, переходить в подчинение Верховного Совета. Однако желающих не нашлось. Более того, из 1202 сотрудников Департамента охраны Верховного Совета 635 подали рапорты о переводе на службу в органы внутренних дел. Из них 301 уже назначен, 325 оформляются. Принимаются также меры к трудоустройству депутатов Верховного Совета, состоявших в кадрах МВД РФ (20 человек). Трое из них уже назначены на соответствующие должности.

У здания Белого дома задействовано 6,2 тысячи человек, в том числе сотрудников милиции — 4 тысячи, военнослужащих внутренних войск — 1,7 тысячи, курсантов более 500 человек». См.: Некрасов В. Ф. МВД в лицах. Министры от В. В. Федорчука до А. С. Куликова. 1982—1998. М., 2000. С. 272.

Действия оппозиции были неплохо просчитаны. Телевидение вело на всю страну передачу протокольной съемки президента на старом Арбате, а на телевизионной «картинке» были видны клубы черного дыма, баррикады, окровавленные люди... Это была реклама оппозиции, и реклама действенная. Она, эта реклама, свидетельствовала: оппозиция берет верх в открытых столкновениях с властью, растерявшейся, не ожидавшей от своих противников такой ярости и организованной злости.

Необходимо указать, что беспорядки у Смоленской площади были организованы радикальным крылом оппозиции, теми, кого я называю «третьей силой». Они отнюдь не стали «реакцией на действия ОМОНа», блокировавшего Белый дом, во-первых, потому, что никакого ОМОНа до начала беспорядков там просто не было, да и Смоленская площадь находится на расстоянии двух-трех километров от Белого дома; во-вторых, сразу же были применены такие средства, как горящие автомобильные покрышки. Утверждать, что их случайно нашли около зданий МИДа, — смешно. В-третьих, драка затевалась там, где находилось больше всего представителей милиции, Министерства безопасности и Службы охраны Президента, то есть, естественно, где был городской праздник, на котором присутствовали президент, мэр, другие высшие чиновники. Нужна была крупная провокация.

Вместе с тем вечером не было сделано никаких заявлений от имени президента. Похоже, что такое развитие событий оказалось для него неожиданным, застало врасплох, вызвало растерянность.

На следующий день, 3 октября, конфликт приобрел лавинообразный характер. Днем должен был состояться митинг оппозиции на Октябрьской площади. Там собрались десятки тысяч людей. Руководил митингом И. В. Константинов, председатель Исполкома Фронта национального спасения. В 14 часов с небольшим толпа двинулась по Крымскому мосту в сторону Садового кольца. По пути она смела заслоны милиции у Крымского моста, закидала его камнями, кусками асфальта, у милиционеров отобрали их щиты, резиновые дубинки, словом, все, что было. Многотысячная толпа прорвала оцепление на Зубовской площади, сокрушила все заслоны на Смоленской, двинулась по Новому Арбату. Трофеями стали уже военные грузовики, стрелковое оружие.

К половине четвертого толпа оказалась уже перед зданиями Белого дома и московской мэрии. За минуты были раскиданы проволочные заграждения, и толпа двинулась на мэрию. Оттуда раздалась выстрелы милиции, охранявшей здание. Захват высотного здания мэрии был произведен стремительно. Автомобилями раз-

били стеклянные двери и ворвались внутрь здания. Немногочисленная охрана была разоружена и взята в плен. Непосредственным участником захвата был «министр обороны» Ачалов.

Затем была захвачена гостиница «Мир», стоявшая рядом с мэрией. Там находился штаб МВД по блокаде Белого дома. Документация, оружие, автомобили достались восставшим.

В Верховном Совете царила эйфория, переходящая в истерию. С балкона Белого дома выступали Руцкой, Макашов, материвший «всех этих мэров, пэров и...». Хасбулатов призывал «наших доблестных воинов привести сюда войска, танки для того, чтобы штурмом взять Кремль и узурпатора, преступника Ельцина». По призыву Руцкого у Белого дома были сформированы колонны захваченных грузовиков и автобусов, на которых, под красными флагами, сотни людей, вооруженных чем попало, под командованием депутата генерал-полковника Макашова двинулись освобождать «империю лжи», как они именовали Останкино. В 17 часов в сторону Останкино двинулось 15 автомашин и автобусов с вооруженными людьми. Туда же направились экстремистски настроенные Ампилов, Уражцев, Константинов. Около 10 тыс. человек сформировали колонну и направились к телецентру.

Весь этот бред происходил в центре десятиmillionного города, столицы государства. Казалось, за два-три часа любая власть куда-то пропала, растворилась. В ясный воскресный день разыгрывалось что-то фантазмагорическое. Стремительно менялась лексика радиальных и телевизионных дикторов. Сначала они говорили о «босвиках» и «хулиганах», затем — о «сторонниках Верховного Совета», а ко времени начала похода на Останкино — уже о «восставших».

Где власть? Где президент?

В 6 часов вечера в зале Верховного Совета вновь был собран съезд. Хасбулатов, демонстрировавший уверенность в победе, говорил депутатам и журналистам: «Наконец, наметился перелом в той ситуации, которая длится 12 дней... События показывают, что люди инстинктивно отвергают тиранию... Сейчас субъекты Федерации должны заседать в Конституционном суде, я пригласил их сюда... Сейчас сюда движутся войска. Я не знаю, по чьему приказу. Но я убежден, что войска не будут открывать огонь по защитникам демократии... Я считаю, что сегодня надо взять Кремль. Останкино взято. Взята мэрия. Руководителем администрации Москвы назначен Краснов (председатель Краснопресненского Совета. — Р. И.)... Сейчас надо определиться, чтобы иметь план

действий на ночь и до утра — до полной победы... Почтим память погибших за правое дело...»¹.

В обстановке очевидного вакуума власти захват Останкина означал распространение начинавшейся гражданской войны на всю Россию. Руководитель администрации Президента Филатов писал об этих часах: «Позвонил Вячеслав Брагин, руководитель первого канала телевидения. Голос тревожный, в нем слышатся и панические нотки:

— Сергей Александрович, мне позвонили от Черномырдина и приказали уничтожить технику вещания. Я не могу в это поверить.

— А какова у вас обстановка?

— Обстановка плохая, стрельба идет повсюду, есть опасность захвата.

— Тогда указание Виктора Степановича нужно выполнять.

— Но я не могу этого сделать.

— А мы не можем рисковать. Представляете, если они воспользуются каналом и начнут вещать на всю страну? Тогда это уже будет не локальная гражданская война.

— Хорошо, я понял. Но поймите и меня. Я выполню его указание.

Через несколько минут первый канал телевидения замолчал. Но, как бы компенсируя его отключение, усилил свою работу второй канал»².

Второй канал, работавший из резервной студии, предоставил время для всех сколько-нибудь известных стране людей. С экрана велась яростная, талантливая, страшная в своей точности пропаганда — что будет со страной, власть в которой захватят Хасбулатов с Руцким и Макашовым.

Оппозиция понесла у Останкино два тяжелых поражения. Первое было пропагандистским, идеологическим. Нападение на Останкино в минуты сделало тележурналистов непримиримыми, бескомпромиссными врагами Верховного Совета и его сторонников. С колебаниями было покончено. Мощная, искренняя ненависть обрушилась на Верховный Совет и его сторонников, которых с этого времени стали именовать путчистами.

Второе поражение было военным. Попытка Макашова захватить телецентр угрозами — «Мы не будем первыми стрелять. Если найдутся придурки, которые будут стрелять, мы сделаем так, что

¹ Куцылло В. Записки из Белого дома. 21 сентября — 4 октября. М., 1993. С. 117.

² Филатов С. А. Совершенно несекретно. С. 314.

им останется только: чемодан-вокзал-Израиль»¹ — не напугала. Толпа попыталась повторить опыт мэрии. Тяжелый грузовик начал ломать стеклянную стену первого этажа. Но опыт мэрии учло и командование МВД. Телецентр охранял спецназ дивизии Держинского, у зданий телецентра стояли БТРы. Они ответили огнем на поражение. Первый выстрел был сделан в парня из толпы, приготовившегося стрелять из гранатомета по зданию телецентра. Во вспыхнувшей перестрелке погибли многие люди, пришедшие «освободить Останкино».

Журналистка Вероника Куцылло, находившаяся в Верховном Совете в этот день, записала: «Белый дом затих. В коридорах сменился воздух. Люди ходят медленно, разговаривают вполголоса. Руководство затаилось. Все пропитано тягостным ожиданием. Пару часов назад стали возвращаться автобусы с Останкина. Есть раненые. Убитые остались там. Вернувшиеся подавлены и потрясены. Они растекаются по Белому дому, добавляя привкус безнадежности и, частью, отчаянной решимости»².

Захват мэрии, гостиницы «Мир», попытки штурма Останкина и захвата здания ИТАР-ТАСС, Краснопресненского УВД, Тимирязевского телефонного узла, попытки заблокировать здание Министерства обороны поставили президента в положение, когда нельзя было не принимать силовые меры.

Однако президент молчал.

В 8 часов 40 минут вечера по телевидению выступил первый вице-премьер Е. Гайдар, призвавший москвичей выйти на митинг у Моссовета. Ночью прозвучало заявление, произнесенное от имени президента его пресс-секретарем Костиковым³.

Президент ночью встретился с руководством Министерства обороны. В ответ на прямой вопрос, будут ли выполняться его приказы, Грачев крутил, пытаясь повторить свой трюк 1991 г. отсидеться, ссылаясь на мнение коллегии, просил письменный приказ. Но это был не 1991 г., и отсидеться ему не удалось. Черномырдин, бывший на коллегии, кратко и красочно высказал свое мнение по этому поводу, а президент сказал, что письменный приказ будет⁴.

В 5 часов утра 4 октября был подписан Указ Президента «О неотложных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в городе Москве», по которому министру внутренних дел Ерину.

¹ Иванов И. Анафема... С. 244—245.

² Куцылло В. Записки из Белого дома... С. 120.

³ Эпоха Ельцина... С. 367—368.

⁴ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 385—386.

министру безопасности Голушко, министру обороны Российской Федерации Грачеву к 10 часам утра 4 октября 1993 г. было приказано «создать объединенный оперативный штаб по руководству воинскими формированиями и другими силами, предназначенными для обеспечения чрезвычайного положения в г. Москве».

Комендант района чрезвычайного положения в г. Москве должен был «незамедлительно принять меры по освобождению и разблокированию объектов, захваченных преступными элементами в г. Москве, разоружению незаконных вооруженных формирований и изъятию оружия».

В Москву были введены десантные части. С 6 часов 45 минут начался обстрел Белого дома, сначала из легкого стрелкового оружия, потом из пяти танков Кантемировской дивизии, вставших на Кутузовском проспекте перед зданием Верховного Совета. Снаряд за снарядом влетал в окна верхних этажей здания, там начался пожар. Жуткая своей детальностью, неправдоподобной четкостью картина, когда на фоне ярко-синего неба в беломраморное здание всаживались снаряды, а из окон выбивался черно-красный дым, транслировалась по Си-эн-эн на весь мир.

Видеть это было страшно и стыдно...

Нет нужды говорить, что с началом военной авантюры по захвату мэрии и Останкина рухнули все инициативы регионов, рухнула тщательно отстраиваемая конструкция «нулевого варианта» и особой роли Совета Федерации. Лидерам прежнего Совещания руководителей регионов — калмыцкому президенту К. Илюмжинову и ингушскому президенту Р. Аушеву осталась только роль посыльных между Белым домом и правительством в последние часы существования Верховного Совета и хлесткие, если не прямо издевательские реплики в их адрес со стороны Черномырдина.

В это время на Старой площади шло заседание правительства. Премьер-министр Черномырдин, обычно сдержанный в политических вопросах, осторожный, явно не рвавшийся в драку, сейчас не скрывал своих эмоций. Он обвинял, не слишком подбирая выражения, лидеров Верховного Совета в преступной безответственности, которая привела к крови, отказывался от любых переговоров, если это не было согласие сдать, от любой передышки для Верховного Совета, так как передышка только приведет, по его словам, к новым хитростям, новым обманам и новым провокациям сторонников Хасбулатова.

В 8 часов 30 минут мятежникам предложено сдать оружие. В ответ разоружилась незначительная группа. Вооруженное сопротивление

ние продолжалось. Дополнительным фактором нестабильности стал невысокий уровень координации между воинскими частями, введенными в Москву и принадлежащими армии, МВД и Министерством безопасности — МБ. В Москву по распоряжению МВД были направлены подразделения ОМОН из 53 регионов страны. Значительная часть военнослужащих просто плохо знала город и открывала упреждающий огонь при появлении опасности — явной или предполагаемой. По всему Новому Арбату были перебиты витрины, пули разлетались и попадали в дома, расположенные на Кутузовском проспекте, набережной Тараса Шевченко, в здания в Девятинском переулке, в том числе и в комплекс зданий американского посольства.

Около четырех часов пополудни в здание Белого дома проникли сотрудники спецподразделения «Альфа» и потребовали прекратить сопротивление. Стрельба была остановлена. В половине пятого начался выход из здания более 1500 его «сидельцев».

В Москве был установлен особый режим въезда и выезда из столицы, созданы 46 контрольно-пропускных пунктов на основных магистралях¹. Часть активных участников Верховного Совета во главе с Хасбулатовым и Руцким была немедленно арестована. Стрельба в Москве продолжалась еще несколько дней.

По данным Генеральной прокуратуры, погибло 148 человек. Оппозиция говорила о значительно большем числе убитых и раненых, называлось до полутора тысяч погибших.

Гражданская война, начинавшаяся вокруг отдельно взятого дома — Белого дома, — была пресечена. Пресечена жестоко. Но гражданская война не расплзлась по стране.

«Реформы сверху». События сентября — начала октября 1993 г., мятеж в Москве и расстрел Верховного Совета создали качественно иную и противоречивую политическую ситуацию в стране.

Жесткие, если не сказать жестокие, меры, принятые для подавления мятежа, доказали, что президент контролирует положение в стране, что у него имеется кредит доверия большинства населения страны, что ему подчиняются армия, Министерство безопасности, другие силовые структуры страны. Это свидетельствовало о сохранении в России центральной власти. Политическое значение этого было чрезвычайно важным.

Двоевластие, свойственное федеральной власти в течение значительного времени 1993 г., объективно стимулировало сепаратистские тенденции в стране. В Свердловской области в июле 1993 г

¹ Некрасов В. Ф. :МВД в лицах.. С. 273—275.

была провозглашена Уральская республика. Сибирское соглашение — объединение областей — демонстрировало политические претензии. На Дону, в Ростовской области, звучало требование восстановления на Дону казачьей национально-государственной автономии. В национальных республиках полным ходом принимались законы, отличавшиеся от федеральных.

Многочратно упоминавшееся выше Совещание глав субъектов Федерации прямо заявило о своих претензиях на высшую власть в стране. В том случае, если этот самопровозглашенный 89-главый орган придет к власти, политическое сохранение России как субъекта права вряд ли будет возможным, или, проще, Россию ждет скорая судьба Советского Союза образца 1991 г.

Поэтому важным следствием подавления мятежа стало усиление исполнительной вертикали власти. 9 октября был издан Указ «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», которым упраздняясь система местных Советов. 9 ноября Президент упразднил Уральскую республику и распустил Свердловский областной Совет, незадолго до этого принявший конституцию Уральской республики.

Одновременно с этим президент попытался распустить, ограничить деятельность оппозиционных партий и их печатных органов. Символическим шагом стало снятие почетного караула у Мавзолея Ленина. Министерство юстиции приостановило деятельность Народной партии свободной России (партии Руцкого), Коммунистической партии (Зюганова), «Трудовой России», Фронта национального спасения, Русского национального единства (Баркашова), Российской коммунистической рабочей партии (Анпилова), «Союза офицеров» (Терехова) и ряда других, принимавших участие в мятеже.

Первостепенное значение для страны имело принятие новой Конституции. Острейший кризис, только что пережитый страной, кризис, который едва не разнес Россию на куски, на субъекты Федерации, срочно объявлявшие себя «суверенными республиками», заставлял внести в проект Конституции ряд дополнений, исключавших «повторение пройденного».

Второй проблемой, возникавшей при работе над новой Конституцией, было: как ее принять? Исключалась возможность ее утверждения органом представительной власти. Этого органа вообще тогда не существовало. Его еще надо было избрать, а избрать можно было лишь на основе Конституции. Чтобы разомкнуть этот круг, следовало применить единственно оставшуюся форму легитимации Конституции — волеизъявление народа, высказанное на референдуме.

15 октября был опубликован Указ Президента о проведении 12 декабря всенародного голосования по проекту Конституции.

Так как проект Конституции в этом случае должен был быть опубликован за месяц до референдума, то доработка проекта должна была быть завершена не позднее 11 ноября.

11 октября 1993 г. был принят другой Указ — о проведении выборов в обе палаты Федерального собрания: в Государственную думу и в Совет Федерации. Выборы также должны были пройти 12 декабря.

Одновременно с этим шли изменения в Конституционном суде: 6 октября 1993 г. председатель Конституционного суда Зорькин подал в отставку. Обязанности председателя были возложены на судью Конституционного суда Н. В. Витрука. На следующий день Ельцин издал Указ, в котором говорилось, что Конституционный суд оказался в глубоком кризисном состоянии, своими решениями и поспешными действиями дважды ставил страну на грань гражданской войны, что он сыграл пособническую роль в трагическом развитии событий 3—4 октября. Президент повторил требование, содержащееся в Указе 1400, — не созывать заседания КС до принятия новой Конституции¹.

Менялась и символика власти. 30 ноября 1993 г. Указом Президента Государственным гербом России стал двуглавый орел. Вернулся символ российского государства, впервые введенный в 1497 г. при великом князе Иване III, завершивший процесс создания единого Российского государства.

Взрыв нормотворчества в октябре — ноябре 1993 г. заставляет вспомнить о событиях начала века, когда важнейшие государственные акты принимались в перерыве между деятельностью Государственных дум различных созывов. Так, знаменитая столыпинская аграрная реформа была объявлена 9 ноября 1906 г., после того, как была распущена 1-я Государственная дума, и перед созывом 2-й Государственной думы.

Повторялась привычная схема русской истории — реформы инициируются сверху.

Выборы в Федеральное собрание. Обратная цена «реформ сверху» — непризнание значительной частью общества этих реформ как своих. В кругах, поддерживавших президента, существовала уверенность, что победа на выборах достанется пропрезидентскому блоку «Выбор России», который возглавлял Гайдар. Выбо-

¹ Эпоха Ельцина... С. 389.

ры в Государственную думу шли по следующей схеме: половина депутатов избиралась по спискам партий, другие шли по так называемому мажоритарному голосованию, то есть по простому большинству голосов, отданных за кандидата. Для того чтобы партия имела своих депутатов в Думе, требовалось, чтобы она набрала в стране не менее 5% голосов.

Итоги референдума о принятии новой Конституции и по выборам в Государственную думу 12 декабря 1993 г. были противоречивыми. Главным результатом стало утверждение Конституции. За нее проголосовало 32,9 млн. человек (58,4% от числа принявших участие в референдуме и 32,3% от общего числа избирателей страны).

Сложнее была расстановка политических сил в Государственной думе. Несмотря на мощную пропрезидентскую поддержку со стороны большинства средств массовой информации, вопреки тому, что ряд оппозиционных партий, и прежде всего компартия, были лишены в период избирательной кампании собственной прессы¹, итоги выборов оказались неприятной неожиданностью для власти.

Лидером в парламентском соревновании оказалась Либерально-демократическая партия В. В. Жириновского. Она получила 22,7% голосов. «Выбор России», которому прочили победу, получил 15,4%; компартия получила 12,4%, «Женщины России» — 8,1%, Аграрная партия — 7,9%, «Яблоко» — 7,8%, Партия российского единства и согласия — 6,8%, Демократическая партия России — 5,5% голосов.

Жириновский выступил в избирательной борьбе как талантливый демагог, призывавший к восстановлению СССР, использовавший националистическую риторику, говоривший то, что хотели слышать многие граждане страны, — нужен порядок, Россия должна гордиться своим прошлым, русские не должны быть нищими и униженными, не должны зависеть от Запада. На положительный имидж Жириновского работало и то, что ЛДПР не была вовлечена в трагические события начала октября 1993 г.

Сложнее был расклад политических сил, если учесть политические симпатии делегатов, избранных по мажоритарному принципу. Коммунисты вместе со своими союзниками — аграриями стали самым большим парламентским блоком. И. П. Рыбкин, возглавлявший в Верховном Совете фракцию «Коммунисты России», избранный в Государственную думу по спискам Аграрной партии, стал Председателем Государственной думы.

¹ Издание газет, близких КПРФ, были возобновлены: «Правда» — 2 ноября 1993 г., «Советская Россия» — 23 ноября 1993 г.

Вместе с тем выборы в Государственную думу имели огромное стабилизирующее значение. Все сколько-нибудь влиятельные политические силы страны, пройдя через процедуру выборов, тем самым:

— признали правомочность и дееспособность Конституции 1993 г.;

— ограничили острую политическую борьбу в стране стенами Государственной думы;

— приняли принцип разделения властей, и в частности роль Государственной думы именно как парламента, как органа законодательной власти;

— разрывали с традицией «всевластия Советов».

Важным фактором стало то, что на сцену политической жизни России вышли политические партии. Начался трудный и сложный процесс складывания подлинной многопартийности, процесс, не завершившийся и по сей день.

Новая Конституция России. Принятие новой Конституции стало важнейшим фактором стабилизации политической обстановки в стране и средством предотвращения возможности повторения трагических событий осени 1993 г. Все участвовавшие в выборах по новой Конституции политические силы — от возрожденной Коммунистической партии Российской Федерации до «Выбора России» и ЛДПР — принимали на себя обязательство действовать в конституционных рамках.

В Конституции провозглашено, что Российская Федерация — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ.

Человек (а не коллектив, класс, партия, как это было в старой Конституции), его права и свободы являются, по Конституции, высшей ценностью. В Конституции провозглашено признание идеологического и политического многообразия, многопартийности, принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, признание частной собственности равноправной с государственной и частной собственности на землю.

Конституция максимально деполитизирована. В ней не зафиксирована политическая природа общественного строя в России. Государственный строй в Российской Федерации определен как конституционный, а не общественный.

Вместе с тем в Конституции очевиден дисбаланс сил между президентом и парламентом. Права президента значительно превосходят права парламента. Тут трудно не увидеть реакцию на недавнее

«всевластие» Верховного Совета и Советов вообще. Теперь президент в качестве главы государства определяет политику, назначает главу правительства, выдвигает кандидатуры судей в Конституционный суд. Российский президент получил также право распускать Думу и назначать новые выборы в случае тоекратного отклонения ею предложенной президентом кандидатуры премьер-министра.

Верхняя палата Федерального собрания — Совет Федерации. Положение о выборах в Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации первого созыва предусматривало, что в этот орган должны входить по два депутата от каждого субъекта Федерации. Депутаты верхней палаты избираются на основе мажоритарной системы по двухмандатным избирательным округам, образуемым в рамках административных границ субъектов Федерации (один округ на территории каждого субъекта Федерации).

Первым Председателем Совета Федерации, избранным 13 января 1994 г., стал В. Ф. Шумейко.

* * *

1992—1993 гг. стали последним этапом остро политического кризиса, содержание которого в значительной степени определялось конституционным кризисом. Советская форма государственности, сохранившаяся в России, предполагала всевластие Советов и подчиненное положение исполнительной власти. Судебная власть в лице Конституционного суда в этот период в значительной степени шла за Верховным Советом России, и это дополнительно обостряло конфликт между исполнительной и законодательной властями. Этот конфликт с неизбежностью накладывался на сложнейшие социально-экономические, национально-государственные, федеративные отношения в стране. Продолжение этого конфликта было чревато ослаблением центральной власти в стране с предсказуемыми последствиями. Серия конфликтов между президентом и Верховным Советом привели к крайней политизации жизни страны, к попытке импичмента президента в марте 1993 г., к референдуму о доверии президенту и Верховному Совету, а затем — к президентскому Указу № 1400, объявившему о роспуске съезда и Верховного Совета и проведении референдума по новой Конституции. Апогеем противостояния, политического конфликта стали события конца сентября — начала октября 1993 г., выразившиеся в мятеже сторонников Верховного Совета и вооруженном подавлении этого мятежа.

Очерк 3

УСТАЛАЯ РОССИЯ

1994—1999

Политика для политиков. — Экономика и жизнь. — Приватизация. — Выборы. — Новые люди во власти. — 1998 год на качелях экономики. — Дефолт. — Операция «наследник».

Политика для политиков. Бурная политическая жизнь в России, развивавшаяся по плохо предсказуемым сценариям, с непосредственным вовлечением в борьбу миллионов людей, с массовыми движениями различной политической направленности, с многотысячными митингами и демонстрациями закончилась. Конституция, принятая 12 декабря 1993 г., ввела все основные политические силы страны в колею пути, который был проложен Основным Законом. Выборы в Думу по партийным спискам «приручили партии», сделали их поведение более ответственным. Стала формироваться подлинная многопартийность, а с ней — осознание необходимости взаимодействия партий, создание блоков и коалиций как в Думе, так и на выборах.

Случилось то, чего, пожалуй, не было в советской и российской истории начиная с 1985 года. Политика перестала быть интересной, перестала быть личностной. Недостаток харизмы стал замещаться политическими технологиями, митинговые лозунги, выводившие на улицы десятки и сотни тысяч людей, — натужливым пиаром. Количество интриг во власти не уменьшилось. Просто они стали «кухонным делом», неинтересным для большинства граждан и жизненно важным только для людей во власти.

Надежды на очередного мессию уходили в прошлое. Главным становился быт.

Экономика и жизнь. Жизнь большинства граждан страны оставалась трудной. Государство отказывалось от социальных гарантий, которые оно давало десятилетиями. Рушилось прежнее устройство жизни — рушилось на уровне личной жизни человека, его предприятия, где он работал, а, как оказалось, продукция завода или института никому не нужна; школы, где учился и предстояло учиться его детям или внукам, — выяснялось, что за мало-мальски приличное образование нужно платить; поликлиники, куда ходили за бюллетенем, и такая привычная «скорая помощь» теперь оказывалась платной; домоуправления, откуда стали сообщать, что плата за квартиру равна трети пенсии; троллейбуса, на котором ездили на работу и на проездной на который теперь переставало хватать денег.

Стали больше пить. Смерть от неумеренного алкоголя стала чаще¹ (см. табл. 15).

Табл. 15. Смертность от алкоголя

	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Всего умерших от алкоголя, тыс. чел.	18,2	18,7	29,0	52,8	68,8	57,7
на 100 000 населения, чел.	12,3	12,6	19,5	35,9	46,5	39,1

Стали меньше читать. Тиражи книг упали² (см. табл. 16).

Табл. 16. Книгоиздание

	1992	1993	1994	1995
Тираж книг и брошюр, тыс. экз.	1313	950	594	475
Издано книг на 1 тыс. населения, экз.	8830	6396	4007	3210

Значительная часть населения как жила, так и продолжает жить ниже прожиточного уровня³ (см. табл. 17).

¹ Семья в России. Официальное издание. 1996: Статистический сборник. М., 1996. С. 64.

² 1997. Россия в цифрах. Официальное издание. М., 1997. С. 90.

³ См.: 1997. Россия в цифрах. Официальное издание. М., 1997. С. 51, <http://www.gks.ru/scripts/free/lc.exe?xxxx14F.5/3/1/000130R>.

Табл. 17. Доходы населения

	Млн. человек, имевших доходы ниже прожиточного уровня	В % от общей численности населения
1992	50,2	33,5
1993	46,9	31,5
1994	33,3	22,4
1995	36,6	24,7
1996	31,9	21,6
1997	31,0	21,0
1998 ¹	31,6	21,5

Ухудшение условий жизни привело к сокращению жизни людей, к уменьшению численности страны² (см. табл. 18).

Табл. 18. Численность населения (на конец года, млн. человек)

1970	1975	1980	1985	1990	1995	1997	1998	1999
130,6	134,5	138,8	143,6	148,2	147,6	146,7	146,3	145,6

1993 г. страна прожила с высоким процессом инфляции. С начала 1994 г. правительство стало проводить умеренно-жесткий антиинфляционный курс в сочетании с финансовой поддержкой военно-промышленного комплекса и аграрного сектора. Важной, постоянно декларируемой целью правительства в 1994—1998 гг. была финансовая стабилизация, стремление подавить инфляцию. В 1994—1997 гг. удалось значительно снизить темпы инфляции (см. табл. 19).

Табл. 19. Динамика официального курса доллара США по отношению к российскому рублю (на конец месяца)³

1992, декабрь	415
1993, декабрь	1247
1994, декабрь	3550
1995, декабрь	4640
1996, декабрь	5560
1997, декабрь	5,926 ⁴
1998, 10 августа	6,291 ⁵
1998, декабрь	20,900 ⁶

¹ Данные на март 1998 г.

² Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб. / Росстат. М., 2004.

³ 1997. Россия в цифрах. С. 228.

⁴ <http://www.ocean.ru/currency/txt/10-12-97.htm>.

⁵ http://www.ocean.ru/currency/txt/10_08_98.htm.

⁶ <http://www.yachting.ru/currency/1998.12.30.txt>.

Эта задача — снижение инфляции — осуществлялась за счет специальных мер правительства и Центробанка, определения так называемого «валютного коридора», обменного курса рубля к доллару. Наличие «валютного коридора», с одной стороны, способствовало стабилизации экономических процессов, с другой — поддерживало высокий обменный курс рубля. Это, в свою очередь, способствовало ввозу в Россию товаров из-за рубежа, созданию острой конкуренции для отечественной промышленности.

Парадоксом российской экономики на этапе реформ стало то, что при некотором увеличении заработной платы в ее долларовом исчислении реальная покупательная способность населения снижалась. Покупательная способность доллара сократилась в 1992—1993 гг. соответственно в 5,1 и 3,2 раза. В 1994 г. она сократилась на 8,8%, однако в 1995 г. произошло новое резкое падение покупательной способности доллара¹. Поэтому кажущийся существенным рост заработной платы в 1992—1997 гг. в ее долларовом эквиваленте не приводил к улучшению уровня жизни (см. табл. 20).

Табл. 20. Заработная плата работников предприятий и организаций в рублях и в долларах США²

Годы	Среднемесячная начисленная заработная плата в ценах соответствующего периода	
	Руб.	Долл. США
1991	548	...
1992	5995	22
1993	58 863	57
1994	220 351	98
1995	472 392	103
1996	805 924	157
1997 ³	1 215 000	205
1998 ⁴ ноябрь	1113 деноминированных	53,6 ⁵

¹ Делягин М. Г. Россия в депрессии. Экономика: анализ проблем и перспектив // Вестник банковского дела. Специальный выпуск. 1997, № 3. С. 15.

² 1997. Россия в цифрах. Официальное издание. М., 1997. С. 60.

³ По сведениям Госкомстата России. См.: <http://www.gks.ru/script/free/Is.exe?xxxx14FF.1.5.2./00012OR>.

⁴ Там же.

⁵ Приблизительные подсчеты, при среднем курсе доллара США, равном 17 рублям на конец октября 1998 г.

Приватизация. Ко времени завершения чекового этапа приватизации, к июлю 1994 г., было приватизировано 75,4% предприятий торговли, 66,3% — предприятий общественного питания, 76,4% предприятий обслуживания населения¹. В начале июля 1994 г., подводя итог первому этапу приватизации, вице-премьер правительства А. Чубайс заявил: «Ни в одной стране мира подобного масштаба программа в подобные сроки подобным образом не совершалась. Россия сделала это впервые не только в своей истории, но и вообще в истории. Этот факт сегодня невозможно отрицать. Невозможно отрицать и тот факт, что именно программа российской приватизации сделала необратимой, пожалуй, всю программу российских экономических реформ».

С июля 1994 г. начался второй — денежный этап приватизации. Суть его состояла в стремлении привлечь средства для финансирования промышленности. На новом этапе приватизации деньги, уплаченные за приобретение предприятий, должны были инвестироваться в реальный сектор экономики. Однако эта задача осталась невыполненной. Из-за хронического отсутствия средств в бюджете государство стало использовать денежную приватизацию для того, чтобы привлечь деньги для нужд бюджета. Продажа крупнейших промышленных или добывающих предприятий зачастую шла «по случаю», для того, чтобы срочно найти для бюджета деньги для выплаты пенсий, решения каких-то проблем казны.

Приватизация не привела к притоку инвестиций. Наоборот, иностранные инвестиции в экономику сокращались, направлялись по преимуществу в добывающие отрасли, главным образом в топливно-энергетический комплекс. Государство фактически потеряло контроль над предприятиями цветной металлургии, где более 90% акций перешли в руки западных компаний. Была отмечена скупка западными фирмами предприятий оборонного комплекса и предприятий-конкурентов². Приватизацию критиковали за то, что крупнейшие промышленные предприятия продавались по минимальной стоимости, что 500 крупнейших приватизированных предприятий России стоимостью не менее 200 млрд. долл. были фактически проданы за 7,2 млрд. долл. США³.

Острой критике были подвергнуты факты приватизации иностранными собственниками стратегически важных предприятий

¹ Новейшая история Отечества. XX век / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. Т. 2. М., 1997. С. 395—396.

² Там же. С. 398.

³ Там же. С. 397.

в таких отраслях, как электроника, авиация, ракетостроение, атомная энергетика.

Государственная дума Российской Федерации в июле 1994 г. признала итоги первого этапа приватизации неудовлетворительными.

Вместе с тем важнейшим результатом приватизации стало радикальное изменение форм собственности в стране. Важность этого обстоятельства нельзя переоценить, так как именно приватизация привела к появлению класса собственников в России.

С 1995 г. Россия вступила в фазу депрессии. Эта фаза, пришедшая на смену кризису, характеризовалась усилением государственного контроля над финансами, отказом Центробанка России от финансирования дефицита государственного бюджета за счет льготных кредитов. На этом этапе, продолжавшемся до лета 1998 г., удавалось поддерживать стабильный курс рубля относительно доллара. Была подавлена высокая инфляция. Это достигалось жестким контролем над денежной массой. Обратным результатом этих мер стали многомесячные задержки заработной платы бюджетникам и пенсий для пенсионеров, недофинансирование государственных расходов.

Правительству, как всегда, требовались деньги. На внеплановую крупномасштабную приватизацию правительство не решалось. И тогда был изобретен механизм залоговых аукционов (автор идеи — президент ОНЭКСИМ-банка В. Потанин). 31 августа 1995 г. президент встретился с представительной делегацией московских и провинциальных банкиров, кстати, Потанина среди них не было. Во встрече участвовали В. Гусинский (Мост-банк), Я. Дубенецкий (Промстройбанк), Н. Раевская (Автобанк), С. Родионов («Империал»), Г. Тосунян (Технобанк), М. Ходорковский (МЕНАТЕП), В. Хохлов (Токобанк), С. Егоров (АРБ), А. Козырева (Тверь-универсалбанк), Е. Колуга (Сибторгбанк), В. Попков (Урал-внешторгбанк). Сразу был подписан указ об аукционах на право заключения договоров банковского кредита правительству. В результате значительные госпакеты акций крупных промышленных предприятий оказались в залоге у банков, которые в 1997 г., после невозврата государством кредитов, выкупили их на повторных аукционах у самих себя. В 1996—1997 гг. государство также продавало на инвестиционных конкурсах акции нефтяных компаний¹.

Выборы 1996 г. и связанные с ними методы использования экономических рычагов власти, раздача обещаний, направление в регионы денежных средств дополнительно осложнили экономи-

¹ <http://rustrana.ru/print.php?nid=9651>.

ческое положение страны. За период январь — сентябрь 1996 г. валовой внутренний продукт (ВВП) сократился на 6% по сравнению с соответствующими месяцами 1995 г. Бюджет страны продолжал оставаться дефицитным. Правительство было вынуждено систематически прибегать к секвестированию бюджета — сокращению расходов, уже заложенных в бюджет (см. табл. 21).

Табл. 21. Исполнение федерального бюджета России в 1996 г. (трлн. руб.)¹

	Утвержденный бюджет	Фактическое исполнение	Фактически исполнено в % к утвержденному бюджету
Доходы	347,2	281,9	81,2
Расходы	437,3	356,2	81,5
Дефицит	90,1	74,3	82,5

Следствием этого стали экономические забастовки. Пик их пришелся на 1995—1996 гг.² (см. табл. 22).

Табл. 22. Численность забастовок (предприятий и участников)

	1992	1993	1994	1995	1996
Число предприятий, участвовавших в забастовках	6273	264	514	9956	8278
Число участников забастовок, тыс.	357,6	120,2	155,3	489,4	663,9

Спад производства привел к росту безработицы (см. табл. 23)

Табл. 23. Численность безработных (по данным обследований населения по проблемам занятости)³

	1992	1993	1994	1995	1996
Общая численность безработных	3567,8	3954,3	5433,5	6410,4	6473,1

¹ 1997. Россия в цифрах. С. 199.

² 1997. Россия в цифрах. С. 46.

³ 1997. Россия в цифрах. С. 39.

Совокупность неблагоприятных социально-экономических факторов, усугубленных тяжелейшим кризисом в Чечне, началом полномасштабных боевых действий на Северном Кавказе, с целью «восстановления конституционного порядка», и новая напасть — терроризм, покотившийся по России, осложняли политическую обстановку, способствовали росту настроений протеста в стране.

Выборы. 17 декабря 1995 г. состоялись выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации второго созыва. Для того чтобы войти в состав Государственной думы, избирательным объединениям и блокам необходимо было набрать не менее 5% голосов от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании. Эта мера должна была способствовать ускорению формирования партийных структур в парламенте. Смогли пересечь пятипроцентный барьер проправительственное Всероссийское общественно-политическое движение «Наш дом — Россия» (лидер — В. С. Черномырдин), получившее 10,18% от числа избирателей, принявших участие в голосовании, «Общественное объединение «Яблоко» (6,89%) (лидер — Г. А. Явлинский), Коммунистическая партия Российской Федерации (22,30%) (лидер — Г. А. Зюганов) и Либерально-демократическая партия России (11,18%) (лидер — В. В. Жириновский). Председателем Госдумы стал представитель фракции коммунистов Г. Селезнев.

Расстановка политических сил вновь оказалась не в пользу президента и правительства. Дума оказалась еще более «левой», чем ее предшественница. Правительственная партия — «Наш дом — Россия» потерпела еще более сокрушительное поражение, чем пропрезидентский блок «Выбор России» Егора Гайдара в декабре 1993 г.

Вместе с тем «левая» Дума оказалась несравненно более ответственной, чем ее предшественник — Верховный Совет. В депутатском корпусе отражались интересы доминирующих отраслей производства каждого региона, депутаты поддерживали тесные внутренние связи с бизнесом и органами исполнительной власти. Поэтому «на втором плане» оппозиционная Дума и ее депутаты искали и находили связи с администрацией президента и правительством. Складывался механизм сотрудничества между исполнительной и законодательной властями.

Важную роль на этом пути сыграл Совет Федерации во главе с его Председателем Е. С. Строевым.

Выборы президента, состоявшиеся летом 1996 г., стали серьезным испытанием для политической конструкции государства, определенной Конституцией 1993 г. Сильно сдавший, постаревший, утративший значительную часть общественной поддержки Ельцин оставался символом необратимости реформ, прошедших в стране в 1990-е гг.

Невыплаты заработной платы приобрели столь хронический характер, что стали опасным фактором для президента Ельцина в ходе его избирательной кампании 1996 г. Президент требовал от своего помощника по экономическим вопросам А. Я. Лифшица ежедневно контролировать выплату заработной платы и ежедневно требовал от него отчет по ликвидации этих долгов¹.

На выборах 1996 г. на политическую арену едва ли не впервые открыто вышел крупный российский бизнес. Как утверждает пресса, союз банкиров в поддержку переизбрания Ельцина в июне 1996 г. на второй срок сложился в марте 1996 г. на Давосском экономическом форуме. В том же месяце на встрече Б. Березовского, В. Гусинского, В. Виноградова, М. Ходорковского, А. Смоленского и В. Потанина с Ельциным в присутствии А. Чубайса достигнута договоренность о поручении последнему ведения избирательной кампании. Уклонившийся от участия в союзе Тверьуниверсалбанк немедленно после выборов был подвергнут строжайшей ревизии и фактически закрыт на два года².

Избирательная кампания, перенасыщенная интригами, скандалами, неожиданными отставками и не менее неожиданными политическими союзами³, обеспечила победу Ельцина. Первый тур, прошедший 16 июня 1996 г., дал Ельцину — 35,28%, Зюганову — 32,03%, А. Лебедю — 14,52%, Явлинскому — 7,34%, В. Жириновскому — 5,70%. Аутсайдерами выборов стали С. Федоров, М. Горбачев, М. Шакум, Ю. Власов, В. Брынцалов, получившие менее 1% голосов.

Накануне второго тура голосования произошло важное политическое событие — А. Лебедь призвал своих избирателей голосовать за Ельцина и стал секретарем Совета безопасности России. Во втором туре голосования большинство получил действующий президент Ельцин — 53,83%. Его соперник, лидер коммунистов Зюганов — 40,30%.

¹ Эпоха Ельцина... С. 551—553.

² <http://rustrana.ru/print.php?nid=9651>.

³ Подробнее о сложных перипетиях президентской избирательной кампании см.: Эпоха Ельцина... С. 545—576.

Помощники президента, написавшие обстоятельные воспоминания о своем начальнике, одну из глав назвали очень точно, может быть, даже точнее, чем хотелось: «Сегодня инаугурация. Траур завтра»¹. За этим названием скрывались события, начавшиеся уже на второй день после вступления Ельцина на пост президента: 9 августа 1995 г. — торжественная процедура в Кремле, 10-го — объявление государственного траура по людям, погибшим в Чечне, а следом за этим — знаменитое Хасавюртское соглашение, подписанное А. Лебедем и А. Масхадовым, ставшее попыткой (к сожалению, неудачной) закончить войну на юге России, стоившую в три-четыре раза больших потерь, чем война в Афганистане.

В хлестком названии главы без труда прочитывается и другой смысл: Б. Н. Ельцин получил президентскую власть, будучи тяжело больным человеком. Даже сама процедура инаугурации стала для него тяжким испытанием. «Нездоровье лидера превратилось в один из основных факторов российской политики»². С этим выводом людей, прекрасно знавших президента, нельзя не согласиться.

Новые люди во власти. В 1990-е гг. происходят важные изменения в составе властной элиты. Прежний номенклатурный принцип, 70 лет связывавший людей во власти, был разрушен. На смену ему пришли совершенно иные принципы комплектования. Сам процесс формирования властной элиты до сих пор еще далек от завершения. Этот слой оказался подвержен столь глубоким изменениям, а состав так переменчив, что его впору называть маргинальным. Однако за это десятилетие наметились некоторые тенденции, которые, без сомнения, сохранятся и в будущем.

Прежде всего, расширились границы этого слоя. В нем можно выделить несколько уровней. Первый уровень — федеральное чиновничество. Высшее руководство примерно на 70% состояло из бывшей советско-партийной номенклатуры. Однако оно отличалось от старой — брежневской и горбачевской элиты. Новая элита была моложе (средний возраст высшего руководства при Брежневе — 61,8 года, при Горбачеве — 54 года, при Ельцине — 53,1 года)³. Она была более образованна: президентская команда Ельцина на 2/3 состояла из докторов наук. Сократилось число «технарей» в руководстве: при Брежневе их было 88,5%, при Горбачеве —

¹ Эпоха Ельцина... С. 703.

² Там же. С. 575.

³ Понеделков А. В., Старостин А. М. Введение в политическую элитологию. Спецкурс. Ростов-на-Дону, 1998. С. 100.

68,6%, при Ельцине — 36,4%¹. Изменилось и происхождение высшего чиновничества. При Брежневе преобладали выходцы из деревни — 57,5%. При Горбачеве они составляли почти половину — 48,6%. В высшем руководстве Ельцина их было всего 12%².

Новым явлением власти стало приобретение несравненно большего влияния региональными элитами. В 1995—1996 гг. были избраны губернаторы и главы администраций субъектов Федерации. В главы исполнительной власти регионов вошли до 50% прежних руководителей структур советских и партийных органов³. Однако они в несравненно меньшей степени стали зависеть от федеральной власти. Прежняя номенклатурная ответственность перед «вышестоящими» и «демократический централизм» остались в прошлом. Резко сузился состав представительных органов на региональном уровне⁴. Но выросла зависимость местных элит от местных промышленников, финансовых центров, активизировались лоббистские устремления значительной части депутатского корпуса.

Все более важную роль во власти стал играть бизнес. Влияние его на власть было многосторонне:

- в форме непосредственного участия в политической борьбе, а именно в ходе президентских выборов 1996 г.;

- путем рекрутирования представителей бизнес-элиты во власть (назначение В. Потанина вице-премьером правительства, Б. Березовского — заместителем секретаря Совета безопасности, М. Лесина — министром печати и др.);

- создание лоббистов в депутатском корпусе путем финансирования избирательных кампаний⁵;

- финансирование средств массовой информации и формирование таким образом необходимых политических установок в общественном сознании. Эта практика получила практически повсеместный характер;

- переход представителей органов исполнительной власти в частный крупный бизнес (Е. Гайдар, П. Авен, А. Вавилов, А. Лифшиц и др.).

¹ Понеделков А. В., Старостин А. М. Введение в политическую элитологию. Спецкурс. С. 102—103.

² Там же. С. 101.

³ Огарев А. В., Понеделков А. В. Лидер. Элита. Регион. Ростов-на-Дону, 1995. С. 134.

⁴ Так, численность представительного органа местного самоуправления в г. Кургане сократилась ровно в 10 раз — со 100 до 10 человек.

⁵ Реальная стоимость избирательной кампании в выборах в Госдуму составляла, по некоторым данным, до 300 тыс. долларов.

Процесс нарастания прямого влияния бизнеса на региональную политику стал заметен и при формировании органов исполнительной власти. С каждым годом увеличивалось число губернаторов-бизнесменов — губернатором Мурманска стал Ю. Евдокимов, представляющий в регионе интересы московской АФК «Система», Чукотки — Р. Абрамович, глава нефтяной компании «Сибнефть», Красноярского края — А. Хлопонин, глава «Норильского никеля»; в Эвенкии — Б. Золотарев, один из руководителей нефтяной компании ЮКОС, в Калмыкии стал президент К. Илюмжинов. Этот список можно продолжать и продолжать¹.

Другим заметным явлением в процессе формирования элит стало проникновение криминальных элементов. Нередки случаи прямого их участия в законодательном процессе на уровне регионов страны².

1998 год на качелях экономики. В начале 1998 г. Госкомстат России представил в правительство информацию о социально-экономическом положении России³. Едва ли не впервые с 1990 г. там содержались сдержанно-оптимистические оценки состояния экономики. Инфляция составила 11,6%, рост ВВП составил 101,3% к январю 1997 г. Статистики зафиксировали рост отдельных отраслей промышленности — черная металлургия выросла за год на 104,7%, цветная — на 117,4%. Рост в промышленности был отмечен и в январе 1998 г.⁴ Существенно, что рост происходил и в тех отраслях промышленности, которые были ориентированы не на экспорт, а на внутреннее потребление — в легкой промышленности (109,5%), медицинской, полиграфической отраслях⁵.

Прежде некоторый всплеск, рост производства был отмечен и во втором полугодии 1995 г., но после этого опять наступил его спад, во многом обусловленный обстановкой президентских выборов, многочисленными обещаниями поддержки отдельных отраслей и

¹ Подробнее см.: Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 354—357.

² Кириллов А. Д. Социально-политическое развитие регионов в период становления новой российской государственности, 1990—1998 гг. (на материалах Урала): Автореферат докторской диссертации: Специальность 07.00.02. Отечественная история. Челябинск, 1999; Гаман О. Региональные элиты в постсоветской России // Российская Федерация. 1995. № 10.

³ Социально-экономическое положение России. Январь 1998. Госкомстат. М., 1998.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

регионов, словом, теми экономическими аргументами, которыми действовавшая власть пыталась обеспечить переизбрание Б. Н. Ельцина. Отличие 1997 г. состояло, по мнению тогдашних аналитиков, в устойчивом росте производства, особенно в последнем квартале. Этот рост, в отличие от прошлых «оживлений», носил, по их мнению, не конъюнктурный, а вполне осмысленный характер.

Отмечу важнейший факт: экономический рост наметился в тех условиях, когда в течение всего 1997 г. снижались цены на нефть — важный источник пополнения государственного бюджета. Они упали с 23 долларов за баррель в октябре 1996 г. до 16 долларов — в конце 1997 г.¹

Поддержание стабильности рубля было важнейшим, знаковым признаком финансовой политики правительства. Выборы президента в 1996 г., огромные выплаты из государственного бюджета стали фактором, ослабившим государственную казну. Кроме этого наметился целый ряд других негативных факторов. Отмечу их:

— С 1995 г. наметилась долговременная перспектива снижения мировых цен на нефть — один из важнейших российских экспортных товаров. Цены на нефть повалились уже в 1997 г. Баррель сырой нефти марки брент-смесь (ARA) стоил в январе 1997 г. 23,93 доллара; в феврале — 20 долларов, в марте — 18,52 доллара². В январе 1998 г. цена сырой нефти в Нью-Йорке опустилась ниже 17 долларов за баррель, а к 9 января котировки февральских контрактов на сырую нефть на NYMEX достигли 6,63 доллара за баррель. Одновременно с этим упали цены и на газ — другую важную статью русского экспорта³.

Ухудшилась собираемость налогов. В первом квартале 1998 г. план сбора налогов оказался сорван. В феврале налогов собрали почти на 20% меньше, чем за тот же период 1997 г. Это, в свою очередь, било по всей системе финансирования государственных расходов. При расчетных 20 млрд. рублей в месяц в марте бюджет получил меньше 12 млрд. В апреле собрали 12,5 млрд. рублей по сравнению с 14 млрд. рублей в апреле 1997 г.

Стремясь найти средства в бюджет, Банк России в начале 1998 г. повысил привлекательность рублевых ресурсов, применив привлечение рублевых ресурсов коммерческих банков на краткосрочные

¹ Подробнее см.: *Жиляев К. В.* Анализ структуры и динамики российского экспорта в 1994—2000 гг. // Сб. науч. трудов ИМП РАН. М., 2003.

² <http://www.br.minsk.by/archive/15-97/tab771.htm>.

³ *Шахова Е.* Ирак возобновляет поставки // Русский телеграф. 1998 13 января. С. 9.

депозиты. Ставка привлечения повысилась до 22% годовых, увеличивая нижнюю границу стоимости рублей на кредитном рынке. В преддверии аукционов по гособлигациям ставки по сверхкоротким кредитам доходили до 40—45% годовых¹.

— Отсутствие необходимых средств в казне породило планы внутренних заимствований, путем выпуска государственных краткосрочных обязательств — ГКО-ОФЗ. Суть этой меры — в размещении Минфином государственных финансовых обязательств, заем денег под проценты. Однако правительству деньги давали неохотно. Поэтому Центральный банк обязали выкупить те ГКО, которые не раскупились на финансовом рынке. Следствием этого стал разгон инфляционных тенденций. Высокая доходность ГКО, достигавшаяся за счет все возрастающих процентов по выплатам, превращала эти финансовые инструменты в собственную противоположность. Вместо того чтобы обеспечить поступление средств в бюджет, ГКО превращались в средство получения денег из бюджета. Доходность на рынке ГКО-ОФЗ не опускалась ниже 40%². Нередко доходность ценных государственных бумаг взлетала до 100 и даже 300% годовых, курс рубля удерживался неимоверными усилиями Центробанка, который для этой цели тратил из своих валютных резервов более 1 млрд. долларов в неделю.

— Во многом неожиданная отставка премьер-министра Черномырдина и назначение нового премьера — Кириенко подрывали доверие в сохранении экономического курса страны, что, в свою очередь, увеличивало опасения участников рынка и напряженность инфляционных ожиданий.

— Попытки получить заимствования на внешнем рынке западные инвесторы расценивали как признак приближающейся катастрофы, что приводило к оттоку капиталов.

Экономический кризис развивался на фоне продолжавшегося экономического спада. Объем промышленной продукции к октябрю 1998 г. составлял только 90,9% по отношению к ноябрю 1997 г.³ При этом нарастающая катастрофа маскировалась потоком заявлений об экономической стабильности, о надежности рубля, о способности Центрального банка сохранять «валютный коридор» рубля.

Доходы федерального бюджета России в январе — октябре 1998 г. составили всего 215,7 млрд. рублей, или 58,7% от плана. По

¹ Социально-экономическое положение России. Январь 1998. С. 189

² Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001 С. 735—746.

³ <http://www.gks.ru/osnpok.htm>.

официальным данным федерального казначейства Минфина, расходы федерального бюджета за этот же период составили 281,8 млрд. рублей. Самой крупной статьей бюджетных расходов в этих условиях стало обслуживание государственного долга, на которое было выделено 87,6 млрд. рублей, в том числе на обслуживание внешнего долга — 23,6 млрд., а внутреннего (в том числе по ГКО) — 63,9 млрд. рублей. Эти факторы, с которыми совпали финансовые проблемы в ряде стран Дальнего Востока, спровоцировали тяжелый экономический кризис в России в августе 1998 г. Государство обанкротилось.

Дефолт. В конце июля правительство праздновало победу по случаю получения первого транша стабилизационного кредита Международного валютного фонда (МВФ). На счета Центробанка поступила первая порция стабилизационного кредита. В начале августа кабинет занялся номинированием в долларах новых долгосрочных бумаг, которые должны были, по замыслу, заменить ряд серий ГКО. В 1998 г. подлежали погашению ГКО, принадлежащие иностранцам и российским инвесторам (соответственно, 8 и 24 млрд. долларов). Правительство планировало конвертировать ГКО на сумму в 6 млрд. долларов.

Кредиты МВФ, а также Всемирного банка от кризиса не спасли. Они его только отсрочили. Вся первая половина августа прошла под знаком обвалов, которые периодически сотрясали различные сегменты финансового рынка.

Понятно, что при таких темпах расходования валютных резервов и от заграничных кредитов очень скоро ничего бы не осталось. Иностранцы принялись активно выводить с российских торговых площадок свои капиталы. Отечественные инвесторы спешили продать ценные государственные бумаги и акции. Из-за падения цен на мировых рынках начал терпеть убытки нефтегазовый комплекс: валютная выручка стремительно уменьшалась, а завышенный курс рубля по отношению к доллару сделал экспорт невыгодным.

17 августа 1998 г. правительство и Центробанк заявили, что «в результате ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры и неудовлетворительного положения дел с доходами бюджета резко обострилась проблема управления государственным долгом. Расходы по погашению ранее выпущенных государственных бумаг и уплате процентных платежей по ним при низком уровне налоговых поступлений стали непомерным бременем для государственного бюджета». Далее следовало объявление о фактическом банк-

ротстве страны. Центральный банк объявлял о своем отказе выполнять обязательства по ГКО. Торги по государственным ценным бумагам были остановлены.

С 17 августа Банк России перешел к так называемому плавающему курсу рубля в рамках расширенных границ «валютного коридора» — от 6 до 9,5 рублей за доллар до конца года. Невозможность справиться с нараставшими проблемами породила беспрецедентное решение Правительства Российской Федерации и Центрального банка России. Ценные государственные бумаги (ГКО и ОФЗ) со сроками погашения до 31 декабря 1999 г. включительно правительство решило переоформить в новые ценные бумаги. До конца этого переоформления торги на рынке ГКО-ОФЗ были прекращены. Введены ограничения на осуществление валютных операций для отечественных инвесторов. Более того, власти решили запретить на три месяца все выплаты по возврату финансовых кредитов, полученных за границей. Кроме того, иностранцам было запрещено вкладывать средства в рублевые активы со сроком погашения до 1 года. Был объявлен мораторий на осуществление выплат по возврату финансовых кредитов, в том числе от иностранных кредиторов на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг, на выплаты по срочным валютным контрактам.

Одновременно с этим Центробанк отказывался поддерживать прежний курс рубля. Была поднята верхняя планка «валютного коридора» — с 6 рублей до 9,5 рубля за доллар. Удержать рубль от дальнейшего падения не удалось.

Вынужденное решение правительства и Центробанка сразу же повлекло за собой как долговременные, так и моментальные политические и экономические результаты.

21 августа С. Кириенко без какого-либо успеха выступил перед депутатами Государственной думы. Он, между прочим, заметил, что в России нет политической силы, которая согласилась бы сегодня, в условиях финансового кризиса и социальной напряженности, возглавить правительство. Но премьер ошибся.

23 августа Б. Ельцин отправил кабинет в отставку. Исполняющим обязанности премьера президент назначил В. Черномырдина. 24 августа в Думу поступило письмо главы государства с предложением утвердить Черномырдина в должности председателя правительства.

7 сентября председатель ЦБР С. Дубинин написал прошение об отставке. Он обратился к властям с призывом сохранить Цен-

тробанк в качестве независимого института и назвал «приятной новостью» подписание шестью банками соглашения со Сбербанком о переводе обязательств перед вкладчиками. Дубинин признал возможность в ближайшее время масштабной денежной эмиссии для помощи федеральному бюджету.

Государственная дума резко выступила против предложения Ельцина назначить Черномырдина премьер-министром. Она дважды отклоняла его кандидатуру. Президент оказался перед выбором: назначить Черномырдина, но тогда следовало распустить Думу и начать новые выборы. В условиях стремительно нарастающего экономического кризиса легко было предположить, что новая Дума будет много хуже старой.

Тогда Ельцин в очередной раз круто повернул политический штурвал. Думе была предложена кандидатура Е. М. Примакова. Не были секретом его хорошие отношения с левыми фракциями парламента. 11 сентября 1998 г. он был утвержден большинством Государственной думы. На заседании кабинета 14 сентября Е. Примаков заявил, что все действия, которые будут предприниматься, должны служить «развитию национальной экономики, промышленности, культуры, здравоохранения».

Пост первого вице-премьера получил коммунист Ю. Маслюков, министра финансов — «яблочник» М. Задорнов; в качестве консультантов правительства оказались академики-экономисты, резко критиковавшие экономический курс Ельцина — Гайдара — Черномырдина: Л. Абалкин, О. Богомолов, Н. Петраков, Д. Львов.

Председателем Центробанка, после отставки С. Дубинина, был назначен В. Геращенко, никогда не скрывавший своего неприятия «монетаристской политики» своего предшественника. Из выступлений Примакова, Геращенко, а также министра финансов М. Задорнова следовало, что денежными источниками правительство считает золото, ожившую экономику, печатный станок и борьбу с правонарушениями¹.

С конца августа 1996 г. начался катастрофический обвал курса рубля. Рубль в течение недели упал с 6 до 15 рублей за доллар и, качнувшись, остановился около 10 рублей, чтобы вскоре продолжить свое падение. Неопределенность валютного курса спровоцировала вспышку роста цен, приостановку экспортно-импортных операций. Далее последовал тяжелейший банковский кризис. Многие частные банки, в том числе крупнейшие — Инкомбанк, СБС-агро, Мост, ОНЭКСИМ и ряд других, державших значитель-

¹ http://www.vybory.ru/sociology/polit_2half1998_vlast.php3.

ные средства в ГКО, стали, следом за государством, отказывать своим клиентам в выплатах их собственных средств. Некоторые банки передали свои обязательства перед частными вкладчиками в принадлежащий государству Сбербанк.

Крах системы частных банков, в свою очередь, нанес удар по функционированию платежных систем в стране.

Однако в обстановке нараставшего экономического кризиса появился и «свет в конце туннеля», а если быть точным, то сошлись два фактора, повлиявшие на развитие отечественной экономики. Пожалуй, впервые с 1985 г. стала складываться исключительно благоприятная экономическая конъюнктура для страны.

Обвал рубля привел, по крайней мере, к двум ближайшим результатам. Во-первых, резко снизилась себестоимость производства, прежде всего за счет понижения удельного веса заработной платы. Поэтому падение курса рубля объективно стимулировало промышленность страны, сделало ее более конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках. Вторым результатом — это снижение импортных поставок в страну. Импортные товары в одночасье стали дорогими и неконкурентоспособными по отношению к товарам отечественным. Сократившийся импорт товаров составил в 1999 г. только 66,2% по отношению к 1998 г.¹ Зато появились покупатели отечественной продукции. Снижение себестоимости продукции, как следствие девальвации рубля, сделало российские товары — сталь, трубы, цветные металлы и др. — покупаемыми на мировом рынке. Это стимулировало производство и впервые обеспечило рост промышленного производства. Объем промышленной продукции вырос за год — с конца 1998 до конца 1999 г. — на 108,1%. Это были поистине небывалые темпы роста за последние четверть века, даже учитывая последствия обвала производства за предыдущие десять лет. Свидетельством оживления экономической жизни стало увеличение железнодорожных перевозок — за год — на 118,1%.

Вице-премьер Ю. Маслюков на встрече с главой миссии МВФ в Москве Хорхе Маркесом Руарте объявил, что в 4-м квартале 1998 г. рост промышленного производства в России составил 3,1%. Это самый высокий уровень роста производства с 1991 г., подчеркнул Ю. Маслюков. По его словам, рост продолжится в 1999 г.²

Правительство Примакова внесло на рассмотрение Думы проект бюджета на 1999 г., в котором значительно сокращены все государственные расходы и предусмотрен профицит — превыше-

¹ <http://www.gks.ru/script/free/lc.exe?xxx514F.2.1.1.13000R>.

² <http://old.polit.ru/documents/96808.htm>.

ние доходов над расходами. Это стало принципиально новым в экономической истории новой России. Появление профицита должно было способствовать организации работы по выплате долгов России, составляющих около 170 млрд. долларов. Эта сумма включала в себя долги бывшего СССР, принятые на себя Россией, и собственно российские долги. Дума в феврале 1999 г. утвердила этот бюджет. Падение курса рубля создало временные преимущества для производителей в ряде отраслей отечественной промышленности. В конце 1998 и в начале 1999 г. наметился подъем в машиностроительной отрасли, в переработке сельскохозяйственного сырья. Приостановилось сокращение валового внутреннего продукта.

Хуже было с социальными характеристиками жизни людей. Реальная заработная плата к концу 1999 г. составила 76,8% от прошлогоднего уровня, люди стали тратить меньше денег на покупки (объем розничного товарооборота составил 92,3%), выросло число безработных. Оно составляло к концу 1999 г. 9,2 млн. человек, или 106,8% по отношению к прошлому году¹.

Операция «наследник». Второй президентский период Б. Н. Ельцина отличался от первого. Если в первые годы президентства Ельцина это был деятельный, активный человек, то после победы на выборах 1996 г. ему пришлось лечь в больницу, Ельцину сделали операцию на сердце. И позже Ельцин был вынужден значительную часть времени проводить вне Кремля, «работать с документами» в своей загородной резиденции. В этих условиях возросла роль администрации президента и правительства в управлении страной. Серьезной проблемой для президента и правительства было отсутствие сколько-нибудь постоянной поддержки в Государственной думе. Большинство в ней принадлежало сторонникам компартии и их союзникам.

За Ельциным не стояла сколько-нибудь влиятельная политическая партия. Попытка создать пропрезидентскую, проправительственную партию «Наш дом — Россия», лидером которой стал председатель правительства В. С. Черномырдин, оказалась неэффективной, выродилась в бюрократический проект. Как любая «партия власти», рекрутируемая главным образом из чиновной и околоточниковой среды, она служила символу власти — главе государства — ровно до тех пор, пока тот крепко стоял на ногах, имел политическое будущее. Есть будущее у лидера — значит, есть бу-

¹ См.: <http://www.gks.ru/script/free/lc.exe?xxxx514F.2.1.1/13000R>.

душее у «партии власти». Если нет, то такая партия начинает тихо рассыпаться. Не стала исключением партия «Наш дом — Россия».

Ельцин явственно утратил свою харизму, способность влиять на людей, которая была ему свойственна в прошлом. Его надломил бесконечная чеченская война, ответственность за дефолт 1998 г. Популист по своей сути, по убеждениям, человек, искренне веривший в возможность улучшить жизнь простых людей, он разочаровался, замкнулся, утратил прежнее желание непосредственно участвовать в экономической жизни страны. В зеркале прессы он превратился в объект постоянного вышучивания — в лучшем случае — и яростных оскорблений — в худшем.

Пожалуй, единственная проблема, которая его серьезно занимала, — что и кто будет после него.

Предполагалось, что будущий преемник должен был обеспечить продолжение прежнего политического курса развития страны и гарантировать личную безопасность прежнего президента. Последнее — неслучайно. В политической истории России XX в. дурной традицией стали расправы над прежними лидерами и членами их семей — напомним судьбы таких разных людей, как Николай II, Рыков, Сталин, Маленков, да и позднейшая история дала тому немало подтверждений. А в случае с Президентом России уже с 1992 г. в оппозиционной прессе, на митингах звучал призыв: «Банду Ельцина под суд!» Немало сторонников такого лозунга было и в Думе.

К тому же в окружении президента были люди, которые подозревали Черномырдина в президентских амбициях, считали, что он мог действовать вопреки интересам Ельцина.

Задача поиска преемника была тем более актуальной, что Ельцин не мог, в соответствии с действующим законодательством, в третий раз участвовать в президентских выборах, которые должны были состояться в 2000 г. Ельцин часто болел, состояние его здоровья было таково, что он мог неожиданно прекратить исполнение своих обязанностей. По законодательству, его должен был заменить премьер-министр впредь до новых выборов. Таким образом, председатель правительства становился не только преемником президента, но и одним из самых перспективных кандидатов на президентский пост.

Параллельно с этим Ельцин стремился укрепить собственную администрацию, сделать ее абсолютно лояльной президенту и вместе с тем эффективным инструментом. Укрепление администрации шло двумя путями. С одной стороны, в администрации уси-

лилась позиция так называемой «семьи» — людей, близких Ельцину. Это были дочь президента Татьяна Дьяченко; ее муж В. Б. Юмашев — в будущем глава администрации, активный участник избирательной кампании 1996 г.; финансист, с успехом применявший близость к власти для реализации своих бизнес-проектов, Б. Березовский; представители «старой» администрации, «готовые играть по правилам «семейной» политики (такие, как С. Ястржембский или А. Волошин)¹. Нужно отметить, что при всем соблазне отождествления интересов Ельцина и «семьи» между ними сохранялись различия в подходах к политическому планированию. Похоже, Ельцин, забросив нити управления страной, тщательно и последовательно занимался поисками своего преемника.

В политическом климате висели грозовые тучи приближающихся выборов. В 1999 г. предстояли очередные выборы в Государственную думу, которые должны были стать «политическим смотром» накануне выборов президента в 2000 г. Ельцин несколько раз объявлял, что он не будет в них участвовать. Ему не верили. За ним сохранялось конституционное право еще раз вступить в избирательную борьбу (формально, по Конституции 1993 г., он избирался только один раз — в 1996 г.). А его способность побеждать в самых невероятных условиях вошла в отечественную политическую мифологию. Но как показали последовавшие события, старый президент был намерен осуществить другой политический сценарий.

Ельцин, верный своей политической традиции создания «сдержек и противовесов», опирался не только на «семью», но и усиливал администрацию выходцами из спецслужб, «силовых» структур, рассчитывая на их дисциплинированность, исполнительность, четкое следование указаниям старшего начальника. В декабре 1998 г. секретарь Совета безопасности, недавний директор Федеральной пограничной службы генерал Н. Бордюжа был назначен руководителем администрации президента, при этом он сохранял свою должность секретаря Совета безопасности, сменив В. Юмашева.

На новом посту Бордюжа оказался человеком самостоятельным, даже чрезмерно самостоятельным, по мнению «семьи». Он настаивал на ограничении влияния лоббистов на деятельность администрации — Б. Березовского, Р. Абрамовича и ряда других представителей крупного бизнеса. Не получив поддержки, Бордюжа подал в отставку.

На его место был назначен А. Волошин, за плечами которого был опыт работы в коммерческих структурах, близких к Б. Бере-

¹ Эпоха Ельцина... С. 778—779

зовскому. В администрации он работал с 1997 г., сначала помощником по экономическим вопросам, а затем заместителем тогдашнего руководителя В. Юмашева. Сторонник «семьи», он проявил себя как незаурядный организатор, способный налаживать отношения с фракциями Государственной думы, манипулировать за кулисами действиями политиков, в том числе и числившихся оппозиционными.

В мае 1999 г. в Государственной думе должно было состояться голосование о вынесении импичмента президенту. В ожидании этого события ухудшились отношения премьер-министра Примакова и президента. То, что Ельцин предложил именно Примакову пост председателя правительства, предполагало, что новый премьер-министр, пользовавшийся поддержкой ряда думских фракций, сможет отчасти снять проблемы в отношениях президента и Думы. Однако этого не произошло. В Думе полным ходом шла подготовка к объявлению импичмента президента. Инициатива вынесения импичмента принадлежала коммунистам и фракции «Яблоко». 257 депутатов Госдумы обвинили президента в государственной измене, развале СССР, развале армии и снижении ее обороноспособности. Ельцина обвиняли в развязывании войны в Чечне, в трагических событиях в Москве в октябре 1993 г. Примаков не смог или не захотел повлиять на депутатов, уговорить их отказаться от своего замысла. В случае отставки Ельцина с поста президента именно Примаков становился наиболее реальным кандидатом на этот пост.

Но события стали развиваться по иному сценарию. 12 мая 1999 г., за неделю до голосования по импичменту, президент отправил Примакова в отставку.

Дума оказалась в сложном положении. Президент перехватил инициативу. Думе предстояло утвердить или не утвердить нового председателя правительства, а это, в свою очередь, позволяло президенту досрочно распустить Думу. Растерянная Дума не поддержала ни одного из пяти обвинений в адрес Ельцина, и вопрос об импичменте был закрыт.

19 мая 1999 г. Ельцин предложил Думе утвердить председателем правительства генерала С. В. Степашина, занимавшего до этого пост министра внутренних дел, а раньше — директора Федеральной службы контрразведки.

Это назначение было знаковым — президент продолжал укреплять «силовую составляющую» в управлении страной. Генерал Степашин пришел на тот пост, который в администрации прези-

дента прочили министру путей сообщения Н. Аксененко. Аксененко традиционно причисляли к «семье». В прессу выплеснулись сведения о противоречиях между Степашиным и администрацией, о том, что Степашин настаивал на расширении своих полномочий, в частности в управлении экономическим блоком и промышленной политикой. «Ясно одно: все назначения — в руках президента. Вернее, в руках тех людей, которые держат его факсимиле», — писали в «Московском комсомольце»¹.

В словах журналиста МК звучала ставшая к тому времени уже традиционная недооценка, если не издевательство по отношению к президенту. Но Ельцин держал в своих руках вожжи власти.

За политическим шумом и журналистскими изысканиями «ведущих политиков» постепенно складывалась новая расстановка сил во власти. В поле зрения Ельцина оказывались новые люди, практически неизвестные московской политической тусовке. Одним из них стал В. В. Путин. Кадровый офицер КГБ, он одно время работал помощником мэра Петербурга А. А. Собчака, затем — председателем Комитета по внешним связям мэрии. Путин был верным и активным сторонником А. А. Собчака. После поражения Собчака на выборах 1996 г. ему пришлось уехать из Петербурга.

В Москве он начал работать в Управлении делами Президента, затем — в администрации, стал в 1997 г. начальником Главного контрольного управления, в 1998 г. — первым заместителем главы администрации, курировавшим регионы страны. В 1998 г. он был назначен директором Федеральной службы безопасности и, по совместительству, секретарем Совета безопасности. Пользуясь правом и обязанностью еженедельного доклада президенту, он оказался «в ближнем кругу» президента.

Имеются данные, что, представляя С. Степашина на должность председателя правительства, Ельцин уже разыгрывал последнюю в своей политической жизни партию. Степашин, популярный политик и генерал, должен был прийти на смену Примакову — не менее популярному. Позже Степашина мог сменить на этом посту Путин. Очередной кавказский кризис ускорил развитие событий в Москве. Летом 1999 г. стало очевидным распространение влияния ваххабитов в Дагестане, на границах с Чечней. Степашин, посетив ваххабитские села, высказался вполне примирительно. Но обстановка на Северном Кавказе резко осложнилась.

¹ Савеличев А. Обзор центральной прессы. В обзоре используются материалы российских газет и журналов из фондов НЭБ 21 мая // Национальная электронная библиотека.

Чеченские военные формирования совершили нападения на Дагестан, возросла террористическая активность боевиков. Стал очевидным провал Хасавюртских договоренностей между федеральной властью и лидером чеченских сепаратистов Масхадовым летом 1996 г.

9 августа 1999 г. президент предложил Думе утвердить нового председателя правительства — В. В. Путина, занимавшего до этого пост руководителя Федеральной службы безопасности.

Под руководством Путина произошло вытеснение чеченских боевиков, вторгшихся в Дагестан, федеральные войска развернули боевые действия против сепаратистов на территории Чечни.

Уже другие — политические бои развернулись на выборах в Государственную думу. На этот раз главным претендентом на большинство в Думе и, следовательно, главным соперником на пост президента выступал Е. М. Примаков в союзе с мэром Москвы Ю. М. Лужковым. Этому мощному блоку, не скрывавшему своих намерений — пересмотреть политическое наследие Ельцина, противостоял созданный при непосредственном участии администрации президента блок «Единство», лидером которого стал председатель правительства В. В. Путин. Старые против молодого. Это было не только и не столько борьбой программ, сколько противоборством двух политических поколений. Со времени начала перестройки прошло пятнадцать лет. Старые лидеры надоели. Надоели склоки и драки внутри власти, тасование одних и тех же карт политической колоды. Устали от того, что страна в течение этих лет все глубже погружалась в трясину региональных противоречий, местных национализмов, сепаратизмов районного и областного масштабов. Устали от непрекращавшихся экономических трудностей.

Вся вторая половина 1999 г. стала временем неуклонного роста политической поддержки Путина у граждан страны.

Накануне выборов в Госдуму социологический центр Российской академии государственной службы провел исследование настроений избирателей. Они свидетельствовали об очевидном лидерстве В. В. Путина¹. На вопрос: «Кому из следующих государственных и политических деятелей Вы скорее доверяете, чем не доверяете?» — были получены следующие ответы (см. табл. 24).

¹ Бойков В. Э. Установки сознания и политические предпочтения избирателей. (Социологический анализ за три недели до выборов Государственной Думы) // Социология власти. 1999. № 4. С. 30. (Сумма ответов превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы даны в порядке убывания количества ответивших.)

**Табл. 24. Статистические данные
опроса населения о доверии
государственным и политическим деятелям**

В. Путин	54,3
Е. Примаков	34,5
Г. Зюганов	24,6
С. Шойгу	24,2
Г. Явлинский	20,3
Ю. Лужков	20,1
С. Кириенко	13,8
В. Жириновский	11,1
В. Черномырдин	10,1
Г. Селезнев	9,1
В. Рыжков	8,0
В. Анпилов	6,4
Е. Строев	5,5
Затруднились ответить	13,3

19 декабря состоялись очередные выборы в Государственную думу, уже третью по счету, по Конституции 1993 г. Голоса избирателей распределились следующим образом: КПРФ — 24,29%; «Единство» — неформальным лидером которого был Путин — 23,32%; «Отечество — Вся Россия» (ОВР) — лидеры — Лужков и Примаков — 13,33%; Союз правых сил — 8,52%; «Блок Жириновского» — 5,98%; «Яблоко» — 5,93%. Однако реальная расстановка сил в Думе оказалась еще более удачной для «Единства». Став «партией власти», она объединилась со своим недавним противником — движением «Отечество — Вся Россия» и получила абсолютное большинство в Думе.

Такой расклад политических сил означал — коммунисты утратили большинство в Думе. Впервые Государственная дума стала лояльной правительству.

В этих условиях Б. Н. Ельцин сделал, пожалуй, один из самых важных шагов последних лет своего президентства. Он тщательно продумал и блестяще выполнил задачу обеспечения преемственности власти.

31 декабря 1999 г. президент приехал в Кремль в 10 часов утра. Он вызвал туда председателя правительства. В Кремль прибыли телевизионщики для записи традиционного новогоднего поздравления президента. В 11 часов в Кремль прибыли руководители

«силовых» ведомств. В 12 часов дня по московскому времени на экранах телевизоров появился президент¹.

В своем телевизионном обращении Ельцин объяснял гражданам страны причины, заставившие его принять — впервые за тысячелетнюю историю России — добровольное решение об уходе с высшего поста в Российском государстве. Это означало, что исполняющим обязанности президента, до времени проведения новых выборов, становится премьер-министр В. В. Путин. Ельцин говорил о том, что Россия уже никогда не вернется в прошлое, что Путин — это «сильный человек, достойный быть Президентом и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее?! Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода?»

Подводя итоги бурного десятилетия своего президентства, он просил прощения «за то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и все одолеем. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. ...Я ухожу. Я сделал все, что мог. ...Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше»

¹ Повтор обращения прозвучал в новогоднем поздравлении президента в 23.50 по всем программам ТВ и радиовещания. — *Прим. ред.*

Очерк 4

ГАЗУЕМ ПО ВЕРТИКАЛИ

Строительство вертикали. — «Равноудаленные олигархи». — Полный газ! — Общество и власть.

26 марта 2000 г. уже в первом туре голосования Президентом Российской Федерации был избран В. В. Путин. Вступая на этот пост, В. В. Путин сказал: «Мы доказали, что Россия становится современным демократическим государством. Мирная преемственность власти — это важнейший элемент политической стабильности, о которой мы с вами мечтали, к которой стремились, которой добивались».

Ожидание порядка, предсказуемости власти — те надежды, которые избиратели связывали с новым президентом, стали оправдываться.

Строительство вертикали. В деятельности нового политического руководства страны определились приоритеты:

— в области государственного управления — укрепление вертикали власти;

— в экономической области — продолжение и углубление либеральных экономических реформ.

В конце 1980-х — 1990-е гг. явственно обозначилась угроза ослабления системы управления страной. «Парад суверенитетов», начавшийся в последние годы перестройки, сохранялся в различных формах и в 1990-е гг. Он выражался в том, что конституции республик в составе России, уставы краев и областей зачастую отличались от норм федерального законодательства, деятельность органов и учреждений федеральной власти зачастую была раскоординирована. Институт уполномоченных президента в регионах России не был в состоянии выполнить эту роль.

Поэтому в мае 2000 г. был издан Указ Президента Российской Федерации «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Этим указом страна была разделена на 7 федеральных округов, в том числе:

- Центральный федеральный округ;
- Северо-Западный федеральный округ;
- Южный федеральный округ;
- Приволжский федеральный округ;
- Уральский федеральный округ;
- Сибирский федеральный округ;
- Дальневосточный федеральный округ.

Округа включали в свой состав республики, края и области. Он создавались, как было определено Указом, «в целях обеспечения реализации Президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений»¹.

Полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе получил права и обязанности:

- представлять Президента Российской Федерации в пределах соответствующего федерального округа;
- обеспечивать реализацию конституционных полномочий главы государства в пределах соответствующего федерального округа;
- организовывать в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации;
- обеспечивать контроль за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти;
- осуществлять реализацию в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации;
- представлять Президенту Российской Федерации регулярные доклады об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, вносить Президенту Российской Федерации соответствующие предложения;

¹ Указ Президента Российской Федерации № 849 от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе».

— обеспечивать координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствующем федеральном округе

и ряд других функций.

С введением института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе появилось новое звено в системе государственного управления в стране.

Региональное руководство — губернаторы, главы регионов, административный аппарат регионов — оказывалось под контролем полномочных представителей. Для того чтобы оценить важность произошедшего, следует отметить, что главы регионов, будучи избранными, практически слабо зависели от центральной власти. Кроме власти на местах, губернаторы располагали существенным политическим резервом: они по должности входили в состав верхней палаты Федерального собрания — Совет Федерации и соответственно могли влиять на законодательный процесс, имели возможность противостоять воле президента (как, в частности, случилось с попыткой президента отправить в отставку генерального прокурора Ю. Скуратова).

Все, чем располагала федеральная власть по отношению к главам регионов, сводилось к двум способам давления: во-первых, экономическому — возможности или невозможности выделения денег из федерального бюджета для региона — и, во-вторых, юридическому — угрозы применения судебного преследования местных начальников.

Теперь же «обеспечивать контроль за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти» должен был аппарат полномочного представителя Президента. Этот институт координировал и влиял на деятельность всех правоохранительных и федеральных органов в регионах — ФСБ, МВД, прокуратуры, налоговых органов и т. д.

Административные меры дополнялись новой законодательной базой. 19 июня 2000 г. Госдума приняла закон, впервые позволявший президенту распускать региональный парламент и отрешать от должности высшее должностное лицо субъекта РФ в том случае, если их деятельность создает «препятствия для реализации закрепленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами полномочий федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, нарушений прав и свобод человека и гражданина. прав и охраняемых законом интересов юридических лиц».

Эти нормы сразу же меняли отношения федеральной и местной властей. У федеральной власти появился рычаг, с помощью которого можно было привести уставы и конституции регионов и республик в составе России в соответствие с Конституцией России. Широта и неопределенность формулировки, позволявшей отрешать от должности глав регионов, ставили их в зависимое положение от президента.

Политическим щитом губернаторов оставалось их членство в Совете Федерации, право быть сенаторами, где они, вместе с главами региональных представительных органов, могли стать своего рода «региональной фрондой».

Однако президент добрался и до Совета Федерации. Им был внесен законопроект «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». Предполагалось, что им будет отменен прежний порядок формирования СФ РФ «по должности», то есть губернаторы и спикеры региональных парламентов уже не могли быть «сенаторами». Верхняя палата, согласно законопроекту, отныне должна формироваться из представителя Законодательного собрания и представителя руководителя региональной администрации.

Планируемая мера вызвала брожение среди губернаторов. Ряд глав регионов: Свердловской области — Э. Россель, Новгородской — М. Прусак, Кемеровской — А. Тулеев — выступили с открытой критикой намерений президента. М. Прусак высказался прямо: «Мы проиграли, и теперь надо красиво и достойно уйти». А. Тулеев назвал реформу Совета Федерации объявлением войны губернаторам¹. Но массовой поддержки они у губернаторов не получили. Угроза отрешения от должности воспринималась губернаторами вполне реально.

Законопроект легко прошел Думу. Другое дело — Совет Федерации. «Приговоренные к отставке» сенаторы голосовали, мягко говоря, без энтузиазма. При первом тайном голосовании законопроект поддержали всего 13 человек. Но ситуация изменилась. Сенаторам оставалось в конце концов только проголосовать «за».

Своего рода компенсацией за утрату права быть в центре федеральной политики стало создание президентом консультативного органа — Государственного совета, в состав которого вошли ряд руководителей регионов страны. Однако это отнюдь не компенсировало утраты прежнего политического веса губернаторов.

¹ Цит. по: Крыштановская О. С. Анатомия российской элиты. С. 241

Решающим шагом для изменения взаимоотношений президента и губернаторов стал закон о новом порядке выборов губернаторов¹. Согласно ему главы регионов могут избираться не на прямых выборах, а Законодательными собраниями по представлению президента. Президент вправе два раза вносить кандидатуру в региональный парламент. В течение 30 дней в первый и второй раз парламент должен либо утвердить представленную фигуру, либо отклонить ее. После двух раз отказа президент может предложить рассмотрение кандидата в третий раз, своим указом назначить врио губернатора, но не более чем на 6 месяцев, либо распустить региональный парламент. Кроме того, закон предлагает уже избранным до вступления данного закона в силу губернаторам добровольно поставить перед президентом вопрос о фактическом переназначении себя. В частности, в законопроекте отмечается, что губернатор вправе поставить перед президентом вопрос о доверии к себе и досрочном сложении своих полномочий. В свою очередь, президент в течение 7 дней принимает решение о доверии высшему должностному лицу субъекта РФ. Примечательно, что за закон проголосовали 357 депутатов, против — 61, четверо воздержались. Это было не только конституционным большинством, но и демонстрацией полной поддержки президенту со стороны большинства депутатов.

«Равноудаленные олигархи». Другой, без сомнения, знаковой чертой в деятельности нового президента стало изменение отношений с крупнейшими бизнес-структурами. Летом 2000 г. состоялась неформальная встреча Путина с отечественными бизнесменами, считавшимися самыми влиятельными лоббистами². Путин

¹ Точное название закона: «О внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», принятый Госдумой 3 декабря 2004 г. и одобренный Советом Федерации 8 декабря 2004 г.

² По данным газеты «Коммерсантъ» за 27 июля, на встречу были приглашены 19 предпринимателей: Евгений Швидлер (президент «Сибнефти»), Семен Вайншток (гендиректор «Транснефти»), Олег Дерипаска (гендиректор «Русского алюминия»), Виктор Вексельберг (гендиректор «Сибирско-уральской алюминиевой компании»), Вагит Алекперов (президент «ЛУКОЙЛа»), Каха Бендукидзе (гендиректор «Объединенных машиностроительных заводов»), Владимир Богданов (президент «Сургут-

ясно дал понять, что не потерпит их вмешательства в политическую жизнь¹, провозгласил принцип «равноудаленности». Не все участники встречи с достаточной серьезностью отнеслись к заявлению молодого президента. За ними был опыт успешной избирательной кампании 1996 г., обеспечившей победу Ельцину; они контролировали влиятельные средства массовой информации, телевидение. Они были теснейшим образом связаны с администрацией и надеялись на возможность использовать остававшийся «властный ресурс» для ограничения позиций президента.

Первыми пришлось убедиться в серьезности прозвучавшего предупреждения тем олигархам, за которыми стояли средства массовой информации. Отмечу, что формировавшаяся команда президента в полной мере смогла использовать противоречия, существовавшие к тому времени в бизнес-сообществе.

НТВ, влиятельнейший телевизионный канал, со времени своего возникновения демонстрировавший свою «вхожесть» в высшие политические круги России, был рупором медиамагната, совладельца Мост-банка В. Гусинского. С экрана НТВ звучала постоянная критика политики в Чечне. Освещение трагических событий, связанных с гибелью атомохода «Курск», носило плохо скрытый характер атаки на позицию президента.

Действия власти оказались решительными. В мае 2000 г. проведены крупномасштабные обыски в «Медиа-мосте» и «Мемонете», мотивированные расследованием противоправной деятельности службы безопасности «Моста». В том же месяце Центробанк ввел в Мост-банке внешнее управление. В июне 2000 г. В. Гусинский был арестован по подозрению в хищении госсобственности в

нефтегаза»), Рем Вяхирев (председатель правления «Газпрома»), Дмитрий Зимин (гендиректор «Вымпелкома»), Олег Киселев (председатель правления ИМПЭКСбанка), Владимир Лисин (председатель совета директоров Новолипецкого МК), Алексей Мордашов (гендиректор «Северстали»), Владимир Потанин (президент группы «Интеррос»), Николай Пугин (президент Горьковского автозавода), Михаил Фридман (председатель совета директоров Альфа-банка), Михаил Ходорковский (председатель правления ЮКОСа), Сергей Пугачев (председатель совета директоров Межпромбанка), Таймураз Боллоев (гендиректор пивоваренной компании «Балтика»), Владимир Коган (президент Промстройбанка-СПб.). По данным «Известий» и «НГ», был приглашен также председатель совета директоров ЗАО «Wimm Bill Dunn» Давид Якобашвили. См.: История русской олигархии. <http://rustrana.ru/print/php?nid=9651>.

¹ Крыштановская О. С. Анатомия российской элиты. С. 359.

особо крупных размерах. В вину ему была поставлена приватизация петербургской телекомпании «Русское видео». Вскоре он был выпущен из Бутырок¹. Но ему было предъявлено новое обвинение — в мошенничестве. Гусинский бежал за границу и до настоящего времени числится находящимся в розыске Генпрокуратурой. Медиаресурсы Гусинского в России были приобретены «Газпромом» по прямой рекомендации сделать это со стороны администрации Президента. Параллельно с этим на Западе поднимается кампания преследования свободной прессы в России.

Владелец другой крупнейшей медиагруппы, один из основных акционеров ОРТ и ТВ-6 В. Березовский попытался приобрести часть «наследства» Гусинского².

Березовский, активный участник политических событий второй половины 1990-х гг., человек с репутацией «серого кардинала», уже летом 2000 г. попытался возглавить оппозицию президенту. Его попытки объединить губернаторов в неприятии нового порядка формирования Совета Федерации провалились. Летом 2000 г. Березовский начал открытую политическую кампанию против Путина. В июле 2000 г. Березовский демонстративно покинул Госдуму, отказался от мандата депутата от Карачаево-Черкесии, заявив, что «предложенные президентом законопроекты радикальным образом меняют структуру госвласти и государственного устройства в стране. Дума ведет себя в этой ситуации безответственно... она превратилась в юридический отдел исполнительной власти». Другой причиной, которая, по словам Березовского, вынудила его уйти из Думы, — действия властей против крупного российского бизнеса. Власть, по его мнению, осуществляет «продуманную, целенаправленную кампанию». «Я сам, как представитель крупного российского бизнеса, не хочу пользоваться депутатской неприкосновенностью, поэтому слагаю с себя депутатские полномочия и статус неприкосновенности, чтобы быть наравне с теми, против кого ведется кампания», — заявил Борис Березовский. Получив вызов в прокуратуру, Березовский предпочел выехать в Англию.

Тогда были реанимированы многочисленные претензии правоохранительных органов по отношению к Березовскому. Осенью 2002 г. Генпрокуратура обвинила Березовского и его партнеров

¹ <http://rustrana.ru/print.php?nid=9651>.

² Павленко В. «Газпром» против «Моста». Кто за кулисами? (аналитическая записка о причинах и последствиях крупнейшего информационного скандала). См.: http://www.rau.su/observer/N10-11_00/10-11_06.htm.

Юлия Дубова, Бадри Патаркацишвили в хищениях на АвтоВАЗе. Суд выдал санкцию на арест Березовского, на основании чего в Великобританию была направлена просьба о его экстрадиции¹.

Власть, однако, не ограничилась медиамагнатами. В том же 2000 г. прокуратура предъявила претензии В. Потанину в связи с приобретением РАО «Норильский никель». Потанин был вынужден доплатить государству \$140 млн. в качестве компенсации за заниженную стоимость компании. Глава «Альфа-группы» М. Фридман был вынужден представить объяснения за деятельность Тюменской нефтяной компании в 1997 г. Летом 2000 г. прошли обыски в «Газпроме», были возбуждены уголовные дела против главы ЛУКОЙЛа В. Алекперова и главы АвтоВАЗа В. Каданникова². Эта группа бизнесменов оказалась более осторожной и стала последовательно отмежевываться от оппозиционной политики.

Опала не коснулась в то время руководителя ЮКОСа М. Ходорковского. Его политические претензии проявились позже, когда лоббистское поле оказалось расчищенным. Ему принадлежал фонд «Открытая Россия», имевший свои филиалы в регионах и принимавший участие в финансировании образовательных учреждений. По сути, он осуществлял инвестиции в политическое будущее, в создание новой либеральной политической элиты. Примечательно, что совладелец НК ЮКОС, владелец крупнейшего пакета акций группы МЕНАТЕП и заместитель председателя правления фонда «Открытая Россия» Л. Невзлин стал ректором Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Эти действия возбудили подозрения в президентских амбициях М. Ходорковского, что, вместе с заинтересованным противодействием конкурентов по бизнесу, спровоцировало сначала яростную кампанию в прессе против олигархов, рвущихся к власти, наживающихся на грабеже природных ресурсов, а затем и действия правоохранительных органов, обвинивших владельцев ЮКОСа в преступлениях в ходе приватизации. Руководители ЮКОСа — М. Ходорковский и П. Лебедев — были осуждены, Л. Невзлин объявлен в розыск (скрывается в Израиле).

Следует признать, что президенту удалось в короткий срок — в 1—2 года — реально усилить свою власть, укрепить механизмы централизованного управления страной.

¹ <http://alpha.perm.ru/iaproject/txt.php?n=2562>.

² Крыштановская О. С. Анатомия российской элиты. С. 359—363.

«Сегодня уже можно сказать: период «расползания» государственности позади, — говорил Президент в своем Послании Федеральному собранию в 2001 г. — Дезинтеграция государства, о которой говорилось в предыдущем Послании, остановлена».

Полный газ! С 1999 г. Россия оказалась в весьма благоприятной внешнеэкономической ситуации. Цена на российскую нефть марки Urals, как и вообще на нефть на мировом рынке, стала стремительно расти (см. табл. 25)¹.

**Табл. 25. Цена на нефть марки Urals в 1998—2005 гг.
(долларов США за баррель)**

Год	Среднегодовая цена на нефть
1998	11,8
1999	17,1
2000	26,7
2001	23,0
2002	23,7
2003	26,0/27,2
2004	34,4
2005 (ожидаемое)	48,0

С 7 долл. за баррель в декабре 1998 г. в 2000 г. цена взлетела в три раза. До января 2004 г. среднемесячная цена на нефть Urals после введения коридора цен трижды до января 2004 г. (включительно) превышала 30 долл. за баррель. Рост цены на нефть продолжился и в 2004—2005 гг. Таких цен на нефть не было никогда!

Благоприятная конъюнктура на углеводородное сырье — нефть и газ, важнейшие статьи российского импорта, позволила существенно увеличить налоговые поступления и рост золотовалютных ресурсов Центробанка.

Валютные поступления от экспорта российских углеводородов (нефти, нефтепродуктов и природного газа) уже длительное время являются ключевым фактором финансирования экономического роста и формирования бюджета России. Их доля в общей

¹ Цит. по: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в пункт 2 статьи 96-1 Бюджетного кодекса Российской Федерации» (на 2006 г.).

валютной выручке страны колеблется в неизменных пределах: от трети (38,4% — 1995 г.) до половины (52% — 2002 г.).

В свою очередь, это стимулировало рост добычи нефти и газа (см. табл. 26).

Табл. 26. Добыча нефти и газа

Год	Нефть, включая газовый конденсат, млн. т	Естественный газ, млрд. м ³
1990	516	641
1995	307	595
1996	301	601
1997	306	571
1998	303	591
1999	305	592
2000	324	584
2001	348	581
2002	380	595
2003	421	620

Важные позитивные перемены наметились в экономической области. Правительство осуществляет курс на продолжение и углубление либеральных экономических реформ.

С 1999 г. страна сводит свой бюджет с профицитом, то есть с превышением доходов над расходами. В 2000 г. он составил 1,5% федерального бюджета, а в 2001 г. — 2,9%¹. В связи с этим создались условия для выплаты внешнего долга, не прибегая к новым заимствованиям. Ослабла зависимость от Международного валютного фонда.

Стремительно растут золотовалютные запасы страны, составившие к настоящему времени более 160 млрд. долларов; стабилизационный фонд, формируемый из налогов за торговлю углеводородным сырьем, составил к концу 2005 г. около 1 трлн. 400 млрд. рублей (более 48 млрд. долларов).

Закончилось длившееся 10 лет падение валового внутреннего продукта. Установились достаточно высокие темпы роста ВВП. В 2003 г. ВВП вырос на 107,3% по отношению к предшествовавшему 2002 г.; в 2004 г. — на 107,2%, по сравнению к предыдущему².

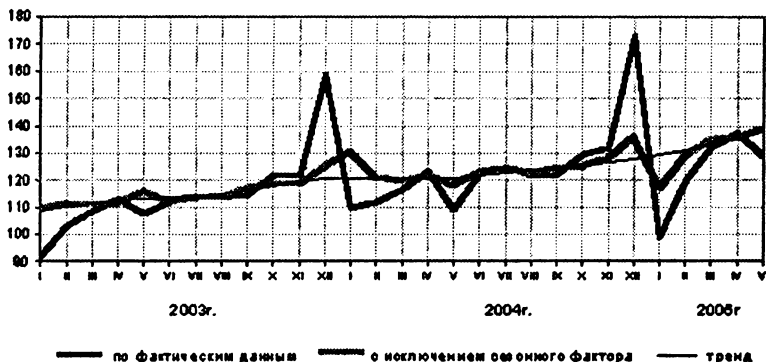
¹ Известия. 2002. 8 августа.

² Там же.

Начался подъем некоторых базовых отраслей промышленности. Сохраняется устойчивый рост производства стали, чугуна, проката, труб.

Выросли денежные доходы населения¹ (см. табл. 27).

Табл. 27. Реальные располагаемые денежные доходы населения (в % к среднемесячному значению 2002 г.)

Средняя начисленная заработная плата в мае 2005 г., по предварительным данным, составила 8162 рубля и по сравнению с маем 2004 г. возросла на 23,7%. Однако сохраняются большие различия в оплате работников в различных сферах деятельности. В апреле 2005 г. уровень средней заработной платы работников здравоохранения и предоставления социальных услуг составил к ее уровню в обрабатывающих производствах 66%, работников образования — 64% (в апреле 2004 г. — соответственно 65% и 62%).

Вместе с тем свидетельством существенного оздоровления социальных отношений в сфере производства стало значительное снижение численности забастовок. Если в 1997 г. забастовки произошли на 17 тыс. предприятий, в 2000 — на 817, а в 2003 г. — на 57.

На этом фоне следует указать и на сохраняющиеся серьезные проблемы в развитии экономики. Нарастает степень износа основных фондов промышленности. Оборудование, станочный фонд стареет, ветшает. Если в 1970 г. статистика зафиксировала износ 25,7%, в 1980 г. — 36,2%, то в 2000 г. — 51,3%. В 2003 г. средний возраст оборудования составил 20,7 года.

¹ www.gks.ru. Банк готовых документов. Информация о социально-экономическом положении России — 2005 г. Copyright © Федеральная служба государственной статистики, 2004.

Учитывая громадную важность для экономики страны добычи нефти и газа, не может не тревожить падение объемов глубокого разведочного бурения на нефть и газ, сократившегося со 1719 тыс. метров в 2000 г. до 1080 метров — в 2003 г.

Продолжает сохраняться высокая инфляция. В июне 2005 г. по отношению к июню 2004 г. она составила в России 13,7%.

К сожалению, не преодолен кризис в сельском хозяйстве страны. Резко сократилось поголовье скота. Нарастает то, что можно определить как архаизация сельского хозяйства. Свидетельством этого стало снижение энергопотребления в сельском хозяйстве, сократившегося более чем в три раза — с 67,3 млрд. кВт в 1990 г. до 20,3 млрд. кВт в 2003 г.

Однако едва ли не наиболее тревожным фактором социально-экономического развития страны остается продолжающееся сокращение населения страны и, следовательно, рабочих рук. Численность населения в России сократилось со 147 млн. человек в 1989 г. до 143,5 млн. — в 2005 г. Сокращение численности населения далеко не перекрывается миграцией, прибытием иммигрантов из других стран, и прежде всего из стран СНГ. Более того, миграционные потоки стали существенно иссякать, снизились с почти 600 тыс. человек, приехавших в Россию в 1997 г., до 120 тыс. — в 2004 г.

Общество и власть. Приход Путина олицетворял смену политического режима в стране. В общественном сознании граждан страны нарастало ожидание нового. Это новое ассоциировалось прежде всего с завершением прежнего пятнадцатилетнего периода нараставшей неопределенности, неуверенности, материальных лишений. Нового лидера ждали. Он не был связан с какой-нибудь политической идеологией. И это тоже становилось плюсом для страны, пережившей крушение идеологических схем и кризис идеологических партий. Изначально общественное доверие В. В. Путину как главе государства было авансировано ему в результате, по сути, массового отрицания Б. Н. Ельцина и в связи с назревшей потребностью общества в лидере страны, пекущемся не об интересах своего окружения, а об интересах Отечества. Это проявлялось в том, что большинство опрашиваемого населения, хотя и не имело представлений о качествах нового руководителя государства, тем не менее выражало надежду на его способность остановить процессы дезинтеграции России. Причем симпатии к нему доминировали во всех социальных слоях российского общества, охватываемых социологическими опросами¹. Социологический центр Российской акаде-

¹ Бойков В. Э. Изменения в настроениях российского общества за два года президентства В. В. Путина. http://www.rags.ru/s_center/opros/putin/index.htm

мии государственной службы, систематически изучавший и изучающий отношения власти и общества, зафиксировал быстрый рост доверия населения к Путину — тогда еще не к президенту, а председателю правительства. В ноябре 1999 г. ему доверяли 54,3% опрошенных. После выборов, в мае 2000 г., положительные суждения о Путине выразили 64,1% респондентов. Представляется вполне обоснованным вывод социологов, что «В. В. Путин востребован обществом как человек, способный остановить разрушительные процессы дезорганизации государства, его отчуждения от общества и деградации социума... что первоосновой формирования образа В. В. Путина как общенационального лидера является массовое восприятие его как деятеля, обладающего политической волей и стремящегося обеспечить целостность государства»¹.

В общественном сознании граждан страны президент воспринимается прежде всего как общенациональный лидер, представляющий государство. Он — над всеми партиями. Это существенно, так как в стране сложился весьма низкий уровень оценки роли партий.

Что люди ждали от власти? Вновь обратимся к материалам социологического опроса 2000 г.² (см. табл. 28).

**Табл. 28. Ответы на социологический опрос населения:
что люди ждут**

Преобладающие мнения	%
Развернуть наступательную борьбу с преступностью, в том числе в экономической сфере	96,8
Содействовать развитию патриотизма, национальной гордости и достоинства у российских граждан	87,0
Укреплять моральные устои в российском обществе	87,1
Изменить экономическую политику в пользу развития отечественного производства	74,1
Добиться подъема сельского хозяйства, возрождения села	71,9
Осуществить политику роста денежных доходов населения	61,5
Повести курс на сокращение теневой экономики, особенно контролируемой преступными группировками	52,4

¹ Бойков В. Э. Образ В. В. Путина в массовом сознании. Уровень политического доверия В. В. Путину. http://www.rags.ru/s_center/opros/narod/index.shtml.

² Там же.

В ожиданиях граждан страны доминировали ценности, связанные с возрождением и укреплением государственности, возрождения России как великой державы, надеждами на улучшение жизни. Эти настроения сохранялись и в течение всего первого срока президентства Путина. Социологи отметили некоторое повышение оптимизма, снижение ожидания социальных катастроф, которые были зафиксированы в особенности в 1991, 1993 и 1998 гг.

Позитивным фоном таких изменений стало некоторое повышение жизненного уровня людей, усиление управляемости страной.

В свою очередь, это отразилось в итогах выборов в Государственную думу в 2003 г. и выборов президента в 2004 г. На выборах в Госдуму из 447 мест победу одержала пропрезидентская партия «Единая Россия», получившая 306 из 447 депутатских мандатов, коммунисты получили 52 места. Весьма удачным оказался политический дебют движения «Родина» (98 мест), которое широко использовало патриотическую риторику. «Либерально-демократическая партия России» получила 36 мандатов. 15 депутатов не вошли в зарегистрированные депутатские объединения. Не смогли преодолеть 5-процентный барьер для прохода в Думу партии правой ориентации — Союз правых сил и «Яблоко».

Свидетельством широкой поддержки политики, осуществляемой президентом В. В. Путиным, стали итоги выборов президента, состоявшиеся в марте 2004 г. За кандидатуру действующего президента проголосовало свыше 70% избирателей страны.

Однако остается большое число проблем и тревог, влияющих на жизнь.

Это, прежде всего, проблемы материальные. Государство отказалось от многих социальных гарантий, привычных прежде. Отвечая на вопрос «Можете ли Вы рассчитывать на помощь государства в случае потери своего имущества, резкого ухудшения здоровья и в связи с другими жизненными невзгодами?», ответили «Да» только 4,1% опрошенных, «В какой-то мере» — 22,9%, «Нет» — 65,8% и затруднились ответить 7,2%.

Тревогу вызывает состояние преступности. Только 3,7% опрошенных высоко оценивают свою защищенность от преступности. Для этого есть основания. Если в 1990 г. жертвами преступлений было 7,2% опрошенных, в 1998 г. — 19,3%, то в 2004 г. — 24,2%¹.

¹ Бойков В. Э. Изменения в настроении российского общества за два года президентства В. В. Путина. http://www.rags.ru/s_center/opros/putin/index.htm.

Сохраняется тенденция к маргинализации общества, размыванию прежде устойчивых социальных групп. Структурные изменения в экономике изменили прежнюю социальную структуру общества. Количество людей, занятых в сфере науки и научного обслуживания, сократилось с 3 млн. человек в 1990 г. до 1 млн. 200 тыс. — в 2003 г.; удельный вес людей, занятых в промышленности, — с 30,3% в 1990 г. до 21,9% в 2003 г. Произошло сокращение численности занятых в сельском хозяйстве, строительстве.

В то же время выросло количество людей, работающих в финансово-кредитной и страховой отрасли, — с 402 тыс. в 1990 г. до 865 тыс. в 2003; в торговле и общественном питании — соответственно — с 5 млн. 869 тыс. до 11 млн. 55 тыс. Почти в два раза выросло число людей, занятых управлением, — с 1 млн. 602 тыс. до 3 млн. 61 тыс.¹

Увеличение и сокращение социальных групп — это не только изменение личной судьбы людей, но и перемена социальных ценностей, изменение традиций трудового поведения, политических симпатий и антипатий, ломка многих этических представлений.

Это усугубляется сменой критериев оценки человеческой деятельности, жизненными возможностями, которые дает принадлежность к той или иной сфере деятельности. Средняя заработная плата в 2004 г. составила 6831,8 руб. В то же время в нефтедобывающей промышленности — 23 725,9 руб., в газовой — 33 747,2 руб., в финансово-кредитной отрасли — 17 042,4 руб., в образовании — 4254,3 руб., в здравоохранении — 4744,8 руб., в культуре — 4289,1 руб.

Неустоявшаяся, текучая социальная структура российского общества, недостаточно ясно понимаемые социально-экономические и политические ценности новых социальных общностей, формирующихся в России, — одна из существенных причин, препятствующих складыванию устойчивых политических партий в стране. Пожалуй, только компартия с ее традиционным электоратом и с выраженными «левыми» идеологическими ценностями стала партией в полном смысле этого слова. «Единая Россия», решительно победившая на последних парламентских выборах, ос-

¹ Российский статистический ежегодник. 2004: Статистический сборник. М., 2004 г.

тается «партией власти». Но опыт России свидетельствует о том, что такая партия устойчива до тех пор, пока у власти находится ее формальный или неформальный лидер.

Результаты выборочного социологического опроса населения Российской Федерации, проведенного Социологическим центром РАГС в ноябре 2005 г., содержат сведения о достаточно критическом отношении граждан страны к функционированию государственного аппарата. Так, оценивая эффективность законов, регулирующих экономику, только 21,4% опрошенных заявили, что эти законы «в основном исполняются», в то же время 45,5% респондентов считают, что эти законы «в основном не исполняются», почти треть — 32,1% — затруднились ответить на этот вопрос. Примерно на таком же уровне находится оценка действенности законов, регулирующих социальную сферу, гарантирующих социальные права граждан. «В основном не выполняются» — по мнению 54,9% респондентов.

По уровню доверия партиям лидирует «Единая Россия»: 23,3% опрошенных считают, что эта партия выражает их интересы. КПРФ доверяют 9,7% респондентов, «Родине» — 8,2%, ЛДПР — 6,5%. Но большинство опрошенных сообщили, что ни одна из партий не выражает их интересы, — 34,7%. Затруднились ответить на этот вопрос 20,9%. Следовательно, более половины опрошенных не считают, что партии, представленные в Думе, отражают их интересы.

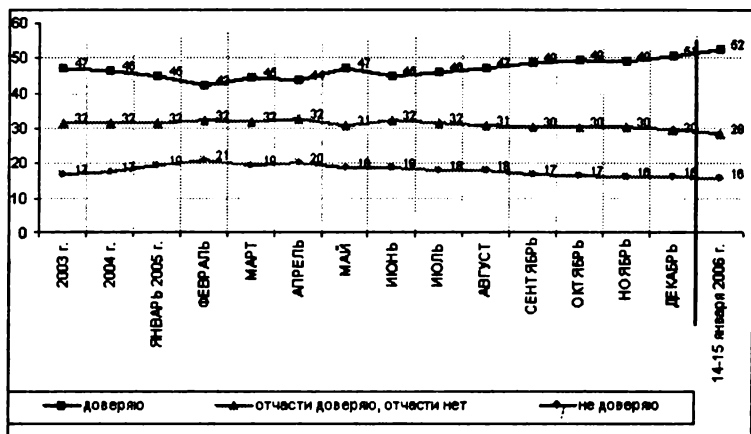
Итоги опроса свидетельствуют, что, по мнению респондентов, лидирующая в парламенте партия — «Единая Россия» отражает прежде всего свои собственные интересы, интересы президента, бюрократии, представителей крупного бизнеса и в гораздо меньшей степени — рядовых граждан страны, всего населения (рабочих, крестьян, учителей, военнослужащих, пенсионеров и др.), представителей малого и среднего бизнеса¹.

Недоверие к партиям сочетается с достаточно высоким уровнем доверия к президенту. По данным опросов Фонда общественного мнения, он существенно превышает 40% и в середине января 2006 г. достиг 52% (см. табл. 29²).

¹ <http://www.rags.ru/content.php?id=313>

² http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/domm0603/domm0603_2/d060304.

Табл. 29. Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете Президенту Российской Федерации В. В. Путину?
(Карточка; один ответ.)

Устойчиво высокий уровень доверия к президенту — это своего рода интегральный показатель отношения людей к власти. Бесспорно, что она, эта власть, стала более стабильной и, следовательно, предсказуемой. А предсказуемая власть — это неменяющиеся «правила игры», это условие, когда недостатки власти — прогнозируемы. Предупрежден — значит, вооружен, гласит пословица. Нельзя перелезть — можно обойти.

Однако не может не тревожить иное: доверие к президенту сочетается с недоверием к большинству других властных институтов общества — к Думе, политическим партиям, чиновничеству, правоохранительным органам. Им не доверяют, их считают эгоистичными, работающими на свою личную выгоду.

«Укрепление вертикали власти» во всех его проявлениях, прекращение выборов губернаторов, повышение уровня требований к партиям, претендующим на участие в выборах, при очевидных и понятных достоинствах этого процесса таит и неизбежные проблемы. Самая страшная и реальная опасность такой вертикали — это возрождение и укрепление патерналистских ожиданий населения. В истории России это явление отнюдь не ново. Высокий уровень ожидания может быть сменен на столь же сокрушительное неприятие. А отсюда — и угроза нестабильности, способной разрушить, казалось, несокрушимые поли-

тические структуры, как это случилось в феврале 1917 г. или в августе 1991 г.

Причиной таких перемен может стать, в частности, падение цен на нефть и, как следствие, значительное сокращение государственного бюджета и падение жизненного уровня населения.

«Канализация недовольства наверх», отсутствие распределения ответственности — это реальная тревога политического будущего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже давно было замечено, что в историческом развитии Европы рубеж веков имеет, как правило, символический характер, обозначает завершение одной эпохи и наступление иной¹. Это наблюдение поразительным образом подтверждается данными отечественной истории — достаточно вспомнить рубеж XV—XVI вв., с Судебником 1497 г., двуглавым орлом в качестве герба и другими чертами завершения складывания единого российского государства; рубеж XVI—XVII вв. — Смутное время; XVIII в. открывается Петровской эпохой в истории страны; не стало исключением начало XIX в., «дней Александровых прекрасное начало», отличавшееся от недавнего XVIII в. так же, как стихи Пушкина отличаются от стихов Ломоносова. И нет нужды говорить об отличиях века XIX от перенасыщенного революциями начала XX в.

Причины таких «исторических порогов» не просто объяснить. Возможно, они связаны с изменением во времени самосознания, с желанием людей переоценить недавнее прошлое. Однако нельзя не заметить и глубокие сущностные изменения, которые происходят в истории с известной периодичностью.

К худу ли, к добру — но и рубеж XX и XXI вв. не стал исключением. Он разделил две истории одной страны — советскую историю и историю новой России.

Подведем предварительные итоги этого исторического поворота.

Для этого определим те сущностные характеристики, те исторические особенности, которые присущи двум этапам истории Отечества.

Итак — *основные признаки советской истории.*

¹ См.: *Иноземцев В. Л.* На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003 г.

Советский Союз был государством идеологическим в гораздо большей степени, чем любое другое государство в истории последних столетий. Для доказательства этого достаточно обратиться к Конституции СССР. Конституция 1977 г. провозглашала, что «советский народ устанавливает права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и цели социалистического общенародного государства, воплощенные в Конституции», «руководствуясь идеями научного коммунизма и соблюдая верность своим революционным традициям, опираясь на великие социально-экономические и политические завоевания социализма, стремясь к дальнейшему развитию социалистической демократии, учитывая международное положение СССР как составной части мировой системы социализма и сознавая свою интернациональную ответственность».

Конституция утверждала, что «Советская власть... навсегда покончила с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой», что «в СССР построено развитое социалистическое общество. ...Это — общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности. Это — общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Это — общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся — патриотов и интернационалистов».

Эта благостная картина жизни в стране, где, по словам Конституции, «законом жизни... является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех», есть лишь основа для еще более светлого будущего.

«Высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление».

Власть в нашей стране взваливала на себя безмерную ответственность, о природе которой старалась не задумываться, — как *каждодневно* соревноваться со всем миром, *доказывать* свою обязанность быть первыми и лучшими.

«Крайней» в системе ответственности провозглашалась КПСС, являвшаяся, согласно 6-й статье Конституции, «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политичес-

кой системы, государственных и общественных организаций». Именно Коммунистическая партия, «вооруженная марксистско-ленинским учением... определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

И невдомек было создателям этих идиллических картин, получивших статус Основного Закона, что кризис идеологии может стать «спусковым крючком» кризиса самого государственного устройства, кризиса, губительного для власти, основанной на «идеях научного коммунизма».

Навязываемая всей мощью властных институтов, насаждаемая на всех уровнях воспитания и образования — от детского сада и школы до университетов и аспирантуры, государственная идеология наскучила, а поэтому раздражала, провоцировала сравнения и сопоставления, порождала сомнения и отторжение. Она и стала общим основанием, сплотившим против себя сторонников самых разных политических и идеологических воззрений, людей с абсолютно непохожими взглядами на будущее.

Советский Союз был огромным многонациональным государством. В 1989 г. в нем жило 285,7 млн. человек, принадлежавших более чем к ста народам и народностям. Русские составляли 50,8% от населения СССР. Эти народы были объединены в 53 национально-государственных образования, крупнейшими из которых были пятнадцать союзных республик, обладавших, согласно статье 72 Конституции СССР, правом «свободного выхода из СССР». Это право стало миной под политическим устройством страны, взорвавшейся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. XX в.

В Советском Союзе существовала неведомая до этого в истории экономики «социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности». Социалистическая собственность на средства производства была экономическим следствием из все того же коммунистического идеологического императива. Это не просто государственная собственность. Специфика ее была в том, что государство владело в стране *всем*, за исключением минимума — личной собственности граждан, да и ту «никто не вправе использовать... в целях личной наживы и в других корыстных целях». «В исключительной собственности государства, — было зафиксировано в Конституции, — ... находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в про-

мышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий...»

Отсюда — вместо торговли — распределение по фондам, снабжение и другие квазирыночные отношения, отсюда — надежда на всеисилие плана, подавление *личного интереса* в экономике.

Как следствие этого — отсутствие подлинной классовой структуры общества, так, как она понималась в марксистской литературе и как это и оказалось в реальной жизни. Там же, в Конституции, специально оговаривалось, что «именно поэтому классы в социалистическом обществе не являются классами в традиционном смысле слова и в значительной мере утрачивают классические характеристики и черты классов... Общество становится все более однородным»¹.

Повторю то, о чем писал в этой книге: обратной стороной «общенародной собственности» являлось игнорирование экономических интересов и потребностей отдельного человека. Это обстоятельство с неизбежностью порождало политические следствия. Всякие, даже самые робкие, попытки обосновать применение рыночных отношений в советской экономике встречали решительное осуждение². А попытки «на практике» применить рыночные отношения заканчивались конфликтом с Уголовным кодексом.

СССР был мощной военной державой, победившей во Второй мировой войне, достигшей ракетно-ядерного паритета со всеми потенциальными противниками в Европе, Америке и Азии. Тяжкие обязанности обеспечивать этот паритет Советскому Союзу приходилось практически в одиночку, перераспределяя свои ресурсы в пользу военно-промышленного комплекса. СССР был вынужден тратить в 1989 г. на военные расходы 77,3 млрд. рублей, США — 303,6 млрд. долларов, военные расходы в пересчете на одного жителя страны составляли в СССР — 269,6 руб., в США — 1224,2 доллара³. Гонка вооружений становилась все более тяжким бременем для страны.

Экономический потенциал Советского Союза, в основном сформировавшийся в послевоенное время, столкнулся в 1970—1980-е гг. с новыми вызовами.

¹ Преимущества социалистического строя / Под ред. Т. М. Ярошевского и П. А. Игнатовского. М., 1979. С. 117.

² Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти... С. 313.

³ Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. 5. Драматический кризис в конце столетия. М., 2006. С. 58.

Ими стали:

— переход передовых стран мира на информационные технологии;

— расширение информационного обмена, нарастающая «информационная открытость» мира;

— процессы глобализации.

Как следствие этих процессов, стало размежевание стран на постиндустриальные, для которых стало свойственно сокращение удельного веса в валовом внутреннем продукте традиционных сфер экономики — добывающей промышленности, промышленности вообще, сельского хозяйства. Совершенствуются технологии сбережения энергоресурсов. Одновременно с этим выросла занятость в информационном секторе¹.

Одновременно с этим нарастает раздел мира, повышение сырьевой природы экономик тех стран, которые опоздали или не смогли перейти к постиндустриальному этапу своего развития. Советский Союз не стал исключением из этого правила. Разработка богатых нефтегазовых месторождений привела к росту производства — от 38 млн. тонн в 1950 г. до 547 млн. — в 1980 г. Примерно четверть всей добытой нефти шла на экспорт².

СССР все больше втягивался в мировое разделение труда и ресурсов, в экономическую конкуренцию и жестокое политическое противостояние.

«Перестройка» и «новое мышление» второй половины 1980-х гг. убедительно доказали принципиальную неререформируемость советского социализма. Его идеологическая основа — гарантия строительства коммунизма, гарантия обеспечения лидирующего положения в мире, что называется, «здесь и сейчас» не выдержали существования во все более открытом мире. Главная угроза советскому строю шла изнутри, от понимания его неэффективности. На власть обрушился тяжкий груз долгих ожиданий и надежд, неоправдавшихся гарантий, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Власть, основанная не только на силе, но и на вере, коммунистической вере, стала рассыпаться, когда началось отторжение этой веры, когда явственной стала экономическая неэффективность системы.

Заинтересованный читатель может возразить — а как же коммунистический Китай? Разве его динамичное развитие и радикаль-

¹ *Иноземцев В. Л.* На рубеже эпох... С. 125—126.

² *Белоусов Р. А.* Экономическая история России: XX век... С. 86—87.

ные экономические реформы не опровергают утверждение автора о нерепформируемости советского социализма?

Смею утверждать — нет, не опровергают. Китайский вариант коммунизма родом не столько из марксизма, сколько из конфуцианства с его идеями установления строгого порядка между людьми: между государем и подданными, отцом и детьми, властью и подчиненными. Для конфуцианства свойственна проповедь построения общества «Великого единения» — общества равенства, в том числе и имущественного, отсутствия войн, почтения младших к старшим, ответственности и заботы старших о младших, глубокого уважения к традициям.

Чем не коммунизм? Разница лишь в том, что конфуцианство с его полуторатысячелетней историей — это скорее этическое, а не политическое учение, и китайский коммунизм на конфуцианской подкладке смог пережить и «большой скачок» 1950-х годов и культурную революцию 1960—1970-х гг.

Непохожа на Советский Союз национальная структура населения страны. Если в СССР русские составляли около половины населения страны, то Китай — это, по преимуществу, моноэтническая страна. По данным переписи 2000 г., из общей численности населения Китая — 1,295 млрд. человек — ханьцы, собственно китайцы составляли 91,59%.

Радикально отличались исходные условия, в которых страны оказались к началу реформ. Если СССР был страной по преимуществу городской (в 1989 г. в городах жило 66% населения), страной, где все средства производства принадлежали государству, то Китай к началу реформ, к 1978 г., был и остается по сию пору страной с преобладающим сельским населением. В 1978 г. в госсекторе Китая была занята небольшая часть рабочей силы — 18%, в то время как в сельскохозяйственном секторе, не имевшем субсидий от государства, около 75%¹. Китайская деревня с ее неиссякаемыми трудовыми ресурсами, с непрерывными традициями рыночной экономики не походила на колхозно-совхозный сектор советского сельского хозяйства, переживший коллективизацию, огромные потери в Великую Отечественную, хрущевские эксперименты и тихо терявший в 1970—1980-е гг. «неперспективные деревни», рабочую силу, надежды на лучшее.

Что случилось в нашей стране на рубеже 1980—1990-х гг. XX в.?

Р е в о л ю ц и я.

¹ Хуан Дингуй. Китай: подходы и особенности экономических преобразований//ChinaPRO, <http://www.chinapro.ru>.

Революция, если под ней понимать радикальное изменение основ политического, экономического, социального строя, перемену основ государственности.

На новом этапе развития России *коммунистическая идеология перестала быть основой государственной идеологии* и утратила свое влияние на организацию государственной власти. За ней сохранилась лишь роль идеологической платформы части левого фланга политического спектра страны.

Это исключительно важные перемены. С уходом компартии как важнейшей части государственной власти СССР ушли существенные характеристики прежней власти: номенклатурные принципы назначения на должность, отсутствие реальных выборов, однопартийная система...

Все это — в прошлом.

Статья 1 Конституции 1993 г. установила, что Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления.

Что пришло на смену в политическом устройстве:

— реальное *разделение властей* (отмечу, что советская власть исходила из принципа совмещения в Советах законодательных и исполнительных функций);

— *выборность*, альтернативность при выборах как реальное проявление волеизъявления народа;

— *многопартийность*, наличие в обществе различных политических программ, которые находятся в состоянии конкурентности;

— *свобода прессы*, имеющей возможность давать гражданам не только широкий объем информации, но и различные, зачастую открыто противоречащие политические оценки событий;

— *никогда не виданная прежде в истории России*¹ (об СССР и говорить не приходится!) свобода вероисповедания.

По каждому из перечисленных выше признаков можно и нужно говорить, что в них есть недостатки и несовершенства практической реализации. Но тем не менее все они уже стали частью политического устройства новой России, ее новой истории.

Изменился национальный состав населения новой России.

Не менее глубоки изменения в экономике. Статья 8 Конституции Российской Федерации гарантирует право на свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, признает и

¹ Исключением здесь стал лишь короткий период с 1906 по 1917 гг., когда официально прекратились ограничения свободы вероисповедания.

защищает равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности.

На практике это означает возвращение права собственности в жизнь страны — начиная от права на приватизированную квартиру и садовый участок, кончая правами собственности на промышленные предприятия, банки, средства массовой информации и т. д.

В России идет трудный, мучительный, драматический процесс образования новых классов, сословных групп — словом, нового социального размежевания, приходящий на смену некогда «единой общности — советскому народу». Следствием такого размежевания должно стать и *размежевание политическое, партийное*, что в свою очередь приведет к необходимости учитывать интересы каждой из этих общностей в конкурентной политической борьбе. Именно тогда власть будет вынуждена прислушиваться к мнениям каждой из этих групп населения, мнениям большинства и, следовательно, корректировать с учетом мнений этого большинства свою политику. И происходить такая корректировка должна будет не из прекраснодушия очередного главы государства или правительства, а вследствие невозможности сохранить власть демократическим путем, под угрозой проиграть выборы. И никакие «политические технологии», никакие подтасовки в конце концов не в состоянии будут заменить простое и ясное волеизъявление избирателей.

Социально-экономическая картина устройства новой России сменилась столь же революционно и радикально, как и ее политическое устройство.

Слово «революция» традиционно идет в нашем сознании в одном ряду с такими понятиями, как гражданская война, насилие, кровь. Однако то, что годилось для описания английской революции XVII в., Великой французской революции конца XVIII в. или революции в России в 1917 г., не очень годится для описания революций конца XX в. Конец XX в. добавил в политический словарь понятие «бархатная революция». Это революция, когда насилие не является основным средством для достижения политических целей, когда интересы уходящей властной элиты не защищаются силой оружия.

Все воистину кровавые инциденты этого времени происходили только там, где социальные перемены сопрягались с тлевшими долгое время национальными противоречиями. Так было на руинах Югославии, так произошло на окраинах СССР — в конфликтах Молдавии и Приднестровья, Грузии и Абхазии, Грузии и Южной Осетии. Так случилось и с Чечней.

Любая революция, и российская конца XX в. в том числе, имеет свою логику, свои этапы, свою периодизацию.

Понимая условность и спорность любой периодизации, убежден в ее полезности. Именно периодизация служит способом формализации знаний и прошлого опыта, позволяет проследить изменения во времени тех социальных, политических, экономических и иных процессов, которые в совокупности создают новое качество общества, в данном случае — революции в России в конце XX в.

Отмечу и еще одно обстоятельство: зафиксировать начальный и конечный этапы радикальных социально-политических перемен, приводивших и приводящих к необратимым переменам — к революции, довольно сложно.

С учетом вышеизложенного можно выделить следующие *этапы системного кризиса СССР*, переросшего в революцию, приведшую к распаду СССР и установлению нового социально-политического и экономического строя в России.

Начальный этап этого кризиса я датирую январем 1987 — маем 1989 г.: от январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС о кадрах до начала работы I съезда народных депутатов СССР в мае 1989 г.

В области политической:

— начало радикальной политической реформы, включавшей подготовку к проведению альтернативных выборов в Советах всех уровней и в партийных организациях;

— вынужденная легализация политической оппозиции, как следствие все тех же альтернативных выборов;

— появление «неформальных» объединений (в защиту памятников культуры, экологии, дискуссионных трибун и клубов), часть из которых стала в дальнейшем основой для формирования политических движений и партий;

— появление в прессе открытой критики идей коммунизма, сомнений в справедливости социалистического выбора, сделанного в России в 1917 г.

В области экономической:

— принятие комплекса мер, имевших своей целью воссоздать кооперативное движение в стране на основании постановления Совмина СССР от 5 февраля 1987 г. о разрешении создавать кооперативы общественного питания и по производству товаров народного потребления;

— создание на территории СССР совместных предприятий с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов

управления на основе указа 13 января 1987 г. Президиума Верховного Совета СССР;

— ослабление монополии внешней торговли, разрешение кооперативным предприятиям заключать контракты с инофирмами без посредничества внешнеторговых организаций;

— появление коммерческих банков на основе закона «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 г., перевод государственных специализированных банков на полный хозрасчет и самофинансирование на основании постановления Совмина СССР от 31 марта 1989 г. Начало необратимых процессов разрушения советской финансовой системы.

В области социальной:

— появление слоя «кооператоров», первоначальное накопление капитала. (Кооперативное движение породило М. Фридмана, М. Ходорковского, В. Гусинского, А. Смоленского, Л. Черного и тысячи менее известных представителей нарождавшегося частного капитала);

— массовый рост недовольства населения неудовлетворительным продовольственным обеспечением, продолжавшейся антиалкогольной кампанией;

— изменения в политическом сознании общества, кризис коммунистической идеологии, взрыв интереса к «белым пятнам истории»;

— рост националистических и сепаратистских настроений, конфликт вокруг Нагорного Карабаха.

Второй этап я датирую временем с мая 1989 по март 1990 г.: от начала работы съезда народных депутатов СССР до отмены статьи 6 Конституции СССР и избрания Горбачева на пост Президента СССР. Основное содержание этого этапа — радикальное изменение политического строя в СССР и фактическое устранение КПСС из системы государственного управления.

В области политической:

— оформляется политическая оппозиция КПСС — Межрегиональная депутатская группа в составе съезда и Верховного Совета СССР и массовое движение — Демократический выбор России;

— начинается массовое движение в стране под лозунгами «Вся власть Советам, а не КПСС», которое приводит к ослаблению позиций партийного аппарата в системе Советов;

— завершается складывание национально-сепаратистских движений в союзных республиках СССР;

— разворачивается борьба на съезде народных депутатов СССР и в Верховном Совете СССР за утверждение элементов парла-

ментаризма в деятельности высших органов представительной власти в стране;

— происходит стремительное разрушение социалистического лагеря, «бархатная революция» в Чехословакии и падение Берлинской стены.

В области экономической:

— нарастание инфляционных процессов, наличие на руках у населения около 200 млрд. рублей «горячих денег», необеспеченных товарами¹, нарастание дефицита;

— рост дефицита государственного бюджета;

— признание необходимости радикальных экономических реформ, создание Государственной комиссии по экономической реформе². Разработка пакета документов, направленных на создание основы для разгосударствления и акционирования промышленности³;

— продолжение процесса создания коммерческих банков в стране — их число достигает 2600;

— создание на основе принятого в 1988 г. Закона «О государственном предприятии (объединении)» новых образований — государственных предприятий, взятых в аренду его трудовыми коллективами, появление первых государственных концернов, в частности — «Газпрома», созданного на основе Мингазпрома.

В области социальной:

— нарастание ощущения неизбежности политических перемен;

— разочарование в эффективности социалистической экономики, рост популярности экономистов, специализировавшихся на критике недостатков отечественной экономики;

— широкое распространение иллюзорных представлений о «западном образе жизни»;

— падение авторитета главы партии и государства Горбачева как в местных организациях КПСС, так и среди населения.

Третий этап — март 1990 — декабрь 1991 г. — разрушение СССР.

В области политической:

— проведение выборов народных депутатов в союзных республиках, формирование республиканских съездов народных депутатов и Верховных Советов, «парад суверенитетов»;

¹ Богомолов О. Т. Моя летопись переходного периода. М., 2000. С. 55.

² Федоренко Н. П. Россия. Уроки прошлого и лики будущего. М., 2001. С. 248.

³ Мировая экономика и международные отношения. 1990. № II. С. 112.

— разрушение единого правового и экономического пространства СССР; «война законов» — противостояние союзных и республиканских органов власти;

— появление оппозиционной Президенту СССР депутатской группы «Союз» на съезде и в Верховном Совете СССР;

— попытки применения силовых методов для восстановления действия Конституции СССР в республиках Прибалтики;

— введение чрезвычайного положения в СССР в августе 1991 г., массовое противостояние ГКЧП в Москве, Петербурге, в других крупнейших городах России, дискредитация союзных органов власти и управления;

— ликвидация КПСС;

— Беловежское соглашение, прекращение существования СССР и создание СНГ.

В области экономической:

— продолжение широкомасштабного акционирования союзных министерств и ведомств, объединений и предприятий — в этот период было приватизировано до 2 тыс. предприятий¹;

— обсуждение различных вариантов осуществления радикальной экономической реформы, дискуссии о возможности осуществления программы «500 дней» в рамках экономики СССР и провал этих планов, решение руководства РСФСР проводить эту программу самостоятельно;

— принятие союзного и республиканского законодательства о приватизации (Закон СССР от 1 июля 1991 г. и Закон РФ от 3 июля 1991 г. «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР»);

— фактическое банкротство Советского Союза к маю 1991 г.

В области социальной:

— массовый переход управленцев, представителей государственного и партийного руководства в частный сектор, в руководство акционированных предприятий, начало «директорской приватизации»;

— разочарование и в обществе, и в местных организациях КПСС деятельностью союзного руководства и Горбачева в особенности;

— высокий уровень политической активности населения, и прежде всего «среднего класса» в его советском понимании, подерживавшего противостояние республиканского руководства союзной власти;

¹ Федоренко Н. П. Россия... С. 267.

— надежды населения на скорое улучшение жизни в том случае, если будут проведены радикальные экономические реформы.

Четвертый этап я датирую временем от начала 1992 г., начала существования Российской Федерации как суверенного государства с советско-президентской организацией власти, до принятия в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации, установившей президентско-парламентскую организацию власти.

В области политической:

— привыкание России к ее самостоятельному существованию в качестве субъекта международного права;

— попытки запретить коммунистическую партию и укрепление позиций коммунистов после решения Конституционного суда;

— политико-конституционный кризис — соперничество президентской и советской властей, завершившееся вооруженным столкновением в октябре 1993 г. и референдумом по утверждению новой Конституции 1993 г.

В области экономической:

— проведение радикальных экономических реформ, «отпуск цен»;

— закрепление права частной собственности,

— приватизация государственных и муниципальных предприятий;

— создание реальной «многоукладности» экономики;

— нарастание инфляционных процессов;

— постоянное снижение объемов отечественного производства во всех сферах экономики.

В области социальной:

— снижение политической активности населения, нарастание усталости;

— ухудшение материального положения большинства населения, потеря сбережений;

— резкое расслоение населения по уровню доходов, разрушение прежних социальных групп, процессы маргинализации;

— ослабление «прозападных настроений» в обществе.

Все это, в свою очередь, не может не влиять на процессы партийного строительства, на появление партий, отражающих интересы уже сложившихся социальных групп.

Позволю утверждать: *с принятием Конституции 1993 г. завершилась политическая составляющая революции*. Прежний строй — с аппаратом КПСС как государственной структурой управления, с советской властью с ее смешением функций представительной и исполнительной властей — отошел в прошлое.

В России установился иной политический строй, которому присущи последовательное разделение властей, сильная президентская власть, идеологический плюрализм, наличие многопартийности. Каждый из вышеперечисленных признаков был невозможен в прежнем СССР.

Экономический строй России также принципиально несовместим с прежним, советским. Утверждение частной собственности в корне изменило всю природу экономических отношений. Следует отметить, что переход от «общенародной собственности», планово-распределительной системы к рыночным отношениям стал трудным и чрезвычайно болезненным. ВВП страны упал более чем на 50%¹. Только с 1999 г. прекратился процесс сокращения объемов ВВП; начался рост золотовалютных запасов страны, что позволило обеспечить выплаты по внешним долгам бывшего Советского Союза и России. Золотовалютные резервы Банка России за 2005 г. увеличились более чем на 35% и составляют сумму порядка 170 млрд. долларов². До сих пор сохраняется сравнительно высокий уровень инфляции. Несмотря на сравнительно высокие темпы роста экономики страны, сложившиеся в 2000—2005 гг., страна пока не достигла тех объемов промышленного производства, которые существовали в 1990 г., накануне распада СССР. Объем ВВП в 2003 г. составил только 73% по сравнению с 1990 г.³

Не может не тревожить зависимость государственного бюджета от цен на нефтегазовое сырье, высокий удельный вес экспорта нефти в общем объеме российского экспорта. В январе — ноябре 2005 г. он составил 34,8%, в экспорте топливно-энергетических товаров — 54,4%.

Приходится констатировать незавершенность экономической трансформации, уменьшение роли машиностроения, металлообработки и заметное возрастание роли сырьевых отраслей — металлургии, химии, топливной промышленности⁴.

Сложные процессы происходят в социальной сфере. Прежде всего, отмечу изменения в национальной структуре страны. В СССР русские составляли, по данным переписи 1989 г., чуть более 50% населения. В России же, по данным переписи 2002 г., русских было около 80% от общей численности населения.

¹ *Стиглиц Д. Ю.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.

² *Петров В.* Прогнозы: год должен стать переломным // *Ведомости.* 11.01.2006. Цит. по: <http://www.klerk.ru/bank/?40596>.

³ *Куштин В. И.* Траектории экономических трансформаций. М., 2004. С. 76.

⁴ Там же. С. 79.

Своего рода интегральным свидетельством неблагополучия в социальной сфере стало сокращение продолжительности жизни граждан России, составлявшей в 2003 г. 58,8 лет — у мужчин и 72 года — у женщин (в 1992 г. соответственно — 62 и 73,8 года).

Сохраняется низкий уровень оплаты труда. По подсчетам академика О. Т. Богомолова, Россия отстает от США по производительности труда в 5—6 раз, а по средней заработной плате — в 15—20 раз¹.

Страна вступила в сложный период реформирования социальной сферы, включающей пенсионную реформу, реформу ЖКХ. существенные перемены в организации системы здравоохранения и образования. И неслучайно президент заявил о необходимости национальных проектов в социальной сфере. Это первый случай в послереволюционной истории новой России, когда власть поставила социальные вопросы в число важнейших для страны. «Национальный проект, — заявил президент В. В. Путин на пресс-конференции 31 января 2006 г., — это не панацея для решения всех проблем, перед которыми стоит страна, конечно же нет. Но это просто сигнал, импульс в том направлении или в тех направлениях, которые мы считаем на данном этапе развития экономики и социальной сферы страны приоритетными: здравоохранение, образование, доступное жилье, сельское хозяйство»².

Подводя итоги, отмечу: события, произошедшие на рубеже 1980—1990-х гг. XX в., были не чем иным, как революцией, круто и необратимо изменившей социально-политический и экономический строй.

Начался новый этап истории России — страны с тысячелетним прошлым, способной меняться и выживать.

«В Россию можно только верить...»

¹ Богомолов О. Т. На что надеются избиратели/Российская Федерация сегодня. 2004. № 7. С. 3.

² Российская газета. 2006. 1 февраля.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абалкин Л. И. 41, 92, 126, 143,
144, 145, 199, 202, 203, 205,
206, 340, 406, 500

Абдулатипов Р. Г. 159, 187, 264,
268, 288, 458, 462, 468, 469, 470

Абрамович Р. А. 495, 504

Аганбегян А. Г. 41, 92, 205, 221,
228, 297

Агеев Г. Е. 328

Адров В. М. 272

Айдак А. П. 168

Айтматов Ч. 240

Аксючиц В. В. 254, 456

Алекперов В. Ю. 517

Александров А. А. 64

Александров А. П. 60

Алексий II 465, 468

Алиев Г. А. 18, 31, 75

Алкнис В. И. 139, 297

Амбарцумов Е. А. 272

Амин Х. 316

Андреева Н. А. 86, 87, 88, 121.
122, 123, 124, 127

Андреотти Дж. 204

Андропов Ю. В. 19, 25, 26, 28, 29,
31, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 43,
46, 55, 67, 297

Анпилов В. И. 465, 466, 479

Арбатов Г. А. 406

Арсанов А. Б. 354, 355

Арсланов Ф. Ш. 272

Аслаханов А. А. 352, 353

Астафьев В. П. 84, 455

Аушев Р. С. 477

Афанасьев Ю. Н. 84, 140, 141,
143, 162, 306

Ахматова А. А. 82

Ахромеев С. Ф. 328

Ачалов В. А. 215, 217, 307, 328, 447,
452—454, 462, 466—470, 474

Б

Бабичев В. С. 448

Бабурин С. Н. 272, 286, 416, 455.
458

Бакатин В. В. 126, 240, 242, 244,
249, 286—288, 291, 292, 337,
340, 341

Бакланов О. Д. 155, 171, 242,
304, 306—308, 310—313,
315, 326, 336

Балаян З. 112

Баловнев В. П. 272

Баранников В. П. 332, 418, 421,
438, 447, 452, 454, 456, 466,
469, 470

Баркашов А. П. 479

Бароненко А. 431
 Барсуков М. И. 440
 Безруков И. А. 211, 272
 Бейкер Дж. 204, 305
 Бек А. А. 82, 118, 348, 351, 352
 Белов В. И. 211
 Белоглазов Ю. М. 181
 Берберова Н. Н. 82
 Бергер М. 148
 Березовский Б. А. 492, 504, 516
 Бесков Б. 328
 Бессмертных А. 244, 298, 305, 315, 340
 Бигнов Р. И. 272
 Биккенин М. Б. 41, 73
 Бирюков В. А. 139
 Бирюкова А. П. 54, 55, 60, 70
 Блохин Ю. Н. 299
 Богомоллов О. Т. 406, 500
 Болдин В. И. 16, 41, 73, 85, 99, 100, 122, 124, 210, 240, 304, 307, 308, 310, 313, 326
 Болдырев Ю. 134, 173
 Бондарев Ю. В. 126, 127, 265, 299
 Боннер Е. Г. 306
 Бордюжа Н. 504
 Борисов Ю. С. 84
 Бородин Л. А. 101
 Бочаров М. А. 195, 199
 Брагин В. И. 475
 Братищев И. М. 173
 Брежнев Л. И. 17, 18, 19, 29, 30, 34, 35, 41, 49, 108, 120, 136, 382, 493, 494
 Бровин Г. Д. 35
 Брынцалов В. 492
 Бурбулис Г. Э. 134, 139, 289, 306, 317, 352, 357, 359, 360, 364, 414, 415
 Бурокаявичус М. М. 328
 Бухарин Н. И. 83
 Буш Дж. 204, 219, 240, 339

В
 Вавилов А. П. 202, 494
 Валента И. 219
 Варенников И. С. 265, 299, 307, 308, 310, 311, 317, 326, 328
 Варов В. К. 211, 272
 Ведерников Н. Т. 272
 Везиров 116
 Виноградов В. Н. 492
 Витрук Н. В. 480
 Власов А. В. 155, 156, 172, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 185, 188, 246, 248, 492
 Волков Л. Б. 272
 Волконогонов Д. А. 185, 187
 Володин Э. М. 299
 Волошин А. 504
 Воронцов Н. Н. 173
 Воротников В. И. 19, 49, 70, 75, 76, 95, 96, 100, 102, 121, 123, 125, 129, 135, 155, 156, 160, 161, 173, 176, 177, 180, 181, 185, 188, 310, 386
 Вошанов П. И. 362
 Вяткин Г. П. 173

Г

Гавел 168
 Гайдар Е. Т. 32, 248, 357, 406, 413, 414, 416, 418, 422, 476, 480, 491, 494, 500
 Гамсахурдия З. 133, 337
 Гантимиров Б. 350
 Гдлян Т. Х. 35—38, 109, 119, 140, 150
 Ген Н. Л. 211
 Герашенко В. В. 500
 Гефтер М. Я.
 Гидаспов Б. В. 204, 226, 242, 300
 Гиренко А. Н. 249, 256, 265, 267, 268, 323
 Глинка М. И. 292

Голубева В. Н. 76
Голушко В. М. 439, 477
Горбачев М. С. 13—20, 23, 25—31, 34, 35, 37—46, 49, 50—52, 55—59, 62, 63, 65—67, 69—77, 85—89, 93—96, 98—107, 112—114, 116, 123—126, 128, 129, 132, 133, 135—137, 139, 152—155, 157, 160—170, 173, 174, 179, 183—185, 192, 201—206, 212—222, 225—228, 232, 239—246, 248—250, 253, 255, 259—264, 267, 270—286, 291—316, 324, 326, 328, 333, 336—346, 354, 363—369, 371, 384, 386—392, 407, 492, 538, 539, 540

Горбачева Р. М. 41, 104

Горбунов В. В. 86

Горячева С. П. 187, 264, 286, 459

Гранберг А. Г. 359

Гранин Д. А. 82

Грачев П. С. 305, 306, 310, 317—319, 327, 328, 334, 421, 439, 456, 477

Грешневиков А. Н. 176

Григорьев Л. М. 202

Гришин В. В. 14, 15, 18, 40, 49, 50, 51, 76

Громов Б. В. 288, 290, 299, 328, 545

Громько А. А. 13, 14, 17, 18, 41—44, 57, 68—70, 75, 114, 121, 126, 136

Громько Анат. А. 14

Гроссман В. С. 82

Губенко Н. Н. 240

Гуренко С. И. 218, 242, 257, 328

Гусинский В. 489, 492, 516, 537

Густов В. А. 462

Д

Дегтярев А. 268

Дедиков В. 107

Демирчян К. С. 116

Демичев П. Н. 19, 75, 106

Денисов В. 121

Дерегин 254

Дерягин А. В. 175

Дзасохов А. С. 242, 323

Добрынин А. Ф. 42, 54, 55, 57, 60

Долгих В. И. 45, 46, 55, 60, 75, 283, 432

Доллежалъ Н. А. 64

Домнина В. А. 175, 471

Дубенецкий Я. 489

Дубинин С. К. 499, 500

Дубов Ю. 517

Дудаев Д. М. 346, 350—355

Дьяченко Т. Б. 504

Дюма Р. 218

Е

Евдокимов Ю. А. 325, 495

Евтушенко Е. А. 135

Егоров Н. Ф. 305, 306, 489

Ельцин Б. Н. 44—46, 48—52, 54, 60, 75, 76, 93—107, 121, 127, 128, 134, 137, 139—141, 150, 157—159, 162, 166, 174, 181—192, 199, 201—206, 208, 211—219, 227—233, 239, 243, 250, 251, 262, 264—266, 268—272, 275, 278—282, 285—295, 301, 302, 306, 307, 310, 311, 316—323, 325—327, 329, 331—336, 338, 339, 341, 346, 352, 355—357, 360, 362—370, 395, 396, 407, 413—426, 428, 430—432, 435—441, 444, 445, 447—457, 459, 460, 462—464, 466, 471, 472, 474, 476, 480, 492—494, 496, 497, 499, 500, 502—509, 515, 521

Ельцин Н. И. 47

Емельянов А. М. 143, 323
 Ерин В. Ф. 157, 416, 425, 433,
 439, 453, 454, 464, 476
 Ермолавичюс Ю. 250

Ж

Женин В. А. 181
 Жижин 305, 306
 Жириновский В. В. 254, 287,
 288, 291, 292, 307, 481, 492,
 494, 508
 Журавлев В. В. 86

З

Завгаев Д. Г. 351, 352, 462
 Завидия А. Ф. 288
 Задорнов М. М. 199, 202, 500
 Зайков Л. Н. 40, 44, 46, 55, 105, 121
 Зайцев А. Ф. 83
 Замятин Е. И. 82
 Замятин Л. М. 58, 59
 Заславский И. И. 140
 Затворницкий В. А. 103
 Захаров М. Л. 272
 Зильбермайер Д. 245
 Зимянин М. В. 55, 60
 Золотухин Б. А. 272
 Зорькин В. Д. 411, 421, 426,
 428—430, 445, 463, 464, 480
 Зыкина Л. Г. 265
 Зюганов Г. А. 299, 416, 479, 491,
 492

И

Ибрагимов В. 354
 Иванов Н. И. 35—38, 119, 150,
 463, 476
 Ивашко В. А. 161, 245, 246, 257,
 267, 268, 307, 314, 336, 339
 Игнатенко В. А. 267
 Израэль Ю. А. 61
 Илюмжинов К. 464, 477, 495

Илюшин В. В. 439
 Ионов С. Н. 467
 Исаев Б. М. 186, 209, 264, 268,
 321
 Исаков В. Б. 157, 173, 187, 209,
 264, 268, 275—277, 279, 286,
 321, 416, 433, 458, 464

К

Каданников В. В. 517
 Кадышев В. Д. 272
 Казаков Ю. 174, 175, 179, 181
 Казанник А. И. 134, 140
 Калинин Н. В. 310, 333
 Калмыков Ю. Х. 169
 Калугин О. Д. 143
 Капутикян С. 112
 Каримов А. К. 36
 Каримов И. А. 257, 261, 328
 Карпухин В. Ф. 319, 320, 328,
 329, 332, 333
 Кахраманов 36
 Кириенко С. В. 497, 599
 Клыков В. М. 299
 Ключгант В. В. 272
 Кобец К. И. 322, 332, 359
 Кобзев А. В. 183
 Ковалев С. А. 272
 Ковалева 254
 Коган В. 515
 Козырев А. Н. 331, 415, 439
 Козырева А. 489
 Койвисто М. 204
 Колбин Г. В. 102, 107, 108, 127
 Колпаков С. Ф. 224
 Колуга Е. В. 489
 Коль Г. 200, 239
 Комарь Д. 335, 341
 Комчатов В. Ф. 156
 Кононов А. Л. 411
 Конотоп В. И. 141
 Константинов И. В. 433, 473, 474

Коржаков А. В. 330, 431, 440
Корниенко Г. М. 42
Коровиков И. В. 254
Костенков 350
Костиков В. В. 418, 424, 476
Котов 350
Коэн С. 83
Кравчук Л. М. 363, 365—369, 391
Крайко Ю. 134
Кричевский И. 335, 341
Крупская Н. К. 83
Крючков В. А. 14, 88, 162, 183,
185, 240, 243, 244, 249, 250,
262, 263, 265, 296, 297, 301,
304, 306—310, 315, 318, 322,
326, 329, 331, 336, 339, 340,
343
Крючков В. В. 249
Кудрявцев В. Н. 169
Кузнецов В. И. 45
Куклин В. А. 254
Кулик Г. И. 197, 224, 465, 472
Кулов 64
Кунаев Д. А. 40, 66, 76, 107, 108
Куньял А. 245
Купцов В. А. 206, 323
Куркова Б. А. 326
Куцылло В. 475, 476

Л

Лазарев И. И.
Лацис О. 143, 145
Лебедь А. И. 215—216, 317—319,
327, 328, 343, 456, 494
Легасов В. А. 65
Ленин В. И. 28, 44, 68, 69, 82, 83,
85, 88, 109, 115, 141, 160, 161,
171, 184, 219, 242, 282, 300, 325,
343, 373—375, 461, 479, 530
Леонов А. Г. 254
Лесин М. 494

Лигачев Е. К. 15, 17, 20, 31, 40,
44—46, 55, 57, 60, 61, 70, 87,
88, 93, 95—101, 115, 116,
121—124, 127—129, 132, 133,
135, 136, 163, 386
Лихачев Д. С. 134
Лобов О. И. 331
Логунов А. А. 127
Ломакин В. П. 137
Лукин В. П. 146, 272
Лукьянов А. И. 40, 41, 73, 85, 96,
132, 137, 155, 156, 164, 165,
167—169, 215, 222, 270, 286,
294, 296, 298, 306, 308, 311,
313—316, 323, 326, 331, 336,
339, 343, 374, 417
Лучин В. О. 242, 462
Лучинский П. К. 218, 241, 258
Любимов А. М. 326

М

Мазаев В. Д. 272
Майорец А. И. 59
Макаркин Н. П. 272
Макаров Н. П. 69
Макашов А. М. 287, 288, 291, 292,
416, 465, 469, 474, 475, 476
Мальков Н. И. 171, 173, 185
Манаенков Ю. А. 155, 170, 171,
174, 183, 185, 323
Манякин С. И. 101, 137
Мартынов В. А. 202
Маслюков Ю. Д. 155, 239, 240,
500, 501
Масхадов А. 493, 507, 548
Маточкин Ю. С. 175
Машиц В. М. 202
Медведев В. А. 41, 54, 55, 75, 88,
121, 123, 124, 135, 152, 153,
161, 163, 169, 188, 189, 204,
205, 240, 244, 272, 281, 282,
325, 340, 346

Медведев В. И. 302, 311, 312

Мельников Л. Г. 209, 323

Месяц В. К. 101

Метлок Д. 305

Мироненко С. В. 265, 266

Миттеран Ф. 200

Митюков М. А. 272

Михайлов А. Ю. 199, 202

Могильниченко М. 36

Моисеев М. А. 328, 340

Музыкантский А. И. 342

Мурадова 350

Мурашов А. Н. 254

Муталибов Н. А. 217, 218, 258,
328, 338

Н

Назарбаев Н. А. 107, 108, 169,
242, 243, 301, 307, 328, 338,
339, 344, 367, 368, 390

Невзлин Л. Б. 517

Никологорский 254

Никонов В. П. 40, 55, 68, 70, 94

Нишанов Р. Н. 298

Новиков А. А. 254

Носовец С. А. 181

О

Оболенский А. М. 139

Олейник В. И. 127, 468

Оников Л. А. 27

Орехов А. М. 340

Орлов А. 237

Орлов В. П. 137

Осипьян Ю. А. 240

Осминин С. А. 458

П

Павлов В. С. 90, 145, 146, 244,
296—298, 305, 307, 308, 313,
315, 323, 326, 339, 350, 416, 462

Павлов Н. А. 455, 457

Пальм В. А. 141

Панкин Б. Д. 341

Панфилов В. И. 208

Парамонов А. Р. 454, 455

Патаркацишвили Б. 517

Патиашвили Д. 133

Петраков Н. Я. 41, 92, 202, 205,
406, 500

Петров В. 418

Пименов Р. И. 272

Пискунов А. А. 467

Пихоя Л. Г. 289

Плиссонье Г. 245

Подколзин Е. А. 215

Подопригора В. Н. 272

Полозков И. К. 76, 171, 174, 177,
183, 185, 192, 242, 243, 261,
265, 267, 323

Полторанин М. Н. 140, 352, 414, 415

Пономарев Л. А. 156, 203

Попов Г. Х. 92, 134, 140, 141, 143,
162, 243, 329, 333, 415

Попцов О. М. 332

Потанин В. О. 489, 492, 494, 515.
517

Примаков Е. М. 14, 240, 244,
337, 340, 500, 501, 506—508

Приставкин А. И. 82

Прокофьев Ю. А. 161, 218, 242.
286, 300, 304, 313, 323

Проханов А. А. 299

Пугин Н. 209

Пуго Б. К. 244, 249, 250, 296, 297.
301, 304, 308, 313, 315, 322

Путин В. В. 506—510, 516, 517,
522, 523, 526, 542

Р

Раевская Н. А. 489

Разумовский Г. П. 40, 50, 54, 56,
73, 79, 85, 96, 113, 131, 167

Распутин В. Г. 153, 240, 299

Рассказов В. П. 181

- Рейган Р. 50, 56, 58, 283
Родионов С. С. 489
Романов 254
Романов Г. В. 19, 40, 44, 49
Россель Э. Э. 513
Ростропович М. А. 333
Рубикс А. П. 249, 258
Румянцев О. Г. 191, 272—275,
277, 278, 409, 457
Руст М. 89, 90
Руткевич М. Н. 376, 377
Руцкой А. В. 289—291, 329—331,
337—340, 352—355, 359, 360,
414, 418, 420, 421, 424, 429,
438—442, 445—447, 450, 451,
453, 456, 460—462, 466, 467,
469, 471, 472, 474, 475, 478—
550
Рыбаков А. Н. 82
Рыбкин И. П. 482
Рыжков Н. И. 15, 20, 28, 31, 32,
40, 46, 59, 61, 62, 70, 71, 88,
90, 95, 102, 121, 123, 129,
137, 155, 162, 168, 171, 198—
206, 212, 214, 215, 217, 218,
221—223, 228, 229, 233,
239—241, 243, 286, 287, 288,
290, 292, 351
Рыжов Ю. А. 272
Рыкин В. 268
Рябов Н. Г. 425, 448
Рябов Я. П. 46, 102
- С**
Савеличев А. 506
Самолис Т. 39
Сахаров А. Д. 134, 138, 141, 254,
289
Силаев И. С. 189, 194, 195, 197,
199, 202, 205, 208, 212, 213,
220, 225, 268, 306, 317, 320,
321, 322, 329, 331, 337, 339, 344
Силлари Э. А. 260
Ситарян С. А. 92, 246
Скоков Ю. В. 224, 319, 359, 418,
421, 461
Скуратов Ю. И. 512
Славский Е. П. 63—65
Слободкин Ю. М. 430, 436
Слюньков Н. Н. 54, 94
Смирнов Г. Л. 85
Собчак А. А. 134, 317, 325, 462,
506
Соколов С. Л. 40, 57, 89, 90, 93,
94, 185, 265, 462, 468—470
Солженицын А. И. 88
Соловьев Ю. Ф. 46, 54, 135
Соломенцев М. С. 31, 45, 70, 75,
85, 103, 113, 121
Солоухин В. А. 83
Сосковец О. Н. 468
Сталин И. В. 68, 73, 82—88, 101,
130, 155, 165, 251, 374, 376, 503
Станкевич С. Б. 134, 359
Старовойтова Г. В. 306
Стародубцев В. А. 299, 304, 315
Степанков В. Г. 428
Степанов В. Н. 185, 462
Степашин С. В. 448, 506, 508
Стерлигов А. Н. 330, 337, 416
Столяров Н. С. 338, 339
Строев Е. С. 170, 323, 491
Сурков А. В. 323
Сухарев А. Я. 137
Сушков В. Г. 34
Сыроватко В. 264, 268, 416
Сычев И. С. 266
- Т**
Терехов С. Н. 447, 479
Тизяков А. И. 299, 303, 307, 315,
336, 343
Тиунов О. И. 174, 272

Тихонов Н. А. 31, 40, 45, 46, 49,
76

Толпежников В. Ф. 138

Тосунян Г. А. 489

Травкин Н. И. 254

Тулеев А. М. 287, 291, 292, 430,
455, 456

У

Ульянов М. А. 108, 126, 132

Умаров Т. 36

Усманходжаев И. Б. 36

Усов В. А. 135, 335, 341, 532

Усольцев А. 220

Ф

Фалин В. М. 241, 244, 246, 248,
265, 323

Федоров 142, 202, 208, 450, 468,
494

Федоров Б. Г. 198, 208

Федоров Н. В. 208, 337

Федорчук В. В. 37

Федосеев И. И. 459

Федотов М. А. 439

Филатов С. А. 271, 415, 416, 440

Фильшин Г. И. 197, 223, 224

Фролов И. Т. 41, 161—163, 170

Фурсенко А. А. 85

Х

Хариковы 350

Харин Г. Н. 289, 544

Хасбулатов Р. И. 187, 191, 205,
208, 211, 212, 223, 269, 272,
281, 289, 317, 321, 329, 331,
352, 360, 396, 413—419, 421,
423—426, 428—431, 433, 435—
437, 439, 441—445, 448—450,
455, 457—462, 463, 466, 469,
471, 474, 475, 477, 478

Хачукаева 350

Хашиевы 350

Хлопонин А. Г. 495

Ходорковский М. Б. 148, 149,
489, 492, 515, 517, 537

Хохлов В. А. 489

Христофиас Г. 245

Хрущев Н. С. 26, 103, 110, 135,
164, 253, 283, 288, 292, 304,
316

Ц

Цой В. Р. 39

Ч

Чазов Е. И. 16

Чантурия Г. 133

Чебриков В. М. 19, 40, 83, 88, 89,
102, 121

Челинцев А. Н. 69

Черненко К. У. 13, 14, 16, 17, 19,
26, 35, 41, 55, 283

Черниченко Ю. Д. 140

Чернов И. А. 326

Черномырдин В. С. 422, 426,
440, 455, 460, 470, 475, 477,
491, 497, 500, 503

Черняев А. С. 41, 50, 51, 56, 203,
218, 240, 267, 342, 365, 365

Чешинский Л. С. 395

Чикин В. В. 121

Чубайс А. Б. 415, 489, 492

Чурбанов Ю. М. 36

Ш

Шаккум М. Л. 494

Шарин Л. В. 171

Шаталин С. С. 41, 202, 204, 205,
214, 215, 217, 218, 220, 222,
228, 240, 244

Шатохин 254

Шатров М. Ф. 83, 86

Шахназаров Г. Х. 41, 340
Шахрай С. М. 173, 175, 209, 211,
221, 272, 317, 359, 411, 462
Шеварднадзе Э. А. 13, 19, 42, 43,
44, 70, 75, 88, 102, 103, 121,
123, 163, 240, 244, 296, 297,
310, 329, 386
Шейнис В. Л. 272
Шелов-Коведяев Ф. В. 272
Шемаев Л. С. 156
Шенин О. С. 242, 256, 257, 295,
304, 307, 308, 310, 313, 323,
342, 343
Шмелев Н. П. 202
Шнейдер М. Я. 156
Шохин А. Н. 357
Шуйков В. А. 455, 467
Шумейко В. Ф. 416, 438, 439, 483
Шушкевич С. И. 365, 367, 369

Щ

Щербаков И. С. 298, 325, 339
Щербина Б. Е. 59, 61—63
Щербицкий В. В. 17, 40, 63, 75

Ю

Юмашев В. Б. 504, 505

Я

Яблоков А. В. 359
Явлинский Г. А. 198, 199, 202,
204, 212—215, 217, 218, 220—
222, 225, 230—232, 234, 363,
491, 492
Язов Д. Ф. 89, 94, 113, 114, 216,
240, 244, 249, 250, 296, 298,
301, 304, 305, 307, 308, 310,
313, 315, 316, 318, 322, 331,
335, 336, 340, 343
Якобашвили Д. 515
Яковлев А. Н. 14, 39, 55, 87, 89,
94, 121, 123, 124, 132, 135,
163, 240, 242, 244, 281, 297
Яндарбиев З. 350
Ярин В. А. 240
Яров Ю. Ф. 416
Ярошевский Т. М. 531
Ясин Е. Г. 202
Ястржембский С. В. 504
Яхьяев Х. Х. 36

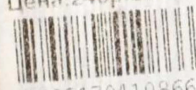
Рудольф Пихоя — заслуженный деятель науки РФ, в 1990—1995 гг. — руководитель Государственной архивной службы России, главный государственный архивист; с 1997 г. — заведующий кафедрой истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Его книга — первое в отечественной исторической науке исследование власти в период 1985—2005 гг., когда произошел кризис и гибель сверхдержавы, когда складывалась новая Россия, ее политический и социально-экономический строй. В книге впервые исследована роль групповых противоречий внутри правящей элиты в СССР и их влияние на политическое развитие страны. Особый интерес для читателя представляют проведенный автором анализ причин распада СССР, а также проблемы развития России в 1992—2005 гг. — прежде всего проблемы острейшего конституционного кризиса и борьбы между советской и президентской моделями будущей власти, которая привела к кровавым столкновениям в октябре 1993 г.

Книга подготовлена на основе архивных материалов, документов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, Министерства иностранных дел, Верховного Совета Российской Федерации, других документальных источников, отражающих деятельность высших органов власти. Абсолютное большинство документов впервые введены автором в научный оборот.

Пихоя Москва Кремль 1995-2005

Цена 248р 00к

9785170410866 02 08 07

9 785170 410866